

Вальтер
Скотт

Вальтер Скотт

С О Б Р А Н И Е   С О Ч И Н Е Н И Й

в двадцати томах

Под общей редакцией

Б. Г. РЕИЗОВА, Р. М. САМАРИНА,

Б. Б. ТОМАШЕВСКОГО

Издательство

«ХУДОЖЕСТВЕННАЯ ЛИТЕРАТУРА»

Москва 1964 Ленинград

Вальтер Скотт

СОБРАНИЕ СОЧИНЕНИЙ

том четырнадцатый

ПЕВЕРИЛ ПИК

Перевод с английского

М. И. БЕККЕР

и

Н. Л. ЕМЕЛЬЯННИКОВОЙ

Издательство

«ХУДОЖЕСТВЕННАЯ ЛИТЕРАТУРА»

Москва 1964 Ленинград

И ~~(издание)~~

С-44

WALTER SCOTT
PEVERIL OF THE PEAK

Редакция перевода

В. Е. Шора

Комментарии

Н. А. Егуновой

и М. Б. Рабиновича

ПЕВЕРИЛ ПИК

ВВЕДЕНИЕ

Если бы я ценил свою репутацию, чего, так сказать, требует от меня благоразумие, я мог бы теперь подвести черту и остаться до конца дней своих или (кто знает?), быть может, и на несколько лет после смерти «изобретательным автором» «Уэверли». Однако я так же мечтал о подобного рода бессмертии, которого могло бы хватить лет на двадцать или тридцать, как Фальстаф мечтал быть выпотрошенным, что обещал ему после битвы при Шрусбери его патрон принц Уэльский: «Выпотрошат! Если меня сегодня выпотрошат, то завтра я тебе разрешаю посолить меня и съесть!»

Если бы меня лишили возможности писать романы, то мне на склоне лет пришлось бы искать себе другое занятие, а между тем я едва ли мог бы выучиться новым фокусам, которые, как гласит пословица, дряхлеющим собакам уже не даются. Кроме того, мне пришлось бы узнать от публики, что моя навязчивость ей неприятна, и пока меня еще терпели, я чувствовал, что достиг той степени славы, которой так усердно домогался. Память моя хранила множество наблюдений, относящихся к истории и местным преданиям, и в глазах публики я стал таким же

неизбежным злом, как пресловутый попрошайка арестант, который пользуется расположением людей, быть может, только потому, что они во время своих ежедневных прогулок мимо богадельни привыкли подавать ему милостыню. Общее правило не подлежит никакому сомнению — все люди стареют, все люди должны одряхлеть; но люди заурядного ума, хотя и знают это общее правило, не желают признавать, что и они подвержены каким-то слабостям. Впрочем, едва ли следует ожидать, чтобы они могли сами предусмотреть последствия апоплексического удара, постигшего архиепископа Гранадского, и они не прочь оставить без внимания как случаи простой небрежности или неудачи то, что другие могли бы счесть за признаки смертельного недуга. У меня был только один выход, а именно — совершенно отложить в сторону перо, употребление коего в моем возрасте уже вошло в привычку, или продолжать следовать его прихотям до тех пор, покуда публика без обиняков объявит, что больше во мне не нуждается, — намек, который я вполне мог услышать и который решил принять сразу, не ожидая повторения. Поясню свою мысль читателю: за подобный намек я принял бы равнодушие литературного мира к опубликованию нового романа автора «Уэверли».

На выбор сюжета настоящего труда оказало влияние одно случайное обстоятельство. Минуло уже несколько лет с тех пор, как мой младший брат, Томас Скотт, уже упоминавшийся в этих заметках, провел некоторое время на острове Мэн и, имея доступ к хроникам этой любопытной страны, сделал из них множество выписок, которые дал мне просмотреть. Эти бумаги попали ко мне в то время, когда мой брат намеревался употребить их для литературного произведения, не помню уже, для какого именно; но он так и не пришел к окончательному решению на этот счет, а потом ему надоело заниматься переписыванием. При переездах, к которым вынуждает военная служба, бумаги, по-видимому, пропали. Однако общее содержание этих заметок, или, вернее, содер-

жание наиболее примечательных из них, запечатлелось в памяти автора.

Интересная и романтическая история Уильяма Кристиана особенно поразила мое воображение. Я обнаружил, что этому человеку, а также его отцу уделено чрезвычайно много места в некоторых летописях острова Мэн, хранившихся у графа Дерби и опубликованных в «*Desiderata Curiosa*» доктора Пэка. Уильям Кристиан, сын Эдуарда, некогда губернатора острова, впоследствии был одним из двух демпстеров, или верховных судей. Отец и сын принадлежали к «партии островитян» и боролись против некоторых феодальных привилегий, на которые претендовал граф Дерби по праву короля острова Мэн. Когда граф был казнен в Боултон-ле-Муре, капитан Кристиан возглавил круглоголовых (если можно их так назвать) и нашел средство войти в сношения с флотом, посланным парламентом. Восставшие жители Мэна сдали остров парламенту. Отважная графиня и ее сын были взяты под арест и заключены в тюрьму, где их держали долгое время и обращались с ними очень скверно. После реставрации монархии графиня, носившая титул вдовствующей королевы острова Мэн, схватила Уильяма Кристиана и велела предать его суду и казнить по законам острова за то, что он сверг с престола свою властительницу и бросил ее в тюрьму вместе с сыном. Сочинители и читатели романов, вероятно, согласятся, что судьба Кристиана, а также противоположность его характера характеру умной, но мстительной графини Дерби, прославившейся в годы гражданских войн доблестной защитой Лейтем-хауса, составляют интересный предмет для повести. Я, однако же, лишь кратко упомянул о смерти Уильяма Кристиана, о точке зрения Карла II на это превышение феодальных привилегий, а также о значительном штрафе, наложенном им на имения Дерби за нарушение юрисдикции, в котором была виновна графиня. Равным образом я не высказывал своего мнения по поводу справедливости или несправедливости этого деяния, о котором жители острова по сей день судят либо в зависимости от степени своей

близости к семейству казненного, либо в зависимости от того обстоятельства, кому они, вспоминая те смутные времена, оказывают предпочтение — кавалерам или круглоголовым. Я не считаю, что оскорбил память этого джентльмена или задел честь кого-либо из его потомков; в то же время я в настоящем издании романа дал возможность представителю этого рода сказать в защиту своего предка все, что он считает необходимым, и изложение его слов читатель найдет в примечаниях,¹ на страницах которых мистер Кристиан просил уделить ему место. Я не мог поступить иначе, принимая во внимание учтивость и благородство, с которыми он говорил о своих чувствах к предкам, в равнодушии к коим нельзя обвинить ни одного шотландца.

С другой стороны, мистер Кристиан справедливо жалуется на то, что Эдуард Кристиан, выведенный в романе в качестве брата джентльмена, казненного по произволу графини, изображен как гнусный негодяй, отвращение и ненависть к которому смягчаются лишь его остроумием и смелостью. Автор не имел в виду никаких личных намеков. Эдуарда Кристиана, фигурирующего в повести, в действительности не было, он создан лишь воображением автора. Комментаторы, вполне естественно, отождествили его с братом Уильяма Кристиана по имени Эдуард, который умер в 1650 году, после семи- или восьмилетнего заключения в темнице замка Пил. Узнать что-либо о нем мне не удалось, а поскольку я не имел ни малейшего понятия о его существовании, вряд ли можно говорить, что я очернил его доброе имя. В мое оправдание достаточно сказать, что в ту пору, когда происходили описанные мною события, жил человек по имени Эдуард Кристиан. О том, «с кем связан он и кем рожден на свет», мне не известно ровно ничего, но он, как мы знаем, был замешан в таких предприятиях, которые дают основание заподозрить его в любых неблагоприятных поступках. Дело в том, что 5 июня 1680 года Томас Блад (известный похититель

---

¹ В настоящем издании эти примечания опущены.

короны), *Эдуард Кристиан*, Артур О'Брайен и другие были признаны виновными в покушении на жизнь и честь знаменитого герцога Бакингема; однако тот Эдуард никак не мог быть братом Уильяма Кристиана, ибо брат последнего умер в 1650 году. Далее: я бы, разумеется, не нарек одно из действующих лиц своего романа Эдуардом, если бы предположил, что это имя может быть связано с каким-либо ныне здравствующим семейством, носящим родовое имя Кристианов. Все эти генеалогические соображения подробно рассматриваются в примечаниях.

В предыдущих изданиях этого романа мне следовало упомянуть, что Шарлотта де ла Тремуиль, графиня Дерби, которая изображена католичкой, была на самом деле гугеноткой. Представив эту благородную даму в ложном свете, я могу оправдаться только словами Луцио: «Просто я болтал так, в шутку». В повесть, большая часть которой заведомо представляет собою вымысел, автор волен вводить такие отклонения от действительности, которых требует сюжет, или такие, которые делают сюжет более выразительным, под каковую категорию и подпадает вероисповедание графини Дерби во время папистского заговора. Боюсь, что если я чрезмерно превысил права и вольности сочинителя романов, это был не единственный и отнюдь не самый важный случай, когда я поступал подобным образом. Если позволить себе сравнить великое с малым, у доблестной графини гораздо меньше оснований обвинять меня в клевете, нежели у тех, кому после смерти Вергилия вздумалось бы обвинять его в клевете на Дидону.

Характер Фенеллы, который своим своеобразием произвел благоприятное впечатление на публику, далеко не оригинален. Мысль о подобном существе внушил мне очаровательный силуэт Миньоны из «*Wilhelm Meisters Lehrjahre*»¹ Гёте. Однако копия весьма отличается от моего великого оригинала; далее, меня нельзя обвинить и в том, будто я заимствовал

---

¹ «Годы учения Вильгельма Мейстера» (нем.).

что-либо, кроме общего замысла, у писателя, составляющего гордость своего отечества и образец для писателей других стран, которые должны почитать за великую для себя честь, если они хоть чем-нибудь ему обязаны.

Семейное предание снабдило меня двумя эпизодами, до некоторой степени сходными с тем, о котором идет речь. Первый из них содержится в отчете об одной тяжбе, извлеченном из шотландских судебных хроник.

Второй — в истинности которого издатель не имеет оснований сомневаться, ибо часто слышал о нем от очевидцев, — относится к способности женщины хранить тайну (что насмешники считают невозможным), даже в том случае, если тайна заключается в самой способности говорить.

В середине восемнадцатого века к дому мистера Роберта Скотта, прадеда автора этих строк, зажиточного фермера в Роксберишире, подошла неизвестная женщина и знаками объяснила, что просит приюта на ночь, каковой, согласно обычаю тех времен, ей охотно предоставили. Наутро окрестности покрылись снегом, и уйти странница не смогла. Она прожила в доме много дней, ибо расходы на лишнего человека в большой семье были незаметны. К тому времени, когда стало теплее, она научилась при помощи знаков объясняться с членами семьи и дала им понять, что хочет остаться у них и в оплату за свое содержание прясть или выполнять другую работу. В те времена подобное соглашение отнюдь не было в диковинку, и немая работница вскоре сделалась полезным членом патриархального семейства. Она была искусной пряхой, вязальщицей и чесальщицей шерсти, но главное ее мастерство заключалось в умении кормить и выхаживать домашнюю птицу. Особенный свист, которым она сзывала кур, гусей и уток, был таким пронзительным, что все считали, будто его может издавать только фея или волшебница, а никак не человеческое существо.

Так странница прожила в доме три или четыре года, и никто не подозревал, что она вовсе не убо-

гая немая женщина, какой всегда казалась. Но в минуту испуга она сбросила маску, которую так долго носила.

Однажды в воскресенье вся семья отправилась в церковь, за исключением немой Лиззи — считалось, что она из-за своей немощи не может найти отрады в богослужении, и потому ее оставили караулить дом. И вот, когда Лиззи сидела на кухне, озорной пастушок, вместо того чтобы пасти на лугу стадо, как было ему велено, прокрался в дом — то ли посмотреть, нельзя ли там чем-нибудь поживиться, то ли просто из любопытства. Внимание мальчика привлекла какая-то безделушка, и, думая, что никто его не видит, он протянул руку, чтобы ее схватить. Немая кинулась к нему и, от неожиданности забыв свою роль, очень громко и внятно произнесла на шотландском диалекте: «Ах ты, дьяволенок ты этакий!» Мальчик, испуганный скорее неожиданным поведением Лиззи, нежели тем, что был уличен в мелкой краже, в смятении помчался в церковь с невероятной новостью: немая заговорила!

Семейство в изумлении поспешило домой, но убедилось, что их жилища вновь погрузилась в свое обычное молчание, объясняется только знаками и, таким образом, решительно опровергает слова пастушка.

С этого дня у членов семьи пропало всякое доверие к их немой или, вернее, молчаливой гостье. Обманщице ставили всевозможные ловушки, но она искусно их избегала; возле нее то и дело неожиданно стреляли из ружей, но никто ни разу не видел, чтобы она вздрогнула. Однако Лиззи, очевидно, надоело это недоверие, ибо в одно прекрасное утро она исчезла так же неожиданно, как и появилась, не утруждая себя прощальными церемониями.

Говорят, будто Лиззи видели по ту сторону английской границы, причем она в совершенстве владела даром речи. Действительно ли это было так — мои собеседники узнать не пытались, равным образом и я не мог удостоверить истинность этого происшествия. Пастушок стал взрослым мужчиной и продолжал

утверждать, что немая с ним разговаривала. По какой причине эта женщина так долго носила столь же ненужную, сколь и тягостную личину, так никто никогда и не узнал. Быть может, это было какое-то помрачение ума. Могу только добавить, что я имею все основания считать приведенный здесь рассказ совершенно достоверным, и он может послужить параллелью к вымышленной истории Фенеллы.

Эбботсфорд, 1 июля 1831 года

Глава I

Зверел в дни смуты род людской,
Объят бессмысленной враждой;
Всех грызла зависть, страх-злодей
Друг с другом срамливал людей

Батлер¹

Вильгельм, завоеватель Англии, был (или по крайней мере считал себя) отцом некоего Вильгельма Певерила, который сопровождал его в битве при Гастингсе и там отличился. Свободомыслящий монарх, с полным на то основанием именовавший себя в своих хартиях Гвилельмом Бастардом, едва ли счел бы незаконное происхождение своего сына достаточной причиной для того, чтобы лишить одного своих королевских милостей — ведь в те времена завоеватель-норманн диктовал Англии законы и по своему благоусмотрению распоряжался землями саксов. Вильгельм Певерил был наделен обширными поместьями в графстве Дерби и воздвиг ту готическую крепость, которая высится над входом в столь хорошо знакомую путешественникам Чертову пещеру и дает соседней деревне имя Каслтон.

---

¹ Стихотворные переводы, кроме особо оговоренных, выполнены И. Комаровой.

От этого феодального барона, который выбирал место для своего горного убежища, как выбирает место для гнезда орлица, и построил его, как выразился один ирландец по поводу башен Мартелло, с единственной целью удивить потомство, в том же графстве Дерби ведет свою родословную (которая, впрочем, весьма темна) богатый рыцарский род. В бурные времена короля Иоанна обширное поместье Каслтон с прилегающими к нему лесами, пустошами и всеми достопримечательностями было отобрано у тогдашнего Вильгельма Певерила и пожаловано лорду Феррерсу. Однако потомки этого Вильгельма, лишенные имения, будто бы искони принадлежавшего их роду, еще долгое время носили славное имя Певерилов Пиков, которое должно было указывать на их высокое происхождение и горделивые притязания.

В царствование Карла II представителем этого древнего рода был сэр Джефри Певерил, человек, у коего можно было найти множество обычных свойств старинного помещика, но очень мало личных особенностей, которые выделяли бы его из этого достойного разряда рода человеческого. Он кичился незначительными преимуществами, сетовал на мелкие невзгоды; неспособен был ни на какое решение или мнение, независимое от владевших им предрассудков; гордился своим происхождением; был расточителен в домашнем обиходе; приветлив с теми родичами и знакомыми, которые признавали, что он выше их по рождению; обидчив и нетерпим ко всем, кто не считался с его претензиями; милостив к беднякам — кроме тех случаев, когда они охотились на его дичь; был роялистом по своему политическому образу мыслей и одинаково ненавидел круглоголовых, браконьеров и пресвитериан. Что до религии, то сэр Джефри был приверженцем Высокой церкви, и его незаурядное рвение внушило многим мысль, будто он втайне все еще придерживается римско-католических догматов, от которых его семейство отказалось лишь при его отце, и будто он получил позволение только внешне соблюдать обряды протестантской веры. По крайней мере среди пуритан шла такая молва, а явное влияние,

которым сэр Джефри Певерил пользовался у католиков, владевших поместьями в Дербишире и Чeshire, казалось, подтверждало эти слухи.

Таков был сэр Джефри, и он сошел бы в могилу, не оставив по себе иной памяти, кроме медной таблички в алтаре, если бы время, в которое он жил, не побуждало к действию самые ленивые умы, — подобно тому, как порывы бури волнуют воды самого тихого озера. Когда разразились гражданские войны, Певерил Пик, гордый своим происхождением и храбрый от природы, набрал полк в защиту короля и неоднократно сумел выказать на деле такие способности к командованию, каких прежде никто в нем не подозревал.

В самый разгар междоусобий он влюбился в прекрасную и добродетельную девицу из благородного дома Стэнли, женился, и с той поры соблюдение верноподданнического долга стало для него особенною заслугой, ибо оно разлучало его с молодой женою, лишь на короткое время позволяя ему возвращаться в родной дом. Презрев соблазны домашнего очага, отвлекающие от выполнения воинского долга, Певерил Пик несколько лет доблестно сражался на полях гражданской войны, до тех пор, покуда полк его не был захвачен врасплох и разбит наголову Пойнтсом, предприимчивым и удачливым начальником кавалерии Кромвеля. Поверженный роялист спасся бегством и, как истый потомок Вильгельма Завоевателя, не желая покоряться, устремился в свой укрепленный замок, который подвергся беспорядочной осаде — одной из тех, что в смутные времена междоусобий разрушили множество феодальных твердынь. Замок Мартиндейл, жестоко пострадавший от осадных орудий, которые выставил против него сам Кромвель, в конце концов вынужден был сдаться. Сэр Джефри был взят в плен и получил свободу лишь после того, как дал слово хранить верность республике, причем за свои прежние преступления, как назвала его действия правящая партия, был строго наказан штрафом и конфискацией.

Однако ни вынужденное обещание, ни страх перед дальнейшими неприятными последствиями как для него самого, так и для его имущества не помешали Певерилу Пику присоединиться к доблестному графу Дерби в ночь накануне роковой схватки в Уигган-лейне, где войско графа было рассеяно. После поражения сэра Джеффри, которому тоже порядком досталось в этом бою, вместе с остатками роялистских войск спастись от разгрома и бежал под знамена Карла II. В битве при Вустере, закончившейся полным разгромом короля, он вторично попал в плен, а так как в глазах Кромвеля он был одним из тех, кого в ту пору называли закоренелыми врагами республики, ему угрожала опасность разделить участь графа Дерби и после того, как он делил с графом превратности двух сражений, взойти вместе с ним на эшафот в Боултон-ле-Муре. Но жизнь сэра Джеффри была спасена благодаря вмешательству одного друга, который пользовался влиянием у Оливера. Это был некий мистер Бриджнорт, человек незнатного рода; отец его во время мирного царствования Иакова I преуспел в торговых делах и оставил сыну порядочное состояние, а также небольшое поместье, в свою очередь доставшееся ему по наследству.

Прочный, хотя и небольшой, кирпичный дом, называвшийся Моултрэсси-Холл, был расположен всего в двух милях от замка Мартиндейл, и юный Бриджнорт ходил в одну школу с наследником Певерилов. В школьные годы они сблизились и даже подружились, тем более что Бриджнорт, хоть в глубине души и не признавал притязаний сэра Джеффри на превосходство в такой степени, в какой этого требовало тщеславие последнего, все же, будучи человеком благоразумным, оказывал должное уважение потомку рода, намного более древнего и знатного, чем его собственный, и отнюдь не почитал это для себя унижительным.

Однако, как ни велико было почтение мистера Бриджнорта, оно все же не заставило его во время гражданской войны последовать за сэром Джеффри. Напротив, будучи деятельным мировым судьей, он

помогал набирать отряды ополчения в помощь парламенту и некоторое время сам стоял во главе одного из таких отрядов. Причиной тому были отчасти его религиозные взгляды (он был рьяным пресвитерианином), отчасти же мнения политические — не будучи совершенным демократом, он в великой государственной распре склонялся на сторону народа. Кроме того, он, как человек состоятельный, не упускал из виду свои мирские интересы. Он умел пользоваться возможностями, которые предоставляла гражданская война, чтобы умножить свое состояние ловким употреблением капитала, и очень скоро понял, что для этого лучше всего поддержать парламент, ибо принадлежность к королевской партии сулила богатым людям одни лишь высокие налоги и принудительные займы. Вот почему Бриджнорт сделался убежденным круглоголовым, и дружеские связи между ним и его соседом прервались. Это никого особенно не огорчило, ибо во время гражданской войны сэр Джефри почти непрерывно находился на поле боя, разделяя переменчивую и несчастливую судьбу своего государя, в то время как майор Бриджнорт, вскоре оставивший военную службу, большею частью жил в Лондоне и лишь изредка наезжал в Моултрэсси-Холл.

В одно из таких посещений он, к большой своей радости, узнал, что леди Певерил была очень добра к его жене и даже предоставила ей с семьею убежище в замке Мартиндейл, когда отряд буйной конницы принца Руперта угрожал разграблением Моултрэсси-Холлу. Это знакомство постепенно перешло в дружбу, ибо благодаря близкому соседству леди Певерил часто гуляла вместе с миссис Бриджнорт, которая почитала большою честью для себя общество столь знатной дамы. Весть об их дружбе очень обрадовала майора Бриджнорта, и он решил отблагодарить леди Певерил, употребив все свое влияние — по возможности без ущерба для себя — в защиту ее несчастного супруга. Жизнь сэра Джефри после битвы при Вустере была спасена главным образом благодаря посредничеству майора Бриджнорта. При уплате контрибуции он выхлопотал для него льготные

условия, которыми не пользовались многие далеко не столь закоренелые враги республики, а когда наконец для уплаты этой контрибуции сэру Джеффри пришлось продать значительную часть своего родового поместья, майор Бриджнорт сам его приобрел, причем по такой цене, какой при упомянутых обстоятельствах не дал бы кавалеру-роялисту никто из членов комитета по секвестрации. Правда, в этой сделке расчетливый майор не забывал и о собственной выгоде, ибо цена, в сущности, была весьма умеренной, а земля примыкала к Моултрэсси-Холлу, ценность которого благодаря этой покупке по меньшей мере утроилась. Правда и то, что, пожелай Бриджнорт, подобно другим членам комитета, воспользоваться вполне всеми преимуществами своего положения, злосчастному рыцарю пришлось бы согласиться и на худшие условия, и майор ставил себе в заслугу (основательность чего признавали и другие) то обстоятельство, что он в этом случае принес свою выгоду в жертву великодушию.

Сэр Джеффри Певерил и сам так думал, тем более что мистер Бриджнорт ничуть не кичился своим возвышением и блеск его теперешнего преуспевания не мешал ему выказывать рыцарю прежнюю почтительность. Справедливость требует заметить, что майор Бриджнорт относился с уважением не только к претензиям своего униженного соседа, но и к его несчастьям и что с искренним великодушием простого англичанина он соблюдал светские церемонии, к которым сам был безразличен, лишь потому, что это, как он видел, доставляло удовольствие сэру Джеффри.

Воздавая должное деликатности своего соседа, Певерил Пик о многом забывал. Он забывал о том, что майор Бриджнорт владел уже доброй третью его имения и что по крайней мере еще одна треть находилась в денежной зависимости от майора. Он даже старался забыть о еще более неприятном обстоятельстве, а именно о тех знаменательных переменах, которые постигли не только их самих, но и их усадьбы.

До начала гражданской войны гордые стены и башни замка Мартиндейл подавляли своим великоле-

нием красный кирпичный фасад Моултрэсси-Холла, едва видневшийся из-за зеленых зарослей; так выглядел бы могучий мартиндейлский дуб рядом с одним из низкорослых подстриженных вязов, какими Бриджнорт украсил аллею, ведущую в его имение; но после упомянутой нами осады дом майора был перестроен и увеличен, и теперь обгорелые руины замка, сохранившего лишь один жилой флигель, являли в окружающем ландшафте зрелище столь же печальное, сколь мрачным казался бы возле буйно разросшегося молодого деревца тот же старый дуб, если бы молния, расщепив его ствол, разбросала по земле обугленные ветви, а сам он, безлистый и мертвый, уродливым черным обрубком торчал в небе. Сэр Джеффри не мог не почувствовать, что перемена в его судьбе и судьбе Бриджнорта, равно как и перемена в наружном виде обеих усадеб, была не в его пользу, и хотя на этот раз сосед его употребил свое влияние парламентского чиновника и члена комитета по секвестрации, чтобы защитить кавалера и врага республики, влияние это с таким же успехом могло бы способствовать полному его разорению и он стал теперь лицом покровительствуемым, тогда как сосед его возвысился до положения покровителя.

Два обстоятельства, помимо необходимости покориться судьбе и настойчивых увещаний супруги, помогали Певерилу Пику довольно терпеливо сносить это унижение. Первое заключалось в том, что политический образ мыслей майора Бриджнорта стал во многом приближаться к его собственному. Как пресвитерианин, Бриджнорт никогда не был непримиримым врагом монархии, и неожиданный суд и расправа над королем сильно его потрясли; как человек штатский и к тому же состоятельный, он опасался власти военных; и хотя он не желал насильственного восстановления монархии, однако же готов был согласиться, что возведение на престол наследника королевской фамилии на условиях, гарантирующих защиту тех гражданских прав и привилегий, за которые Долгий парламент ратовал вначале, было бы самым

верным средством положить желанный конец терзавшей Англию государственной смуге. Взгляды майора на этот предмет так мало отличались от взглядов его соседа, что он чуть было не дал сэру Джеффри, неизменному участнику почти всех роялистских заговоров, вовлечь себя в неудачное восстание Пенраддока и Гроувза на западе, в коем были замешаны как многие пресвитериане, так и сторонники партии кавалеров-роялистов. И хотя природное благоразумие майора Бриджнорта в конце концов уберегло его от этой опасности, равно как и от многих других, тем не менее в последние годы господства Кромвеля и следовавшего затем междуцарствия он считался недоброжелателем республики и приверженцем Карла Стюарта.

Однако, кроме сходства политических мнений, еще одно обстоятельство благоприятствовало сближению обитателей Мартиндейла и Моултрэсси. Майора Бриджнорта, на редкость счастливого в деловых предприятиях, преследовали несчастья в семье, что привлекло к нему сочувствие разоренного и обездоленного соседа. За время от начала гражданской войны до реставрации он потерял одного за другим шестерых детей, которые по причине слабого здоровья умирали в том раннем возрасте, когда они милее всего сердцу родителей.

К началу 1658 года майор Бриджнорт был бездетным, но в конце этого года у него появилась дочь, рождение которой куплено было, однако, ценою жизни любимой жены, чьи силы подорвало горе, а также неотступная тревожная мысль о том, что именно от нее умершие дети унаследовали слабость здоровья, не позволявшую им переносить тяготы земного бытия. Дружеский голос леди Певерил, поведавший Бриджнорту, что он стал отцом, вслед за тем сообщил ему печальную весть о смерти супруги. Горе майора Бриджнорта было глубоким и сильным, и он погрузился в мрачное оцепенение, из коего несчастного вдовца не могли вывести ни утешения его духовного наставника, ни дружеские заботы сэра Джеффри, который не оставил своего соседа в столь печальных

обстоятельствах, хотя и знал, что при этом ему не избежать встречи с пресвитерианским пастором.

Наконец леди Певерил с женской изобретательностью, еще более усиленной зрелищем отчаяния и жалостью, решила прибегнуть к одному из тех испытанных средств, которые часто помогают страдальцам дать горю выход в слезах. Она положила на руки Бриджнорту дитя, чье рождение стоило так дорого, горячо убеждая его в том, что его Алиса не умерла, что она продолжает жить в беспомощном младенце, оставленном ею на попечение отца.

— Уберите! Уберите ее прочь! — проговорил несчастный, и это были первые произнесенные им слова. — Я не хочу ее видеть: это еще один цветок, обреченный на увядание, а дерево, которое его породило, не расцветет больше никогда.

Он чуть ли не бросил ребенка на колени леди Певерил, закрыл лицо руками и зарыдал. Леди Певерил не стала его утешать; однако она отважилась возразить, что цветок распустится и принесет плоды.

— Никогда, никогда! — вскричал Бриджнорт. — Возьмите это несчастное дитя и известите меня, когда придет пора надеть по ней траур... Надеть траур? — прервал он вдруг самого себя. — Разве не осужден я носить его до конца дней своих?

— Я на некоторое время возьму малютку к себе, раз вам так тяжело ее видеть, — сказала леди Певерил, — и маленькая Алиса будет жить в детской вместе с нашим Джулианом до тех пор, пока вы не научитесь смотреть на нее с радостью, а не с печалью.

— Этому не бывать, — ответил несчастный отец, — судьба ее предрешена: она последует за остальными — такова воля божия. Благодарю вас, миледи, поручаю ее вашим заботам, и будь благословен господь за то, что мне не придется видеть ее предсмертных мучений.

Не задерживая дольше внимания читателя на сем горестном предмете, скажем сразу, что леди Певерил поистине заменила мать маленькой сиротке, и, быть может, именно ее разумное обращение с ребенком помогло разгореться искорке жизни, едва тлевшей

в слабеньком теле, — ведь эта искорка, наверное, угасла бы, если б, подобно остальным детям майора, новорожденная стала предметом чрезмерных забот и попечений беспокойной и нервической матери, напуганной многочисленными предшествующими утратами. Леди Певерил с тем большей готовностью взяла на себя эти заботы, что сама потеряла двоих детей, а сохранение здоровья третьего — прелестного трехлетнего мальчугана — приписывала тому, что Джулиан воспитывался по методу, совершенно отличной от повсеместно в то время принятых. Она решилась применить к маленькой сиротке ту же методику, которая и на этот раз блестяще оправдалась. Умеренное употребление лекарств, свободный доступ свежего воздуха, твердые, хотя и осторожные старания скорее поддержать, нежели подавить стремления природы привели к тому, что малютка, к которой была приставлена превосходная кормилица, постепенно набиралась сил и здоровья.

Сэр Джефри, подобно большинству людей искренних и великодушных, был от природы чадолюбив. Глубокое сочувствие горю соседа заставило его совершенно забыть, что тот — пресвитерианин, пока дело не дошло до крестин ребенка, каковой обряд должен был совершить пресвитерианский священник.

Это оказалось тяжким испытанием, ибо отец, очевидно, не способен был этим заняться, а мысль о том, что порог Мартиндейла осквернит нечестивая нога вероотступника, приводила в ужас правоверного баронета. При капитуляции замка сэр Джефри видел, как знаменитый Хью Питерс, держа в одной руке библию, а в другой пистолет, победоносно въехал в ворота, и горечь этой минуты до сих пор жгла ему сердце. Однако леди Певерил сумела сдержать верх над предубеждениями своего супруга и уговорила его согласиться, чтобы обряд совершился в отдаленной беседке, то есть, в сущности говоря, вне стен замка. Леди Певерил осмелилась даже присутствовать при обряде, исполнявшемся его преподобием Солсгрейсом, который однажды целых три часа читал проповедь в палате общин во время благодарственного молебна

по случаю снятия осады с Эксетера. Сэр Джеффри Певерил предусмотрительно уехал на весь день из замка, и лишь по тому интересу, который он выказал к уборке, окуливанию благовониями и, так сказать, очищению беседки, можно было догадаться, что ему известно о произошедшем там событии.

Однако, каково бы ни было предубеждение доброго рыцаря против веры соседа, оно нисколько не умаляло его сочувствия к тяжкому горю, постигшему последнего. Способ, каким он изъяснял свое соболезнование, был весьма своеобразен, но совершенно соответствовал характеру обоих и установившимся между ними отношениями.

Каждое утро добрый баронет, совершая прогулку пешком или на лошади, наведывался в Моултрэсси, чтобы сказать там слово утешения. Иногда он заходил в гостиную, где хозяин предавался мрачному уединению, но чаще всего (сэр Джеффри не претендовал на дар вести светскую беседу), осадив коня под решетчатым окном, обращался к печальному обитателю дома со следующей речью: «Как поживаете, мистер Бриджнорт? (Сэр Джеффри ни за что не желал величать соседа майором.) Я заехал подбодрить вас, дружище, и сказать вам, что Джулиан здоров, маленькая Алиса здорова и все в замке Мартиндейл здоровы».

Тяжкий вздох, изредка сопровождаемый словами: «Благодарю вас, сэр Джеффри, мое нижайшее почтение леди Певерил», — таков был обыкновенно ответ Бриджнорта. Однако эти вести принимались одной из сторон с тем же доброжелательством, с которым они передавались другою; постепенно они вызывали все меньше грусти и все больше интереса; решетчатое окно никогда не закрывалось, а стоявшее возле него кожаное кресло никогда не пустовало в обычный час короткого визита рыцаря. В конце концов ожидание этой встречи сделалось той осью, вокруг которой целый день вращались мысли несчастного Бриджнорта. Многие из нас в ту или иную пору своей жизни испытали на себе влияние этих коротких, но решающих мгновений. Мгновение, когда любовник

проходит мимо окна своей возлюбленной; мгновение, когда эпикуреец слышит звон обеденного колокола, — вокруг этого мгновения сосредоточиваются интересы целого дня; предшествующие часы проходят в нетерпеливом ожидании, последующие — в воспоминаниях о происшедшем, и воображение, останавливаясь на каждой мелкой подробности, превращает секунды в минуты, а минуты в часы. Так, одиноко сидя в своем кресле, Бриджнорт еще издали различал твердый шаг сэра Джеффри или тяжелую поступь его коня, Черного Гастингса, верного товарища на полях многих сражений; он слышал, как рыцарь напевал «Король опять свое вернет» или насвистывал «Висельники и круглоголовые», как звуки эти почтительно стихали по мере приближения к жилищу скорби и как затем зычный, бодрый голос охотника и воина произносил свое ежедневное приветствие.

Мало-помалу их встречи становились продолжительнее, ибо горе майора Бриджнорта, подобно всем человеческим чувствам, притупилось и больше не мешало ему интересоваться тем, что происходит вокруг, заниматься неотложными делами, а также размышлять о положении страны, раздираемой враждующими партиями, чьи распри суждено было пресечь лишь реставрации. Однако майор Бриджнорт, начинавший медленно оправляться от постигшего его удара, все еще никак не мог заставить себя повидать свою дочь; и хотя лишь небольшое расстояние отделяло майора от существа, жизнь которого была ему дороже всего на свете, он знал только окна комнаты, где жила маленькая Алиса, и часто смотрел с террасы, как они блестят в лучах заходящего солнца. По правде говоря, Бриджнорт, будучи во многих отношениях человеком большого ума, никак не мог отрешиться от мрачной уверенности, что и этот последний залог любви должен скоро уйти в могилу, которая уже поглотила все, что было ему дорого, и в страхе и отчаянии ожидал минуты, когда его известят о появлении первых признаков рокового недуга.

Голос Певерила продолжал приносить Бриджнорту утешение вплоть до апреля 1660 года, когда в голосе

этом внезапно послышались новые и совершенно иные нотки. В один прекрасный день под окнами Моултрэсси-Холла раздалось громкое пение «Король опять свое вернет», которому вторил торопливый стук подков Черного Гастингса, проскакавшего по мощеному двору, и сэр Джеффри, облаченный в стальной шлем и кольчугу, с дубинкою в руках, соскочил со своего высокого боевого седла, снова украшенного пистолетами в два фута длиною, и, весь раскрасневшись, сверкая глазами, ринулся в комнаты изумленного майора с криком: «Вставайте! Вставайте, сосед! Теперь не время хандрить у камина! Где ваша шпага и кафтан из буйволово́й кожи, дружище? Хоть раз в жизни сделайте правильный выбор и исправьте былые ошибки. Король — само милосердие, дружище, и умеет быть великодушным по-королевски. Я выхлопочу для вас полное прощение».

— Что все это значит? — спросил Бриджнорт. — Здоровы ли вы? Здоровы ли все в замке Мартиндейл, сэр Джеффри?

— Как нельзя лучше! И Алиса, и Джулиан, и все прочие. Но я привез вам новости в двадцать раз важнее. Монк выступил в Лондоне против этого вонючего Охвостья. Фэрфакс восстал в Йоркшире — на стороне короля, на стороне короля, дружище! Духовенство, пресвитериане и все прочие перешли на сторону короля Карла. Я получил письмо от Фэрфакса с приказом удерживать Дербь и Честерфилд, собрав всех, кого только можно. Это от него-то я должен теперь получать приказы, будь он проклят! Но нужды нет — теперь все друзья, и мы с вами, дорогой сосед, будем сражаться рядом, как и подобает добрым соседям. Вот! Читайте, читайте, читайте! А потом тотчас натягивайте сапоги и седлайте коня!

Ура — кавалерам! Погибель — врагам!

Дай боже, чтоб мы победили!

Трам-там-там, трам-там-там!

Станет жарко чертям,

А Кромвель подпрыгнет в могиле!

Отважный кавалер громогласно пропел этот изящный патриотический гимн, и тут сердце его переполнилось. Он упал в кресло и, воскликнув: «Думал ли я, что мне суждено дожить до этого счастливого дня!», залился слезами — к своему собственному удивлению и к не меньшему удивлению Бриджнорта.

Поразмыслив о смуте в государстве, майор Бриджнорт, подобно Фэрфаксу и другим вождям пресвитерианской партии, решил, что при сложившихся обстоятельствах, когда все звания и сословия, измученные неуверенностью, искали защиты от притеснений, сопровождавших бесконечные распри между приверженцами Уэстминстер-Холла и Уоллингфорд-хауса, самым мудрым и патриотическим шагом был бы открытый переход на сторону короля. Поэтому он присоединился к сэру Джеффри и совместно с ним, хотя и не с таким же восторгом, как последний, но с такою же искренностью, сделал все, что мог, для восстановления власти короля в своей округе, — что в конце концов и было достигнуто столь же успешно и мирно, как в остальных частях Англии. Оба соседа находились в Честерфилде, когда разнеслась весть, что король высадился в Англии, и сэр Джеффри тотчас же объявил, что намерен еще до возвращения в Мартиндейл представиться его величеству.

— Кто знает, вернется ли в замок Мартиндейл сэр Джеффри Певерил, — сказал он. — При дворе будут раздавать титулы, а ведь и я кое-что заслужил. Лорд Певерил — приятно звучит, как по-вашему, сосед? Или нет, постойте, лучше — граф Мартиндейл или граф Пик. А что до вас, можете положиться на меня. Уж я о вас позабочусь. Жаль, что вы пресвитерианин, сосед; титул рыцаря, а еще лучше — баронета, — вот что бы вам пригодилось.

— Заботу о сих предметах я предоставляю лицам вышестоящим, — сказал майор, — и желаю лишь одного: чтобы, когда я вернусь, в замке Мартиндейл все были здоровы.

— Вы непременно найдете их всех в добром здравии, — отвечал баронет, — Джулиана, Алису, леди Певерил и всех прочих. Передайте им мой поклон, поце-

луйте их всех, сосед — и леди Певерил и всех остальных. Быть может, после моего возвращения окажется, что вы целовали графиню. Теперь, когда вы сделались честным слугою отечества, ваши дела пойдут хорошо.

— Я всегда считал себя таковым, сэр Джефри, — холодно возразил Бриджнорт.

— Ну, ну, я не хотел вас обидеть, — проговорил рыцарь, — теперь все отлично. Итак, вы держите путь в Моултрэсси-Холл, а я в Уайтхолл. Недурно сказано, как по-вашему? Да, прикажите-ка подать кувшин канарского! Надо выпить перед отъездом за здоровье короля! Впрочем, я и забыл, сосед, что вы не пьете ни за чье здоровье.

— Я желаю королю здоровья так же искренне, как если бы я выпил за него целый галлон вина, — отвечал майор, — а вам, сэр Джефри, желаю всяческих успехов в вашем путешествии, а также благополучного возвращения.

Глава II

Коль пир, так пир! Пускай грохочут бочки,
Стреляют пробки, вертелы сверкают,
Пусть кровь течет рекой — ведь это кровь
Овец, оленей и домашней птицы;
И к той реке кровь доблестного сердца
Добавит Джон Ячменное Зерно!

Старинная пьеса

Какими бы наградами ни удостоил Карл Певерила Пика за перенесенные им тяготы, ни одна из них не могла идти в сравнение с тем даром, какой провидение уготовало майору Бриджнорту, когда последний возвратился в графство Дерби. Как это обыкновенно случается, труды, к которым его призывали, до некоторой степени восстановили природную энергию майора, и он чувствовал, что теперь ему уж не пристало вновь погружаться в прежнюю черную меланхолию. Время, по обыкновению своему, также утишило боль несчастного отца, и, проведя один

день дома в сожалениях о том, что он не может получать ежедневных вестей о здоровье дочери, которые прежде приносил ему сэр Джеффри, Бриджнорт решил, что было бы во всех отношениях прилично посетить замок Мартиндейл, передать леди Певерил поклон от супруга, уверить ее, что тот совершенно здоров, и осведомиться о здоровье своего ребенка. Он приготовился к худшему — вызвал в памяти впалые щеки, мутные глаза, исхудалые руки и бледные губы, свидетельствовавшие об угасающем здоровье всех остальных его детей.

«Я снова увижу все эти признаки смерти, — сказал он себе, — я снова увижу, как дорогое мне существо, коему я дал жизнь, близится к могиле, которой следовало бы прежде поглотить меня самого. Что ж! Человеку мужественному не подобает столь долго уклоняться от неизбежного. Да свершится воля божия!»

Итак, на следующее утро майор Бриджнорт отправился в замок Мартиндейл, где передал хозяйке долгожданную весть о том, что супруг ее пребывает в добром здравии и надеется на монаршие милости.

— За первое возношу хвалу всевышнему! — воскликнула леди Певерил. — Что же касается второго, да будет так, как пожелает наш всемилостивейший государь, ныне восстановленный на престоле. Состояния нашего более чем достаточно, дабы поддержать честь нашего рода, и нам вполне хватит средств, чтобы жить если не в роскоши, то в довольстве. Теперь, мой добрый мистер Бриджнорт, я вижу, как неблагоприятно верить в дурные предчувствия. Бесконечные старания сэра Джеффри действовать в пользу Стюартов слишком часто навлекали на него всевозможные бедствия, и поэтому, когда я однажды утром снова увидела на нем роковые воинские доспехи и услышала звуки давно умолкнувшей трубы, мне показалось, будто я вижу его одетым в саван и слышу звон погребального колокола. Я говорю вам это, любезный сосед, ибо опасаясь, что вас тревожит предчувствие надвигающейся беды, которую, надеюсь, господь бог отвратит от вас, как отвратил он ее от меня, и сейчас вы убедитесь в справедливости моих слов.

При этих словах дверь отворилась, и в комнату вошли двое прелестных малюток. Старший, Джулиан Певерил, красивый мальчуган лет четырех или пяти, с серьезным видом заботливо вел за руку крошечную полуторагодовалую девочку, которая, с трудом переступая ножонками, ковыляла за своим старшим, более сильным товарищем.

Бриджнорт с тревогой взглянул в лицо дочери, но даже и мгновенного взгляда было достаточно, чтобы он, к величайшей радости, мог убедиться в полной необоснованности своих опасений. Он взял ребенка на руки, прижал к груди, и девочка, вначале испуганная порывистыми ласками, вскоре, однако, словно следуя велению природы, улыбнулась ему в ответ. Майор еще раз отодвинул дочь от себя, посмотрел на нее пристально и убедился, что на щечках юного херувима, которого он держал в своих объятиях, играет не лихорадочное пламя недуга, а свежий, здоровый румянец и что, несмотря на хрупкое сложение, девочка растет цветущей и крепкой.

— Я не ожидал увидеть ничего подобного, — сказал он, глядя на леди Певерил, которая с радостью следила за этой сценой, — благодарю бога, а также и вас, сударыня, которую он избрал своим орудием.

— Теперь Джулиан должен будет, вероятно, расстаться со своею подружкой, — сказала леди Певерил, — но Моултрэсси-Холл недалеко от нас, и я надеюсь часто видеть мою маленькую воспитанницу. Ваша экономка Марта — женщина неглупая и старательная. Я объясню ей, как нужно обращаться с маленькой Алисой, и...

— Не дай бог, чтобы моя дочь когда-либо переступила порог Моултрэсси-Холла, — поспешно возразил майор Бриджнорт, — ведь он стал могилой всех ее близких. Болотный воздух оказался для них убийственным, или, быть может, над этим домом тяготеет рок. Я приищу для нее другое жилье.

— С вашего позволения, майор Бриджнорт, этому не бывать, — отвечала леди Певерил. — Поступи вы так, это значило бы, что вы не оценили моего умения растить детей. Если Алиса не поедет в свой родной

дом, она останется у меня. Это будет залогом ее благополучия и испытанием моего искусства; а коль скоро вы опасаетесь болотных испарений, я надеюсь, вы будете часто навещать ее сами.

Предложение леди Певерил пришлось как нельзя более по душе майору Бриджнорту. Он готов был отдать все на свете, чтобы девочка осталась в замке Мартиндейл, хотя никак не смел на это надеяться.

Всем нам известно, что члены семейств, долгое время страдавших от смертельных недугов, подобных тому, который преследовал семью майора, склонны, если можно так выразиться, с суеверным страхом ожидать губительных последствий заболевания и придают месту, обстоятельствам жизни и уходу гораздо более важности, нежели эти последние могут иметь для предотвращения роковой семейной болезни. Леди Певерил понимала, что именно такого мнения придерживался ее сосед и что его уныние, чрезмерная заботливость, лихорадочные опасения, мрачное одиночество, в котором он жил, могли и в самом деле способствовать несчастью, коего он так страшился. Она жалела его, она ему сочувствовала, она была преисполнена благодарности за поддержку, которую он оказал ее мужу, и, кроме того, она привязалась к ребенку. Какая женщина не питает привязанности к беззащитному существу, которое она выпестовала? В заключение следует добавить, что жена баронета, отнюдь не чуждая людского тщеславия и, будучи своего рода леди Баунтифул (в те времена эта роль не была еще уделом одних только глупых старух), гордилась искусством, с которым ей удалось предотвратить возможные приступы наследственного недуга, столь укоренившегося в семействе Бриджнортов. Быть может, в других случаях не потребовалось бы стольких объяснений человеколюбивого поступка соседки по отношению к соседу, но междоусобная война, совсем еще недавно терзавшая страну, разорвала все привычные связи доброго соседства и дружбы, и сохранение их между людьми, придерживающимися противоположных политических мнений, было делом весьма необычным.

Майор Бриджнорт чувствовал это и сам; и хотя слезы радости в глазах его свидетельствовали о том, как охотно он принял бы предложение леди Певерил, он все же счел своим долгом упомянуть о явных неудобствах ее плана. Правда, его возражения были произнесены тоном человека, который с удовольствием услышал бы, как их опровергают.

— Сударыня, — сказал он, — ваша доброта делает меня счастливейшим и благодарнейшим из смертных, но совместима ли она с вашим собственным удобством? Мнения сэра Джеффри во многом расходились и, вероятно, все еще расходятся с моими. Он человек знатного рода, тогда как я вышел всего лишь из среднего сословия. Он придерживается догматов Высокой церкви, я же признаю лишь учение служителей божьих, собравшихся в Уэстминстере...

— Надеюсь, ни одно из этих вероучений не утверждает, что я не могу заменить мать вашей сиротке, — возразила леди Певерил. — Я уверена, мистер Бриджнорт, что счастливое возвращение его величества, поистине содеянное рукою самого всевышнего, прекратит и успокоит все разделяющие нас гражданские и религиозные распри, и вместо того, чтобы доказывать превосходство нашей веры гонениями на инакомыслящих, мы постараемся доказать ее истинно христианскую сущность, стремясь превзойти друг друга в добрых делах, каковые служат лучшим доказательством нашей любви к господу.

— Вы говорите по велению своего доброго сердца, сударыня, — отвечал Бриджнорт, чей образ мыслей не был свободен от ограниченности его времени, — однако я уверен, что если бы все, кто называет себя верными королю кавалерами, разделяли мнения, коих придерживаетесь вы... а также мой друг сэр Джеффри, — последние слова он произнес после некоторой заминки и скорее из любезности, нежели искренне, — то мы, кто в прошедшие времена считали своим долгом поднять оружие за свободу совести и против произвола, могли бы теперь наслаждаться миром и довольством. Но как знать, что еще может

случиться? Среди вас есть беспокойные и горячие головы; не стану утверждать, что и мы всегда с умеренностью пользовались своей властью, а месть сладка сынам павшего Адама.

— Ах, майор Бриджнорт, — весело возразила леди Певерил, — эти предчувствия могут лишь накликать события, которые без них едва ли произойдут. Вспомните слова Шекспира:

...бежать от вепря — значит прямо
Его за нами гнаться заставлять
И зверя раздражать без всякой нужды.¹

Однако я должна просить у вас извинения — мы очень давно не встречались, и я забыла, что вы не жалуете пьес.

— При всем моем уважении к вам, миледи, — промолвил Бриджнорт, — я считал бы постыдным для себя, чтобы праздная болтовня бродячего актера из Уорикшира напоминала мне о долге и благодарности, коими я вам обязан: они велят мне повиноваться вам во всем, что позволяет мне совесть.

— Если вы приписываете мне такое влияние, — отвечала леди Певерил, — я постараюсь употребить его с умеренностью: пусть по крайней мере хоть моя власть внушит вам благоприятное мнение о новом порядке вещей. Итак, любезный сосед, если вы готовы на один день стать моим подданным, я намерена, согласно указаниям моего супруга и повелителя, в будущий четверг пригласить всех соседей на празднество в замок и прошу вас не только быть самому, но и убедить вашего почтенного пастора, а также ваших друзей и соседей высокого и низкого звания, которые разделяют ваши убеждения, встретиться с остальными окрестными жителями, дабы вместе отпраздновать счастливое восстановление монархии и доказать, что отныне мы все едины.

Сторонник парламента, Бриджнорт был немало смущен этим предложением. Он возвел очи горе, опустил их долу, огляделся вокруг, вперил свой взор

---

¹ Перевод А. Дружинина.

сначала в резной дубовый потолок, затем снова установился в пол, — после чего, окинув взглядом комнату, остановил его на своей дочери, вид которой внушил ему иные, более приятные мысли, нежели те, какие могли вызвать упомянутые части помещения.

— Сударыня, — сказал он, — я с давних пор чуждаюсь празднеств — отчасти из врожденной меланхолии, отчасти вследствие печали, естественной для одинокого и убитого горем человека, в чьих ушах звуки радости искажаются, подобно веселой мелодии, сыгранной на расстроенном инструменте. Но хотя моя натура и помыслы мои чужды бодрости и веселью, я обязан возблагодарить всевышнего за ту милость, которую он ниспослал мне через вас, миледи. Давид, муж, угодный господу, продолжал совершать омовения и вкушать хлеб свой, даже лишившись своего любимого детища; мое дитя возвращено мне, и разве не обязан я принести благодарение господу в счастии, коль скоро Давид явил смирение в скорби? Сударыня, я охотно принимаю ваше любезное приглашение, и те из моих друзей, на которых я имею влияние и чье присутствие может быть желанным для вас, миледи, будут сопровождать меня на торжество, дабы весь наш Израиль соединился в один народ.

Произнеся эти слова скорее с видом мученика, нежели гостя, приглашенного на веселый праздник, облобызав и торжественно благословив свою дочь, майор Бриджнорт отбыл в Моултрэсси-Холл.

Глава III

Не занимать нам глоток и желудков —
Достало бы веселья да еды!

Старинная пьеса

Даже в случаях самых заурядных и при полном достатке устройство большого пира в те дни не было таким легким делом, как ныне, когда хозяйке дома достаточно по своему усмотрению назначить прислуге

день и час праздника. В те простодушные времена хозяйке полагалось входить во все подробности; и с небольшой галереи, сообщавшейся с ее комнатами и расположенной прямо над кухней, то и дело раздавался ее громкий голос, который, подобно голосу духа, предупреждающего моряков о приближении бури, заглушал звон горшков и кастрюль, скрипенье вертелов, стук костей и сечек, перебранку поваров и все прочие звуки, сопровождающие приготовления к парадному обеду.

Но все эти труды и хлопоты более чем удвоились при устройстве праздника в замке Мартиндейл, где верховный гений торжества был почти совершенно лишен средств, необходимых для достойного приема гостей. Деспотизм мужей в подобных случаях распространен повсеместно, и среди знакомых мне глав семейств едва ли найдется хоть один, который бы вдруг, в самое неподходящее время не объявил своей ни в чем не повинной спутнице жизни, что он пригласил какого-то пренеприятного

Майора Гранпеті
Зайти часам к пяти, —

к величайшему смятению этой дамы, а быть может, даже и к позору для ее хозяйства.

Певерил Пик поступил еще более опрометчиво, ибо он велел своей жене созвать всех честных граждан округа в замок Мартиндейл на пир по случаю счастливого восстановления на престоле священной особы его величества, не объяснив как следует, откуда взять необходимые припасы. Олений заповедник был опустошен еще во время осады; голубятня никак не могла снабдить подобное пиршество; пруды, правда, кишели рыбой (что обитавшие по соседству пресвитериане считали весьма подозрительным обстоятельством), а многочисленные холмы и долины графства Дерби изобиловали дичью, однако все это могло служить лишь дополнением к парадному обеду, и управляющий с дворцовым, единственные помощники и советчики леди Певерил, никак не могли

придумать, где бы достать мяса на жаркое — наиболее существенную часть, так сказать основу всего пиришества. Дворецкий грозился принести в жертву упряжку добрых молодых волов, чему управляющий, ссылаясь на их важную роль в сельском хозяйстве, оказывал упорное сопротивление; и кроткая, покорная супружескому долгу леди Певерил не могла мысленно не посетовать на беспечность своего отсутствующего супруга, который весьма необдуманно поставил ее в столь затруднительное положение.

Эта досада едва ли была справедливой — ведь человек отвечает лишь за те свои решения, которые он принял вполне свободно. Верноподданнические чувства сэра Джеффри, равно как и многих других лиц, находившихся в том же положении, что и он, благодаря надеждам и страхам, победам и поражениям, борьбе и страданиям, которые вызваны были одною побудительной причиной и, так сказать, определялись одной исходной точкой, приняли характер сильной и всепоглощающей страсти; а поразительный и необычный поворот судьбы, не только удовлетворивший, но и далеко превзошедший самые смелые его надежды, вызвал на некоторое время опьянение верноподданническим восторгом, охватившее, казалось, всю страну. Сэр Джеффри виделся с Карлом и его братьями и был принят веселым монархом с тою изысканной и искренней любезностью, которою король располагал к себе всех, кто с ним встречался; заслуги и достоинства рыцаря были оценены сполна, и ему намекнули, хоть прямо и не обещали, что он будет вознагражден. Так неужели можно было ожидать, что Певерил Пик, пребывая на верху блаженства, станет заботиться о том, где его жена раздобудет баранину и говядину для угощения соседей?

Однако же, к счастью для озабоченной дамы, нашелся человек, достаточно предусмотрительный, чтобы догадаться об ее затруднении. В ту самую минуту, когда леди Певерил с большою неохотой решилась занять у майора Бриджнорта сумму, необходимую для выполнения указаний своего супруга, и горько сожалела об этом отклонении от своей обычной

строжайшей экономии, дворецкий (который, заметим кстати, после известия о высадке короля в Дувре еще ни разу не протрезвился) ворвался в комнату, щелкая пальцами и выказывая гораздо больше знаков восторга, нежели приличествовало в гостиной столь достойной леди.

— Что это значит, Уитекер? — с некоторою досадой спросила леди Певерил, ибо из-за этого вторжения ей пришлось прервать начатое письмо к соседу, содержащее неприятную для нее просьбу о займе. — Намерены ли вы отныне всегда вести себя подобным образом? Или вам что-нибудь приснилось?

— Мой сон предвещает удачу, — отвечал дворецкий, торжествующе взмахнув рукой, — и, смею надеяться, почище, чем сон фараона, хотя тоже насчет тучных коров.

— Прошу вас выражаться яснее или позвать кого-нибудь, кто сможет объяснить суть дела, — проговорила леди Певерил.

— Клянусь жизнью, сударыня, мои новости могут говорить сами за себя! — воскликнул дворецкий. — Разве вы не слышите, как они мычат? Разве вы не слышите, как они блеют? Пара жирных волов и десяток отличных баранов! Теперь замок обеспечен провиантом, и мы смело можем ожидать осады, а Гезерилу будет на чем вспахивать свое проклятое поле.

Не расспрашивая далее своего не в меру оживленного слугу, леди Певерил встала, подошла к окну и в самом деле увидела волов и баранов, которые вызвали ликование Уитекера.

— Откуда они взялись? — с удивлением спросила она.

— Пусть кто хочет ломает себе над этим голову, — отвечал Уитекер. — Погонщик был с запада; он сказал, что один друг прислал их, чтоб ваша милость могли приготовить пир; он ни за что не захотел остаться выпить, мне очень жаль, что он не остался выпить; умоляю вас, миледи, простите, что я не притащил его за уши выпить, да только я не виноват.

— В этом я готова присягнуть, — заметила леди Певерил.

— Клянусь богом, сударыня, уверяю вас, что я не виноват, — повторял усердный дворецкий, — я сам выпил за его здоровье кружку двойного эля, чтобы наш замок, не дай бог, не уронил своей репутации, хотя я успел уже с утра приложиться. Истинная правда, сударыня, клянусь богом!

— Полагаю, что это вас не очень затруднило, — сказала хозяйка, — но не думаете ли вы, Уитекер, что было бы гораздо лучше, если б вы в доказательство своей радости не так часто напивались и поменьше божились?

— Прошу прощения, миледи, — почтительно возразил Уитекер, — надеюсь, я свое место знаю. Я всего лишь покорный слуга вашей милости и понимаю, что мне не пристало пить и божиться так, как ваша милость, то есть, я хотел сказать, как его благородие сэр Джефри. Но только если я не стану пить и божиться, как полагается мне по званию, откуда люди будут знать, что я — управляющий Певерила Пика и, осмелюсь доложить, также его дворецкий — ведь с тех пор как старый Спиготс был убит на северо-западной башне с пивною кружкой в руке, у меня хранятся ключи от винного погреба. Как же, по-вашему, люди смогут отличить старого кавалера-роялиста вроде меня от какого-нибудь мошенника круглоголового, который только и знает, что поститься да читать молитвы, если мы не будем пить и божиться, как прилично нашему званию?

Леди Певерил промолчала, отлично зная, что слова ни к чему не поведут, а затем объявила дворецкому, что желает пригласить на торжественный обед лиц, поименованных в списке, который она ему вручила.

Вместо того чтобы принять список с молчаливой покорностью, как то свойственно нынешним мажордомам, Уитекер подошел к окну, надел очки и принялся его читать. Он пробормотал одобрительным тоном значившиеся вначале имена знатных кавалеров-роялистов округа, остановился и фыркнул, дойдя до имени Бриджнорта, однако тут же сказал: «Он

добрый сосед, его можно». Но, прочитав имя и фамилию Ниимайи Солсгрейса, пресвитерианского пастора, Уитекер совсем потерял терпение и заявил, что скорее бросится в Элдонский провал,¹ нежели допустит, чтобы этот наглый пуританский филин, захвативший кафедру правоверного священнослужителя, посмел осквернить замок Мартиндейл своим посланием или личным присутствием.

— Этим гнусным лопаухим лицемерам и без того довольно помогал попутный ветер! — воскликнул он, сопроводив свои слова крепкою бранью. — Теперь фортуна улыбается нам, и не будь я Ричард Уитекер, если мы не сведем с ними старые счета.

— Вы злоупотребляете своею долгой службой и отсутствием вашего господина, Уитекер. В противном случае вы не осмелились бы так говорить со мною, — сказала леди Певерил.

Хотя строптивый дворецкий был чрезвычайно возбужден, от него не укрылась несвойственная леди Певерил дрожь в голосе, и как только он заметил, что глаза ее засверкали, а щеки разгорелись, запальчивость его тотчас же остыла.

— Ах, чума меня побери, ведь я и в самом деле прогневил миледи! — вскричал он. — Я этого вовсе не хотел. Покорнейше прошу прощения! Это не Дик Уитекер посмел противиться вашим приказаниям, а всего лишь вторая кружка двойного эля. С тех пор как наш король благополучно водворился на престоле, мы, как известно вашей милости, кладем в пиво двойную порцию солода. Сказать по чести, фанатик противен мне ничуть не меньше, чем дьявол со своим раздвоенным копытом, но ваша милость вольны пригласить в замок Мартиндейл хоть самого дьявола и даже послать меня с приглашением к адским вратам, ежели вашей милости будет угодно.

Итак, приглашения были разосланы по должной форме, после чего велено было зажарить одного из волов на рыночной площади деревушки Мартиндейл-

---

¹ Пропать, считающаяся бездонной, одна из достопримечательностей во владениях Пиков (Прим. автора)

Моултрэсси, расположенной к востоку от обоих имений, которым она была обязана своим двойным именем, — почти на равном расстоянии от обоих, так что если б линия, мысленно проведенная от одного имения к другому, служила основанием треугольника, то деревня находилась бы на вершине острого угла. Вследствие недавнего перемещения части певериловских владений, сэр Джеффри и Бриджнорт почти поровну поделили между собой вышеозначенную деревню, и потому леди Певерил не сочла удобным оспаривать право соседа пожертвовать несколько больших бочек пива на общее торжество.

Глава IV

Майор Бриджнорт в чрезвычайно категорических выражениях отклонил благодарность леди Певерил за провиант, который так своевременно появился в замке. Вначале он, казалось, даже не понял, о чем идет речь, а когда она объяснила ему суть дела, привел весьма убедительные доказательства того, что ни в малейшей степени не причастен к присланным дарам, и леди Певерил пришлось ему поверить, ибо майор, человек честный и прямодушный, не привык облекать свои мысли в изящно-витиеватую форму,

отличался почти квакерской откровенностью, и потому не стал бы говорить неправду.

— Впрочем, сударыня, мой визит и в самом деле имеет некоторое касательство к завтрашнему торжеству, — сказал он.

Леди Певерил приготовилась слушать, но видя, что гость ее находится в замешательстве, вынуждена была просить его объясниться.

— Сударыня, — проговорил майор, — как вам, вероятно, известно, те из нас, кто чувствует наиболее тонко, испытывают сомнения по поводу некоторых обычаев, кои распространены на всех ваших праздниках столь широко, что вы, если можно так выразиться, настаиваете на их соблюдении, словно это символ веры, и чрезвычайно обижаетесь, если ими пренебрегают.

— Я полагаю, майор Бриджнорт, — отвечала леди Певерил, которой был не совсем ясен ход рассуждений соседа, — я полагаю, что мы, как гостеприимные хозяева, постараемся избежать всяких напоминаний и намеков на прежние разногласия.

— Ваша искренность и учтивость, миледи, позволяет нам питать такие надежды, — сказал Бриджнорт, — но я вижу, что вы не совсем меня поняли. Я имел в виду обычай произносить тосты и пить за здоровье друг друга крепкие напитки. Обычай этот большинство из нас считает излишним и греховным подстрекательством к распутству и чрезмерному потреблению спиртного. Сверх того, если верить ученым богословам, он заимствован из обихода ослепленных язычников, кои совершали возлияния, заклиная при этом своих идолов, а потому может по справедливости почитаться языческим и бесовским.

Леди Певерил уже успела перебрать все причины, которые могли бы внести разлад в предстоящее торжество; однако последнее, чрезвычайно забавное, хотя и роковое, несоответствие в правилах поведения на пирах совершенно ускользнуло у нее из памяти. Она попыталась успокоить майора, который нахмурил брови с видом человека, решившегося твердо стоять на своем.

— Я готова допустить, уважаемый сосед, что обычай этот по меньшей мере празден и может даже сделаться пагубным, если он ведет к излишествах в употреблении спиртного, что, впрочем, вполне может произойти и без такого обычая, — возразила она. — Однако мне кажется, что когда привычка эта не имеет подобных последствий, она вполне невинна и представляет собою лишь общепринятый способ выражать добрые пожелания друзьям и верноподданические чувства нашему монарху; и, не пытаясь принудить к чему-либо тех, кто думает иначе, я просто не знаю, как я могла бы лишиться своих гостей и друзей права по старинному английскому обычаю выпить за здоровье короля или за здоровье моего супруга.

— Сударыня, если следовать тому установлению, которое старше других, то самое старинное из всех английских установлений — это папизм; но, к счастью, мы, в отличие от отцов наших, погруженных во мрак, не обречены блуждать во тьме, а напротив, должны следовать по пути, озаренному светом, воссиявшим внутри нас самих. Я сам имел честь сопровождать лорда — хранителя печати Уайтлока, когда на обеде у оберкамергера Швеции он решительно отказался пить за здоровье королевы Христины, рискуя не только нанести оскорбление присутствующим, но и поставить под угрозу самую цель своего визита. Между тем этого никак нельзя было бы ожидать от столь мудрого человека, если бы он считал подобную угодливость невинной мелочью, а не греховным и заслуживающим осуждения поступком.

— При всем уважении к Уайтлоку, — отвечала леди Певерил, — я остаюсь при своем мнении, хотя, видит бог, отнюдь не одобряю пьянство и разгул. Я охотно пойду навстречу вашим пожеланиям и не стану поощрять все прочие тосты; но неужто нельзя будет провозгласить тост за здоровье короля и Певе-рила Пика?

— Я не осмелюсь воскурить даже одну девяносто девятую долю грана фимиама на алтаре, воздвигнутом в честь сатаны, — возразил Бриджнорт.

— Как, сэр! — воскликнула леди Певерил. — Вы сравниваете нашего короля Карла и моего благородного супруга и повелителя с сатаной?

— Прошу прощения, сударыня, — отвечал Бриджнорт, — я ничего подобного и в мыслях не имел. Я от всей души желаю доброго здоровья королю и сэру Джеффри и буду молиться за них обоих. Однако я не вижу, какая может проистечь польза для их здоровья, если я стану причинять ущерб своему собственному, поглощая содержимое четвертных бутылей.

— Коль скоро мы не можем согласиться на этот счет, — промолвила леди Певерил, — мы должны изыскать способ не нанести обиды ни той, ни другой стороне. Постарайтесь пропускать мимо ушей тосты наших сторонников, мы же, в свою очередь, не будем обращать внимания на ваше молчание.

Но даже и такое соглашение никоим образом не могло удовлетворить Бриджнорта, который считал его потворством Вельзевулу. Его природное упрямство еще усилилось после беседы с его преподобием Солсгрейсом, который, несмотря на все свои достоинства, с необычайным упорством цеплялся за мелкие предрассудки своей секты и, опасаясь, что новый переворот укрепит власть папизма, прелатов и Певерила Пика, естественно стремился предостеречь свою паству, дабы она не угодила в лапы волка. Он был чрезвычайно недоволен тем, что майор Бриджнорт, неоспоримый глава местных пресвитериан, вверил свою единственную дочь, как он выражался, попечениям жены ханаанской, и без обиняков объявил ему, что не одобряет его намерения пировать с вероотступниками и считает все это торжество в капище нечестивых не чем иным, как весельем в доме Арсы.

Упрек пастора заставил майора Бриджнорта усомниться, следовало ли ему с такой готовностью, какую он выказал в первом порыве благодарности, вступать в близкие отношения с обитателями замка Мартиндейл; однако гордость не позволила ему признаться в том Солсгрейсу, и лишь после продолжительного спора они согласились явиться на праздник,

но не иначе, как при условии, что в их присутствии не будут предлагать никаких тостов. Поэтому Бриджнорт, как уполномоченный и представитель своей партии, решил никоим образом не поддаваться увещаниям, что весьма смутило леди Певерил. Она уже начала искренне сожалеть о том, что, преисполненная лучшими чувствами, разослала свои приглашения, ибо отказ пресвитериан должен был пробудить все прежние раздоры и, быть может, вызвать новое кровопролитие между людьми, которые уже много лет не воевали друг с другом. Уступить пресвитерианам — значило бы нанести смертельное оскорбление партии кавалеров-роялистов, и в особенности сэру Джеффри, ибо они считали делом чести предлагать тосты и понуждать к тому всех прочих, — точно так же, как пуритане почитали своим священным долгом отказываться от того и от другого. В конце концов леди Певерил решила переменить разговор, послала за дочерью майора Бриджнорта и усадила девочку на колени к отцу. Эта уловка имела успех, ибо, хотя облеченный высокими полномочиями майор твердо стоял на своем, отец, подобно губернатору Тилбери, смягчился и обещал склонить своих друзей к уступке. Последняя состояла в том, что сам майор, его преподобие Солсгрейс и те их друзья, кто строго придерживался пуританских догматов, составят отдельное общество в большой гостиной, залу же займут веселые кавалеры-роялисты, причем обе стороны будут совершать свои возлияния так, как велит им совесть или обычай.

Когда этот важный вопрос был разрешен, майору Бриджнорту стало гораздо легче. Он считал делом совести упорно настаивать на своем и потому искренне обрадовался, когда отпала, казалось бы, неотвратимая необходимость обидеть леди Певерил отказом от ее приглашения. Бриджнорт оставался в замке долее обыкновенного, разговаривая и улыбаясь больше, чем то было в его обычае. Возвратившись домой, он прежде всего известил священника и его паству о достигнутом соглашении, причем дал понять, что это дело решенное и обсуждению не подлежит. Влияние

его на пуритан было настолько велико, что хотя пастору очень хотелось провозгласить отделение партий и воскликнуть: «По шатрам, о Израиль!», он убедился, что не может рассчитывать на достаточную поддержку, и поэтому решил не восставать против единодушного согласия с предложением их посла.

Тем не менее обе партии были взбудоражены исходом посольства майора Бриджнорта, и возникло столько сомнений и щекотливых вопросов, что леди Певерил (быть может, единственный человек, действительно желавший их примирить) в награду за свои добрые намерения навлекла на себя недовольство обеих сторон и имела все основания раскаиваться в том, что хотела сблизить Монтекки и Капулетти графства Дерби на совместном торжестве.

Поскольку решено было, что гости составят два отдельных общества, начался спор о том, кто должен войти в замок первым. Этот предмет сильно встревожил леди Певерил и майора Бриджнорта, ибо в случае, если и тем и другим пришлось бы двигаться по одной дороге и входить в одни ворота, между ними могла разгореться страшная ссора еще прежде, чем они достигнут помещений, отведенных для пиршества. Хозяйка нашла, как ей казалось, превосходный способ предупредить возможность подобного столкновения: она распорядилась открыть кавалерам-роялистам главные ворота, тогда как круглоголовые должны были войти в замок через большую брешь, пробитую во время осады в крепостной стене, — через нее теперь гоняли на пастбище стадо. С помощью этой уловки леди Певерил надеялась избежать риска, сопряженного со встречей обеих партий, которые непременно принялись бы оспаривать право первенства. Заодно было улажено еще много незначительных пунктов — к великому удовлетворению пресвитерианского пастыря, который в длинной проповеди на тему о брачной одежде всячески старался внушить своим слушателям, что это библейское выражение означает не только одеяние, но также и соответствующее расположение духа, приличествующее мирному торжеству, и потому убеждал прихожан, невзирая на

заблуждения несчастных, ослепленных злодеев роялистов, с которыми им на следующий день предстояло так или иначе вкушать еду и питье, оказывать последним всяческое снисхождение, дабы не нарушить спокойствия Израиля.

Почтенный доктор Даммерер, насильственно лишенный своего прихода викарий епископальной церкви Мартиндейл-Моултрэсси, прочитал кавалерам-роялистам проповедь на ту же тему. До мятежа он был приходским священником и состоял в большом фаворе у сэра Джеффри не столько по причине своей приверженности догматам и глубокой учености, сколько благодаря непревзойденному искусству играть в шары и вести оживленную беседу за кружкою пива и трубкой в долгие октябрьские вечера. Именно благодаря этим талантам доктор удостоился чести войти в составленный Джоном Уайтом список бесстыжих, несведущих и распутных служителей англиканской церкви, коих тот поносил на чем свет стоит за тяжкий грех — участие в азартных играх и в мирских забавах своих прихожан. Когда партия короля начала терять почву под ногами, доктор Даммерер покинул свой приход, явился в военный лагерь и, заняв должность капеллана в полку сэра Джеффри, неоднократно имел случай доказать, что под его грузной физической оболочкой скрывается смелое и мужественное сердце. Когда все рухнуло и доктор Даммерер вместе с большей частью верных королю священников был лишен своего прихода, он перебивался с хлеба на воду, то ютясь на чердаке у старых товарищей по университету, деливших с ним и ему подобными жалкие средства к существованию, которые еще оставались у них в эти тяжелые времена, то скрываясь в усадьбах угнетенных и подвергшихся секвестрации дворян, уважавших его за силу характера и страдания. После восстановления на престоле короля доктор Даммерер вышел из своего последнего убежища и поспешил в замок Мартиндейл, чтобы насладиться торжеством, которое принес ему этот счастливый поворот судьбы.

Он явился в замок в полном священническом облачении и был горячо принят местным дворянством, чем сильно встревожил и без того перепуганную партию, еще недавно стоявшую у власти. Правда, доктор Даммерер (честный и достойный человек) не питал несбыточных надежд относительно своего повышения или продвижения по службе, однако же возможность того, что ему возвратят приход, из коего он был изгнан под весьма неосновательным предлогом, серьезно угрожала пресвитерианскому пастору, которого теперь нельзя было рассматривать иначе, как самозванца. Таким образом, интересы обоих священников были столь же противоположны, сколь и чувства их паствы, — еще одно роковое препятствие задуманному леди Певерил обширному плану всеобщего примирения.

Тем не менее, как мы уже успели заметить, доктор Даммерер вел себя в этом случае не менее благородно, чем завладевший его приходом пресвитерианин. Правда, в проповеди, произнесенной им в зале Мартиндейла в присутствии нескольких наиболее знатных семейств кавалеров, а также стайки деревенских ребятишек, сбегавшихся в замок поглазеть на невиданного дотоле священнослужителя в рясе и стихаре, он пустился в пространные рассуждения о множестве злодейств, совершенных мятежною партией в недавние злополучные времена, и всячески восхвалял миролюбие и милосердие почтенной хозяйки замка, снизошедшей до того, чтобы дружелюбно и гостеприимно открыть двери своего дома людям, чей образ мыслей привел к убийству короля, к лишению жизни и имущества верных ему граждан, а также к разграблению и разрушению церкви божией. Однако затем доктор Даммерер снова весьма удачно свел все это на нет, заметив, что коль скоро по велению милостивого, недавно восстановленного на престоле монарха и по желанию уважаемой леди Певерил им надлежит на время примириться с этим строптивым и непокорным племенем, было бы весьма похвально, если бы все верные вассалы избегали предметов, могущих вызвать распри с этими сынами Се-

меня. Сей последний урок терпимости он подкрепил утешительным уверением, что бывшие мятежники не смогут долго воздерживаться от своих бунтарских происков, в каковом случае приверженцы короля будут оправданы перед богом и человечеством, если сотрут их с лица земли.

Внимательные наблюдатели необычайной эпохи, из которой мы заимствовали описанные в этой повести события, оставили нам свидетельства того, что обе проповеди, которые, без сомнения, сильно расходились с намерениями произносивших их почтенных священнослужителей, способствовали скорее разжиганию споров между двумя партиями, нежели их примирению. При таких недобрых предзнаменованиях, которые не могли не вызвать мрачных предчувствий у супруги сэра Джеффри, наступил наконец день праздника.

Как бы желая показать свою силу и многочисленность, приверженцы обеих партий, каждая из которых образовала нечто вроде торжественного шествия, приближались к замку Мартиндейл по двум различным дорогам; при этом их платье, наружность и манеры настолько отличались друг от друга, что казалось, будто веселые свадебные гости и печальные плакальщики движутся с разных сторон к одному и тому же месту.

Партия пуритан была гораздо малолюднее, что объяснялось двумя важными причинами. Прежде всего она несколько лет была у кормила правления и, разумеется, утратила любовь простонародья, которое никогда не испытывает привязанности к тем, кто, обладая непосредственной властью, зачастую вынужден употреблять ее для того, чтобы сдерживать его порывы. К тому же английские поселяне всегда отличались склонностью к забавам на открытом воздухе, а также веселым и общительным нравом, что заставляло их роптать на суровость фанатических проповедников, а кроме того, они были в не меньшей степени недовольны военным деспотизмом генералов Кромвеля. Во-вторых, народ всегда непостоянен, и возвращение короля, сулившее перемены, уже одним

тем стало желанно. В это время пуритан покинул также многочисленный класс мыслящих и благоразумных людей, которые были привержены к ним до тех пор, покуда им сопутствовала удача. Эти мудрецы, получившие в ту пору прозвище Прислужников Провидения, почитали смертным грехом поддерживать какое бы то ни было дело, переставшее пользоваться милостями судьбы.

Однако, покинутые непостоянными и себялюбцами, пуритане с их горячим воодушевлением, стойкой приверженностью принципу, уверенностью в чистоте собственных побуждений, с истинно английской гордостью и мужеством, которые заставляли их держаться своих прежних правил тем более твердо, чем сильнее бушевала вокруг них буря, — подобно путешественнику из притчи, зябко кутавшемуся в плащ, — все еще сохранили в своих рядах много людей, которые продолжали внушать уважение и страх уже не числом, а лишь силою своего характера. Это были большей частью мелкопоместные дворяне, а также купцы, возвысившиеся благодаря трудолюбию и удаче в торговле или в разработке рудников, — люди, которых особенно оскорбляет преимущественное положение аристократии и которые обычно с особой запальчивостью отстаивают свои права. Одежда пуритан почти всегда отличалась чрезмерной простотою и скромностью или бросалась в глаза нарочитой неприязательностью и небрежностью. Темный цвет плащей — от тускло-серого до совершенно черного; широкополые шляпы с высокими тульями; длинные шпаги, подвешенные к простому поясному ремню — без бантов, пряжек, темляков или каких-либо иных побрякушек, которыми кавалеры любили украшать свои испытанные рапиры; коротко остриженные волосы, из-под которых торчали казавшиеся непомерно длинными уши, и, наконец, суровая и мрачная сосредоточенность облика — все это свидетельствовало об их принадлежности к тем исполненным решимости и бесстрашия фанатикам, каковые, ниспровергнув прежний порядок, ныне более чем подозрительно созерцали тот, что столь неожиданно явился ему на смену.

Лица пуритан были угрюмы, но в них не замечалось ни уныния, ни тем более отчаяния. Они напоминали старых воинов, потерпевших поражение, которое, быть может, остановило их на пути к славе и ранило их гордость, но ни в какой мере не лишило их мужества.

Меланхолия, которая теперь постоянно омрачала чело майора Бриджнорта, делала его как нельзя более подходящим предводителем общества, двигавшегося к замку из деревни. Когда пуритане достигли места, откуда им следовало свернуть в окружавший замок лес, они вдруг почувствовали себя униженными, словно им пришлось уступить дорогу своим старым врагам кавалерам, которых они столь часто побеждали. Поднимаясь по извилистой тропе, где ежедневно проходило стадо, они сквозь просеку увидели ров, наполовину заваленный обломками крепостных стен, и пролом в углу большой четырехугольной башни, одна часть которой обвалилась, а другая, в виде причудливых руин, грозящих каждую минуту обрушиться, нависла над огромною пробойной в стене. При этом зрелище, напомнившим им о победах прежних дней, пуритане молча обменялись суровыми улыбками. Холдфаст Клепп, мельник из Дерби, который сам участвовал в осаде, показал на брешь и с мрачной улыбкой обратился к его преподобию Солсгрейсу:

— Когда я своими руками ставил пушку, которую Оливер навел на эту башню, не думал я, что нам придется, словно лисицам, карабкаться по тем самым стенам, которые мы захватили с помощью наших луков и копий. По мне, так этим злодеям роялистам уже хватит затворять перед нами ворота да задирать свои носы.

— Терпение, брат мой, терпение, и да снизойдет мир на твою душу, — отозвался Солсгрейс. — Не в унижении поднимаемся мы к этому капищу нечестивых — ведь мы проходим через врата, которые господь открыл праведным.

Речь пастыря была подобна искре, упавшей на порох. Скорбные лица путников тотчас же прояснились,

и, усмотрев в словах его знамение господне, проливающее свет на нынешнее их положение, все они дружным хором затянули один из тех торжественных псалмов, которыми израильтяне прославляли дарованные им богом победы над язычниками, населявшими обетованную землю:

— Наступит час — восстанет бог,
Злодеям отомстит,
Рассеет полчища врагов
И в бегство обратит.

Как пламя плавит мягкий воск,
Как ветер гонит дым, —
Господь их силы сокрушит
Могуществом своим.

Сто тысяч ангелов слетят
С сияющих высот,
Им сам господь с горы Синай
Напутствие пошлет.

О боже, ты сметешь врагов
И прекратишь их род
За то, что тщились покорить
Твой избранный народ.

Эти восторженные клики достигли разудалой толпы кавалеров; нарядившись в остатки роскошных одежд, которые им удалось спасти от нищеты и продолжительных бедствий, они направлялись к замку по другой дороге, оглашая главный въезд в него возгласами буйной радости и веселья. Оба шествия являли собой разительную противоположность, ибо во время гражданских междоусобий враждующие партии настолько разнились друг от друга своими нравами и обычаями, что казалось, будто они одеты в разную военную форму. Если одежда пуритан отличалась нарочитою простотой, а манеры — смешной чопорностью, то пристрастие кавалеров к роскошным нарядам часто оборачивалось безвкусицей, отвращение же ко всяческому лицемерию — чрезмерной лег-

костью нравов. Веселые франтоватые молодцы, направлявшиеся к древнему замку, все, от мала до велика, испытывали ту приподнятость духа, которая поддерживала их в самое мрачное время, как называли они пору владычества Кромвеля, и которая теперь совершенно вывела их из равновесия. Перья развевались, галуны сверкали, копыта звенели, кони гарцевали; то тут, то там кто-нибудь, сочтя, что производимый им с помощью природных способностей шум никак не отвечает торжественности минуты, принимался палить из пистолета. Ребятишки — ведь мы уже упоминали выше, что чернь, как всегда, сопровождала победителей — громко вопили: «Долой Охвостье!» и «Позор Оливеру!» Всевозможные музыкальные инструменты, бывшие тогда в ходу, играли все зараз и все невпопад, и ликованию знати, которая, презрев свою гордость, соединилась с толпою простонародья, придавала особый вкус мысль о том, что звуки торжества доносились до их соседей, убитых горем круглоголовых.

Когда громовые раскаты псалма, многократно повторенные эхом, перекатывающимся в утесах и разрушенных залах, достигли слуха кавалеров, как бы предупреждая их, что не следует особенно рассчитывать на унижение противника, они вначале расхохотались во всю силу своих легких, чтобы показать псалмопевцам, сколь глубоко они их презирают, но это было лишь нарочитым выражением недоброжелательства к политическим противникам. Для людей, находящихся в противоречивых и затруднительных обстоятельствах, печаль натуральнее веселости, и когда эти два чувства сталкиваются, последняя редко торжествует. Если бы похоронная процессия и свадебный поезд неожиданно встретились друг с другом, мрачное уныние первого, разумеется, легко поглотило бы радостное ликование второго. Более того — кавалеры были заняты еще и другими мыслями. Звуки псалма, которые они теперь слышали, слишком часто доносились до их ушей и в слишком многих случаях предвещали поражение роялистов, чтобы они могли равнодушно внимать им даже в дни своего

торжества. Наступившее на минуту неловкое молчание прервал мужественный старый рыцарь, сэр Джаспер Крэнборн, доблесть коего была настолько общепризнанной, что он мог позволить себе, так сказать, открыто признаться в чувствах, которые другие люди, чья отвага могла в какой-то мере подвергнуться сомнению, сочли бы за лучшее скрыть.

— Вот тебе и раз! Я готов никогда больше не пить кларета, — промолвил старый рыцарь, — если это не та же самая песня, с которой лопухие мошенники пошли в атаку при Уигган-лейне и опрокинули нас, словно кегли! Клянусь честью, соседи, чертовски не по душе мне этот напев!

— Если б я думал, что круглоголовые шельмы над нами смеются, — сказал Дик Уайлдблад из Дейла, — я бы взял свою дубинку и забил бы эти псалмы в их грязные глотки.

Это предложение, поддержанное старым Роджером Рейном, вечно пьяным хозяином деревенской таверны «Герб Певерилов», могло бы вызвать общую потасовку, если бы не вмешательство сэра Джаспера.

— Не надо буянить, Дик, — сказал старый рыцарь юному франклину, — не надо, дружище, и вот почему: во-первых, это значило бы нанести обиду леди Певерил; во-вторых, это нарушило бы дарованный королем мир; а в-третьих, Дик, если бы мы напали на этих подлых псалмопевцев, тебе, мой мальчик, могло бы прийти туга, как уже бывало с тобою и раньше.

— Кому? Мне, сэр Джаспер? — отозвался Дик. — Мне пришлось бы туга? Не сойти мне с места, если мне приходилось туга где-нибудь, кроме как на той растреклятой дороге, где у нас не было ни флангов, ни фронта, ни тыла — все равно что у селедок в бочке.

— Наверно, потому-то ты, чтобы поправить дело, застрял вместе со своим конем в живой изгороди, а когда я выковырял тебя оттуда палкой, ты, вместо того чтобы ринуться в бой, повернул направо кругом и во всю прыть пустился наутек, — отвечал сэр Джаспер.

Этот рассказ вызвал общий смех по адресу Дика, который, как всем было известно, предпочитал сражаться скорее своим длинным языком, нежели каким-либо иным оружием. Шутка доблестного рыцаря охладила воинственный пыл приверженцев короля; пение тоже внезапно прекратилось, и это окончательно успокоило кавалькаду, готовую счесть его умышленным оскорблением.

Между тем пуритане умолкли потому, что достигли большой и широкой брешы, некогда пробитой в стене замка их победоносными орудиями. Груды оставшихся от разрушенного сооружения обломков и мусора, по которым вилась узкая крутая тропинка, наподобие тех, что протаптывают редкие посетители древних руин, в сочетании с массивными, величественными башнями и куртинами, избежавшими разгрома, напомнили круглоголовым о победе над вражеской твердыней и о том, как они заковывали в стальные цепи принцев и лордов.

Однако в груди даже этих суровых фанатиков пробудились чувства, гораздо более соответствующие цели их визита в замок Мартиндейл, когда хозяйка, все еще сияющая молодостью и красотой, появилась над брешью в сопровождении служанок, чтобы встретить гостей с подобающими случаю любезностью и почетом. Леди Певерил сняла черное платье, которое она носила в течение многих лет, и оделась с роскошью, приличествующей ее высокому званию и знатному роду. Правда, драгоценностей на ней не было, но ее длинные черные волосы украшала гирлянда из дубовых листьев и лилий; первые означали спасение короля в Дупле Королевского Дуба, вторые — его счастливое восстановление на престоле. Но особенно обрадовались присутствующие, увидев, что хозяйка держит за руки мальчика и девочку — последняя, дочь их предводителя майора Бриджнорта, была, как все знали, обязана своею жизнью и здоровьем материнским попечениям леди Певерил.

Если даже люди низкого звания, находившиеся в толпе пуритан, испытали на себе благотворное влияние этого зрелища, то несчастный Бриджнорт был

совершенно им ошеломлен. Природная сдержанность и строгие правила его круга не позволили ему преклонить колено и поцеловать руку, в которой лежала ручка его любимой дочери; однако низкий поклон, трепетная дрожь в голосе, произносившем слова благодарности, и блеск глаз свидетельствовали о его признательности и уважении к леди Певерил гораздо искреннее и глубже, нежели он мог бы выразить, даже если бы, подобно персу, в знак почтения распростерся перед нею на земле. Несколько учтивых и приятных слов, выражающих удовольствие, с которым она может вновь принять своих соседей и друзей, несколько вопросов о здоровье родных и близких наиболее именитых из них довершили победу леди Певерил над враждебными мыслями и опасными воспоминаниями и вселили дружеские чувства в сердца гостей.

Даже сам Солсгрейс, почитавший своим служебным и нравственным долгом следить за кознями «жены Амаликовой» и всячески им препятствовать, не мог устоять против ее чар; он был настолько тронут ласковым и радушным приемом леди Певерил, что тотчас же затянул псалом:

— Что может быть на сей земле
Для наших глаз милей,
Чем единенье душ людских
И братство всех людей!

Сочтя это приветствие за ответную любезность, леди Певерил сама проводила эту группу гостей в залу, где для них была приготовлена роскошная трапеза; у нее даже хватило терпения оставаться там до тех пор, покуда его преподобие Ниимая Солсгрейс в качестве введения к пиршеству читал весьма пространное благословение. Присутствие хозяйки до некоторой степени смутило достопочтенного пастыря, чья велеречивая проповедь длилась тем дольше и была тем более замысловатой и запутанной, что он сам (ввиду явной ее неуместности) почувствовал необходимость отказаться от своей излюбленной концовки, состоящей в молитве об избавлении от папизма, прелатов и Певерила Пика. Он так привык

к этой петиции, что после тщетных попыток заключить свою речь какой-либо иною фигурой, в конце концов вынужден был произнести первые слова **обычной** формулы вслух, пробормотав остальные до того невнятно, что их не смогли разобрать даже те, кто стоял рядом.

Когда священник умолк, в зале послышались нестройные звуки, возвещавшие об атаке проголодавшегося общества на богато накрытый стол, и это позволило леди Певерил выйти из залы, чтобы позаботиться об остальных гостях. По правде говоря, она почувствовала, что с этим не следует мешкать, ибо роялисты могли дурно истолковать внимание, которое она сочла необходимым оказать пуританам, или даже им оскорбиться.

Нельзя сказать, что опасения эти были совершенно необоснованны. Напрасно управляющий поднял на одной из высоких башен, защищающих главный вход в замок, королевский штандарт с гордым девизом «Tandem Triumphans»,¹ в то время как над другою башней реяло знамя Певерила Пика, под которым многие из приближающихся кавалеров испытали все превратности гражданской войны. Напрасно он громко повторял: «Добро пожаловать, доблестные кавалеры! Добро пожаловать, благородные джентльмены!» Среди гостей поднялся ропот — они желали услышать эти приветствия из уст супруги полковника, а не из уст наемного слуги. Сэр Джаспер Крэнборн, столь же мудрый, сколь и неустрашимый, зная, чем руководствовалась его прекрасная кузина, ибо сам давал ей советы касательно приготовлений к церемонии, убедился, что следует не мешкая проводить гостей в банкетную залу, где их можно будет с успехом отвлечь от неудовольствия всевозможными яствами, в избытке заготовленными гостеприимною хозяйкой.

Хитрость старого воина удалась как нельзя лучше. Сэр Джаспер занял большое дубовое кресло, сидя в котором управляющий обыкновенно проверял

---

¹ В конце концов торжествуя (лат.).

счета, и, когда доктор Даммерер произнес короткое латинское благословение (какое слушатели оценили тем более высоко, что никто из них не понял из него ни слова), пригласил общество для возбуждения аппетита выпить за здоровье его величества, сколько позволит глубина их кубков. В ту же минуту все засуетились, и раздался звон бокалов и графинов. В следующую минуту приверженцы короля поднялись на ноги и, окаменев, словно статуи, но сверкая глазами от нетерпения, молча вытянули вперед руки с наполненными до краев бокалами. Голос сэра Джаспера — ясный, звонкий и чистый, как звук его боевой трубы, — провозгласил здравицу возвращенному на престол монарху, и собравшиеся хором повторили долгожданный тост. Ненадолго все опять умолкло, чтобы осушить кубки, а затем, набрав воздуха в легкие, разразились таким оглушительным ревом, что, отзываясь на него громким эхом, задрожали своды старинной залы, а украшавшие их гирлянды из цветов и дубовых листьев закачались и зашелестели, словно от внезапно налетевшего урагана. Совершив этот обряд, общество двинулось на приступ роскошных блюд, под которыми ломился стол, воодушевляемое весельем и музыкой, ибо в зале собрались все менестрели округа, коих, наравне со служителями епископальной церкви, заставили замолчать самозванные республиканские святые в дни своего владычества. Обильная еда и питье, тосты за здоровье старых соседей, которые вместе сражались против врага и вместе страдали в годину унижений и скорби, а теперь соединились на общем торжестве, — все это быстро изгладило из памяти кавалеров ничтожную причину для неудовольствия, омрачившую было их праздник; и когда леди Певерил вошла в залу в сопровождении детей и служанок, ее приветствовали шумными возгласами, как и подобает встречать хозяйку дома, супругу доблестного рыцаря, который вел их на ратные подвиги с достойными лучшей участи бесстрашием и верностью.

Краткая речь леди Певерил была произнесена с таким достоинством и исполнена таких чувств, что

тронула всех до глубины души. Она извинилась за свое запоздалое появление, напомнив, что в замке Мартиндейл находятся их прежние враги, коих счастливые события последнего времени превратили в друзей; однако это произошло так недавно, что по отношению к ним она не осмелилась хотя бы в малейшей степени нарушить этикет. Теперь же она обращается к самым близким, дорогим и верным друзьям: им и их доблести Певерил обязан успехам, которые в недавнее смутное время снискали и ему и им самим ратную славу и чьей отваге она, леди Певерил, обязана сохранением жизни своего супруга. Заклучая свою скромную речь, леди Певерил сердечно поздравила собравшихся со счастливым восстановлением власти короля и, грациозно поклонившись во все стороны, поднесла к губам бокал, как бы приветствуя гостей.

В ту эпоху еще сохранялась — особенно среди старых кавалеров-роялистов — искра того духа, который заставил Фруассара сказать, что рыцарь становится вдвое храбрее, если его воодушевляют слова и взоры прекрасной и добродетельной дамы. Лишь во времена царствования, начавшегося в описываемые нами дни, безудержная вольность нравов, вызвавшая всеобщую распущенность, унизила женщин до положения простых прислужниц похоти и тем истребила в обществе благородные чувства к прекрасному полу, которые, если рассматривать их как побуждение к тому, чтобы «возвыситься духом», превосходят все прочие чувствования, кроме веры и любви к отечеству. Древние своды Мартиндейла тотчас же огласились громкими кликами; в воздухе замелькали шляпы, и все общество дружно желало счастья и доброго здоровья рыцарю и его супруге.

В разгар возлияний леди Певерил незаметно выскользнула из залы, оставив гостей свободно пировать и веселиться.

Легко можно вообразить веселье кавалеров, ибо оно сопровождалось пением, шутками, тостами и музыкой, которые везде и всюду одушевляют праздничные пиры. Развлечения пуритан отличались несколько иным, менее шумным характером. Они не пели, не

шутили, не слушали музыки, не провозглашали тостов, но и они, если употребить их собственное выражение, тоже наслаждались земными благами, которые в силу слабости человеческой природы столь усладительны для внешней оболочки смертных. Старый Уитекер даже с неудовольствием заметил, что хотя общество круглоголовых было меньше числом, они поглотили столько же канарского и кларета, сколько развеселая компания, с которой пил он сам. Однако люди, знавшие наклонности управляющего, расположены были думать, что для получения такого итога он наверняка отнес на счет пуритан свои собственные возлияния — статью весьма немаловажную.

Не доверяя столь пристрастным и скандальным слухам, скажем лишь, что в этом случае, как и в большей части других, силе удовольствия способствовала его редкость и что пуритане, почитавшие воздержание или хотя бы умеренность одною из священных заповедей, тем более наслаждались праздником, что такие возможности представлялись им не часто. Если они и не пили за здоровье друг друга, то по крайней мере, поднимая бокалы, взглядами и кивками показывали, что присутствие друзей и соседей увеличивает их наслаждение пиром. Религия, занимавшая главенствующее место в их мыслях, стала также главной темой их бесед, и, разделившись на небольшие кучки, они обсуждали религиозные догматы и метафизические вопросы, сравнивали достоинства различных проповедников и вероучения соперничающих сект, подкрепляя цитатами из священного писания те из них, которым оказывали предпочтение. Во время этих споров возникли некоторые разногласия, которые могли бы зайти дальше, чем позволяли приличия, если бы не предусмотрительное вмешательство майора Бриджнорта. Он подавил в самом зародыше спор между папашей Ходжсоном из Чарнликота и его преподобием Солсгрейсом по деликатному пункту о церковных обрядах и богослужениях, отправляемых мирянами, а также счел неблагоразумным потворствовать желанию некоторых наиболее пылких ревнителей веры, которым хотелось дать возможность

остальным гостям насладиться присущим им даром импровизированной проповеди и толкования библейских текстов. Эти нелепости были характерной чертой эпохи, однако же у майора хватило здравого смысла понять, что, независимо от того, порождены ли они лицемерием или религиозным пылом, они в данных обстоятельствах совершенно неуместны.

Майор Бриджнорт также уговорил пуритан разойтись пораньше, и они покинули замок задолго до того, как веселье их соперников кавалеров достигло высшей точки, — что чрезвычайно обрадовало хозяйку, которая опасалась последствий, могущих произойти, если бы обе партии отправились восвояси одновременно и столкнулись у ворот.

Около полуночи большая часть кавалеров, вернее, те, кто был еще в силах передвигаться без посторонней помощи, отправилась в деревню Мартиндейл-Моултресси, в чем им благоприятствовал лунный свет, помогавший избежать несчастных случаев. Хозяйка, радуясь, что разгульное пиршество окончилось без всяких неприятных происшествий, не без удовольствия слушала их крики и хор, громогласно исполнявший «Король опять свое вернет!» Однако веселье на этом не кончилось, ибо подвыпившие кавалеры, обнаружив вокруг разведенного на улице костра нескольких поселян, радостно присоединились к ним, послали в «Герб Певерилов» к Роджеру Рейну, преданному трактирщику, о котором мы уже упоминали, за двумя бочонками так называемого стинго и соединенными усилиями принялись поглощать его за здоровье короля и верного генерала Монка. Их крики еще долго нарушали тишину и пугали маленькую деревушку; однако даже самый пылкий энтузиазм не может вечно противиться естественному действию позднего времени и неумеренных возлияний. Шум, поднятый торжествующими роялистами, в конце концов утих, и луна совместно с совою беспрепятственно завладели старинной деревенскою колокольной — ночная птица заняла ее под жилье, а ночное светило озаряло своими серебристыми лучами белый силуэт здания, возвышающийся на фоне узловатых дубов.

Глава V

Под клики труб и плеск знамен
Весь осажденный гарнизон
В атаку двинут был;
И — чудо среди жен земных! —
Она в сердца бойцов своих
Вдохнула ратный пыл!

Уильям С. Роуз

Наутро после пира леди Певерил, утомленная трудами и заботами предыдущего дня, оставалась в своей комнате на два или три часа дольше, чем это позволяли ее деятельная натура и тогдашнее обыкновение подниматься на заре. Тем временем экономка Элзмир, женщина, облеченная особым доверием семейства и в отсутствие своей хозяйки пользовавшаяся неограниченною властью, приказала гувернантке Деборе тотчас отвести детей на прогулку в парк и не пускать никого в «золотую комнату», где они обыкновенно играли. Дебора, которая нередко и не без успеха восставала против власти Элзмир, решила про себя, что собирается дождь, и потому детям лучше остаться в золотой комнате, чем бегать по траве, еще покрытой утренней росой.

Однако ум женщины бывает порою столь же изменчив, сколь и народное собрание; и, подав свой голос за то, что утро обещает быть дождливым и что детям лучше всего играть в золотой комнате, Дебора приняла несколько непоследовательное решение избрать парк местом своей собственной утренней прогулки. Правда, накануне она до полуночи танцевала с лесничим Лансом Утремом, но мы не берем на себя смелость судить, насколько повлияло на противоречивость составленного Деборой мнения о погоде то обстоятельство, что Ланс Утрем прошел мимо окна в охотничьем костюме, с пером на шляпе и с луком в руке. Скажем только, что не успела почтеннейшая Элзмир отвернуться, как Дебора отвела детей в золотую комнату и (надо отдать ей справедливость) строго наказала Джулиану присматривать за своей маленькой подружкой Алисой, после чего, приняв

столь разумные меры предосторожности, сама прокралась в парк через стеклянную дверь кладовой, которая находилась напротив большого пролома в крепостной стене.

Золотая комната, где согласно распоряжению Деборы дети остались одни безо всякой защиты, кроме той, какую могла обеспечить отвага юного Джулиана, представляла собою обширную залу, отделанную испанскою кожей с искусным золотым тиснением, на которой в старинном, но не лишенном приятности вкусе были изображены бои и турниры между гранадскими сарацинами и испанцами под командованием короля Фердинанда и королевы Изабеллы во время достопамятной осады, закончившейся ниспровержением последних остатков империи мавров в Испании.

Юный Джулиан то скакал по комнате, чтобы развлечь себя и свою маленькую подружку, и, размахивая тросточкой, подражал воинственным позам Абенсерага и Зегриса, занятых излюбленной на востоке забавой — метанием джериды, или дротика, то сиделся возле робкой, застенчивой девочки, чтобы приласкать ее, когда ей надоедало безучастно смотреть на его шумные забавы; как вдруг он заметил, что одна из обшитых кожей панелей зашевелилась и чья-то рука старается отодвинуть ее еще дальше. Это зрелище чрезвычайно удивило и даже немного испугало Джулиана, ибо волшебные сказки внушили ему ужас перед чудесами невидимого мира. Однако, смелый и мужественный от природы, юный воитель встал возле беззащитной девочки, продолжая грозно потрясать оружием и готовый защищать сестренку с решимостью, достойной самого Абенсерага из Гранады.

Панель, от которой Джулиан не отрывал глаз, продолжала скользить все дальше и дальше; наконец в открывшейся за нею темной щели дети увидели одетую в траур женщину средних лет, все еще сохранявшую следы редкой красоты, с осанкой, отличающейся почти королевским величием. Остановившись на минуту у порога столь неожиданно отворенной ею двери и с некоторым удивлением глядя на детей, которых она, отодвигая панель, очевидно, не заметила,

незнакомка вошла в комнату; панель же под действием пружины закрылась так быстро, что Джулиан усомнился, отворялись ли она вообще, и готов был счесть все происшедшее одной лишь игрою воображения.

Однако величаящая дама подошла к нему и спросила:

— Ты, наверное, маленький Певерил?

— Да, — краснея, отвечал мальчик: несмотря на свой нежный возраст, он уже усвоил закон рыцарской чести, который запрещает скрывать свое имя, как бы опасно ни было его объявить.

— В таком случае, — продолжала величаящая незнакомка, — отправляйся в комнату своей матери и скажи, чтобы она сейчас же явилась сюда поговорить со мною.

— Не пойду, — отвечал юный Джулиан.

— Как! — воскликнула дама. — Так мал и уже так непослушен? Впрочем, таковы нравы нынешнего века. Отчего же ты, милый мальчик, не хочешь исполнить мою просьбу?

— Я бы, пожалуй, пошел, сударыня, если б... — Тут мальчик внезапно умолк и попятился от приближавшейся к нему дамы, все еще держа за руку маленькую Алису, которая не понимала, о чем они говорят, и, дрожа от страха, прижималась к своему товарищу.

Заметив смущение мальчика, незнакомка улыбнулась и, остановившись, еще раз спросила:

— Чего ты боишься, мой храбрый мальчуган? Почему ты не хочешь позвать ко мне свою маму?

— Не хочу оставлять Алису с вами вдвоем, — твердо отвечал Джулиан.

— Ты благородный мальчик, — сказала дама, — ты не опозоришь свой род, никогда не отказывавший в защите слабым.

Мальчик не понял незнакомку и с опаской поглядывал то на нее, то на маленькую Алису, которая переводила по-детски рассеянный взгляд с чужой дамы на своего друга и защитника. Наконец, заразившись страхом, который Джулиан, несмотря на геройские усилия, не мог совершенно скрыть, Алиса

бросилась на шею мальчику, прижалась к нему и громко заплакала, чем встревожила его пуще прежнего, так что он лишь с большим трудом мог удержаться от слез.

В манерах и осанке неожиданной гостьи и в самом деле было нечто, внушающее если не страх, то по крайней мере благоговейный трепет, — особенно после ее странного и таинственного появления. Одежда ее, ничем не примечательная, состояла из капюшона и костюма для верховой езды, какой тогда носили женщины, принадлежавшие к низшим слоям дворянства; длинные черные волосы выбились из-под капюшона и в беспорядке рассыпались по плечам. Глаза у нее были темно-карие, с живым и пронизательным взглядом, а черты лица говорили о чужеземном происхождении. В речи незнакомки замечен был легкий иностранный выговор, хотя по-английски она говорила очень чисто, а интонации и жесты выдавали в ней женщину, привыкшую повелевать и требовать повиновения. Очевидно вспомнив все это, Джулиан впоследствии решил оправдать свой испуг тем, что принял незнакомку за сказочную королеву.

Пока незнакомая дама и дети смотрели друг на друга, в комнату почти одновременно, хотя и через разные двери, вошли два человека, чья поспешность свидетельствовала о том, что они встревожены детским плачем.

Первым был майор Бриджнорт: когда он входил в залу, примыкавшую к золотой комнате, его испугали крики девочки. Он хотел дождаться появления леди Певерил в одной из гостиных, дабы дружески уверить ее, что предыдущий бурный день прошел для его друзей в высшей степени приятно и без всяких удручающих последствий, каких можно было бы опасаться в случае столкновения обеих сторон. Однако, если принять во внимание беспокойство майора за жизнь и здоровье дочери, более чем оправданное судьбою ее старших братьев и сестер, не приходится удивляться, что плач Алисы заставил ее отца нарушить строгие правила приличия и вторгнуться во внутренние покои замка.

Итак, он вбежал в золотую комнату через боковую дверь и узкий коридор, соединявший ее с залой, и, схватив девочку на руки, пытался ласками унять рыдания, которыми она разразилась пуще прежнего, увидев себя в объятиях совершенно чужого человека, — ведь она видела отца всего лишь один раз в жизни.

Отчаянным воплям Алисы стал вторить и Джулиан; при виде нового незваного гостя он так испугался, что, отказавшись от мужественной роли защитника сестренки, принялся во все горло звать на помощь.

Встревоженная шумом, который за какие-нибудь полминуты стал оглушительным, на сцене появилась леди Певерил, чья комната соединялась с золотой через потайную дверь гардеробной. Увидев ее, маленькая Алиса вырвалась из объятий отца, подбежала к своей покровительнице и, схватив ее за платье, не только успокоилась, но даже обратила к незнакомой даме свои огромные голубые глаза, все еще блестящие от слез, взирая на нее скорее с изумлением, нежели со страхом. Джулиан отважно потрясал своею тросточкой — оружием, с которым он все это время не расставался, — готовый при малейшем признаке опасности ринуться на защиту матери от таинственного незнакомца.

Между тем даже человек более зрелого возраста, без сомнения, удивился бы тому, что при виде неожиданной гостьи леди Певерил вдруг смущенно остановилась, словно никак не могла поверить, что это худое и изможденное лицо, все еще хранившее следы былой красоты, действительно принадлежит женщине, с которой она была знакома при совершенно иных обстоятельствах.

Таинственная дама, казалось, поняла причину ее колебаний и голосом, который всегда отличался свойством проникать в самое сердце собеседника, сказала:

— Время и бедствия сильно изменили меня, Маргарет; об этом говорит мне каждое зеркало; однако я полагаю, что Маргарет Стэнли могла бы узнать Шарлотту де ла Тремуйль.

Леди Певерил не имела обыкновения предаваться внезапным порывам чувств, но теперь, обуреваемая одновременно радостью и скорбью, она упала к ногам незнакомки и, обняв ее колени, прерывающимся голосом воскликнула:

— О моя великодушная благодетельница, благородная графиня Дерби, августейшая королева острова Мэн! Как могла я хоть на минуту усомниться, что слышу ваш голос и вижу ваши черты! О, простите, простите меня!

Графиня подняла склоненную перед нею в мольбе родственницу своего мужа с изяществом знатной дамы, привыкшей с ранних лет принимать почести и оказывать покровительство. Она поцеловала леди Певерил в лоб, ласково потрепала ее по щеке и сказала:

— Вы тоже изменились, моя прекрасная кузина, но это вам к лицу, ибо из прелестной и робкой девушки вы превратились в мудрую и благообразную мать семейства. Однако если этот джентльмен — сэр Джеффри Певерил, то память, на которую я никогда не жаловалась, теперь, как ни странно, мне изменяет.

— Это всего лишь наш добрый сосед, сударыня, — отвечала леди Певерил. — Сэр Джеффри находится при дворе.

— Я слышала об этом вчера вечером, когда приехала сюда, — заметила графиня Дерби.

— Как, сударыня! — вскричала леди Певерил. — Вы приехали в замок Мартиндейл, в дом Маргарет Стэнли, где вы вправе повелевать, и не известили меня о своем прибытии?

— Мне известна ваша преданность, Маргарет, — отвечала графиня, — хоть нынче это свойство встречается редко. Но нам угодно было путешествовать инкогнито, — добавила она с улыбкой, — и, узнав, что вы заняты приемом гостей, мы не пожелали беспокоить вас нашим августейшим присутствием.

— Но где же вас поместили, сударыня? — спросила леди Певерил. — И почему вы хранили в тайне свой визит, который мог бы во сто крат увеличить восторг всех верных кавалеров, которые пировали здесь вчера?

— Обо мне позаботилась ваша Элзмир, которая раньше служила у меня; как вам известно, ей и прежде приходилось исполнять обязанности квартирмейстера, и притом в более важных случаях; вы должны простить ее — я велела поместить меня в самой потаенной части вашего замка (при этих словах графиня указала на скользящую панель). Она выполнила мои распоряжения и, как я полагаю, пригласила вас сюда.

— По правде говоря, я ее еще не видела, — заметила леди Певерил, — и потому была весьма удивлена, узнав о столь неожиданном и приятном визите.

— Я тоже чрезвычайно удивилась, когда, думая, что слышу ваши шаги, вместо вас нашла в комнате этих прелестных деток, — сказала графиня. — Наша Элзмир, как видно, поглупела — вы ее избаловали — и забыла мои наставления.

— Я видела, как она бежала по парку; наверно, она хотела сказать женщине, приставленной к детям, чтобы та увела их отсюда, — после минутного размышления проговорила леди Певерил.

— Без сомнения, это ваши малютки, — сказала графиня, глядя на детей. — Провидение благословило вас, Маргарет.

— Вот мой сын, — сказала леди Певерил, указывая на Джулиана, который с жадным любопытством прислушивался к разговору, — а эту маленькую девочку я тоже могу назвать своею.

Майор Бриджнорт, который между тем опять взял на руки свою дочь и принялся ее ласкать, услышав слова графини Дерби, опустил девочку на пол и с тяжелым вздохом отошел к окну. Майор отлично понимал, что обыкновенные правила вежливости требуют, чтобы он удалился или по крайней мере сделал вид, что готов удалиться, но он не отличался церемонной учтивостью, а кроме того, разговор начал переходить на предмет, далеко для него не безразличный, и потому он отбросил всякие церемонии. Дамы как будто совершенно забыли об его присутствии. Графиня опустилась в кресло и знаком указала леди Певерил на скамеечку возле себя.

— Совсем как бывало в прежние времена; только теперь ружья мятежников не заставят вас искать убежища в моем доме.

— У меня есть ружье, сударыня, и в будущем году лесничий научит меня стрелять, — объявил юный Джулиан.

— Тогда я возьму тебя к себе в солдаты, — пошутила графиня.

— У дам не бывает солдат, — возразил мальчик, серьезно глядя на нее.

— Я вижу, что он, как настоящий мужчина, презирает наш слабый пол, — сказала графиня. — Это презрение рождается вместе с дерзкими сынами рода человеческого и обнаруживается, как только они вырастают из пеленок. Разве Элмир не рассказывала тебе о Лейтем-хаусе и о Шарлотте Дерби?

— Сто тысяч раз, — краснея, отвечал мальчик. — И еще она рассказывала, как королева острова Мэн целых шесть недель защищала его от трех тысяч круглоголовых, которыми командовал мясник Гаррисон.

— Лейтем-хаус защищала не я, а твоя мама, мой маленький воин, — возразила графиня. — Жаль, что там не было тебя, дружок, ты бы оказался самым доблестным военачальником из нас троих.

— Что вы, сударыня! Ведь мама ни за что на свете не возьмет в руки ружье, — сказал мальчик.

— Разумеется, нет, Джулиан, — подтвердила леди Певерил. — Я и в самом деле была там, но представляла собою совершенно бесполезную часть гарнизона.

— Вы забыли, что ухаживали за ранеными в нашем лазарете и щипали для них корпию, — сказала графиня.

— Но ведь к вам на помощь приехал папа, — заметил Джулиан.

— Папа наконец приехал, и принц Руперт тоже, однако они заставили себя ждать довольно долго. Помните ли вы то утро, Маргарет, когда круглоголовые мошенники, которые столько времени держали нас в осаде, едва завидев на холме знамена принца, тотчас же бросили все и обратились в бегство?

Каждого военачальника с высоким плюмажем вы принимали за Певерила Пика, который за три месяца до того танцевал с вами на маскараде у королевы. Нет, не краснейте при этом воспоминании, это было благородное чувство, и хотя только звуки боевых труб провожали вас в старую часовню, почти до основания разрушенную вражескими ядрами, и хотя принц Руперт, который вел вас к алтарю, был одет в походную форму, а за поясом у него торчали пистолеты, я все же надеюсь, что эти символы войны не предвещали будущих разногласий.

— Провидение было ко мне милостиво, — отвечала леди Певерил, — оно даровало мне любящего мужа.

— И сохранило его для вас, — с глубоким вздохом произнесла графиня, — тогда как мой супруг — увы! — заплатил кровью за преданность своему королю.¹ О, если бы он дожил до нынешнего дня!

— Увы! Это не было ему суждено! — горестно отозвалась леди Певерил. — Как радовался бы доблестный и благородный граф нашему освобождению, на которое мы уже совсем перестали надеяться!

Графиня с удивлением посмотрела на леди Певерил.

— Значит, вы ничего не слышали о нашем теперешнем положении, кузина? Поистине, как удивился бы мой доблестный супруг, если б ему сказали, что тот самый монарх, за которого он отдал свою благородную жизнь на эшафоте в Боултон-ле-Муре, не успев занять трон, первым делом довершит разорение нашего имущества, уже и без того почти утраченного на королевской службе, и подвергнет гонению меня, его вдову!

— Вы изумляете меня, ваша светлость! — воскликнула леди Певерил. — Возможно ли, чтобы вы... чтобы вы, графиня Дерби и королева острова Мэн, мужественно исполнявшая долг воина в ту пору, когда слишком многие мужчины вели себя подобно

---

¹ Граф Дерби, король острова Мэн, взятый в плен во время стычки при Унгган-лейне, впоследствии был обезглавлен в Боултон-ле-Муре. (Прим. автора.)

слабым женщинам, возможно ли, чтобы вы пострадали от события, которое исполнило и даже превзошло надежды всех верных подданных короля... возможно ли это?

— Я вижу, что вы так же мало знаете свет, как и прежде, моя прекрасная кузина, — отвечала графиня Дерби. — Эта реставрация, обеспечившая безопасность другим, подвергла опасности меня; эта перемена, которая принесла избавление другим приверженцам королевской фамилии, смею полагать, едва ли более ревностным, чем я, вынудила меня бежать, скрываться и искать убежища и защиты у вас.

— От женщины, которая провела свои юные годы под вашим великодушным покровительством, от жены Певерила, соратника вашего доблестного супруга, вы вправе требовать всего, что вам будет угодно, — отвечала леди Певерил. — Увы! Возможно ли? Вам, вам приходится прибегать к моей помощи! Простите, но это кажется мне каким-то дурным сном, и я слушаю вас с надеждой, что пробуждение избавит меня от его тягостного гнета.

— Да, это и в самом деле какой-то сон, видение, — сказала графиня, — однако, чтобы его истолковать, не надо быть ясновидящим, ибо смысл его известен с давних пор: не возлагайте надежд своих на властителей. Я могу быстро рассеять ваше удивление. Этот джентльмен, ваш друг, без сомнения — честный слуга отечества?

Леди Певерил хорошо знала, что кавалеры, подобно другим партиям, присвоили себе исключительное право называться честными слугами отечества, и затруднялась объяснить, что в этом смысле слова гость ее не был честным.

— Быть может, нам лучше уйти отсюда, сударыня, — обратилась она к графине и встала, как бы намереваясь ее сопровождать. Но графиня осталась сидеть в своем кресле.

— Я спросила об этом скорее по привычке, — возразила она. — Мне нет никакого дела до образа мыслей этого джентльмена, ибо то, что я должна вам сказать, известно везде и всюду, и мне безразлично,

кто услышит мои слова. Вы помните, вы, наверное, слышали, — ибо я полагаю, что Маргарет Стэнли не могла оставаться равнодушной к моей судьбе, — что после злодейского убийства моего супруга в Боултоне я приняла знамя, которое только смерть заставила его выпустить из рук, и собственноручно водрузила его в наших владениях на острове Мэн.

— Разумеется, я слышала об этом, сударыня, — отвечала леди Певерил, — равно как и о доблести, с какою вы сопротивлялись мятежному правительству, даже когда вся Англия ему покорилась. Мой супруг, сэр Джеффри, одно время намеревался отправиться к вам на помощь с несколькими друзьями, но мы узнали, что остров сдался партии парламента и что вы, моя возлюбленная повелительница, брошены в тюрьму.

— Но вы не знаете, почему произошло со мною это несчастье, Маргарет, — сказала графиня. — Я защищала бы свой остров от этих негодяев до тех пор, пока волны моря не перестали бы его омыwać; пока отмели, которые его окружают, не превратились бы в надежную гавань; пока солнце не растопило бы его крутые утесы, а от его неприступных крепостей и замков не осталось бы камня на камне, — до этих пор обороняла бы я от лицемерных злодеев мятежников родовые владения моего возлюбленного супруга. Маленькое королевство Мэн досталось бы им лишь тогда, когда в нем не нашлось бы ни одной руки, способной поднять в его защиту меч, ни одного пальца, способного нажать курок. Но измена сделала то, чего никогда не смогла бы добиться сила. Когда мы отразили всевозможные попытки захватить остров силою оружия, измена совершила то, что Блейк и Лоусон со своими плавающими крепостями сочли чересчур рискованным предприятием, — подлый изменник, взлелеянный на нашей груди, предал нас врагу. Имя этого изверга — Кристиан...

Майор Бриджнорт вздрогнул, бросил взгляд на графиню, но тотчас же опомнился и снова отворотил от нее лицо. Графиня продолжала свою речь, не обратив внимания на это обстоятельство, которое, однако,

чрезвычайно удивило леди Певерил, — последняя слишком хорошо знала всегдашнее равнодушие и безучастность своего соседа и потому тем более изумилась неожиданным признакам столь жадного любопытства. Она охотно еще раз повторила бы свое приглашение перейти в другую комнату, но графиня Дерби продолжала говорить с такою горячностью, что остановить ее было невозможно.

— Этот Кристиан, — сказала она, — с юных лет ел хлеб моего супруга, а своего сюзерена, ибо предки его верно служили дому Мэн и Дерби. Сам он храбро сражался вместе с графом и пользовался полным его доверием, а когда мой августейший повелитель оказался в руках мятежников и принял свой мученический венец, то в своем последнем письме, между прочим, советовал мне по-прежнему полагаться на верность Кристиана. Я повиновалась, хотя и не любила этого человека. Холодный и бесстрастный, он был совершенно лишен того священного огня, который побуждает к благородным деяниям; к тому же его подзревали в склонности к холодной метафизике кальвинистских мудрствований. Но он был смел, умен, опытен и, как доказали дальнейшие события, пользовался слишком сильным влиянием среди жителей острова. Когда эти грубые люди убедились, что у них нет никакой надежды на помощь и что блокада острова повлекла за собой голод и болезни, их прежняя верность поколебалась.

— Как! — вскричала леди Певерил. — Неужели они могли забыть свой долг перед супругой своего благодетеля, перед той, которая вместе с самым великодушным Дерби неустанно пеклась об их благополучии?

— Не осуждайте их, — промолвила графиня, — это грубое стадо поступало всего лишь согласно побуждениям своей природы; бедствия настоящего заставили их забыть прежние благодеяния, и, возвращенные в глинобитных нищих лачугах, эти жалкие, слабые духом люди не могли приобщиться благодати, которая сопутствует постоянству в страданиях. Но что мятеж их возглавлял Кристиан, потомок знатного рода, воспитанный злодейски убиенным Дерби

в благородных рыцарских правилах, что человек этот мог забыть тысячи благодеяний — да стоит ли уж говорить о благодеяниях! — что он мог забыть дружеское расположение, которое связывает людей гораздо теснее взаимных обязательств, мог принять начальство над разбойниками, которые неожиданно вломились в мои покои, мог заточить меня вместе с моими детьми в одном из моих же замков и незаконно захватить власть над островом, — что все это мог совершить Уильям Кристиан, мой вассал, мой слуга, мой друг, — это такая черная неблагодарность и измена, равной которой не знает даже наш коварный век!

— И вас заключили в тюрьму в ваших же собственных суверенных владениях? — спросила леди Перил.

— Более семи лет томилась я в строгом заключении, — отвечала графиня. — Правда, мне предлагали свободу и даже кой-какие средства к пропитанию, если я соглашусь покинуть остров и дам слово, что не буду стараться восстановить моего сына в его наследственных правах. Но те, кто надеялся заставить Шарлотту де ла Тремуиль принять столь постыдные условия, плохо знали благородный род, кровь которого течет в моих жилах, а также королевский род Стэнли, с которым я породнилась. Я скорее умерла бы голодною смертью в самой мрачной и сырой темнице замка Рашин, чем позволила хотя бы на волосок умалить права моего сына на владения его отца.

— Но неужто ваша твердость в этом безнадежном положении не могла заставить их выказать великодушие и отпустить вас без всяких условий?

— Они знали меня лучше, чем вы, дитя мое, — отвечала графиня. — Получив свободу, я бы тотчас нашла способ сокрушить их владычество, и потому Кристиан скорее решился бы выпустить из клетки львицу, чтобы вступить с нею в единоборство, нежели дать мне хоть малейшую возможность вооружиться для схватки с ним. Но время готовило мне свободу и отмщение — у меня все еще оставались на острове друзья и сторонники, хотя и вынужденные смириться перед бурей. Перемена власти обманула ожидания

большей части жителей острова. Под предлогом уравниения в правах со всеми остальными подданными мнимой республики, новые властители обложили их тяжелыми поборами, урезали их привилегии, отменили свободы. Когда появились вести о переменах, происходящих в Британии, я узнала о чувствах островитян. Кэлкот и другие действовали с большим рвением и преданностью, и восстание, своею неожиданностью и успехом подобное тому, которое превратило меня в пленницу, вернуло мне свободу и власть над островом Мэн в качестве регентши при моем сыне, малолетнем графе Дерби. Разумеется, я тотчас же воспользовалась этой властью, дабы воздать по справедливости изменнику Кристиану.

— Значит ли это, сударыня, — сказала леди Перверил, которая, зная о гордом нраве и честолюбии графини, едва ли подозревала, однако, до каких крайностей они могли ее довести, — значит ли это, что вы заключили Кристиана в темницу?

— Да, дитя мое, в надежную темницу, из которой разбойник никогда не вырвется.

Бриджнорт, который незаметно для себя подошел к ним и с жадным любопытством, коего уже не мог более скрыть, прислушивался к разговору, внезапно воскликнул:

— Надеюсь, сударыня, вы не осмелились...

Графиня, в свою очередь, прервала его словами:

— Не знаю, кто вы такой, что беретесь задавать мне вопросы, но вы, наверное, не знаете меня, если указываете, что я смею и чего не смею делать. Но вас, как видно, интересует судьба этого Кристиана. Сейчас вы о ней услышите. Как только я вступила в свои законные права, я приказала демпстеру предать изменника верховному суду согласно законам, предписанным древнейшими уложениями острова. Заседание суда состоялось в присутствии демпстера и всех двадцати четырех членов законодательного собрания, под сводом небес на склонах холма Зонвальд, где в древние времена вершили свой справедливый суд друиды и скальды. Преступнику дозволено было выступить в свою защиту с пространную

речью, которая свелась к пустым ссылкам на заботу об общественном благе, — они извечно украшают уродливый фасад измены. Преступление Кристиана было доказано, и его постигла участь изменника.

— Надеюсь, этот приговор еще не исполнен? — невольно содрогнувшись, произнесла леди Певерил.

— Какая глупость, Маргарет, — резко возразила ей графиня, — неужели вы думаете, что я стала бы ждать, покуда какие-нибудь жалкие интриги нового английского двора могли бы помешать осуществлению этого акта справедливости? Нет, дитя мое, с суда он отправился прямо к месту казни, задержавшись лишь на столько времени, сколько было необходимо для спасения его души. Он был расстрелян шеренгой мушкетеров на обычном месте казни, называемом Хэнго-хилл.

Бриджнорт испустил тяжкий стон и принялся ломать руки.

— Коль скоро вы принимаете такое участие в этом преступнике, — продолжала графиня, обращаясь к Бриджнорту, — то я могу воздать ему должное, сказав вам, что он принял смерть с твердостью и мужеством, достойными его прежней жизни, которая, не считая этого чудовищного акта неблагодарности и измены, была честной и благородной. Но что из того? Лицемер будет слыть святым, а подлый изменник — человеком чести до тех пор, пока благоприятный случай, этот вернейший пробный камень, не отличит обманчивую позолоту от золота.

— Это ложь, женщина, это ложь! — воскликнул Бриджнорт, не в силах более скрыть свое негодование.

— Что это значит, мистер Бриджнорт? — изумленно спросила леди Певерил. — Неужели этот Кристиан так вам дорог, что ради него вы готовы оскорбить графиню Дерби в моем доме?

— Не говорите мне о графских титулах и светских приличиях, — отвечал Бриджнорт, — горе и гнев не оставляет мне времени для пустых церемоний, питающих тщеславие взрослых детей. О Кристиан, ты

был достоин, вполне достоин своего имени! Друг мой, брат мой, брат моей незабвенной Алисы, единственный спутник моего горестного одиночества! Неужели тебя безжалостно лишила жизни фурия, которая, если бы не ты, заслуженно заплатила бы своею кровью за потоки крови святых праведников, пролитые ею вместе с ее тираном мужем! Да, жестокая убийца, — продолжал он, обращаясь к графине, — человек, которого ты умертвила, одержимая слепую местью, в течение многих лет приносил веления своей совести в жертву интересам твоего дома и не оставлял его до тех пор, пока твоя безумная жажда власти не привела на край гибели маленькую общину, в которой он родился. Даже заточив тебя в тюрьму, он действовал подобно друзьям безумца, которые заковывают его в цепи ради его же собственного спасения; я могу засвидетельствовать, что только он один ограждал тебя от гнева английской палаты общин, и, если бы не его старания, ты, подобно грешной жене Ахава, понесла бы кару за свои злодейства.

— Мистер Бриджнорт, — промолвила леди Певерил, — я могу извинить волнение, которое возбудили в вас эти печальные вести; но говорить об этом предмете дольше столь же бесполезно, сколь и неприлично. Если вы в своем горе позабыли о всякой сдержанности, я прошу вас вспомнить, что графиня — моя гостя и родственница и может рассчитывать на мое заступничество. Я умоляю вас хотя бы из простой учтивости удалиться, что при этих горестных обстоятельствах было бы, мне кажется, наиболее разумно.

— Нет, пусть он остается, — спокойно возразила графиня, не без некоторого торжества глядя на Бриджнорта, — я не желаю, чтобы он уходил, я не желаю ограничить свою месть ничтожным удовлетворением, которое доставила мне гибель Кристиана. Грубые и шумные восклицания этого человека лишний раз доказывают, что казнь, которой я предала подлого злодея, поразила не только его одного. Я желала бы, чтобы она отозвалась жгучей болью в сердцах

стольких же мятежников, сколько верных друзей были потрясены смертью моего благородного Дерби!

— В таком случае, ваша светлость, — сказала леди Певерил, — если мистер Бриджнорт настолько неучтив, что не желает удалиться, когда я его об этом прошу, мы, с вашего позволения, оставим его здесь и перейдем в мои комнаты. Прощайте, мистер Бриджнорт, надеюсь, мы встретимся при более благоприятных обстоятельствах.

— Простите, сударыня, — возразил майор, который в волнении шагал по комнате, но теперь остановился с твердостью человека, решившегося не отступать, — вам я могу лишь засвидетельствовать свое почтение, но с этою женщиной я должен говорить как мировой судья. Она в моем присутствии призналась в убийстве, и к тому же в убийстве моего шурина. Мой долг человека и судьи не позволяет мне выпустить ее отсюда иначе, как в сопровождении надежной стражи, которая воспрепятствует ее побегу. Она уже призналась, что ускользнула из-под ареста и ищет укрытия перед тем, как бежать за границу. Шарлотта, графиня Дерби, я беру тебя под арест за преступление, которым ты сейчас похвалялась.

— Я не позволю вам арестовать меня, — холодно и проговорила графиня. — Я рождена отдавать подобные приказы, а не повиноваться им. Что общего имеют ваши английские законы с властью и правосудием, которые я вершу в наследственном королевстве моего сына? Разве я не королева острова Мэн, равно как и графиня Дерби? Без сомнения, я властительница вассальная; однако же я пользуюсь независимостью до тех пор, покуда храню верность своей феодальной присяге. По какому праву вы отдаете мне приказания?

— По праву, основанному на заповедях священного писания, — отвечал Бриджнорт. — «Да прольется кровь того, кто пролил кровь ближнего». Не думай, что варварские привилегии древних феодальных обычаев могут избавить тебя от казни, которой ты подлежишь за убийство англичанина, совершенное из побуждений, несовместимых с актом об амнистии.

— Мистер Бриджнорт, — вмешалась леди Певе-рил, — лучше добровольно откажитесь от своего на-мерения, ибо — объявляю это вам — я не позволю причинить никакого насилия этой почтенной даме в замке моего супруга.

— Вы не сможете помешать мне исполнить мой долг, сударыня, — сказал майор Бриджнорт, чье врожденное упрямство теперь усиливало его гнев и жажду мести, — я мировой судья и действую по праву своей должности.

— Я этого не знаю, — возразила леди Певерил. — Что вы были мировым судьей при прежней, незаконной власти, мне слишком хорошо известно, но до тех пор, пока мне не объявят, что вы отправляете эту должность именем короля, я не обязана признавать вас судьей.

— Мне не до пустых церемоний, — отвечал Бриджнорт. — Если б я даже не был судьей, все равно, каждый человек имеет право арестовать виновника убийства, совершенного в нарушение условий амнистии, объявленной в воззваниях короля, и ничто не мешает мне это сделать.

— Какая амнистия? Какие воззвания? — возмущенно воскликнула графиня Дерби. — Карл Стюарт волен, если ему угодно (а ему это, по-видимому, угодно), приблизить к себе убийц и грабителей, чьи руки обагрены кровью его отца и его вернейших подданных. Он может, если пожелает, даровать им прощение и счесть их злодеяния заслугой. Но что общего между его делами и преступлением Кристиана против меня и моих близких? Рожденный, вскормленный и воспитанный на острове Мэн, Кристиан нарушил законы своей страны и за это был казнен по приговору справедливого суда, установленного согласно тем же самым законам. Мне кажется, Маргарет, что с нас уже довольно общества этого дерзкого и безумного судьи. Я готова следовать за вами в ваши покои.

Майор Бриджнорт с весьма решительным видом загородил им дорогу к дверям, и тогда леди Певерил, сочтя, что она оказала ему гораздо более снисхождения, чем мог бы одобрить ее супруг, громко клик-

нула своего управляющего Уитекера. Сей бдительный слуга, услышав ожесточенный спор и незнакомый женский голос, уже несколько минут стоял в прихожей, сгорая от любопытства, и, разумеется, тотчас же вошел в комнату.

— Сию минуту вооружите троих людей, — сказала леди Певерил, — пришлите их в прихожую и ожидайте моих распоряжений.

Глава VI

Тебе тюрьму моя заменит спальня,
Тюремщиком твоим я буду сам

«Капитан»

Приказание леди Певерил вооружить слуг было так несообразно с ее обыкновенной кротостью, что Бриджнорт изумился.

— Что это значит, сударыня? — спросил он. — Я полагал, что нахожусь под дружеским кровом.

— Да, это так, мистер Бриджнорт, — отвечала леди Певерил, не теряя спокойствия и сдержанности, — но под этим кровом один из друзей не должен чинить насилия над другим.

— Отлично, сударыня, — сказал майор Бриджнорт, поворачиваясь к дверям. — Его преподобие Солсгрейс уже предсказывал, что возвращаются времена, когда жилища знатных и их гордое имя вновь станут оправданием их преступлений. Я ему не поверил, но теперь вижу, что он прозорливее меня. Однако не думайте, что я намерен терпеливо все сносить. Кровь моего брата, моего сердечного друга, обagrившая священный жертвенник, недолго будет звать: «Доколе, о господи, доколе!» Если в нашей несчастной Англии осталась хоть искра справедливости, мы встретимся с этой надменной женщиной там, где пристрастные друзья не смогут ее защитить!

С этими словами он хотел было выйти из комнаты, но леди Певерил сказала:

— Мистер Бриджнорт, вы уйдете отсюда лишь в том случае, если обещаете мне на некоторое время отказаться от всяких покушений на свободу благородной графини.

— Я скорее распишусь в собственном бесчестье, нежели дам согласие на подобное условие, — отвечал он. — Если кто-нибудь осмелится мне помешать, пусть кровь его падет на его же голову!

В эту минуту в дверях показался Уитекер. С проворством старого солдата, который не без радости убедился, что дело снова идет к стычкам и раздорам, он привел с собою четверых молодцов, одетых в ливреи Певерила Пика и куртки из буйволовой кожи, вооруженных саблями и карабинами, с пистолетами за поясом.

— Посмотрим, отважится ли кто-либо из этих людей остановить меня, свободнорожденного англичанина, мирового судью, исполняющего свой служебный долг, — заявил Бриджнорт. С этими словами он, держась за рукоять своей шпаги, двинулся прямо на Уитекера и его вооруженных спутников.

— Не поступайте столь безрассудно, мистер Бриджнорт! — воскликнула леди Певерил и тотчас же добавила: — Остановите его, Уитекер, и отберите у него оружие, но не причиняйте ему вреда.

Приказ ее тут же исполнили. Бриджнорт, человек суровый и решительный, был, однако ж, не из тех, кто способен один на один принять столь неравный бой. Он обнажил шпагу и сопротивлялся лишь до тех пор, пока не вынудил неприятелей задержать его, а затем отдал свое оружие, объявив, что подчиняется превосходящей силе и возлагает ответственность за покушение на его свободу без законного предписания на тех, по чьему приказу его задержали, равно как и на тех, кто этот приказ выполнил.

— Какое может быть предписание в случае такой нужды, мистер Бриджнорт? — сказал Уитекер. — Уж кто-кто, а вы-то наверняка не раз поступали еще и похуже. Слово миледи — такое же законное предписание, как патент старого Нола, а ведь вы, мистер Бриджнорт, им не один день пользовались, да еще

посадили меня в колодки, потому что я пил за здоровье короля, и вообще плевали на все английские законы.

— Придержите свой дерзкий язык, Уитекер, — вмешалась леди Певерил, — а вы, мистер Бриджнорт, не прогневайтесь, если вам придется пробывать в плену несколько часов, пока графиня Дерби не будет в безопасности. Я могла бы дать ей такую охрану, которая не побоится любого отряда, который вам удастся собрать, но, видит бог, я хочу истребить память о былых расправах, а не возбуждать новые. Еще раз повторяю — откажитесь по доброй воле от своего намерения, возьмите назад свою шпагу и забудьте, кого вы сегодня встретили в замке Мартиндейл.

— Ни за что! — отвечал Бриджнорт. — Преступление этой жестокосердой женщины — последнее из всех человеческих злодеяний, какое я могу забыть. Последней мыслью, с которой прекратится мое земное бытие, будет надежда, что над нею свершится правосудие.

— Если вы питаете чувства, которые ближе к мести, чем к справедливости, я должна ради безопасности моей покровительницы взять вас под арест. В эту комнату вам доставят все необходимое, а вашим домашним я пошлю сказать, чтобы они не беспокоились. Через два дня — самое большее, а быть может, даже через несколько часов, я сама освобожу вас и буду просить у вас извинения за те крайности, к которым вынуждает меня ваше упрямство.

Майор отвечал только, что он в ее власти и должен покориться ее воле, после чего с угрюмым видом отвернулся к окну, как бы желая избавиться от присутствия обеих дам.

Графиня и леди Певерил рука об руку вышли из комнаты, и хозяйка дома объявила Уитекеру свои распоряжения касательно того, как охранять Бриджнорта и как с ним обращаться, добавив, что для безопасности графини Дерби майор должен находиться под неусыпным наблюдением.

Со всеми мерами, необходимыми для охраны пленника, как, например, регулярная смена караула и тому подобное, Уитекер охотно согласился и обещал

ни за что не выпускать его из-под ареста, пока не истечет срок. Но когда дело дошло до стола и постели для майора, старый дворецкий отнюдь не выказал такого же послушания своей госпоже, сочтя, что леди Певерил слишком беспокоится об удобствах пленника.

— Ручаюсь, что круглоголовый мошенник вчера сожрал у нас столько жирной говядины, что ему хватит на целый месяц, и небольшой пост будет только полезен для его здоровья. А для утоления жажды он получит достаточно чистой воды, чтобы охладить свою разгоряченную печень, которая наверняка еще шипит от вчерашних крепких напитков. Ну, а вместо постели у нас тут имеются славные сухие доски — они, осмелюсь доложить, намного удобнее, чем сырая солома, на которой я спал, когда он посадил меня в колодки.

— Уитекер, — произнесла леди Певерил повелительным тоном, — прошу вас снабдить мистера Бриджнорта постелью и пищей, как я вам приказала, и обращаться с ним поучтивее.

— Слушаюсь, миледи, — со вздохом отвечал Уитекер, — я в точности выполняю все ваши приказания, но я старый слуга и не могу утаить от вас того, что думаю.

После совещания с дворецким дамы вышли в прихожую и вскоре уже сидели в комнате хозяйки, из которой одна дверь вела в спальню, а другая — в кладовую, откуда виднелся выход в сад. Кроме того, здесь была небольшая дверь, за которой находился коридор и несколько ступенек, ведущих на уже упомянутую нами галерею над кухней, а через другую дверь в этом же коридоре можно было пройти на хоры часовни, и, таким образом, глаз хозяйки мог в одно и то же время следить за всеми духовными и светскими делами в замке.¹

---

¹ Такое своеобразное расположение комнат можно увидеть в Хэддон-Холле (графство Дерби), бывшем имении Вернонов. Здесь в часовне возле скамьи хозяйки имелось нечто вроде люка, ведущего на кухню, так что почтенная матрона, не отры-

Графиня и леди Певерил тотчас же уселись в этой украшенной гобеленами комнате, которая имела столько различных ворот для военных вылазок, и гостя, взяв хозяйку за руку, с улыбкою проговорила:

— Сегодня я была свидетельницей двух явлений, которым удивилась бы, если бы в нынешние времена могла еще чему-либо удивляться. Прежде всего, дерзость, которую этот круглоголовый осмелился выказать в доме Певерила Пика. Если ваш муж все тот же благородный и прямодушный кавалер, каким я знала его прежде, то, будь он дома, он, разумеется, выбросил бы негодяя в окно. Но ваше военное искусство, Маргарет, изумило меня еще более. Я не ожидала, что у вас хватит смелости принять такие решительные меры после столь длительных переговоров с этим человеком. Его рассуждения о судьях и предписаниях на арест повергли вас в такой трепет, что мне уже стало казаться, будто судебные приставы вцепились в меня и тащат в тюрьму, словно бродягу.

— Мистер Бриджнорт пользуется у нас некоторым уважением, ваша светлость, — отвечала леди Певерил, — в последнее время он оказал нам немало добрых услуг; но ни он, ни кто другой не посмеет оскорбить графиню Дерби в доме Маргарет Стэнли.

— Вы сделали настоящей героиней, Маргарет, — сказала гостя.

— Две осады и бесчисленные тревоги закалили мой дух. Но храбрости во мне не более прежнего, — отвечала леди Певерил.

— Присутствие духа и есть не что иное, как храбрость, — возразила графиня. — Истинная доблесть заключается не в равнодушии к опасности, а в умении смело ее встретить и быстро отразить; однако сдается мне, что наше мужество скоро подвергнется испытанию, ибо я слышу во дворе топот копыт, — добавила она не без некоторого волнения.

ваясь от молитвы, могла присматривать за тем, чтобы не пригорало жаркое и чтобы повар не забывал поворачивать вертел. (Это старинное баронское поместье, ныне принадлежащее семейству Рэтленд, расположено на живописном берегу реки Уай и неизменно вызывает восторг художников.) (Прим. автора.)

В ту же минуту маленький Джулиан, задыхаясь от радости, вбежал в комнату и объявил, что приехал папа с Лэмингтоном и Сэмом Брюэром и позволил ему самому отвести Черного Гастингса на конюшню. Вслед за тем послышался стук тяжелых ботфуртов благородного рыцаря: спеша увидеться с женою, он, позабыв об усталости и о беспорядке в своей одежде, шагнул через две ступеньки и вихрем ворвался в комнату. Не обращая ни на кого внимания, сэр Джефри схватил в объятия жену и запечатлел на ее лице добрый десяток поцелуев. Леди Певерил покраснела и, с трудом вырвавшись из объятий супруга, со смущением и упреком в голосе обратила его внимание на присутствие гостей.

— Я очень рада видеть, что сэр Джефри Певерил, сделавшись придворным фаворитом, все еще ценит сокровище, которое было даровано ему отчасти при моем содействии, — проговорила графиня, направляясь к сэру Джефри. — Надеюсь, вы не забыли снятие осады с Лейтем-хауса?

— Благородная графиня Дерби! — вскричал сэр Джефри, почтительно снимая украшенную пером шляпу и с благоговением целуя протянутую ему руку. — Я столь же счастлив видеть вашу светлость в своем бедном доме, сколь радовался бы вести об открытии новой свинцовой жилы в Браун-Торе. Я скакал во весь опор, желая быть вашим провожатым, ибо, узнав, что какой-то негодяй гонится за вами с предписанием Тайного совета вас задержать, опасался, как бы вы не попали в руки злодеев.

— Когда вы это слышали? И от кого?

— Я слышал это от Чамли из Вейл-Ройяла, — отвечал сэр Джефри, — он приехал, чтобы проводить вас через Чешир, а я взялся благополучно доставить вас туда. Принц Руперт, Ормонд и прочие наши друзья уверены, что дело ограничится штрафом, но говорят, будто канцлер, Гарри Беннет и другие заморские советники пришли в ярость от ваших действий и считают их нарушением королевской амнистии. А по мне, так черт их всех побери! Они предоставили нам получать все колотушки, а теперь еще злятся, что мы

хотим свести счеты с людьми, которые ездили на нас верхом, словно ведьмы на помеле!

— Какое же наказание мне грозит? — спросила графиня.

— Этого я не знаю, — отвечал сэр Джефри. — Как я уже докладывал, некоторые друзья из нашего славного Чешира и еще кое-кто стараются свести все дело к штрафу, но другие в один голос говорят, что вам грозит продолжительное заключение в Тауэре.

— Я достаточно долго сидела в тюрьме за короля Карла и вовсе не намерена возвращаться туда по его повелению, — сказала графиня. — Кроме того, если меня отстранят от управления владениями моего сына на острове, еще кто-нибудь может сделать попытку захватить там власть. Я буду очень благодарна вам, кузен, если вы найдете средство благополучно доставить меня в Вейл-Ройял, а оттуда, надеюсь, меня проведут до Ливерпуля.

— Вы можете рассчитывать на мое покровительство и защиту, миледи, — отвечал хозяин, — хотя вы явились сюда ночью и принесли в переднике голову злодея, подобно Юдифи из святых апокрифов, которые, как я с радостью узнал, ныне опять читают в церквах.

— Много ли дворян прибывает ко двору? — спросила графиня.

— Да, сударыня, — отвечал сэр Джефри, — и, как говорит пословица, когда рудокопы начинают разрабатывать новую жилу, они трудятся в надежде на милость божью и на то, что могут там найти.

— Хорошо ли принимают там старых кавалеров? — продолжала расспрашивать графиня.

— По правде говоря, сударыня, в лучах королевской милости расцветают все надежды, но до сих пор лишь немногие цветы принесли плоды.

— Надеюсь, кузен, у вас не было причин сетовать на неблагодарность? Немногие достойны благосклонности короля более, чем вы, — заметила графиня.

Сэру Джефри, как человеку благоразумному, не очень хотелось признаваться в том, что он обманулся в своих надеждах, но врожденное простодушие не

позволило ему совершенно скрыть свое разочарование.

— Кто? Я, ваша светлость? — воскликнул он. — Увы! Чего может ожидать от короля бедный деревенский рыцарь, кроме удовольствия снова видеть его на троне в Уайтхолле. Когда я представлялся его величеству, он принял меня очень милостиво, упомянул о сражении при Вустере и о моем коне Черном Гастингсе; правда, он забыл его имя, да, кажется, и мое также, но принц Руперт шепнул ему на ухо. Кроме того, я встретил там старых друзей — его светлость герцога Ормонда, сэра Мармадюка Лэнгдейла, сэра Филипа Масгрейва и других, и мы по старинному обычаю раза два вместе пировали.

— Я полагала, что столько ран, столько подвигов, столько убытков заслуживают большей награды, чем несколько любезных слов, — сказала графиня.

— Да, сударыня, кое-кто из моих друзей тоже так считал, — отвечал Певерил. — Одним казалось, что потеря нескольких сотен акров плодородной земли стоит по крайней мере какого-нибудь почетного звания; другие полагали, что происхождение от Вильгельма Завоевателя (прошу прощения, что так хвалюсь перед вами) дает право на более высокое звание или титул, нежели те, какие были пожалованы лицам с менее блестящею родословной. Знаете, что сказал по этому поводу остряк герцог Бакингам (кстати, дед его был рыцарь из Лестера — намного беднее меня и едва ли такого же знатного рода)? Он сказал: «Если всех особ моего звания, заслуживших в последнее время милость короля, возвести в достоинство пэров, то палате лордов придется заседать на равнине Солсбери!»

— И эту плоскую шутку сочли за разумный довод? Впрочем, это вполне естественно там, где разумные доводы почитаются плоскими шутками, — промолвила графиня. — Но вот идет некто, с кем я желаю познакомиться.

Это был юный Джулиан; он вошел в залу, держа за руку свою сестренку, словно свидетельницу, которой надлежало подтвердить его хвастливый рассказ о том, как он, усевшись верхом на Черного Гастингса, сам

доехал до конюшни, причем Сондерс, хоть и шел впереди, ни разу не взялся за поводья, а Брюэр, шагавший рядом, только слегка его придерживал. Сэр Джефри взял сына на руки и горячо его расцеловал, а когда он поставил Джулиана на землю, графиня подозвала мальчика к себе, поцеловала в лоб и окинула пристальным взором.

— Он настоящий Певерил, — сказала она, — хотя, как тому и следует быть, у него есть некоторые черты рода Стэнли. Кузен, вы должны исполнить мою просьбу: через некоторое время, когда я буду в безопасности и дела мои уладятся, пришлите мне маленького Джулиана, чтобы он воспитывался в доме Дерби как мой паж и товарищ юного графа. Надеюсь, что мальчики станут друзьями, подобно их отцам, и что PROVIDENCE ниспошлет им более счастливые дни! ¹

— От всей души благодарю вас за это предложение, ваша светлость, — сказал рыцарь. — Слишком много благородных домов ныне пришло в упадок, а еще большее число их пренебрегает обучением и воспитанием благородных юношей, и я часто опасался, что мне придется держать Джулиана при себе, а ведь сам я по недостатку воспитания вряд ли смог бы многому его обучить, и ему суждено будет остаться простым дербиширским рыцарем, не знающим толку ни в чем, кроме соколиной охоты. Но в вашем доме, миледи, и при молодом графе он получит такое воспитание, о каком я не смел и мечтать.

— Между ними не будет никакого различия, кузен, — сказала графиня. — Я буду заботиться о сыне

---

¹ Даже спустя много лет после периода, описанного в настоящей повести, знатные дамы брали себе в пажи юношей благородного происхождения, которые получали воспитание в семействе своей госпожи. Анна, герцогиня Боклю и Монмут, которая во многих отношениях могла претендовать на почести, оказываемые особам королевской крови, была, насколько мне известно, последней знатною дамой, придерживавшейся этого старинного обычая. Один из генералов, отличившихся в войне с Америкой, воспитывался в ее доме в качестве пажа. В настоящее время молодые люди, которых мы изредка встречаем исполняющими эту должность, как мне кажется, представляют собою просто лакеев. (*Прим. автора.*)

Маргарет Стэнли так же, как и о своем, коль скоро вы искренне желаете вверить мальчика моим попечениям. Вы побледнели, Маргарет, и в глазах ваших заблестели слезы? — продолжала она. — Это ребячество, дитя мое. Вы не могли бы пожелать своему сыну лучшей участи, ибо дом моего отца, герцога де ла Тремуйль, был самой знаменитой рыцарской школой во Франции, и я поддержала эту славу и не допустила никакого послабления благородных правил, предписывающих молодым дворянам дорожить честью своего рода. Вы не можете предоставить Джулиану таких преимуществ, если будете воспитывать его у себя дома.

— Я понимаю, сколь высокую честь вы мне оказываете, ваша светлость, — отозвалась леди Певерил, — и должна принять предложение, которое делает нам честь и которое уже одобрил сэр Джефри, но Джулиан — мой единственный сын и...

— Единственный сын, но не единственное дитя, — возразила графиня. — Слишком много будет чести нашим повелителям-мужчинам, если вы обратите всю свою любовь на Джулиана и не оставите ничего этой прелестной малютке.

С этими словами она поставила на пол Джулиана и, взяв на колени Алису Бриджнорт, принялась ее ласкать. Несмотря на мужественный характер графини, в голосе и выражении лица ее было столько доброты, что девочка тотчас с улыбкой ответила на ласку. Ошибка гостыи чрезвычайно смутила леди Певерил. Зная порывистый и горячий нрав своего мужа, его преданность памяти графа Дерби и уважение к вдове покойного, она испугалась необдуманных поступков, которые он мог совершить, узнав о поведении Бриджнорта, и очень хотела рассказать ему об этом наедине, заранее приготовив его к такому известию, но заблуждение графини ускорило ход событий.

— К сожалению, эта прелестная малютка не наша, сударыня, — сказал сэр Джефри. — Она — дочь нашего ближайшего соседа, хорошего человека и, смею сказать, доброго соседа, хотя в последнее время его совратил с пути истинного и заставил нарушить

присягу один подлый пресвитерианин, который величает себя пастором и которого я намерен безотлагательно согнать с его насеста, будь он трижды проклят! Хватит с меня его кукареканья! У нас найдется чем выколотить пыль из женевских плащей, вот что я скажу этим негодяям с их постными рожами! Да, но эта девочка — дочь Бриджнорта, нашего соседа Бриджнорта из Моултрэсси-Холла.

— Бриджнорта? Я полагала, что знаю все благородные фамилии в Дербишире, но Бриджнорта я что-то не припомню, — задумчиво произнесла графиня. — Впрочем, кажется, один из них был в комитете по секвестрации. Надеюсь, это не тот?

— Да, это именно тот, о котором вы говорите, миледи, — не без смущения отвечал Певерил, — и вы можете представить себе, как неприятно мне было принимать услуги от человека подобного разбора, но если бы я от них отказался, у Маргарет вряд ли осталась бы крыша над головой.

При этих словах графиня тихонько сняла девочку с колен и поставила ее на ковер, хотя Алиса явно этого не желала, — обстоятельство, к которому властительница Дерби и Мэна, без сомнения, отнеслась бы более благосклонно, если бы девочка происходила из верного королю знатного рода.

— Я вас не осуждаю, — сказала она, — никому не ведомо, до чего может довести нас соблазн. И все же я полагала, что Певерил Пик скорее согласится жить в глубочайшей пропасти унижения, нежели почитать себя обязанным цареубийце.

— Да что вы, миледи, — возразил рыцарь, — мой сосед, разумеется, человек скверный, но все же лучше, чем вы думаете; он всего лишь пресвитерианин — это я должен признать — но отнюдь не индипендент.

— Это почти такие же чудовища — они трубили в рог, ловили и связывали жертву, которую индипенденты умерщвляли. Из этих двух сект я предпочитаю индипендентов. Они по крайней мере дерзкие, бесстыдные, жестокие злодеи, похожие скорее на тигров, нежели на крокодилов. Не сомневаюсь, что почтенный джентльмен, который нынче поутру..,

Тут она остановилась, увидев, что леди Певерил смущена и раздосадована.

— Я — несчастнейшая из смертных, — сказала она. — Я огорчила вас, Маргарет, хотя и не знаю чем. Я не люблю тайн, да их и не должно быть между нами.

— Никакой тайны здесь нет, сударыня, — нетерпеливо отозвалась леди Певерил, — я всего лишь ждала случая уведомить мужа о случившемся. Сэр Джефри, мистер Бриджнорт, к несчастью, находился здесь, когда мы встретились с леди Дерби, и почел своим долгом сказать о том, что...

— Сказать о чем? — нахмурившись, спросил рыцарь. — Вы, сударыня, всегда были слишком расположены терпеть наглые притязания подобных людей.

— Я хочу только сказать, что тот человек, о котором рассказывала леди Дерби... что он был братом его покойной жены, и потому он угрожал... но я не думаю, чтобы он в самом деле... — пролепетала леди Певерил.

— Угрожал? Угрожал графине Дерби в моем доме? Вдове моего друга, благородной Шарлотте из Лейтем-хауса? Клянусь всевышним, лопухий мерзавец за это поплатится! Но почему мои слуги не вышвырнули его в окно?

— Увы! Сэр Джефри, вы забываете, в каком мы у него долгу, — сказала леди Певерил.

— В долгу! — еще более негодуя, вскричал рыцарь, ибо в простодушии своем он полагал, что жена его намекает на денежный долг. — Если я и должен ему какую-то ничтожную сумму, то разве этот заем не обеспечен? И разве это дает ему право распоряжаться и разыгрывать мирового судью в замке Мартиндейл? Где он? Куда вы его девали? Я хочу... я непременно должен с ним говорить.

— Успокойтесь, сэр Джефри, — вмешалась графиня, которая теперь угадала причину опасений своей родственницы, — уверяю вас, что вам вовсе не нужно защищать меня от этого неучливого мошенника, как назвал бы его автор «Смерти Артура». Клянусь вам, что кузина сторицей отплатила за мою обиду, и я так

рада, что своим избавлением обязана единственно ее мужеству, что приказываю и повелеваю вам, как истинному рыцарю, не присваивать себе чужие лавры.

Леди Певерил, которая знала горячий и необузданный нрав мужа, заметив, что гнев его усиливается, рассказала о происшедшем и очень просто и ясно объяснила причину вмешательства майора Бриджнорта.

— Весьма сожалею, — сказал рыцарь. — Я полагал, что он благоразумнее, и надеялся, что нынешняя счастливая перемена пойдет ему на пользу. Но вам следовало тотчас же сказать мне об этом. Честь не позволяет мне держать его пленником в замке, словно я боюсь, что он может нанести какую-нибудь обиду графине, пока она находится под крышей моего дома или даже за двадцать миль отсюда.

С этими словами он поклонился графине и пошел прямо в золотую комнату, оставив леди Певерил в сильной тревоге за исход неприятной встречи между ее вспыльчивым супругом и упрямым Бриджнортом. Однако опасения ее были напрасны, ибо встрече этой не суждено было состояться.

Когда сэр Джефри, отпустив Уитекера и его часовых, вошел в золотую комнату, где думал найти своего пленника, тот уже исчез, прибегнув к способу, который нетрудно было разгадать. В спешке леди Певерил и Уитекер — которые одни только знали про передвижную панель — совершенно о ней забыли. Вполне возможно, что Бриджнорт заметил случайно оставшуюся щелку, обнаружил панель и, отодвинув ее, вошел в потайную комнату, находившуюся за нею, а оттуда через коридор, проделанный в толще стены, пробрался к подземному выходу из замка, — они нередко встречаются в старинных зданиях, владельцы коих так часто испытывали превратности судьбы, что обыкновенно устраивали какое-нибудь скрытое убежище и потайной выход из своей крепости. Было ясно, что Бриджнорт нашел этот потайной выход и воспользовался им, ибо секретные двери, ведущие к подземному ходу и к передвижной панели, были открыты.

Сэр Джефри вернулся к дамам в некотором замешательстве. Пока Бриджнорт оставался в замке, он ничего не боялся, ибо знал, что превосходит майора физической силой и тою отвагой, которая побуждает человека без колебаний бросаться навстречу опасности, непосредственно угрожающей его жизни. Но издали сила и могущество Бриджнорта по-прежнему казались сэру Джефри огромными, и, несмотря на недавние перемены, он так привык думать о соседе либо как о влиятельном друге, либо как об опасном враге, что теперь беспокоился за графиню гораздо сильнее, чем желал бы в том признаться даже самому себе. Графиня заметила его огорчение и тревогу и спросила, не грозит ли ему присутствие ее в замке какими-нибудь неприятностями или опасностью.

— Я был бы рад любой неприятности, а еще более — опасности, вызванной такою причиной, — отвечал сэр Джефри. — Я хотел просить вас, миледи, на несколько дней почтить своим присутствием замок Мартиндейл; ваш визит хранился бы в тайне до тех пор, пока вас не перестали бы разыскивать. Если бы я встретился с этим Бриджнортом, я, наверное, убедил бы его вести себя благопристойно, но теперь он на свободе и постарается держаться от меня подальше; но хуже всего то, что он раскрыл тайну комнаты священника.

Тут рыцарь умолк и, казалось, чрезвычайно смущался.

— Стало быть, вы не можете ни спрятать, ни защитить меня? — спросила графиня.

— Покорнейше прошу прощения, миледи, — возразил рыцарь, — но я еще не все сказал. Дело в том, что у этого человека множество друзей среди здешних пресвитериан, которых гораздо больше, чем я бы того хотел; и если он встретится с курьером, который везет предписание Тайногр совета взять вас под арест, то, вероятно, будет поддерживать его силами отряда, достаточного для исполнения приказа. Нам же вряд ли удастся быстро собрать столько друзей, сколько нужно, чтобы оказать им сопротивление.

— К тому же я вовсе не желаю, чтобы мои друзья брались за оружие с целью защитить меня от королевского предписания, сэр Джефри, — заметила графиня.

— Что ж, если его величеству угодно выдавать ордера на арест лучших своих друзей, он должен ожидать сопротивления. Однако мне думается, что в этих прискорбных обстоятельствах вашей светлости лучше всего — хоть это предложение едва ли сообразно с правилами гостеприимства, — если вы не слишком устали, тотчас же сесть на коня. Я буду сопровождать вас с несколькими смельчаками, и мы благополучно доставим вашу светлость в Вейл-Ройял, хотя бы шерифу вздумалось преградить нам путь целым *posse comitatus*.¹

Графиня Дерби охотно приняла это предложение. Ночью она хорошо отдохнула в потайной комнате, куда Элзмир проводила ее накануне, и была готова продолжать свое путешествие или бегство, ибо, по ее замечанию, и сама не знала, какое слово здесь уместнее.

Леди Певерил заплакала при мысли, что друг и покровительница ее молодости вынуждена бежать из ее дома в ту самую минуту, когда над нею сгущаются грозные тучи бедствия, но иного, более безопасного выхода она не видела. Несмотря на горячую привязанность к леди Дерби, она примирилась с поспешным отъездом гостьи, ибо знала, что присутствие графини в замке в такое время и при таких обстоятельствах могло навлечь на бесстрашного и пылкого сэра Джефри серьезные неприятности и даже опасность.

Покуда леди Певерил хлопотала о том, чтобы снабдить гостью по возможности всем необходимым для дальнейшего путешествия, супруг ее, чей дух в ожидании решительных действий неизменно воспламенялся, приказал Уитекеру собрать несколько вооруженных с головы до ног удальцов.

---

¹ Отрядом граждан (лат.).

— У нас есть два лакея, затем Ланс Утром и Сондерс, еще один конюх, Роджер Рейн с сыном (только скажи Роджеру, чтобы он не вздумал снова напиться), ты сам, молодой Дик из Дейла со своим слугою да еще три или четыре арендатора — словом, вполне достаточно людей, чтобы потягаться с любым отрядом, какой им удастся набрать. Все эти ребята бьются как львы и не задают вопросов — они всегда лучше работали руками, чем языком, да и рты у них приспособлены не для разговоров, а для выпивки.

Уитекер, проникшись важностью происходящего, спросил, уведомить ли ему также сэра Джаспера Крэнборна.

— Упаси тебя бог сказать ему хоть слово, — отвечал рыцарь. — Насколько я понимаю, дело может кончиться так называемым лишением покровительства законов, а я не хочу подвергать опасности ничьи владения, кроме своих собственных. Сэр Джаспер и так уже давно не знает покоя. Пусть он хоть на старости лет поживет в мире.

Глава VII

Фенг. На помощь! На помощь!

Хозяйка. Люди добрые, дайте сюда пару помочей!

«Генрих IV», ч. II¹

Люди Певерила так привыкли к команде «Седлать коней!», что все всадники мгновенно выстроились в боевой порядок и с достоинством, приличествующим опасности, отправились провожать графиню Дерби по пустынной холмистой части Дербишира, которая граничит с соседним графством Чешир. Кавалькада продвигалась вперед со всевозможными предосторожностями — привычка, приобретенная во время гражданских войн. Один надежный, вооруженный

---

¹ Перевод Е. Бируковой.

до зубов всадник ехал в двухстах ярдах впереди; за ним следовали двое других с карабинами на изготовку. Примерно в сотне ярдов от авангарда двигались главные силы — три ряда крепких, испытанных всадников во главе с сэром Джеффри, они охраняли графиню Дерби, ехавшую на лошади леди Певерил (ее собственная была измучена скачкой из Лондона в замок Мартиндейл) в сопровождении верного конюшего и служанки Арьергард составляли Уитекер и Ланс Утрем — облеченные особым доверием слуги, которым было поручено прикрывать отступление. Как говорится в испанской пословице, они ехали, «закинув бороду за плечо», то есть время от времени оглядывались по сторонам, чтобы сразу же обнаружить преследователей.

Однако, несмотря на опытность в военном деле, Певерил и его соратники были не слишком искушены в дипломатических тонкостях. Рыцарь без всякой к тому надобности подробно посвятил Уитекера в цель их похода, а тот, в свою очередь, был равным образом откровенен со своим товарищем, лесничим Лансом

— Чудно мне что-то, мистер Уитекер, — проговорил последний, узнав, в чем дело — Вы человек ученый, так растолкуйте же мне почему мы лет двадцать только и делали, что мечтали о возвращении короля, молились за короля, сражались за короля и умирали за короля, а теперь, чуть только он воротился, тут же напяливаем на себя доспехи, чтобы помешать исполнению его приказа?

— Эх ты, дурень, — отвечал Уитекер, — видать, ты вовсе не понял, в чем тут суть. Ведь мы же все время, с самого начала, сражались за короля против его воли, потому что, помнится, все прокламации и прочие бумаги этих злодеев всегда были писаны от имени короля и парламента.

— Да неужто? — удивился Ланс. — Ну, коль они снова взялись за старое и начинают от имени короля рассылать предписания на арест его вернейших подданных, то дай бог здоровья нашему доблестному рыцарю, который готов сразу же сбить с них спесь.

А если Бриджнорт вздумает за нами погнаться, я буду рад ему всыпать.

— А за что? Он, правда, мерзкий круглоголовый и пуританин, но сосед он хороший. Что он тебе сделал? — спросил Уитекер.

— Да ничего, только незаконно охотился в поместье, — отвечал лесничий.

— Еще чего придумаешь! Шутник ты, Ланс Бриджнорт не охотится ни с собаками, ни с соколами; такие подвиги не по нем.

— Да, как же! Вы еще не знаете, за какой он дичью гоняется, этот самый Бриджнорт, со своею постной рожей, от которой испуг берет младенцев и киснет молоко у кормилиц.

— Уж не хочешь ли ты сказать, что он бегаёт за девицами? Да ведь он чуть не помешался с горя после смерти жены. Ты же знаешь, что наша госпожа для того и взяла к себе девочку, чтобы Бриджнорт не задушил ее, когда вспомнит про ее мать и разум у него вдруг помутится. По правде говоря, есть много бедных кавалерских детей, которые больше заслуживают забот миледи — не в обиду ей будь сказано... Но продолжай, что за историю имел ты в виду?

— Дело вот в чем, — промолвил Ланс. — Вы, мистер Уитекер, быть может, заметили, что некая мисс Дебора оказывала некоторую благосклонность некоему молодому человеку в некотором доме.

— Уж не тебе ли, Ланс Утрем? Ты самый большой хвастун..

— Хвастун? — удивился Ланс. — Да ведь только вчера вечером она при всех вешалась мне на шею.

— Жаль, что она не петля и не задушила тебя за твою дерзость и похвальбу, — заметил управляющий.

— Нет, вы сперва послушайте. На другое утро, то есть нынче утром, я собрался в парк подстрелить оленя, рассудив, что после вчерашней пирушки не мешало бы иметь на кухне кусок оленины. Проходя под окнами детской, я поглядел наверх, чтобы узнать, чем занята госпожа гувернантка. Только она меня заметила, как сразу же кинулась надевать шаль и капор.

Тотчас вслед за этим отворилась дверь кладовой, и я увидел, как она вышла в сад, перелезла через пролом и спустилась в парк, и тут я подумал: «Ну, мисс Дебора, если вам так не терпится плясать под мою дудку, то уж я заставлю вас за мной побегать!» И тогда я повернул к Айви-Тод-Динглу, где густой кустарник и болото, и пошел кружить по дну ущелья Хэксли, а сам все время думаю, что она идет за мной, да смеюсь про себя, что завел ее в такую даль.

— За это тебя следовало бы утопить в луже, как глупого щенка; но только я не пойму, что общего между Бриджнортом и этой сказкой о Джеке с фонарем.

— В том-то и дело, что из-за него, то есть из-за Бриджнорта, она за мной вовсе и не шла. Я плелся еле-еле, потом остановился, потихоньку повернул назад, никак не мог взять в толк, куда она девалась, и наконец решил, что вел себя в этом деле как настоящий осел.

— Не согласен, — перебил его Уитекер. — Ни один осел никогда не поступил бы так, как ты... Ну да ладно, продолжай.

— Я повернул обратно к замку и зашагал так быстро, как будто у меня пошла кровь из носу; и вдруг у зарослей терновника, не дальше, чем на выстрел из лука от подземного хода, увидел, как мисс Дебора беседует с неприятелем.

— С каким неприятелем? — спросил дворецкий.

— С каким? С каким же еще, кроме как с Бриджнортом? Они прятались в чаще. Ну, постойте, думаю я, мне не впервой вспугнуть оленя, и если я не смогу вспугнуть вас, то, значит, мои стрелы годятся лишь на то, чтобы замешивать пудинг. И вот я обошел во круг зарослей, чтобы застать их врасплох, и пусть мне никогда не натягивать тетивы, если я не видел, как он давал ей золото и жал руку!

— А больше между ними ничего не было? — спросил дворецкий.

— Честно говоря, ничего, но и этого было довольно, чтобы я сразу протрезвился, — отвечал Ланс. — Я-то думал, что самая хорошенькая девушка в замке

пляшет под мою дудку, а тут вдруг выходит, что она обвела меня вокруг пальца и торгуется по углам со старым богачом-пуританином!

— Уж поверь мне, Ланс, что тут все не так, как тебе мнится, — сказал Уитекер. — Бриджнорту не до любовных приключений, а у тебя только они одни на уме. Впрочем, нашему рыцарю не мешало бы узнать, что сосед тайно встретился с Деборой и дал ей золотой — ведь еще ни один пуританин не давал никому золота, кроме как в награду за всякие черные дела или для того, чтобы подбить на них кого-нибудь.

— Нет уж, не такой я подлец, чтобы доносить на девушку хозяину. Она вправе делать что ей вздумается, как сказала та старуха, которая целовалась со своею короной; только я не очень-то одобряю ее выбор, вот и все. Ему наверняка под пятьдесят, а постная рожа под нахлобученной шляпой да мешок тощих, сухих костей, завернутый в черный плащ, по мне, не очень-то соблазнительны.

— Еще раз говорю тебе, что ты ошибаешься, — возразил Уитекер. — Между ними нет и не может быть никаких любовных шашней; а скорее всего тут какие-то козни, и, может быть, даже и против самой благородной графини Дерби. Говорю тебе, что хозяин должен об этом знать, и я сей же час все ему расскажу.

С этими словами дворецкий, несмотря на старания Ланса защитить Дебору, подъехал к главным силам маленького отряда и сообщил рыцарю и графине Дерби о рассказе лесничего, а также о своих подозрениях насчет того, что майор Бриджнорт хочет завести в замке Мартиндейл шпионов — то ли намереваясь исполнить свою угрозу и отомстить графине Дерби, виновнице смерти его шурина, то ли с другою, неизвестной, но зловещей целью.

Рассказ Уитекера привел сэра Джеффри в страшную ярость. Разделяя предубеждения своей партии, он был уверен, что противная сторона хочет восполнить недостаток силы хитростью и интригами, и сразу решил, что сосед его, чье благоразумие всегда внушало ему почтение, а порою даже страх, зачем-то

вступил в тайную сделку с одним из его домочадцев. Если это злой умысел против его благородной гостии, значит, тут кроется гнусная измена; если же прав Ланс, то все равно преступная связь с женщиной, приближенной леди Певерил, уже сама по себе — верх наглости и неприличия со стороны такого человека, как Бриджнорт, — и естественно, что сэр Джеффри воспылил против него гневом.

Едва Уитекер успел вернуться на свое место в арьергарде, как он уже опять поскакал во весь опор к главным силам отряда с неприятным известием, что за ними гонится не меньше десятка всадников.

— Скачите в ущелье Хартли, и там с божьей помощью мы перехватим этих мошенников, — сказал рыцарь. — Прощайте, графиня Дерби! Для разговоров нет времени. Поезжайте вперед с Уитекером и еще одним надежным человеком, а я уж постараюсь, чтобы никто не наступал вам на пятки.

— Я останусь с вами и встречу их лицом к лицу, — отвечала графиня. — Ведь вам давно известно, что меня не пугает зрелище боя.

— Вы должны ехать вперед, сударыня, — повторил рыцарь, — ради молодого графа и других родственников моего благородного друга. Это дело недостойно вашего внимания; схватка с этими негодяями — просто детская игра.

Графиня с большою неохотой согласилась бежать от преследователей. В это время отряд очутился на дне крутого каменистого ущелья Хартли, где дорога, или, вернее, тропинка, до сих пор проходившая по довольно открытой местности, вдруг суживалась, стесненная густыми зарослями кустарника с одной стороны и обрывистым берегом горной речки с другой.

Графиня Дерби дружески простилась с сэром Джеффри и, попросив передать поклон своему будущему пажу и его матери, вместе со своим провожаемым галопом поскакала по ущелью и вскоре скрылась из виду. Тотчас вслед за этим преследователи поравнялись с Певерилом, который разместил свой отряд таким образом, чтобы с трех сторон совершенно отрезать им дорогу.

Как и ожидал сэр Джефри, неприятельский отряд возглавлял майор Бриджнорт. Рядом с ним ехал человек в черной одежде с серебряною бляхой в виде борзой собаки на рукаве; позади следовало человек десять жителей деревни Мартиндейл-Моултрэсси; двое или трое из них были констеблями, а прочих сэр Джефри знал как сторонников свергнутого правительства.

Когда всадники приблизились, сэр Джефри велел им остановиться, но они продолжали скакать вперед, и тогда рыцарь приказал своим людям взять на изготовку пистолеты и карабины. Заняв эту позицию, он громовым голосом повторил:

— Стой, или мы будем стрелять!

Неприятели остановились, и майор Бриджнорт выехал вперед, как бы желая вступить в переговоры.

— Что это значит, сосед? — промолвил сэр Джефри, притворяясь, будто только сейчас узнал Бриджнорта. — Куда вы скачете в такую рань? Разве вы не боитесь загнать своего коня или притупить шпоры?

— Сэр Джефри, — отвечал майор, — мне не до шуток. Я исполняю приказ короля.

— Уверены ли вы, что это не приказ старого Нола? Ведь прежде вы предпочитали его приказы, — с улыбкою промолвил рыцарь, вызвав громкий хохот своего отряда.

— Покажите ему предписание, — обратился Бриджнорт к упомянутому выше человеку в черном, который был королевским курьером. Затем, взяв у этого должностного лица бумагу, он подал ее сэру Джефри. — Надеюсь, вы хоть этому документу окажете уважение.

— Ровно столько, сколько оказали бы вы месяц тому назад, — отвечал рыцарь, разрывая предписание в клочки. — На что это вы так устались? Вы воображаете, что вам дано исключительное право устраивать мятежи, а что мы, в свою очередь, не можем показать пример неповиновения?

— С дороги, сэр Джефри Певерил! — воскликнул Бриджнорт. — Иначе вы заставите меня пустить

в ход средства, коих я хотел бы избежать. В этом деле я отмщаю за кровь одного из святых мучеников и буду продолжать погоню, пока небо не лишит меня сил.

— Берегитесь, — отвечал сэр Джефри, — это моя земля, и последние двадцать лет мне достаточно докучали святые, как вы изволите себя величать. Говорю вам, мистер Бриджнорт, что я не позволю безнаказанно покушаться на безопасность моего дома, преследовать моих друзей на моей земле или, как вы уже пытались, подкупать моих слуг. Я вас уважаю за добрые дела, которых не забуду и не стану отрицать, и вам трудно будет заставить меня поднять на вас саблю или навести пистолет, но если вы осмелитесь сделать хоть одно враждебное движение или продвинуться хоть на шаг, я тотчас же пресеку эту попытку. Что же до этих мерзавцев, которые явились в мои владения досаждать благородной даме, то если вы не прикажете им отступить, я отправлю койкого из них к дьяволу раньше, чем наступит его срок.

— Посторонитесь, если жизнь вам дорога, — сказал майор Бриджнорт, положив правую руку на чехол своего пистолета.

Сэр Джефри тотчас поравнялся с ним, схватил его за шиворот и, пришпорив Черного Гастингса, в то же время натянул поводья так, что конь сделал прыжок и всею своей тяжестью обрушился на лошадь противника. Будь на месте Бриджнорта расторопный воин, он мог бы всадить неприятелю пулю в лоб. Но Бриджнорт, хоть и служил некоторое время в армии парламента, отличался скорее гражданской, нежели воинской, доблестью и уступал своему противнику не только в силе и искусстве верховой езды, но главным образом в решимости и отваге, которые заставили сэра Джефри не раздумывая ринуться в бой. Поэтому не мудрено, что в схватке, столь мало сообразной с их старинным знакомством и близким соседством, Бриджнорт был сброшен со своего коня. Сэр Джефри тотчас же спешился, и его отряд кинулся на всадников Бриджнорта, которые ринулись на помощь сво-

ему начальнику. Засверкали сабли, защелкали курки пистолетов, но сэр Джеффри громовым голосом приказал обоим отрядам остановиться и опустить оружие.

Курьер воспользовался предложением и тут же нашел повод не упорствовать долее в исполнении своего опасного долга.

— Предписание уничтожено, — объявил он. — Виновники будут отвечать перед Тайным советом, я же, со своей стороны, не могу следовать дальше без этой бумаги.

— Славно сказано! Сразу видно миролюбивого человека! — воскликнул сэр Джеффри. — Его надо угодить в замке, да и кляча его совсем выбилась из сил. Вставайте, сосед Бриджнорт, надеюсь, вы не ушиблись в этой дурацкой потасовке? Я бы ни за что не поднял на вас руку, если б вы не схватились за пистолет.

С этими словами он помог майору подняться. Курьер тем временем отъехал в сторону вместе с констеблем и его помощником, которые втайне подозревали, что, хоть Певерил и нарушил закон, судьи будут снисходительны к его проступку, и потому ради собственной пользы и безопасности им лучше не вступать с ним в пререкания. Однако прочие спутники Бриджнорта, его друзья и единомышленники, несмотря на ослабление своих рядов, не трогались с места и, судя по их виду, твердо решили во что бы то ни стало подерживать своего начальника.

Между тем Бриджнорт вовсе не намеревался продолжать спор. Он довольно грубо оттолкнул сэра Джеффри, но не обнажил свою шпагу. Напротив, он с мрачным и угрюмым видом вскочил в седло и, дав знак своим спутникам, двинулся в обратный путь. Сэр Джеффри несколько минут смотрел ему вслед, а потом сказал:

— Не будь он пресвитерианином, он был бы честным человеком. Но в них нет добродушия, они никогда вам не простят, ежели вы сбросили их на землю; они злопамятны, а это мне противно не меньше, чем черный плащ и женевская ермолка, из-под

которой торчит пара длинных ушей, словно две трубы по бокам соломенной крыши. Вдобавок они еще хитры как черти, и потому, Ланс Утрем, возьми с собой двоих всадников и поезжай за ними вслед, чтобы им не вздумалось обойти нас с фланга и снова погнаться за графиней.

— Я скорей позволю им затравить собаками ручную белую лань миледи, — отвечал Ланс совершенно в духе своего ремесла. Исполняя приказ хозяина, он отправился вслед за майором Бриджнортом, держась в некотором отдалении от последнего и наблюдая за его передвижениями с высоких холмов, господствующих над местностью. Вскоре обнаружилось, что майор не замышляет никаких маневров, а держит путь прямо к дому. Убедившись в этом, сэр Джеффри отпустил большую часть своего отряда и, оставив при себе лишь слуг, поспешил вдогонку за графиней.

Остается лишь добавить, что он исполнил свое намерение и проводил графиню Дерби до Вейл-Ройяла, не встретив больше никаких препятствий. Владелец этого поместья охотно взялся довести благородную даму до Ливерпуля, откуда она благополучно отплыла на корабле в наследственные владения своего сына, где, без сомнения, могла жить в безопасности, пока не прекратится дело по обвинению ее в том, что, казнив Кристиана, она нарушила королевский закон об амнистии.

Довольно долгое время добиться этого никак не удавалось. Кларендон, стоявший тогда во главе правительства Карла, почитал ее опрометчивый поступок (хоть и внушенный чувствами, которые человеческое сердце может до некоторой степени извинить) предумышленным нарушением восстановленного в Англии мира и спокойствия, ибо он возбудил сомнения и страхи людей, которые должны были опасаться последствий того, что в наше время называется реакцией. Но, с другой стороны, важные заслуги знаменитого рода Дерби, достоинства самой графини, память о ее доблестном супруге, а также весьма своеобразные обстоятельства, выводившие этот случай за пределы обычного судопроизводства, — все это говорило

в ее пользу. Кончилось тем, что в наказание за смерть Кристиана был определен большой штраф, исчислившийся, как мы полагаем, несколькими тысячами фунтов, — сумма, которую с большим трудом взыскали с разоренных поместий молодого графа Дерби.

Глава VIII

Мой край родной, прости!

*Байрон*¹

После отъезда сэра Джеффри и графини Дерби из замка Мартиндейл леди Певерил провела несколько часов в сильной тревоге, особенно когда она узнала, что майор Бриджнорт, за передвижениями коего она велела тайно наблюдать, с вооруженным отрядом всадников отправился на запад вслед за рыцарем.

Наконец Уитекер, вернувшийся с поклоном от сэра Джеффри и рассказом о его схватке с майором Бриджнортом, уверил ее в безопасности мужа и графини.

Леди Певерил с содроганием подумала, как близко было возобновление междоусобий; благодаря бога за спасение мужа, она невольно беспокоилась о последствиях его ссоры с майором Бриджнортом. Теперь их семейство лишилось старинного друга, доказавшего им свое расположение в несчастье, когда дружба подвергается самому тяжелому испытанию, и ей пришлось в голову, что, раздраженный всем происшедшим, Бриджнорт может превратиться в докучливого и даже опасного врага. До сих пор он не особенно злоупотреблял своими правами кредитора, но теперь, вздумай он выказать суровость, сэра Джеффри могли ожидать значительные неприятности, ибо закон был на стороне майора, — это леди Певерил, как рачительная хозяйка, знавшая дела своего мужа гораздо лучше его самого, слишком хорошо понимала. Правда, она утешала себя мыслью, что все еще имеет

---

¹ Перевод В. Фишера.

на Бриджнорта большое влияние благодаря его любви к дочери и твердой убежденности, что только ее заботы могут сохранить здоровье маленькой Алисы. Но все надежды на примирение, которые это обстоятельство внушало леди Певерил, были разбиты происшествием, случившимся на другой день поутру.

Упомянутая нами выше гувернантка Дебора по обыкновению повела детей на утреннюю прогулку в парк вместе с Рейчел, девушкой, которая иногда помогала ей присматривать за ними, но против обыкновения в урочный час она не вернулась. Когда подошло время завтрака, Элмир с весьма чопорным видом явилась доложить хозяйке, что Дебора не сочла нужным воротиться из парка, хотя уже пора завтракать.

— Значит, она сейчас придет, — спокойно отвечала леди Певерил.

Элмир иронически ухмыльнулась, а затем, продолжая свою чинную речь, сообщила, что Дебора отослала Рейчел домой с маленьким мистером Джулианом, сама же изволила объявить, что отправляется с мисс Бриджнорт в рощу Моултрэсси (эта роща ныне отделяла земли майора от владений сэра Джефри).

— Уж не сошла ли она с ума? Как она смеет своевольничать и не возвращаться домой вовремя? — сердито спросила леди Певерил.

— Быть может, сошла с ума, а быть может, наоборот, набралась ума кой у кого, да только сдается мне, что вашей милости не худо бы за этим присмотреть, — с таинственным видом проговорила Элмир.

— За чем присмотреть? — с досадой сказала леди Певерил. — Ты нынче говоришь что-то уж очень загадочно. Если ты узнала о ней что-нибудь дурное, то прошу тебя сказать это мне.

— Дурное? — вскричала Элмир. — Я не унижусь до того, чтобы говорить дурное про других слуг или служанок; я только прошу вашу милость открыть глаза и посмотреть, что творится вокруг вас, вот и все.

— Ты просишь меня открыть глаза, Элмир, но кажется, ты хочешь заставить меня смотреть сквозь

твои очки, — отвечала леди Певерил. — Я тебе приказываю — а ты знаешь: я люблю, чтоб меня слушались, — приказываю сказать мне все, что ты знаешь или подозреваешь насчет Деборы Деббич.

— Сквозь мои очки! — вскричала возмущенная Эбигейл. — Прошу прощения, ваша милость, но только я никогда не ношу очков, не считая тех, что достались мне от моей бедной матушки, да и те надеваю только, когда требуется затейливо вышить чепчик вашей милости. Никто еще не видывал, чтоб хоть одна женщина старше шестнадцати лет вышивала без очков. А что до подозрений, то я ничего не подозреваю, потому как ваша милость не велели мне указывать Деборе Деббич, и, стало быть, мне от того ни холодно, ни жарко. Только, — тут она сжала губы и принялась цедить слова так, что до леди Певерил не доносилось почти ни звука, а у слов, прежде чем они срывались с уст Элмир, обрубались оба конца, — только вот что я вам скажу, миледи: если барышня Дебора будет так часто ходить по утрам в рощу Моултрэсси, то не мудрено, если она в один прекрасный день не найдет дороги назад.

— Еще раз спрашиваю тебя, Элмир, что все это значит? Ты всегда была разумной женщиной, так скажи мне прямо — в чем дело?

— Я хочу только сказать, миледи, — продолжала Эбигейл, — что с тех пор, как Бриджнорт воротился из Честерфилда и посетил ваш замок, Дебора изволила каждое утро водить детей в рощу Моултрэсси, и как-то уж так выходило, что она частенько встречала майора (как его величают), когда он там прогуливался — ведь нынче он может прогуливаться, как все прочие, и ручаюсь вам, что от этих встреч Дебора не осталась в убытке, потому как она купила себе новый капор, что вполне сгодился бы и вашей милости, но вот было ли у ней на уме что-нибудь, кроме золотой монеты, которую он ей дал, о том, разумеется, судить только вам, миледи. ¹

Леди Певерил тотчас истолковала поведение гувернантки в более выгодную сторону и невольно рас-

смеялась, видя, что Бриджнорта с его строгими правилами, важностью и замкнутостью подозревают в любовных интригах, и сразу же заключила, что Дебора решила обратить себе на пользу отцовские чувства майора, устраивая ему свидания с дочерью в течение короткого времени между его первой встречей с маленькой Алисой и последними происшествиями. Однако, спустя час после завтрака, она немного удивилась, узнав, что Дебора с девочкой еще не вернулись, а в замок приехал верхом единственный слуга майора Бриджнорта в дорожном костюме и, передав письма, адресованные ей и экономке Элмир, ускакал, не дожидаясь ответа.

В этом не было бы ничего странного, если бы речь шла о ком-нибудь другом, а не о майоре Бриджнорте: он всегда поступал так спокойно и уравновешенно и действовать необдуманно или по первому побуждению было настолько не в его характере, что малейшая поспешность с его стороны вызывала удивление и любопытство.

Леди Певерил торопливо вскрыла письмо и прочла следующее:

«Достопочтенной и высокочтимой леди Певерил в собственные руки.

Милостивая государыня,

с вашего позволения, я пишу более для того, чтобы оправдаться перед вами, нежели для того, чтобы обвинить вас или других, ибо понимаю, что вследствие природных наших слабостей нам приличнее признаваться в своем собственном несовершенстве, чем упрекать в нем ближних. Я также не намерен говорить о прошлом, особенно о том, что касается вашей милости, ибо знаю, что если я был вам полезен в то время, когда наш Израиль можно было назвать торжествующим, вы воздали мне сторицею, возвратив в мои объятия дитя, вызванное, так сказать, из-под черного крыла смерти. Посему я от всего сердца прощаю вашей милости недружелюбные и насильственные меры, принятые вами против меня при нашей по-

следней встрече (поелику женщина, бывшая причиною спора, принадлежит к вашей родне), и умоляю вас подобным же образом простить меня за то, что я переманиваю из числа вашей прислуги молодую особу по имени Дебора Деббич, чьи понятия о воспитании, внушенные вашей милостью, кажутся мне необходимыми для сохранения здоровья моей возлюбленной дочери. Я намеревался прежде, с вашего милостивого соизволения, оставить Алису в замке Мартиндейл под вашим благосклонным надзором до тех пор, покуда она не научится отличать добро от зла в такой степени, что возникнет надобность наставить ее на путь истинной веры. Ибо я не сообщу ничего нового, если скажу (вовсе не желая при этом упрекать, а скорее испытывая сожаление), что вы, особа столь превосходных нравственных качеств, дарованных вам от природы, до сих пор не узрели истинного света, озаряющего наш путь, а напротив, привыкли блуждать во мраке среди могил. В бессонные ночные часы я молился о том, чтобы вы отвергли учение, уводящее с верного пути; но, к прискорбию своему, должен сказать, что поелику наш светильник вот-вот уберут, земля наша, по всей вероятности, погрузится во тьму еще более глубокую, чем прежде; и возвращение короля, которого я вместе со многими другими ожидал как проявления божественной благодати, по-видимому, оказывается не чем иным, как торжеством князя тьмы, каковой приступает к возрождению базара суеты житейской с помощью епископов, настоятелей и иже с ними, изгоняя мирных проповедников слова божия, подвизавшихся во спасение множества изголодавшихся душ. Итак, узнав достоверно, что велено сызнова поставить над нами этих брехливых псов, последователей Лода и Уильямса, изгнанных прежним парламентом, и что следует ожидать Акта о единообразии или, скорее, о безобразии церковной службы, я решился бежать от этой грядущей кары божией в поисках уголка, где мне можно будет жить в мире и пользоваться свободой совести. Ибо кто захочет оставаться в святилище после того, как разрушили ограду его алтаря, а в нем водворились филины

и бесы пустыни? Я упрекаю себя в том, что просто-сердечно и слишком легко согласился отправиться на торжество, где мое стремление к согласию и желание выказать уважение вашей милости сделались для меня западнею. Но я верю, что нынешнее мое намерение покинуть родину и дом моих отцов, а также место, где погребены детища моей любви, послужит для меня искуплением. Я также должен помнить, что чести моей (в светском смысле этого слова) был нанесен здесь урон, а мои полезные начинания были пресечены супругом вашим, сэром Джеффри Певерилом, и что я не имел возможности получить от него удовлетворение, — все равно как если бы родной брат поднял руку на мое доброе имя и на мою жизнь. Все сие — тяжкое испытание для потомков Адамовых, и посему, желая избежать новых распрей, а возможно даже, и кровопролития, я предпочитаю на время покинуть эту страну. Дела, которые мне нужно решить с сэром Джеффри, я поручаю почтенному и добронравному мистеру Йоакиму, по прозвищу Победоносный, стряпчему из Честера, который уладит их, не притесняя сэра Джеффри, по всей справедливости и в законном порядке, ибо если у меня, как я надеюсь, достанет сил не поддаться искушению превратить смертоубийственное оружие в орудие своей мести, то я, уж во всяком случае, не прибегну для этого к презренному мамоне. Искренне желая, чтобы всевышний не оставил вас своими щедротами, а наипаче не отказал бы вам в истинном познании путей своих, остаюсь, сударыня, ваш преданный слуга

Ралф Бриджнорт.

Писано в Моултрэсси-Холле, 1660 года, июля десятого дня».

Прочитав это длинное и необыкновенное послание, в котором сосед ее, как она рассудила, обнаружил гораздо больше религиозного фанатизма, чем можно было от него ожидать, леди Певерил подняла глаза и увидела Элзмир, на чьей физиономии боролись до-

сада и напускное презрение; до сих пор экономка крепилась, молча наблюдая за выражением лица своей госпожи, а теперь без обиняков обратилась к ней за подтверждением своих подозрений.

— Сдается мне, сударыня, — сказала она, — что этот безумный фанатик хочет жениться на Деборе. Толкуют, будто он собирается отсюда уехать. По правде говоря, давно пора; ведь не считая того, что вся округа поднимет его на смех, я не удивлюсь, если Ланс Утрем, лесничий, наставит ему рога; это как раз по его части.

— Я пока не вижу причин для злорадства, Элзмир, — отвечала леди Певерил. — В письме нет и слова о женитьбе; однако похоже на то, что майор Бриджнорт, собираясь оставить наши края, пригласил к себе на службу Дебору, чтобы присматривать за его дочерью, и я очень рада за девочку.

— А я рада за себя, да и за весь дом тоже, — сказала Элзмир. — Ваша милость полагает, что он на ней не женится? Право, я никогда не думала, что он может оказаться таким болваном; но тогда она, верно, пошла по совсем дурному пути: она пишет, что заняла более высокое положение, а в нынешние времена этого навряд ли добьешься честною службой. Потом она пишет, чтоб я отослала ей ее вещи, как будто я ведаю гардеробом ее милости, и еще поручает мистера Джулиана моим летам и опытности, — подумать только, как будто это ее дело — поручать мне наше сокровище! Да и как она смеет говорить о моих легах... Ужо я отошлю к ней ее лохмотья, чтоб духом ее здесь не пахло!

— Сделайте это учтиво, — сказала леди Певерил, — и пусть Уитекер пошлет ей ее жалованье и, сверх того, еще золотой: она хоть и легкомысленна, но всегда была добра к детям.

— А кое-кто слишком добр к своим слугам, ваша милость, и может избаловать самую лучшую служанку.

— Прежде всего я избаловала тебя, Элзмир, — сказала леди Певерил. — Напиши Деборе, чтоб она поцеловала за меня маленькую Алису и передала

майору Бриджнорту, что я желаю ему счастья в этой жизни и блаженства в будущей. — И, не вступая в дальнейшие пререкания, она отпустила экономку.

Когда Элмир ушла, леди Певерил с чувством сострадания принялась размышлять над письмом майора Бриджнорта, человека, без сомнения, чрезвычайного, достойного, но одинокого, подавленного бременем следовавших одна за другою семейных невзгод, а также мрачной и суровой, хотя и искренней набожности. Ее весьма тревожила также мысль о судьбе маленькой Алисы, которой, очевидно, предстояло теперь воспитываться под присмотром такого отца. И все же леди Певерил радовалась отъезду Бриджнорта, ибо, оставаясь в Моултрэсси-Холле, он непременно столкнулся бы с сэром Джеффри, что могло бы вызвать последствия еще более пагубные, чем в последний раз.

Размышляя обо всем этом, леди Певерил поделилась с доктором Даммерером недоумением и досадой по поводу того, что ее старания восстановить мир и согласие между враждебными партиями как нарочно всякий раз производили действие, совершенно противоположное желаемому.

— Если б не мое злополучное приглашение, — сокрушалась она, — Бриджнорт не явился бы в замок наутро после праздника, не встретил бы графиню и не навлек на себя гнев моего мужа. И если бы не возвращение короля — событие, которого мы так нетерпеливо ожидали, ибо оно должно было положить конец всем нашим бедствиям, — ни благородная графиня, ни мы сами не вступили бы на путь новых тревог и опасностей.

— Милостивая государыня, — возразил доктор Даммерер, — когда бы дела мира сего были направляемы исключительно человеческою мудростью или всегда совершались согласно человеческим расчетам, события не зависели бы от времени и обстоятельств, коим подвластны все смертные, ибо тогда в одном случае мы, действуя рассудительно и умело, навер-

няка достигали бы своих целей, в другом же поступали бы в соответствии с безошибочным предвидением. Но до тех пор, пока человек обретається в нашей юдоли слезной, он, так сказать, подобен неискусному игроку в мяч, который надеется попасть в цель, направляя мяч прямо на нее и не ведая о том, что одна сторона сфероида тяжелее другой, каковое обстоятельство, по всей вероятности, заставит мяч уклониться от прямого пути, а игрока — остаться в проигрыше.

Произнеся эту поучительную сентенцию, доктор взял свою лопатообразную шляпу и отправился на лужайку доигрывать с Уитекером партию в мяч, которая, надо полагать, и внушила ему это весьма замечательное и наглядное уподобление неверности человеческих судеб прихотливым случайностям игры.

Два дня спустя приехал сэр Джефри. Он оставался в Вейл-Ройяле, пока не узнал, что графиня благополучно отплыла на остров Мэн, после чего поспешил домой, к своей Маргарет. По дороге кто-то из спутников рассказал ему о празднике, устроенном ею для соседей по его распоряжению, и сэр Джефри, всегда одобрявший действия своей супруги, невольно вознегодовал, узнав, с какой любезностью она принимала пресвитериан.

— Я б еще принял Бриджнорта, ибо он всегда — до своей последней выходки — вел себя как добрый сосед; я примирился бы с его присутствием, если бы он, как следует верноподданному, выпил за здоровье короля, — сказал рыцарь, — но чтобы этот гнусавый мерзавец Солсгрейс со всей его нищей лопухой паствой устраивал свои тайные моления в доме моего отца, допустить, чтоб они там своевольничали, — нет, я не потерпел бы этого даже во времена их владычества! Даже в дни бедствий они могли проникнуть в замок Мартиндейл только тою дорогой, которую проложила им пушка старого Нола; но чтоб они явились сюда со своими псалмами теперь, после возвращения доброго короля Карла... нет, Маргарет, кланусь честью, ты узнаешь, что я об этом думаю!

Однако, несмотря на все эти гневные посулы, негодование совершенно угасло в груди честного рыцаря, когда он увидел, как его прекрасная супруга обрадовалась его благополучному возвращению. Обнимая и целуя жену, он простил ей все прегрешения, даже не успев их высказать.

— Ты сыграла со мной злую шутку, Мэг, — сказал он, с улыбкою качая головой, — и тебе известно, о чем я говорю; но, зная твою приверженность истинной церкви, я уверен, что ты, как настоящая женщина, просто вообразила, будто нужно поддерживать добрые отношения с этими круглоголовыми мошенниками. Но больше ты так не поступай. Я готов скорее допустить, чтоб замок Мартиндейл снова изрешетили их пушки, чем дружески принять кого-либо из этих мерзавцев, — разумеется, я всегда рад сделать исключение для Ралфа Бриджнорта, если только он возьмется за ум.

Леди Певерил пришлось рассказать мужу о бегстве гувернантки с Алисой и вручить ему письмо Бриджнорта.

— Вот поистине конец, достойный диссидента, женитьба на своей или чужой служанке, — сказал рыцарь. — Впрочем, Дебора недурна собою и, кажется, ей нет еще и тридцати.

— Ай-ай-ай, вы так же злы, как Элзмир, — заметила леди Певерил, — но я думаю, что в нем говорит лишь любовь к дочери.

— Полно! — вскричал рыцарь. — Женщины только и думают, что о детях, но мужчины, дорогая моя, частенько ласкают ребенка, чтобы поцеловать его нянюшку, и я не вижу ничего удивительного или дурного в том, что Бриджнорт женится на этой девице. Отец ее — зажиточный йомен, их род владеет своею фермой со времен битвы при Босуорте, — полагаю, что такая родословная ничуть не хуже, чем у правнука честерфилдского пивовара. Однако посмотрим, что говорит он сам, — я сразу почую, если в письме есть какие-нибудь туманные намеки на любовь и всякие нежные чувства, хоть это могло укрыться от твоего невинного взгляда, Маргарет.

Рыцарь тут же взялся за письмо, но был весьма удивлен странным слогом, которым оно было написано.

— Никак не пойму, что он там толкует про светильники и про разрушение ограды; разве что он хочет поставить на место большие серебряные подсвечники, которые мой дед заказал для церкви Мартиндейл-Моултрэсси, — эти подлые богохульники, его лопоухие дружки, украли их и переплавили. А про разрушения я знаю только то, что они разрушили ограду алтаря (за это многим из них теперь досталось-таки на орехи), да еще содрали медные украшения с гробниц моих предков, и все только из мести. А впрочем, главное ясно: бедняга Бриджнорт собирается отсюда уехать. Очень жаль, хоть я никогда не видался с ним чаще одного раза в день и никогда не сказал больше двух слов зараз. Однако я вижу, в чем тут дело: эта небольшая встряска пришлось ему не по вкусу, а ведь я всего лишь ссадил его с седла, легонечко, так же, как, например, посадил бы в седло тебя, Мэг, и я старался, чтобы ему не было больно, и вовсе не думал, что он такой щекотливый насчет чести и обидится на такие пустяки. Но теперь мне ясно, что его задело; и, ручаюсь тебе, я сделаю так, что он останется в Моултрэсси-Холле и возвратит тебе подружку Джулиана. По правде говоря, мне самому грустно, что придется расстаться с девочкой и что теперь, когда погода будет нехороша для охоты, я должен буду проезжать мимо Моултрэсси-Холла, не сказав Бриджнорту ни слова в окошко.

— Я была бы очень рада, если бы вы, сэр Джеффри, примирились с этим достойным человеком, ибо я все же почитаю его таковым, — сказала леди Пeverил.

— Если б не его диссидентские бредни, то лучшего соседа и не сыскать, — согласился сэр Джеффри.

— Но я не вижу возможности достигнуть столь желанной цели, — продолжала леди Пeverил.

— Просто ты не имеешь никакого понятия об этих делах. Я знаю, на какую ногу он хромает, и ты увидишь, что он будет ходить прямее прежнего.

Благодаря искренней любви и здравому смыслу леди Певерил не меньше всякой другой жительницы графства Дерби пользовалась правом на полную доверенность своего мужа, но, по правде говоря, на этот раз желание проникнуть в замыслы сэра Джеффри было так велико, что даже перешло границы, которые обыкновенно ставило ее любопытству чувство супружеского долга и взаимной привязанности. Она никак не могла взять в толк, почему способ примирения с соседом, который избрал сэр Джеффри (кстати, не слишком тонкий знаток человеческой природы), нужно непременно утаить от нее, и в глубине души беспокоилась, не усугубит ли он их разрыв. Но сэр Джеффри не стал больше слушать вопросов. Длительное командование полком развило в нем вкус к неограниченной власти и в собственном доме, и на все подходы к нему с разных сторон, которые изыскивала его хитроумная супруга, он отвечал только:

— Терпение, милая Маргарет, терпение. Это дело не по твоей части. Когда придет время, ты все узнаешь. Ступай присмотри за Джулианом. Ведь мальчишка-то все ревет и ревет из-за этой маленькой круглоголовой — и как это только он не устанет? Впрочем, дня через два или три Алиса воротится к нам, и снова все пойдет как по маслу.

Не успел добрый рыцарь окончить свою речь, как во дворе послышался рожок почтаря, и принесли большой пакет, адресованный почтенному сэру Джеффри Певерилу, мировому судье и прочая, ибо как только власть короля достаточно утвердилась, рыцарь снова сделался должностным лицом. Торопливо распечатав пакет, сэр Джеффри нашел в нем распоряжение, о котором сам хлопотал, а именно приказ возвратить доктору Даммереру приход, из коего тот был изгнан во время мятежа.¹

---

¹ Изгнание пресвитерианских священнослужителей произошло в день святого Варфоломея, который с тех пор называется Черным Варфоломеем. В этот день в Англии сместили и лишили права выступать с речами две тысячи пресвитерианских пасторов. Правда, священники имели возможность отречься от своих принципов или принять некоторые статьи Акта о единообразии,

Едва ли какое-либо иное сообщение могло бы доставить больше удовольствия сэру Джеффри. Он способен был простить любого храброго и дюжего сектанта или раскольника, который доказывал превосходство своего вероисповедания на поле битвы, молотя по шлему и латам самого рыцаря и других кавалеров. Но жажда мести не позволяла ему забыть, как Хью Питерс торжественно входил в его замок через пролом в стене, и, не различая толком всякого рода секты и их вождей, он считал всех, кто поднимался на кафедру без предписания англиканской церкви (быть может, втайне он делал исключение еще и для римской), возмутителями общественного спокойствия, обольстителями, отвращающими паству от законных ее пастырей, зачинщиками минувшей гражданской войны и вообще людьми, всегда готовыми разжечь новые распри.

С другой стороны, радуясь возможности досадить ненавистному Солсгрейсу, сэр Джеффри предвкушал также удовольствие восстановить в законных правах доктора Даммерера, своего старого друга и товарища по бранным подвигам и забавам, и снова водворить его в уютном и удобном домике приходского священника. Он с торжествующим видом уведомил жену о содержании пакета, и тогда она поняла таинственное место в письме майора Бриджнорта об убранном светильнике и о сгущении мрака в стране. Она объяснила это сэру Джеффри и постаралась внушить ему, что теперь для примирения с соседом достаточно лишь выполнить полученное предписание спокойно, деликатно и без торопливости, всячески щадя чувства Солсгрейса и его паствы. Это, по словам леди Певерил, не нанесет никакого ущерба доктору Даммеру, а напротив, может даже привлечь к его учению многих прихожан, которые в случае поспешного изгнания любимого проповедника могли бы навсегда отпасть от истинной веры.

К своей великой чести, Кэлем, Бэкстер и Рейнолдс сложили с себя епископский сан, а многие другие пресвитерианские проповедники отказались от приходов и иных привилегий, предпочитая обречь себя на лишения. (*Прим. автора.*)

Совет этот был равно мудрым и терпимым, и в другое время у сэра Джеффри достало бы благоразумия ему последовать. Но кто может действовать спокойно и хладнокровно в минуту торжества? Отрешение преподобного Солсгрейса совершенно было столь скоропалительно, что весьма походило на гонение, хотя суть дела заключалась всего лишь в том, что его предшественник был восстановлен в своих законных правах. Сам Солсгрейс, казалось, изо всех сил старался выставить напоказ свои страдания. Он держался до последней минуты и в то самое воскресенье, когда получил предупреждение об отставке, сделал попытку, как всегда, взойти на кафедру в сопровождении стряпчего майора Бриджнорта, по прозвищу Победоносный, и еще нескольких ревностных последователей.

В ту самую минуту, когда они входили в церковные ворота, через другие ворота на церковный двор торжественно вступила процессия, состоявшая из Певерила Пика, сэра Джаспера Крэнборна и других знатных кавалеров, во главе которых шествовал в полном облачении доктор Даммерер.

Чтобы предотвратить стычку в церкви, причетникам велено было воспрепятствовать дальнейшему продвижению пресвитерианского пастора, в чем они и преуспели, не нанеся ущерба никому, кроме пресвитерианского стряпчего из Честерфилда, которому проломил голову пьяница Роджер Рейн, содержатель таверны «Герб Певерилов».

Не смирясь духом, хотя и вынужденный уступить превосходящей силе, отважный Солсгрейс удалился в свой дом, который под каким-то «законным» предлогом, измышленным мистером Победоносным (в тот день прозвище это оказалось весьма неподходящим), решил самолично оборонять. Он запер на засов ворота, закрыл ставнями окна и, по слухам (впрочем, ложным), приготовил огнестрельное оружие, дабы оказать сопротивление причетникам. За сим последовал страшный шум и крик, узнав о коих, на поле битвы прибыл сам сэр Джеффри с несколькими вооруженными спутниками; он взломал ворота и двери и,

добравшись до кабинета пресвитерианского пастора, обнаружил там гарнизон, состоящий всего лишь из него самого и стряпчего; последние покинули дом, ропща на учиненное над ними насилие.

К этому времени в деревне уже зашевелилась чернь, и сэр Джефри, побуждаемый как благоразумием, так и добротой, почел своим долгом ради безопасности обоих пленников (ибо их можно было так назвать) проводить их, несмотря на шум и волнение, до аллеи, ведущей в Моултрэсси-Холл, куда они пожелали отправиться.

Между тем отсутствие сэра Джефри вызвало некоторые беспорядки, которые достойный баронет, будь он на месте, без сомнения сумел бы предотвратить. Ревностные причетники и их подручные изорвали и разбросали некоторые принадлежащие пастору книги, как подстрекающие к мятежу и измене. Немалая толика пасторского эля была выпита за здоровье короля и Певерила Пика. Наконец ребятишки, имевшие зуб на бывшего пастора за то, что он деспотически запрещал им играть в кегли, в мяч и прочие игры, и, кроме того, помнившие его немилосердно длинные проповеди, напялили его женевский плащ и шарф, а также шляпу с остроконечной тульей на чучело, торжественно пронесли оное по деревне, после чего сожгли на том самом месте, где прежде возвышался величественный майский шест, который Солсгрейс срубил своею собственной преподобной десницею.

Сэр Джефри, чрезвычайно всем этим раздосадованный, послал к его преподобию Солсгрейсу с предложением возместить ему убытки, на что кальвинистский священнослужитель ответил:

— Я не приму от тебя ничего — даже нитки от башмачного шнурка, и да падет на твою голову стыд дел твоих!

Все осуждали сэра Джефри за неприличную строгость и поспешность его действий, и молва по обыкновению разукрасила действительные события множеством фантастических измышлений.

Ходили слухи, будто отчаянный кавалер Певерил Пик с отрядом вооруженных людей напал на собрание пресвитериан, занятых мирным богослужением; что многих он убил, а еще большее число тяжело ранил, после чего загнал пастора в его дом, который потом сжег дотла. Некоторые даже утверждали, что священник погиб в огне; согласно же более утешительным слухам, он соорудил перед окном из своего плаща, шляпы и шарфа подобие человеческой фигуры, чтобы все подумали, будто он все еще не может выбраться из горящего дома, сам же выскочил в заднюю дверь и спасся бегством. И хотя мало кто верил, что наш благородный кавалер способен на столь неслыханные жестокости, все же возведенная на него клевета имела весьма серьезные последствия, в чем читатель и убедится из дальнейших глав нашего повествования.

Глава IX

Бессус. Это вызов, сэр, не так ли?

Дворянин. Просто приглашение померяться силами.

«Король и не король»

Насильственно изгнанный из своего прихода, предподобный Солсгрейс пробыл еще дня два в Моултрэсси-Холле, и его мрачность, естественная в том положении, в каком он оказался, заставила хозяина этого дома погрузиться в еще более глубокое уныние. По утрам отрешенный от должности священник посещал некоторых соседей, которым нравилась его служба в те дни, когда он процветал, и чья благодарность теперь давала ему утешение и поддержку. Он не требовал соболезнований, хотя лишился удобств и достатка и был низведен до положения простолюдина после того, как имел все основания полагать, что не будет уж более подвержен подобным превратностям судьбы. Благочестие его преподобия Солсгрейса

было искренним, и, несмотря на неприязнь к другим сектам, порожденную полемическими схватками и взлелеянную гражданской войной, он отличался высоким чувством долга, которое часто облагораживает пылкую веру, и так мало дорожил своей жизнью, что готов был пожертвовать ею в доказательство справедливости своего учения. Однако ему вскоре предстояло оставить округ, которую он почитал вертоградом, вверенным ему всевышним; он должен был передать свою паству волкам, расстаться со своими единоверцами, подвергнуть новообращенных опасности снова впасть в ложное учение, покинуть колеблющихся, коих его неусыпные заботы могли бы направить на путь истинный. Все эти уже сами по себе достаточные причины скорби, без сомнения, усугублялись естественными чувствами, которые при разлуке с местами, бывшими излюбленным приютом их одиноких раздумий или дружеских бесед испытывают все люди, а в особенности те, кто по личным склонностям или в силу обстоятельств ограничил свою жизнь и деятельность узкими рамками.

Правда, кое-кто лелеял план, согласно которому его преподобие Солсгрейс должен был возглавить инакомыслящих из числа своих теперешних прихожан, причем его последователи охотно согласились бы положить ему приличное содержание. Однако, хотя Акт о всеобщем единообразии еще не был принят, его ожидали в ближайшем будущем, и все пресвитериане были уверены, что Певерил Пик станет приводить его в исполнение строже, чем кто бы то ни было. Сам Солсгрейс не только опасался за собственную жизнь, — ибо, быть может несколько преувеличивая значение, которое в действительности приписывалось ему и его проповедям, он почитал доброго рыцаря своим смертельным и злейшим врагом, — но и полагал, что отъездом из Дербишира принесет пользу своей церкви.

— Быть может, пастырем менее известным, хотя и более достойным сего имени, дозволено будет собирать свою рассеявшуюся паству в пещерах или в

пустынях, и для них остатки винограда Ефрема будут полезнее всего урожая Авиезера, — говорил он. — Но если б я, который столько раз поднимал знамя против сильных мира сего; если бы я, кто, подобно неусыпному стражу на башне, денно и ночью обличал папизм, прелатов и тирана Певерила Пика; если бы я остался здесь, я навлек бы на вас кровавый меч мщения, каковой поразит пастыря и рассеет его овец. Кровопийцы уже учинили надо мною насилие даже на той земле, которую они же сами называют освященной, и вы собственными глазами видели, как проломили голову праведнику, защищавшему меня. И по сему я надену свои сандалии, препояшу чресла и отправлюсь в далекую страну, где сообразно велениям долга стану либо действовать, либо страдать, возглашая истину с кафедры или с костра.

Таковы были чувства, которые его преподобие Солсгрейс высказал своим сокрушенным друзьям и которые он более пространно изложил в беседе с майором Бриджнортом, не упустив случая дружески упрекнуть последнего за поспешность, с какою тот протянул руку помощи жене Амаликовой. При этом он напомнил майору, что тот на время стал ее слугою и рабом, подобно Самсону, обманутому Далилой, и мог бы остаться в доме Дагона еще долее, если бы всевышний не указал ему путь из западни. А в наказание за то, что майор отправился на пир в капище Ваала, он, Солсгрейс, поборник истины, был повержен во прах и покрыт позором от врагов на глазах у толпы.

Заметив, однако, что майор Бриджнорт (который, как и всякий другой, не любил выслушивать напоминания о своих неудачах, особенно если в них обвиняли его самого) несколько обижен, почтенный проповедник осудил самого себя за греховную снисходительность в этом деле; ибо изгнание из своего прихода, истребление своих драгоценнейших богословских книг, потерю своей шляпы, плаща и шарфа, а также двух бочонков лучшего дербнширского эля он почитал справедливым возмездием за злосчастный

обед в замке Мартиндейл (ибо согласиться на него, как он сказал, значило взывать о мире, когда нет мира, и жить в шатрах нечестивых).

Душа майора Бриджнорта была преисполнена благочестия, которому его последние злоключения придали еще больше глубины и мрачности; и потому неудивительно, что, без конца слушая эти доводы из уст весьма им уважаемого священника, ставшего теперь мучеником их общей веры, он начал сам порицать свои поступки и подозревать, что благодарность к леди Певерил и ее доказательства в пользу взаимной терпимости склонили его на дела, противные его религиозным и политическим мнениям.

Однажды утром майор Бриджнорт, утомленный хлопотами об устройстве своих дел, отдыхал в кожаном кресле у окна, что, естественно, напомнило ему прошедшее, а также чувства, с которыми он ожидал ежедневного визита сэра Джеффри, приносившего ему вести о здоровье его дочери.

— Разумеется, не было никакого греха в моей тогдашней доброте к тому человеку, — как бы подумав вслух, произнес он.

Солсгрейс, находившийся тут же, догадался, какие мысли бродят в голове его друга, ибо знал все перипетии его жизни, и проговорил:

— Мы не усматриваем из писания, что когда господь повелел вранам питать Илию, скрывавшегося у потока Хорафа, пророк ласкал нечистых птиц, которых чудо, вопреки их хищной природе, заставило ему служить.

— Быть может, это и так, — возразил Бриджнорт, — но шум их крыльев, наверное, был приятен слуху голодного пророка, как моему слуху приятен был топот копыт лошади сэра Джеффри. Враны, без сомнения, впоследствии вернулись к своей природе; то же случилось и с ним. Однако постойте! — вскричал он, вздрогнув. — Я опять слышу топот копыт его коня.

Услышав конский топот, так редко раздававшийся во дворе этого молчаливого жилища, Бриджнорт и Солсгрейс очень удивились и даже приготовились

было услышать какие-нибудь новые вести о притеснениях со стороны правительства, но в эту минуту старый слуга майора (простою обращен почти не уступавший своему хозяину) без всяких церемоний ввел в комнату высокого пожилого джентльмена, чей жилет, плащ, длинные волосы и шляпа с опущенными полями и свисающими перьями обличали в нем кавалера. Он несколько принужденно, но учтиво поклонился обоим джентльменам, объявил себя сэром Джаспером Крэнборном, имеющим к мистеру Ралфу Бриджнорту из Моултрэсси-Холла поручение от своего почтенного друга сэра Джеффри Певерила Пика, и добавил, что желает знать, угодно ли мистеру Бриджнорту выслушать его здесь или в каком-либо другом месте.

— Все, что сэр Джеффри Певерил имеет мне сообщить, можно сказать тотчас и в присутствии моего друга, от которого я ничего не скрываю, — отвечал майор Бриджнорт.

— Присутствие любого иного друга было бы не лишне, а напротив, весьма желательно, — после минутного колебания сказал сэр Джаспер, глядя на его преподобие Солсгрейса, — но этот джентльмен, сдается мне, принадлежит к духовному званию.

— Я не имею и не желаю иметь никаких тайн, в которые нельзя было бы посвятить духовную особу, — отвечал Бриджнорт.

— Как вам угодно, — возразил сэр Джаспер. — Насколько мне известно, вы весьма удачно избрали себе поверенного, ибо, с вашего позволения, священники ваши никогда не были против дел, о коих я намерен вступить с вами в переговоры.

— Продолжайте, сэр, — сказал майор Бриджнорт с важностью, — и, прошу вас, садитесь, если только вы не предпочитаете стоять.

— Прежде всего я должен выполнить порученное мне небольшое дело, — отвечал сэр Джаспер, приосанившись, — а уж по вашему ответу я увижу, следует или не следует мне сидеть в Моултрэсси-Холле. Мистер Бриджнорт! Сэр Джеффри Певерил тщательно

взвесил несчастные обстоятельства, которые в настоящее время нарушили мир между вами. Он помнит много событий в прошлом — я точно повторяю его слова, — которые побуждают его сделать все, что позволит его честь, дабы устранить вашу взаимную неприязнь, и ради этой желанной цели он намерен оказать вам такое снисхождение, какого вы, верно, не ожидали, и потому вам должно быть очень приятно о нем узнать.

— Позвольте мне вам заметить, сэр Джаспер, что в этом нет ни малейшей надобности, — сказал Бриджнорт. — Я не жаловался на сэра Джеффри и не требовал от него никакого удовлетворения. Я намерен покинуть здешние места, и наши с ним дела могут не хуже нас самих уладить другие.

— Одним словом, — сказал священник, — почтенный майор Бриджнорт и так уже довольно имел дело с нечестивыми и впредь не желает ни под каким предлогом водить с ними компанию.

— Джентльмены, — с невозмутимой учтивостью поклонился им сэр Джаспер, — вы глубоко заблуждаетесь насчет смысла моего поручения, и я просил бы вас, прежде чем отвечать на мою речь, дослушать ее до конца. Надеюсь, мистер Бриджнорт, вы помните ваше письмо к леди Певерил, сокращенный список с которого находится здесь, у меня. В этом письме вы жаловались на насилие, учиненное над вами сэром Джеффри, и особенно на то, что он сшиб вас с лошади в ущелье Хартли или неподалеку оттуда. Сэр Джеффри весьма высокого мнения о вас и потому считает, что, если бы не большое различие между его и вашим происхождением и званием, он, конечно, как подобает джентльмену, потребовал бы суда чести, ибо это единственное достойное средство смыть нанесенное оскорбление. И посему он в этой краткой записке великодушно предлагает вам то, чего вы из скромности (ибо ваше смирение он ничему другому приписать не может) не стали от него требовать. Я также привез сведения о длине его шпаги, и, когда вы примете вызов, который я вам теперь вручаю, я готов условиться

с вами насчет времени, места и прочих подробностей вашей встречи.

— Что до меня, — торжественно произнес Солсгрейс, — то если злой дух склонит моего друга принять столь кроваваджное предложение, я первый предам его анафеме.

— Я обращаюсь не к вам, ваше преподобие, — отвечал посланец. — Вполне естественно, что вы более озабочены жизнью своего хозяина, нежели его честью. Я должен узнать от него самого, чему намерен отдать предпочтение он.

С этими словами он любезно поклонился и снова подал вызов майору Бриджнорту. Было совершенно очевидно, что в груди этого джентльмена борются веления мирской чести и религиозных правил; однако последние одержали верх. Он спокойно отстранил от себя бумагу, которую протягивал ему сэр Джаспер, и произнес следующую речь:

— Быть может, вам, сэр Джаспер, неизвестно, что с тех пор, как наше королевство озарилось светом христианства, многие почтенные мужи размышляли о том, можно ли как-либо оправдать пролитие крови ближнего. И хотя это правило, как мне кажется, трудно распространить на нас в годину нынешних испытаний, ибо подобное непротивление, сделавшись всеобщим, предало бы наши гражданские и духовные права на произвол любому дерзкому тирану, который вознамерился бы на них посягнуть, однако же я всегда был и теперь еще склонен ограничить употребление смертоносного оружия лишь необходимого самообороной, независимо от того, идет ли речь о нашей личности или о защите нашего отечества от чужеземного нашествия, об охрании нашей собственности, свободы наших законов и нашей совести от всякой незаконной власти. И поскольку я никогда не колебался обнажать свой меч по этим трем причинам, вы должны извинить меня за то, что я оставляю его в ножнах теперь, когда человек, нанесший мне жестокое оскорбление, вызывает меня на поединок либо из ложного понятия о чести, либо, что гораздо вероятнее, просто из самохвальства.

— Я терпеливо выслушал вас, мистер Бриджнорт, — сказал сэр Джаспер, — а теперь не обессудьте, если я буду просить вас хорошенько обдумать это дело. Клянусь небом, сэр, что честь ваша истекает кровью и что, удостоив предложить вам этот справедливый поединок и тем предоставив вам случай залечить ее раны, благородный рыцарь руководствовался глубоким сочувствием к вашему положению и искренним желанием избавить вас от бесчестья. Стоит лишь на несколько минут скрестить ваш клинок с его заслуженною шпагой, и вы либо останетесь жить, либо умрете, как подобает почтенному и благородному джентльмену. К тому же сэр Джефри, по своему высокому фехтовальному искусству и по доброте сердечной, быть может, удовольствуется лишь тем, что обезоружит вас, нанеся вам легкую рану, которая нисколько не повредит вашему здоровью, а напротив, будет чрезвычайно полезна для вашего доброго имени.

— Сердце же нечестивых жестоко, — многозначительно произнес его преподобие Солсгрейс в виде комментария к весьма патетической речи сэра Джаспера.

— Прошу ваше преподобие впредь не перебивать меня, — сказал сэр Джаспер, — тем более что, по моему мнению, дело это вовсе вас не касается, и прошу вас также позволить мне должным образом исполнить поручение моего достойного друга.

С этими словами он вынул из ножен свою шпагу, продел конец ее под шелковую нитку, которой было перевязано письмо, и еще раз буквально на острие меча любезно протянул его майору Бриджнорту, который снова отстранил от себя послание, хотя краска на лице его показывала, что он делает над собой большое усилие, после чего отступил и отвесил сэру Джасперу Крэнборну низкий поклон.

— Раз так, — заявил сэр Джаспер, — я должен собственноручно распечатать письмо сэра Джефри и прочесть его вам, чтобы до конца исполнить возложенное на меня поручение и доказать вам, мистер Бриджнорт, великодушные намерения сэра Джефри.

— Если содержание письма соответствует тому, что вы сказали, — отвечал майор Бриджнорт, — мне кажется, нет необходимости продолжать эту церемонию, ибо я уже изложил свое мнение.

— И все же, — возразил сэр Джаспер, ломая печать, — и все же я полагаю уместным прочитать вам письмо моего высокочтимого друга.

И он прочитал следующее:

— «Почтенному Ралфу Бриджнорту, эсквайру, Моултрэсси-Холл, в собственные руки.

Через любезное посредство высокочтимого сэра Джаспера Крэнборна, рыцаря из Лонг Мэллингтона.

Мистер Бриджнорт,

из вашего письма к любезной супруге нашей, леди Маргарет Певерил, мы заключили, что вы истолковали известные происшествия, случившиеся недавно между нами, в том неблагоприятном смысле, что будто бы ими был некоторым образом нанесен ущерб вашей чести. И хотя вы не сочли приличным обратиться прямо ко мне с просьбой об удовлетворении, которого один благородный джентльмен вправе требовать от другого, я склонен приписать сие одной лишь скромности, проистекающей от неравенства наших званий, а не недостатку храбрости, которую вы до сих пор выказывали, сражаясь, увы, не за правое дело. И потому я намерен через друга моего, сэра Джаспера Крэнборна, назначить вам встречу, дабы совершить то, чего вы, без сомнения, желаете. Сэр Джаспер сообщит вам о длине моего оружия и уладит с вами вопрос о времени и условиях нашей встречи, окончательное решение которого — будь то ранний или поздний час, пешком или верхом, на рапирах или на шпагах — я полностью предоставляю вам, вкупе со всеми остальными преимуществами, принадлежащими лицу, получившему вызов. В случае, если вы не имеете оружия, равного моему, прошу вас незамедлительно уведомить меня о длине и ширине вашего. Не

сомневаясь, что исход этой встречи непременно прекратит, так или иначе, всякое неудовольствие между двумя близкими соседями, остаюсь ваш покорнейший слуга

Джеффри Певерил Пик.

Писано в моем скромном замке Мартиндейл, ... месяца, ... дня 1660 года».

— Засвидетельствуйте сэру Джеффри Певерилу мое почтение, — сказал майор Бриджнорт. — Быть может, его намерения на мой счет и справедливы, — по крайней мере по его понятиям; но скажите ему, что наша ссора произошла из-за его преднамеренного нападения на меня, и хотя я желаю жить в мире со всеми, однако ж не столько дорожу его дружбой, чтобы нарушить законы божьи и рисковать быть убитым или стать убийцею с целью приобрести ее вновь. Что же до вас, сэр, то я полагаю, что ваши лета и прежние невзгоды могли бы научить вас, сколь безрассудно брать на себя подобные поручения.

— Я исполню вашу просьбу, мистер Ралф Бриджнорт, — отвечал сэр Джаспер, — после чего постараюсь забыть ваше имя, которое честному человеку неприлично не токмо что произносить, но даже и помнить. Я выслушал ваш неучтивый совет, так не угодно ли вам, в свою очередь, принять мой, а именно: коль скоро ваша вера не позволяет вам дать удовлетворение джентльмену, вам следовало бы поостеречься говорить ему дерзости.

При этих словах посланник сэра Джеффри окинул презрительным и высокомерным взором сначала майора, затем священника, надел шляпу, вложил в ножны шпагу и вышел из комнаты. Через несколько минут топот копыт его коня затих вдали.

Когда наступила тишина, Бриджнорт отнял руку, которую приложил ко лбу после его отъезда, и по щеке его скатилась слеза гнева и стыда.

— Он везет этот ответ в замок Мартиндейл, — проговорил он. — Отныне люди будут почитать меня

человеком побитым и обесчещенным, которого каждый может оскорблять и унижать, сколько его душе угодно. Хорошо, что я покидаю дом моего отца.

Его преподобие Солсгрейс подошел к своему другу и с состраданием пожал ему руку.

— Благородный брат мой, — сказал он с несвойственной ему доброю, — хотя я человек мирный, я могу судить, чего стоила эта жертва твоему мужественному сердцу. Но богу не угодно неполное повиновение. Решившись принести в жертву свои мирские привязанности, мы не должны, подобно Анании и Сапфире, тайно лелеять какое-нибудь милое нам пристрастие, какой-нибудь любимый грех. Зачем оправдывать себя тем, что мы утаили всего лишь самую малость, если проклятая вещь, хоть и в самомалейшем остатке, по-прежнему спрятана в шатре нашем? Разве ты очистишь себя в своих молитвах, если скажешь: я убил этого человека не ради корысти, подобно разбойнику; не ради власти, подобно тирану; не ради мщенья, подобно дикарю, блуждающему во мраке, а затем, что повелительный голос мирской чести сказал мне: «Ступай, убей или пади мертвым — разве не я послал тебя?» Подумай хорошенько, достойный друг мой, как мог бы ты оправдаться подобным образом в своих молитвах, и если богохульство такой отговорки заставит тебя содрогнуться, возблагодари в молитвах своих всевышнего, который дал тебе силу преодолеть столь великое искушение.

— Преподобный друг мой, — отвечал Бриджнорт, — я чувствую, что вы говорите правду. Заповедь, повелевающая племени Адамову терпеливо сносить стыд, горше и тяжелее той, которая предписывает ему храбро сражаться за истину. Но я счастлив, что мне в этой земной юдоли хотя бы некоторое время будет сопутствовать человек, чье рвенне и дружба столь твердо поддерживают меня, когда я изнемогаю в дороге.

Пока обитатели Моултрэсси-Холла беседовали таким образом о цели визита сэра Джаспера Крэнборна, этот достойный рыцарь чрезвычайно удивил сэра Джеффри рассказом о приеме его посольства.

— Я почитал его человеком другого разбора, — сказал сэр Джефри, — и даже готов был бы в этом присягнуть, если бы кто-нибудь спросил мое мнение. Но из свиного уха не сошьешь шелкового кошелька. Вызвав его на поединок, я имел глупость забыть о том, что пресвитерианину никак нельзя сражаться без позволения его пастора. Теперь-то я наматаю это себе на ус. Прочтите им двухчасовую проповедь да позвольте прореветь псалом под музыку, которая хуже воя побитой собаки, и мошенники начнут отвешивать удары направо и налево, как молотильщики на току; но как только речь зайдет о спокойной, хладнокровной схватке врукопашную, как подобает джентльменам и добрым соседям, — нет, на это у них чести неостанет. Впрочем, довольно о нашем лопоухом ублюдке соседу. Сэр Джаспер, вы отобедаете с нами и узнаете, какова поварня леди Маргарет, а после обеда я выпущу длиннокрылого сокола. Его привезла из Лондона графиня; она хоть и спешила, но всю дорогу держала его на руке и на время оставила его у меня.

Сэр Джаспер согласился, и вскоре леди Маргарет убедилась, что гнев ее мужа постепенно затихает. Она внимала его ворчанию с тем же чувством, с каким мы, прислушиваясь к последним раскатам грома и глядя на исчезающую за холмом черную тучу, убеждаемся, что опасность грозы миновала. Правда, про себя она невольно подивилась странному способу примирения с соседом, который выбрал ее супруг, преисполненный доброжелательством к майору Бриджнорту и заранее уверенный в успехе, и благодарила бога, что дело кончилось без кровопролития. Но эти размышления она скрыла в глубине своего сердца, зная, что Певерил Пик никогда не допускал сомнений в его мудрости и не позволял никому противиться его воле.

Повествование наше до сих пор продвигалось вперед очень медленно; но после описанных нами событий в замке Мартиндейл случилось так мало примечательного, что мы лишь бегло упомянем о происшествиях нескольких лет,

Глава X

Клеопатра

Дай выпить мандрагоры мне...
Хочу проспать тяжелый срок разлуки .

«Антоний и Клеопатра»¹

После того времени, на котором мы подробно останавливались, миновало, как уже упоминалось в конце предыдущей главы, около пяти лет, но о событиях, происшедших за этот срок, можно рассказать всего лишь в нескольких словах. Рыцарь и его супруга по-прежнему жили в своем замке; леди Маргарет терпеливо и разумно старалась исправить ущерб, нанесенный их имению гражданскими войнами, и лишь изредка сердилась, когда ее хозяйственные расчеты расстраивались щедрым гостеприимством сэра Джеффри, который был склонен к этому виду расточительства в силу своей чисто английской сердечности, а также вследствие желания поддержать честь предков — согласно преданию, их кухня, кладовые и погреб, их жирная говядина и превосходный эль славились ничуть не меньше, чем обширность их владений и число вассалов.

Но как бы то ни было, достойная чета жила в согласии и довольстве. Сэр Джеффри уплатил уже все свои долги, и единственным его кредитором оставался майор Бриджнорт. Леди Маргарет неустанно хлопотала о том, чтобы погасить и это обязательство, но, хотя стряпчему из Честерфилда, по прозвищу Победоносный, исправно вносили проценты, он мог в самое неподходящее время потребовать уплаты основного долга, который был весьма велик. Сам стряпчий ходил с суровым, важным и таинственным видом и, вероятно, все время вспоминал, как ему проломили голову во дворе церкви Мартиндейл-Моултрэсси.

Порою леди Маргарет приходилось самой улаживать с ним дела, и когда он для этого приезжал в замок, его манера и выражение лица казались ей злоб-

---

¹ Перевод А. Соколовского.

ными и нелюбезными. Между тем он был не только справедлив, но и великодушен, ибо всякий раз соглашался отсрочить уплату, когда того требовали обстоятельства должника. Леди Певерил полагала, что в этих случаях стряпчий руководствовался строгими приказаниями своего отсутствующего доверителя, о благополучии которого она невольно тревожилась.

Вскоре после неудачной и странной попытки сэра Джеффри примириться с майором Бриджнортом, вызвав его на поединок, сей последний вверил Моултрэсси-Холл попечениям старой домоправительницы и отбыл неизвестно куда, сопровождаемый своею дочерью Алисой и Деборою Деббич, по всей законной форме вступившей в должность гувернантки, а также его преподобием Солсгрейсом. Ходили слухи, что майор Бриджнорт уехал в отдаленную часть Англии лишь на короткое время, чтобы жениться на Деборе, а затем, дождавшись, когда насмешникам надоест смеяться, водворить ее в качестве хозяйки в Моултрэсси-Холле. Но вскоре эта молва утихла, и все стали говорить, что он уехал за границу для укрепления здоровья маленькой Алисы. Однако когда соседи вспомнили, какую ненависть и отвращение питали к папизму майор и его преподобие Ниимая Солсгрейс, все единодушно согласились, что они могли ступить на католическую землю лишь в надежде обратить в свою веру самого папу римского. Поэтому большинство утвердилось в мнении, что они уехали в Новую Англию — тогдашнее убежище многих из тех, кого заставило покинуть Британию слишком живое участие в событиях недавнего прошлого или желание пользоваться неограниченной свободой совести.

Леди Певерил смутно подозревала, что Бриджнорт скрывается гораздо ближе. Образцовый порядок, который поддерживался в Моултрэсси-Холле, казалось — отнюдь не к умалению заслуг домоправительницы госпожи Диккенс и другой челяди, — свидетельствовал о том, что хозяйский глаз близок и что всегда можно ожидать ревизии. Правда, ни слуги, ни стряпчий не отвечали на вопросы касательно местопребывания

майора, но их таинственное молчание говорило больше, чем слова.

Спустя пять лет после отъезда Бриджнорта произошел странный случай. Сэр Джефри уехал на скачки в Честерфилд, а леди Певерил, любившая гулять по окрестностям одна или в сопровождении Элзмир и своего маленького сына, однажды вечером отправилась в одинокую хижину навестить женщину, заболевшую горячкой, судя по некоторым признакам — заразной. Леди Певерил никогда не позволяла соображениям подобного рода препятствовать «богоугодным благотворительным делам», но не хотела подвергать сына и экономку опасности, которой сама не боялась, надеясь, что знает средство ее избежать.

Леди Певерил вышла из замка поздно вечером; хижина оказалась дальше, чем она думала, а кроме того, что-то задержало ее у больной. Когда она собралась идти обратно по пустынным холмам и полянам, отделявшим хижину от замка, наступила ясная лунная ночь. Это не смущало леди Певерил, ибо местность была спокойной и безлюдной, дорога почти все время шла по ее владениям и к тому же ее провожал сын больной, мальчик лет пятнадцати. До замка было больше двух миль, но путь можно было значительно сократить, если идти по аллее через владения Моултрэсси. Выходя из дому, леди Певерил не пошла по этой дороге — не из-за нелепых слухов, утверждавших, будто там водятся привидения, а потому, что муж ее сердился, когда жители замка гуляли по местам, где можно было встретиться с обитателями Моултрэсси. Достоянная леди, очевидно в благодарность за полную свободу, предоставленную ей в более важных семейных делах, взяла себе за правило никогда не противиться причудам и предрассудкам своего мужа — уступка, совершить которую мы искренне советуем всем нашим знакомым дамам, ибо просто удивительно, сколь неограниченную власть мужчины с радостью предоставляют прекрасному полу в обмен на разрешение спокойно и мирно предаваться своим излюбленным занятиям.

Аллея Добби¹ находилась в запретных пределах Моултрэсси-Холла, но леди Маргарет решила на этот раз пойти по ней, чтобы сократить дорогу домой. Однако когда крестьянский мальчик, который провожал ее, весело насвистывая, с садовым ножом в руках и в шапке набекрень, увидел, что она повернула к перелазу, где начиналась аллея Добби, он задрожал от страха и жалобно пролепетал:

— Не ходите туда, миледи, прошу вас, не ходите.

Заметив, что у мальчика стучат зубы, а сам он весь дрожит, леди Певерил вспомнила легенду о первом владельце имения Моултрэсси — пивоваре из Честерфилда, который умер от скуки, порожденной полнейшею праздностью (говорили даже, будто он сам лишил себя жизни), а ныне бродит по этой уединенной аллее со своим любимым безголовым псом. Надеяться на защиту провожатого, охваченного суеверным страхом, было совершенно безнадежно, и леди Певерил, не видя ни малейшей опасности, сочла жестоким тащить за собой пугливого мальчишку. Поэтому она дала ему серебряную монету и отпустила домой. Второе благодеяние, по-видимому, было даже приятнее первого, ибо не успела она положить кошелек обратно в карман, как услышала громкий стук деревянных башмаков своего храброго провожатого, убежавшего в ту сторону, откуда они только что пришли.

Посмеявшись про себя над его пустыми страхами, леди Певерил перебралась перед перелаз, и вскоре густые ветви высоких вязов, сплетавшихся сводом над старинною аллеей, совершенно закрыли от нее яркий свет луны. Картина располагала к мыслям серьезным и возвышенным, а слабый луч, мерцавший вдали в одном из окон Моултрэсси-Холла, придавал этим мыслям к тому же и оттенок глубокой меланхолии. Леди Певерил подумала о печальной судьбе семьи майора, о покойной миссис Бриджнорт, которая часто гуляла с нею по этой аллее и, будучи женщиной скромной

---

¹ Д о б б и — старинное английское наименование лешего.
(Прим. автора.)

и непритязательной, всегда изъявляла ей почтение и благодарность. Она вспомнила о разбитых надеждах миссис Бриджнорт, о ее безвременной кончине, об отчаянии ее мужа, добровольно обрекшего себя на изгнание, о неопределенной участи ее дочери-сиротки, к которой сама она, несмотря на долгую разлуку, все еще питала материнскую привязанность.

Погруженная в эти печальные размышления, она дошла до середины аллеи, как вдруг в неверном свете луны, пробивавшемся сквозь темный свод ветвей, перед нею возникли смутные очертания человеческой фигуры. Леди Певерил остановилась, но тотчас пошла дальше; из груди ее, быть может, вырвался испуганный вздох — дань суеверию тогдашних времен, но она тут же отбросила мысль о сверхъестественных явлениях, причин же бояться людей у нее не было. В худшем случае она могла встретить какого-нибудь браконьера, который сам постарался бы скрыться от ее взора. Итак, леди Певерил продолжала спокойно идти вперед и вскоре с удовольствием заметила, что человек, как она и ожидала, уступил ей дорогу и скрылся среди деревьев по левую сторону аллеи. Проходя мимо места, где недавно стоял этот ночной путник, леди Певерил подумала, что он должен быть где-то поблизости, и, несмотря на всю свою решительность, прибавила шаг, но так неосторожно, что наткнулась на сук, сломанный бурей и валявшийся поперек аллеи, громко вскрикнула и упала. Она еще больше испугалась, когда чья-то сильная рука помогла ей встать и знакомый, хотя и полузабытый, голос спросил:

— Это вы, леди Певерил?

— Да, — отвечала она, подавляя изумление и страх, — и, если слух меня не обманывает, я говорю с мистером Бриджнортом?

— Таково было мое имя, покуда угнетение не отняло его у меня.

Бриджнорт минуты две молча шел с нею рядом. Желая избавиться от охватившего ее замешательства и вместе с тем узнать о судьбе Алисы, леди Певерил спросила, как здоровье ее крестницы.

— О крестнице, сударыня, мне не известно ничего, ибо это — одно из тех слов, которые были введены для осквернения и извращения законов божиих, — отвечал майор. — Что же касается малютки, которая своим спасением от болезни и смерти обязана вам, миледи, то она благополучно здравствует, как уведомили меня лица, чьим попечениям она вверена, ибо сам я несколько времени ее не видел. Память о вашей доброте и испуг, вызванный вашим падением, побудили меня предстать перед вами в эту минуту и столь неожиданным образом, хотя во всех прочих отношениях это никак несовместимо с моею собственной безопасностью.

— С вашей безопасностью, майор Бриджнорт? Разве вам что-либо угрожает? — воскликнула леди Певерил.

— Стало быть, вам еще предстоит многое узнать, — отвечал майор Бриджнорт. — Завтра вы услышите, почему я не смею открыто появляться в моих собственных владениях и почему было бы неразумно открывать нынешнее место моего пребывания обитателям замка Мартиндейл.

— Мистер Бриджнорт, — проговорила леди Певерил, — в прежние времена вы были благоразумны и осторожны; надеюсь, вы не сделали никаких поспешных заключений, не позволили вовлечь себя в какие-либо дерзкие предприятия; надеюсь...

— Простите, что я перебиваю вас, сударыня, — сказал Бриджнорт. — Да, я поистине изменился, что и говорить; даже сердце в груди моей уже не то. В те времена, о которых миледи считает уместным упомянуть, я был мирской человек, и все мои помыслы, все мои поступки, кроме внешнего соблюдения обрядов, были обращены к миру сему; я мало заботился об обязанностях христианина, чье самоотречение должно простираться настолько далеко, чтобы, отдавая все, он считал, что этого так же мало, как если б он не отдал ничего. И посему все помышления мои были о мирском — о прибавлении поля к полю и богатства к богатству; о том, чтобы поладить с обеими враждующими сторонами и приобрести друга здесь, не

теряя друга там. Но господь покарал меня за отступничество, тем более непростительное, что я злоупотреблял именем веры как корыстолюбец, ослепленный служением мирской власти. Но я благодарю того, кто наконец вывел меня из земли египетской.

Пылкая вера нередко встречается и в наши дни, но человека, столь неожиданно и открыто признающего в ней, мы, вероятно, сочли бы лицемером или безумцем. Впрочем, откровенно объяснять свои поступки мнениями, подобными тем, что высказал Бриджнорт, было совершенно в духе того времени. Мудрый Вейн, смелый и ловкий Гаррисон ничуть не скрывали, что их действия внушены таким именно образом мыслей. Вот почему речи майора Бриджнорта скорее опечалили, нежели удивили леди Певерил, и она вполне резонно заключила, что общество, в котором он с некоторых пор вращался, и обстоятельства его жизни раздули искру безумной экзальтации, не угасавшую в его сердце и всегда готовую вспыхнуть ярким пламенем. Последнее было тем более вероятно, что на майора, от природы подверженного меланхолии, судьба обрушила немало ударов, а ведь чем более терпеливо люди переносят эти удары, тем сильнее разгорается их религиозный пыл.

— Надеюсь, ваш образ мыслей не навлек на вас ни подозрений, ни опасностей, — осторожно заметила леди Певерил.

— Подозрений, сударыня? — воскликнул майор. — Я называю вас сударыней, ибо сила привычки заставляет меня употребить один из тех пустых титулов, коими мы, скудельные сосуды, имеем обыкновение в гордыне своей величать друг друга. Я не только нахожусь под подозрением, нет, опасность, угрожающая мне, так велика, что если бы супруг ваш сейчас встретил меня здесь — меня, природного англичанина, стоящего на своей собственной земле, он, без сомнения, постарался бы принести меня в жертву римскому Молоху, который ныне рыщет повсюду в поисках жертв среди людей божиих.

— Ваши выражения удивляют меня, майор Бриджнорт, — сказала леди Певерил и, желая изба-

ваться от его общества, быстро пошла вперед. Но майор тоже прибавил шаг и упорно следовал за нею.

— Ужели вам неизвестно, что Сатана сошел на землю, пылая злобою, ибо кратко будет его царствование? — сказал он. — Наследник английской короны — известный папист; и кто, кроме низкопоклонников и льстецов, осмелится утверждать, что человек, косящий ее ныне, с равной готовностью не склонился бы пред Римом, если б не боялся некоторых благородных мужей из палаты общин? Вы этому не верите; и все же во время своих уединенных ночных прогулок, размышляя о вашей доброте к живым и к мертвым, я возносил мольбы о том, чтобы мне дано было средство предостеречь вас, и вот — о чудо! — господь внял моим молитвам.

— Майор Бриджнорт, — сказала леди Певерил, — вы всегда отличались умеренностью, во всяком случае сравнительной умеренностью, и любили свою веру, не питая ненависти к чужой.

— Нет нужды вспоминать, каким я был, отравленный ядом горечи и опутанный греховными узами беззакония, — возразил он. — Я был тогда подобен Галлиону, который не заботился о вере. Я был привязан к земным благам, я дорожил мирскою славой и честью, помыслы мои устремлены были к земле, а если я порою и возносил их к небу, то это были холодные, пустые фарисейские умствования; я не принес на алтарь ничего, кроме соломы и плевел. Господь, наказуя, взыскал меня своею милостью: я был лишен всего, чем дорожил на земле; моя мирская честь была у меня отнята; подобно изгнаннику, покинул я дом отцов своих, одинокий и несчастный, осмеянный, поруганный и обесчещенный. Но неисповедимы пути всевышнего. Сими средствами господь поставил меня поборником истины, готовым презреть свое земное существование ради торжества справедливости. Но не об этом хотел я говорить с вами. Вы спасли земную жизнь моему дитяти, так позвольте же мне спасти вас для вечного блаженства.

Леди Певерил молчала. Они приближались к месту, где аллея выходила на дорогу, или, вернее, на

тропинку, которая вилась по неогороженному общинному лугу; по ней леди Певерил должна была идти до поворота к Мартиндейлскому парку. Теперь она думала только о том, как бы поскорее добраться до освещенного луною поля, и, желая избежать задержки, не стала отвечать Бриджнорту. Однако, когда они дошли до перекрестка, майор взял ее за руку и попросил — или, скорее, велел — остановиться. Леди Певерил повиновалась. Он указал на огромный старый дуб, который рос на вершине холма в том месте, где кончалась аллея и начиналось открытое поле. За аллеей ярко светила луна, и в потоке лучей, лившихся на могучее дерево, она ясно увидела, что одна сторона его разбита молнией.

— Помните ли, когда мы в последний раз смотрели с вами на это дерево? — спросил майор. — Я привез вашему мужу из Лондона охранную грамоту комитета, и, подъехав к этому самому месту, где мы сейчас стоим, я встретил вас и мою покойную Алису, а возле вас играли двое... двое моих любимых деток. Я соскочил с лошади. Для нее я был супругом, для них — отцом, для вас — желанным и уважаемым благодетелем. Что я теперь? — Он закрыл лицо рукою и в отчаянии застонал.

При виде такого горя из уст леди Певерил невольно вырвались слова утешения.

— Мистер Бриджнорт, — сказала она, — исповедуя и свято чтя свою веру, я не порицаю чужой и радуюсь, что вы нашли в вашей вере облегчение своих земных горестей. Но разве все христианские религии не учат нас скорбию смягчать сердца наши?

— Да, женщина, подобно тому, как молния, разбившая ствол сего дуба, смягчила его древесину, — сурово возразил ей Бриджнорт. — Нет, опаленное огнем дерево сподручнее для работы; иссохшее и ожесточенное сердце лучше всего выполнит долг, возлагаемый на него нынешним несчастным веком. Ни бог, ни люди не могут долее терпеть необузданное распутство развратников, глумление нечестивцев, презрение к божественным законам, нарушение прав чело-

веческих. Время требует поборников справедливости и мстителей, и в них не будет недостатка.

— Я не отрицаю существования зла, — нехотя проговорила леди Певерил и снова пошла вперед. — Я также знаю — слава богу, по слухам, а не по наблюдениям — о безудержном распутстве нашего века. Но будем надеяться, что его можно искоренить без тех насильственных мер, на которые вы намекаете. Ведь они привели бы к бедствиям второй гражданской войны, а я надеюсь, что вы не помышляете о таких ужасных средствах.

— Они ужасны, но зато верны, — отвечал Бриджнорт. — Кровь пасхального агнца обратила в бегство карающего ангела; жертвы, принесенные на гумне Орны, остановили чуму. Огонь и меч — средства жестокие, но они очищают от скверны.

— Ах, майор Бриджнорт! — воскликнула леди Певерил. — Ужели вы, столь мудрый и умеренный в молодости, могли в преклонных летах усвоить образ мыслей и язык тех, кто, как вы сами убедились, привел себя и отечество наше на край гибели?

— Я не знаю, чем я был тогда, а вы не знаете, что я теперь, — начал было майор, но в эту минуту они вышли на ярко освещенное место, и он внезапно умолк, словно, почувствовав на себе взгляд собеседницы, решил смягчить свой голос и свои выражения.

Теперь, когда леди Певерил смогла ясно разглядеть майора, она убедилась, что он вооружен коротким мечом, а за поясом у него заткнуты пистолеты и кинжал — предосторожность, весьма неожиданная для человека, который прежде очень редко — и то лишь в торжественных случаях — носил легкую шпагу, хотя это и было принято среди джентльменов его круга. Кроме того, выражение лица его, казалось, было исполнено решимости, более суровой, чем обыкновенно; впрочем, оно всегда отличалось скорее мрачностью, нежели любезностью, и леди Певерил, не в силах подавить свои чувства, невольно проговорила:

— Да, майор Бриджнорт, вы и в самом деле переменились.

— Вы видите лишь внешнюю оболочку человека, — возразил он, — внутренняя же перемена еще глубже. Но не о себе хотел я говорить с вами. Я уже сказал, что, коль скоро вы спасли дочь мою от мрака могилы, я хотел бы охранить вашего сына от мрака еще более непроницаемого, который, боюсь, облегал все пути отца его.

— Я не могу слушать таких слов о сэре Джеффри, — отвечала леди Певерил, — и должна теперь проститься с вами; а когда мы снова встретимся при более благоприятном случае, я выслушаю ваши советы насчет Джулиана, хотя, быть может, и не последую им.

— Возможно, что этот случай никогда не наступит, — сказал Бриджнорт. — Время истекает, вечность приближается. Выслушайте меня! Говорят, вы намерены послать юного Джулиана на этот кровавый остров и поручить его воспитание вашей родственнице, жестокосердой убийце человека, более достойного жить в памяти людей, нежели любой из ее прославленных предков. Таковы слухи. Справедливы ли они?

— Я не осуждаю вас за неприязнь к моей кузине Дерби, мистер Бриджнорт, — проговорила леди Певерил. — Равным образом я не оправдываю ее опрометчивых поступков. Несмотря на это, мы думаем, что в ее доме Джулиан сможет совместно с молодым графом Дерби приобрести образование и манеры, приличествующие его положению.

— Вместе с проклятием неба и благословением папы римского, — сказал Бриджнорт. — Неужто вы, сударыня, столь прозорливая в делах житейских, неужто вы так слепы, что не видите, с какой чудовищною быстротой Рим вновь утверждает власть свою в нашей стране, некогда ценнейшей жемчужине в его беззаконной тиаре? Стариков совращают золотом, молодых — наслаждениями, слабых духом — лестью, трусов — страхом, а храбрых — честолюбием. Тысячи приманок на любой вкус, и в каждой приманке скрыт все тот же смертоносный крючок,

— Я знаю, что моя кузина — католичка,¹ — отвечала леди Певерил, — но сын ее, согласно воле своего покойного отца, воспитан в правилах англиканской церкви.

— Можно ли ожидать, что женщина, которая не страшится проливать кровь праведников ни на поле битвы, ни на эшафоте, станет блюсти святость своего обещания, если ее вера предписывает ей его нарушить? А если она даже сдержит свое слово, разве сыну вашему будет лучше оттого, что он погрязнет в болоте вместе со своим отцом? Разве ваши епископальные догматы не тот же папизм? Вся разница лишь в том, что вы поставили на место папы земного тирана и заменили искаженной обедней на английском языке мессу, которую предшественники ваши читали по-латыни. Но зачем я говорю об этих предметах с женщиной, которая, имея глаза и уши, не может увидеть, услышать и уразуметь того, что одно лишь достойно быть увиденным, услышанным и понятым? Как жаль, что существо столь прекрасное и доброе обречено на слепоту, глухоту и неведение, как и все преходящее на земле!

— Мы не согласимся с вами в этом предмете, — сказала леди Певерил, которая по-прежнему стремилась закончить эту странную беседу, впрочем, едва ли понимая, что именно внушает ей опасения. — Итак, прощайте.

— Останьтесь на минуту, — отвечал он, снова взяв ее за руку. — Я остановил бы вас, если бы увидел, что вы устремляетесь к краю пропасти, так позвольте же мне отвлечь от вас опасность еще более грозную. Как мне подействовать на ваш неверующий ум? Должен ли я говорить вам, что долг крови, пролитой кровавым родом Дерби, еще не оплачен? Ужели вы пошлете своего сына к тем, с кого он будет взыскан?

— Вы напрасно пугаете меня, мистер Бриджнорт, — возразила леди Певерил. — Как можно еще

---

¹ Мне уже приходилось говорить, что это — отклонение от истины: Шарлотта, графиня Дерби, была гугеноткой. (Прим. автора.)

наказать графиню, если вина за поступок, который я уже назвала опрометчивым, давно искуплена?

— Вы ошибаетесь, — сурово отвечал он. — Неужто вы думаете, что ничтожной суммой денег, растраченных беспутным Карлом, можно расплатиться за смерть такого человека, как Кристиан, человека, равно любезного и земле и небу? Нет, не такую ценой искупается кровь праведников! Каждый час промедления умножает проценты страшного долга, который однажды будет взыскан с этой кровожадной женщины.

В это время на дороге, где происходил этот необычайный разговор, послышался далекий топот копыт. Бриджнорт с минуту прислушивался, после чего сказал:

— Забудьте, что вы меня видели, не называйте моего имени даже самому близкому и любимому человеку; запечатлейте мои советы в сердце, воспользуйтесь ими, и благо будет вам.

С этими словами он повернулся, пролез через отверстие в изгороди и скрылся в своем собственном лесу.

Топот коней, галопом скакавших по дороге, теперь раздавался совсем близко, и леди Певерил увидела нескольких всадников, чьи силуэты смутно вырисовывались на пригорке, перед которым она стояла. Всадники также ее заметили, и двое из них поскакали вперед с криком: «Стой! Кто идет?» Тот, кто был впереди, однако же сразу воскликнул: «Клянусь богом, да ведь это ее милость!» — и в ту же минуту леди Певерил узнала в нем одного из своих слуг. В следующую минуту к ней подъехал сэр Джефри со словами:

— Это ты, Маргарет? Почему ты в такой поздний час бродишь так далеко от дома?

Леди Певерил сказала, что ходила навестить больную, но не сочла нужным упомянуть о встрече с майором Бриджнортом, быть может, опасаясь, что муж ее будет недоволен этим происшествием.

— Благотворительность — дело доброе и похвальное, — промолвил сэр Джефри, — но должен сказать,

что тебе не пристало, словно знахарке, бежать к лубой старухе, у которой начались колики, а особенно ночью, когда в округе так беспокойно.

— Очень жаль, — отвечала леди Певерил, — но для меня это новость.

— Новость? — повторил сэр Джефри. — Дело в том, что круглоголовые вступили в новый заговор — почище, чем заговор Веннера,¹ и как бы ты думала, кто в нем замешан? Наш сосед Бриджнорт! Его везде ищут, и даю тебе слово, что если его поймают, он расплатится и за старое.

— В таком случае я надеюсь, что его не найдут, — заметила леди Певерил.

— Вот как? — удивился сэр Джефри. — Ну, а я надеюсь, что найдут непременно, а уж если нет, то не по моей вине, потому что я сейчас еду в Моултрэсси и, как велит мне долг, учиню там строгий обыск. Я не допущу, чтобы изменники и мятежники выкопали себе нору так близко от замка Мартиндейл, и пусть они это запомнят. А вам, сударыня, придется на этот раз обойтись без дамского седла. Сейчас же садитесь на лошадь позади Сондерса, который, как бывало прежде, благополучно доставит вас домой.

Леди Певерил молча повиновалась; по правде говоря, она была так смущена услышанной новостью, что боялась, как бы голос не выдал ее волнения.

Приехав с конюхом в замок, леди Певерил в сильном беспокойстве ожидала возвращения своего супруга. Наконец он воротился — к величайшему ее удовольствию, без пленников. Теперь он никуда не спешил и смог подробнее рассказать ей, что в Честерфилд прибыл от двора курьер с известием о восстании, замышляемом старыми приверженцами республики, особенно военными, и что Бриджнорт — один из главных заговорщиков — будто бы скрывается в Дербишире.

Скоро слухи о заговоре замерли, как и другие слухи тех времен. Предписания об аресте заговорщиков

---

¹ Знаменитое восстание анабаптистов и приверженцев Пятой империи в Лондоне в 1661 году (*Прим автора*)

были отменены, но о майоре Бриджнорте больше ничего не было слышно, хотя он, подобно многим, также находившимся под подозрением, мог, по всей вероятности, спокойно выйти из своего убежища.

Около этого же времени леди Певерил, горько плача, рассталась со своим сыном Джулианом, которого, как давно уже было задумано, послали на остров Мэн, дабы он получил там образование вместе с молодым графом Дерби. Правда, у леди Певерил порою мелькало воспоминание о предостережениях Бриджнорта, но его вытесняли мысли о преимуществах, которые покровительство графини Дерби сулило юноше.

План этот оказался во всех отношениях удачным, и когда Джулиан навещал отчий дом, леди Певерил с радостью замечала, что с каждым годом внешность и манеры его совершенствуются, что он страстно желает приобрести основательные познания и постепенно становится храбрым и обходительным юношей. Вместе с молодым графом Джулиан некоторое время путешествовал по Европе. Это было тем более необходимо, что после бегства на остров Мэн в 1660 году графиня ни разу не посетила Лондон и не была при дворе Карла, предпочитая гордое одиночество в своих владениях.

Последнее обстоятельство в какой-то мере ограничило образование обоих юношей, в остальном настолько блестящее, какое только могли дать им лучшие наставники; однако, хотя молодой граф был гораздо легкомысленнее и ветренее Джулиана, оба в равной мере воспользовались предоставленными им возможностями. Леди Дерби строго запретила сыну, только что вернувшемуся из Европы, являться ко двору Карла. Однако, уже достигнув совершеннолетия, он не счел нужным ей в этом повиноваться и провел некоторое время в Лондоне, насладившись удовольствиями тамошнего веселого двора со всем пылом молодого человека, воспитанного в относительном уединении.

Чтобы умиловить графиню, разгневанную нарушением своего запрета (ибо он по-прежнему питал

к ней глубочайшее уважение, в котором был воспитан), лорд Дерби согласился продолжительное время провести с матерью на ее любимом острове, почти совершенно предоставив ей управление оным.

Пока друг его оставался в Лондоне, Джулиан Перверил большей частью жил в замке Мартиндейл, а в ту пору, к коей, спустя много лет, так сказать, *per saltum*,¹ подошло наше повествование, оба они гостили в замке Рашин на древнем острове Мэн.

Глава XI

И остров Мэн не вспоминают те,
Кто бороздит моря

Коллинз

В середине семнадцатого века остров Мэн был далеко не таким, каким мы знаем его теперь. Достоинства этого убежища от житейских бурь еще не были открыты, а местное население состояло из людей довольно заурядных. На острове не встречалось ни щеголей, сброшенных фортуною со своих одноклоков, ни ловких мошенников и обманутых ими простаков, ни разочарованных спекуляторов, ни разорившихся рудоискателей — словом, никого, с кем стоило бы поговорить. Все общество исчерпывалось аборигенами и несколькими заезжими купцами, торговавшими контрабандой. Развлечения были редки и однообразны, и молодому графу вскоре наскучили его владения. Сами островитяне тоже стали слишком мудрыми для счастья и утратили вкус к безобидным и несколько ребяческим играм, которыми забавлялись их простодушные предки. В день первого мая теперь уж больше не происходили шуточные состязания между уходящей королевой Зимой и наступающей Весною; слушатели не приветствовали ни приятную музыку свиты последней, ни режущие ухо звуки, которыми шумно требовала к себе внимания первая.

---

¹ Скачком (лат.).

На рождество уже более не раздавался нестройный звон церковных колоколов. Никто не преследовал и не убивал королька — птицу, охота на которую составляла прежде любимую забаву в сочельник. Партийные раздоры лишили этих простодушных людей доброго нрава, оставив в неприкосновенности их невежество. Даже скачки, которыми обычно увлекаются люди всех званий и сословий, теперь больше не устраивались, ибо никто ими не интересовался. Каждый из представителей дворянства, раздираемого неизвестными доселе распрями, почитал ниже своего достоинства наслаждаться теми увеселениями, коим предавались сторонники противоположной клики. Все с болью в сердце вспоминали о прошедших днях, когда повсюду царил мир, когда граф Дерби, ныне зверски умерщвленный, собственноручно вручал призы, а казненный мстительной рукою Кристиан на радость толпе подавал знак к открытию конных ристалищ.

Джулиан сидел в нише окна старинного замка и, скрестив руки и погрузившись в глубокое раздумье, созерцал бескрайний простор океана, катившего свои волны к подножию утеса, на котором возвышалось это древнее строение. Граф, охваченный неодолимою скукой, то заглядывал в Гомера, то принимался насвистывать, качаться на стуле или ходить из угла в угол, пока наконец внимание этого молодого человека не привлекло безмятежное спокойствие его товарища.

— Повелитель мужей? — промолвил он, повторяя излюбленный эпитет, которым Гомер характеризует Агамемнона. — Надеюсь, что у Агамемнона была должность более веселая, чем должность повелителя мужей на Мэне. Великий философ Джулиан, неужто тебя не пробудит даже плоская шутка, касающаяся моего собственного королевского достоинства?

— Желал бы я, чтобы вы более походили на короля острова Мэн, — отвечал Джулиан, пробудившись от своей задумчивости, — тогда вам не было бы так скучно в ваших владениях.

— Как! Свергнуть с трона эту августейшую Семп-
рамиду — мою матушку, которая с таким удовольст-
вием играет роль королевы, словно она настоящая
государыня? Удивляюсь, как ты можешь давать мне
подобные советы, — возразил молодой лорд.

— Вы отлично знаете, что ваша матушка была бы
счастлива, если б вы хоть сколько-нибудь заинтересо-
вались делами острова, дорогой мой Дерби

— Да, разумеется, она позволила бы мне назы-
ваться королем, но пожелала бы стать вице-короле-
вой и властвовать надо мною. Заставив меня про-
менять столь любезную мне праздность на королев-
ские труды и заботы, она всего лишь приобрела бы
еще одного подданного. Нет, Джулиан, она почитает
властью право вершить дела этих несчастных остро-
витян, а почитая это властью, находит в сем удо-
вольствие. Я не стану вмешиваться, разве только ей
снова вздумается созвать верховный суд. Мне нечем
будет заплатить вторичный штраф брату моему — ко-
ролю Карлу. Впрочем, я забыл, что это — ваше боль-
ное место.

— Во всяком случае, это больное место вашей
матушки, и я не понимаю, для чего вы об этом го-
ворите, — отвечал Джулиан.

— Что ж, я не питаю предубеждения к этому не-
счастному Кристиану и даже уважаю его память,
хоть и не имею на то столько причин, сколько вы, —
сказал граф Дерби. — Я помню, как его вели на
казнь. Тогда меня в первый раз в жизни освободили
от занятий, и я искренне желал бы, чтобы моя ра-
дость по этому поводу была связана с какой-либо
другою причиной.

— А я предпочел бы, чтобы вы говорили о каком-
нибудь другом предмете, милорд, — отозвался Джу-
лиан

— Вот так всегда, — отвечал граф. — Стоит мне
упомануть о предмете, который заставляет вас встрях-
нуться и согревает вашу кровь, холодную как кровь
водяного — пользуясь сравнением, употребляемым
жителями этого благословенного острова, — как вы
заставляете меня переменить разговор. Так о чем же

нам говорить? О Джулиан, если бы вы не уехали и не погребли себя заживо в замках и пещерах графства Дерби, у нас не было бы недостатка в восхитительных темах. Взять хотя бы театры — труппу короля и труппу герцога. Заведение Людовика по сравнению с ними просто ничто. Или Ринг в парке — он затмевает даже Корсо в Неаполе; или, наконец, красавицы, которые затмили весь свет!

— Я охотно послушаю ваши рассказы об этих предметах, милорд, — отозвался Джулиан. — Они для меня тем любопытнее, что я очень мало знаю о Лондоне.

— Хорошо, друг мой, но с чего мне начать? С остроумия Бакингема, Сэдли и Этериджа, с любезности Гарри Джермина, с обходительности герцога Монмута или с очарования Гамильтон, герцогини Ричмонд, с привлекательности Роксаланы или с находчивости госпожи Нелли?

— А что вы скажете насчет обворожительной леди Синтии? — спросил Джулиан.

— Клянусь честью, следуя вашему мудрому примеру, я хотел оставить ее для себя, — отвечал граф, — но раз уж вы меня спросили, я должен признаться, что мне нечего о ней сказать; да только я вспоминаю ее во сто крат чаще, нежели всех прочих красавиц, которых я упомянул. А между тем она уступает в красоте самой невзрачной из этих придворных прелестниц, а в остроумии — самой тупой из них, или — что чрезвычайно важно — одета она так же не по моде, как любая скромница. Не знаю, чем она свела меня с ума, разве тем, что она капризнее всех женщин на свете.

— Мне кажется, это не слишком блестящая рекомендация, — заметил Джулиан.

— Не слишком блестящая? И после этого вы называете себя рыболовом? — отвечал граф. — Что, по вашему, лучше — поймать жалкого сонного пескаря, которого вытаскивают на берег, просто натянув леску, подобно тому как здешние рыбаки тянут на бечеве свои лодки, или вытащить живого лосося, от которого трещит удилище, свистит леса, который по-

тешит вас тысячью хитрых уловок, помучит надеждой и страхом и, задыхаясь, ляжет на берег лишь после того, как вы выказали невероятную ловкость, терпение и проворство? Впрочем, я вижу, что вы намерены пойти удить рыбу на свой собственный лад. Расшитый камзол сменяется серою курткой — яркие цвета отпугивают рыбу в тихих водах острова Мэн, зато в Лондоне без блестящей приманки вы мало что выудите. Итак, вы отправляетесь? Что ж, желаю удачи. Я предпочитаю лодку — море и ветер надежнее того течения, в которое вы вошли.

— Вы научились так ловко шутить в Лондоне, милорд, — возразил Джулиан. — Но если леди Синтия разделяет мое мнение, вам придется раскаяться. До свидания; желаю вам приятно провести время.

На этом молодые люди расстались; граф отправился в свою увеселительную поездку, а Джулиан, как и предсказывал его друг, переоделся в костюм для рыбной ловли. Шляпа с перьями сменилась серой суконною шапкой, расшитый галунами плащ и камзол — простой курткой и панталонами того же цвета; с удочкой в руках и с плетеной корзинкой за плечами, молодой Певерил оседлал Фею, красивую мэнскую лошадку, и рысью поскакал к одной из живописных речек, которые, спускаясь с гор Кёрк-Мэрлаг, впадают в море.

Добравшись до места, где он намеревался заняться рыбной ловлей, Джулиан пустил лошадь пастись. Привыкнув как собака следовать за хозяином, Фея, наскучив щипать траву в долине, где вилась речка, порою с видом любительницы рыбной ловли приближалась к Джулиану и глазела на трепещущих форелей, которых тот вытаскивал на берег. Однако хозяин Феи в этот день выказал мало терпения, столь необходимого искусному рыболову, и пренебрег советом старика Исаака Уолтона, который рекомендует забрасывать удочку в реку дюйм за дюймом.

Правда, Джулиан опытным глазом рыболова выбирал излюбленные форелью места, где вода, искрясь и пенясь, разбивалась о камни, или, вырвавшись из омута, спокойно текла под нависшим берегом, или

же, миновав заводь, небольшими каскадами падала с уступов. Благодаря столь искусному выбору мест для ужения корзина рыболова скоро наполнилась и могла служить доказательством, что занятие это — не просто предлог; тогда Джулиан быстро пошел вверх по течению, то и дело закидывая удочку на случай, если кто-нибудь заметит его с близлежащих холмов.

Речка протекала по небольшой каменистой, но зеленой долине; местность эта была весьма уединенной, хотя слегка протоптанная тропинка говорила о том, что она не совсем необитаема. Продолжая идти по правому берегу речки, Джулиан скоро достиг заросшего густой травой заливного луга, который спускался к самой воде. Вдали на небольшом пригорке стоял старинный, весьма необыкновенного вида дом; со склонов террасами спускался сад, а рядом виднелось возделанное поле. Некогда здесь находилась датская или норвежская крепость, названная Черным Фортом по цвету огромной, поросшей вереском горы, — возвышаясь позади крепости, она ограничивала с одной стороны долину, и в ней скрывался источник, из которого вытекала речка. Но древние стены, сложенные сухою кладкой, давно развалились, и из камня был построен стоявший теперь на этом месте дом — видимо, порожденный фантазией какой-то духовной особы шестнадцатого века, о чем можно было судить по узким, облицованным камнем окошкам, едва пропускавшим свет, а также по нескольким поддерживающим фасад мощным столбам, или колоннам, в которых находились ниши для статуй. Статуи эти кто-то старательно уничтожил, и вместо них в нишах стояли горшки с цветами, колонны же были затейливо украшены различными вьющимися растениями. Сад тоже содержался в образцовом порядке, и хотя место было весьма уединенным, во всем замечалось попечение об удобстве и даже об изяществе, в то время совершенно не свойственных жилищам островитян.

Джулиан чрезвычайно осторожно приблизился к низкому готическому портику, защищавшему вход от

ветров, которым дом был открыт вследствие своего расположения, и, подобно колоннам, также заросшему плющом и другими вьющимися растениями. Он с большою опаской потянул заменявшее дверной молоток железное кольцо — когда за него дергали, оно заставляло дребезжать зазубренный железный брусок, на котором было подвешено.

Некоторое время никто не отвечал; дом казался совершенно необитаемым. Наконец Джулиан, потеряв терпение, попытался отворить дверь, что ему легко удалось, ибо она запиралась только одною щеколдой. Он прошел маленькую прихожую с низким сводчатым потолком, в конце которой была лестница, отворил дверь в летнюю залу, отделанную черным дубом; всю ее обстановку составляли столы и обитые кожей стулья из этого же дерева. Комната была мрачная — одно из упомянутых нами облицованных камнем решетчатых окошек, к тому же прикрытое длинными гирляндами плюща, пропускало лишь слабый свет.

Над каминною полкой, сделанной из того же черного дуба, которым были обшиты стены, висело единственное украшение залы — портрет офицера в военном уборе времен гражданской войны. Зеленый камзол, тогдашний национальный костюм жителей острова Мэн, выпущенный поверх лат узкий отложной воротник, оранжевый шарф, а главное, коротко стриженные волосы ясно показывали, к которой из великих партий этот офицер принадлежал. Правая рука его покоилась на эфесе сабли, а в левой была небольшая библия с надписью «*In hoc signo*».¹ Бледное продолговатое лицо с прекрасными, как у женщины, синими глазами нельзя было назвать неприятным; скорее это были черты, при взгляде на которые мы неизменно заключаем, что перед нами человек, много страдавший и исполненный глубокой грусти. Джулиан Певерил, без сомнения, хорошо знал этот портрет, ибо, окинув его долгим взглядом, он невольно пробормотал: «Чего бы не отдал я за то, чтоб этот

---

¹ Под сим знаменем (лат.).

человек либо никогда не родился на свет, либо жил и поныне!»

— Что это значит? — вскричала женщина, которая вошла в комнату, когда он произносил эти слова. — Вы здесь, мистер Певерил, несмотря на все мои предостережения? Вы здесь, в доме, где нет хозяев, и к тому же разговариваете сами с собой!

— Да, мисс Дебора, — отвечал Певерил, — как видите, я снова здесь, вопреки всем запретам и опасностям. Где Алиса?

— Там, где вы ее никогда не увидите, мистер Джулиан; уж будьте уверены, — отвечала Дебора, ибо это был не кто иной, как наша почтенная гувернантка. Опустившись в одно из больших кожаных кресел, она, словно знатная дама, принялась обмахиваться носовым платком и сетовать на жару.

Дебора (чье платье свидетельствовало о том, что положение ее значительно изменилось к лучшему, тогда как наружность хранила менее благоприятные следы пронесшихся над ее головою двадцати лет) по своему образу мыслей и манерам осталась почти такой же, как в те дни, когда она ссорилась с экономкой Элмир в замке Мартиндейл, словом, столь же своенравной, упрямой и кокетливой, хотя и не злой женщиной. На вид ее можно было принять за даму из хорошего общества. Судя по строгому покрою одноцветного платья, она принадлежала к одной из сект, осуждающих чрезмерную пышность одежды; однако никакие правила, будь то даже в монастыре или в обществе квакеров, не могут помешать кокетству, если женщина хочет показать, что она еще сохранила некоторое право на внимание к своей особе. Весь костюм Деборы был рассчитан на то, чтобы возможно лучше оттенить миловидность женщины, лицо которой выражало непринужденность и доброту и которая утверждала, будто ей всего тридцать пять лет, хотя на самом деле была лет на двенадцать — пятнадцать старше.

Джулиан принужден был вытерпеть все ее утомительные и нелепые причуды, со скукою ожидая, пока она почистит свои перышки — откинет локоны на за-

тылок, снова зачесет их на лоб, вдохнет из маленького флакончика нюхательную соль, закроет глаза, как умирающая курица, закатит их на лоб, словно утка во время грозы, и наконец, истощив все свои *minauderies*,¹ удостоит начать беседу.

— Эти прогулки сведут меня в могилу, — сказала она, — и все по вашей милости, мистер Джулиан: ведь если б миссис Кристиан узнала, что вы изволите посещать ее племянницу, ручаюсь, что нам с мисс Алисой скоро пришлось бы искать себе другое жилище.

— Полно, мисс Дебора, развеселитесь, — отвечал Джулиан, — посудите сами: не вы ли причина нашей дружбы? Не вы ли в первый же день, когда я шел по этой долине со своею удочкой, сказали мне, что были моей няней, а Алиса — подругой моих детских игр? И разве не естественно, что я постарался как можно чаще видеть двух столь любезных мне особ?

— Все так, — подтвердила Дебора, — но я не просила, чтобы вы в нас влюблялись и делали предложение Алисе или мне.

— Должен отдать вам справедливость, Дебора, вы и вправду никогда об этом не просили, но что из того? Такие дела случаются сами собой. Я уверен, что вы пятьдесят раз слышали подобные предложения именно тогда, когда меньше всего их ожидали.

— Фи! Как вам не стыдно, мистер Джулиан, — сказала Дебора, — позвольте вам заметить, что я всегда вела себя так, что лучшие молодые люди не раз задумались бы, что и как сказать, прежде чем явиться ко мне с подобными предложениями.

— Разумеется, мисс Дебора, — продолжал Джулиан, — но ведь не все обладают вашим благоразумием. Притом Алиса Бриджнорт — ребенок, совершенный ребенок, а ведь известно, что маленьким девочкам делают предложение только в шутку. Полно, я знаю, что вы меня простите. Ведь добрее вас нет

---

¹ Ужимки (франц.),

женщины в целом свете, и вы же сами тысячу раз говорили, что мы созданы друг для друга.

— Нет, мистер Певерил! Нет, нет и нет! — вскричала Дебора. — Быть может, я сказала, что хорошо бы соединить ваши имения, и, разумеется, коль скоро мои предки испокон веков были йоменами на земле Певерила Пика, мне вполне естественно желать, чтобы эти земли снова обнесли одною изгородью, и, конечно, это могло бы случиться, если б вы женились на Алисе Бриджнорт. Но ведь на свете есть еще рыцарь, ваш батюшка, и миледи, ваша матушка, а потом отец Алисы, помешанный на своей вере, да ее тетка, в вечном трауре по несчастном полковнике Кристиане, и, наконец, еще графиня Дерби, которая расплатится со всеми нами одною монетой, если нам вздумается поступать против ее воли. А кроме всего прочего, вы нарушили обещание, которое дали мисс Алисе, и теперь между нами все кончено, и я думаю, что так тому и следует быть. И мне наверняка давно уже пора было догадаться об этом самой, не дожидаясь напоминаний такого ребенка, как Алиса. Но я слишком добра...

Нет на земле льстеца, равного влюбленному, который хочет добиться своей цели.

— Вы — самое доброе и милое существо на свете, Дебора. Но вы еще не видели колечка, которое я привез вам из Парижа. Нет, я сам надену его на ваш пальчик — ведь я ваш воспитанник, которого вы так любили и о котором так заботились!

Изображая галантного кавалера, он не без труда надел золотое колечко на толстый палец Деборы Деббич. Дебора принадлежала к тому разряду людей, который часто встречается среди простолюдинов как высшего, так и низшего звания. Люди эти, которых нельзя в полном смысле слова назвать взяточниками и мздоимцами, однако же не совсем равнодушны к подачкам, вследствие чего их — хотя они, быть может, сами того не сознают — можно склонить к нарушению долга мелочными знаками внимания, небольшими подарками и пошлыми комплиментами. Дебора

долго вертела кольцо на пальце и наконец прошептала:

— Право, мистер Певерил, вам ни в чем нельзя отказать, ведь молодые люди всегда так упрямые! И потому я вам скажу, что мисс Алиса только что воротилась из Кёрк Трох и вместе со мною вошла в дом.

— Почему же вы мне раньше об этом не сказали? — спросил Джулиан, вскакивая с места. — Где, где она?

— Лучше спросите, почему я говорю вам об этом теперь, мистер Джулиан, — отвечала Дебора, — ибо, уверяю вас, она мне это запретила, и я бы вам ничего не сказала, если б не ваш жалостный вид; но только видеться с вами она не хочет, и меня утешает единственно то, что она сидит в своей спальне, за крепко запертой дубовой дверью. А чтоб я ее обманула — уверяю вас, что дерзкая шалунья иначе это не назовет, — так это никак невозможно.

— Не говорите таких слов, Дебора; пойдите, попробуйте, умолите ее меня выслушать, скажите ей, что у меня была тысяча причин послушаться ее приказа, скажите, что я надеюсь преодолеть все препятствия в замке Мартиндейл.

— Нет, говорю вам, что все будет напрасно, — отвечала гувернантка. — Когда я увидела в прихожей вашу шапку и удочку и сказала: «Он опять здесь», она тотчас взбежала по лестнице, словно молодая лань, и не успела я ее остановить, как уже повернулся ключ в замке и загремела задвижка. Удивляюсь, как вы ничего не слышали.

— Это потому, что я увалень и ротозей и не умею пользоваться теми драгоценными мгновениями, которые моя злосчастная судьба так редко мне дарит. Ну что ж, скажите ей — я ухожу... ухожу навсегда и отправляюсь в такие края, что она уже больше обо мне не услышит, что никто больше не услышит обо мне!

— О господи! — воскликнула Дебора. — Вы только послушайте его речи! Да что же станет с сэром Джеффри, и с вашей матушкой, и со мною, и с графиней, если вы уедете так далеко? И что станется

с бедною Алисой? Ведь я готова присягнуть, что она любит вас больше, чем признается, и частенько сидит и смотрит на дорогу, по которой вы ходите на речку, и каждое утро спрашивает меня, хороша ли нынче погода для рыбной ловли. А пока вы ездили на континент, она, можно сказать, ни разу не улыбнулась, разве только, когда получила два прекрасных длинных письма про чужие страны.

— Дружба, мисс Дебора, всего лишь дружба — спокойное, холодное воспоминание о человеке, который с вашего любезного согласия изредка нарушал ваше одиночество рассказами о свете. Правда, однажды я подумал... Но теперь все кончено... Прощайте.

С этими словами Джулиан закрыл лицо одной рукою, протянув другую в знак прощания мисс Деббич, доброе сердце которой не могло вынести его горя.

— Зачем вы так торопитесь? — сказала она. — Я снова поднимусь наверх, расскажу ей про вас и приведу ее сюда, если это будет в моих силах.

Произнося эту речь, она вышла из комнаты и взбежала вверх по лестнице.

Между тем Джулиан Певерил в большом волнении шагал по зале, ожидая успеха посредничества Деборы, которая отсутствовала достаточно долго, чтобы мы успели воротиться назад и вкратце изложить обстоятельства, приведшие его к настоящему положению.

Глава XII

Увы! Я никогда еще не слышал
И не читал — в истории ли, в сказке ль, —
Чтоб гладким был путь истинной любви

«Сон в летнюю ночь»¹

Знаменитый отрывок, который мы предпослали этой главе, подобно большей части замечаний того же автора, основан на действительности. В то время,

---

¹ Перевод Т. Щепкиной-Куперник,

когда любовь зарождается впервые и когда она особенно сильна, редко можно ожидать счастливого ее исхода. Искусственное устройство общества ставит ранним женитьбам множество сложных препятствий, и эти преграды часто оказываются непреодолимыми. Поэтому мало найдется людей, которые бы втайне не вспоминали какую-нибудь пору своей юности, когда искреннее молодое чувство было отвергнуто, обмануто или подавлено неблагоприятными обстоятельствами. Эти маленькие интимные эпизоды прошлого оставляют в каждом сердце отпечаток романтики, не позволяя нам даже в годах зрелых и среди забот равнодушно внимать рассказу об истинной любви.

Джулиан Певерил обратил свои чувства на такой предмет, что не мог не столкнуться со множеством помех, обыкновенно возникающих перед молодыми влюбленными. Впрочем, это было вполне естественно. Дебора Деббич случайно встретила сына своей первой хозяйки, своего первого воспитанника, когда он ловил рыбу в упомянутой нами речке, которая протекала по долине, где она жила с Алисою Бриджнорт. Любопытная гувернантка скоро узнала, кто этот юноша и, кроме того, что прониклась к нему тем живым интересом, который женщины ее звания обыкновенно испытывают к своим бывшим воспитанникам, еще и обрадовалась случаю поговорить о сэре Джеффри, его супруге, а порою и о лесничем Лансе Утреме.

Конечно, желание отвечать на ее расспросы едва ли заставило бы Джулиана еще раз посетить уединенную долину, но Дебора была не одна. С нею вместе жила прелестная девушка, выросшая в уединении, воспитанная в скромности и непритязательности, которым уединение благоприятствует, но любознательная и живая; улыбаясь от радости, она жадно слушала рассказы юного рыболова, принесенные им из замка или из города.

Джулиан лишь изредка навещался в Черный Форт — тут уж Дебора выказала достаточно благоразумия, а быть может, она просто боялась потерять место, в случае если тайна раскроется. Впрочем, она

надеялась на сильную, глубоко укоренившуюся, доходившую чуть ли не до суеверия уверенность майора Бриджнорта, что здоровье его дочери зависит исключительно от попечений женщины, которая научилась у леди Певерил лечить больных, подверженных его семейному недугу. Эту уверенность гувернантка старательно поддерживала, пускаясь на все доступные ее простой душе хитрости, и в разговоре о здоровье своей воспитанницы всегда загадочно намекала на некие таинственные правила, необходимые для того, чтобы сохранить его в теперешнем благоприятном состоянии. Этой уловкой она добилась позволения жить вместе с Алисой в Черном Форте совершенно независимо — майор Бриджнорт сначала хотел, чтобы его дочь и гувернантка оставались под одною крышей с невесткой его покойной жены, вдовой несчастного полковника Кристиана. Но эта дама преждевременно состарилась от горя, и когда майор Бриджнорт ненадолго посетил остров, его легко было убедить, что дом ее в Керк Трох — слишком мрачное жилище для его дочери Дебора, горевшая желанием жить независимо, постаралась утвердить своего хозяина в этом мнении, внушив ему тревогу за здоровье Алисы. Дом в Керк Трох, говорила она, со всех сторон открыт шотландским ветрам, которые должны быть очень холодны, ибо дуют из тех краев, где даже в разгар лета не тает снег. Словом, она убедила майора и водворилась полною хозяйкой в Черном Форте, который, как и Керк Трох, некогда принадлежал Кристиану, а теперь — его вдове.

Правда, гувернантке было приказано время от времени наведываться со своею воспитанницей в Керк Трох и считать себя под надзором и опекою миссис Кристиан. Это подчиненное положение Дебора старалась ослабить тем, что позволяла себе все возможные вольности, — без сомнения, движимая тем же духом независимости, который в замке Мартиндейл побуждал ее отвергать советы почтенной Элмир.

Именно эта благородная склонность противиться надзору заставила гувернантку потихоньку приоб-

щить Алису искусствам, на которые суровый дух пуритан непременно наложил бы запрет Она осмелилась учить свою воспитанницу музыке и даже танцам, и портрет сурового полковника Кристиана дрожал на стене, когда грациозная, как сильфида, Алиса и дородная Дебора проделывали французские *chausées* и *boogées*¹ под звуки маленькой скрипочки, визжавшей под смычком мосье де Пигаля — полуконтрабандиста полутанцмейстера Слух об этих богомерзких занятиях достиг ушей вдовы полковника, которая уведомила о них Бриджнорта, чей внезапный приезд на остров доказывал, сколь важной почитал он эту весть Если бы Дебора выказала слабость, это был бы последний час ее правления Но она отступила в свою крепость

— Танцы, — пояснила она, — есть правильное, размеряемое музыкой упражнение, и разум подсказывает, что оно весьма полезно для особы деликатного сложения, тем более что ими можно заниматься, не выходя из дома и при любой погоде

Увидев, что Бриджнорт слушает, мрачно нахмурив брови, Дебора, недурно игравшая на виоле, для доказательства своей теории начала наигрывать рондо Селенджера и велела Алисе станцевать старинный английский танец Пока четырнадцатилетняя девочка, смущенно улыбаясь, грациозно двигалась под музыку, взор отца неотрывно следил за ее легкой поступью и с радостью замечал покрывший ее щеки румянец Когда танец кончился, Бриджнорт прижал дочь к груди, любящей отцовской рукою пригладил растрепавшиеся локоны, улыбнулся, поцеловал ее и уехал, ни единым словом не обмолвившись о запрещении танцев Он не рассказал миссис Кристиан о своем посещении Черного Форта, но та скоро узнала об этом — при первом же визите торжествующей Деборы

— Прекрасно, — сказала строгая старая дама — Мой брат Бриджнорт позволил тебе сделать из Алисы

---

¹ Танцевальные па (франц.)

Иродиаду и обучить ее танцам. Теперь тебе остается только выбрать ей супруга. Я не стану больше вмешиваться в ваши дела.

Надо сказать, что в этом случае победа госпожи Деборы — или, вернее, госпожи Природы — имела последствия более важные, чем первая осмеливалась ожидать, ибо с этих пор миссис Кристиан, хоть и продолжала со всею учтивостью принимать визиты гувернантки и ее воспитанницы, была настолько обижена неудачным исходом своей жалобы на чудовищное преступление племянницы, которая танцевала под скрипочку, что совершенно отказалась от участия в ее делах и предоставила Деборе Деббич и Алисе полную свободу в занятиях и в хозяйстве, коими прежде живо интересовалась.

Этой независимостью они и пользовались в ту пору, когда Джулиан в первый раз посетил их жилище; и Дебора приглашала юношу особенно охотно, ибо считала его именно тем человеком, знакомства которого с Алисою миссис Кристиан менее всего могла бы желать, — в этом случае, как и во всех остальных, счастливый дух противоречия вытеснил у Деборы все соображения о приличиях. Впрочем, гувернантка приняла некоторые меры предосторожности. Она знала, что ей следует опасаться не только возможного пробуждения участия и любопытства миссис Кристиан, но также неожиданных визитов майора Бриджнорта, который раз в год непременно появлялся в Черном Форте, когда его меньше всего там ожидали, и проводил в доме несколько дней. Поэтому Дебора потребовала, чтобы Джулиан навещал их лишь изредка, чтобы в присутствии двух невежественных девушек и парня — жителей Мэна, — составлявших ее прислугу, он выдавал себя за ее родственника, а также, чтобы он всегда приходил в костюме для рыбной ловли из простого лаутана — местной шерстяной ткани цвета буйволовой кожи, которая не поддается крашению. Она надеялась, что благодаря этому его близкое знакомство с обитателями Черного Форта останется совершенно незамеченным и не внушит ни-

кому подозрений, тогда как ее воспитаннице и ей самой оно доставит большое удовольствие.

В начале их знакомства, пока Джулиан был всего лишь мальчиком, а Алиса девочкой года на два или на три его моложе, дело именно так и шло. Однако когда мальчик превратился в юношу, а девочка — в молодую девушку, даже Дебора поняла, что их постоянные встречи могут стать опасными. При первом же удобном случае она поведала Джулиану, кто такая мисс Бриджнорт и что послужило причиной раздора между их отцами. Джулиан с удивлением выслушал рассказ о фамильной вражде, ибо он бывал в замке Мартиндейл редко и при нем об этой расправе никогда не упоминали. Искра, зароненная в сердце юноши этой удивительной историей, воспламенила его воображение, и, вместо того чтобы последовать увещаниям Деборы и постепенно отдалиться от прекрасной обитательницы Черного Форта, он объявил, что в своей случайной встрече с нею видит знак свыше, что Алиса и он назначены друг для друга, несмотря на все препятствия, которые могут поставить между ними страсти и предрассудки. Ведь они были друзьями детства, и Джулиан вспомнил, как совсем еще маленьким мальчиком плакал по своей подруге, которую ему суждено было встретить снова прелестной девушкой в чуждой им обоем стране.

Дебора очень смутилась оттого, что ее рассказы раздули пламя любви, которое они, по ее расчетам, должны были погасить. Она не могла противиться страстным объяснениям, хотя бы они относились не к ней, а к другой особе. Гувернантка начала жаловаться, удивляться, потом расплакалась и наконец объявила, что Джулиан может продолжать свои визиты в Черный Форт, но при условии, что будет говорить с Алисой только как друг — она ни за что на свете не позволит чего-либо иного. Однако Дебора была не настолько глупа, чтобы не иметь своего суждения насчет будущего этой юной пары, ибо провидение, конечно, назначило им соединиться, равно как и именам Мартиндейл и Моултрэсси.

Далее следовала длинная цепь размышлений. Мартиндейл нуждается лишь в небольшой починке, чтобы сравняться с замком Четсуорт. Моултрэсси-Холл пускай себе разрушается, или лучше, когда пробьет час сэра Джеффри (ведь добрый рыцарь изрядно-таки понюхал пороху и теперь, наверное, совсем одряхлел), туда сможет удалиться его вдова, леди Пeverил, вместе с Элзмир, между тем как мисс Дебора Деббич (императрица кладовой и королева буфетной) станет полновластной управительницей в замке и, быть может, возложит супружеский венец на голову Ланса Утрема, если он не слишком состарился, не слишком разжирел и не слишком пристрастился к элю.

Под влиянием этих утешительных видений гувернантка смотрела сквозь пальцы на привязанность, которая также навевала приятные грезы — хоть и совершенно иного рода — ее воспитаннице и гостю.

Юный рыболов посещал Черный Форт все чаще и чаще, и смущенная Дебора, предвидя опасности, грозящие им в случае раскрытия тайны, а также боясь, что Джулиан объяснится с Алисой и тем сделает их отношения еще более щекотливыми, была, однако же, совершенно покорена воодушевлением молодого влюбленного и вынуждена предоставить события их естественному ходу.

Отъезд Джулиана на континент прервал встречи молодых людей в Черном Форте и, рассеяв страхи старшей его обитательницы, заставил младшую погрузиться в горестное уныние, которое во время ближайшего визита Бриджнорта на остров Мэн возобновило его опасения за здоровье дочери.

Дебора обещала ему, что на следующее утро девушка повеселеет. Так оно и случилось. У Деборы некоторое время хранилось письмо, которое Джулиан прислал своей юной подруге. Гувернантка боялась передать Алисе это любовное послание, но, подобно тому как это было в случае с танцами, сочла полезным употребить его вместо лекарства.

Это средство произвело желаемое действие, и на другой день поутру щеки молодой девушки порозо-

вели, а отец ее так обрадовался, что перед отъездом вручил Деборе свой кошелек, умоляя ничего не жалеть для благополучия Алисы и своего собственного, добавив, что совершенно ей доверяет.

Эти знаки щедрости и доверия от человека столь сдержанного и осторожного, как майор Бриджнорт, пробудили надежды Деборы, и, набравшись храбрости, она не только передала юной леди второе письмо Джулиана, но после его возвращения смелее прежнего стала поощрять встречи влюбленных.

Наконец, несмотря на все предосторожности Джулиана, молодой граф заподозрил неладное в его чрезмерном увлечении рыбною ловлей, да и сам Певерил, теперь более искушенный в обычаях света, понял, что его постоянные встречи и прогулки с такой молодой и прелестною девушкой, как Алиса, могут не только раньше времени открыть его любовь, но и повредить доброму имени его возлюбленной.

Проникнувшись этим убеждением, он дольше обыкновенного не приходил в Черный Форт. Однако в следующий раз, когда он позволил себе удовольствие провести часок в доме, в котором с радостью остался бы навсегда, перемена в обращении Алисы и тон ее речи, который, казалось, укорял его за невнимание, поразили его в самое сердце и лишили власти над собой. Достаточно было всего лишь нескольких страстных выражений, чтобы открыть Алисе чувства юноши и объяснить ей истинную природу ее собственных. Она долго плакала, но в слезах ее была не только горечь. Молча выслушала она прерываемый частыми восклицаниями рассказ о причинах раздора между их семействами, — ведь до сих пор она знала только, что мистер Певерил принадлежал к свите знаменитой графини, повелительницы острова Мэн, и потому должен был с осторожностью навещать родственницу несчастного полковника Кристиана. Но когда Джулиан заключил свой рассказ горячими уверениями в вечной любви, она воскликнула:

— О мой бедный отец! Вот к чему привели все твои старания! Как смеет сын того, кто опозорил и изгнал тебя, говорить такие слова твоей дочери?

— Вы заблуждаетесь, Алиса, вы заблуждаетесь! — горячо возразил Джулиан. — Разве то, что я держу перед вами такие речи; что сын Певерила говорит подобным образом с дочерью Бриджнорта; что он на коленях молит простить обиды, нанесенные в дни нашего детства, — разве это не знак воли божией, порешившей, что наша привязанность должна погасить вражду наших родителей? Разве иначе дети, разлучившиеся на холмах графства Дерби, встретились бы теперь в долинах острова Мэн?

Алиса — хотя такого рода сцена и, главное, ее собственные чувства были ей внове — была в высшей степени одарена тонкой чувствительностью, которая свойственна сердцу женщины и всегда подсказывает ей, что в подобных обстоятельствах может быть — пусть даже и в малейшей степени — неприличным.

— Встаньте, мистер Певерил, — сказала она, — не будьте столь несправедливы к себе и ко мне. Мы оба виноваты, но я совершила ошибку по незнанию. О боже! Бедный мой отец так нуждается в утешении. Неужто я должна прибавлять ему горя? Встаньте! — повторила она более твердым голосом. — Если вы еще останетесь в столь неуместной позе, я вынуждена буду уйти и вы меня никогда больше не увидите.

Повелительный голос Алисы усмирил пылкого влюбленного; он встал, уселся в некотором отдалении и хотел было заговорить снова.

— Джулиан, — промолвила она более мягко, — вы уже сказали достаточно, более чем достаточно. Ах, зачем вы помешали мне предаваться сладким грезам, в которых я могла бы слушать вас вечно! Но час пробуждения настал.

Певерил ждал дальнейших ее слов, как преступник ждет приговора. Он понимал, что ответ, произнесенный не без чувства, но с твердостью и решимостью, не следует прерывать.

— Да, мы были виноваты, — повторила Алиса, — очень виноваты, и если теперь мы разлучимся навеки, боль будет лишь справедливым наказанием за нашу вину. Лучше бы мы никогда не встречались, но раз уж мы встретились, мы должны как можно ско-

рее расстаться. Продолжение наших встреч может лишь удвоить боль разлуки. Прощайте, Джулиан, и забудьте, что мы знали друг друга!

— Забыть! — воскликнул Джулиан. — Никогда, никогда! Вам легко так говорить и думать. Для меня это слово и эта мысль убийственны. Почему вы не верите, что наша дружба сможет примирить наших отцов? Ведь тому есть множество примеров. Вы — моя единственная подруга. Я — тот единственный человек, которого назначило вам небо. Неужели нас должны разлучить ошибки, совершенные другими, когда мы были еще детьми?

— Слова ваши напрасны, Джулиан, — отвечала Алиса. — Мне жаль вас; быть может, мне жаль и себя; сказать по правде, мне следовало бы больше жалеть себя: новые страны и новые лица скоро заставят вас забыть обо мне, а я, в своем уединении, могу ли я забыть? Но не об этом сейчас речь — я готова покориться своему жребию, а он велит нам расстаться.

— Выслушайте меня, — сказал Певерил. — Наша беда не может, не должна быть непоправимой. Я поеду к отцу, я употреблю ходатайство матери, которой он ни в чем не откажет, и я добьюсь их согласия. Я их единственный сын, и они должны либо согласиться, либо потерять меня навсегда. Скажите, Алиса, если я привезу вам благословение моих родителей, неужели и тогда вы повторите так печально, и трогательно, и в то же время так решительно: «Джулиан, мы должны расстаться»?

Она молчала.

— Жестокая Алиса, неужто вы не удостоите меня ответом? — спросил юноша.

— Нет нужды отвечать тем, кто говорит во сне, — сказала Алиса. — Вы спрашиваете меня, как я поступлю, если свершится невозможное. Кто дал вам право делать такие предположения и задавать подобные вопросы?

— Надежда, Алиса, надежда, — отвечал Джулиан, — последняя опора несчастных; даже у вас не хватит жестокости лишить меня ее. Среди всех трудно-

стей, сомнений и опасностей надежда будет бороться, даже если она не может победить. Скажите мне еще раз, если я приду к вам от имени моего отца, от имени матери, которой вы до некоторой степени обязаны своей жизнью, — каков будет ваш ответ?

— Я посоветую вам обратиться к моему отцу, — отвечала Алиса, покраснев и опустив глаза; но тотчас же, подняв их снова, она еще более печальным и твердым голосом повторила: — Да, Джулиан, я посоветую вам обратиться к моему отцу, и тогда вы убедитесь, что надежда, ваш кормчий, обманула вас и что вы избежали песчаной отмели лишь для того, чтобы разбиться о гранитные скалы.

— Я испытаю все возможное! — сказал Джулиан. — Мне кажется, я смогу убедить вашего отца, что в глазах света наш союз не может быть нежелательным. Мое семейство обладает состоянием, высоким званием и знатным происхождением — всем, чего каждый отец желает для своей дочери.

— Все это ни к чему не поведет, — возразила Алиса. — Мысли моего отца заняты предметами мира иного, и если он даже выслушает вас, то лишь для того, чтобы отвергнуть ваше предложение.

— Вы не знаете, Алиса, вы этого не знаете, — сказал Джулиан, — огонь плавит железо; неужто сердце вашего отца столь жестоко, а предубеждения столь сильны, что я не могу найти какого-либо средства их смягчить? Не запрещайте мне, о, не запрещайте мне хотя бы попытаться!

— Я могу только советовать, — отвечала Алиса, — я ничего не могу вам запретить, ибо это предполагает право требовать повиновения. Но если вы благоразумны, послушайте меня: сейчас на этом самом месте мы должны расстаться навеки!

— Нет, клянусь небом! — вскричал Джулиан, чей решительный и смелый нрав ни в чем не позволял ему видеть препятствий. — Конечно, мы теперь расстанемся, но лишь для того, чтобы я мог возвратиться с благословением моих родителей. Они хотят, чтобы я женился, — в своих последних письмах они на этом настаивали; что ж, я готов. А такая невеста,

какую я им представляю, еще ни разу не украшала их дом со времен Вильгельма Завоевателя. До свидания, Алиса! До скорого свидания!

— Прощайте, Джулиан! Прощайте навеки! — отвечала девушка.

Через неделю после этой беседы Джулиан приехал в замок Мартиндейл с намерением открыть свои планы родителям. Однако решить задачу, легкую издали, по ближайшем рассмотрении часто оказывается столь же трудным, сколь перейти вброд реку, которую издали можно было принять за ручеек. Случаев коснуться этого предмета было достаточно, ибо при первой же прогулке верхом отец заговорил о его женитьбе и великодушно позволил ему самому выбрать себе невесту; правда, под строжайшим условием, чтобы она принадлежала к верноподданному и почтенному семейству.

— Если она богата — тем лучше, ну а если бедна — что ж, от нашего имени еще кое-что осталось, а нам с Маргарет не много надо, лишь бы вы, молодые люди, могли получить свою долю. Я нынче стал бережлив, Джулиан. Видишь, на какой жалкой гэллоуэйской лошаденке я теперь езжу, не то что мой старый Черный Гастингс, у которого был только один порок — он всякий раз сворачивал на дорогу к Моултрэсси-Холлу.

— Разве это такой уж страшный порок? — спросил Джулиан с притворным равнодушием, хотя сердце его, как ему казалось, трепетало чуть ли не в самом горле.

— Он напоминал мне об этом низком, бесчестном пресвитерианине Бриджнорте, — сказал сэр Джеффри, — а по мне, уж лучше думать о жабе; говорят, он сделался индипендентом, то есть совершенным мерзавцем. Знаешь, Джулиан, я прогнал пастуха за то, что он рвал орехи в его лесу, и готов повесить любую собаку, которая поймает там зайца. Но что это с тобою? Ты побледнел.

Джулиан нашел какую-то отговорку, но слова и голос сэра Джеффри слишком ясно дали ему понять, что его предубеждение против отца Алисы глубоко и неискоренимо, как это часто бывает с сельскими джентльменами, которые от нечего делать весьма склонны всячески раздувать и растравлять мелкие обиды, нанесенные им ближайшими соседями.

В тот же день он как бы нечаянно заговорил с матерью о Бриджнорте. Однако леди Певерил сразу же взмолилась, чтобы он никогда не упоминал этого имени, особенно при отце.

— Разве этот майор Бриджнорт, о котором я столько слышал, был таким уж дурным соседом? — спросил Джулиан.

— Я этого не говорю, — отвечала леди Певерил, — напротив, в прежние тяжелые времена он не раз делал нам одолжения, но он поссорился с твоим отцом, и малейший намек на него необычайно раздражает сэра Джеффри, а теперь, когда его здоровье несколько расстроилось, я порою начинаю даже тревожиться. Поэтому, дорогой Джулиан, ради бога, избегай разговоров о Моултрэсси и его обитателях.

Это серьезное предостережение совершенно убедило Джулиана, что раскрыть свое тайное намерение значило бы наверняка его погубить, и он в отчаянии вернулся на остров Мэн.

Несмотря на это, он осмелился воспользоваться случившимся для того, чтобы еще раз попросить свидания с Алисой и рассказать ей о своей беседе с родителями. Это удалось ему с большим трудом, и Алиса высказала большое неудовольствие, когда из пространных речей, произнесенных с чрезвычайно значительным и важным видом, она узнала только, что леди Певерил сохраняет хорошее мнение о майоре Бриджнорте — известие, которое Джулиан изо всех сил старался истолковать как предзнаменование их будущего примирения.

— Я не думала, что вы станете так обманывать меня, мистер Певерил, — произнесла Алиса с видом оскорбленного достоинства, — но впредь я постараюсь оградить себя от подобных вторжений. Надеюсь боль-

ше не видеть вас в Черном Форте; а вас, уважаемая мисс Деббич, убедительно прошу не поощрять и не допускать визитов этого джентльмена; в противном случае я принуждена буду просить мою тетюшку и моего отца приискать мне другое жилище и, быть может, другую, более осмотрительную компаньонку.

Последний намек так напугал Дебору, что она вместе со своей воспитанницей принялась настоятельно требовать, чтобы Джулиан немедленно ушел, и он был вынужден повиноваться. Однако нелегко подавить решимость юного влюбленного, и Джулиан, после тщетных попыток забыть свою неблагодарную возлюбленную — попыток, от которых страсть его лишь разгорелась с новою силой, в конце концов явился в Черный Форт с визитом, начало которого мы описали в предыдущей главе.

Итак, мы оставили Певерила в тревоге и даже в страхе ожидающим свидания с Алисой; волнение его было так сильно, что, когда он ходил взад и вперед по комнате, ему казалось, будто печальные синие глаза с портрета Кристиана следуют за ним всюду, куда бы он ни пошел, своим неподвижным, холодным и зловещим взглядом предвещая горе и неудачу врагу всего семейства казненного.

Но вот наконец дверь отворилась, и эти видения рассеялись.

Глава XIII

Из кремня у родителей сердца!
Их не смягчают слезы.

Отвэй

Медленными и спокойными шагами вошла Алиса в гостиную, где нетерпеливый возлюбленный уже давно ее ожидал. Она была одета с особой аккуратностью, которая еще более оттеняла пуританскую простоту ее платья и показалась Джулиану дурным предзнаменованием; ибо хотя время, затраченное на туалет, во многих случаях доказывает, что женщина

хочет предстать на свидании в наиболее выгодном свете, чрезмерная скромность одежды весьма тесно связана с чопорностью и предвзятым решением выказать поклоннику одну лишь холодную учтивость.

Темное платье с длинными рукавами, высокий воротник и плотно прилегающий вязаный чепец, тщательно закрывавший пышные темно-каштановые волосы, совершенно обезобразили бы девушку менее изящную, чем Алиса Бриджнорт, но тонкая и стройная фигура, хотя и лишенная еще той округлости линий, которая придает законченность и совершенство женской красоте, скрашивала этот непритязательный наряд, придавая ему даже некоторую изысканность. Ясное светлое личико с карими глазами и белой, как мрамор, кожей не отличалось такой же правильностью, как фигура, и могло бы легко подвергнуться критике. Но в веселости Алисы было столько живости и одухотворенности, а в задумчивости ее столько глубокого чувства, что когда девушка беседовала со своими немногочисленными знакомыми, ее манеры, выражение лица и речи так пленяли и трогали своим простодушием и чистотою, что самые блестящие красавицы в ее обществе могли бы проиграть. Поэтому нет ничего удивительного, что эти чары, а также тайна, окутывавшая его дружбу с Алисой, заставили пылкого Джулиана предпочесть затворницу Черного Форта всем прочим дамам, с которыми он познакомился в свете.

Когда Алиса вошла в комнату, сердце его сильно забилося, и он с глубоким смирением смотрел на нее, даже не пытаясь заговорить.

— Это насмешка, мистер Певерил, и насмешка жестокая, — сказала Алиса, стараясь говорить твердо, хотя голос ее слегка дрожал. — Вы являетесь в дом, где живут только две женщины, слишком скромные, чтобы приказывать вам удалиться, слишком слабые, чтобы вас прогнать; являетесь, несмотря на мои убедительные просьбы — в ущерб вашему времени и, боюсь, моей репутации; вы злоупотребляете своим влиянием на простодушную особу, попечениям которой я вверена, и, поступая таким образом, надеетесь

загладить свою вину почтительными поклонами и принужденной любезностью! Ужели это благородно? Ужели это справедливо? Ужели, — добавила она, с минуту поколебавшись, — ужели это хорошо?

Последние слова, произнесенные дрожащим голосом, в котором слышался нежный укор, поразили Джулиана в самое сердце.

— Если есть способ, которым я с опасностью для жизни мог бы доказать вам свое почтение, преданность и нежность, Алиса, — проговорил он, — опасность эта была бы для меня дороже всякого наслаждения.

— Вы часто говорили такие слова, — отвечала Алиса, — но я не должна и не хочу их слушать. Я ничего от вас не требую, — у меня нет врагов, я не нуждаюсь в защите и, видит бог, не хочу подвергать вас опасностям. Опасность может возникнуть лишь от ваших визитов в этот дом. Вам достаточно усмирить свой необузданный нрав, обратить свои мысли и внимание на другой предмет, и мне больше нечего будет требовать и желать. Призовите на помощь рассудок, подумайте, какой вред вы причиняете самому себе, как несправедливо поступаете с нами, и позвольте мне еще раз попросить вас не приходить сюда до тех пор... до тех пор... — Она остановилась в нерешительности, и Джулиан с живостью прервал ее:

— До каких пор, Алиса? Осудите меня на любую разлуку, какой требует ваша суровость, но только не на вечную. Скажите мне: уйди на много лет, но вернись, когда эти годы пройдут, и, как бы медленно и тоскливо ни тянулись они, все же мысль, что когда-нибудь им наступит конец, поможет мне пережить это время. Умоляю вас, Алиса, назначьте этот срок, скажите, до каких пор?

— До тех пор, пока вы не сможете думать обо мне только как о сестре и друге.

— Это приговор на вечное изгнание! — возразил Джулиан. — Вам кажется, что вы назначили срок, но при этом вы ставите условие, которое невозможно выполнить.

— Почему невозможно? — убеждала его Алиса. — Разве мы не были счастливее, пока вы не сорвали маску со своего лица и завесу с моих глупых глаз? Ведь мы радостно встречались, весело проводили время и с легким сердцем расставались, потому что не нарушали свой долг и нам не в чем было себя упрекать. Верните это блаженное неведение, и у вас не будет причин называть меня жестокой. Но коль скоро вы строите призрачные планы и произносите такие безумные и страстные речи, не сердитесь на меня, если я скажу вам, что, поскольку Дебора обманула возложенное на нее доверие и не может оградить меня от преследования, я непременно напишу отцу, чтобы он нашел мне другое жилище, а пока перееду к тетушке в Кёрк Трох.

— Выслушайте меня, безжалостная Алиса, выслушайте меня, и вы увидите, как безгранична моя преданность и готовность вам повиноваться! — сказал Певерил. — Вы говорите, что были счастливы, когда мы не касались таких предметов. Что ж, я готов подавить свои чувства, чтобы вернуть это счастливое время. Я буду видеться, гулять и читать с вами — но лишь как брат с сестрою или друг; мысли, которые я стану лелеять — будь то мысли надежды или отчаяния, не облекутся в слова и потому не смогут вас обидеть; Дебора всегда будет с вами, и ее присутствие предотвратит даже малейший намек на то, что может быть вам неприятно; только не считайте за преступление эти мысли, — они составляют драгоценнейшую часть моей жизни; поверьте, было бы великодушнее лишить меня жизни совсем.

— Вы говорите это в порыве страсти, Джулиан, — отвечала Алиса. — То, что нам неприятно, себялюбие и упрямство стараются представить невозможным. Я не доверяю вашим планам, вашей решимости и еще менее покровительству Деборы. До тех пор, пока вы честно и открыто не откажетесь от желаний, о которых недавно говорили, мы должны оставаться чужими; если вы даже способны отказаться от них сию минуту, все равно нам лучше расстаться надолго. Ра-

ди бога, пусть это будет поскорее — быть может, теперь уже поздно: мне кажется, я слышу шум.

— Это Дебора, — отвечал Джулиан. — Не бойтесь, Алиса, мы в полной безопасности.

— Я не знаю, о чем вы говорите, — сказала Алиса, — мне нечего скрывать. Я не искала этой встречи, напротив, избегала ее, сколько могла, а теперь желаю, чтобы она поскорее кончилась.

— Но почему, Алиса? Ведь вы же сами говорите, что она будет последней. Зачем ускорять ход часов, когда и без того песок сыплется так быстро? Даже палач позволяет своим жертвам дочитать молитвы на эшафоте. И разве вы не видите — я буду рассуждать так хладнокровно, как вы можете только пожелать, — разве вы не видите, что нарушаете свое слово и отнимаете надежду, которую сами же мне подали?

— Какую надежду я вам подала, Джулиан? Какое слово нарушила? — воскликнула Алиса. — Вы сами строили воздушные замки, а теперь обвиняете меня в разрушении того, что никогда не имело под собою оснований. Пощадите себя, Джулиан, пощадите меня — из жалости к нам обоим уходите и не возвращайтесь до тех пор, пока не станете рассудительнее.

— Рассудительнее! — вскричал Джулиан. — Это вы, Алиса, хотите совершенно лишить меня рассудка. Разве вы не говорили, что, если наши родители будут согласны, вы не станете противиться моему предложению?

— Нет, нет и нет! — с горячностью возразила Алиса, заливаясь краской. — Я этого не говорила, Джулиан; это ваша необузданная фантазия истолковала таким образом мое молчание и замешательство.

— Значит, вы этого не говорите? — произнес Джулиан. — Значит, если я преодолею все препятствия, я встречу еще одно в жестоком и каменном сердце, которое презрением и равнодушием отвечает на самую искреннюю и горячую привязанность? Неужто Алиса Бриджнорт говорит такие слова Джулиану Певерилу? — добавил он с глубоким чувством.

— Да что вы, Джулиан, — чуть не плача отвечала девушка. — Я этого не говорю, я ничего не говорю, да я и не могу сказать, как поступлю в том случае, которого никогда не будет. Право, Джулиан, вы не должны так настаивать. Я желаю вам только добра, так почему же вы заставляете беззащитную девушку сказать или сделать то, что унизит ее в собственных глазах, — признаться в любви к человеку, с которым судьба разлучила ее навсегда? Невеликодушно, жестоко добиваться удовлетворения своего самолюбия ценою всех моих чувств.

— Ваших слов достаточно, чтобы осудить мою настойчивость, Алиса, — со сверкающими глазами сказал Джулиан. — Я не стану больше ничего от вас требовать. Но вы преувеличиваете препятствия, которые лежат между нами, — они исчезнут, они должны исчезнуть!

— Это вы уже говорили раньше, — возразила Алиса, — и из вашего рассказа видно, насколько это вероятно. Вы не смели даже заикнуться об этом перед вашим отцом — так как же вы осмелитесь говорить с моим?

— Скоро вы сможете судить об этом сами. Майор Бриджнорт, как говорила мне матушка, человек достойный и почтенный. Я напому ему, что заботам моей матери он обязан драгоценнейшим сокровищем и утешением своей жизни, и спрошу, справедливо ли в награду за это лишить ее единственного сына. Скажите мне только, где найти его, Алиса, и вы увидите, побоясь ли я обратиться к нему со своею просьбой.

— Увы! — отвечала Алиса. — Как вы знаете, мне неизвестно, где живет мой отец. Сколько раз я умоляла позволить мне разделить его одиночество, его таинственные странствия! Но мне дано бывать в его обществе лишь в те редкие дни, когда он навещает этот дом. А ведь я, наверное, могла бы хоть немного рассеять его печаль.

— Мы оба могли бы что-нибудь сделать, — сказал Певерил. — Как охотно я помог бы вам исполнить эту приятную обязанность! Все старые обиды должны быть преданы забвению, все старые привязанно-

сти возрождены вновь. Предубеждения моего отца — это предубеждения англичанина: они хоть и сильные, но их можно поколебать доводами рассудка. Скажите только, где майор Бриджнорт, а все остальное предоставьте мне; или по крайней мере откройте, куда вы посылаете ему письма, и я тотчас же отправлюсь его разыскивать.

— Умоляю вас, не делайте этого, — возразила Алиса, — он и без того убит горем; что он подумает, если я соглашусь на предложение, которое может лишь еще больше его огорчить? Притом, если б я даже хотела, я не могла бы сказать вам, где его найти. Время от времени я пишу ему через мою тетушку, миссис Кристиан, но адреса его я не знаю.

— Тогда, клянусь богом, я дождусь его приезда на этот остров и в этот дом, и, прежде чем он заключит вас в свои объятия, он даст ответ на мое предложение.

— В таком случае требуйте ответа сейчас, — раздался голос за дверью, которая в ту же минуту медленно отворилась, — требуйте ответа сейчас, ибо перед вами Ралф Бриджнорт.

С этими словами майор спокойным и размеренным шагом вошел в залу, снял свою широкополую шляпу и, остановившись посредине комнаты, устремил на дочь и Джулиана Певерила пристальный и пронизывающий взгляд.

— Отец! — пролепетала Алиса, пораженная и на смерть перепуганная его внезапным появлением в такую минуту. — Отец, я не виновата!

— Об этом мы поговорим после, Алиса, — отвечал Бриджнорт, — а теперь ступай в свою комнату: я должен без тебя побеседовать с этим молодым человеком.

— Право, отец, поверьте, — сказала Алиса, встревоженная намеком, который, по ее мнению, заключался в этих словах, — Джулиан тоже не виноват! Мы встретились с ним случайно, по воле судьбы! — Потом, внезапно бросившись на шею отца, она проговорила: — О, не обижайте его, он не сделал ничего дурного! Отец, вы всегда были рассудительны, кротки и набожны...

— А почему бы мне не остаться таковым, Алиса? — спросил Бриджнорт, поднимая дочь, которая в страстной мольбе упала к его ногам. — Разве тебе известна причина, которая может до такой степени воспламенить мой гнев на этого молодого человека, что рассудок и вера не в состоянии будут его обуздать? Ступай, ступай в свою комнату. Успокойся, научись владеть своими чувствами и дай мне самому поговорить с этим упрямым юношей.

Алиса встала и, опустив глаза, медленно вышла из комнаты. Джулиан провожал ее взглядом до тех пор, пока последняя складка ее платья не скрылась за дверью, затем взглянул на майора Бриджнорта и тотчас же потупил взор. Майор продолжал молча его рассматривать; лицо его было печально и даже сурово, но в нем не было ни волнения, ни досады. Он указал Джулиану на стул, сам сел и начал следующую речь:

— Молодой человек, мне кажется, вы только что желали узнать, где меня найти. Так по крайней мере я мог заключить из нескольких ваших слов, ибо — хотя это, быть может, и противоречит нынешнему уставу вежливости — я позволил себе подслушать вас минуту-другую, дабы удостовериться, о каком предмете столь молодые люди могут беседовать наедине.

— Надеюсь, сэр, — собравшись с духом, промолвил Джулиан, который понимал всю важность этой минуты, — надеюсь, вы не услышали от меня ничего оскорбительного для джентльмена, который мне незнаком, но которому я обязан глубоким уважением.

— Напротив, — с тою же холодной учтивостью отвечал Бриджнорт, — мне приятно, что вы, если я не ошибаюсь, желаете вести переговоры скорее со мною, нежели с моей дочерью. Я только думаю, что вам следовало с самого начала доверить это дело одному лишь мне.

Джулиан слушал его с величайшим вниманием, но никак не мог понять, серьезно или иронически говорит Бриджнорт. Однако, несмотря на свою неопытность, он был весьма сметлив и решил выведать намерения и узнать нрав человека, с которым беседовал.

С этой целью он сказал в тон Бриджнорту, что, не имея чести знать его местопребывание, он пришел осведомиться о нем к его дочери.

— С которой вы только сегодня познакомились? — спросил Бриджнорт. — Так следует понимать ваши слова?

— Напротив, — отвечал Джулиан. — Ваша дочь знает меня много лет, и то, что я хотел сказать, касается ее счастья, равно как и моего.

— Значит, я должен понять вас так, как смертные понимают друг друга в этом мире, — сказал Бриджнорт. — Вы связаны с моею дочерью узами любви. Я это знаю давно.

— Вы, мистер Бриджнорт? Вы это знаете давно? — воскликнул Джулиан.

— Да, молодой человек. Вы думали, что я, отец единственной дочери, мог бы оставить Алису Бриджнорт — последний залог любви той, которая ныне причислена к сонму ангелов, — мог бы оставить ее в этом уединенном месте, не зная ничего о ее земных делах? Я сам, своими глазами видел вас обоих чаще, чем вы можете себе представить, и даже отсутствуя, имел средства продолжать свои наблюдения. Молодой человек, говорят, что такая любовь, как ваша, учит хитрости, но, поверьте, она не в силах перехитрить привязанность овдовевшего отца к его единственному дитяти.

— Если вы так давно осведомлены об этом знакомстве, — сказал Джулиан, сердце которого забилося от радости, — могу ли я надеяться, что оно не вызвало вашего неодобрения?

С минуту помедлив, майор ответил:

— В некоторых отношениях, разумеется, нет. Если бы это было не так, если б я заметил, что ваши посещения становятся опасными для дочери или неприятными для меня, она недолго оставалась бы жить на этом острове и в этом уединенном доме. Но не торопитесь заключить, что все ваши желания могут легко и быстро исполниться.

— Разумеется, я предвижу затруднения, — сказал Джулиан, — но с вашей любезной помощью надеюсь

их устранить. Мой отец великодушен, моя мать искренна и снисходительна. Они любили вас прежде, и я уверен, что они полюбят вас опять. Я хотел бы стать посредником между вами: мир и согласие вновь воцарятся в нашей округе, и...

Бриджнорт прервал его с мрачной улыбкой — такой по крайней мере она показалась, промелькнув на лице, исполненном глубокой печали.

— Моя дочь была права, сказав, что вы — мечтатель, строитель воздушных замков, надежды которого несбыточны, как ночные видения. Вы просите у меня руки моей единственной дочери — всего, чем я владею в земной жизни, хоть жизнь эта и ничто по сравнению с вечностью. Вы просите дать вам ключ от единственного источника, из коего я могу еще надеяться испытать глоток живительной влаги; вы хотите стать единственным и полновластным хранителем моего счастья в этом мире; а что вы предлагаете, что можете вы предложить в обмен на жертву, которой вы от меня требуете?

— Я слишком хорошо понимаю, как тяжела для вас такая жертва, — произнес Певерил, смущенный своими поспешными заключениями.

— Не прерывайте меня, — сказал Бриджнорт, — не прерывайте меня до тех пор, пока я не объясню вам достоинство того, что вы предлагаете мне в обмен на дар, которого — независимо от истинной его цены — вы страстно желаете и который заключает в себе все мое земное достояние. Вы, наверно, слышали, что в последнее время я стал противником образа мыслей вашего отца и его нечестивой клики, хотя никогда не был его личным врагом.

— Напротив, я много раз слышал нечто совершенно противоположное, — отвечал Джулиан, — и не далее, как минуту назад, напомнил вам, что вы были его другом.

— Да, это так, и во время моего благополучия, а его несчастья, я желал и имел возможность доказать ему мою дружбу. Теперь настали другие времена, и обстоятельства переменились. Человек миролюбивый и безобидный, идущий по стезе закона, мог ожидать

от своего соседа, ныне, в свою очередь, обложенного властью, такого покровительства, на какое вправе рассчитывать все подданные одного государства даже от людей совершенно посторонних. И что же? Я, имея при себе законное королевское предписание на арест, преследую убийцу, обгавленную кровью моего близкого родственника. В подобном случае я имею право обратиться за помощью к любому вассалу. Мой сосед, как человек и как мировой судья, обязанный с готовностью поддерживать законные действия, как благодарный друг, обязанный уважать мои права и мою личность, становится между мною, мстителем за кровь, и моей законною пленницей, бросает меня на землю, подвергая опасности мою жизнь и — по крайней мере в глазах людей — оскорбляя мою честь; и под его защитой мадианитянка, подобно орлице, достигает гнезда, которое она свила себе на омываемых волнами утесах, и остается там до тех пор, пока золото, внесенное по приговору суда, стирает всякое воспоминание об ее преступлении и расстраивает планы мести, к которой взывает память о лучшем и храбрейшем из мужей. Но, — добавил он, обращаясь к портрету Кристиана, — ты еще не забыт, мой белокурый Уильям! Мщение, которое преследует по пятам твою убийцу, медленно, но верно!

Наступило молчание, которого Джулиан Пeverил, желая узнать, к чему клонит майор Бриджнорт, не стал прерывать. Через несколько минут последний продолжал:

— Обо всех этих предметах я вспоминаю без речи — поскольку они касаются моей особы; я вспоминаю о них без гнева, хотя они и послужили причиной моего изгнания из дома, где жили мои отцы и где нашли свое успокоение мои земные радости. Но дела, касающиеся общественного блага, посеяли семена нового раздора между вашим отцом и мною. Кто деятельнее всех исполнял роковой эдикт, данный в черный день святого Варфоломея, когда сотни проповедников слова божия были отлучены от домашнего очага и алтаря, изгнаны из церквей и приходов, чтобы уступить место мошенникам и чревоугодникам?

Когда несколько преданных истинной вере слуг божиих собрались, дабы поднять упавшее знамя и еще раз выступить за правое дело, кто усерднее всех препятствовал их планам, кто поспешил их разыскивать, преследовать и брать под арест? Чье горячее дыхание чувствовал я за своею спиной, чей обнаженный меч сверкал вблизи меня, когда я, подобно вору, пробирался под покровом ночи в дом отцов моих? Джеффри Певерила, вашего отца! Что станете вы отвечать теперь, как сможете согласить все это со своими желаниями?

В ответ Джулиан мог лишь сказать, что обиды эти — давние, нанесенные когда-то в порыве горячности, и что христианская любовь не позволяет майору Бриджнорту питать злобу, когда открыт путь к примирению.

— Довольно, молодой человек, — отвечал ему Бриджнорт, — вы не знаете того, о чем говорите. Прощать личные обиды — весьма похвально, это наш христианский долг, но нам не велено прощать оскорбления, нанесенные делу веры и свободы; мы не вправе даровать прощение и пожимать руку тем, кто пролил кровь наших братьев.

Он опять взглянул на портрет Кристиана и, помолчав несколько минут, словно боясь дать волю своему возмущению, смягчил голос и продолжал:

— Все это я говорю вам, Джулиан, чтобы показать, сколь невозможен в глазах мирянина тот союз, которого вы желаете. Но небо порою открывает путь там, где человек не видит никакого выхода. Ваша мать, Джулиан, хоть и не познала истины, но, говоря языком света, одна из лучших и мудрейших женщин; и провидение, даровавшее ей столь прекрасный облик и вложившее в нее душу столь чистую, сколь возможно при первородной слабости низменной природы нашей, надеюсь, не потерпит, чтобы она до конца дней своих оставалась сосудом гнева и гибели. Об отце вашем я не скажу ничего — он такой, каким сделало его время, пример других и советы его надменного священника; скажу только, что я имею над ним власть, и он бы давно уже ее почувствовал, если бы

в его доме не было существа, которое должно будет страдать вместе с ним. Я не хочу вырвать с корнем ваш древний род. Хотя я и не одобряю вашу похвальбу фамильною честью и родословной, я не желаю их истреблять, подобно тому как не стал бы разрушать заросшую мохом башню или рубить старый дуб — разве лишь с целью выпрямить дорогу для удобства жителей округи. Итак, я не питаю вражды к униженному дому Певерилов, напротив, я уважаю его в его падении.

Он еще раз умолк, как бы ожидая ответа Джулиана. Однако, несмотря на пыл, с которым молодой человек добивался своей цели, он был воспитан в высоком мнении о знатности своего рода и в похвальном чувстве почтения к родителям и потому не мог без досады слушать некоторые выражения Бриджнорта.

— Дом Певерилов никогда не был унижен, — возразил он.

— Если бы вы сказали, что сыны этого дома никогда не признавались в своем унижении, вы были бы ближе к истине, — отвечал Бриджнорт. — Разве вы не унижены? Разве вы не состоите прислужником при высокомерной женщине и компаньоном при пустом юноше? Если вы оставите этот остров и явитесь к английскому двору, вы убедитесь, какое уважение будут там оказывать древней родословной, ведущей ваш род от королей и завоевателей. Грубая, непристойная шутка, развязные манеры, расшитый плащ, горсть золота и готовность проиграть ее в карты или в кости продвинут вас при дворе Карла лучше, чем древнее имя вашего отца или рабская преданность, с которой он жертвовал кровью и состоянием за августейшего отца нынешнего монарха.

— Это более чем вероятно, — сказал Певерил, — но двор — не моя стихия. Подобно моему отцу, я стану жить среди своих людей, заботиться о них, решать их споры...

— Воздвигать майские шесты и плясать вокруг них, — перебил его Бриджнорт со своею мрачною улыбкой, которая вспыхивала на лице его подобно тому, как в окнах церкви отражается факел могиль-

щика, запирающего склепы. — Нет, Джулиан, теперь не такое время, когда можно было бы служить нашей несчастной стране, исполняя скучные обязанности сельского мирового судьи или занимаясь ничтожными делами сельского землевладельца. Зреют великие планы, и надо сделать выбор между богом и Ваалом. Древнее суеверие — проклятие наших отцов — под покровительством земных владык поднимает голову и расставляет повсюду свои сети; но это не остается незамеченным: тысячи истинных англичан ждут лишь сигнала, чтобы подняться и доказать князьям земным, что все их козни были напрасны! Мы разорвем их путы, мы не пригубим чашу их порока!

— Слова ваши темны, майор Бриджнорт, — сказал Певерил. — Коль скоро вы так хорошо меня знаете, вы могли бы по крайней мере заключить, что я, слишком много раз бывший свидетелем заблуждений Рима, вряд ли могу желать их распространения в нашем отечестве.

— Без этого я не стал бы так свободно и откровенно говорить с тобой, — отвечал Бриджнорт. — Разве я не знаю, с какою живостью юношеского ума ты отвергал коварные попытки священника этой женщины отвратить тебя от протестантской веры? Разве я не знаю, как осаждали тебя за границей и как ты устоял, поддержав притом колеблющуюся веру своего друга? Разве не сказал я тогда: «Это сын Маргарет Певерил! Он еще держится мертвой буквы, но настанет день, когда семя взойдет и принесет плоды». Но довольно об этом. Сегодня этот дом — твой дом. Я не хочу видеть в тебе ни слугу этой дочери Ваала, ни отпрыска человека, который угрожал моей жизни и посрамил мою честь; нет, сегодня ты будешь для меня сыном женщины, без которой прекратился бы род мой.

С этими словами он протянул Джулиану свою худую, костлявую руку, но приветствие его было так печально, что, несмотря на всю радость, которую сулила юноше возможность пробыть столько времени вместе с Алисой Бриджнорт, несмотря на то, что он понимал, сколь важно снискать благосклонность ее отца, какой-то странный холод объял его сердце.

Глава XIV

Пусть нынче будет мир, а все
раздоры
Отложим до утра.

Отвэн

Дебора Деббич явилась на зов своего господина с чрезвычайно встревоженным видом, прижимая к глазам платок.

— Я не виновата, майор Бриджнорт, — пролепетала она. — Что я могла сделать? Рыбак рыбака видит издали — молодой человек все равно приходил бы сюда, молодая девушка все равно бы с ним встречалась.

— Молчи, неразумная женщина, — прервал ее Бриджнорт, — и слушай, что я тебе скажу.

— Я слишком хорошо знаю, что ваша честь хочет сказать, — отвечала Дебора. — Как не понять, что места теперь не достаются и не передаются по наследству; одни люди умнее других, и если б меня не переманили из замка Мартиндейл, то я теперь имела бы собственный дом.

— Молчи, безумная! — воскликнул Бриджнорт, но Дебора так старалась оправдаться, что ему лишь с трудом удалось вставить это замечание между ее возгласами, которые следовали один за другим, как это обыкновенно бывает, когда люди, желая избежать заслуженного выговора, начинают шумно оправдываться еще до того, как их в чем-либо обвинили.

— Неудивительно, что я была обманута и позабыла свои выгоды, поскольку надо было заботиться о прелестной мисс Алисе. Я не польстилась бы на все ваше золото, ваша честь, если б не знала, что без меня и без миледи эта несчастная малютка совсем пропадет. И вот теперь всему конец. Недосыпала, недоедала — и вот награда! Но советую вашей чести быть поосторожнее — у мисс Алисы еще не прошел кашель, и она должна весной и осенью принимать лекарство.

— Да замолчи же, болтуня! — сказал Бриджнорт, воспользовавшись мгновением, когда Дебора

переводила дух. — Уж не думаешь ли ты, что я не знал о визитах этого молодого человека в Черный Форт и что, если б они мне не нравились, я не нашел бы средства их прекратить?

— Да неужто я не знала, что ваша честь все про это знает? — торжествуя, воскликнула Дебора, которая, подобно большинству людей ее звания, ради своей защиты не побрезговала бы самой глупой и невероятной выдумкой. — Да неужто бы я иначе позволила ему приходить сюда? За кого вы меня принимаете? Да неужто я стала бы им помогать, если б не была уверена, что ваша честь желает этого больше всего на свете? Осмелюсь доложить, я свои обязанности знаю. Да неужто я приглашала бы в дом кого другого — ведь я же знала, что ваша честь — человек мудрый, а ссоры не могут длиться вечно, и где кончается ненависть, там начинается любовь, и право же, они любят друг друга и рождены друг для друга, да и поместья Моултрэсси и Мартиндейл подходят друг к другу, как нож к ножам.

— Придержи свой язык, болтливый попугай, — сказал Бриджнорт, терпение которого истощалось, — а уж если ты непременно должна болтать, ступай к своим друзьям на кухню и вели поскорее накрыть на стол, потому что мистеру Певерилу далеко ехать.

— С превеликим удовольствием, — отвечала Дебора, — и если на всем острове Мэн найдется хоть несколько кур жирнее тех, что сейчас прилетят к вам прямехонько на стол, то ваша честь может назвать меня не только попугаем, но и гусыней.

С этими словами она вышла из залы. Проводив ее многозначительным взглядом, Бриджнорт сказал:

— И вы могли думать, что я слепо вверил мою единственную дочь попечениям такой женщины! Но довольно об этом; предоставим ей действовать в области, которая доступнее ее разумению, а сами, если хотите, пойдем прогуляться.

Рассуждая таким образом, он вышел из дома в сопровождении Джулиана Певерила, и вскоре они, как старые знакомые, рука об руку шагали по долине.

Наверно, многим из наших читателей, так же как и нам самим, не раз случалось проводить время в обществе человека, считающего себя более серьезным, чем мы, и потому ожидать весьма принужденного и натянутого разговора, тогда как назначенный нам судьбою товарищ, в свою очередь, страшится легкомыслия и безрассудной веселости, которые предполагает встретить в особе, столь на него не похожей. Между тем часто бывало так, что, когда мы с присущей нам обходительностью и добротой принаравливались к собеседнику, придав разговору столько серьезности, сколько позволяли наши привычки, а он, побежденный нашим великодушием, старался смягчить суровость своего обращения, беседа наша приобретала отрадное для души соединение приятного с полезным, всего более напоминая «волшебное сплетение дня и ночи», в прозе обыкновенно называемое сумерками. В подобном случае оба собеседника могут только выиграть от своей встречи, даже если она лишь на короткое время сближает их, ибо нередко бывает так, что люди, склонные к взаимным обвинениям в нечестивом легкомыслии, с одной стороны, и в фанатизме — с другой, на самом деле отличаются друг от друга скорее темпераментом, нежели принципами.

Прогулка Певерила с Бриджнортом и беседа, которую они вели между собою, были тому неоспоримым доказательством.

Тщательно избегая предмета, о котором они беседовали прежде, майор Бриджнорт перевел разговор на путешествие за границу и на всевозможные диковинки, которые он заметил своим любознательным и острым глазом. Время летело легко и незаметно, ибо, хотя все анекдоты и наблюдения были проникнуты суровым и даже мрачным духом рассказчика, они содержали много удивительных и любопытных подробностей, всегда возбуждающих интерес молодежи и особенно занимательных для Джулиана, не лишенного романтической и авантюристической жилки.

Оказалось, что Бриджнорт хорошо знал южную Францию; он много рассказывал о французских гугенотах, которых начинали уже подвергать гонениям,

достигшим несколько лет спустя своей высшей точки с отменой Нантского эдикта. Майор жывал даже в Венгрии и был знаком со многими вождями большого протестантского восстания, которое в то время возглавлял знаменитый Текели; он убедительно доказывал, что повстанцы имели право соединиться скорее с турецким султаном, нежели с папой римским. Он рассказал также о Савойе, где последователей Реформации до сих пор жестоко притесняли, и с восторгом упомянул о покровительстве Оливера Кромвеля угнетенным протестантским церквам.

— Этим, — добавил Бриджнорт, — Оливер доказал, что он достойнее высшей власти, чем многие, кто, претендуя на нее по праву наследования, употребляют оную лишь для достижения своих суетных целей и ради удовлетворения своего сластолюбия.

— Я не ожидал, что услышу от вас панегирик Кромвелю, мистер Бриджнорт, — скромно заметил Певерил.

— Я не произношу ему панегириков, — отвечал Бриджнорт, — а всего лишь говорю правду об этом необыкновенном человеке, ныне умершем. Когда он был жив, я не боялся открыто идти против него. Если мы с сожалением вспоминаем те дни, когда Англию уважали за границей, а в отечестве нашем царили благочестие и добродетель, то в этом виноват теперешний несчастный король. Но я не хочу вступать с вами в спор. Вы жили среди людей, коим легче и приятнее получать пенсии от Франции, нежели диктовать ей свои законы, и тратить ее подачки, вместо того чтобы положить конец жестокости, с которой она угнетает наших несчастных единоверцев. Когда завеса упадет с глаз твоих, юноша, ты увидишь все это сам, а увидев, станешь презирать и ненавидеть.

К этому времени они закончили свою прогулку и возвратились в Черный Форт другою дорогой. Певерил теперь уже не чувствовал в обществе Бриджнорта смущения и робости, которые сначала внушили ему замечания последнего, — они рассеялись от прогулки и всего тона разговора. Дебора сдержала свое слово: обед ожидал их на столе. Сервировка, как всегда, от-

личалась простотой, скромностью и опрятностью, однако на сей раз в ней было заметно некоторое отступление от обычно заведенного порядка и даже мажорность: вместо деревянной и оловянной посуды, которую Джулиан обычно видел в таких случаях в Черном Форте, на столе красовались серебряные блюда и тарелки.

Подобно спящему, который видит сладкий сон и, одушевленный восторгом и в то же время терзаемый страхом и неизвестностью, страшится пробуждения, Джулиан неожиданно очутился за столом между Алисой Бриджнорт и ее родителем — девушкой, которую он любил больше всего на свете, и человеком, в котором всегда видел главное препятствие своим встречам с нею. Замешательство Певерила было так велико, что он лишь с трудом мог отвечать на докучливые любезности Деборы, которая, сидя за столом в качестве гувернантки, потчевала всех яствами, приготовленными под ее наблюдением.

Что до Алисы, она, казалось, решила стать немой и едва отзывалась на вопросы Деборы, и когда отец раза два или три пытался вовлечь ее в беседу, отвечала односложно и то лишь из почтения к нему.

Итак, Бриджнорт должен был сам занимать общество и, несмотря на свои привычки, казалось, не старался уклониться от этой обязанности. Речь его текла свободно и даже отличалась некоторой веселостью, хотя по временам в ней мелькали выражения, проникнутые свойственной ему меланхолией или заключающие в себе пророчества о грядущих бедствиях. Порою в речах его вспыхивало воодушевление, подобно вечерней зарнице, яркий отблеск которой на мгновение освещает тихие осенние сумерки, придавая дикий и устрашающий вид всем окрестным предметам. Большой же частью замечания Бриджнорта были просты и рассудительны; он не претендовал на изысканность стиля, и потому единственное украшение его речи составлял тот интерес, который она вызывала у слушателей. Например, когда суетная Дебора с гордостью обратила внимание Джулиана на столовое

серебро, Бриджнорт счел необходимым оправдать эту излишнюю роскошь.

— Когда люди, чуждые житейской суете, тратят большие деньги на изделия из драгоценных металлов, это дурной знак, — сказал Бриджнорт. — Когда купец ради безопасности превращает свой капитал в эту мертвую оболочку, это значит, что он не может извлечь из него прибыль. Когда джентльмены и знать вкладывают свое состояние в движимость, которую легко можно спрятать, это доказывает, что они боятся алчности властителей. Когда человек рассудительный вместо маленькой расписки ювелира или банкира предпочитает хранить у себя большие запасы серебра, это показывает ненадежность кредита. Пока у нас оставалась хотя бы тень свободы, неприкосновенность жилища нарушалась в последнюю очередь, и потому люди расставляли свои сокровища в буфетах и на столах — в местах, которые дольше всего оставались священными для деспотического правительства. Однако лишь только появится спрос на капитал для выгодной торговли, как все эти вещи тотчас пойдут в плавильную печь, перестанут быть суетным и громоздким украшением пиршественного стола и превратятся в сильное и могущественное средство, способствующее процветанию государства.

— В военное время столовое серебро тоже часто было богатым источником накопления, — заметил Джулиан.

— Даже слишком часто, — возразил Бриджнорт. — В недалеком прошлом столовое серебро знати, дворянства и университетов, а также продажа драгоценностей короны позволили королю продолжать свое неудачное сопротивление, которое мешало восстановить мир и порядок до тех пор, пока меч вопреки закону не подчинил себе и короля и парламент.

При этих словах он взглянул на Джулиана совершенно так же, как человек, желающий испытать лошадь, неожиданно подносит что-нибудь к ее глазам, а потом смотрит, вздрогнет она или нет. Но мысли Джулиана были слишком заняты другими предметами, и он ничуть не встревожился. Он заговорил не

сразу, и слова его касались предыдущей части рассуждений Бриджнорта.

— Стало быть, война, великая опустошительница, в то же время создает богатства, которые сама же уничтожает и пожирает? — спросил он.

— Да, — отвечал Бриджнорт, — подобно тому, как шлюз приводит в движение спящие воды озера, которые он в конце концов осушает. Необходимость изобретает ремесла и открывает новые средства, а существует ли необходимость более суровая, чем необходимость гражданской войны? Поэтому даже война не есть чистое зло, ибо она — источник силы, которой без нее общество было бы лишено.

— Значит, люди должны идти на войну, чтобы отправить свое столовое серебро на монетный двор и есть оловянных блюд и деревянных тарелок? — спросил Джулиан.

— Не совсем так, сын мой, — начал Бриджнорт, но тут же остановился, заметив краску на щеках Джулиана, и добавил: — Прошу прощения за эту фамильярность; однако я не хотел свести то, о чем сейчас говорил, к следствиям столь ничтожным, хотя, быть может, и полезно оторвать людей от их великолепия и роскоши и превратить в римлян тех, которые в противном случае остались бы сибаритами. Но я хочу сказать, что времена общественной опасности, когда тайные сокровища скряги и золотые слитки надменного богача поступают в обращение, увеличивая тем богатства страны, пробуждают много смелых и благородных умов, которые дремали в бездействии, не служа примером для потомства и не завещая своей славы грядущим векам. Общество не знает и не может знать, какие духовные силы таятся в его груди, пока необходимость и счастливый случай не призвуют дотоле неизвестных государственных мужей и воинов выполнить роль, предназначенную им провидением, и занять место, для которого создала их природа. Так возвысился Оливер, так возвысился Мильтон, так возвысились многие другие, чьи имена никогда не будут забыты. Так буря показывает всем ловкость и искусство мореплавателя.

— Судя по вашим словам, — сказал Певерил, — даже в народном бедствии могут заключаться некие преимущества.

— Да, именно это мы и видим в нынешнюю годовину бедствий: всякое временное зло постепенно смягчается добром, а все, что есть в мире доброго, тесно связано со злом.

— Сколь благородным должно быть зрелище, когда пробуждаются к действию дремлющие силы великого духа и он по праву принимает власть над более слабыми умами, — сказал Джулиан.

— Однажды мне довелось быть свидетелем подобного случая, — сказал Бриджнорт. — Эта история не длинна и, если хотите, я расскажу ее вам.

Странствуя по свету, я посетил заокеанские поселения, главным образом Новую Англию, куда наше отечество, подобно пьянице, расточающему свои богатства, бросило так много сокровищ, драгоценных в глазах бога и детей его. Там тысячи лучших и благочестивейших соотечественников наших, чья справедливость могла бы встать между всевышним и его гневом и предотвратить истребление городов, предпочитают жить в пустыне среди непросвещенных дикарей, нежели допустить, чтобы царящий в Британии произвол погасил свет, озаривший их души. Там оставался я во время войн, которые колонисты вели против вождя индейцев Филипа, называемого Великим Сахемом, которого, казалось, наслал на них сам сатана. Жестокость его была невероятна, коварство беспредельно, а ловкость и проворство, с которыми он производил разрушительные и беспорядочные набеги, причиняли неисчислимые бедствия поселенцам. По воле случая я очутился в небольшом, весьма уединенном поселке, окруженном густой чащею леса, милях в тридцати от Бостона. Жители поселка в то время не опасались нападения индейцев, надеясь на защиту большого отряда войск, охранявшего пограничные области. Отряд, как они думали, был расположен между этой деревушкой и вражеской территорией. Однако им приходилось иметь дело с неприятелем, которого сам дьявол наделил хитростью и жестокостью. В одно вос-

кресное утро все мы собрались на богослужение в церкви. Храм наш был сложен из простых бревен, но разве песнопения обученных наемников или гудение медных труб в кафедральном соборе могут столь сладомерно вознестись к небесам, как тот псалом, в котором мы объединили наши голоса и сердца наши? Не успел достойный, ныне почивший в бозе, Ниимайя Солсгрейс, долгое время сопровождавший меня в моих странствиях, начать свою молитву, как в церковь ворвалась растрепанная, обезумевшая женщина с криком: «Индейцы! Индейцы!»

В той стране никто не осмеливается ходить безоружным. В городах и поселках, в лесах и на пашнях — везде и всюду мужчины носят при себе оружие, подобно иудеям, когда оные перестраивали свой храм. Выскочив из церкви со своими ружьями и копьями, мы услышали крики этих дьяволов, которые уже захватили часть поселка и расправлялись с теми немногими, кому важные причины или нездоровье помешали участвовать в богослужении. Между прочим, все заметили, что в то кровавое воскресенье божья кара постигла голландца Адриана Хэнсона, человека, благорасположенного к ближним, но целиком преданного наживе: индейцы убили его и сняли с него скальп в ту самую минуту, когда он подсчитывал недельную выручку в своей лавке. Словом, был причинен большой ущерб, и хотя нам удалось несколько оттеснить неприятелей, они, захватив нас врасплох и воспользовавшись тем, что у нас не было вождя, сумели приобрести некоторое преимущество. Сердце разрывалось от жалобных стенаний женщин и детей, раздававшихся среди ружейных выстрелов и свиста пуль, смешавшихся с диким ревом, который дикари называют своим боевым кличем. Вскоре загорелось несколько домов в верхней части деревни, и рев пламени вместе с треском горящих балок еще более усиливали страшное смятение, между тем как дым, который ветер относил в нашу сторону, увеличивал превосходство неприятелей, — оставаясь невидимыми, они косили нас метким огнем. В замешательстве мы уже готовы были решиться на отчаянный план оставить деревню

и, поместив женщин и детей в середину, отступить в ближайший поселок, но господу угодно было ниспослать нам неожиданную помощь. Когда мы поспешно обсуждали план отступления, среди нас внезапно явился высокий, почтенного вида человек, которого никто не знал. Он был в одежде из лосиной кожи и вооружен шпагой и пистолетом. Благородное чело его оттеняли седые выющиеся волосы и длинная седая борода.

«Братья, — произнес он голосом, способным решить исход битвы, — почему вы пали духом? Почему вы в таком смятении? Неужто вы боитесь, что господь, которому мы служим, предаст вас этим языческим псам? Следуйте за мной, и вы убедитесь, что есть еще военачальник в Израиле!»

Голосом человека, привыкшего командовать, он отдал несколько кратких, но ясных приказаний, и влияние его наружности, выражения его лица, его слов и отваги было так велико, что люди, которые никогда в жизни его не видели, беспрекословно ему повиновались. По его приказу мы поспешно разделились на два отряда и с новыми силами ринулись в бой, уверенные, что неизвестный послан нам на помощь свыше. Один отряд, заняв самые лучшие, надежно укрытые позиции, поливал неприятелей убийственным огнем, тогда как незнакомец во главе второго отряда под прикрытием дыма вышел из поселка и, обойдя его, напал на краснокожих с тыла. Неожиданный приступ, как это всегда бывает в схватках с дикарями, блестяще удался, ибо они не сомневались, что их атакует возвратившийся отряд регулярных войск Новой Англии и что они окружены. Язычники обратились в беспорядочное бегство, оставив наполовину захваченную деревню и потеряв столько человек убитыми, что их племя никогда уже не могло возместить свои потери. Я до самой смерти не забуду ту минуту, когда наши мужчины вместе с женщинами и детьми, спасенными от томагавков и ножей, которыми краснокожие снимают скальпы, толпились вокруг нашего благородного предводителя, не смея к нему приблизиться, готовые скорее поклоняться ему, словно сошедшему

на землю ангелу, нежели благодарить его как своего собрата смертного.

«Не возносите мне хвалу, — сказал он, — я всего лишь орудие — слабое, как и вы, — в руках всевышнего. Дайте мне воды, чтобы я мог смочить пересохшее горло, прежде чем я возьму на себя задачу возблагодарить того, кто этого заслужил».

Я стоял ближе всех, и когда я подал ему чашу с водой, мы обменялись взглядом, и мне показалось, что я узнал благородного друга, которого считал давно почившим в мире, но он не дал мне времени ничего сказать. Опустившись на колени и знаком приказав нам последовать его примеру, он в энергичных выражениях вознес благодарственную молитву за благополучный исход битвы. Произнесенная голосом громким и чистым, как звуки боевой трубы, речь его потрясла слушателей до глубины души. Мне довелось слышать много богослужений — и дай мне бог сподобиться благодати, — но эта молитва, произнесенная среди мертвых и умирающих, голосом, исполненным торжества и восторга, далеко превзошла их всех — она была подобна песне вдохновенной пророчицы, обитавшей под пальмой на пути между Рамою и Вефилем. Он умолк, и некоторое время все стояли, потупив очи долу. Наконец мы осмелились поднять голову, но нашего избавителя уже не было среди нас, и его никогда больше не видели в тех краях, которые он спас от гибели.

Тут Бриджнорт, который рассказывал эту необыкновенную историю с несвойственными ему красноречием и живостью, на мгновение остановился, а затем продолжал:

— Как видите, молодой человек, мудрые и доблестные мужи являются командовать и повелевать в годину бедствий, хотя самое их существование оставалось неизвестным в том краю, который им суждено было спасти.

— А что подумали люди о таинственном незнакомце? — спросил Джулиан, жадно внимавший рассказу, столь занимательному для юных смельчаков.

— Они высказали множество различных предположений, но, как всегда, в них было мало справедливого, — отвечал Бриджнорт. — Большинство придерживалось мнения, что незнакомец — хоть сам он это и отрицал — был существом сверхъестественным; другие думали, что он — вдохновенный воин, присланный из какого-то далекого края, чтобы указать нам путь к победе; третьи полагали, что это отшельник, который по благочестию своему или по иным важным причинам удалился в пустыню и избегает людей.

— Осмелюсь спросить, которое из этих мнений разделяете вы? — сказал Джулиан.

— Последнее более всего соответствовало моему мимолетному впечатлению о незнакомце, — отозвался Бриджнорт, — ибо хоть я и не спору, что в случаях чрезвычайной важности господа может быть угодно даже воскресить человека из мертвых для защиты отечества, я не сомневался тогда, как не сомневаюсь и теперь, что видел живого человека, действительно имевшего веские причины скрываться в расселинах утесов.

— И вы должны хранить эти причины в тайне? — спросил Джулиан.

— Не совсем, — отвечал Бриджнорт, — ибо я не боюсь, что ты выдашь кому-либо содержание нашей беседы, а если даже ты оказался бы столь низким человеком, добыча скрывается слишком далеко от охотников, которых ты мог бы на нее натравить. Однако имя этого достойного мужа неприятно поразит твой слух, ибо он совершил действие, которое послужило вступлением к великим событиям и потрясло самые отдаленные уголки земли. Слышал ли ты когда-нибудь о Ричарде Уолли?

— О цареубийце? — в ужасе вскричал Певерил.

— Называй его как тебе угодно, — сказал Бриджнорт, — но спасителем той благочестивой деревни был не кто иной, как человек, который вместе с другими великими мужами нашего века заседал в трибунале, когда Карла Стюарта привлекли к суду, и подписал приговор, который был приведен в исполнение.

— Я слышал, — изменившимся голосом сказал Джулиан, краснея, — что вы, майор Бриджнорт, как и другие пресвитериане, всячески противились этому гнусному преступлению и готовы были объединиться с кавалерами-роялистами, чтобы предотвратить столь ужасное убийство.

— Если так, — отвечал Бриджнорт, — то мы были щедро вознаграждены его преемником.

— Вознаграждены! — воскликнул Джулиан. — Разве наша обязанность делать добро и воздерживаться от зла зависит от награды, которой мы можем удостоиться за наши деяния?

— Боже сохрани, — отвечал Бриджнорт. — Но когда видишь опустошения, которые Стюарты произвели в церкви и государстве, и насилия, которые они чинят над личностью и совестью людей, позволительно усомниться, законно ли применить оружие для их защиты. Однако ты не услышишь от меня восхваления и даже оправдания казни короля, хотя она была вполне заслуженной, ибо он нарушил свою присягу как государь и как должностное лицо. Я всего лишь говорю тебе то, что ты сам хотел узнать, а именно: Ричард Уолли, один из судей бывшего короля, был тем человеком, о котором я рассказывал. Я узнал его горделивое чело и блестящие серые глаза, хотя от времени волосы его поредели, а седая борода скрывала нижнюю часть лица. Преследователи, жаждавшие его крови, гнались за ним по пятам, но с помощью друзей, которых небо послало для его спасения, он скрывался в надежном месте и явился лишь для того, чтобы стать орудием провидения в этой битве. Быть может, его голос еще раз услышат на поле брани, если Англия будет нуждаться в одном из своих благороднейших сердец.

— Не дай бог! — воскликнул Джулиан.

— Аминь! — произнес Бриджнорт. — Да отвратит от нас господь гражданскую войну, и да простит он безумие тех, кто навлекает ее на нас!

Последовало долгое молчание, и Джулиан, который до сих пор не смел поднять глаз на Алису, украдкой взглянул в ее сторону и был изумлен печальным

выражением ее лица, всегда оживленного, если не веселого. Перехватив его взгляд, она заметила, как показалось Джулиану — не без тайного умысла, что тени удлиняются и вечер уже близок.

Джулиан понял, что Алиса просит его уехать, но не мог сразу решиться нарушить очарование, которое его удерживало. Странные речи Бриджнорта внушили ему тревогу; они совершенно противоречили правилам, в которых он был воспитан, и потому, как сын сэра Джеффри Певерила, он во всяком другом случае счел бы себя обязанным оспаривать их даже с оружием в руках. Но Бриджнорт высказывал свои мысли с таким хладнокровием, с таким внутренним убеждением, что вызывал в Джулиане скорее удивление, нежели досаду и желание противоречить. Слова его были исполнены спокойной решимости и тихой грусти, и потому, если б он даже не был отцом Алисы (возможно, Джулиан и сам не сознавал, какое влияние имело на него последнее обстоятельство), обидеться на него было бы очень трудно. Столь хладнокровные и твердые суждения трудно оспаривать или отвергать даже в том случае, когда невозможно согласиться с заключениями, которые из них вытекают.

Пока Джулиан, словно зачарованный, продолжал сидеть на своем месте, пораженный не только тем, что он слышал, но еще более обществом, в котором находился, новое обстоятельство напомнило ему, что пора уезжать. Маленькая Фея, мэнская лошадка, которая привыкла к окрестностям Черного Форта и имела обыкновение пастись возле дома, пока ее хозяин оставался там, сочла, что нынешний его визит слишком затянулся. Фею подарила Джулиану графиня, когда он был еще мальчиком. Эта резвая лошадка горской породы отличалась выносливостью, неутомимостью и почти собачьим умом. О последнем качестве Феи свидетельствовал способ, которым она выказывала свое нетерпеливое желание вернуться домой. Ее громкое ржание испугало сидевших в зале дам, но, увидев, как лошадка просунула голову в открытое окно, они не смогли удержаться от улыбки.

— Фея напоминает мне, что пора ехать, — сказал Джулиан, вставая и глядя на Алису.

— Подождите немного, — сказал Бриджнорт, отводя его в готическую нишу старинной комнаты и понизив голос, чтобы ни Алиса, ни гувернантка, которые в это время кормили хлебом незваную гостью, не могли его слышать.

— Вы еще не сказали мне о причине вашего появления здесь, — заметил Бриджнорт. Он умолк, как бы забавляясь смущением Джулиана, а затем добавил: — Впрочем, в этом нет никакой надобности. Я еще не совсем забыл свои молодые годы и те чувства, которые привязывают несчастных и слабых смертных к мирской суете. Неужели вы не найдете слов, чтобы испросить у меня тот дар, которого вы домогаетесь и которым, быть может, не колеблясь, завладели бы без моего ведома и против моей воли? Нет, не оправдывайтесь, а выслушайте меня. Патриарх Иаков заплатил за свою возлюбленную Рахиль четырнадцатью годами тяжелого служения у ее отца Лавана, и эти годы показались ему всего лишь несколькими днями. Тот, кто хочет взять в жены дочь мою, должен послужить всего несколько дней, но в деле такой великой важности, что эти дни могут показаться ему долгими годами. Не отвечайте мне теперь. Ступайте, и да будет с вами мир.

Произнеся эти слова, Бриджнорт ушел так быстро, что Певерил не успел ничего ему ответить. Он обвел взглядом комнату, но Дебора и ее воспитанница также скрылись. На мгновение взор юноши остановился на портрете Кристиана, и ему показалось, что темное лицо его осветилось надменной и торжествующей улыбкой. Джулиан вздрогнул, посмотрел пристальнее и убедился, что это было действие заходящего солнца, последний луч которого в ту минуту озарил картину. Луч погас, и на портрете осталось лишь неподвижное, суровое и непреклонное лицо республиканского воина.

Джулиан вышел из комнаты, словно во сне; он оседлал Фею и, волнуемый множеством противоречивых мыслей, еще до полуночи возвратился в замок Рашин.

Здесь он нашел все в движении. Пока его не было, графиня, получив какие-то известия или приняв какое-то решение, вместе с сыном и с большей частью своих слуг уехала в гораздо надежнее укрепленный замок Хоум Пил, находившийся милях в восьми в глубине острова. Он был сильно разрушен и еще менее пригоден для жилья, чем Каслтаун, но зато представлял крепость, почти неприступную без правильной осады, и постоянно охранялся гарнизоном, состоявшим на службе властителей Мэна. Певерил приехал в Хоум Пил поздней ночью. В рыбацкой деревне ему сказали, что ночной колокол в замке пробил раньше обыкновенного и что стража расставлена с особенным тщанием.

Узнав обо всем этом, Джулиан решил не беспокоить гарнизон в такой поздний час и кое-как устроился на ночлег в поселке, с тем чтобы рано утром отправиться в замок. Он даже обрадовался, что сможет провести несколько часов в одиночестве и обдумать взволновавшие его события прошедшего дня.

Глава XV

И головы подобие венчал съ
Подобием короны у него

«Потерянный рай»¹

Соудор, или Хоум Пил, — замок, куда отправился наш Джулиан ранним утром следующего дня, — один из тех замечательных памятников древности, которыми изобилует любопытный и своеобразный остров Мэн. Он расположен на высоком скалистом полуострове или, скорее, островке, ибо во время морского прилива он со всех сторон окружен водой, и даже при отливе дорога к нему остается почти недоступной, хотя нарочно для этой цели выстроен большой каменный вал. Все это пространство обнесено чрезвычайно

---

¹ Перевод О. Чюминон

крепкими и толстыми двойными стенами, и в ту пору, о коей мы рассказываем, в замок можно было пройти только по двум крутым и узким лестницам, отделенным друг от друга караульной и сильно укрепленной башней, под которой расположены ворота. Окруженный стенами двор занимал два акра, и в нем имелось множество предметов, достойных внимания антиквара. Кроме самого замка, во дворе возвышались две кафедральные церкви — более древняя была посвящена святому Патрику, более новая — святому Жермену, и две церкви поменьше; все они даже в те времена были сильно разрушены. Их полуразвалившиеся стены, представлявшие собой образчик грубой архитектуры древнейших времен, были построены из неотесанного серо-зеленого камня, на фоне которого выделялись оконные проемы, угловые камни, арки и другие служащие для украшения части здания, сложенные из ярко-красного песчаника.

Кроме этих четырех разрушенных церквей, пространство, заключенное в прочных стенах замка Хоум Пил, хранило много следов старины. Здесь находилась квадратная земляная насыпь; углы ее были обращены к четырем странам света, а перед нею возвышался один из тех холмов или курганов, на склонах которых в древности северные племена выбирали или назначали своих вождей и где происходили их торжественные народные собрания, или *comitia*. Здесь стояла также одна из тех странных башен, которых в Ирландии так много, что они составляют излюбленный сюжет тамошних антикваров; истинное назначение их, однако, все еще скрыто во тьме веков. В Хоум Пиле эта башня была превращена в сторожевую. Были здесь и рунические памятники, надписи на которых никто не мог расшифровать; в более же поздних надписях, посвященных памяти воинов, сохранились одни лишь имена. Но предания и старинные суеверия, все еще живые там, где подлинная история хранит молчание, заполнили пробелы исторических хроник рассказами о викингах и пиратах, вождях гебридских племен и норвежских воинах, которые в прежние времена штурмовали и обороняли этот

знаменитый замок. Здесь ходило также множество сказок о феях, привидениях и призраках, легенд о святых и демонах, о духах и волшебниках, которых ни в одном уголке Британии не рассказывают и не слушают с такою безусловной доверчивостью, как на острове Мэн.

Посреди всех этих древних руин возвышался сам замок — ныне разрушенный, но в царствование Карла II занятый сильным гарнизоном и в военном отношении содержавшийся в полном порядке. В этом славном старинном здании было много обширных и высоких покоев, которые можно было назвать величественными. Однако когда Кристиан сдал остров республиканцам, солдаты разграбили и переломали большую часть убранства, и потому, как мы уже говорили, замок в нынешнем его виде не мог быть достойным местопребыванием своей благородной владелицы, хотя прежде в нем часто жили не только властители Мэна, но и государственные преступники, которых британские короли не раз ссылали на этот остров.

Именно в замке Хоум Пил был заключен в известный период своей богатой событиями жизни великий делатель королей, Ричард, граф Уорик, и здесь на досуге лелеял он свои дальнейшие честолюбивые планы. Здесь провела в тоске и одиночестве последние дни своего изгнания Элеонора, надменная супруга доброго герцога Глостера. Часовые уверяли, будто ее беспокойный дух ночью часто бродит по зубцам наружных стен или неподвижно стоит возле одной из сторожевых башен, что прикрывают их фланги, и растворяется в воздухе с первым криком петуха или с первым ударом колокола на единственной оставшейся невредимой колокольне церкви святого Жермена.

Таким, согласно преданию, был Хоум Пил к концу семнадцатого столетия.

В одном из огромных, но почти совсем пустых покоев этого древнего замка Джулиан Певерил нашел своего друга графа Дерби, который как раз садился за завтрак, состоявший из различных сортов рыбы.

— Добро пожаловать, великолепнейший Джулиан, — сказал он, — милости просим в нашу коро-

левскую крепость, в которой мы, кажется, не умрем с голоду, хотя до смерти замерзли.

Вместо ответа Джулиан осведомился о причине столь внезапного переезда.

— Сказать по чести, я знаю об этом не более вашего, — отвечал граф. — Матушка ничего мне не сказала, быть может, полагая, что я в конце концов полюбопытствую сам. Но она ошиблась. Я не сомневаюсь в мудрости ее распоряжений и не стану доучать ей расспросами.

— Полно, полно, все это притворство, друг мой, — сказал Джулиан. — Вам все же следовало бы поинтересоваться этими делами.

— Зачем? — проговорил граф. — Чтобы услышать старые рассказы о законах Тинвальда, о противоположных друг другу правах лордов и духовенства и о прочем кельтском варварстве? Все это, подобно превосходной доктрине Берджеса, в одно ухо входит, а в другое выходит.

— Полно, милорд, — сказал Джулиан, — вы вовсе не столь равнодушны. Вам до смерти хочется узнать причину этой спешки, но вы считаете, что изысканные манеры требуют выказывать притворную небрежность к своим делам.

— Да что там могло случиться? Опять какие-нибудь раздоры между министром нашего величества губернатором Ноуэлом и нашими вассалами или, быть может, какой-нибудь спор между нашим величеством и духовной властью. До всего этого нашему величеству так же мало дела, как любому христианскому государю.

— А я думаю, что получены какие-нибудь известия из Англии, — возразил Джулиан. — Вчера вечером в Пилтауне говорили, что Гринхелдж привез неприятные новости.

— Ничего приятного он мне не привез, это я знаю, — отвечал граф. — Я надеялся получить что-нибудь от Сент-Эвремона или от Гамильтона — новые пьесы Драйдена, Ли или несколько шуток и пасквилей из кофейни Розы, а он притащил мне всего лишь пачку трактатов о протестантах и папистах и книгу

пъес in folio¹ — одно из так называемых творений этой сумасшедшей старухи, герцогини Ньюкасл.

— Ради бога, тише, милорд, — зашикал Певерил, — сюда идет графиня, а вы же знаете, как она сердится за малейшую насмешку над ее старинною подругой.

— В таком случае пусть она сама читает сочинения своей старинной подруги, — сказал граф, — и воображает, что та очень умна, а я не отдам ни единой песенки Уоллера или сатиры Денэма за целый ворох писаний ее светлости. Однако вот идет наша матушка, и на лице ее заметно беспокойство.

И в самом деле, в комнату вошла графиня Дерби с бумагами в руках. Она была в трауре, длинный черный шлейф платья несла ее любимая служанка, глухонемая девушка, которую графиня из жалости взяла к себе на воспитание несколько лет назад. Следуя своим романтическим склонностям, леди Дерби назвала это несчастное создание Фенеллой в честь одной принцессы, некогда жившей на острове Мэн. Сама графиня почти не переменилась с тех пор, как мы представили ее читателям. С годами походка ее стала медленной, но не менее величественной; время запечатлело на лбу несколько морщин, но не могло потушить холодный огонь ее черных глаз. Молодые люди встали, чтобы встретить графиню столь любезным ей почтительным поклоном, и она благосклонно их приветствовала.

— Кузен Певерил, — сказала графиня (она всегда называла Джулиана кузеном из уважения к его матери, приходившейся родственницей ее мужу), — вчера, когда мы так нуждались в вашем совете, вы, к сожалению, отсутствовали.

Невольно краснея, Джулиан ответил, что прогулка завела его далеко в горы, что он воротился очень поздно и, узнав, что ее светлость покинула Каслтаун, тотчас же отправился сюда, но приехал после ночного

---

¹ Буквально в лист (лат.) Здесь размер издания в половину бумажного листа.

жолокола, когда уже был расставлен караул, и потому счел за лучшее переночевать в поселке.

— Прекрасно, — сказала графиня. — Я должна отдать вам справедливость, Джулиан, вы редко нарушаете порядок, хотя, подобно всем молодым людям ваших лет, порою тратите на развлечения гораздо больше времени, чем следовало бы. Что касается вашего друга Филипа, то он открыто презирает порядок и любит тратить время попусту, даже не находя в этом никакого удовольствия

— Зато теперь я по крайней мере испытал удовольствие и потратил время недаром, — сказал граф, встав из-за стола и небрежно ковыряя в зубах. — Эти свежие голавли превосходны, а лакрима кристи еще лучше. Прошу вас, Джулиан, садитесь завтракать и отведайте яств, о которых предусмотрительно позаботилось наше королевское величество. Король острова Мэн никогда еще не был так близок к тому, чтобы отравиться дрянным бренди из своих владений. Прошлой ночью, во время нашего поспешного отступления, у старика Гриффитса, конечно, не стало бы ума спасти несколько бутылок, если б я не намекнул ему на этот важный предмет. Впрочем, я никогда не терял присутствия духа среди тревог и опасностей.

— В таком случае, Филип, я хотела бы, чтобы вы употребили его с большей пользой, — сказала графиня сердито, но с улыбкою, которой не в силах была подавить. Ее нежная любовь к сыну не ослабевала даже в те минуты, когда она всего более досадовала, что молодой граф лишен рыцарских качеств своего отца, которые так согласовались с ее романтическим и гордым нравом. — Дайте мне вашу печать, — добавила она со вздохом — Боюсь, что бесполезно просить вас прочесть депеши, полученные из Англии, а также распорядиться об исполнении указов, которые я сочла нужным составить по этому случаю

— Располагайте моей печатью, сударыня, — отвечал граф Филип, — но прошу вас, избавьте меня от дел, которые вы гораздо лучше уладите сами. Как

вам известно, я истинный *Roi fainéant*¹ и никогда не препятствую распоряжениям моего *Maire de palais*.²

Сделав знак своей маленькой служанке, которая тотчас же вышла и скоро принесла воск и зажженную свечу, графиня обратилась к Певерилу.

— Филип несправедлив к самому себе, — сказала она. — В ваше отсутствие, Джулиан (если бы вы были дома, вы, без сомнения, наставили бы своего друга на путь истинный), он вступил в горячий спор с епископом, который хотел наложить церковное наказание на одну несчастную, заперев ее в склеп под часовней.³

— Не думайте обо мне лучше, чем я того заслуживаю, — вмешался граф. — Матушка забыла сказать вам, что преступницей была смазливая Пэгги Рэмзи, а преступление ее в судах Купидона назвали бы пустячным проступком.

— Не притворяйтесь более легкомысленным, чем вы есть на самом деле, — отвечал Певерил, заметив, что графиня покраснела. — Вы так же вступились бы за какую-нибудь старую и нищую калеку. Ведь этот склеп расположен под церковным кладбищем и, кажется, под самым дном океана, ибо там ужасно ревут волны. Никто не мог бы просидеть там долгое время, не лишившись рассудка.

— Это адская пропасть, — сказал граф, — и я непременно велю ее завалить, даю вам слово. Но остановитесь, сударыня, ради бога, остановитесь! Что вы

---

¹ Король-бездельник (*франц.*).

² Министра двора (*франц.*).

³ Под единственную из четырех церквей замка Рашин, которая содержится или содержалась в каком-то подобии порядка, находится тюрьма, или подземный каземат, для нарушителей церковных законов. «Это, бесспорно, одно из самых ужасающих мест, какие только можно себе представить, — пишет Уолдрон. — Морские волны бьются о расселины скалы с таким страшным ревом, что кажется, будто стены вот-вот обрушатся вам на голову, а над темницей расположены склепы, в которых хоронят мертвецов. В эту обитель ужасов ведет не более тридцати ступенек, но они настолько круты и узки, что даже восьми- или девятилетний ребенок может пробраться по ним только боком» — Уолдрон. Описание острова Мэн, Сочинения, стр. 105, in folio. (*Прим. автора.*)

хотите делать? Посмотрите на печать, прежде чем приложить ее к бумагам. Это редкая старинная камея: Купидон верхом на летучей рыбе. Я купил ее за двадцать цехинов у сеньора Фурабоско в Риме — весьма любопытная вещь для антиквара, которая, однако, едва ли прибавит веса мэнским указам.

— Как вы можете так шутить, безрассудный мальчик! — с досадой сказала графиня. — Дайте мне вашу настоящую печать или лучше возьмите эти указы и приложите печать сами.

— Мою печать? О, вы, наверно, говорите про ту штуковину с тремя чудовищными лапами, которая являет собою самую несуразную эмблему нашего нелепейшего величества на острове Мэн. Печать... Я не видел ее с тех пор, как дал ее поиграть моему гиббону. Обезьянка так жалобно выпрашивала ее у меня! Надеюсь, она не украсила зеленую грудь океана символом нашего могущества!

— Боже сохрани! — вскричала графиня, краснея и дрожа от гнева. — Ведь это была печать вашего отца! Последний залог, присланный со словами любви ко мне и с благословением вам накануне того дня, когда они убили его в Боултоне!

— Матушка, милая матушка, — вздрогнув и как бы очнувшись от забытья, проговорил граф; он взял руку графини и с нежностью ее поцеловал, — я пошутил, печать цела, и Певерил это подтвердит. Принесите ее, Джулиан, и, ради бога, поскорее. Вот ключи, она лежит в левом ящике моей дорожной шкатулки. Простите меня, матушка, это была всего лишь *tauvaise plaisanterie* — злая, глупая шутка дурного вкуса, не более как одна из причуд вашего Филипа. Посмотрите на меня, милая матушка, и скажите, что вы не сердитесь.

Графиня подняла на него полные слез глаза.

— Филип, — сказала она, — вы подвергаете меня слишком жестокому и тяжелому испытанию. Если времена переменились — как вы не раз говорили, — если достоинства сана и высокие чувства чести и долга ныне стали предметом легкомысленных шуток и пустых забав, то позвольте по крайней мере мне,

живущей вдали от людей, умереть, не видя этой перемены и всего более не замечая ее в моем сыне. Позвольте мне не знать о повсеместном распространении этого легкомыслия, которое, избрав своим оружием вас, насмехается над достоинством и долгом... Не заставляйте меня думать, что после моей смерти...

— Не говорите об этом, матушка, — с горячностью перебил ее граф. — Я, конечно, не могу обещать вам быть таким же, каким был мой отец и мои предки, ибо ныне вместо железных лат мы носим шелковые жилеты, а вместо шлемов — кастановые шляпы с перьями. Но поверьте, хоть мне и далеко до истинного английского Пальмерина, нет сына на свете, который бы нежнее любил свою мать и более меня желал бы ей угодить. В доказательство этого я не только с великой опасностью для моих драгоценных пальцев приложу печать к этим указам, но даже прочитаю их от начала до конца вместе с относящимися к ним депешами.

Мать легко утешить, даже если ей нанесли самую жестокую обиду. Когда графиня увидела на красивом лице сына выражение столь чуждой ему глубокой сосредоточенности, сердце ее смягчилось. Суровость, которая в эту минуту появилась в его чертах, придавала ему еще больше сходства с ее доблестным, но несчастным супругом. С большим вниманием прочитав бумаги, граф встал и проговорил:

— Джулиан, пойдемте со мной.

Графиня удивленно посмотрела на него.

— Ваш отец всегда советовался со мной, сын мой, — сказала она, — но я не хочу навязывать вам мои советы. Я очень рада, что вы наконец прислушались к голосу долга и нашли в себе силы думать сами за себя, к чему я вас давно побуждала. Но я так долго управляла от вашего имени островом Мэн, что моя опытность в этом деле, вероятно, будет не лишней.

— Прошу прощения, любезная матушка, — серьезно отвечал граф. — Я не хотел вмешиваться; и если бы вы поступали как вам угодно, не спрашивая моего совета, все было бы прекрасно, но раз уж я занял

ся этим делом, — а оно, как мне кажется, чрезвычайно важно, — я должен действовать по своему разумению.

— Ступай, сын мой, — сказала графиня. — И да поможет тебе господь своим советом, коль скоро ты отвергаешь мой. Надеюсь, что вы, мистер Певерил, напомните ему о велениях чести, а также о том, что только трус отказывается от своих прав и только глупец доверяет врагам своим.

Граф ничего не ответил, взяв Певерила под руку, он повел его по винтовой лестнице в свои комнаты, а оттуда — в стоявшую над морем башню, где под шум волн и крики чаек сказал ему следующее

— Хорошо, что я заглянул в эти бумаги. Матушка правит островом так безрассудно, что я могу лишиться не только короны, до которой мне мало дела, но, быть может, и головы; потеряв же оную (как бы низко ни ценили ее другие), я испытал бы некоторое неудобство

— Что случилось? — с беспокойством спросил Певерил.

— Похоже на то, что добрая старая Англия, которая каждые два или три года принимается безумствовать — чтобы дать заработать своим докторам и стряхнуть с себя летаргический сон, навеянный миром и процветанием, — нынче окончательно лишилась рассудка по случаю истинного или мнимого заговора папистов, — ответил граф — Я прочитал об этом листовку, составленную неким Оутсом, и счел это за пустые бредни. Однако хитрая каналья Шафтсбери и некоторые другие высокопоставленные особы подхватили вожжи и помчались дальше таким галопом, что лошади уже в мыле, а сбруя трещит и рвется. Король, поклявшийся никогда не класть голову на подушку, на которой уснул вечным сном его отец, старается выиграть время и плывет по течению, герцога Йоркского, которого держат под подозрением и ненавидят за его веру, собираются изгнать на континент, несколько знатных католиков уже заключены в Тауэр, а народ до такой степени раздражили всевозможными поджигательскими слухами и опасными памфле-

тами, что он, словно бык на гонках в Татбери, задрал хвост, закусил удила и впал в такое же неукротимое буйство, как в тысяча шестьсот сорок втором году.

— Все это вы, наверно, уже знали, — сказал Певерил, — так почему же вы до сих пор не уведомили меня о столь важных известиях?

— Во-первых, это заняло бы слишком много времени, — ответил граф. — Во-вторых, я хотел, чтобы мы были наедине; в-третьих, я как раз собирался начать, когда вошла матушка, и, наконец, считал, что это не мое дело. Но депеши корреспондента моей прозорливой матушки проливают на это дело совершенно иной свет. Похоже, что кое-кто из доносчиков — ремесло это ныне стало весьма выгодным и потому им занимаются очень многие — осмелился объявить графиню агентом этого заговора и нашел людей, которые весьма охотно поверили этому доносу.

— Клянусь честью, вы оба слишком хладнокровны, особенно графиня, — сказал Певерил. — Единственным признаком тревоги, который она выказала, был переезд в Хоум Пил; да и вашу-то милость она уведомила об этом деле лишь потому, что того требовали приличия.

— Моя дорогая матушка любит власть, хоть эта любовь дорого ей стоила, — заметил граф. — Я хотел бы сказать, что пренебрегаю делами лишь затем, что рад предоставить их ей, но, по правде говоря, эти добрые намерения сочетаются с естественною ленью. Однако на сей раз матушка, как видно, полагала, что мы с нею по-разному смотрим на грозящую нам опасность, и была совершенно права.

— Какая опасность вам угрожает? — спросил Джулиан.

— Сейчас я вам все объясню, — сказал граф. — Надеюсь, вам не нужно напоминать о деле полковника Кристиана? У этого человека — кроме его вдовы, которая владеет богатыми поместьями, миссис Кристиан из Кёрк Трох (вы о ней часто слышали, а может быть, даже с нею знакомы) — остался брат, по имени Эдуард Кристиан, которого вы, конечно, нико-

гда не видели. И вот этот брат... Впрочем, я уверен, что вам все это известно.

— Клянусь честью, нет! — отвечал Певерил. — Ведь графиня почти никогда не касается этого предмета.

— Разумеется, — отозвался граф. — Я думаю, что в глубине души она немного стыдится столь блестящего употребления королевской власти и судебных прерогатив, последствия которого так жестоко урезали мои владения. Да, дорогой кузен, этот Эдуард Кристиан в то время был одним из демпстеров и, вполне естественно, не желал подписать приговор, по которому его старшего брата должны были застрелить как собаку. Матушка, которая тогда пользовалась неограниченной властью и ни перед кем не держала ответа, собиралась уже изготовить из этого демпстера блюдо под тем же соусом, что и из его братца, но он догадался спастись бегством. С тех пор об этом никто не вспоминал. Правда, мы знали, что демпстер Кристиан время от времени тайком навещает своих друзей на острове, вместе с двумя или тремя пуританами такого же разбора, вроде лопухого мошенника по имени Бриджнорт, шурина покойного, но у матушки, слава богу, до сих пор хватало здравого смысла смотреть на это сквозь пальцы, хотя она почему-то имеет особое предубеждение против этого Бриджнорта.

— Но почему же, — сказал Певерил, заставляя себя говорить, чтобы скрыть свое замешательство, — но почему же графиня теперь отказывается от столь благоразумной политики?

— Потому что теперь, как вам известно, все переменялось. Этим мошенникам уже мало того, что их терпят: они хотят властвовать. При нынешнем брожении умов они легко нашли себе друзей. Имена матушки и особенно ее духовника, иезуита Олдрика, упоминаются в этой прелестной сказке о заговоре, про который, если он даже и существует, ей известно столько же, сколько нам с вами. Но она католичка, и этого довольно; и я нисколько не сомневаюсь, что если бы эти разбойники могли захватить остатки

нашего королевства и перерезать всем нам глотки, теперешняя палата общин поблагодарила бы их так же радостно, как Охвостье Долгого парламента благодарило за подобную услугу старика Кристиана.

— Откуда вы получили все эти сведения? — спросил Джулиан с таким трудом, словно говорил во сне.

— Олдрик тайно виделся с герцогом Йоркским. Его королевское высочество со слезами признался, что бессилен помочь своим друзьям, — а заставить его плакать не легко, — и велел ему передать нам, что мы сами должны позаботиться о своей безопасности, ибо демпстер Кристиан и Бриджнорт находятся на острове со строгими и тайными предписаниями; что у них здесь много сторонников и что во всех своих действиях против нас они наверняка могут рассчитывать на помощь. К несчастью, жители Рэмзи и Каслтауна недовольны новым распределением налогов, и, признаваясь, хоть я и считал вчерашний поспешный переезд одной из причуд моей матушки, теперь я почти уверен, что они осадили бы нас в замке Рашин, где мы не могли бы долго продержаться из-за недостатка припасов. Здесь у нас есть все необходимое, а так как мы настороже, они вряд ли решатся выступить.

— Что ж нам теперь делать? — спросил Джулиан.

— В том-то и вопрос, любезный мой кузен, — отвечал граф. — Матушка видит только одно средство — употребить королевскую власть. Она заготовила предписание отыскать и схватить Эдуарда Кристиана и Роберта, то бишь Ралфа, Бриджнорта и тотчас предать их суду. Без сомнения, они вскоре очутились бы во дворе замка под дулами десятка мушкетов — таков ее способ решать все неожиданные затруднения...

— Надеюсь, вы не одобряете его, милорд, — сказал Певерил, мысли которого тотчас же обратились к Алисе (если можно предположить, что они когда-либо не были заняты ею).

— Конечно, нет, — отвечал граф. — Смерть Уильяма Кристиана стоила мне доброй половины моего наследства. Я вовсе не хочу власть в немилость у моего августейшего брата, короля Карла, из-за новой вы-

ходки подобного рода. Но я не знаю, как успокоить матушку. Я хотел бы, чтоб мошенники восстали, и тогда мы дали бы им по зубам, потому что мы сильнее, а раз кашу заварили они, закон остался бы на нашей стороне.

— А не лучше ли было бы заставить этих людей уехать с острова? — предложил Джулиан.

— Разумеется, — отвечал граф, — но это трудно: они упрямые, и пустые угрозы на них не действуют. Порыв бури в Лондоне надул их паруса, и они, без сомнения, будут плыть по своему курсу до тех пор, пока ветер не утихнет. Но я приказал схватить жителей Мэна, которые им помогали, и если мне удастся найти этих двух почтенных господ, в гавани достаточно шлюпов, и я осмелюсь отправить их в дальнейшее плавание, а когда они возвратятся с рассказом о своих приключениях, все дела будут уже устроены.

В эту минуту к молодым людям подошел один из солдат гарнизона с многочисленными поклонами и другими знаками почтения.

— Что тебе надобно, друг мой? — спросил его граф. — Оставь свои церемонии и говори, в чем дело.

Солдат, уроженец острова, сказал на мэнском наречии, что принес письмо его милости мистеру Джулиану Певерилу. Джулиан поспешно взял записку и спросил, откуда она.

Солдат отвечал, что письмо принесла девушка, которая дала ему монету и просила отдать письмо мистеру Певерилу в собственные руки.

— Счастливчик, — промолвил граф. — Вы с вашим суровым видом, не по годам скромный и рассудительный, заставляете девиц вешаться вам на шею, тогда как я, их верный раб и вассал, напрасно трачу слова и время, не получая взамен даже любовного взгляда, а не то что любовных писем.

Молодой граф произнес это с торжествующей улыбкой, ибо на самом деле был весьма высокого мнения о своих победах над слабым полом.

Между тем письмо внушило Джулиану мысли совершенно иного рода. Оно было от Алисы и содержало всего несколько слов:

«Боюсь, что поступаю дурно, но я должна увидеться с вами. Приходите в полдень к Годдард-Крованскому камню и постарайтесь сохранить это в тайне».

Письмо было подписано буквами А. Б., но Джулиан без труда узнал знакомый, удивительно красивый почерк. Он стоял в нерешительности, ибо считал неприличным покинуть графиню и своего друга в минуту опасности; с другой стороны, пренебречь приглашением Алисы также было невозможно, и он совершенно не знал, что делать.

— Разгадать вам загадку? — спросил граф. — Ступайте, куда зовет вас любовь. Я извинюсь за вас перед матушкой, но прошу вас, строгий анахорет, впредь быть снисходительнее к слабостям других и не насмехаться над властью маленького божка.

— Но, кузен Дерби... — начал было Джулиан и тут же умолк, не зная, что сказать. Защищенный благородной страстью от пагубного влияния века, он не одобрял похождений своего родича и порою, взяв на себя роль ментора, укорял его за них. Теперь обстоятельства, казалось, позволяли графу отплатить ему той же монетой. Молодой Дерби пристально смотрел на друга, словно ожидая окончания фразы, и наконец воскликнул:

— Что, кузен, совсем *à-la-mort*! ¹ О благоразумнейший Джулиан! О щепетильнейший Певерил! Неужто вы потратили на меня всю свою рассудительность, не оставив нисколько для самого себя? Будьте же откровенны, скажите, как ее имя, или хотя бы — какие у нее глазки, или по крайней мере доставьте мне удовольствие услышать, как вы говорите: «люблю»; признайтесь хоть в одной человеческой слабости, пропрягайте глагол *ато*, ² и я стану заботливым учителем, а вы, как выражался, бывало, отец Ричардс, когда мы находились у него под началом, получите *licentia exeundi*. ³

---

¹ Насмерть (*франц.*).

² Любить (*лат.*).

³ Увольнительную (*лат.*).

— Можете забавляться на мой счет сколько вам угодно, милорд, — сказал Певерил, — однако признаюсь, что хотел бы отлучиться на два часа, — разумеется, если можно совместить это с моею честью и с вашей безопасностью; тем более что мое свидание, быть может, касается благополучия острова.

— Весьма вероятно, осмелюсь заметить, — со смехом отозвался граф. — Без сомнения, некая честлюбивая красотка желает потолковать с вами о законах нашего государства. Впрочем, ступайте, но возвращайтесь поскорее. Я не ожидаю внезапного взрыва этого страшного мятежа. Когда мошенники увидят, что мы наготове, они еще подумают, стоит ли им соваться. Еще раз прошу вас, поторопитесь.

Джулиан рассудил, что последним советом не следует пренебрегать, и, обрадовавшись случаю избавиться от насмешек кузена, поспешил к воротам замка, намереваясь взять в деревне лошадь из графских конюшен и скакать на свидание.

Глава XVI

А к а с т о

Ужель она не может говорить?

О с в а л ь д

Коль почитать за речь одни лишь звуки,
Что различает слух, — она нема,
Но если быстрый и смысленный взгляд,
Движенья, жесты, полные значенья,
Достойны зваться речью, — этим даром
Она наделена: ее глаза,
Сияющие, точно звезды в небе,
Вам обо всем поведают без слов.

Старинная пьеса

На верхней площадке лестницы, ведущей к непроступному и сильно укрепленному входу в замок Хоум Пил, Джулиана остановила служанка графини. Эта крохотная девушка отличалась необыкновенно деликатным сложением; еще более стройности придавала

ей зеленая шелковая туника оригинального покроя. Она была смуглее европейских женщин, а пышные шелковистые черные волосы, ниспадая волнами чуть ли не до пят, тоже придавали ей какой-то чужеземный вид. Лицо Фенеллы напоминало прелестную миниатюру, а ее быстрый, решительный и пламенный взгляд казался еще острее и пронзительнее от того, что глаза возмещали ей несовершенство других органов чувств, посредством которых люди узнают о внешнем мире.

Прекрасная глухонемая обладала разнообразными способностями, которые графиня из сострадания к ее несчастью постаралась в ней развить. Так, например, она прекрасно владела иглой, искусно рисовала и, подобно жителям древней Мексики, умела выразить свои мысли беглыми набросками предметов или их символов. И, наконец, в искусстве каллиграфического письма, весьма распространенного в те дни, Фенелла достигла такого совершенства, что могла соперничать с прославленными господами Сноу, Шелли и другими мастерами, на фронтисписах записных книжек которых, хранящихся в библиотеках любителей, до сих пор можно видеть улыбающиеся физиономии этих художников, предстающих читателю во всем великолепии их развевающихся мантий и париков, к вящей славе каллиграфии.

Кроме этих талантов, маленькая Фенелла отличалась острым и ясным умом. Она была любимицей графини Дерби и обоих молодых людей и свободно объяснялась с ними при помощи системы знаков, которые они постепенно разработали и с успехом использовали для целей повседневного общения.

Однако Фенеллу, пользовавшуюся благосклонностью и любовью своей госпожи, с которой она почти никогда не расставалась, весьма недолюбливали прочие обитатели замка. В самом деле, характер девушки, ожесточенный, по всей вероятности, сознанием своего несчастья, далеко не соответствовал ее способностям. Она обращалась чрезвычайно надменно даже с самыми высокопоставленными слугами, — а в доме графини они были более высокого рода и звания, чем

в других знатных семействах. Эти слуги часто жаловались не только на гордость и скрытность Фенеллы, но и на ее вспыльчивый, раздражительный нрав и мстительность. Между тем легкомысленные молодые люди, особенно граф, еще больше портили характер девушки. Молодой Дерби часто дразнил Фенеллу, забавляясь странными движениями и нечленораздельными звуками, которыми она выражала свой гнев. На его шутки она отвечала только капризами и дерзкими выходками, но зато, рассердившись на людей низшего звания, не старалась обуздать свой нрав, и ярость ее, которая не могла излиться в словах, порою становилась просто ужасной, до того невероятными были ее судорожные ужимки, жесты и ворчание. Простая прислуга, которую Фенелла одаривала щедро, даже не по средствам, обходилась с нею весьма почтительно, впрочем, скорее из страха, нежели из искренней привязанности, ибо капризный нрав девушки выказывал себя даже в ее подарках, и те, кто чаще других пользовался ее щедротами, всегда сомневались в доброте ее намерений.

Из всех этих странностей Фенеллы островитяне вывели заключение, которое согласовалось с мэнскими поверьями. Жители Мэна, искренне верившие в легенды о феях, столь любезные сердцу всех кельтов, были совершенно убеждены, что эльфы уносят некрещеных новорожденных и вместо них кладут в колыбели своих собственных младенцев, которые почти всегда бывают лишены каких-либо человеческих качеств. Именно таким существом они считали Фенеллу, и ее малый рост, темный цвет лица, длинные шелковистые волосы, ее странные повадки, голос и капризный нрав доказывали, по их мнению, что она принадлежит к этому раздражительному, непостоянному и опасному племени. И хотя Фенеллу больше всего обижало шутовское прозвище Королевы эльфов, которое дал ей граф Дерби, и другие намеки на ее связь с феями, она, казалось, нарочно носила одежду излюбленного ими зеленого цвета, чтобы подтвердить суеверия и, быть может, внушить страх и почтение простолудинам.

Среди островитян ходило много рассказов о графинином эльфе, как называли Фенеллу в народе, а самые закоренелые бунтовщики утверждали, что только папистка и заговорщица может держать при себе существо столь сомнительной породы. Уверяли, что Фенелла глуха и нема только с жителями здешнего мира, а что со своими невидимыми собратьями она разговаривает, поет и смеется на колдовском языке. Рассказывали также, будто у нее есть двойник, нечто вроде похожего на нее привидения, которое спит в комнате графини, носит ее шлейф или работает в ее кабинете, пока настоящая Фенелла поет на освещенном луною песчаном берегу с русалками или пляшет вместе с феями в облюбованной призраками Гленнойской долине и на вершинах гор Сноуфел и Барул. Часовые готовы были присягнуть, что видели, как малютка по ночам проходила мимо их уединенных постов, но не в силах были ее окликнуть, словно сами тоже онемели. Впрочем, люди более просвещенные обращали на все эти нелепости так же мало внимания, как на прочие праздные выдумки простонародья, которое так часто связывает необычайное со сверхъестественным.

Таковы были наружность и привычки маленькой девушки, которая, держа в руках старомодную тросточку из черного дерева, напоминавшую волшебную палочку, встретила Джулиана на площадке лестницы, спускавшейся со двора замка к подножию утеса. Надо сказать, что Джулиан всегда ласково обращался с несчастной и никогда не дразнил ее подобно своему веселому другу, который не задумывался о положении и чувствах девушки, и потому Фенелла оказывала ему предпочтение перед всеми домашними, не считая, разумеется, своей госпожи графини.

Теперь, остановившись посередине узкой лестницы, чтобы преградить путь Певерилу, Фенелла принялась о чем-то спрашивать его знаками, которые мы постараемся описать. Она начала с того, что слегка протянула вперед руку, сопровождая это движение острым, пронзительным взглядом, который на ее языке означал вопрос. Таким образом она хотела спросить, да-

леко ли он идет. В ответ Джулиан вытянул руку больше чем наполовину вперед, желая показать, что идет он довольно далеко. Фенелла строго посмотрела на него, покачала головой и указала на окно графини, которое было видно с лестницы. Певерил улыбнулся и кивнул, поясняя, что такая короткая отлучка не грозит опасностью госпоже. Тогда девушка прикоснулась к орлиному перу, которое носила в волосах — этот жест обозначал графа, — и снова вопросительно взглянула на Джулиана, как бы спрашивая: «А он тоже идет с тобой?» Певерил отрицательно покачал головой и, наскучив вопросами, улыбнулся и хотел пройти дальше. Фенелла нахмурилась, стукнула своей тросточкой по полу и еще раз покачала головой, словно желая его остановить. Однако убедившись, что Джулиан настаивает на своем, она неожиданно решила прибегнуть к более мягкому средству и, схватив его за полу плаща одной рукой, умоляюще подняла другую, причем живые черты ее выразили страстную мольбу, а огонь огромных черных глаз, всегда такой ослепительно яркий, казалось, на мгновение померк в больших прозрачных каплях слез, которые неподвижно повисли на длинных ресницах.

Джулиан Певерил был исполнен сострадания к бедной девушке, которая, как видно, хотела задержать его, думая, что его уход угрожает безопасности ее любимой хозяйки. Он всячески старался разуверить Фенеллу, внушить ей улыбками и всевозможными знаками, что никакой опасности нет и что он скоро вернется. Наконец, высвободив из рук девушки свой плащ, юноша прошел мимо нее и стал торопливо спускаться по лестнице, желая избежать назойливых просьб.

Однако девушка, не уступая ему в проворстве, бросилась вслед за ним на лестницу и с опасностью для жизни еще раз преградила ему путь. Для этого ей пришлось спрыгнуть с парапета, где на случай, если неприятелю удастся забраться на такую высоту, были установлены две старинные пушки. Джулиан не успел даже вздрогнуть, как Фенелла, подобно легкой осенней паутинке, пронеслась по воздуху и очутилась целой

и неведимой на скалистой площадке внизу. Строгими взглядами и жестами он попытался внушить глухонемой, что осуждает ее неосторожность, но этот упрек, хотя и совершенно ясный, пропал даром. Небрежно махнув рукою, девушка дала ему понять, что презирует и опасность и его увещания, в то же время с еще большим жаром и выразительностью продолжая убеждать его не уходить из крепости.

Ее упорство несколько поколебало решимость Джулиана. «Быть может, — подумал он, — графине грозит какая-то опасность, которую эта несчастная девушка предвидит благодаря своей тонкой чувствительности».

Он знаками попросил Фенеллу дать ему дощечки и карандаш, которые она всегда носила с собой и торпливо нацарапал на них вопрос:

«Ты не пускаешь меня, потому что твоей госпоже грозит опасность?»

«Да, графине грозит опасность, но ваши намерения еще опаснее», — тотчас отвечала девушка.

«Как? Почему? Что ты знаешь о моих намерениях?» — вскричал Джулиан, от удивления позабыв о том, что его собеседница лишена слуха и голоса и не может ему ответить.

Между тем Фенелла взяла у него дощечку, быстро нарисовала на одной из них картинку и показала ее Джулиану. К своему величайшему изумлению, он узнал Годдард-Крованский камень — любопытный памятник, который она изобразила весьма точно, а также беглый набросок мужчины и женщины, которые казались ему похожими на него самого и на Алису Бриджнорт.

Джулиан с недоумением разглядывал рисунок. Фенелла взяла у него из рук дощечку, показала пальцем на картинку и строго покачала головой, как бы запрещая эту встречу. Джулиан смутился, но вовсе не был расположен следовать ее совету. Напротив, убедившись, что Фенелле, так редко покидавшей комнаты графини, известна его тайна, юноша счел тем более необходимым пойти на свидание с Алисой и узнать, как тайна могла открыться. Он решил также

найти Бриджнорта, полагая, что человек столь спокойный и рассудительный, каким тот казался во время их недавней беседы, узнав, что графиня осведомлена о его интригах, поддастся убеждению и, положив конец опасности, грозящей как графине, так и ему самому, покинет остров. В случае удачи, рассуждал Джулиан, он мог бы принести большую пользу отцу своей возлюбленной, избавить графа от тревоги, помешать графине во второй раз противопоставить свои феодальные права правам английской короны и дать ей и ее семейству возможность мирно править островом.

Мысленно составив этот план, Джулиан решил избавиться от Фенеллы, которая мешала ему уйти. Прежде чем девушка поняла его намерения, он без дальних церемоний схватил ее на руки и, повернувшись назад, поставил на верхние ступеньки лестницы, а сам побежал вниз. Тут глухонемая пришла в совершенное неистовство. Она размахивала руками и выражала свой гнев хриплыми звуками, которые напоминали скорее рев дикого животного, нежели голос женщины. Певерил был настолько поражен этим воплем, отзвуки которого эхом прокатились по утесам, что невольно остановился и с тревогой поглядел назад, желая убедиться, что с Фенеллой ничего не случилось. Он тотчас увидел, что девушка жива и невредима, но что пылающее лицо ее искажено яростью. Она топнула ногой, погрозила ему кулаком, потом повернулась к нему спиной и, не простившись, легко, как дикая горная козочка, взбежала по неровным ступеням и на мгновение остановилась на верхней площадке первой лестницы.

Джулиан невольно почувствовал удивление и страдание к бессильной ярости несчастного существа, отрезанного, так сказать, от всего рода человеческого и не приученного с детских лет сдерживать свои капризы и порывы, прежде чем сила их достигнет апогея. На прощанье он дружески помахал ей рукой, но Фенелла в ответ еще раз погрозила ему кулаком и, со сверхъестественной быстротой взбежав по каменным ступеням, скрылась из виду.

Не задумываясь более о причинах ее поступков, Джулиан поспешил в деревню, где находились графские конюшни, снова оседлал свою Фею и скоро уже мчался на свидание, восхищаясь быстротой, с которой несла его вперед столь миниатюрная лошадка, и размышляя о том, что могло заставить Алису так к нему перемениться, — ведь вместо того, чтобы по обыкновению радоваться его отсутствию или советовать ему покинуть остров, она теперь сама назначила ему свидание. Под влиянием разнообразных мыслей, роившихся в его голове, он то сжимал бока Феи коленями, то легонько похлопывал ее тросточкой по загривку, то подбадривал голосом, ибо горячая лошадка не нуждалась ни в хлысте, ни в шпорах и со скоростью двенадцати миль в час незаметно проскакала весь путь от замка Хоум Пил до Годдард-Крованского камня.

Этот памятник, воздвигнутый в честь славного подвига одного из королей острова Мэн, ныне давно уже забытого, стоял на краю узкой уединенной долины, или, вернее, лощины, скрытой от взоров крутым склоном, на выступе которого возвышался высокий безобразный утес: нахмурившись, словно облаченный в саван исполин, он прислушивался к веселому журчанию ручейка, бежавшего по дну ущелья.

Глава XVII

Любовное свиданье? Не похоже:
Она в слезах, и он потупил взор;
Нет, их печалит что-то потяжеле
Любовных неурядиц.

Старинная пьеса

Приближаясь к памятнику Годдард-Крован, Джулиан с беспокойством всматривался в огромный серый камень, стараясь узнать, не предупредила ли его Алиса. Вскоре он заметил развеваемую ветром накидку и, увидев знакомое движение руки, натягивавшей ее на плечи, убедился, что девушка уже пришла к назначенному месту свидания. Джулиан мигом вы-

прыгнул из седла, ослабил поводья, пустил Фею пастись на лужайке и в ту же минуту очутился рядом с Алисой.

Алиса невольно протянула руку своему возлюбленному, который, словно молодая гончая, перепрыгивая через камни, мчался к ней по узкой тропинке; и столь же естественно было то, что он, схватив милостиво протянутую ему руку, с минуту без всякой помехи осыпал ее поцелуями, между тем как другая рука, которой следовало бы помочь своей товарке освободиться, старалась скрыть румянец на щеках своей прекрасной обладательницы. Все же Алиса, несмотря на молодость и давнюю дружбу с Джулианом, умела обуздать свои предательские чувства.

— Это нехорошо, — сказала она, высвобождая свою руку, — это нехорошо, Джулиан. Если я поступила опрометчиво, назначив вам свидание, вы не должны дать мне почувствовать, сколь я безрассудна.

В душе Джулиана Певерила с ранних лет горел романтический огонь, который очищает страсть от себялюбия и придает ей благородство и утонченность великодушной и бескорыстной привязанности. Он отпустил руку Алисы с таким почтением, какое мог бы оказать принцессе, и когда она села на окруженный кустарником обломок скалы, на который природа положила подушку из мха, лишайника и диких цветов, он поместился возле нее, однако в некотором отдалении, словно слуга, обязанный лишь слушать и повиноваться. Убедившись в своем влиянии на возлюбленного, Алиса почувствовала более уверенности, а умение Джулиана владеть собою, которое другие девицы на ее месте могли бы счесть несообразным с силою страсти, она по справедливости оценила как доказательство его искреннего уважения и бескорыстия. Она обратилась к Джулиану с доверием, которое питала к нему, прежде чем его признание внесло неловкость в их взаимные отношения.

— Джулиан, — начала она, — ваш вчерашний визит... ваш весьма несвоевременный визит очень меня огорчил. Он ввел в заблуждение моего отца и угрожает опасностью вам. Я решила непременно вас о

том уведомить, и не осуждайте меня, если я поступила дерзко и неблагоразумно, добиваясь этого тайного свидания, ибо вам известно, как мало можно доверять бедной Деборе.

— Неужто вы можете опасаться, что я неправильно пойму вас, Алиса? — с горячностью возразил Джулиан. — Я, человек, обязанный вам столь высокою честью?

— Молчите, Джулиан. Ваши возражения доказывают только, что я поступила слишком опрометчиво, — отвечала девушка. — Но я старалась сделать лучше. Я не могла видеть, как мой старинный знакомый, который, по его словам, безразличен ко мне...

— Я говорил, что безразличен к вам? — перебил ее Джулиан. — Ах, Алиса, какие холодные и двусмысленные слова употребили вы для выражения самой глубокой, самой искренней привязанности!

— Не будем спорить из-за слов, — печально проговорила Алиса. — И прошу вас, не перебивайте меня больше. Я уже сказала, что не могла видеть, как человек, который питает ко мне искреннюю, хотя и пустую, бесплодную привязанность, попадает в ловушку, ослепленный и обманутый этим самым чувством.

— Я не понимаю вас, Алиса, — сказал Певерил, — и не вижу, какой опасности я могу подвергнуться. Чувства, которые выказал ко мне ваш отец, несовместимы с враждебными намерениями. Если его не оскорбили мои смелые желания — а все его поведение доказывает обратное, — я не знаю на свете другого человека, которого я мог бы опасаться еще менее, чем майора.

— Мой отец желает добра нашему отечеству и вам, — отвечала Алиса, — но иногда я боюсь, что он может принести своему доброму делу скорее вред, нежели пользу; а еще более опасаясь я того, что, желая привлечь вас на свою сторону, он может забыть об узах, предписывающих вам образ действий, совершенно противоположный тому, который избрал себе он.

— Слова ваши повергают меня в полное недоумение, Алиса, — сказал Певерил. — Я хорошо знаю, что

политические мнения вашего отца весьма отличаются от моих; но ведь даже во время кровавых событий гражданской войны было много случаев, когда славные и достойные люди, отбросив предубеждения враждующих партий, оказывали друг другу уважение и даже привязанность, отнюдь не изменяя своим правилам.

— Быть может, это и так, — промолвила Алиса, — но не таков союз, к которому отец мой, рассчитывая на ваше несчастное пристрастие ко мне, хочет вас склонить.

— Что ж это такое, от чего я должен отказаться, если мне обещана столь драгоценная награда? — спросил Джулиан.

— Измена и бесчестье! — отвечала Алиса. — Они сделают вас недостойным жалкой награды, которой вы домогаетесь, даже если бы она стоила еще меньше, чем, признаться, стоит на самом деле!

— Неужели ваш отец, — сказал Певерил, с большой неохотой проникаясь мыслью, которую Алиса хотела ему внушить, — неужели человек, чьи понятия о долге и чести столь строги и суровы, захочет вовлечь меня в предприятие, к которому можно было бы хотя бы с малейшей долей истины применить такие резкие эпитеты, как измена и бесчестье?

— Не толкуйте превратно мои слова, Джулиан, — отвечала девушка. — Отец не способен просить вас ни о чем, что он не считал бы честным и справедливым; нет, по его мнению, он лишь требует, чтобы вы исполнили долг создания божьего перед создателем, долг человека перед своими собратьями.

— В чем же тогда состоит опасность? — спросил Певерил. — Если он намерен требовать лишь того, что вытекает из убеждения, — а я согласен это исполнить, — чего мне в таком случае бояться, Алиса? И почему моя связь с вашим отцом может быть опасной? Поверьте, что его речи уже произвели на меня некоторое впечатление, а он спокойно и терпеливо выслушивал мои возражения. Вы несправедливы к майору Бриджнорту, считая его одним из тех безрассудных фанатиков, которые не желают слушать доводов,

идуших вразрез с их политическими и религиозными убеждениями.

— Нет, Джулиан, — отвечала Алиса, — это вы ошибочно судите о силе и намерениях моего отца, а также преувеличиваете свою способность сопротивляться. Я молода, но обстоятельства научили меня размышлять и судить о характере близких мне людей. Религиозные и политические мнения отца для него дороже жизни, которую он ценит лишь как средство им служить. Эти мнения, почти не изменяясь, сопровождают его всю жизнь. Некогда они способствовали его процветанию, но позже перестали соответствовать духу времени, и ему пришлось за них пострадать. Мнения эти составляют не просто часть, а самую драгоценную часть его существования. Если он вначале не обнаружил перед вами ту власть, которую они приобрели над его мыслями, не думайте, что они ослабели. Тот, кто хочет обращать людей в свою веру, должен действовать постепенно. Но не обольщайтесь надеждою, будто ради неопытного юноши, чьи побуждения кажутся ему детским капризом, он поступится хотя бы в малейшей степени теми драгоценными правилами, которых придерживается, невзирая на то, доставляли ли они ему хорошую или дурную славу. Нет, это невозможно! Если вы встретитесь, вам суждено быть воском, на котором он поставит свою печать.

— Это было бы неразумно, — возразил Джулиан. — Признаюсь вам, Алиса, что, как я ни уважаю своего отца, я не раб его предрассудков. Я желал бы, чтобы кавалеры, или как им угодно себя величать, имели более терпимости к тем, кто не разделяет их религиозных и политических мнений. Но надеяться, что я изменю правилам, в которых меня воспитали, все равно, что счесть меня способным покинуть мою благотворительницу и разбить сердце родителям.

— Так я всегда о вас и думала, — сказала Алиса, — и потому назначила вам свидание, чтобы упротереть вас прервать всякую связь с нашим семейством, возвратиться к родителям или безопасности ради снова поехать на континент и оставаться там до тех

пор, пока господь не пошлет Англии лучшие дни, ибо нынешние предвещают страшную грозу.

— Как можете вы приказывать мне уехать, если вам безразлична моя судьба? — воскликнул юноша, взяв руку Алисы, которую она не пыталась отнять. — Как можете вы приказывать мне бежать от опасностей, которым я, мужчина и дворянин, верный своему долгу, обязан идти навстречу; приказывать мне бросить родителей, друзей, отечество — это было бы трусливо и подло; примириться со злом, уничтожению коего я мог бы способствовать; пренебречь возможностью сделать хотя бы столько добра, сколько это в моих силах, променять почетное положение воина на жалкую участь беглеца и флюгера, — как можете вы приказывать мне все это, Алиса? Неужто вы велите мне совершить такие поступки и в то же время навеки отказаться от вас и от счастья? Это невозможно; я не могу вдруг изменить и чести и любви.

— Нет другого средства, — отвечала Алиса, не в силах подавить вздох. — Никакого другого средства не существует. Бесполезно думать о том, чем могли бы мы стать друг для друга при более благоприятных обстоятельствах; теперь, когда между нашими родителями и друзьями вот-вот разразится открытая война, мы можем быть лишь взаимными доброжелателями — далекими, холодными доброжелателями, которые должны сей же час расстаться, чтобы никогда уж более не встретиться.

— Нет, клянусь богом, нет! — вскричал Певерил, взволнованный собственными чувствами и смятением, которое его собеседница тщетно старалась скрыть. — Нет, Алиса, мы не расстанемся! Если я должен покинуть родину, вы последуете за мною в изгнание. Что вы теряете? Кого вы покидаете? Отца? Доброе старое дело, как его называют, для него дороже тысячи дочерей, а кроме него, что связывает вас с этим бесплодным островом или с каким-либо иным клочком британских владений, где Джулиан не будет рядом со своею Алисой?

— О Джулиан, — отвечала девушка, — зачем вы делаете мой долг еще тяжелее, воздвигая передо

мною эти воздушные замки? Вы не должны об этом говорить, а мне не следует вас слушать. Ваши родители... мой отец... Нет, это невозможно!

— Не бойтесь моих родителей, Алиса, — промолвил Джулиан, подойдя к своей собеседнице и осмелившись обвить рукою ее стан, — они любят меня и скоро полюбят Алису — единственное существо на свете, которое может составить счастье их сына. Что же до вашего отца, то в ту минуту, когда церковные и политические интриги позволят ему вспомнить о вас, разве не убедится он, что, сделавшись моею женой, вы будете счастливее и спокойнее, чем оставаясь под присмотром глупой и суетной женщины. Неужели он в гордыне своей может желать для вас лучшего положения, чем то, какое я со временем буду занимать? Пойдемте же, Алиса, и, коль скоро вы обрекаете меня на изгнание, коль скоро запрещаете мне принять участие в событиях, которые вот-вот начнут волновать Англию, примирите меня с изгнанием и бездействием и осчастливьте того, кто ради вас готов пожертвовать своею честью.

— Это невозможно... невозможно, — шептала Алиса, — и все же другие на моем месте... такие же одинокие и беззащитные, как я... Но нет, я не должна, не должна... Ради вас же самого, Джулиан... я не должна...

— Не говорите, что вы не должны поступить так ради меня, Алиса, — с горячностью возразил Джулиан, — не прибавляйте оскорбления к жестокости. Если вы хотите сделать ради меня что-нибудь, скажите: да! — или опустите свою прелестную головку на мое плечо... В малейшем знаке, в малейшем движении ресниц я прочту ваше согласие. Через час все будет готово, священник соединит нас пред алтарем, и через два часа мы покинем этот остров и отправимся искать счастья на континенте.

Между тем как Джулиан, в восторге предвкушая согласие, говорил это, Алиса собрала с силами, которые уже наполовину ее оставили, поколебленные настойчивостью возлюбленного, ее собственными чувствами и странным положением, в коем она находи-

лась, — что, казалось, оправдывало бы поступок, в иных обстоятельствах достойный порицания.

Это минутное раздумье было роковым для Джулиана. Алиса освободилась из его объятий, встала и, не позволяя ему приблизиться или остановить ее, сказала просто, но с достоинством:

— Джулиан, я знала, что, назначая вам свидание, я рискую слишком многим; но я никогда не думала, что буду так жестока к вам и к себе самой, позволив вам убедиться, что я люблю вас гораздо более, чем вы меня. Но раз уж вы это узнали, я докажу вам, что любовь Алисы бескорыстна. Она не унижит благородным именем ваш древний род. Если со временем в вашем семействе появятся люди, которые сочтут требования сословной иерархии непомерно большими, а власть короны слишком неограниченной, никто по крайней мере не сможет сказать, что такой образ мыслей они унаследовали от своей бабки Алисы Бриджнорт, дочери вигя.

— Как можете вы говорить это, Алиса? — воскликнул Джулиан. — Как можете вы употреблять подобные выражения? Разве вы не видите, что не любовь, а гордость заставляет вас противиться нашему счастью?

— Нет, Джулиан, — со слезами на глазах отвечала Алиса. — Так велит нам обоим долг, который мы не можем нарушить, не рискуя нашим счастьем на земле и в мире ином. Подумайте, как придется страдать мне — причине всех бедствий, когда отец ваш будет хмуриться, мать плакать, когда ваши благородные друзья станут вас чуждаться, а вы, даже вы сами, сделаете неприятное открытие, что навлекли на себя общий гнев и презрение ради удовлетворения ребяческой страсти; и что та отнюдь не ослепительная красота, которой некогда оказалось достаточно, чтобы совратить вас с пути истинного, час от часу увядает под тяжестью забот и сожалений. Я не хочу этим рисковать. Я ясно вижу, что нам лучше расстаться, и благодарю бога, который открыл мне глаза на ваше и мое легкомыслие и дал силы ему противиться. Итак, прощайте, Джулиан, но сначала послушайте важный

совет, ради которого я позвала вас сюда: избегайте моего отца. Вы не можете идти его путем, оставаясь верным долгу и чести. Побуждения его чисты и благородны, но вы можете стать его союзником лишь по велению суетной и себялюбивой страсти, противной всем обязательствам, которые вы взяли на себя, вступая в жизнь.

— Я опять не понимаю вас, Алиса, — отвечал Джулиан. — Если поступок хорош, нет нужды искать ему оправданий в побуждениях того, кто его совершил; если же он дурен, оправдать его хорошими побуждениями невозможно.

— Вы не собьете меня с толку своими софизмами и не покорите своею страстью, Джулиан, — сказала Алиса. — Если бы патриарх обрек сына своего на смерть по причинам менее основательным, чем вера и покорность велению свыше, он замыслил бы убийство, а не жертву. Во время несчастных и кровавых междоусобий недавнего прошлого сколько мужей с той и с другой стороны обнажили мечи свои, руководствуясь самыми честными и благородными намерениями? А сколь многие брались за оружие из преступных побуждений честолюбия, своекорыстия и страсти к грабежу? Но хотя и те и другие шли рядом и прищипоривали коней своих по сигналу одних и тех же боевых труб, мы свято храним память о первых патриотах и верноподданных, тогда как те, кто действовал из низких и недостойных побуждений, преданы проклятью или забвению. Еще раз говорю вам — избегайте моего отца, покиньте этот остров, который скоро станет ареною небывалых событий; а пока вы еще здесь — будьте осторожны, не верьте никому, даже тем, кого не может коснуться и тень подозрения, не доверяйтесь даже каменным стенам самых потаенных уголков в Хоум Пиле, ибо крылатая может перенести речь твою...

Тут Алиса вдруг вскрикнула: из-за низких зарослей кустарника неожиданно вышел прятавшийся там майор Бриджнорт.

Читатель, разумеется, помнит, что уже вторично тайная встреча влюбленных внезапно прерывалась

неожиданным появлением майора. На этот раз он смотрел на Джулиана с таким гневом и суровостью, как призрак, укоряющий духовидца за небрежение к делу, порученному ему при первой их встрече. Однако у Бриджнорта даже самый гнев не находил для себя более сильных проявлений, нежели холодная строгость речей и действий.

— Благодарю тебя, Алиса, за старание расстроить мои планы насчет этого молодого человека и насчет тебя самой. Благодарю тебя за намеки, которые ты успела сделать. Одна лишь внезапность моего появления помешала тебе отдать мою жизнь и жизнь других людей на милость юноши, который и не помышляет о боге и отечестве, ослепленный твоим миленьким личиком.

Алиса, бледная как смерть, неподвижно стояла, потупив взор, ни единым словом не отвечая на иронические упреки отца.

— А вы, — продолжал майор Бриджнорт, обратясь к возлюбленному дочери, — вы, сэр, чем вы отплатили за великодушное доверие, которое я так неосторожно вам оказал? Я должен также поблагодарить вас за урок: он научил меня гордиться кровью простолюдина, влитой природой в мои жилы, и грубым воспитанием, которое дал мне мой отец.

— Я не понимаю вас, сэр, — отвечал Джулиан, чувствуя необходимость сказать что-нибудь и не найдя ничего лучшего.

— Да, сэр, я благодарю вас, — продолжал майор Бриджнорт с той же холодной насмешкой. — Вы доказали мне, что нарушение законов гостеприимства, вероломство и тому подобные пустяки отнюдь не чужды наследнику рыцарского рода, насчитывающего двадцать поколений. Это великий урок для меня, сэр, ибо до сих пор я, подобно простонародью, полагал, что благородство поведения — неперемнный признак благородной крови. Но, быть может, учтивость — слишком рыцарское качество, чтобы расточать ее на круглоголового фанатика вроде меня.

— Майор Бриджнорт, — возразил Джулиан, — все, что произошло во время разговора, который вызвал

ваше неудовольствие, было следствием минутной вспышки страстей; ничто не было обдуманно заранее.

— В том числе и ваша встреча? — спросил Бриджнорт все тем же ледяным тоном — Вы, сэр, приехали из Хоум Пила, дочь моя забрела сюда из Черного Форта, и случай свел вас возле Годдард-Крованского камня? Молодой человек, не унижайте себя подобными оправданиями, они более чем бесполезны. А ты, девочка, которая из страха потерять поклонника чуть было не выдала то, что могло стоять жизни твоему отцу, ступай домой. Я поговорю с тобою на досуге и научу тебя исполнять долг, о котором ты, сдается мне, позабыла.

— Клянусь честью, сэр, ваша дочь неповинна ни в чем оскорбительном для вас. Она отвергла все предложения, которые своевольная страсть заставила меня ей сделать, — сказал Джулиан.

— Короче говоря, мне не следует думать, что вы встретились в этом уединенном месте по особому приглашению Алисы? — сказал Бриджнорт.

Певерил не нашелся, что ответить, и Бриджнорт снова дал дочери знак удалиться.

— Я повинуюсь вам, отец, — проговорила Алиса, которая уже успела прийти в себя от изумления, — но клянусь богом, вы более чем несправедливы, подозревая, что я способна выдать ваши тайны, хотя бы от того зависела моя жизнь или жизнь Джулиана. Я знаю, что вы избрали опасный путь, но вы сделали это с открытыми глазами и можете сами оценить основательность своих побуждений. Я желала только помешать этому молодому человеку слепо ринуться навстречу той же опасности, и я имела право гредостеречь его, ибо чувства, которые ослепили его, внушены мною.

— Превосходно, любезница, — вмешался Бриджнорт, — ты сказала свое слово. Теперь ступай и предоставь мне закончить беседу, которую ты столь благоразумно начала.

— Я ухожу, сэр, — отвечала Алиса. — Джулиан, последние мои слова обращены к вам, и я произнесла

бы их вместе со своим последним вздохом — прощайте и будьте осмотрительны!

Сказав это, она вошла в кустарник и скрылась из виду.

— Истая представительница своего пола, — заметил майор, глядя ей вслед. — Они готовы скорее пожертвовать целым государством, нежели позволить упасть хотя бы одному волоску с головы своего возлюбленного. Вы, мистер Певерил, без сомнения, согласны с нею в том, что лучшая любовь та, которая не подвергается опасностям?

— Если бы на моем пути стояли одни только опасности, — проговорил Джулиан, чрезвычайно удивленный смягчившимся голосом Бриджнорта, — я был бы готов на все, лишь бы заслужить ваше доброе мнение.

— Или, вернее, добиться руки моей дочери, — сказал Бриджнорт. — Что ж, молодой человек, хоть я и имею причины жаловаться на ваше поведение, одно мне в нем нравится. Вы преодолели твердыню аристократической гордости, в которой, словно в феодальной крепости, был заточен ваш отец и, вероятно, его предки; вы переступили через этот барьер и изъявили готовность породниться с семьей, которую ваш отец презирает, как низкую и неблагородную.

Хотя речь эта, казалось, весьма благоприятствовала намерениям Джулиана, она так ясно обрисовала последствия, которые столь желанный для него союз будет иметь у его родителей, что молодому человеку было очень трудно говорить. Наконец, убедившись, что майор Бриджнорт спокойно ожидает ответа, Джулиан собрался с духом и сказал:

— Чувства, которые я питаю к вашей дочери, майор Бриджнорт, вытесняют многие соображения, к которым я в любом другом случае отнесся бы с величайшим вниманием. Не скрою от вас, что предубеждение моего отца против подобного брака будет очень сильно; но я совершенно уверен, что оно рассеется, когда он узнает достоинства Алисы Бриджнорт и убедится, что она одна может составить счастье его сына.

— А тем временем вы хотите вступить в этот союз без согласия своих родителей, надеясь получить

оное впоследствии. Так по крайней мере я понял предложение, которое вы только что сделали моей дочери.

Порывы человеческой природы и страстей человеческих так неверны и непостоянны, что хотя Джулиан всего лишь несколько минут назад уговаривал Алису тайно обвенчаться с ним и бежать на континент, считая, что от этого зависит счастье всей его жизни, его же собственное предложение, повторенное холодным, бесстрастным и повелительным тоном ее отца, уже не представилось юноше и вполовину столь же заманчивым. Теперь оно уже больше не звучало как голос пылкой страсти, пренебрегающей всеми прочими соображениями, а казалось умалением достоинства его благородной фамилии и торжеством Бриджнорта над Певерилом. На мгновение Джулиан умолк, тщетно стараясь придумать такой ответ, который содержал бы намек на согласие с Бриджнортом и в то же время доказывал его уважение к родителям и к чести своего рода.

Это молчание вызвало подозрение Бриджнорта. Глаза его загорелись, губы задрожали.

— Послушайте, молодой человек, говорите со мною откровенно, если не хотите, чтоб я счел вас презренным негодяем, готовым соблазнить несчастную девушку обещаниями, которых он никогда не думал исполнить. Достаточно, чтобы вы дали хотя бы малейший повод для подозрений, и вы тотчас увидите, могут ли ваша гордость и ваша родословная спасти вас от справедливого мщения отца.

— Вы ко мне несправедливы, — сказал Певерил, — вы бесконечно ко мне несправедливы, майор Бриджнорт; я неспособен на такую подлость. Предложение мое вашей дочери было самое искреннее. Я заколебался лишь потому, что вы сочли необходимым допросить меня с таким пристрастием и проникнуть во все мои чувства и намерения, не объясняя мне своих.

— Итак, ваше предложение состоит в следующем: вы хотите увезти мою единственную дочь в чужую страну, посулив ей любовь и покровительство вашей

семьи, которых, как вы знаете, она никогда не получает, и притом желаете, чтобы я согласился отдать вам ее руку вместе с приданым, равным богатству ваших предков в те времена, когда они имели наибольшее основание им гордиться. Эта сделка кажется мне несправедливой. И, однако, молодой человек, — продолжал он после минутного молчания, — я так мало ценю блага мира сего, что мог бы примириться с браком, который вы предлагаете, каким бы неравным он ни казался.

— Назовите лишь средства, которыми я могу добиться вашего расположения, майор Бриджнорт, — сказал Певерил, — ибо я не сомневаюсь, что они будут согласны с моею честью и долгом, и вы скоро убедитесь, с какой готовностью я буду повиноваться вашим приказаниям и выполнять ваши условия.

— Их можно выразить в нескольких словах, — отвечал Бриджнорт. — Будьте честным человеком и другом своего отечества.

— Никто никогда не сомневался, что я был и тем и другим, — сказал Певерил.

— Простите, — возразил майор, — но никто еще не видел, чтобы вы это доказали. Не перебивайте меня; я не сомневаюсь в вашем желании быть и тем и другим, но до сих пор вы не имели ни случая, ни возможности выказать свои правила и послужить своему отечеству. Вы жили в такое время, когда после волнений гражданской войны умы были охвачены апатией, которая сделала людей равнодушными к делам государственным и склонными скорее заботиться о своем благополучии, нежели закрыть собою брешь, когда господь призывает к тому Израиль. Но мы — англичане, и нам не свойственно долго пребывать в летаргическом бездействии. Многие из тех, кто больше всего желал возвращения Карла Стюарта, уже заключили, что небо, наскучив нашими мольбами, в гневе наслало на нас этого короля. Его безудержное распутство, которому так охотно подражают его молодые и легкомысленные приближенные, внушает отвращение всем мудрым и благонамеренным людям. Я не говорил бы с вами о столь щекотливом предмете, если б не был уверен,

что вы, мистер Джулиан, свободны от этой заразы нашего века. Небо, одарившее потомством незаконную связь короля, поразило бесплодием его супружеское ложе; и мрачный, суровый характер его фанатического пресмника заранее показывает нам, какой монарх унаследует английскую корону. Наступают решительные дни, и теперь люди всех званий обязаны выступить вперед и спасти отечество.

Певерил вспомнил предостережение Алисы и молча потупил взор

— Что это значит? — спросил Бриджнорт после минутного молчания. — Неужто ты, такой молодой и ничем не связанный с распутными врагами своего отечества, безучастно внемлешь призыву, который оно обращает к тебе в эту роковую минуту?

— Мне было бы нетрудно отвечать вам общими выражениями, майор Бриджнорт, — сказал Певерил. — Нетрудно сказать, что по призыву отечества я готов пожертвовать своими землями и своею жизнью. Но, изъясняясь в такой общей форме, мы лишь обманем друг друга. Какого рода этот призыв? Кто его провозгласит и каковы будут его последствия? Ибо мне кажется, вы видели уже довольно бедствий гражданской войны, чтобы желать их возобновления в счастливом и мирном государстве.

— Людей, усыпленных дурманом, должны разбудить их врачеватели, хотя бы даже и трубным гласом, — промолвил майор. — Лучше храбро встретить смерть с оружием в руках, как подобает свободно-рожденным англичанам, нежели мирно сойти в бесславную могилу, которую рабство уготовало подвластным ему жертвам. Но не о войне хотел я говорить с вами, — продолжал он более мягким тоном. — Бедствия, на которые теперь жалуется Англия, можно излечить благотворным применением ее же собственных законов, — даже в том виде, в каком они существуют. Разве эти законы не обязывают поддерживать каждый, кто живет под их властью? Разве это не обязаны сделать вы?

Он умолк в ожидании ответа, и Певерил сказал:

— Я желал бы понять, как могли законы Англии

ослабеть настолько, чтобы нуждаться в моей поддержке? Когда я в этом удостоверюсь, никто охотнее меня не исполнит долг верного вассала перед законом и королем. Но законы Англии охраняются честными и просвещенными судьями и нашим всемилостивейшим монархом.

— А также палатою общин, — прервал его Бриджнорт, — которая уже не творит себе кумира из восстановленной монархии, а напротив, словно пробужденная раскатами грома, предвидит опасность, грозящую нашей вере и нашей свободе. Я обращаюсь к вашей совести, Джулиан, и спрашиваю, не настало ли время пробуждения, ибо никто лучше вас не знает о тайных, но быстрых мерах, которые принял Рим, дабы воздвигнуть в нашей протестантской земле Дагона идолопоклонства.

Джулиан угадал по этим словам, или же ему показалось, что он угадал, какого рода подозрения питает Бриджнорт, и он поспешил отвергнуть мысль о своей приверженности к римско-католической церкви.

— Я действительно был воспитан в доме, где эту веру исповедует одно достойное лицо, — сказал он, — а впоследствии долго путешествовал по католическим странам; но по этим самым причинам я слишком близко знаком с папизмом, чтобы разделять его догматы. Фанатизм мирян, хитрость духовенства, вечные интриги ради утверждения богослужебных обрядов в ущерб духу религии, насилие этой церкви над совестью людей и ее нечестивые притязания на непогрешимость кажутся мне столь же несовместимыми со здравым смыслом, терпимостью, свободой совести и истинною верой, сколь и вам.

— Слова, достойные сына вашей превосходной матушки, ради которой я согласился простить вашему семейству столь многое, хотя средства отщизнения были в моих руках, — сказал Бриджнорт, пожимая ему руку.

— Именно наставления моей достойной родительницы предохранили меня в ранней юности от коварных покушений на мою веру со стороны католических священников, в обществе которых мне пришлось

находиться. Подобно ей, я надеюсь жить и умереть в исповедании реформированной англиканской церкви.

— Англиканской церкви! — вскричал Бриджнорт, отпустив руку своего юного друга, но тотчас же взяв ее снова. — Увы! Эта церковь в теперешнем своем состоянии повинна почти в таком же насилии над свободой и совестью людей, как и Рим; однако я надеюсь, что из самой слабости этой наполовину реформированной церкви господу угодно будет сотворить для Англии избавление, за которое она сызнова станет возносить ему хвалу. Я не должен забывать, что некий муж, чьи услуги правому делу неисчислимы, носит облачение англиканского пастора и посвящен в сан епископа. Мы не должны судить о выборе орудия, которое избавит нас от сети ловца. Важно, что я нашел тебя готовым воспринять свет истины, когда тебя достигнет искра оного. И в особенности важно, что ты желаешь свидетельствовать, что ты готов возвысить свой голос против заблуждений и ухищрений римской церкви. Но помни — скоро призовут тебя подтвердить твои слова самым торжественным, самым ужасным способом.

— То, что я сказал, было изъяснением моих искренних чувств, и я готов всегда их признать, — возразил Джулиан. — Странно, что вы можете в этом сомневаться.

— Я не сомневаюсь в тебе, мой юный друг, — отвечал Бриджнорт, — и надеюсь увидеть, как твое имя займет достойное место среди имен людей, исторгнувших добычу из когтей сильных мира сего. Но сейчас предрассудки владеют твоим разумом, подобно стерегущему дом, которого упоминает писание. Но придет другой, сильнейший муж, и вторгнется в дом, и водрузит на крепостной стене знамя единственной веры, без коей неть спасения. Бди, уповай и молись, дабы час сей скорее настал.

Воцарилось молчание, которое прервал Певерил:

— Вы говорили со мною загадками, майор Бриджнорт, и я не просил у вас объяснений. Прислушайтесь же к моему совету, внушенному самыми добрыми намерениями. Поймите мой намек и поверьте ему, хоть

он и темен. Вы прибыли сюда — так по крайней мере полагают — с замыслом, опасным для властителя этого острова. Если вы останетесь здесь слишком долго, эта опасность обратится против вас, а потому берегитесь и, пока есть время, уезжайте.

— И вверьте свою дочь попечениям Джулиана Певерила! Не в этом ли состоит ваш совет, молодой человек? — сказал Бриджнорт. — Предоставьте мою безопасность моей собственной предусмотрительности, Джулиан. Я привык жить среди более страшных опасностей, нежели те, что окружают меня сейчас. Благодарю вас, однако, за совет, который, надеюсь, был хотя бы отчасти бескорыстным.

— Итак, мы расстаемся не врагами? — спросил Джулиан.

— Не врагами, сын мой, — отвечал Бриджнорт, — а добрыми друзьями. Что же касается моей дочери, ты не должен с ней видаться без моего ведома. Я не принимаю твоего предложения, но и не отвергаю его; однако помни: тот, кто хочет стать моим сыном, должен прежде всего показать себя верным сыном своего угнетенного и заблуждающегося отечества. Прощай; не отвечай мне теперь: ты уязвлен горечью, а я не хотел бы, чтобы между нами вспыхнул раздор. Ты услышишь обо мне раньше, чем думаешь.

Дружески пожав руку Певерилу и еще раз простившись с ним, Бриджнорт оставил его в изумлении, смешанном с восторгом и сомнением. Радуюсь, что ему удалось добиться благосклонности отца Алисы, который как будто даже поощрял его чувства, Джулиан, однако же, заключил из слов отца и дочери, что Бриджнорт в награду за свое благодеяние хочет заставить его действовать против правил, в коих он был воспитан.

«Не беспокойся, Алиса, — сказал он про себя, — я не куплю руки твоей, трусливо и подло покорившись догматам, противным моему сердцу, и знаю, что если б у меня достало на это низости, даже власть отца твоего была бы бессильна принудить тебя к одобрению столь гнусной сделки. Но будем надеяться на лучшее. Бриджнорт, при всей своей мудрости и твер-

дости, объят страхом перед папизмом, пугалом его секты. Моего пребывания в доме графини Дерби более чем достаточно, чтобы он заподозрил меня в измене моей вере, в чем я, слава богу, по чистой совести могу оправдаться».

Размышляя подобным образом, он взнуздал свою лошадку и, вскочив в седло, поскакал к замку Хоум Пил, невольно беспокоясь, не случилось ли там чего-нибудь необыкновенного за время его отсутствия.

Вскоре перед ним уже возникла древняя громада, которая, застыв в суровом и величественном покое, горделиво высилась посреди спящего океана. Флаг, означающий, что владыка острова Мэн пребывает в своей полуразрушенной резиденции, неподвижно свисал с флагштока. Часовые шагали на своих постах, напевая и насвистывая народные песенки. Как и в прошлый раз, оставив свою верную Фею в деревне, Джулиан воротился в замок и нашел, что и внутри царят спокойствие и порядок, о которых возвещал его внешний вид.

Глава XVIII

Скажи, скажи мне, где сыскать
Надежного слугу?

Тогда тебе в тяжелый час
Я весть послать смогу.

«Баллада о короле Эстмире»

Первым, кого Джулиан встретил в замке, был молодой граф, который принял его с обыкновенной своею любезностью и веселостью.

— Добро пожаловать, рыцарь прекрасных дам, — сказал он, — вы ездите куда вам вздумается по всем нашим владениям, ходите на свидания и предаетесь любовным утехам, тогда как мы обречены прозябать в своих королевских чертогах в тоске и бездействии, словно наше величество — всего лишь изображение, вырезанное на корме двухмачтового судна какого-нибудь мэнского контрабандиста, окрещенного именем «Король Артур из Рэмзи».

— В таком случае вы могли бы выйти в море и вволю насладиться путешествиями и приключениями, — сказал Джулиан.

— Но вообразите, что меня несет по воле волн, что таможенники задержали меня в гавани или, если вам угодно, что я остался на берегу и увяз в песке. Представьте себе самую страшную беду, в какую могло попасть мое августейшее изображение, и это будет ничто по сравнению с тою, в какой очутился я.

— По крайней мере я рад слышать, что у вас не было никаких неприятностей, — сказал Джулиан. — Надеюсь, утренняя тревога была напрасной?

— Совершенно; и, точно осведомившись обо всем, мы не видим причин опасаться восстания. Бриджнорт, как видно, и вправду находится на острове, но говорят, что по своим собственным важным делам, и я не намерен брать его под арест, не имея доказательств преступных замыслов его самого и всей его братии. Похоже, что тревога наша была преждевременной. Матушка желает с вами посоветоваться, и я не смею предварять ее торжественную аудиенцию. Полагаю, что она будет отчасти оправдательной, ибо мы начинаем думать, что мы отступили вовсе не по-королевски и что мы, подобно нечестивым, бежали, когда никто за нами не гнался. Это огорчает матушку как вдовствующую королеву, королеву-регентшу, как героиню и, наконец, просто как женщину, ибо для нее было бы весьма унижительно думать, что торопливое отступление в этот замок сделало ее посмешищем островитян, а посему она смущена и гневается. Между тем единственным моим развлечением были гримасы и фантастические пантомимы обезьянки Фенеллы, которая пребывает в более скверном расположении духа и оттого ведет себя более странно, чем когда-либо прежде. Моррис говорит, что вы стащили ее с лестницы и тем раздразнили. Это правда, Джулиан?

— Нет, донесения Морриса неверны, — отвечал Джулиан, — напротив, я поставил ее на верхнюю площадку, чтобы избавиться от ее назойливости; она так упорно не выпускала меня из замка, что лучшего средства я не нашел.

— Она, наверно, думала, что в такую решительную минуту ваш уход может ослабить гарнизон, — сказал граф. — Это доказывает, как она заботится о безопасности матушки и как высоко ценит вашу доблесть. Но, слава богу, колокол возвещает обед. Желал бы я, чтобы философы, которые считают пиры грехом и потерей времени, придумали для нас другое занятие, хоть вполровину столь же приятное.

Обед, которого так нетерпеливо ожидал молодой граф, надеясь, что он поможет убить бесконечно тянувшееся время, кончился очень скоро — как только этого позволил обычный церемониал, принятый в доме графини. Сама графиня в сопровождении своих придворных дам и служанок удалилась сразу же после того, как убрали со стола, и молодые люди остались одни. Вино не прельщало сейчас ни одного, ни другого, ибо граф был не в духе, томясь от безделья и от своей уединенной, однообразной жизни; Певерилу же происшествия этого дня дали слишком много пищи для размышлений, чтобы он мог найти забавный или интересный предмет для разговора. Молодые люди раза два молча передали друг другу бутылку, а затем отошли от стола и уединились в нишах окон столовой, стены которой были так толсты, что каждая ниша образовывала как бы отдельный кабинет. Сидя в одной из них, граф Дерби перелистывал новые брошюры, присланные из Лондона; время от времени, выдавая отчаянными зевками, сколь мало они его занимают, он глядел на пустынную гладь океана, унылое однообразие которой лишь изредка нарушалось полегом чаек или одинокого баклана.

Певерил тоже держал в руках какой-то памфлет, но не обращал на него внимания и даже не старался делать вид, будто читает. Все его мысли были заняты утранным свиданием с Алисой Бриджнорт и ее отцом, и он тщетно искал хоть какого-нибудь объяснения, почему Алиса, очевидно к нему равнодушная, вдруг пожелала навеки с ним расстаться, между тем как ее отец, сопротивления коего он так страшился, казалось, весьма снисходительно смотрел на его ухаживания. Он мог лишь предположить, что от него зависит

помочь или помешать Бриджнорту в исполнении его планов, но, судя по словам и поступкам Алисы, снизить расположение ее отца можно было, лишь в какой-то мере преступив свои правила. Однако он никак не мог догадаться, чего хочет от него майор. Хотя Алиса и говорила об измене, он не мог представить себе, что Бриджнорт осмелится предложить ему вступить в заговор, угрожающий безопасности графини и ее маленького королевства. Это было бы несмысленным позором, и сделать подобное предложение мог лишь человек, готовый тут же на месте защищаться своим мечом от того, чью честь он так страшно оскорбил. Между тем поведение майора Бриджнорта отнюдь не доказывало подобных намерений; к тому же он был слишком хладнокровен и рассудителен, чтобы смертельно оскорбить сына женщины, которой он, по его же словам, был столь многим обязан.

Тщетно пытаюсь вывести хоть сколько-нибудь вероятное заключение из намеков отца и дочери и, как подобает влюбленному, примирить свою страсть с велениями долга и чести, Певерил вдруг почувствовал, что кто-то тихонько дергает его за плащ. Он убрал руки, которые в раздумье скрестил на груди, отвел свой невидящий взор от пустынного берега моря, оглянулся и увидел Фенеллу. Глухонемая уселась на низенькой скамеечке у его ног, надеясь, что он заметит ее присутствие, однако, наскучив ожиданием, решила наконец дать ему знать о себе. Вздрогнув, Джулиан очнулся от своего раздумья, посмотрел вниз и невольно подивился необыкновенной наружности этого беззащитного существа.

Фенелла распустила по плечам свои длинные густые волосы; ниспадая до самой земли, они, подобно черной пелене или тени, не только обрамляли лицо, но окутывали всю ее миниатюрную и стройную фигурку. Из-под пышных локонов виднелись мелкие, но правильные черты и огромные блестящие черные глаза. По лицу видно было, что она беспокоится, как высокочтимый друг примет признание ее вины, мольбу о прощении и просьбу о примирении. Словом, это новое выражение так изменило знакомое лицо Фенеллы,

что оно показалось Джулиану совершенно преобразившимся. Дикая, фантастическая живость черт, казалось, бесследно исчезла, уступив место нежной, скорбной и трогательной мольбе, а в огромных черных глазах, обращенных к Джулиану, блестели слезы.

Думая, что причину странного поведения Фенеллы был их утренний спор, Джулиан постарался развеселить девушку, объяснив ей, что ничуть не сердится. Он ласково улыбнулся, пожал ей руку и как человек, коротко с нею знакомый, погладил ее по голове. Фенелла потупила глаза, словно стыдясь его ласки и в то же время радуясь ей. Продолжая гладить одной рукою ее локоны, Певерил вдруг почувствовал на другой руке, которую глухонемая крепко сжимала в своих, легкое прикосновение губ и горячие слезы девушки.

В голове Джулиана внезапно и впервые в жизни мелькнула мысль, что существо, которому недоступен обыкновенный язык, может перетолковать в опасную сторону такую короткость в обращении, и, поспешно отдернув руку и переменив позу, он знаками спросил, не хочет ли она что-нибудь передать ему от графини. В одно мгновение Фенелла совершенно переменилась. Она вздрогнула, с быстротою молнии села на свою скамеечку и легким движением руки сделала из распущенных локонов изящную прическу. Когда она взглянула на Певерила, ее смуглое лицо еще горело, но томность и печаль сменились всегдашней живостью и веселостью. Глаза девушки блестели ярче обыкновенного, а дикий их взгляд казался еще более пронзительным и беспокойным, чем всегда. В ответ Джулиану она приложила руку к сердцу — этот жест обозначал графиню, — встала и, направившись к комнате своей госпожи, знаком пригласила его следовать за собой.

От столовой до комнат, куда немая проводница вела Джулиана, было недалеко, но всю дорогу его мучило подозрение, что несчастная девушка неправильно истолковала его доброту и питает к нему чувства более нежные, чем дружба. Горе, в которое подобная страсть могла ввергнуть существо и без того

беспомощное и чувствительное, было бы слишком велико, чтобы позволить Певерилу отмахнуться от подозрений, теснивших в его голове, и юноша решил вести себя так, чтобы истребить столь неуместные надежды, если Фенелла и в самом деле их питает.

Они нашли графиню за письменным столом; перед нею лежало несколько запечатанных писем. Графиня приняла Джулиана с обыкновенной своею любезностью, попросила его сесть и знаком приказала Фенелле продолжать шитье. Глухонемая тотчас села за пяльцы, и, если б не проворные движения рук, можно было принять ее за статую, ибо она не поднимала головы и не отрывала глаз от работы. Глухота ее не мешала говорить откровенно, и графиня обратилась к Певерилу так, словно они были наедине.

— Джулиан, — сказала она, — я не намерена жаловаться вам на образ мыслей и поведение графа Дерби. Он ваш друг и мой сын. У него доброе сердце, живой ум, и все же...

— Сударыня, — прервал Певерил, — зачем вы печалитесь, обращая внимание на недостатки, которые следует приписать скорее изменению нравов, нежели каким-либо порокам моего благородного друга? Дайте ему случай исполнить свой долг — все равно в мирное ли, в военное ли время, — и я готов понести наказание, если он не окажется достоин своего высокого сана.

— Да, — отвечала графиня, — но когда же веляния долга заглушат в нем голос праздности, призывающий к пустым и суетным забавам? Отец его был человеком совершенно иного склада, и мне часто приходилось умолять его не изнурять свое здоровье и отдохнуть от строгого исполнения обязанностей, налагаемых высоким саном.

— Но согласитесь, миледи, что обязанности, к исполнению коих был призван ваш достопочтенный покойный супруг, были гораздо важнее и затруднительнее тех, которые ожидают вашего сына.

— Этого я не знаю, — возразила графиня. — Колесо, как видно, опять завертелось, и, быть может, происшествия, подобные тем, свидетельницей коих я была

в юные годы, повторятся вновь. Что ж, Шарлотта де ла Тремуйль обременена годами, но не пала духом. Именно об этом я и хотела говорить с вами, мой юный друг. Со времени нашей первой встречи, с той минуты, когда я, выйдя из своего убежища в замке Мартиндейл, подобно призраку предстала пред вашим детским взором и убедилась в вашей отваге, мне было приятно думать, что вы — достойный потомок Стэнли и Певерилов. Надеюсь, что воспитание, полученное вами в моем доме, соответствовало моему уважению к вам. Нет, я не нуждаюсь в благодарности. Я прошу от вас услуги, быть может не совсем для вас безопасной, но такой, которую при теперешних обстоятельствах никто лучше вас не сможет оказать нашему дому.

— Вы всегда были для меня доброй госпожой, великодушной повелительницей и, я бы даже сказал, заботливою матерью, — отвечал Певерил. — Вы имеете право располагать жизнью и смертью всех, кто носит имя Стэнли, и вам принадлежит вся кровь в моих жилах.¹

— Известия, полученные мною из Англии, — сказала графиня, — напоминают скорее горячечный бред, нежели точные сведения, каких я могла бы ожидать от корреспондентов, подобных моим. Слова их похожи на бессвязные речи лунатиков, пересказывающих свои видения. Говорят, будто обнаружен составленный католиками заговор — настоящий или мнимый, и что страх, который он внушает, распространился гораздо шире, чем во время заговора пятого ноября. Размеры его кажутся совершенно невероятными и подтверждаются лишь показаниями самых жалких и ничтожных негодяев, какие только есть на свете; но легкомверный английский народ принимает все за чистую монету.

— Странно, что подобное заблуждение возникло без каких-либо действительных причин, — заметил Джулиан.

---

¹ Читатель, разумеется, помнит, что граф Дерби был главою великого рода Стэнли. (*Прим. автора*)

— Я хоть и католичка, но отнюдь не ханжа, — отвечала графиня. — Я давно опасалась, что похвальное рвение, с которым наши священники умножают число новообращенных, возбudit подозрительность английского народа. С тех пор как герцог Йоркский принял католичество, их усилия удвоились, равно как ненависть и зависть протестантов. Мне кажется, есть достаточно оснований подозревать, что герцог предан своей вере более, нежели своему отечеству, и что фанатизм побудил его сделать то же, что сделал его брат из своей ненасытной жадности мота и повесы, а именно — вступить в связь с Францией, на что Англия имеет слишком много причин жаловаться. Однако чудовищные, бессмысленные выдумки о заговоре и убийствах, об огне и крови, воображаемые армии, предполагаемая резня — всю эту кучу нелепостей не могла бы переварить даже грубая чернь, падкая на чудеса и страхи, а между тем обе палаты принимают их за истину, и никто не осмеливается в них усомниться, боясь прослыть другом кровожадных папистов и сторонником их адских и варварских планов.

— Но что говорят люди, которых эти дикие слухи должны касаться ближе всего? — спросил Джулиан. — Что говорят сами английские католики — многочисленная и богатая партия, насчитывающая столько благородных имен?

— Сердца их замерли от страха, — отвечала графиня. — Они похожи на стадо овец, которых загнали на бойню, чтобы мясник мог выбрать любую себе по вкусу. В неясных и коротких известиях, которые я получила из верных рук, говорится, что они предвидят свою и нашу гибель — так глубоко всеобщее уныние, так безгранично отчаяние.

— Но король, король и протестанты-роялисты, что говорят они о надвигающейся грозе?

— Себялюбивый и расчетливый Карл раболепно склоняется пред бурей; он скорее позволит, чтобы топор и петля лишали жизни самых безупречных мужей из числа его подданных, нежели согласится потерять хотя бы час наслаждений, пытаясь их спасти. Что до роялистов, то они либо впали в исступление, как все

протестанты, либо равнодушно держатся в стороне, боясь выказать участие к злополучным католикам, дабы их не сочли единомышленниками и пособниками ужасного заговора, в который те якобы вступили. По правде говоря, я не могу их винить. Трудно ожидать, что одно лишь сострадание к гонимой секте или (что встречается еще реже) отвлеченная любовь к справедливости могут заставить людей навлечь на себя пробудившуюся ярость целого народа, ибо общее возбуждение так сильно, что всякого, кто хотя бы чуть-чуть усомнится в чудовищных нелепостях, нагроможденных этими подлыми доносчиками, тотчас затравят, как злоумышленника, желавшего помешать раскрытию заговора. Буря и в самом деле ужасна, и хотя мы находимся вдали от мест, где она разразится, мы скоро почувствуем ее последствия.

— Лорд Дерби уже говорил мне об этом, — заметил Джулиан. — Он сказал, что на остров посланы агенты с целью поднять мятеж

— Да, — подтвердила графиня, и в глазах ее вспыхнул огонь, — и если бы кое-кто слушался моих советов, их поймали бы на месте преступления и обошлись бы с ними так, чтоб другим неповадно было являться в наше суверенное королевство с подобными поручениями. Однако сыну моему, который обыкновенно столь непростительно пренебрегает своими делами, все же угодно было заняться ими в эту решительную минуту.

— Я рад слышать, что меры предосторожности, принятые кузеном, совершенно расстроили планы заговорщиков, — сказал Певерил.

— Лишь на некоторое время, Джулиан, тогда как эти меры должны были бы заставить даже самых дерзких людей дрожать от страха при одной мысли о подобном посягательстве на наши права в будущем. Правда, теперешний план Дерби еще опаснее, но в нем есть что-то рыцарское, и мне это приятно.

— Что это за план, миледи, и не могу ли я разделить или предотвратить эти опасности? — с волнением спросил Джулиан.

— Он хочет немедленно отправиться в Лондон, — отвечала графиня. — Он, по его словам, не просто феодальный властитель маленького острова, но также один из благородных пэров Англии, и потому не должен спокойно сидеть в безвестном и уединенном замке, когда его имя и имя его матери порочат перед королем и согражданами. Он намерен занять свое место в палате лордов и публично потребовать наказания пристрастных и злонамеренных свидетелей, которые оскорбили его дом.

— Это благородное решение, достойное моего друга, — сказал Джулиан Певерил. — Я поеду с ним и разделю его участь, какою бы она ни была.

— Увы, наивный мальчик! — воскликнула графиня. — Искать справедливости у предубежденного и разъяренного народа — все равно что просить сострадания у голодного льва. Народ подобен безумцу, который в припадке бешенства безжалостно убивает своего лучшего друга и, лишь очнувшись, в изумлении созерцает и оплакивает собственную жестокость.

— Простите, миледи, — сказал Джулиан, — но этого не может быть. Благородный и великодушный народ Англии нельзя ввести в такое странное заблуждение. Каковы бы ни были предрассудки черни, палаты парламента не могут заразиться ими и забыть свое достоинство.

— Увы, кузен, — сказала графиня, — разве англичане даже самого высокого звания способны были помнить о чем-либо, когда их увлекали партийные страсти? Даже люди слишком умные, чтоб верить басням, которыми дурачат толпу, не станут их разоблачать, если они могут дать хотя бы временное преимущество их политической партии.

И среди подобных людей ваш кузен нашел себе друзей и товарищей! Он пренебрег старыми друзьями своего дома, ибо строгость их правил не соответствовала духу времени, и сошелся с непостоянным Шафтсбери и с легкомысленным Бакингом, которые без колебаний готовы принести в жертву современному Молоху все и вся, лишь бы умиловить это божество. Простите слезы матери, мой юный родич, но я

вижу, что в Боултоне уже воздвигнут новый эшафот. Если Дерби явится в Лондон, когда там свирепствуют эти кровожадные псы, ненавидящие его за веру, в которой я его воспитала, и за мое поведение на нашем острове, он умрет смертью своего отца. А между тем что еще остается делать?

— Позвольте мне отправиться в Лондон, миледи, — сказал Певерил, растроганный горем своей благодетельницы. — Ваша светлость до сих пор полагались на мою рассудительность. Я постараюсь устроить все как можно лучше, увижусь и переговорю с теми, кого вы мне укажете, и надеюсь вскоре уведомить вас, что это заблуждение, каким бы сильным ни казалось оно теперь, уже рассеивается. В худшем случае я смогу предупредить вас, если вам и графу будет грозить опасность, и, быть может, сумею также найти средство ее избежать.

Пока графиня слушала эту речь, по лицу ее было видно, как материнские чувства, побуждавшие ее принять великодушное предложение Певерила, боролись с природным беспристрастием и справедливостью.

— Подумайте, о чем вы просите меня, Джулиан, — со вздохом сказала она. — Неужели вы хотите, чтобы я подвергла сына подруги тем опасностям, от которых хочу спасти своего сына? Нет, никогда!

— Но, миледи, ведь мне не грозит такая опасность, как ему, в Лондоне меня не знают, мой род, хотя и не лишенный значительности в наших краях, слишком мало известен, чтобы меня заметили среди толпы богачей и знати. Я уверен, что мое имя даже косвенным образом не замешано в мнимом заговоре. А главное, я протестант, и меня нельзя обвинить ни в прямой, ни в косвенной связи с римской церковью. Люди, с которыми я знаком, не могут быть для меня опасными, даже если они не пожелают или не смогут мне помочь. Словом, я ничем не рискую, тогда как графу может угрожать большая опасность.

— Увы! — промолвила графиня Дерби. — Возможно, что все эти великодушные доводы справедливы, но только вдова и мать может их слушать. Ослепленная

себялюбием, я невольно думаю о том, что моя кузина при любых обстоятельствах может рассчитывать на поддержку любящего супруга, — таковы пристрастные рассуждения, которым мы не стыдимся подчинять наши лучшие чувства.

— Не говорите так, миледи, — возразил Джулиан. — Считайте меня младшим братом графа. Вы всегда были мне истинною матерью и имеете право требовать от меня исполнения сыновнего долга, будь то даже в десять раз опаснее поездки в Лондон с целью разведать тамошнее расположение умов. Я сейчас же пойду уведомить графа о моем отъезде.

— Постойте, Джулиан, — сказала графиня. — Если вы готовы совершить это путешествие ради нас — увы! у меня не хватает великодушия отказаться от вашего благородного предложения, — вы должны ехать один и ничего не говорить графу. Я хорошо знаю сына: он легкомыслен, но далек от низкого себялюбия и ни за что на свете не позволит вам ехать одному. Если же он поедет с вами, ваше благородство и бескорыстие будут напрасны — вы погибнете вместе с ним, подобно пловцу, который, спасая тонущего, неминуемо должен разделить его участь, если позволит ему схватить себя за руку.

— Я поступлю так, как вам угодно, миледи, — сказал Певерил. — Через полчаса я буду готов к отъезду.

— Итак, нынче ночью, — сказала графиня после минутного молчания. — Нынче ночью я приму все возможные предосторожности, чтобы вы могли исполнить свое великодушное намерение, ибо я не хочу возбуждать подозрений, которые непременно возникнут, если станет известно, что вы недавно покинули остров Мэн и его католическую властительницу. Быть может, в Лондоне вам лучше принять чуждое имя?

— Простите, миледи, — возразил Джулиан, — я постараюсь не привлекать к себе излишнего внимания, но скрываться под чужим именем кажется мне неразумным и недостойным. К тому же, в случае если меня узнают, мне будет трудно это объяснить и доказать чистоту своих намерений.

— Пожалуй, вы правы, — подумав, сказала графиня. — Вы, конечно, намерены ехать через Дербишир и посетить замок Мартиндейл?

— Я бы весьма этого желал, миледи, если время и обстоятельства позволят, — отозвался Певерил.

— Об этом вы должны судить сами, — заметила графиня. — Поспешность, разумеется, желательна, но, с другой стороны, явившись в Лондон из своего родового поместья, вы возбудите меньше подозрений, нежели выехав прямо отсюда и даже не навестив родителей. Во всем этом вы должны руководствоваться собственным благоразумием. Ступайте, сын мой — я называю вас так, ибо вы мне дороги, как сын, — ступайте и собирайтесь в дорогу. Я приготовлю письма и деньги... Нет, нет, не возражайте. Разве я вам не мать? Разве вы не исполняете свой сыновний долг? Не оспаривайте же моего права оплатить ваши расходы. Но это еще не все. Не сомневаясь, что вы со рвением и рассудительностью станете действовать в нашу пользу, когда того потребуют обстоятельства, я дам вам рекомендательные письма к нашим друзьям и родным с настоятельной просьбой способствовать вам во всех ваших предприятиях и позаботиться о вашей безопасности.

Джулиан располагал весьма скромными средствами и мог рассчитывать лишь на помощь отца. Поэтому он не стал более противиться, и графиня вручила ему векселя на двести фунтов стерлингов для предъявления одному из лондонских купцов. Затем она отпустила Джулиана на час, сказав, что потом хочет с ним еще поговорить.

Приготовления к отъезду не могли отвлечь Джулиана от теснивших его в голове тревожных мыслей. Короткая беседа с графиней совершенно перевернула все его намерения и планы на будущее. Он хотел оказать графине Дерби услугу, которой она вполне заслужила своею неизменной добротой; однако ее согласие принуждало его расстаться с Алисой Бриджнорт в ту самую минуту, когда, признавшись в ответной страсти, девушка стала ему милее прежнего. Он мысленно видел перед собою образ Алисы, которую сего-

дня прижимал к своей груди; в ушах его звучал голос возлюбленной, который, казалось, спрашивал: неужто ты оставишь меня, когда надвигается такое страшное время? Но, несмотря на молодость, Джулиан Певерил твердо знал свои обязанности и решил во что бы то ни стало их выполнить. Отогнав эти видения, он схватил перо и написал Алисе письмо, в котором постарался объяснить ей свое положение, насколько то позволяла верность графине.

«Я покидаю вас, бесценная Алиса, — говорилось в этом письме, — я покидаю вас, и хотя, поступая таким образом, я лишь исполняю вашу просьбу, я не ставлю этого себе в заслугу; боюсь, что если бы не иные, сильнеешие причины, я был бы не в состоянии ее исполнить. Однако важные семейные дела заставляют меня покинуть этот остров более чем на неделю. Все мои мысли, надежды и желания будут стремиться к той минуте, когда я смогу вновь посетить Черный Форт и его прелестную долину. Позвольте же мне надеяться, что и вы будете хоть изредка мысленно обращаться к одинокому изгнаннику, ставшему таковым лишь по велению долга и чести. Не думайте, что я намерен вовлечь вас в тайную переписку, и пусть ваш отец этого не опасается. Я не любил бы вас так горячо, если б не ваша откровенность и прямотушие, и я не хотел бы, чтоб вы скрыли от майора Бриджнорта хотя бы одно слово из того, в чем я вам сейчас признаюсь. Что касается прочих обстоятельств, то даже он не может желать благополучия нашему общему отечеству более страстно, чем я. Мы можем быть не согласны в средствах для его достижения, но я уверен, что в главном мы оба придерживаемся одного мнения; и, разумеется, я всегда готов прислушаться к советам его благоразумия и опытности, даже если ему в конце концов и не удастся меня убедить. Прощайте, Алиса, прощайте! Многое можно добавить к этому печальному слову, но ничто не выразит горечи, с которой оно написано. И все же я предпочел бы повторять его снова и снова, нежели заключить это письмо, ибо на некоторое время мы

будем лишены возможности поддерживать друг с другом связь. Единственное мое утешение состоит в том, что я буду отсутствовать недолго и вы не успеете забыть того, кто никогда не забудет вас».

Джулиан сложил письмо, но, прежде чем его запечатать, на минуту остановился, с беспокойством раздумывая о том, как бы примирительные слова не подали майору Бриджнорту надежды на возможность обратить его в свою веру, что, как подсказывала ему совесть, было бы несовместимо с его честью. Но, с другой стороны, из слов Бриджнорта нельзя было заключить, что их мнения совершенно противоположны, — сын знатного кавалера-роялиста, воспитанный в доме графини Дерби, Джулиан, однако же, был убежденным врагом неограниченной власти короля и сторонником свободы подданных. Рассуждая таким образом, он мысленно отверг сомнения касательно чести, хотя совесть тайно нашептывала ему, что примирительные слова по адресу майора были скорее всего внушены страхом, как бы за время его отсутствия Бриджнорту не вздумалось увести свою дочь в какое-либо место, совершенно недостижимое для ее возлюбленного.

Запечатав свое послание и надписав на нем имя мисс Деборы Деббич, Джулиан позвал своего слугу и приказал ему тотчас же взять лошадь и отвезти письмо в поселок Рашин, в дом, куда обыкновенно доставляли почту для обитателей Черного Форта. Избавившись, таким образом, от человека, который мог бы шпионить за ним, Джулиан переделался в дорожное платье, уложил в небольшую сумку чистое белье, взял крепкую обоюдоострую шпагу и старательно зарядил пару превосходных пистолетов. Снарядившись в дорогу, с двадцатью золотыми в кошельке и упомянутыми выше векселями в бумажнике, он готов был выехать по первому слову графини.

Пыл юности и надежды, на минуту охлажденный неприятным и двусмысленным положением, в которое попал наш герой, а также предстоящими невзгодами, теперь разгорелся с новой силой. Воображение, от-

бросив мрачные предчувствия, говорило Джулиану, что он делает первый шаг на жизненном поприще в такое смутное время, когда мужество и дарования должны непременно составить счастье того, кто ими обладает. Можно ли вступить на шумную сцену света с большим почетом, нежели в роли посланца и защитника прав одной из благороднейших фамилий Англии? Если он, употребив решимость и благоразумие, преуспеет в своем предприятии, это может доставить ему случай сделаться необходимым посредником Бриджнорта и на равных и почетных условиях заслужить его благодарность и руку его дочери.

Предаваясь этим приятным мечтам, Певерил невольно воскликнул: «Да, Алиса, я добьюсь твоей руки, не уронив своей чести!» Не успели эти слова слететь с его уст, как у дверей комнаты, которые слуга оставил открытыми настежь, послышался глубокий вздох, и в ту же минуту кто-то тихонько постучал. «Войдите», — сказал Джулиан, несколько смущенный своим восклицанием и не на шутку встревоженный тем, что его могли подслушать. «Войдите», — повторил он еще раз, но никого не было видно, а стук раздался еще громче. Он подошел к двери — за нею стояла Фенелла.

С покрасневшими от слез глазами и с видом безграничного отчаяния глухонемая, коснувшись одной рукою своей груди, другой сделала ему знак, что его желает видеть графиня, а затем повернулась, чтобы отвести его в покои своей госпожи. Шагая вслед за девушкой по длинным и мрачным сводчатым коридорам, соединявшим различные части замка, Джулиан заметил, что походка ее, всегда легкая и живая, сделалась тяжелой и медлительной, что она испускает глухие, невнятные стоны (которые ей трудно было подавить, ибо она не могла судить, слышат ли их другие), ломает руки и выказывает все признаки глубочайшей скорби.

В эту минуту у Джулиана мелькнула мысль, которая, несмотря на все его благоразумие, заставила юношу невольно содрогнуться. Рожденный в графстве Дерби и воспитанный на острове Мэн, он знал множество легенд и поверий и с детства был наслышан

о том, что у славного рода Стэнли есть собственный гений, называемый Бэнши, который, являясь в образе женщины, имеет обыкновение кричать, «предвещая тяжелые времена», и всегда плачет и стонет перед смертью каждого именитого члена семьи. На какое-то мгновение Джулиану показалось весьма вероятным, что испускающее жалобные стоны существо, которое скользит перед ним с лампою в руке, есть не что иное, как добрый гений его материнского рода, явившийся возвестить предначертанную ему судьбу. И по естественной связи идей он тотчас решил, что если его подозрения насчет Фенеллы справедливы, то ее несчастная привязанность к нему, подобно привязанности этого пророческого духа к его семейству, может предвещать лишь слезы, горе и бедствия.

Глава XIX

Поднимем якорь! Наши паруса
Пускай откроют грудь порывам ветра,
Как девушка — объятьям .

Неизвестный автор

Присутствие графини рассеяло суеверное чувство, которое на минуту овладело воображением Певерила и заставило его вновь обратиться к житейским заботам.

— Вот ваши верительные грамоты, — сказала графиня, вручая ему небольшой пакет, старательно завернутый в тюленью кожу, — но не распечатывайте их до приезда в Лондон. Не удивляйтесь, что некоторые письма адресованы моим единоверцам. Наша общая безопасность требует, чтобы, доставляя их, вы были осторожны.

— Я ваш посланец, миледи, — отвечал Певерил, — и постараюсь исполнить все ваши приказания. Позвольте, однако же, усомниться, что встречи с католиками будут способствовать успеху моего посольства.

— Вы уже заразились подозрительностью этой нечестивой секты, — сказала графиня с улыбкой, — тем

скорее вы сойдете за своего среди англичан при их теперешнем образе мыслей. Но, мой благоразумный друг, эти письма надписаны особым образом, а лица, которым они адресованы, носят несвойственное им обличье, так что вы можете с ними встречаться без всяких опасений. Между тем без их помощи вы не получите достоверных сведений, за которыми отправляетесь. Когда корабль сражается с бурей, никто лучше кормчего не знает, откуда дует ветер. К тому же хоть вы, протестанты, и не признаете, что наши священники обладают кротостью голубицы, вы, вероятно, согласитесь, что они мудры, как змий. Говоря без обиняков, у них есть много способов получать сведения, и они умеют ими пользоваться. Поэтому я бы хотела, чтоб вы по возможности следовали их советам.

— Все ваши поручения, миледи, будут в точности исполнены, — отвечал Певерил. — А теперь, коль скоро бесполезно откладывать дело, которое уже решено, прошу вас сказать, на какое время вы назначаете мой отъезд.

— Он должен быть неожиданным и тайным, — отвечала графиня. — Остров полон шпионов, и я желала бы, чтоб никто не знал о вашем отъезде в Лондон. Готовы ли вы взойти на борт корабля завтра утром?

— Сегодня ночью, сию минуту, если вам угодно, — сказал Джулиан. — Мои сборы кончены.

— Тогда будьте готовы к двум часам пополудни и ждите в своей комнате. Я пришлю за вами доверенного человека, ибо должно быть как можно меньше лиц, посвященных в нашу тайну. Иностранный шлюп перевезет вас в Англию, а там можете ехать в Лондон через замок Мартиндейл или другой удобною дорогою. Когда нужно будет объявить о вашем отъезде, я скажу, что вы отправились повидаться с родителями. Но постойте — от Уайтхейвена вам придется ехать верхом. У вас много ценных бумаг, но хватит ли у вас наличных, чтобы купить себе добрую лошадь?

— Я достаточно богат, миледи, — отвечал Певерил, — а в Камберленде много хороших лошадей. Там найдутся люди, которые знают, где можно недорого купить славную лошадку.

— Не надейтесь на них, — сказала графиня. — Вот вам деньги, которых хватит на лучшую лошадь во всей Шотландии. Неужели у вас достанет неблагодаримия отказаться?

С этими словами она дала Джулиану тяжелый кошелек, который он вынужден был принять.

— Добрый конь и добрая шпага в придачу к светлой голове и доброму сердцу — вот признаки истинного кавалера, — продолжала графиня.

— Итак, миледи, позвольте мне поцеловать вашу руку, — сказал Певерил, — и покорнейше просить верить, что никакие препятствия не могут поколебать моей решимости служить вам, моя благородная родственница и благодетельница.

— Знаю, друг мой, знаю; и да простит мне господь то, что, страшась за сына, я подвергаю вас опасностям, которые должен был испытать он сам! Ступайте, и да хранят вас святые и ангелы небесные! Фенелла передаст графу, что вы ужинаете у себя в комнате. Я тоже не выйду из своей... Сегодня я не смогу смотреть в глаза сыну. Вряд ли он поблагодарит меня за то, что я обременила вас его поручением; и найдется немало людей, которые спросят, достойно ли владетельницы Лейтем-хауса послать сына подруги навстречу опасности, которой должен был бросить вызов ее собственный сын. Но, увы, Джулиан! Я одинокая вдова, и горе сделало меня эгоисткой!

— Полноте, миледи! — возразил Джулиан. — Владетельнице Лейтем-хауса уж вовсе не к лицу страшиться опасностей, которых, быть может, и нет; а если они все же существуют, для меня они не так страшны, как для моего благородного кузена. Прощайте, и да благословит вас господь. Поклонитесь от меня Дерби и передайте ему мои извинения. Я жду ваших приказаний в два часа пополудни.

Они расстались после нежного прощания, особенно нежного со стороны графини; с присущим ей великодушием она укоряла себя за то, что ради спасения сына подвергает опасности Джулиана.

Певерил отправился в свою уединенную комнату. Слуга принес ему вина и закуску, которым он сумел

воздать должное, несмотря на множество дел, которые отвлекали сейчас его внимание. Но едва успел он окончить это необходимое занятие, как мысли нахлынули на него подобно волнам морского прилива — воспоминания о прошедшем и мечты о будущем стали тесниться в его мозгу. Напрасно лег он на постель и, укрывшись дорожным плащом, старался уснуть. Незнание, ожидавшая его впереди; беспокойство о том, как Бриджнорт в его отсутствие распорядится судьбою дочери; опасение, как бы сам майор не попался в руки мстительной графине, и, наконец, тысячи других смутных и тревожных предчувствий волновали его кровь, отгоняя сон. Чтобы как-нибудь убить время, он иногда садился в старинные дубовые кресла, слушал, как за окнами глухо шумят волны и кричат морские птицы; иногда медленно шагал из угла в угол или, остановясь, смотрел на море, которое, казалось, дремало под лучами полного месяца, серебрившего его бескрайнюю зыбь. В таких занятиях провел он время до часу пополудни; следующий час прошел в тревожном ожидании сигнала к отъезду.

Наконец пробило два. Легкий стук в дверь и последовавшее за ним невнятное бормотание заставили его заподозрить, что графиня снова прислала за ним немую служанку, как самую верную исполнительницу своей воли. Этот выбор показался ему не совсем приличным, и с досадою, чуждой его доброму нраву, он отворил дверь и увидел перед собою глухонемую. Лампа в руках Фенеллы ярко освещала лицо Джулиана, и девушка, вероятно, прочитала на нем выражение его чувств. Она скорбно потупила свои большие черные глаза и, не глядя больше ему в лицо, сделала знак рукою, чтобы он следовал за ней. Джулиан тотчас заткнул за пояс пистолеты, еще плотнее завернулся в плащ, взял под мышку свою маленькую дорожную сумку и вслед за Фенеллой вышел из главной башни, то есть из обитаемой части замка. Различные темные переходы привели их к задним воротам, которые Фенелла отперла ключом из связки, висевшей у нее на поясе.

Теперь они стояли во дворе замка; бледный дрожащий луч месяца печально освещал причудливые развалины, придававшие всей картине скорее вид какого-то старинного кладбища, нежели внутренней части крепости. Высокая круглая башня и старинная четырехугольная насыпь перед разрушенным зданием, некогда носившим гордое имя собора, озаренные бледным зловещим светом, казались еще более древними и причудливыми. Фенелла направилась к одной из этих церквей; Джулиан следовал за нею, хотя сразу догадался, какую она выбрала дорогу, и невольно почувствовал суеверный страх. Прежде через эту церковь вел тайный переход, посредством которого караульня гарнизона, расположенная на наружных укреплениях, сообщалась с главной башней замка, и каждый вечер, как только запирались ворота и составляли по местам часовых, по этому коридору огносили ключи в комнаты коменданта крепости. Однако в царствование Иакова I обычай этот перестали соблюдать по причине известной легенды о Бешеном Псе — злом духе или демоне, который в виде огромной лохматой черной собаки, по слухам, является в церковь. Все свято верили, что в прежние времена это привидение так привыкло к людям, что почти каждую ночь являлось в караульню из коридора, о котором мы уже говорили, а на рассвете уходило той же дорогой. Солдаты даже привыкли к призраку, хотя и не смели при нем браниться. Наконец один из них, расхрабрившись от вина, поклялся, что узнает, собака это или дьявол, и, обнажив свой меч, погнался за привидением по коридору. Через несколько минут смельчак возвратился, протрезвившись с перепугу; рот у него был разинут, волосы дыбом стояли на голове, но, к несчастью охотников до чудесного, он так и не смог рассказать об ужасах, которые видел, ибо умер от страшного потрясения. Невероятное это происшествие вызвало разные кривотолки, и потому старая караульня была заброшена, а вместо нее выстроили новую. С тех пор перестали ходить через развалины церкви, а сообщение с комендантом замка,

или сенешалем, сделалось уже не таким удобным, как прежде.

Несмотря на зловещие предания, связанные со старинным переходом, Фенелла, сопровождаемая Певе-риллом, смело шла по грудам развалин, освещаемым то дрожащим светом ее лампы, то отблеском лунного сияния, проникавшим в мрачную бездну сквозь узкие окна и бреши, сделанные временем. Дорога была весьма запутанная, и Певерил невольно дивился уверенности и смелости, с какими его странная спутница пробиралась по этому лабиринту. Он не был совершенно чужд суеверий своего века и потому несколько опасался, как бы не наткнуться на логово призрачного пса, о котором рассказывали столько страшных историй; и в каждом порыве и стоне ветра, раздававшемся в руинах, ему слышался лай собаки, недовольной вторжением смертных в ее мрачные владения. Однако никаких ужасов не встретилось им по пути, и через несколько минут они достигли заброшенной, полуразвалившейся караульни. Разрушенные стены этого маленького строения скрывали их от часовых, из которых один дремал, стоя на страже у нижних ворот замка, между тем как второй, усевшись на каменные ступени, ведущие к брустверу наружной стены, мирно спал, поставив возле себя мушкет. Фенелла сделала Джулиану знак двигаться бесшумно и осторожно, а затем, к великому его удивлению, через окно заброшенной караульни показала ему лодку с четырьмя гребцами: воспользовавшись приливом, они спрятались под утесом, на котором был построен замок. Она также объяснила, что он должен спуститься в лодку по высокой лестнице, приставленной к окну.

Джулиан, недовольный и встревоженный спокойствием и легкомыслием часовых, которые не заметили этих приготовлений и не подняли тревоги, хотел было позвать караульного офицера, чтобы сделать ему выговор за небрежность и растолковать, как легко несколько смельчаков могли бы овладеть Хоум Пилом, несмотря на его выгодное расположение и славу неприступной крепости. Фенелла со своей необыкновенной проницательностью, заменявшей недо-

статок других чувств, словно угадала его мысли. Она положила одну руку ему на плечо, а палец другой руки на свои губы, как бы призывая его к терпению; зная, что она действует по приказу графини, Джулиан повиновался, с твердым, однако же, намерением немедленно уведомить графа об опасности, угрожающей с этой стороны замку.

Между тем он осторожно спустился по лестнице, ибо полуразрушенные ступеньки были неровные, мокрые и скользкие, сел на корму лодки, дал гребцам знак отчаливать и обернулся, чтобы проститься со своею проводницей. Каково же было изумление Джулиана, когда Фенелла мигом сбежала, или, вернее, скользнула, вниз по опасной лестнице, с невероятной ловкостью прыгнула с последней ступеньки в отчалившую уже лодку и уселась рядом с ним, прежде чем он мог выразить удивление или неудовольствие. Он приказал гребцам снова подплыть к ненадежной пристани и, сделав недовольную гримасу, старался уговорить девушку возвратиться к графине. Сложив руки, Фенелла взглянула на него с гордою улыбкой, означавшей, что решимость ее непоколебима. Певе-рил смутился; ему очень хотелось поднять тревогу, но он боялся обидеть графиню и расстроить ее планы. Он ясно видел, что все его доводы не произведут ни малейшего действия на Фенеллу, и совершенно не мог взять в толк, что ему делать, если она не отступится от своего намерения сопровождать его, и как избавиться от столь странной и неудобной спутницы, в то же время не подвергая ее опасности.

Дело решили гребцы: они на минуту остановились и, перекинувшись несколькими словами не то по-немецки, не то по-голландски, налегли на весла и скоро были уже на порядочном расстоянии от замка. Певе-рил боялся, что часовые могут послать им вдогонку пулю из мушкета или даже пушечное ядро, но, отходя от крепости — так же как, очевидно, и приближаясь к ней, — лодка осталась незамеченной и никто ее даже не окликнул, что, по мнению Джулиана, свидетельствовало о чрезвычайной нерадивости гарнизона, хотя весла были обмотаны сукном, а гребцы

говорили очень мало и тихо. Отдалившись от замка, гребцы быстро двинулись к маленькому шлюпу, стоявшему на якоре в некотором отдалении от острова. Певерил между тем заметил, что матросы перешептывались и украдкой бросали беспокойные взгляды на Фенеллу, словно сомневаясь, правильно ли они поступают, увозя ее с собой.

Через четверть часа лодка добралась до корабля; на палубе Певерила дожидался шкипер, или капитан, который предложил ему вина и закуску.хлопоты гостеприимного хозяина прервал один из матросов, который сказал ему несколько слов, и капитан бросился к борту, очевидно желая помешать Фенелле подняться на шлюп. Переговариваясь между собой по-голландски, капитан и матросы с беспокойством поглядывали на девушку, и Певерил надеялся, что несчастную высадят обратно на берег. Однако глухонемая преодолела все препятствия: как только убрали трап, она схватила конец веревки и с проворством опытного моряка вскарабкалась на борт. Теперь матросам оставалось только помешать ей силой, чего они явно не желали. Взойдя на палубу, Фенелла взяла капитана за рукав и увела на нос корабля, где они начали объясняться знаками, видимо понятными для обоих.

Джулиан скоро забыл о Фенелле и принялся размышлять о своем положении и о предстоящей ему долгой разлуке с возлюбленной. «Постоянство, — твердил он про себя, — постоянство». Возвышенные и благородные мысли эти заставили юношу устремить свой взор к Полярной звезде — эмблеме бескорыстной любви и неуклонного стремления к цели, которая в ту ночь блистала ровнее и ярче обыкновенного. Добиться мира и благополучия для своего отечества, выполнить дерзкое и опасное поручение своего друга и покровителя, почитать любовь свою к Алисе Бриджнорт путеводной звездой, указующей путь к благородным деяниям, — такие намерения теснились в голове Джулиана, погружая дух его в состояние романтической меланхолии, которое, быть может, даже сильнее чувства пылкого восторга.

Легкий шорох прервал эти размышления: где-то совсем рядом с ним раздался тихий вздох, мечты его сразу рассеялись, и, повернув голову, он увидел, что возле него сидит Фенелла, устремив глаза на ту же звезду, которую только что созерцал он сам. Первым его чувством была досада; но невозможно было долго сердиться на это беспомощное и по-своему замечательное создание, из черных глаз которого капали сверкавшие в лунном свете слезы, — причину их была привязанность, достойная по крайней мере снисхождения со стороны того, кто был ее предметом. Джулиан решил воспользоваться этим случаем, чтобы как можно понятнее объяснить бедной девушке странность ее поведения. Он ласково взял Фенеллу за руку, но строгим и решительным жестом показал ей на лодку и на замок, стены и башни которого теперь едва можно было различить вдали, желая таким образом внушить девушке, что она должна возвратиться в Хоум Пил. Фенелла потупила взор и покачала головой, словно наотрез отказывалась следовать его совету. Джулиан снова принялся убеждать ее взглядами и жестами — он положил руку на сердце, обозначая этим графиню, и нахмурил брови, изображая неудовольствие, которое она должна испытывать. На все это девушка отвечала одними слезами.

Наконец, как бы принужденная объясниться, Фенелла вдруг схватила Джулиана за плечо, торопливо посмотрела кругом, не следят ли за ними, потом провела ребром ладони по своей тонкой шее, указала на лодку и замок и потрянула головой.

Из всех этих знаков Певерил мог заключить только, что ему угрожает какая-то опасность, от которой Фенелла своим присутствием надеялась его спасти. Что бы ни означали эти жесты, решимость девушки казалась непреклонной; по крайней мере было очевидно, что Джулиан не в силах ее поколебать. Юноше оставалось только ожидать конца их короткого путешествия, чтобы освободиться от своей спутницы, а до тех пор, имея в виду ее злополучную к нему привязанность, он счел за лучшее ради

Фенеллы и ради своего доброго имени держаться от нее как можно дальше. Он положил голову на руку, объясняя девушке, что ей пора спать, и попросил капитана отвести ему ночлег.

Капитан проводил его в каюту на корме, где для него приготовили койку, и он тотчас лег, надеясь отдохнуть от трудов и волнений прошедшего дня, тем более что час был уже довольно поздний. Через несколько минут Джулиан погрузился в тяжелый и глубокий сон, который, однако же, длился недолго. Его нарушил женский крик, и Джулиану показалось, будто он явственно слышит голос Алисы Бриджнорт, который зовет его по имени.

Он проснулся и хотел было вскочить, но движение брига и покачивание койки убедило его, что это был лишь сон. Однако его тревожила необыкновенная ясность и живость сновидения. Крик: «Джулиан Певерил! Джулиан Певерил! На помощь!» — все еще раздавался в его ушах. Это был голос Алисы, и он с трудом уверил себя, что обманут игрою воображения. Но как могла Алиса попасть с ним на один корабль? Подобная догадка не содержала в себе ничего невозможного, принимая в соображение характер майора Бриджнорта и интриги, в которые он был замешан; но если это и в самом деле была Алиса, то какая опасность заставила ее так громко звать его на помощь?

Решив немедленно узнать в чем дело, Джулиан, полуодетый, спрыгнул с койки и, спотыкаясь в крошечной тьме, с большим трудом отыскал дверь. Отворить ее он, однако же, не смог и принялся громко звать вахтенного матроса с палубы. Шкипер, или капитан, как его называли, единственный, кто понимал по-английски, откликнулся на его зов и на вопрос, что это за шум, отвечал, что молодую девицу повезли на лодке и что, покидая корабль, она немножко похныкала, — «фот и фсе».

Объяснение это успокоило Джулиана; он подумал, что увезти Фенеллу можно было только насильно, и хотя радовался, что не был тому свидетелем, невольно пожалел, что с девушкой обошлись

таким образом. Накануне ночью он был сильно встревожен ее упорным желанием остаться на шлюпе и мыслью о том, как трудно будет избавиться от столь странной спутницы при высадке на берег, а теперь капитан разом избавил его от всех хлопот.

Это совершенно объясняло его сон. Воображение, подхватив дикие, невнятные крики, которыми Фенелла обыкновенно изъясняла гнев и неудовольствие, облекло их в слова и придало им голос Алисы Бриджнорт. Наша фантазия каждую ночь играет с нами шутки еще более странные.

Капитан отпер дверь и принес фонарь, при свете которого Певерил снова забрался на койку и спокойно проспал до утра, когда капитан пригласил его к завтраку.

Глава XX

Но кто это за мною ходит тенью,
Шала, резвясь, как фея при луне?

Бен Джонсон

Певерил нашел капитана гораздо менее неотесанным, чем обыкновенно бывают люди его звания, и узнал от него о судьбе Фенеллы, которую тот крепко выругал, ибо ему пришлось стать на якорь, ожидая возвращения лодки, отвозившей девушку на берег.

— Надеюсь, она не заставила вас употребить силу и не оказала сопротивления?

— *Mein Gott!*¹ — воскликнул капитан. — Она сопротивлялась, как целый эскадрон, она так кричала, что слышно было в Уайтхейфене, она карабкалась по реям, как кошка по трубе; ну та фея это фсе шутки ее прежнего ремесла.

— Какого ремесла?

— О, я знаю ее лютше фас, мингер, — отвечал моряк. — Я знал ее маленькой девочкой, когда ее обу-

---

¹ Боже мой! (нем.).

чал один Seiltanzer и когда миледи посчастливилось ее купить.

— Seiltanzer? Что это такое? — спросил Джулиан.

— Это значит канатный плясун, шут, фигляр. Я карашо знаю Адриана Бракеля — он торгует порошками, которые очищают людям шелутки и наби-
фают его карманы. Как не знать Адриана Бракеля, mein Gott! Я фыкурил с ним не один фунт табаку!

Певерил вспомнил, что, когда они с молодым графом были в Англии, графиня привезла Фенеллу, возвращаясь из путешествия по континенту. Она никогда не говорила, где нашла девочку, а только однажды намекнула, что взяла ее из сострадания, чтобы спасти от большой беды. Он рассказал об этом словоохотливому моряку, и тот ответил, что про беду не слышал, но знает, что Адриан Бракель колотил девчонку, когда она не хотела плясать на канате, а когда плясала, морил ее голодом, чтоб она не росла. Он сам заключал сделку между графиней и фигляром, потому что графиня нанимала его шлюп для поездки на континент. Никто, кроме него, не знает, откуда взялась Фенелла. Графиня увидела ее в балагане в Остенде и, сжалившись над беззащитной девочкой, с которой так жестоко обращались, поручила ему откупить ее у хозяина и велела никому ничего не рассказывать.

— И потому я молчу, когда стою на якоре в мэнских гафанях, — продолжал верный наперсник графини, — но в открытом море мой язык принадлежит мне. Глупые шители острофа думают, что она оборотень или фея, которую эльфы подбросили людям фместо похищенного ребенка. Клянусь честью, они никогда не фидели оборотней. Я фидел одного в Кёльне — он был фдфое толще этой Фенеллы и разорял бедных людей, у которых жил, потому что объедал их, словно кукушка, попафшая в ласточкино гнездо, а эта дефчонка ест не больше других. О нет, она фoffсе не оборотень!

Несколько иной ход мыслей привел Джулиана к тому же заключению, и он совершенно согласился с моряком. Во время его рассказа Джулиан подумал,

что своей необыкновенной гибкостью и легкостью движений несчастная девушка обязана учению у Адриана Бракеля, а кочевая жизнь и превратности судьбы с детских лет поселили в ней склонность к своенравным капризам. Джулиан, воспитанный в аристократических предубеждениях, услышав о прежней жизни Фенеллы, еще больше обрадовался, что ему удалось избавиться от такой спутницы, но все же ему хотелось узнать о ней подробнее. Однако капитан уже рассказал все, что ему было известно. Он прибавил только, что «отец ее наверняка был порядочный негодяй и шельма, если продал за деньги плоть и крофь свою Адриану Бракелю».

После этого разговора все сомнения насчет верности капитана, закравшиеся в душу Певерила, рассеялись, ибо тот, казалось, давно знал графиню и пользовался ее доверенностью. Он счел недостойными внимания угрожающие жесты Фенеллы, видя в них новое доказательство раздражительности ее нрава.

Прогуливаясь по палубе, Джулиан размышлял о прошедшем и о том, что ожидает его в будущем, как вдруг заметил, что на море поднялся свежий норд-вест. Ветер сильно мешал ходу корабля, и капитан после многих напрасных усилий объявил, что его утлое суденышко не в состоянии добраться до Уайтхевена и что он вынужден, повинаясь ветру, взять курс на Ливерпуль. Певерил не стал возражать, ибо этот маневр сокращал ему путь к отцовскому замку и не мешал выполнить поручение графини.

Итак, на бриге подняли паруса, и он быстрым и ровным ходом двинулся вперед. Однако капитан из предосторожности решил стать на якорь, не входя ночью в устье Мерсея, и Певерил только утром имел удовольствие высадиться на набережную Ливерпуля, который уже тогда показывал признаки процветания торговли, ныне достигшего столь высокой степени.

Капитан, хорошо знавший эту гавань, рекомендовал Певерилу порядочную гостиницу, посещаемую большей частью моряками; хотя Джулиан бывал в городе и прежде, он счел неудобным появляться на

этот раз в тех местах, где его могли узнать. Он простился с моряком, с трудом уговорив его принять небольшой подарок для команды. Взять с него плату капитан отказался наотрез, и они расстались весьма дружески.

Гостиница, куда отправился Джулиан, была полна иностранцев, моряков и купцов, занятых своими делами, которые они обсуждали с шумом и горячностью, свойственными деловой жизни процветающего морского порта. Однако, хотя постояльцы, собравшиеся в общей зале, беседовали большей частью о своих торговых сделках, был один предмет, равно занимавший всех, и среди споров о фрахте, водоизмещении кораблей и плате за хранение грузов то и дело раздавались восклицания: «проклятый заговор», «адские происки», «кровавые паписты», «король в опасности», «злодеям мало виселицы» и тому подобное.

Очевидно было, что лондонское брожение умов достигло даже этой отдаленной гавани, и ливерпульцы встретили его с той буйною живостью, которая дает приморским жителям сходство с любезными их сердцу бурями и волнами. Торговые и морские интересы Англии были и в самом деле связаны с антикатолическими кругами, хотя, быть может, и трудно найти тому разумное объяснение, ибо моряков едва ли могли интересовать богословские споры. Но религиозный пыл, по крайней мере среди низших сословий, часто тем сильнее, чем ограниченнее их познания; и моряки, вероятно, не стали менее ревностными протестантами оттого, что не понимали сущности церковных прений. Что же касается купцов, то они были, можно сказать, прирожденными врагами дворян Ланкашира и Чешира, большая часть которых до сих пор придерживалась римского исповедания. Католицизм этих соседей был вдесятеро ненавистнее коммерсантам как признак их аристократической гордыни.

Из немногих слов, которые Певерил услышал о мнениях жителей Ливерпуля, он заключил, что ему следует как можно скорее уехать из города, покуда

его не заподозрили в связи с партией, очевидно снижавшей всеобщую ненависть.

Для дальнейшего путешествия Джулиану нужно было купить лошадь, и он решил пойти к известному в то время барышнику, который жил на окраине города.

В конюшнях Джо Брайдслли содержалось множество превосходных лошадей, — в прежние времена, не в пример нынешним, торговля эта шла весьма бойко. Чужестранцы часто покупали лошадей для одной поездки, а добравшись к месту назначения, продавали их по сходной цене, вследствие чего постоянно совершались торговые сделки, из которых Брайдслли и его товарищи извлекали изрядную прибыль.

Джулиан, недурной знаток лошадей, выбрал крепкую рослую лошадь и вывел ее во двор, чтобы посмотреть, соответствует ли ее аллюр наружности. Он вскоре убедился, что лошадь во всех отношениях хороша, и тогда осталось только сторговаться с Брайдслли, который, разумеется, клялся, что лучше этой лошади, с тех пор как он ими торгует, в его конюшнях еще не бывало, что нынче таких коней вовсе нет и в помине, ибо все кобылы, которые ими жеребились, давно уж издохли, и запросил соответствующую цену, после чего продавец и покупатель, как водится, вступили в торг, чтобы сойтись на том, что французские барышники называют *prix juste*.¹

Если читатель хоть сколько-нибудь знаком с этой отраслью торговли, ему должно быть хорошо известно, что покупка лошади обыкновенно сопровождается жестокой схваткою умов, которая привлекает к себе внимание множества бездельников, всегда готовых подать свое мнение или совет. Среди них на этот раз оказался худощавый, небольшого роста, бедно одетый человек, который, однако, говорил с уверенностью, обличавшей знатока.

Когда покупатель и продавец сошлись на пятнадцати фунтах стерлингов, что по тогдашнему времени

---

¹ Справедливой ценой (франц.).

составляло немалую сумму, и дело было лишь за тем, чтобы назначить цену седла и уздечки, упомянутый худошавый человек нашел что сказать и по этому предмету, не меньше, пожалуй, чем по предыдущему. Казалось, его замечания были благоприятны для Джулиана, и юноша счел его за одного из тех праздношатающихся, которые, не будучи в состоянии или не желая зарабатывать себе на хлеб, не стесняются жить за счет других, оказывая им мелкие услуги, и, рассудив, что у подобного человека можно будет выведать какие-нибудь полезные сведения, решил было пригласить его распить вместе бутылку вина, как вдруг заметил, что тот скрылся. Вслед за тем во двор вошли новые покупатели, чей важный и надменный вид тотчас обратил на себя внимание Брайдсли и всех его жокеев и конюхов.

— Трех добрых коней, — произнес предводитель отряда, высокий дородный мужчина, который задыхался и пыхтел от тучности и спеси, — трех добрых, крепких коней для надобности английской палаты общин.

Брайдсли отвечал, что у него имеются лошади, достойные самого председателя палаты, но, по правде говоря, он только что продал лучшую из них присутствующему здесь джентльмену, который, конечно, откажется от своей покупки, если лошадь нужна для государственной службы.

— Ты прав, друг мой, — отвечала важная персона и, приблизившись к Джулиану, высокомерно потребовала, чтобы тот уступил ему свою лошадь.

Джулиан с трудом подавил сильное желание наотрез отказаться от столь несуразного предложения, однако, вспомнив, что обстоятельства требуют от него большой осторожности, ответил просто, что если ему предъявят бумагу, уполномочивающую отбирать лошадей для государственной надобности, то он, конечно, уступит свою покупку.

С видом необыкновенной важности толстяк вытащил из кармана и подал Певерилу повеление, подписанное председателем палаты общин и уполномочивающее Чарлза Топэма, церемониймейстера Черного

Жезла, преследовать и задерживать поименованных в оном документе лиц, равно как и всех прочих, которые были или будут уличены законными свидетелями в том, что они суть зачинщики или сообщники адского и гнусного заговора папистов, составленного в настоящее время в самих недрах королевства, а также вменяющее в обязанность всем, кто верен своей присяге, оказывать вышереченному Чарлзу Топэму всяческую помощь и поддержку в исполнении возложенного на него поручения.

Прочитав столь важный документ, Джулиан без всяких колебаний отдал свою лошадь этому грозному чиновнику. Топэма сравнивали со львом, ибо поскольку палате общин угодно было содержать у себя такого хищника, ей приходилось ублаговлять его частыми повелениями о взятии под стражу. Поэтому слова: «Ату его, Топэм!» обратились в поговорку, звучащую весьма зловеще в устах черни.

Своим согласием Певерил снискал себе некоторое расположение секретного агента, который, прежде чем выбрать лошадей для двух своих спутников, позволил ему купить серую лошадь, разумеется, гораздо худшую, чем та, от которой он отказался, но почти за такую же цену, ибо Брайдслли, видя, что английской палате общин требуются лошади, решил накинуть на свой товар по крайней мере еще двадцать процентов на сто.

Певерил расплатился с барышником, сторговавшись гораздо скорее, чем в первый раз, ибо, если быть откровенным с читателем, в бумаге мистера Топэма в числе особ, подлежащих задержанию этим чиновником, он прочел написанное крупными буквами имя своего отца, сэра Джеффри Певерила из замка Мартиндейл.

Узнав эту важную новость, Джулиан решил тотчас же уехать из Ливерпуля и поднять тревогу в графстве Дерби, если только мистер Топэм не успел еще арестовать его отца. Впрочем, последнее показалось ему маловероятным, ибо чиновники скорее всего должны были начать с приморских жителей.

Несколько случайно подслушанных слов утвердили его в этом мнении.

— Вот что, любезный, — сказал Топэм барышнику, — через два часа приведи этих лошадей к дому мистера Шортела, торговца шелками, а мы тем временем освежимся прохладительными напитками и поразведем, нет ли тут по соседству нужных нам людей. Да вели хорошенько набить волосом седельную подушку: говорят, в Дербишире прескверные дороги. А вы, капитан Дейнджерфилд, и вы, мистер Эверетт, наденьте свои протестантские очки и укажите мне место, где увидите хотя бы тень католического попа или его поповского прихвостня; я затем и приехал с метлой в эти северные края, чтобы вымести отсюда эту нечисть.

Один из тех, к кому он обращался, человек в одежде промотавшегося горожанина, отвечал только: «Да, да, мистер Топэм, давно пора вымести житницу».

Второй, обладатель чудовищных бакенбард, красного носа и обшитого галуном грязного плаща, а также огромной шляпы, которая была бы впору самому Пистолю, был более красноречив.

— Будь я трижды проклят, — вскричал этот ревностный протестантский свидетель, — если я на каждом католике от шестнадцати до семидесяти лет не увижу следов нечистого так же ясно, как если бы они крестились, обмакивая пальцы в чернила вместо святой воды. Раз наш король желает творить правосудие, а палата общин поощряет преследования, клянусь адом, что за свидетельствами дело не станет.

— На том и стойте, благородный капитан, — сказал чиновник, — но прошу вас, поберегите свои клятвы до суда. Не стоит тратить их попусту в обыкновенном разговоре.

— Не беспокойтесь, мистер Топэм, — отвечал Дейнджерфилд, — человеку следует упражнять свои дарования, и если я не стану употреблять клятвы в частной беседе, то не сумею воспользоваться ими и в случае нужды. И уж вы не скажете, что слышали

от меня какие-нибудь папистские заклания. Я не кланусь ни святой обедней, ни святым Георгием и ничем другим, относящимся к идолопоклонству, а одними лишь честными клятвами, как прилично бедному протестантскому джентльмену, который хочет служить только богу и королю.

— Хорошо сказано, благороднейший Фестус, — отвечал его товарищ. — Однако знайте, что я, хоть и не привык кстати и некстати украшать свою речь клятвами, буду тут как тут, когда придет время удостоверить высоту, глубину, длину и ширину этого адского заговора против короля и протестантской веры.

Певерилу стало не по себе от бесчеловечной жестокости, которой щеголяли эти люди, и, с трудом убедив Брайдлсли поскорее покончить со сделкой, он увел свою серую лошадь. Однако, едва успев выйти со двора, он услышал следующий разговор, который встревожил его тем более, что предметом онго был он сам.

— Кто этот молодой человек? — тихо и с расстановкой спросил более щепетильный из свидетелей. — Мне кажется, я где-то его видел. Здешний ли он?

— Мне об этом ничего не известно, — сказал Брайдлсли, который, подобно всем другим жителям Англии тех времен, отвечал на вопросы этих малых с почтением, какое оказывают в Испании инквизиторам. — Он не здешний, точно, не здешний. Я его никогда не видывал; ручаюсь, что это дикий, необъезженный жеребенок; однако он не хуже моего знает толк в лошадях.

— Теперь я припоминаю, что видел лицо, похожее на него, в собрании иезуитов в таверне «Белой лошади», — сказал Эверетт.

— А мне помнится... — начал было капитан Дейнджерфилд.

— Полно, полно, господа, — произнес повелительный голос Топэма, — оставим ваши воспоминания. Мы знаем, чем они могут кончиться. Но заметьте себе, что вы не должны гнать зверя, пока вас не спустят со сворки. Этот красивый молодой человек любезно отдал свою лошадь палате общин. Ручаюсь, что он зна-

ет, как обходиться с вышестоящими, и вряд ли у него хватит денег, чтобы заплатить издержки за взятие под стражу.

Эта речь заключила разговор, который Певерил счел за лучшее дослушать до конца, ибо исход его мог решить его участь. Теперь разумнее всего казалось незаметно оставить город и кратчайшим путем ехать в отцовский замок. Отправляясь к Брайдслли, Джулиан расплатился в гостинице и захватил сумку, в которой лежало все необходимое, так что ему не нужно было туда возвращаться. Он решил проехать несколько миль, не останавливаясь даже для того, чтоб накормить лошадь, и, хорошо зная местность, надеялся достигнуть замка Мартиндейл прежде почтенного мистера Топэма, седло которого должны были еще набить волосом и который, вероятно, будет ехать осторожно, избегая тряски.

Рассуждая таким образом, Джулиан поспешил в Уоррингтон — место, которое он хорошо знал; однако, не останавливаясь там, он переехал Мерсей по мосту, построенному одним из предков его друга графа Дерби, и направил свой путь к деревне Дишли, находящейся на границе Дербишира. Он мог бы доехать туда быстрее, если б лошадь у него была лучше. Дорогою он не раз проклинал важную чиновную особу, отнявшую у него отличного коня, чем и утешался, пробираясь наугад по дороге, знакомой ему теперь лишь весьма поверхностно.

Наконец возле Олтрингема Певерилу пришлось остановиться, чтобы поискать тихого и уединенного места для отдыха. Он увидел несколько домиков; лучший из них служил в одно и то же время трактиром и мельницей; и вывеска, на которой был изображен кот (верный союзник хозяина в защите его мешков с мукой) в ботфортах, как у сказочного Кота в сапогах, для пущей важности играющий на скрипке, возвещала приезжим, что Джон Уайткрафт соединял в одном лице два честных ремесла — мельника и трактирщика — и, без сомнения, взимал дань с публики и в том и в другом качестве.

Подобное место для путешественника, желающего остаться неизвестным, обещало если не лучшее, то по крайней мере надежное убежище, и Джулиан остановился у вывески «Кот со скрипкой».

Глава XXI

Настало время зла, кровавых планов —
Ждем что ни день напасти от смутьянов.

Отвэй

У дверей таверны под вывеской «Кот со скрипкой» Джулиана приняли с тем вниманием, какое обыкновенно оказывают постояльцам в гостиницах низшего разбора. Оборванный мальчишка, исполнявший должность конюха, отвел его лошадь в прескверную конюшню, где, однако же, не было недостатка ни в корме, ни в подстилке.

Убедившись, что о лошади, от которой зависел успех его путешествия и, может быть, даже его безопасность, как следует позаботятся, Певерил вошел в кухню, служившую также гостиной и залой маленькой харчевни, желая узнать, чем могут накормить его самого. Он очень обрадовался, услышав, что в доме находится всего лишь один проезжий; однако радость его уменьшилась, когда ему сказали, что он должен либо уехать без обеда, либо разделить с этим постояльцем единственное во всем трактире блюдо, состоящее из форелей и угрей, которых хозяин наловил в ручье, заставлявшем вертеться колесо мельницы.

По особенной просьбе Джулиана хозяйка согласилась прибавить к обеду еще одно питательное кушанье, а именно — яичницу с ветчиной, чего она, быть может, и не стала бы делать, если б зоркий глаз Певерила не открыл висевшего в закопченном углу свиного окорока, частью которого ей волей-неволей пришлось пожертвовать.

Хозяйка, плотная бабенка лет тридцати, чья милость и опрятность делала честь выбору ее неж-

ного супруга, веселого мельника, стояла в своих владениях у огромного старинного очага, на котором готовились яства для убоготворения утомленных путников. Сначала добрая женщина, казалось, вовсе не была расположена хлопотать ради Джулиана, но красота, статность и любезность нового гостя скоро привлекли ее внимание, и, занимаясь стряпней, она то и дело бросала на него ласковые и жалостливые взгляды. Густой запах яичницы с ветчиной уже наполнил комнату, а шипение сковородки сопровождалось бульканьем воды в горшке, в котором варилась рыба. Стол накрыли чистой полотняной скатертью, и все было готово к обеду, которого Джулиан ожидал уже с некоторым нетерпением, когда в комнату вошел постоялец, который должен был разделить с ним трапезу.

К великому своему удивлению, Джулиан с первого же взгляда узнал в нем того самого худощавого и бедно одетого незнакомца, который так услужливо давал ему советы, когда он в первый раз торговался с Брайдсли. Недовольный навязанным ему обществом, Джулиан был особенно раздосадован при виде человека, который мог иметь некоторые притязания на знакомство с ним, в то время как обстоятельства требовали от него величайшей осторожности. Поэтому он отвернулся от посланного ему судьбою соотрапезника и, притворившись, будто смотрит в окно, решил без крайней необходимости не вступать с ним в разговор.

Незнакомец между тем пошел прямо к мельничихе, погруженной в хозяйственные заботы, и спросил, зачем она жарит яичницу с ветчиной, когда он велел приготовить ему одну только рыбу.

Хозяйка с важностью повара, занятого своим делом, некоторое время не удостоивала своего гостя ответом, притворяясь, будто не слышит его выговора, и наконец недовольным повелительным голосом сказала:

— Если вам не нравится ветчина из моего собственного борова, откормленного горохом и отрубями, если вам не нравится яичница из свежих яиц,

которые я своими руками принесла из курятника, — тем хуже для вашей милости; быть может, найдутся люди, которым они понравятся.

— Найдутся люди, которым они понравятся? — повторил незнакомец. — Это значит, что у меня есть товарищ, не так ли, добрая женщина?

— Не называйте меня доброю женщиной, пока я не назову вас добрым человеком, — отвечала мельничиха, — а еще я вам скажу, что многие поостереглись бы называть добрым человеком того, кто по пятницам не ест яичницы с ветчиной.

— Полно, полно, хозяйushка, — сказал гость, — не перетолковывайте моих слов в худую сторону. Осмелюсь доложить, что ваша яичница и ваша ветчина превосходны, да только эта пища слишком тяжела для моего желудка.

— А может, для вашей совести, сэр? — заметила хозяйка. — Теперь я вижу, что и рыбу вам надо жарить на постном масле, а не на сале, которое я для нее припасла. Хотела бы я знать, что все это значит, но ручаюсь, что констебль Джон Бигстаф уж как-нибудь разгадает эту загадку.

Наступило молчание, и Джулиан, несколько встревоженный оборотом разговора, стал с интересом следить за сменившей его немою сценой. Не поворачиваясь и не отходя от окна, он взглянул налево и заметил, как незнакомец, уверенный, что никто его не видит, бочком подобрался к хозяйке и, как ему показалось, сунул ей в руку монету. Переменившийся голос мельничихи подтвердил это предположение.

— Впрочем, — сказала она, — в моем доме каждый может делать что ему угодно, как и полагается в хорошем трактире. Какое мне дело, что господа едят и пьют, лишь бы они исправно платили по счету. Есть много честных джентльменов, у которых желудок не принимает сала, ветчины и шкварок, особенно по пятницам, ну а мне и нашему брату трактирщику до этого дела нет, если господа будут честно платить за хлопоты. Умереть мне на этом месте, если вы в самом Ливерпуле сыщете ветчину и яйца лучше моих.

— Не стану с этим спорить, — отвечал незнакомец и, обернувшись к Джулиану, добавил: — Надеюсь, что вы, сударь, будете моим товарищем за столом, и желаю вам насладиться яствами, которых я не могу с вами разделить.

— Уверяю вас, сэр, — сказал Джулиан, которому теперь пришлось обернуться и отвечать с учтивостью, — уверяю вас, что я с большим трудом уговорил хозяйку приготовить мне эту яичницу с ветчиной, которую она теперь так усердно расхваливает.

— Ничего я не расхваливаю, — возразила хозяйка, — я только хочу, чтобы господа кушали что хотят и платили по счету, и если можно накормить двоих одним блюдом, я не вижу надобности подавать им другое. Кстати, оба блюда уже готовы и, надеюсь, будут вам по вкусу. Эй, Алиса, Алиса!

Знакомое имя заставило Джулиана вздрогнуть, но Алиса, явившаяся на зов, несколько не напоминала образ, рисовавшийся в его воображении. Это была грязная, оборванная девка, исполнявшая должность служанки при маленькой таверне, где он нашел себе кров. Она помогла поставить на стол приготовленные хозяйкою блюда, а также кувшин с пенистым домашним элем, — по словам миссис Уайткрафт, он был отменный, ибо, сказала она, мы знаем по опыту, что в глубокой воде мельник может утонуть, и потому льем ее в чан с солодом так же скупно, как на колесо своей мельницы.

— Я выпью один стакан за ваше здоровье, сударыня, другой — в знак благодарности за эту превосходную рыбу, и еще один за то, чтобы утопить нашу ссору, — произнес незнакомец.

— Покорно вас благодарю, сэр, — отвечала хозяйка. — Хотела бы выпить за ваше здоровье, да боюсь: хозяин говорит, что этот эль для женщин слишком крепок. Оттого я иной раз только и выпью, что стаканчик канарского с кумой или с каким-нибудь джентльменом, который его любит.

— В таком случае мы разопьем его с вами, если вы принесете мне бутылочку, — сказал Певерил.

— Сейчас вы получите отменного винца, сэр, я только сбегая на мельницу и возьму у хозяина ключ от погреба.

С этими словами мельничиха подобрала подол платья и, заткнув его в карманы, чтобы скорее идти и не запачкаться мукой, направилась к мельнице, нахолившейся неподалеку от таверны.

— Мельничиха-то мила, но, поди, опасна, — сказал незнакомец, глядя на Певерила. — Если не ошибаюсь, это слова старика Чосера.

— Д-да, кажется, — отвечал Певерил, не слишком начитанный в Чосере, который тогда был в еще большем небрежении, чем ныне; он очень удивился, услышав ссылку на произведение литературы от человека по виду столь низкого звания.

— Да, — сказал незнакомец, — я вижу, что вы, как и все нынешние молодые люди, лучше знаете Каули и Уоллера, нежели «источник чистоты английского языка». Я не могу с этим согласиться. У старого вудстокского барда столько верности природе, что я предпочитаю его всем замысловатым островам Каули и витиеватой, искусственной простоте его придворного соперника. Возьмем хотя бы описание деревенской кокетки:

Она была стройна, гибка, красива,
Бойка что белка и что вьюн игрива.¹

А где вы найдете такую патетическую сцену, как смерть Арсита?

Увы, о смерть! Эмилия, увы!
Со мной навеки растаетесь вы!
Рок не судил нам общего удела,
Царица сердца и убийца тела!
Что жизнь? И почему к ней люди жадны?
Сегодня с милой, завтра в бездне холодной!
Один как перст схожу в могилу я,
Прощай, прощай, Эмилия моя!²

---

¹ Перевод И. Кашкина.

² Перевод О. Румера,

Но я наскучил вам, сэр, и не оказал чести поэту, которого помню лишь отрывками.

— Напротив, сэр, — отвечал Певерил, — слушая вас, я понимаю его стихи лучше, чем тогда, когда пытаюсь читать их сам.

— Вас просто пугало старинное правописание и готические буквы, — возразил его собеседник. — Так бывает со многими учениками, принимающими орех, который легко можно расколоть, за пулю, о которую они непременно должны сломать себе зубы. Однако ваши зубы заняты более приятным делом. Не желаете ли рыбы?

— Нет, благодарю вас, сэр, — отвечал Джулиан, желая, в свою очередь, показать свои познания. — Я согласен с мнением старика Кайюса и объявляю, что дрожу перед Страшным судом, вступаю в бой, когда больше делать нечего, и не ем рыбы.

При этом замечании незнакомец испуганно огляделся. Между тем Джулиан произнес его нарочно, чтобы по возможности узнать, какое положение в обществе занимает его собеседник, теперешний язык которого столь отличался от того, каким он говорил у Брайдлсли.

Выражение живого ума, которое образованность придает лицам самым заурядным, освещало черты незнакомца, ничем не примечательные и даже грубые, а простота и непринужденность обращения обличали в нем человека, превосходно знающего свет и привыкшего вращаться в лучшем обществе. Тревога, которой он не мог скрыть при словах Певерила, однако, мгновенно рассеялась, и он тотчас же с улыбкой ответил:

— Уверяю вас, сэр, что вы находитесь в совершенно безопасной компании, и, несмотря на мой постный обед, я, с вашего позволения, не прочь отведать этого вкусного блюда.

Джулиан положил на тарелку незнакомца остатки яичницы с ветчиной и увидел, как тот с удовольствием съел один кусок, но тут же принялся играть ножом и вилкой, словно человек, пресытившийся едой, а затем выпил большой стакан эля и поставил свою

тарелку перед огромной собакой, которая, почуяв запах обеда, сидела возле него, облизываясь и провожая глазами каждый кусочек, который он подносил ко рту.

— Возьми, бедняжка, — сказал незнакомец, — рыбы тебе не досталось, так отведай хоть яичницы. Я не могу далее отказывать твоей немой мольбе.

В ответ на эту ласку собака учтиво завиляла хвостом и принялась жадно есть подачку великодушного незнакомца — с тем большей поспешностью, что у дверей слышался голос хозяйки.

— Вот канарское, господа, — сказала мельничиха, — а хозяин остановил мельницу и идет сюда прислуживать вам. Он всегда приходит, когда гости пьют вино.

— Это значит, что он желает получить хозяйскую, то есть львиную, долю, — заметил незнакомец, глядя на Певерила.

— Вино ставлю я, — сказал Джулиан, — и если хозяин хочет разделить с нами бутылку, я охотно велю подать еще одну для него, а также и для вас, сэр. Я всегда следую старинным обычаям.

Слова его достигли слуха дядюшки Уайткрафта, входившего в комнату. Это был дюжий образчик своего ремесла, готовый играть роль любезного или грубого хозяина — смотря по тому, окажется ли его общество желательным для гостей или нет. По приглашению Джулиана он снял свой запыленный колпак, отряхнул с рукавов муку и, усевшись на край скамейки, не меньше чем в ярде от стола, налил стакан канарского и выпил за здоровье гостей, «а особенно за здоровье того благородного джентльмена, — добавил он, поклонившись Певерилу, — который велел подать вино».

Джулиан отвечал на учтивость, в свою очередь выпив за его здоровье, и спросил, какие новости в округе.

— Никаких, сэр, ровным счетом никаких, кроме заговора, как его называют, за который теперь преследуют папистов; ну да это, как говорится, льет воду на мою мельницу. Взад-вперед разъезжают нарочные,

стражники возят арестованных, да соседи приходят покалякать о новостях каждый вечер, а не раз в неделю, как прежде, вот и вытаскиваешь затычки из бочек да загребаешь денежки. Ну, а я ведь констебль, да к тому ж еще известный протестант, так осмелюсь доложить, что я уже откупорил не меньше десяти лишних бочонков эля, не считая продажи вина, довольно изрядной для нашего захолюстья. Да будет же благословенно небо, и да охранит оно всех добрых протестантов от заговора и папистов.

— Я охотно допускаю, друг мой, что любопытство гонит человека в трактир, а страх, гнев и ненависть утоляются домашним пивом, — сказал Джулиан. — Но я никогда не бывал в этих краях и хотел бы, чтоб разумный человек вроде тебя рассказал мне хоть немножко об этом заговоре, о котором люди болтают так много, а знают так мало.

— Рассказать вам про заговор? Как же, это самый ужасный, самый гнусный и кровожадный заговор... Однако позвольте, сударь! Надеюсь, вы верите, что этот заговор существует, а не то вас притянут к суду, и это так же верно, как то, что меня зовут Джон Уайткрафт.

— В этом не будет надобности, — отвечал Певрил, — потому что, любезный хозяин, я верю в этот заговор так твердо, как только можно верить в то, чего не понимаешь.

— Не дай бог, чтоб кто-нибудь его понял, — проговорил бравый констебль. — Его милость господин судья говорит, что и сам никак его не уразумеет, а уж он-то не глупее всех прочих. Но ведь люди могут верить, хоть и не понимают, — это и сами католики говорят. Ну, а я одно знаю — этот заговор дал добрую встряску судьям, доносчикам и констеблям, уж это точно. Итак, еще раз ваше здоровье, джентльмены.

— Полно, Джон Уайткрафт, — перебила его жена, — не пристало тебе так унижаться, чтоб ставить доносчиков на одну доску с судьями да с констеблями. Ведь всякий знает, как они добывают деньги.

— Так-то оно так, но всякий знает, что денежки-то у них водятся, и это весьма недурно. Разве не они нынче щеголяют в шелковых рясах да в воинских доспехах? Да, да, проклятая лисица процветает, а между прочим, не такая уж она проклятая. Посмотрите-ка на доктора Тайтуса Оугса, спасителя народа, который живет себе в Уайтхолле, ест на серебре и получает невесть сколько тысяч в год пенсии. И как только умрет доктор Додрем, он будет епископом Личфилдским.

— В таком случае я надеюсь, что его преподобие доктор Додрем проживет еще двадцать лет, и смею сказать, что наверняка еще никто ему этого не желал, — заметила хозяйка. — Впрочем, в этих делах я ровно ничего не смыслю, и если б целая сотня иезуитов собралась на совет в моем доме, как то было в таверне «Белой лошади», я б и тогда не стала доносить на них, лишь бы они хорошенько выпили да исправно заплатили.

— Недурно, хозяйюшка, — сказал незнакомец, — это называется поступать по совести, как и следует доброму трактирщику, и потому я сейчас с вами расплачусь и поеду дальше своею дорогой.

Певерил тоже потребовал счет и заплатил так щедро, что мельник поклонился, высоко подняв свой колпак, а жена его присела чуть не до земли.

Привели лошадей, и оба путешественника сели в седла, чтобы вместе отправиться в путь. Хозяин с хозяйкою провожали их, стоя у ворот. Мельник налил прощальный стакан незнакомцу, а мельничиха предложила стакан своего любимого канарского Певерилу. Для этого она с бутылкой в одной руке и со стаканом в другой взобралась на колоду, с которой садятся на лошадь, так что Джулиану, хоть он и сидел в седле, легко было ответить на эту учтивость хозяйки наилучшим образом, то есть обняв ее за плечи.

Миссис Уайткафт не стала противиться этой вольности, ибо отступить с колоды было некуда, а руки, которыми она могла бы защищаться, были заняты бокалом и бутылкой — предметами слишком дра-

гоценными, чтобы уронить их в подобной схватке. Однако у нее явно было что-то другое на уме, ибо, разыграв сначала краткое сопротивление, а затем позволив Джулиану приблизить свое лицо к ее лицу, она шепнула ему на ухо: «Берегитесь западни!»

Во времена всеобщей недоверчивости, подозрений и предательства это ужасное предостережение действовало на людей, привыкших вести вольные разговоры в обществе, так же сильно, как вывеска «Пружинные ружья и ловушки» действует на воров, помышляющих забраться во фруктовый сад. Джулиан понял намек хозяйки и крепко пожал ей руку; она отвечала ему тем же, прибавив: «Да хранит вас господь». Джон Уайткрафт слегка нахмурился, и последнее его напутствие было гораздо холоднее прощальных слов, сказанных у дверей. Впрочем, подумал Певерил, один и тот же гость не всегда бывает одинаково приятен хозяину и хозяйке, и, полагая, что у мельника нет причин для неудовольствия, он пустился в путь, сразу забыв обо всем этом.

Вскоре Джулиан с удивлением и даже с досадою убедился, что его новый знакомец едет с ним по одной дороге. У юноши было много причин желать одиночества, да и предостережение хозяйки все еще раздавалось в его ушах. Если этот человек, столь проницательный, как показывало его лицо и речи, столь разносторонне образованный, как он имел случай подчеркнуть, да еще замаскированный платьем, не соответствующим его состоянию, окажется, как можно было ожидать, переодетым иезуитом или окончившим духовную семинарию священником, путешествующим с великой целью обращения Англии на путь истины и истребления северной ереси, то более опасного спутника при теперешних обстоятельствах невозможно было себе представить, ибо общество подобного человека лишь подтвердило бы носившиеся повсюду слухи о приверженности Певерилов к католической партии. Однако грудно вежливо отделаться от человека, который, по-видимому, решил ехать с вами вместе, не обращая внимания на то, хотите вы говорить с ним или нет.

Джулиан попробовал ехать тише, но незнакомец, как видно не желая с ним разлучаться, тоже замедлил шаг. Тогда Джулиан прищепил лошадь и поскакал рысью, но скоро убедился, что ему никак не обогнать незнакомца, ибо лошадь этого невзрачного человечка гораздо лучше его собственной. В отчаянии он поехал шагом. Тут спутник Джулиана, до сих пор хранивший молчание, заметил, что он мог бы скакать быстрее, если бы купил того коня, которого торговал сначала.

Певерил сухо согласился, добавив, что для его поездки хороша и эта лошадь, хоть он и боится, что не сможет поспеть за владельцем такого доброго коня.

— Не беспокойтесь, — отвечал любезный незнакомец, — я путешествовал так много, что привык принаравливать к любому спутнику.

Певерил ничего не ответил на этот вежливый намек, — он был слишком искренен, чтобы поблагодарить незнакомца, как того требовала учтивость. Вновь наступило молчание, которое Джулиан прервал, спросив у своего спутника, долго ли им еще ехать по одной дороге.

— Не могу вам сказать, ибо мне неизвестно, куда вы едете, — улыбаясь, отвечал незнакомец.

— Я и сам не знаю, сколько проеду нынче вечером, — сказал Джулиан, притворяясь, будто не понял его ответа.

— Я тоже, — промолвил незнакомец. — Впрочем, хоть моя лошадка резвее вашей, не мешает ее поберечь, и потому, если нам и дальше ехать по одной дороге, я думаю, что ужинать мы тоже будем вместе.

Этот прозрачный намек остался без ответа, и Джулиан продолжал ехать вперед, рассуждая про себя, не лучше ли решительно объясниться со своим упрямым спутником, ясно дав ему понять, что он намерен путешествовать один. Однако ему не хотелось неучтиво обходиться с джентльменом, который столь любезно беседовал с ним за обедом; к тому же он вполне мог ошибиться в своем мнении о состоянии и целях незнакомца, а в последнем случае дерзко отка-

заться от общества честного протестанта было бы так же опасно, как путешествовать вместе с переодетым иезуитом.

Поразмыслив, он решил терпеть докучное общество незнакомца, пока не подвернется случай от него избавиться, а до тех пор вести себя как можно осторожнее, стараясь не болтать лишнего, ибо прощальное предостережение госпожи Уайткрафт все еще тревожно звучало в его ушах, а если бы его самого сочли подозрительным и арестовали, он лишился бы всякой возможности помочь своему отцу, графине и майору Бриджнорту, об интересах которого обещал себе не забывать.

Покуда эти мысли мелькали у него в голове, путешественники молча проехали несколько миль и теперь вступили в еще более пустынную местность, неподалеку от холмистой части графства Дерби, где дороги становились все хуже и хуже. Лошадь Джулиана то и дело спотыкалась на неровной, каменной тропе и, наверно, давно бы упала, если бы всадник искусно не сдерживал ее уздой.

— В нынешние времена следует ездить с осторожностью, сэр, и, судя по тому, как вы держитесь в седле и держите лошадь в поводьях, видно, что вы это знаете, — заметил незнакомец.

— Я привык ездить верхом, сэр, — отвечал Перил.

— А также, надо думать, и путешествовать, ибо осторожность ваша позволяет заключить, что, по вашему мнению, человеческий язык, подобно челюсти лошади, также нуждается в узде.

— Люди гораздо мудрее меня полагали, что когда не о чем говорить, благоразумие велит нам молчать, — заметил Джулиан.

— Я не могу с ними согласиться, — возразил незнакомец. — Мы приобретаем свои познания благодаря общению — либо с умершими, через посредство книг, либо, что гораздо приятнее, с живыми людьми, вступая с ними в беседу. Одни только глухонемые лишены возможности совершенствоваться, но едва ли они достойны зависти или подражания,

Это замечание вселило тревогу в сердце Джулиана, и он пристально взглянул на своего спутника, но на невозмутимом лице и в спокойных голубых глазах незнакомца не было и намека на то, что он хотел придать какой-либо особый смысл своим последним словам. С минуту помедлив, Джулиан отвечал:

— Сэр, вы кажетесь мне человеком, одаренным большою проницательностью, и вам, вероятно, не раз приходило в голову, что в нынешнее время, когда всех обуяла подозрительность, нельзя осуждать тех, кто избегает общества незнакомцев. Вы не знаете меня; я совершенно незнаком с вами. Мы не можем долго беседовать, не касаясь нынешних событий, в которых скрыты семена раздора не только между незнакомыми людьми, но даже между друзьями. В другое время общество человека столь образованного было бы для меня весьма приятно, но теперь...

— Теперь! — перебил его незнакомец. — Вы похожи на древних римлян, которые под словом *hostis* разумели и незнакомца и врага. Поэтому я не желаю долее оставаться незнакомцем. Мое имя Гэнлесс, я священник римско-католической церкви, путешествую по этим местам с опасностью для жизни и очень рад вашему обществу.

— От всего сердца благодарю вас за эти сведения, — сказал Пeverил, — и, чтобы как можно лучше ими воспользоваться, я должен просить вас ехать вперед, или отстать, или свернуть в сторону — как вам будет угодно. Я не католик, я еду по весьма важному делу, и потому ваше общество может навлечь на меня подозрение, опасности или задержать меня в пути. Итак, мистер Гэнлесс, поезжайте своею дорогой, а я поеду своей, ибо я вынужден просить вас избавить меня от своего общества.

С этими словами Джулиан остановил свою лошадь.

Незнакомец расхохотался.

— Как, вы хотите избавиться от моего общества, потому что оно грозит вам пустячным риском! — воскликнул он. — Святой Антоний! Как охладела го-

рячая кровь кавалеров в жилах нынешних молодых людей! Я готов биться об заклад, что отец этого юного щеголя претерпел больше приключений из-за гонимых священников, нежели странствующий рыцарь из-за несчастных красавиц.

— Эти шутки ни к чему, сэр, — сказал Певерил. — Прошу вас ехать своею дорогой.

— Моя дорога — это ваша дорога, — отвечал упрямый мистер Гэнлесс, как он себя называл, — а вдвоем путешествовать гораздо безопаснее, чем одному. Я знаю тайну семян папоротника, друг мой, и могу сделать себя невидимкой. К тому же я не могу покинуть вас на этой тропинке, где нет поворотов ни налево, ни направо.

Певерил продолжал свой путь, не желая прибегать к насилию, для которого хладнокровие его спутника не давало никакого повода; однако общество незнакомца было ему чрезвычайно неприятно, и он решил при первом же удобном случае от него отделаться.

Незнакомец ехал таким же шагом, что и он, предусмотрительно придерживая свою лошадь за узду, чтобы воспользоваться этим преимуществом в случае схватки, но в речах его не было ни малейшего намека на какие-либо опасения.

— Вы несправедливы ко мне и причиняете вред самому себе, — сказал он Певерилу. — Вам сегодня негде переночевать. Положитесь на меня. В четырех милях отсюда есть старинное поместье; хозяин его — старый рыцарь Панталоне, хозяйка — развеселая госпожа Барбара; застольную молитву читает иезуит, переодетый лакеем, рассказы о битвах при Эджхилле и Вустере послужат вам приправой к холодному паштету из оленины и к покрытой паутиной бутылке кларета; в каморке священника вас ждет постель, которую, надо полагать, постелит вам очаровательная молочница Бетти.

— Все это меня ничуть не прельщает, сэр, — сказал Певерил, невольно забавляясь живым описанием многих древних замков Чешира и Дербишира, владельцы которых исповедовали старинную римскую веру.

— Что ж, раз этим вас не соблазнишь, придется запеть на иной лад, — гнусавым голосом продолжал незнакомец. — С этой минуты я уже не Гэнлесс, окончивший духовную семинарию священник, а Саймон Кэнтер, бедный проповедник слова божия, путешествующий для обращения грешников к раскаянию, для укрепления, назидания и побуждения к благим деяниям рассеянных по лицу земли стойких приверженцев истинной веры. Что скажете вы на это, сэр?

— Я восхищен вашей переметчивостью, сэр, и во всякое другое время она бы меня позабавила. Но теперь требуется искренность.

— Искренность! — воскликнул незнакомец. — Детская свистулька, из которой можно извлечь всего лишь две ноты: да-да и нет-нет. Даже квакеры — и те отказались от нее, заменив ее доброй старой флейтой по имени Лицемерие, которая наружностью напоминает Искренность, но голос у нее гораздо больше и берет всю гамму. Послушайте меня, будьте сегодня учеником Саймона Кэнтера, и мы оставим слева старый, развалившийся замок вышеозначенного рыцаря и направим путь свой к новому кирпичному дому, который построил один видный владелец солеварни из Немтуича. Он ожидает от вышереченного Кэнтера, что тот приготовит крепкий духовный маринад для сохранения в оном души, слегка подпорченной общением с развращенным светом. Итак, что скажете? У него есть две дочери — я еще никогда не видывал, чтоб из-под остроконечного капюшона сверкали такие прелестные глазки. Я нахожу, что в тех, кто создан лишь для любви и благочестия, больше огня, чем в ваших придворных щеголихах, чьи сердца открыты тысячам других безумств. Вы не испытали наслаждения быть духовником прелестной смиренницы, которая сначала, не переводя дыхания, кается во всех своих грехах, а потом признается в любви. Но, быть может, вам в свое время приходилось с ними встречаться? Полно, сэр, темнота мешает мне увидеть, как вы покраснели, но я уверен, что ваши щеки горят.

— Вы много позволяете себе, сэр, — сказал Певрил, подъезжая к большому лугу, — и, кажется, слыш-

ком надеетесь на мое терпение. Узкая дорога, которая последние полчаса заставила нас путешествовать вместе, теперь подходит к концу. Чтобы уклониться от вашего общества, я сверну налево по этому лугу, и, если вам вздумается следовать за мной, берегитесь! Не забудьте, что я хорошо вооружен, и потому бой будет неравным.

— Едва ли он будет неравным, пока у меня есть гневной испанский жеребец, на котором я всегда могу вас обскакать, — отвечал упрямый незнакомец. — К тому же у меня имеется вот этот текст длиною в ладонь (тут он вытащил из-за пазухи пистолет), из которого, стоит только нажать на него пальцем, выскакивают весьма назидательные поучения и который может уравнивать всякое неравенство в силах и в летах. Однако не будем ссориться. Перед нами лежит луг; выбирайте любую дорогу, а я поеду по другой.

— Желаю вам доброй ночи, сэр, — сказал Певе-рил, — и прошу извинить меня, если я вас неправильно понял, но время теперь опасное, и жизнь человека может зависеть от общества, в котором он путешествует.

— Истинная правда, — отозвался незнакомец, — но вы попали в беду и должны искать спасения. Вы путешествовали со мною достаточно долго, чтобы этот эпизод мог составить занимательную главу в истории заговора папистов. Хотел бы я знать, что скажете вы, увидев изданный в красивом переплете том *in folio* «Повествование Саймона Кэнтера, Ричарда Гэнлесса тож, о жутком злоумышлении папистов, покусившихся на убийство короля и истребление всех протестантов, о чем донесено под присягою высокопочтенной палате общин; излагающее также, насколько замешан в вышереченном заговоре Джулиан Певерил, наследник замка Мартиндейл...»

— Как, сэр! Что это значит? — испуганно воскликнул Певерил.

— Сэр, — отвечал его спутник, — не мешайте мне читать заглавие моей книги. Теперь, когда Оутс и

Бедлоу получили большие награды, доносчики низшего разбора могут заработать только на продаже своих «Повествований», а Джейнуэй, Ньюмен, Симонс и прочие книгопродавцы скажут вам, что заглавие — это уже половина книги. Итак, в моем сочинении я изложу различные планы, которые вы мне сообщили, как-то: высадить на побережье Ланкашира десять тысяч солдат с острова Мэн, уйти с ними в Уэльс, чтобы соединиться с десятью тысячами пилигримов, которые должны прибыть морем из Испании, после чего довершить уничтожение протестантской веры и благочестивого Лондона. Право, я уверен, что такое повествование, изрядно приправленное ужасами и изданное *cum privilegio parliamenti*,¹ могло бы разойтись по двадцати или тридцати золотых, хотя все лавки забиты этим товаром.

— Вы, очевидно, знаете меня, сэр, — сказал Певрил, — и потому позвольте мне спросить, зачем вы меня сопровождаете и что означают все эти напыщенные речи? Если это просто шутки, я до некоторого времени могу их сносить, хоть это и не слишком вежливо со стороны незнакомца. Если же у вас есть еще какие-нибудь намерения — скажите, потому что я не позволю, чтобы надо мною насмеялись.

— Ну, стоит ли так горячиться? — засмеялся незнакомец. — Когда итальянский *fuoguscito*² желает вступить с вами в переговоры, то, спрятавшись за стену, прицеливается в вас из своего длинного ружья и предваряет это совещание словами: «*Posso tirare*».³ Линейный корабль, увидев голландское судно, посылает навстречу ему пушечное ядро, требуя сдаться. Точно так же я даю знать мистеру Джулиану Певрилу, что если бы я принадлежал к почтенному обществу лжесвидетелей и доносчиков, к которым он в своем воображении причислил меня два часа назад, то он уже давно попал бы в беду, которой опа-

---

¹ С парламентской привилегией (лат.).

² Изгнанник (итал.).

³ Могу выстрелить (итал.).

сается. — Он вдруг оставил свой насмешливый тон и серьезно добавил: — Молодой человек, когда в воздухе над городом распространилась чума, напрасно будем мы для спасения от этой заразы искать уединения, избегая общества своих товарищей по несчастью.

— Что же в таком случае следует предпринять для своей безопасности? — спросил Джулиан, желая выведать, к чему клонит незнакомец.

— Следовать советам мудрых врачей, — гласил ответ.

— И в качестве такового вы предлагаете мне свой совет? — осведомился Певерил.

— Извините, молодой человек, — надменно произнес незнакомец. — Я не вижу причины поступать таким образом. Я не состою врачом при вашей особе, — добавил он прежним тоном, — не получаю от вас жалованья и не даю вам советов; я только говорю, что вы поступили бы благоразумно, если бы подумали, к кому за ними обратиться.

— Но где и от кого могу я их получить? — спросил Джулиан. — Я брожу по этой местности как во сне — до такой степени она переменялась за несколько месяцев. Люди, прежде интересовавшиеся только собственными делами, теперь занимаются государственной политикой; те же, кто прежде боялся только лечь спать на голодный желудок, теперь дрожат в предчувствии необычайных и внезапных переворотов, угрожающих королевству. И в довершение всего я встречаю незнакомца, который знает мое имя и мои намерения и который сперва, не спрашивая моего согласия, пристает ко мне, а потом отказывается объяснить мне, в чем дело, и угрожает самыми страшными доносами.

— Если б у меня были столь гнусные намерения, то, уж поверьте, я бы не дал вам нити, чтобы распутать этот клубок, — сказал незнакомец. — Но будьте же благоразумны, поедemте со мной. Неподалеку отсюда есть небольшая таверна, где мы переночуем в совершенной безопасности, если, разумеется, вы можете положиться на слово незнакомца.

— Но ведь вы сами только что старались остаться незамеченным. Как же вы можете покровительствовать мне? — спросил Джулиан.

— П-ф-ф! Я всего только хотел заткнуть рот болтливой трактирщице, и таким способом, который лучше всего действует на людей подобного разбора. Что же касается Топэма и его ночных филинов, то пускай охотятся на другую дичь, помельче.

Певерил невольно подивился спокойствию и равнодушию незнакомца, который, казалось, свысока смотрел на окружавшие его опасности; обдумав положение, наш герой решил остаться с мистером Гэнлесом по крайней мере на эту ночь, постаравшись узнать, кто он на самом деле и к какой партии принадлежит. Смелые и вольные речи незнакомца никак не вязались с опасным, хотя и прибыльным в тог-дашние времена, ремеслом доносчика. Без сомнения, эти люди умели принимать любую личину, чтобы втереться в доверие своих жертв, однако Джулиану казалось, что притвориться таким смелым и откровенным просто невозможно. Поэтому, с минуту подумав, он отвечал:

— Я принимаю ваше предложение, сэр, хотя, доверяясь вам, по всей вероятности, поступаю легкомысленно и опрометчиво.

— Но ведь и я доверяюсь вам, — возразил незнакомец. — Разве наше доверие не взаимно?

— Нет, совсем напротив. Я вас совершенно не знаю, тогда как вы, зная, что я Джулиан Певерил, уверены, что можете путешествовать со мною в полной безопасности.

— Черта с два! — воскликнул его спутник. — Путешествовать с вами так же безопасно, как стоять рядом с зажженной петардой, которая каждую секунду может взорваться. Разве вы не сын Певерила Пика, с именем которого прелаты и папизм связаны так тесно, что в Дербишире все старые бабы обоего пола кончают свои молитвы просьбой об избавлении их от этих трех зол? Разве вы едете не от католички графини Дерби и разве в карманах у вас не сидит

вся армия острова Мэн, вооруженная до зубов, с военными припасами, обозом и с целым парком полевой артиллерии?

— Надо полагать, что, если бы у меня был такой груз, я, наверно, не ехал бы на этой кляче, — засмеялся Джулиан. — Что ж, ведите меня, сэр. Я вижу, мне придется подождать, пока вы не удостоите меня своим доверием, ибо вам уже так хорошо известны мои дела, что в моем доверии вы не нуждаетесь.

— В таком случае *allons*,¹ — сказал его спутник. — Пришпорьте свою лошадь и натяните повод, чтобы она не тыкалась носом в землю. Нам осталось не больше четверти мили до харчевни.

Всадники прибавили шагу и скоро доехали до маленькой уединенной таверны, о которой говорил Гэнлесс. Когда перед ними мелькнул огонек, незнакомец, словно вспомнив что-то, заметил:

— Кстати, вам надо придумать себе имя; путешествовать под вашим именем небезопасно, ибо хозяин этой таверны — старинный приверженец Кромвеля. Как же вы себя назовете? Мое имя теперь будет Гэнлесс.

— Я не вижу нужды ни в каком имени, — возразил Джулиан. — Мне не хочется скрываться под чужим именем, тем более что я могу встретить людей, которые меня знают.

— Тогда я буду называть вас Джулианом, — сказал Гэнлесс, — потому что, услышав имя Певерила, хозяин почует запах идолопоклонства, заговора, костра в Смитфилде, рыбы по пятницам, убийства сэра Эдмондсбери Годфри и адского пламени.

Беседуя таким образом, они спешили под большим развесистым дубом, в виде балдахина осенявшим скамью, на которой пили пиво и которая в более ранний час стонала под тяжестью ежедневного собрания деревенских политиков. Соскочив с седла, Гэнлесс свистнул особенным образом, и из дома ответили таким же пронзительным свистом.

---

¹ Едем (франц.).

Глава XXII

Он по одежде был простой крестьянин,
Однако пережаренного мяса
И в рот не брал — разборчив, что
твой граф!

«Харчевня»

Человек, который вышел из дверей маленькой таверны навстречу Гэнлессу, пропел следующую строфу из старинной баллады:

— Здорóво, друг Диккон!
Как время провел?
Привел ли невесту
За свадебный стол?

Гэнлесс отвечал ему на тот же лад:

— Недаром, друг Робин,
Потратил я день —
В силки для зайчихи
Попался олень!

— Стало быть, ты промахнулся? — спросил хозяин.

— Да нет же, — отвечал Гэнлесс, — но ты только и думаешь, что о своем процветающем ремесле — разрази его чума, хоть оно и вывело тебя в люди.

— Человеку надо чем-то промышлять, Дик Гэнлесс.

— Ладно, ладно, — сказал Гэнлесс. — Прими лучше моего друга. Ужин готов?

— Благоухает, словно жертва. Шобер превзошел самого себя. Этот парень — просто клад! Дайте ему свечку ценой в один фартинг, и он приготовит вам отличный ужин. Милости просим, сэр. Друзья наших друзей наши друзья, как говорят у нас на родине.

— Сперва надо позаботиться о лошадях, — сказал Певерил, который не знал, что и думать о своих собеседниках, — после чего я к вашим услугам.

Гэнлесс свистнул еще раз; явился конюх, который занялся лошадьми, а путешественники вошли в таверну.

Общая зала бедной таверны была обставлена так, чтобы приспособить ее для приема постояльцев познатнее. Здесь стояли буфет, софа и еще кое-какая мебель, более приличная, чем можно было ожидать по виду дома. На столе была постлана скатерть из тончайшего камчатного полотна и лежали серебряные ложки и вилки. С удивлением заметив все это, Джулиан внимательно посмотрел на своего спутника и еще раз убедился (быть может, не без помощи воображения), что Гэнлесс, хоть и весьма неказистый на вид и бедно одетый, обладал тою неуловимой легкостью в обращении, которая свойственна лишь людям благородным или привыкшим вращаться в лучшем обществе. Его товарищ, которого он называл Уилом Смитом, был высок ростом, недурен и гораздо лучше одет, но не отличался такой непринужденностью манер и должен был восполнять этот недостаток чрезмерной самоуверенностью. Кем могли быть эти двое, Певерил даже не пытался угадать. Ему оставалось только следить за их поступками и разговором.

Пошептавшись с Гэнлессом, Смит сказал:

— Теперь мне надо пойти присмотреть за лошадьми и дать Шоберу минут десять, чтоб он мог окончить свое дело.

— Разве он не придет нам прислуживать? — спросил Гэнлесс.

— Кто? Он? Подавать тарелки? Наполнять стаканы? Нет, ты забыл, о ком говоришь. Такое приказание заставило бы его проткнуть себя шпагой. Он и так уже в отчаянии от того, что не удалось достать раков.

— Неужто? — вскричал Гэнлесс. — Не дай бог, чтоб я усугубил это несчастье. Итак, в конюшню; пойдем посмотрим, как лошади поедают свой ужин, пока наш готовится на кухне.

Они отправились в маленькую конюшню, которую спешно снабдили всем необходимым для четырех превосходных лошадей. Конюх, о котором мы говорили,

при свете толстой восковой свечи чистил лошадь Гэнлесса.

— Я по этой части католик, — засмеялся Гэнлесс, заметив, что Певерил удивлен этим странным обстоятельством, — лошадь — мой ангел-хранитель, и потому я ставлю ей свечку.

— Я не требую таких же почестей для моей лошадки; но седло и уздечку снять с нее все же нужно. Схожу-ка сделаю это — она, я вижу, стоит вон там, за старым курятником, — сказал Певерил.

— Предоставьте это дело мальчишке — ваша лошадь не стоит того, чтобы ею занимался кто-либо другой, — отозвался Смит. — Если вы отстегнете хоть одну пряжку, то так пропахнете конюшней, что не сможете отличить рагу от ростбифа.

— Я всегда любил ростбиф так же, как рагу, — отозвался Певерил, отправляясь заняться делом, которое в случае нужды должно оказаться по плечу каждому молодому человеку, — и пусть моя кляча лучше жует сено и овес, чем железные удила.

Расседывая лошадь и кладя ей подстилку, он услышал, как Смит сказал Гэнлессу:

— Клянусь честью, Дик, ты ошибся так же, как бедняга Слендер: прозевал Анну Пейдж и привез к нам неуклюжего верзилу почтальона.

— Тс-с, он тебя услышит, — зашикал Гэнлесс. — Всему есть свои причины, и все идет хорошо. Но прошу тебя, вели своему конюху помочь ему.

— Что ж я, по-твоему, спятил? — вскричал Смит. — Приказать Тому Бикону, Тому из Ньюмаркета, Тому, которому цены нет, дотронуться до такой мерзкой животины? Клянусь честью, он тотчас же меня бросит! Скажи спасибо, что он согласился почистить твою лошадь, а если ты не будешь обходиться с ним уважительно, завтра тебе придется стать конюхом самому.

— Должен сказать тебе, Уил, — отозвался Гэнлесс, — что нет на свете другого такого бедного джентльмена, которого бы объедала подобная шайка никчемных, дерзких и гнусных негодяев и бездельников.

— Никчемных? Вот уж неправда, — возразил Смит. — Каждый из моих молодцов делает свое дело так хорошо, что было бы грешно заставлять его делать что-либо другое; не то что твои мастера на все руки, от которых нет никакого толку. Однако я слышу сигнал Шобера. Этот щеголь играет на лютне песню «*Eveillez vous, belle endormie*». ¹ Эй, мистер Как-вас-там, — обратился он к Певерилу, — возьмите воды и смойте с ваших рук этого грязного свидетеля, как говорит Беттертон в пьесе, ибо стряпня Шобера подобна голове брата Бейкона — время есть, время было, времени скоро не будет.

С этими словами он потащил Джулиана из конюшни в столовую с такой поспешностью, что тот едва успел окунуть руки в ведро с водой и вытереть их попоной.

Здесь все было приготовлено к ужину с эпикурейской изысканностью, которая гораздо более подходила бы дворцу, чем бедной хижине. На столе дымились четыре серебряных блюда с крышками из того же металла; три стула ожидали гостей. Сбоку был накрыт небольшой столик, вроде употребляемой в нынешнее время открытой этажерки для закусок, на котором несколько высоких сосудов гордо выгибали свои лебединые шеи над рюмками и бокалами. Рядом были приготовлены чистые приборы, а в дорожной сафьяновой сумке, отделанной серебром, стояли флаконы с наилучшими приправами, какие только может изобрести кулинарный гений.

Смит сел с краю, как видно намереваясь исполнять роль председателя пира, и подал знак путешественникам занимать свои места и приниматься за дело.

— Я не стал бы дожидаться, пока прочтут застольную молитву, хотя бы от этого зависело спасение всего народа, — сказал он. — Нам ни к чему жаровни, ибо даже сам Шобер ничего не стоит, если не есть его кушанья в ту минуту, когда их подают. Снимем крышки и посмотрим, что он нам приготовил.

---

¹ «Проснитесь, спящая красавица» (франц.).

Гм... ага... молодые голуби с начинкой, бекасы, фрикасе из цыплят, телячьи котлеты... а посередине... Увы! Я вижу увлажненное горячей слезой Шобера пустое место, которое предназначалось для *soupe aux écrevisses*.¹ Десяток луидоров в месяц — ничтожная награда за усердие этого бедняги.

— Сушая безделица, — сказал Гэнлесс. — Впрочем, он, как и ты, служит великодушному господину.

Ужин начался, и хотя Джулиан наблюдал у своего юного друга графа Дерби и других светских молодых людей живой интерес к поварскому искусству и глубокие познания в нем и хотя сам он тоже любил хороший стол, тут ему пришлось убедиться, что он еще новичок в этом деле. Оба его товарища, а особенно Смит, казалось, считали это занятие истинной, единственной целью жизни и с необыкновенным тщанием входили во все его подробности. Разрезать кусок самым искусным способом, смешать приправы с точностью аптекаря, строго соблюдать порядок, в котором одно блюдо следует за другим, и щедро воздать должное каждому, — этой науке Джулиан до сих пор был совершенно чужд. Смит поэтому обходился с ним как с новообращенным эпикурейцем, уговаривал его есть суп до говядины и бросить мэнскую привычку глотать вареное мясо перед бульоном, как будто Рубака Мак-Куллок со всеми своими головорезами уже стоит у дверей. Певерил ничуть не обиделся и с восторгом наслаждался ужином.

Наконец Гэнлесс остановился и, объявив, что ужин отменен, спросил у Смита:

— Послушай, любезный друг, хороши ли твои вина? Ты притащил в Дербишир серебряные тарелки и всякие прочие побрякушки, но, надеюсь, ты не заставишь нас глотать здешний эль, такой же жирный и грязный, как те сквайры, которые его лакают.

— Разве я не знал, что встречу здесь тебя, Дик Гэнлесс? — отвечал хозяин. — Можешь ли ты заподозрить меня в такой оплошности? Правда, вам придется пить только шампанское и кларет, потому что

---

¹ Ракового супа (франц.).

бургонское нельзя было перевезти. Но, может быть, **вы** любите херес или кагор? Мне кажется, Шобер и **Том Бикон** привезли немного для себя.

— Но, быть может, эти джентльмены не захотят с нами поделиться? — спросил Гэнлесс.

— Да что ты! Они ни в чем не откажут учтивым господам, — ответил Смит. — По правде говоря, они славные ребята, если обходиться с ними вежливо; так что если вы предпочитаете...

— Никоим образом, — возразил Гэнлесс, — за неимением лучшего сойдет и шампанское.

И пробка выстрелит, моим послушна пальцам!

С этими словами Смит распутал проволоку, обвинявшую пробку, и она ударилась в потолок. Оба гостя выпили по большому бокалу искристого вина, которое Джулиан объявил превосходным.

— Вашу руку, сэр, — промолвил Смит. — Это первое разумное слово, сказанное вами за весь вечер.

— Мудрость, сэр, — отвечал Певерил, — подобна лучшему товару в сумке корабейника — он не покажет его до тех пор, пока не узнает, с кем имеет дело.

— Остро, как горчица, — сказал весельчак, — но докажите вашу мудрость, благороднейший корабейник, и налейте еще бокал из той же бутылки; видите, я нарочно для вас держу ее в наклонном положении, не позволяя ей стать прямо. Пейте, пока пена не перелилась через край, а букет не улетучился.

— Вы оказываете мне честь, сэр, — сказал Певерил, взяв второй бокал. — Желаю вам занять должность более достойную, нежели должность моего виночерпия.

— Нет никакой должности, которая бы лучше подходила Уилу Смиту, — сказал Гэнлесс. — Другие удовлетворяют свой эгоизм в чувственных наслаждениях, а Уил наслаждается и процветает, доставляя их своим ближним.

— Лучше доставлять людям наслаждения, нежели несчастья, мистер Гэнлесс, — с некоторой досадою возразил Смит.

— Не гневайся, Уил, — сказал Гэнлесс, — и не проноси слов второпях, дабы потом о них не пожалеть. Разве я осуждаю твои заботы о чужих наслаждениях? Ведь ты, как истый философ, тем самым умножаешь свои собственные. У человека только одно горло, и как бы он ни старался, он не может есть больше пяти или шести раз в день; ты же обедаешь с каждым, кто умеет разделить каплуна, и с утра до вечера готов лить вино в чужие глотки — *et sic de cæteris*.¹

— Друг мой Гэнлесс, — заметил Смит, — прошу тебя, будь осторожнее — ведь ты знаешь, что я умею перерезать глотки не хуже, чем их ублаговотворять.

— Как не знать, — беззаботно отвечал ему Гэнлесс, — мне кажется, я когда-то видел, как ты приставил свою шпагу к горлу одного голландского капера, который набивал себе брюхо едой, ненавистной тебе от рождения, — голландским сыром, ржаным хлебом, маринованной селедкой, луком и можжевеловой водкой.

— Избавь нас от этих рассказней, — промолвил Смит, — ибо твои слова заглушают благовония и наполняют комнату запахом винегрета.

— Но такому горлу, как мое, — продолжал Гэнлесс, — которое поглощает деликатнейшие яства с помощью столь великолепного кларета, какой ты сейчас разливаешь, — ты и в самом скверном расположении духа не мог бы пожелать ничего худшего, чем крепкие объятия пары обвинившихся вокруг шеи белых ручек.

— Скажи лучше — десятипенсовой веревки, — отвечал Смит, — но только чтоб тебя не удавили до смерти, а распотрошили живьем, чтоб тебе отрезали голову, а потом четвертовали и распорядились твоими останками по усмотрению его величества. Как вам это нравится, мистер Ричард Гэнлесс?

— Так же, как тебе мысль об обеде из молочной каши и овсяной лепешки — крайность, до которой ты

---

¹ И так всегда (лат.).

надеешься никогда не дойти. Впрочем, это не помешает мне выпить за твое здоровье бокал доброго кларета.

По мере того как бутылка кларета шла по кругу, веселье росло. Смит убрал ненужные блюда на приставной столик, топнул ногой, и стол, опустившись в отверстие в полу, снова поднялся вверх, уставленный маслинами, копчеными языками, икрой и другими яствами, побуждающими к возлияниям.

— Смотри-ка, Уил, ты более искусный механик, чем я ожидал, — заметил Гэнлесс. — Как тебе удалось за такое короткое время перевезти в графство Дерби свои театральные машины?

— Веревку и блоки достать не мудрено, — отвечал Уил, — а посредством пилы и рубанка я могу сделать это дело за один день. Я люблю эту секретную машину — ты ведь знаешь, что она положила основу моему благосостоянию.

— И может так же легко и разорить тебя, Уил.

— Ты прав, Дик, — сказал Смит, — но мой девиз: *dum vivimus, vivamus*,¹ и потому я предлагаю тост за здоровье известной тебе прекрасной дамы.

— Да будет так, Уил, — отвечал Гэнлесс, и бутылка снова пошла в круговую.

Джулиан считал за лучшее не мешать веселью, надеясь, что оно поможет ему выведать намерения своих собутыльников. Однако он напрасно наблюдал за ними. Беседа их, живая и шумная, касалась большей частью современной литературы, — Гэнлесс, как видно, был большим ее знатоком. Они также весьма вольно рассуждали о дворе и о многочисленном классе светских людей, прозванных «городскими остряками и искателями приключений», к которому, по всей вероятности, принадлежали и сами.

Наконец они перешли к предмету, в ту пору неизменно возникавшему во всякой беседе — к заговору папистов. Гэнлесс и Смит, казалось, придерживались о нем совершенно противоположных мнений. Гэнлесс,

---

¹ Давайте жить, пока мы живы (лат.).

хотя и не совсем доверял показаниям Оутса, считал, однако же, что они в большой мере подтверждаются убийством сэра Эдмондсбери Годфри и письмами Коулмена к духовнику французского короля.

Уил Смит с гораздо большим шумом, но с меньшей убедительностью всячески высмеивал мнимое разоблачение заговора, как одну из самых диких и невероятных небылиц, когда-либо возбуждавших легковерную публику.

— Я никогда не забуду в высшей степени оригинальных похорон сэра Годфри, — сказал он. — Два здоровенных священника с саблями на боку и с пистолетами за поясом взошли на кафедру, чтобы на глазах у всех прихожан не был убит третий, читавший проповедь. Три священника на одной кафедре — три солища на одном небосводе! Можно ли удивляться, что люди были поражены ужасом при виде такого чуда?

— Что ж, Уил, выходит, ты один из тех, кто думает, будто добрый кавалер сам лишил себя жизни, чтобы заставить всех поверить в заговор? — спросил Гэнлесс.

— Разумеется, нет, — отвечал Смит. — Но какой-нибудь честный протестант мог взять это дело на себя, чтобы придать ему больше достоверности. Пусть наш молчаливый друг рассудит, не кажется ли это самой верной разгадкой всего дела.

— Прошу извинить меня, джентльмены, — сказал Джулиан. — Я только что приехал в Англию и не знаю всех обстоятельств, вызвавших такое брожение умов. С моей стороны было бы слишком самонадеянно высказывать свое мнение в присутствии джентльменов, которые так хорошо рассуждают об этом деле; к тому же, должен признаться, я очень устал — ваше вино гораздо крепче, чем я думал, или я выпил его больше, чем предполагал.

— Что ж, если вы хотите часок соснуть, то не церемоньтесь с нами, — сказал Гэнлесс. — Ваша постель — все, что мы в состоянии предложить, — вот эта старинная софа голландской работы. Завтра мы должны встать пораньше,

— И потому я предлагаю не ложиться совсем, — объявил Смит. — Терпеть не могу спать на жесткой постели. Откупорим еще бутылку и разопьем ее под новейшую сатиру:

Паписты надоели нам!
Всех заговорщиков — к чертям!
А доктор Оутс лопнет сам!
Тили-дили-там!

— Да, но как же наш пуританин-гость? — воскликнул Гэнлесс.

— Он у меня в кармане, дружище, — отвечал его веселый собутыльник. — Его глаза, уши, нос и язык — все в моей власти.

— В этом случае, когда ты возвратишь ему глаза и нос, пожалуйста, оставь у себя его язык и уши, — заметил Гэнлесс. — С этого плута достаточно будет зрения и обоняния; слухом и даром речи он, надеюсь, не воспользуется.

— Согласен, что это было бы недурно, — отвечал Смит, — да только это значило бы обокрасть палача и позорный столб, а я человек честный и отдаю Дану¹ и дьяволу то, что им причитается. Итак,

А наш король, наоборот,
Пушай живет хоть до трехсот!
Пусть веселится, ест и пьет!
Королю — почет!

Во время этой вакхической сцены Джулиан, завернувшись в свой плащ, вытянулся на диване, который ему указали. Он посмотрел на стол, из-за которого только что вышел, и ему почудилось, будто свечи потускнели и расплылись; он слышал звуки голосов, но уже не различал смысла слов, и через несколько минут заснул так крепко, как не спал еще ни разу в жизни.

---

¹ Дан был в то время палачом в Тайберне. Он был преемником Грегори Брандена, который, как полагали многие, опустил топор на шею Карла I. Однако существовало подозрение, что истинным царевубийцей был кто-то другой, причем назывались разные имена. (*Прим автора.*)

Глава XXIII

Тут Гордон в рог свой протрубил
И кликнул клич. «Вперед!
Огнем пылает замок Родс,
И долг нас в путь зовет!»

Старинная баллада

На другое утро, когда Джулиан проснулся, в комнате было тихо и пусто. Лучи восходящего солнца, проникавшие сквозь полузакрытые ставни, освещали остатки вчерашнего пиршества, которое, очевидно, превратилось в настоящую оргию, о чем свидетельствовала тяжелая и мутная голова нашего героя.

Хотя Джулиана и нельзя было назвать гулякой, он, подобно другим молодым людям своего времени, не имел привычки избегать вина, которое тогда употреблялось в довольно неумеренном количестве, и потому очень удивился, что несколько выпитых накануне бокалов так сильно на него подействовали. Он поднялся с постели, привел в порядок свою одежду и стал искать воды, чтобы умыться, но воды нигде не было. Правда, на столе стояло вино; возле стола находился один стул, а второй валялся на полу, опрокинутый во время ночного разгула. «Вино, наверное, было очень крепкое, я даже не слышал, как шумели мои собутельники при окончании пирушки», — подумал он.

На минуту им овладело какое-то смутное подозрение; он тщательно осмотрел свое оружие и полученный от графини пакет, который хранился в потайном кармане камзола. Убедившись, что все цело, Джулиан стал думать о том, что ему предстояло делать. Он вышел в другую комнату, весьма скверно прибранную, где на низкой походной кровати лежали два накрытых старым ковром тела, а на вязанке сена покоились их головы. Черная лохматая голова принадлежала конюху; другая была в длинном вязаном колпаке, из-под которого торчали седые волосы и карикатурно важная физиономия с крючковатым носом и впалыми щеками, обличавшими галльского жреца гастрономии, хвалы которому возносились накануне. Эти два достойных жреца Бахуса покоились в объ-

ятиях Морфея; на полу валялись разбитые бутылки, и лишь громкий храп свидетельствовал о том, что они живы.

Желая ехать дальше, как того требовали долг и благоразумие, Джулиан сошел по приставной лестнице и попробовал отворить дверь на площадку. Дверь была заперта изнутри. Он крикнул, но никто не отозвался. Конечно, это комната двух собутыльников, подумал он, и, наверное, они спят таким же крепким сном, как их слуги и как сам он спал несколько минут назад. Не разбудить ли их? Но зачем? Случай против его воли свел его с этими людьми, и теперь он счел за лучшее воспользоваться первой же возможностью, чтобы избавиться от общества, которое казалось ему подозрительным и даже опасным. Размышляя таким образом, Джулиан открыл другую дверь и вошел в комнату, где мирно почивал еще кто-то. Простая посуда, оловянные мерки, пустые бочки и ведра, разбросанные кругом, возвестили ему, что это комната хозяина, который спал посреди орудий и принадлежностей своего ремесла.

Это открытие вывело Певерила из затруднения, в котором он до тех пор находился. Он положил на стол монету, достаточную, по его мнению, для оплаты его доли во вчерашнем угощении, ибо не желал быть обязанным за ужин незнакомцам, которых оставлял, не простившись.

Успокоив таким образом свою совесть, Джулиан с легким сердцем, хотя и с несколько тяжелой головой, пошел в конюшню, которую легко узнал среди остальных жалких дворовых построек. Его лошадь, освеженная ночным отдыхом и, быть может, благодарная за услуги, оказанные ей накануне господином, при виде его заржала; Джулиан счел это добрым предзнаменованием и в награду за пророчество всыпал ей мерку овса. Покуда лошадь управлялась с кормом, он вышел на свежий воздух, чтобы прохладить свою горячую кровь и обдумать, по какой дороге ехать, чтобы засветло добраться до замка Мартиндейл. Зная окрестности, он надеялся, что не слишком отдалился от ближайшей дороги и что лошадь его,

которая хорошо отдохнула, легко довезет его в Мартиндейл до захода солнца.

Мысленно определив предстоящий путь, Джулиан возвратился в конюшню, оседлал лошадь и вывел ее во двор. Когда он взялся рукою за гриву и поставил левую ногу в стремя, чтобы вскочить в седло, кто-то коснулся его плаща, и голос Гэнлесса произнес:

— Как, мистер Певерил, неужто вы привезли такие манеры из чужих краев? Или вы научились во Франции расставаться с друзьями «по-французски», не прощаясь?

Джулиан вздрогнул, словно преступник, но, с минуту подумав, сообразил, что не сделал ничего дурного и что никакая опасность ему не грозит.

— Я не хотел вас беспокоить, — сказал он, — хоть и дошел до дверей вашей комнаты. Подумал, что после вчерашней пирушки вам и вашему другу сон гораздо нужнее всяких церемоний. Я с большим трудом встал с постели, хотя она была довольно жесткой. Обстоятельства заставляют меня отправиться в путь на рассвете, и потому я счел за лучшее уехать, не прощаясь. Я оставил подарок хозяину на столе в его комнате.

— В этом нет никакой надобности, — сказал Гэнлесс, — мошеннику и без того переплатили. Но не слишком ли вы спешите с отъездом? Мне кажется, что мистеру Джулиану Певерилу следовало бы ехать со мною в Лондон, ни в коем случае не сворачивая с прямого пути. Вы, наверно, уже убедились, что я не обыкновенный человек, а один из отменнейших умов века. Из того глупца, с которым я путешествую и глупой расточительности которого потворствую, он тоже мог бы извлечь известную пользу. Но вы сделаны из другого теста, и я хотел бы не только вам услужить, но даже привязать вас к себе.

Джулиан с удивлением посмотрел на своего странного собеседника. Мы уже говорили, что наружность Гэнлесса была весьма непримечательна, что он был худ и мал ростом, но гордый и небрежный взгляд его пронизательных серых глаз совершенно соответствовал высокомерию, которое он выказывал в своих ре-

цах. Джулиан ответил ему лишь после короткого молчания.

— Сэр, если мое положение и в самом деле так хорошо вам известно, можете ли вы удивляться, что я не вижу необходимости говорить с вами о делах, которые привели меня сюда, и избегаю общества незнакомца, который не объясняет, почему он во мне нуждается.

— Поступайте как вам угодно, молодой человек, но помните — я сделал вам выгодное предложение, а такие предложения я делаю далеко не каждому. Если мы еще встретимся при других, не столь приятных обстоятельствах, вините в этом себя, а не меня.

— Я не понимаю вашей угрозы, — отвечал Певерил, — если вы и в самом деле мне грозите. Я не сделал ничего дурного, я ничего не боюсь и никак не возьму в толк, почему я должен раскаяться из-за того, что не доверяю незнакомцу, который требует от меня слепого повиновения.

— В таком случае прощайте, сэр Джулиан Певерил Пик — вы скоро можете стать таковым, — промолвил незнакомец, выпустив из рук повод Джулиановой лошади.

— Что вы хотите сказать? — спросил Джулиан. — И почему вы величаете меня этим титулом?

В ответ незнакомец улыбнулся и сказал только:

— Наша беседа окончена. Вы можете ехать, но скоро убедитесь, что путь ваш будет длиннее и опаснее того, по которому хотел вести вас я.

С этими словами Гэнлесс повернулся и пошел к дому. На пороге он оглянулся еще раз и, увидев, что Певерил стоит на том же месте, с улыбкой поманил его к себе. Этот знак вывел Джулиана из оцепенения; он пришпорил лошадь и поехал прочь.

Он хорошо знал окрестности и скоро нашел дорогу в замок Мартиндейл, — накануне вечером он отклонился от нее всего на каких-нибудь две мили. Однако дороги, или, вернее, тропинки, этой дикой страны, которые так часто высмеивал местный поэт Коттон, были чрезвычайно скверные, запутанные и почти всюду непригодные для быстрой езды, и хотя Джулиан

торопился изо всех сил, остановившись только в полдень, чтобы накормить лошадь, в маленькой деревушке, встретившейся ему на пути, ночь спустилась прежде, чем он успел добраться до холма, с которого часом раньше еще видны были зубчатые стены замка Мартиндейл. Ночью их местоположение можно было определить по сигнальному огню, который всегда горел на высокой башне, называемой Сторожевой. Этот домашний маяк был известен всей округе под именем Полярной звезды Певерилов.

Его обыкновенно зажигали после вечерней зари, заготовив столько дров и угля, сколько было нужно, чтобы он не погас до рассвета, и этот обряд никогда не нарушался, исключая промежуток времени между смертью хозяина и его похоронами. После погребения владельца замка ночной огонь торжественно зажигали снова, и он опять горел до тех пор, пока судьба не призывала нового господина в усыпальницу его предков. Никто не знал, как возник этот обычай. Предание не говорило по этому поводу ничего определенного. Одни утверждали, что это знак гостеприимства, который в древние времена указывал странствующему рыцарю и утомленному пилигриму путь к отдыху и пище. Другие называли его «маяком любви», с помощью которого заботливая хозяйка замка в одну страшную бурную ночь освещала своему супругу дорогу в Мартиндейл. Менее благоприятное истолкование давали этому обычаю окрестные недоброжелатели — пуритане: они приписывали его происхождение гордости и высокомерию рода Певерилов, которые таким образом выражали свое древнее право на верховную власть над всею округой, подобно адмиралу, зажигающему фонарь на корме своего корабля, чтобы указывать путь флоту. И в прежние времена наш старый друг, преподобный Ниймайя Солсгрейс, не раз обрушивался с кафедры на сэра Джеффри, который утвердил свое владычество и установил свой светильник в капище нечестивых. Как бы то ни было, все Певерилы от мала до велика неукоснительно соблюдали этот обычай, как некий знак достоинства их рода, и потому сэр Джеффри едва ли мог им пренебречь.

Таким образом, Полярная звезда Певериллов продолжала блистать более или менее ярко во время всех превратностей гражданской войны, и мерцала, хотя и очень слабо, в последовавший затем период унижения сэра Джеффри. Правда, баронет частенько говаривал, а порою и клялся, что до тех пор, покуда в его имении останется хоть одна хворостина, древний сторожевой огонь не будет нуждаться в топливе. Все это было хорошо известно Джулиану, и потому, взглянув в сторону замка, он очень удивился и встревожился, заметив, что огонь не горит. Он остановился, протер глаза, переменил положение и тщетно старался уверить себя, что стоит не на том месте, откуда видна путеводная звезда его дома, или что свет заслонило какое-нибудь вновь появившееся препятствие — дерево или возведенная недавно постройка. Однако с минуту подумав, он убедился, что замок Мартиндейл расположен на слишком высоком и открытом месте, и потому ничего подобного произойти не могло. Тогда он, естественно, заключил, что либо отец его, сэр Джеффри, скончался, либо в семье случилось какое-нибудь несчастье, которое помешало исполнить этот свято соблюдаемый обычай.

Терзаемый неизвестностью, Певерил дал шпоры своей измученной кляче и с опасностью для жизни поскакал по крутой каменистой тропе в деревню Мартиндейл-Моултрэсси, желая как можно скорее узнать причину этого зловещего затмения. Улица, по которой, спотыкаясь, плелась его усталая лошадь, была пустынна и безлюдна, нигде не было видно ни единого огонька, и только в зарешеченном окне маленькой таверны под вывескою «Герб Певериллов» горел яркий свет, и в доме раздавались веселые громкие голоса.

Кляча, руководствуясь инстинктом или опытом, который заставляет лошадей узнавать по виду трактир, остановилась у ворот этой таверны так внезапно и решительно, что всадник счел за лучшее спешиться, надеясь, что содержатель ее Роджер Рейн, старинный вассал их семейства, охотно даст ему свежую лошадь. Он надеялся также, что хозяин успокоит его, рассказав, что делается в замке. Велико же было изумление

Джулиана, когда он услышал, как из заведения верного старого вассала донеслись звуки известной во времена республики песни, которую какой-то остряк-пуританин сочинил в осуждение кавалеров и их распутства, не пощадив при этом и его отца:

Так вы были уверены в собственной силе,
Что в пирах и распутстве весь век проводили,
Пробил час — богохульников мы победили!
Кто скажет, что это не так?

Старый Джефри у них слыл находчивым малым —
Мол, его не свалить ни вином, ни кинжалом,
Но от Кромвеля с Фэрфаксом в страхе бежал он —
Кто скажет, что это не так?

Джулиан понял, что в деревне и замке должен был произойти какой-то необыкновенный переворот, прежде чем эти непристойные оскорбления могли раздаться в той самой таверне, которая была украшена гербом его рода. Поэтому, не зная, стоит ли встречаться с этими пьяными недоброжелателями, и не имея возможности прекратить или наказать их дерзость, он подвел свою лошадь к задней двери, вспомнив, что она ведет в комнату хозяина, и решил расспросить его, как обстоят дела в замке. Он несколько раз постучал в дверь и твердым, хотя и глухим голосом позвал Роджера Рейна. Наконец женский голос спросил: «Кто там?»

— Это я, миссис Рейн, я, Джулиан Певерил. Поскорее позовите ко мне мужа.

— Увы, и добрый вам день, мистер Джулиан, если это и вправду вы. Надобно вам знать, что мой бедный хозяин ушел туда, откуда он уже больше ни к кому не придет, но, конечно, мы все пойдем к нему, как говорит наш управитель Мэтью.

— Как, Роджер умер? Очень жаль, — сказал Певерил.

— Умер, уже шесть месяцев, как умер, мистер Джулиан, и позвольте вам сказать, что это долгое время для несчастной вдовы, как говорит Мэт.

— Ладно, велите своему управителю отворить ворота. Мне нужна свежая лошадь, и я хочу узнать, что случилось в замке.

— В замке — увы! Мэтью! Эй, Мэт!

Управитель Мэт, видимо, был неподалеку, ибо он тотчас откликнулся, и Певерил, стоявший у самых дверей, услышал, как они шептались, и даже смог многое разобрать. Здесь следует заметить, что миссис Рейн привыкла склоняться перед властью старого Роджера, который отстаивал права мужа и хозяина дома подобно правам суверенного монарха, и, оставшись смазливою вдовушкой, до того тяготилась своею вновь обретенной независимостью, что во всех затруднительных случаях прибегала к советам управителя Мэтью; а так как Мэт ходил теперь не в стоптанных башмаках и в красном ночном колпаке, а в испанских сапогах и в бобровой шляпе с высокою тульей (по крайней мере по воскресеньям) и, сверх того, другие слуги стали величать его господином Мэтью, — односельчане предсказывали скорую перемену имени на вывеске или, быть может, даже и перемену самой вывески, ибо Мэтью был отчасти пуританином и уж никак не другом Певерила Пика.

— Дай же мне совет, если ты мужчина, Мэт, — сказала вдова Рейн. — Не сойти мне с этого места, если это не сам мистер Джулиан собственной персоной, и он требует лошадь и еще чего-то, словно все идет по-прежнему.

— Если вы хотите послушать моего совета, — отвечал управляющий, — велите ему убираться подобру-поздорову. Теперь не время совать нос в чужие дела.

— Хорошо сказано, — отвечала вдова Рейн, — но ведь мы же ели ихний хлеб, и, как говаривал мой бедный хозяин. .

— Запомните: кто хочет слушаться покойников, пусть не ждет совета от живых. Поступайте как знаете, но если хотите послушаться меня, закройте дверь на задвижку и щеколду и скажите ему, чтоб он искал себе пристанища где-нибудь подальше, — вот вам мой совет.

— Негодяй! Мне от тебя ничего не надо, скажи только, здоровы ли сэр Джефри и его супруга, — перебил его Джулиан.

— Увы! Увы! — Эти слова, произнесенные жалобным голосом, были единственным ответом хозяйки, которая снова принялась шептаться со своим управителем, но на этот раз так тихо, что расслышать что-нибудь было невозможно.

Наконец Мэт заговорил громко и повелительно:

— Мы не отпираем дверей в такой поздний час, потому что этого не велел судья, и мы боимся лишиться патента, а что до замка, то дорога туда перед вами, и вы, верно, знаете ее не хуже нашего.

— А еще я знаю, что ты неблагодарная скотина, и при первом же случае я переломаю тебе все кости, — сказал Джулиан, снова садясь на свою усталую лошадь.

На эту угрозу Мэтью ничего не ответил, и скоро Певерил услышал, как он ушел, обменявшись несколькими сердитыми словами со своею хозяйкой.

Раздосадованный остановкой, а также не сулившими ничего доброго речами и поступками этих людей, Певерил безуспешно понукал лошадь, которая ни за что не трогалась с места, после чего опять слез с нее и уже собрался было идти дальше пешком, хотя его высокие кавалерийские сапоги вовсе не годились для ходьбы, как вдруг кто-то тихонько позвал его из окошка.

Едва советчик вдовы Рейн удалился, ее доброе сердце и привычка почитать дом Певериллов, а быть может, также страх за кости управителя заставили ее отворить окно и робко прошептать: «Мистер Джулиан, вы не ушли?»

— Нет еще, — отвечал Джулиан, — хотя, как видно, мне здесь не очень рады.

— Нет, мой добрый мистер Джулиан, просто каждый по-своему понимает. Мой бедный старый Роджер Рейн, тот сказал бы, что вам и в углу возле печки слишком холодно, а Мэтью думает, что вам и на холодном дворе тепло.

— Ладно, — отвечал Джулиан, — вы мне только скажите, что случилось в замке Мартиндейл. Я вижу, что огонь погас.

— Да что вы? Неужели? Впрочем, очень может быть. Значит, добрый сэр Джеффри переселился на небеса к моему старику Роджеру Рейну!

— Боже правый! — вскричал Певерил. — Разве отец мой был болен?

— Я про это ничего не слыхала, но часа три назад в замок приехали какие-то люди в полной походной форме, и с ними кто-то из парламента, точно как во времена Оливера. Мой старик Роджер запер бы перед ними ворота, но он лежит на погосте, а Мэт говорит, что нельзя идти против закона, и потому они к нам заехали, накормили людей и лошадей и послали за мистером Бриджнортом, который теперь в Моултрэсси-Холле, а потом отправились в замок, и похоже, что там была драка, потому как старый рыцарь не из тех, кого можно захватить голыми руками, как говаривал, бывало, мой бедный Роджер. Чиновники — они всегда брали верх, да оно и понятно, потому что закон на их стороне, как говорит наш Мэт. Но раз звезда на башне погасла, как говорит ваша честь, значит старый джентльмен помер.

— Милосердный боже! Ради всего святого, дайте мне лошадь, чтоб доехать до замка!

— До замка? — повторила вдова. — Да ведь круглоголовые, как называл их мой бедный Роджер, убьют вас так же, как убили вашего батюшку! Лучше спрячьтесь в дровяной сарай, а я велю Бэт принести вам одеяло и чего-нибудь на ужин. Нет, постойте! Мой старый мерин стоит в конюшне за курятником; возьмите его и поскорее уезжайте, потому что вам опасно здесь оставаться. Вы только послушайте, какие песни они распевают! Так берите мерина да не забудьте поставить на его место свою лошадь.

Певерил не стал слушать дальше, но едва он повернул к конюшне, как до него донеслись слова: «Боже мой! Что теперь скажет Мэтью?» Однако сразу же вслед за этим он услышал: «Пусть говорит что хочет, а я вправе распоряжаться своим добром».

С поспешностью конюха, дважды получившего на водку, Джулиан надел сбрую своей клячи на несчастного мерина, который спокойно жевал сено, даже не помышляя о делах, ожидавших его в эту ночь. Хотя в конюшне было темно, Джулиан с необыкновенной скоростью приготовил все к отъезду и, предоставив инстинкту своей лошади найти дорогу к стойлу, вскочил на свежего коня, пришпорил его и поскакал вверх по крутому холму, отделявшему деревню от замка. Старый мерин с непривычки пыхтел, храпел, но бежал что было мочи и наконец привез своего седока к воротам старинного отцовского имения.

Луна уже взошла, но ворота замка были скрыты от ее лучей, ибо находились, как мы уже упоминали, в глубокой нише между двумя боковыми башнями. Певерил соскочил с седла, оставил лошадь и бросился к воротам, которые, против ожидания, оказались открытыми. Он прошел во двор и увидел, что в нижней части здания мерцают огни, которых он, вследствие значительной высоты внешних стен, сначала не заметил. С тех пор как состояние Певерилов пришло в упадок, главный вход, или так называемые большие ворота, открывали только в торжественных случаях. Обыкновенно жители замка ходили через небольшую калитку, и Джулиан направился к ней. Она тоже была открыта — обстоятельство, которое само по себе могло бы его встревожить, если бы он уже и без того не имел достаточно причин для опасений. С замирающим сердцем он повернул налево и через маленькую прихожую прошел в большую гостиную, где обыкновенно проводили время его родители; когда же, подойдя к дверям, он услышал оттуда бормотание нескольких голосов, тревога его усилилась еще больше. Он распахнул дверь, и зрелище, представшее его глазам, оправдало все его предчувствия.

Прямо против него стоял старый рыцарь, руки которого, скрученные ремненным поясом выше локтей, были крепко связаны за спиной; два молодчика разбойничьей наружности, приставленные к нему в качестве стражей, держали его за камзол. Обнаженная шпага, валявшаяся на полу, и пустые ножны, висев-

шие на поясе сэра Джефри, доказывали, что доблестный старый рыцарь сдался в плен не без сопротивления. За столом спиной к Джулиану сидели два или три человека, которые что-то писали, — их бормотание он, очевидно, и слышал. Леди Певерил, бледная как смерть, стояла в двух шагах от мужа, устремив на него неподвижный взор, словно человек, который в последний раз смотрит на предмет своей глубочайшей привязанности. Она первая увидела Джулиана и громко воскликнула:

— Милосердный боже! Мой сын! Теперь мера бедствий нашего дома исполнилась.

— Мой сын! — повторил сэр Джефри, пробудившись от мрачного уныния и разражаясь страшными проклятиями. — Ты приехал весьма кстати, Джулиан. Снеси башку этой каналье, разруби пополам этого вора и изменника, а там будь что будет!

Положение, в котором он нашел отца, заставило Джулиана забыть неравенство сил.

— Руки прочь, злодеи! — вскричал он и, бросившись на стражей с обнаженною шпагой, заставил их отпустить сэра Джефри и позаботиться о защите своей жизни.

Наполовину освобожденный, сэр Джефри крикнул своей супруге:

— Развяжи ремень, и мы им покажем, что значит драться против отца и сына разом!

Однако один из писавших за столом вскочил, когда началась стычка, и помешал леди Певерил развязать мужа; другой без труда справился со связанным баронетом, который, впрочем, успел хорошенько пнуть его своими тяжелыми ботфортами — защищаться каким-либо иным способом он был не в состоянии. Третий, видя, что Джулиан, молодой, сильный, воодушевленный яростью сына, сражающегося за своих родителей, заставил обоих стражей отступить, схватил его за шиворот и старался вырвать у него из рук шпагу, но юноша неожиданно бросил ее и, схватив из-за пояса один из своих пистолетов, выстрелил в голову новому противнику. Тот не упал, но зашатался, как будто оглушенный сильным ударом, и,

когда он рухнул в кресло, Певерил узнал старика Бриджнорта, лицо которого потемнело от вспышки пороха, опалившего его седые волосы. Крик изумления вырвался из груди Джулиана, и, воспользовавшись ужасом и замешательством юноши, его легко схватили и разоружили те, кого он одолел вначале.

— Ничего, Джулиан, не беспокойся, мой храбрый мальчик! — кричал сэр Джефри. — Этот выстрел сравнял все счеты. Но что за черт? Он жив! Разве ты зарядил свой пистолет мякиной? Или дьявол сделал этого мошенника непроницаемым для пуль?

Изумление сэра Джефри было не лишено оснований, ибо, пока он говорил, майор Бриджнорт опомнился, выпрямился в кресле, словно человек, который приходит в себя после страшного удара, затем встал, стер платком следы пороха с лица и, подойдя к Джулиану, с обыкновенной своею холодностью произнес:

— Молодой человек, у вас есть причины благодарить бога, который сегодня не допустил вас совершить тяжкое преступление.

— Благодари дьявола, ты, лопухий злодей! — вскричал сэр Джефри. — Ибо не кто иной, как отец всех фанатиков, не допустил, чтоб твои мозги разлетелись во все стороны, как остатки каши из котла Вельзевула.

— Сэр Джефри, — заметил майор Бриджнорт, — я уже сказал, что не стану с вами спорить, ибо не обязан давать вам отчет в своих поступках.

— Мистер Бриджнорт, — промолвила леди Певерил, собрав все силы, чтобы говорить, и говорить спокойно, — какую бы страшную месть ваша христианская совесть ни разрешила вам уготовить моему супругу, я, — а мне кажется, что я имею право рассчитывать на ваше сострадание, ибо я от всей души сочувствовала вам, когда над вами тяготела десница господня, — я умоляю вас не дать моему сыну разделить нашу печальную участь! Пусть гибель отца и матери и падение нашего древнего рода удовлетворят вас за зло, которое вы претерпели от руки моего мужа.

— Уймись, жена, — сказал рыцарь, — ты говоришь глупые речи и мешаешься не в свое дело. Зло от моей руки! Трусливый мошенник всегда получал по заслугам. Если бы я хорошенько отлупил этого пса, этого жалкого ублюдка, когда он в первый раз на меня залаял, он ползал бы теперь у моих ног, а не бросался мне на горло. Лишь бы мне выпутаться из этого дела, а уж тогда я сведу с ним старые счета и всыплю ему покрепче — пусть только выдержат и дерево и булат.

— Сэр Джефри, — отвечал Бриджнорт, — если знатность рода, которою вы похваляетесь, мешает вам понимать высшие правила, то по крайней мере она могла научить вас учтивости. На что вы жалуетесь? Я мировой судья и исполняю предписание верховной власти. Кроме того, я ваш заимодавец, и закон дает мне право отобрать свою собственность от нерадивого должника.

— Вы мировой судья! — воскликнул рыцарь. — Да вы столько же судья, сколько Нол был монархом. Конечно, вы воспряли духом, получив прощение короля, и снова заняли судейское кресло, чтобы преследовать бедных папистов. Когда в государстве смута, мошенникам всегда барыш; когда горшок кипит, накипь всегда всплывает наверх.

— Любезный супруг, ради бога бросьте эти безумные речи! — взмолилась леди Певерил. — Они только сердят майора Бриджнорта, который в противном случае мог бы рассудить, что просто из милосердия...

— Сердят его! — нетерпеливо прервал ее сэр Джефри. — Да ей-богу же, сударыня, вы сведете меня с ума! Разве вы ребенок, чтобы ожидать рассудительности и милосердия от этого старого голодного волка? А если б даже он был в состоянии выказать и то и другое, неужто вы думаете, что он может быть милосерден ко мне или к вам, моей супруге? Бедный Джулиан, мне жаль, что ты явился так некстати и что твой пистолет был так скверно заряжен. Теперь ты навсегда потерял славу искусного стрелка.

Обе стороны так быстро обменивались гневными речами, что Джулиан, внезапно очутившись в столь

отчаянном положении, едва успел прийти в себя и подумать, как бы помочь родителям. Он счел за лучшее вежливо поговорить с Бриджнортом и, хотя это унижало его гордость, все же заставил себя как можно хладнокровнее сказать:

— Мистер Бриджнорт, коль скоро вы действуете в качестве мирового судьи, я желал бы, чтобы со мною обращались согласно законам Англии, и требую объяснить мне, в чем нас обвиняют и по чьему предписанию мы арестованы.

— Нет, каков глупец! — вскричал неугомонный сэр Джефри. — Мать просит милосердия у пуританина, а ты, черт тебя побери, болтаешь о законах с круглоголовым бунтовщиком! От кого ему иметь предписания, кроме как от парламента или дьявола?

— Кто говорит о парламенте? — спросил вошедший в комнату человек, в котором Джулиан узнал чиновника, встретившегося с ним у барышника. Сознание власти, которой он был облечен, придавало ему еще больше спеси. — Кто рассуждает о парламенте? Объявляю вам, что найденных в этом доме улик хватит на двадцать заговорщиков. Тут целый склад оружия. Принесите его сюда, капитан.

— Это именно то самое оружие, о котором я упоминал в моем печатном донесении, поданном в достопочтенную палату общин; его прислали от старика Ван дер Гайса из Роттердама по заказу Дон-Жуана Австрийского для иезуитов, — отозвался капитан.

— Клянусь жизнью, эти копья, мушкетоны и пистолеты были сложены на чердаке после битвы при Нейзби! — воскликнул сэр Джефри.

— А здесь, — сказал Эверетт, — здесь вся амуниция их священников — сборник антифонов, требники, ризы, да еще картинки, которым кланяются паписты и над которыми они бормочут свои молитвы.

— Разрази тебя чума, подлый враль! — вскричал рыцарь. — Этот негодяй сейчас присягнет, что старые фижмы моей бабушки — облачение священника, а повесть об Уленшпигеле — поповский требник!

— Что это значит, майор Бриджнорт? — сказал Тотэм, обращаясь к судье. — Выходит, у вашей чести

тоже была работа и, пока мы искали эти игрушки, вы изволили поймать еще одного мошенника?

— Мне кажется, сэр, — сказал Джулиан, — что если вы потрудитесь заглянуть в свое предписание, в котором, если я не ошибаюсь, поименованы лица, коих вам велено арестовать, то увидите сами, что не имеете права задерживать меня.

— Сэр, — отвечал чиновник, надувшись от важности, — я не знаю, кто вы такой; но будь вы даже самым первым человеком в Англии, я и то научил бы вас должному почтению к указам палаты. Сэр, в пределах земли, омываемой британскими морями, нет человека, которого я не мог бы арестовать на основании этого кусочка пергамента, и в соответствии с этим я арестую вас. В чем вы его обвиняете, джентльмены?

Дейнджерфилд выступил вперед и, заглянув под шляпу Джулиану, воскликнул:

— Провалиться мне на этом месте, если я не видел тебя раньше, друг мой; только не припомню где, потому что совсем потерял память, чересчур переутомив ее на благо нашего несчастного государства. Но я точно знаю этого молодчика; будь я навеки проклят, если я не видел его среди папистов!

— Что вы, капитан Дейнджерфилд, — сказал его хладнокровный, хотя и более опасный товарищ, — ведь это тот самый молодой человек, которого мы встретили вчера у барышника; мы уже и тогда хотели донести на него, да только мистер Топэм нам не велел.

— Теперь вы можете показывать на него все, что вам угодно, — объявил Топэм, — потому что он хулил предписание палаты. Кажется, вы сказали, что где-то его видели?

— Истинная правда, — подтвердил Эверетт, — я видел его среди семинаристов в Сент-Омере; он там водился с профессорами.

— Что-то вы сбиваетесь, мистер Эверетт, — возразил Топэм, — кажется, вы говорили, будто видели его в собрании иезуитов в Лондоне.

— Это я сказал вам, мистер Топэм, и готов подтвердить это под присягой, — вмешался доблестный Дейнджерфилд.

— Любезный Топэм, — сказал Бриджнорт, — вы можете теперь отложить дальнейший допрос, ибо он только утомит и затруднит память королевских свидетелей.

— Вы ошибаетесь, мистер Бриджнорт, вы совершенно ошибаетесь. Напротив, от этого они приучаются всегда быть начеку, словно борзые на своре.

— Пусть будет так, — сказал Бриджнорт со своим обыкновенным равнодушием, — но теперь этот молодой человек берется под стражу по моему предписанию за то, что он напал на меня при исполнении моей должности мирового судьи и намеревался освободить задержанное на законном основании лицо. Разве вы не слышали выстрела из пистолета?

— Слышал и готов в этом присягнуть, — подхватил Эверетт.

— Я тоже, — сказал Дейнджерфилд. — Когда мы обыскивали погреб, я услышал что-то похожее на пистолетный выстрел, но подумал, что это хлопнула длинная пробка из бутылки канарского, которую я раскупорил, чтобы посмотреть, не запрятаны ли в ней какие-нибудь поповские реликвии.

— Пистолетный выстрел! — воскликнул Топэм. — Да ведь из этого может выйти еще одно дело сэра Эдмондсбери Годфри. Да ты настоящее отродье старого красного дракона! Ведь он бы тоже не подчинился предписанию палаты, если б мы не захватили его врасплох! Мистер Бриджнорт, вы мудрый судья и достойный слуга государства. Дай бог, чтоб у нас было побольше таких протестантов и мировых судей. Как вы думаете — забрать мне этого молодчика вместе с его родителями или оставить его вам для вторичного допроса?

— Мистер Бриджнорт, — сказала леди Певерил, несмотря на попытки рыцаря прервать ее речь, — ради бога, ради вашей любви к детям, которых вы потеряли, или к вашей дочери, не мстите моему несчастному мальчику! Я прошу вам все — горе, которое

вы нам причинили, все те страшные бедствия, которыми вы нам грозите, только не будьте жестоки к человеку, который никогда не мог вас обидеть! Поверьте, что если вы будете глухи к рыданиям отчаявшейся матери, тот, чей слух отверст для всех страдальцев, услышит мои просьбы и увидит дела ваши!

Страдания и слезы леди Певерил, казалось, потрясли всех присутствующих, хотя большая их часть слишком привыкла к подобным сценам. Никто не произнес ни слова, когда она умолкла и обратила на Бриджнорта блестящие от слез глаза с той мучительной тревогой, какую испытывает всякий человек, ожидающий ответа, от которого зависит его жизнь. Даже твердость Бриджнорта поколебалась, и он с дрожью в голосе сказал:

— Видит бог, сударыня, я желал бы утолить скорбь вашу, но это не в моих силах, и я могу только советовать вам уповать на провидение и не роптать. Что до меня, то я всего лишь бич в мощной деснице, и от нее одной зависят его удары.

— Подобно тому, как мною и моим черным жезлом распоряжается английская палата общин, — сказал мистер Топэм, чрезвычайно довольный этим сравнением.

Джулиан рассудил, что настало время сказать что-нибудь в свою защиту, и как можно хладнокровнее проговорил:

— Мистер Бриджнорт, я не оспариваю ни вашей власти, ни предписания этого джентльмена...

— В самом деле? — перебил его Топэм. — Что ж, молодой человек, я не сомневался, что мы быстро вас образумим!

— Итак, если вам угодно, мистер Топэм, — сказал Бриджнорт, — мы устроим дело следующим образом: завтра утром вы отправитесь в Лондон, забрав с собою сэра Джеффри и леди Певерил, а чтоб они могли путешествовать прилично их званию, вы позволите им ехать в их собственной карете под надежную охраной.

— Я поеду с ними сам, — сказал Топэм. — Дербиширские дороги очень дурны для верховой езды, и

к тому же у меня устали глаза от этих унылых холмов. В карете я смогу спать так же крепко, как если бы я был в палате общин, когда мистер Бозербрейнз произносит свои речи.

— Вам полезно будет отдохнуть, мистер Топэм, — отвечал Бриджнорт. — Что же до этого молодого человека, то я сам о нем позабочусь и привезу его с собой.

— Надеюсь, мне не придется за это отвечать, почтенный мистер Бриджнорт. Ведь предписание палаты распространяется и на него, — сказал Топэм.

— Почему? Он задержан всего лишь за нападение с целью отбить арестованного, и я советую вам не связываться с ним, если у вас нет охраны посильнее, — сказал Бриджнорт. — Сэр Джеффри теперь стар и немощен, тогда как этот юноша в расцвете сил, и на его стороне вся буйная молодежь этой округи. Когда вы поедете через графство, здешние кавалеры наверняка попробуют его освободить.

Топэм смотрел на Джулиана, как паук смотрит на осу, случайно попавшую в его тенета, — он хочет ее схватить, но не смеет.

Джулиан ответил на это сам:

— Не знаю, для чего вы нас разлучаете, мистер Бриджнорт, но я желал бы разделить участь своих родителей, и даю вам честное слово, что если вы оставите меня с ними, я не стану замышлять ни своего бегства, ни их освобождения.

— Не говори этого, Джулиан, — возразила леди Певерил, — оставайся с мистером Бриджнортом; сердце подсказывает мне, что он не желает нам столько зла, как можно заключить из его грубого поведения.

— А я говорю, что между дверьми моего отчего дома и вратами ада нет на земле другого такого злодея! — сказал сэр Джеффри. — И я для того только хочу освободить себе руки, чтоб снести с плеч эту седую голову, которая одна замыслила зла больше, чем весь Долгий парламент.

— Молчи! — вскричал ревностный чиновник. — Твой грязный язык недостойн произносить слово «парламент». Джентльмены, — добавил он, обращаясь к

Эверетту и Дейнджерфилду, — вы должны это засвидетельствовать.

— Засвидетельствовать, что он поносил палату общин? Черт побери, я готов! — сказал Дейнджерфилд. — Будь я проклят, если это не так.

— Разумеется, — согласился Эверетт. — Когда он говорил о парламенте, он оскорбил также и палату лордов.

— Вы, жалкие негодяи, которые живут ложью и питаются клятвопреступлением, неужто вы станете перетолковывать в худшую сторону мои невинные слова, едва они успели слететь с моих уст? — сказал сэр Джефри. — Так знайте же, что государство уже устало от вас, и если англичане когда-нибудь образумятся, то тюрьма, цепи, позорный столб и виселица будут достойной наградой для таких подлых кровопийц. А теперь, мистер Бриджнорт, вы со своею братией можете делать все, что вам угодно; я не скажу более ни слова, пока буду в обществе подобных мошенников.

— Быть может, сэр Джефри, вам следовало бы пораньше принять это спасительное решение, — отвечал Бриджнорт. — Язык человеческий мал, но он навлекает большие беды. А вы, мистер Джулиан, потрудитесь идти за мною без споров и сопротивления; вы сами знаете, что у меня есть средства вас принудить.

Джулиан слишком ясно видел, что ему остается только повиноваться превосходящей силе; однако, прежде чем выйти из комнаты, он опустился на колени перед отцом, и старик со слезами на глазах напутствовал его в следующих энергических выражениях:

— Да благословит тебя бог, сын мой, и да поможет тебе пребыть верным церкви и королю, с какой бы стороны ни подул ветер!

У матери едва достало сил положить руку на голову Джулиана и тихим голосом взмолиться, чтобы он не прибегал к дерзким средствам для их освобождения.

— Мы невинны, сын мой, мы невинны, и потому господь нас не оставит. Да послужит нам эта мысль утешением и защитой.

Бриджнорт дал знак Джулиану следовать за ним, и тот повиновался; его сопровождали — или, вернее, вели — два стража, которые еще раньше его обезоружили. Когда они вышли в прихожую, Бриджнорт спросил Джулиана, может ли он дать слово, что не станет предпринимать попыток к бегству.

— В этом случае, — сказал майор, — я отпущу стражу, ибо мне довольно будет вашего обещания.

Благосклонное обращение человека, на чью жизнь он недавно покушался, внушило Джулиану какую-то надежду, и он тотчас отвечал, что дает слово в продолжение суток не делать попыток бежать или освободиться силой.

— Разумные слова, — сказал Бриджнорт, — ибо никакими усилиями, никаким пролитием крови вы не поможете своим родителям. Лошадей! Лошадей сюда, во двор!

Вскоре послышался конский топот, и по знаку Бриджнорта верный своему слову Джулиан сел в седло и приготовился покинуть дом своих предков, оставить родителей своих пленниками и ехать неведомо куда по приказу старинного врага своего семейства. Он не без удивления заметил, что они с Бриджнортом едут только вдвоем.

Когда они сели на лошадей и медленно двинулись к воротам замка, Бриджнорт сказал:

— Не всякий отважится путешествовать ночью с глазу на глаз с тем отчаянным юношей, который только что хотел лишить его жизни.

— Мистер Бриджнорт, — отвечал Джулиан, — скажу вам по чести, что я не знал, на кого направляю свой пистолет; но должен также добавить, что если б даже я узнал вас, дело, за которое я заступался, едва ли позволило бы мне вас пощадить. Теперь я знаю, кто вы; я не питаю к вам зла и не должен защищать свободу своего отца. К тому же вы взяли с меня слово, а когда же Певерили ему изменяли?

— Да, — отвечал его спутник. — Певерил... Певерил Пик! Имя, которое долго гремело в стране нашей, подобно боевой трубе, но теперь, быть может, звуки его раздаются в последний раз. Обернитесь, молодой

человек, и посмотрите на мрачные башни дома отцов ваших, которые гордо высятся на гребне холма, подобно тому как их владельцы некогда возносились над сынами своего народа. Подумайте о том, что отец ваш — пленник, что вы сами — нечто вроде беглеца, что звезда ваша угасла, слава померкла, владения разорены. Подумайте о том, что провидение предало весь род Певерилов во власть человеку, которого они в аристократической гордыне своей презирали как выскочку-плебея. Размыслите обо всем, и когда вы снова станете похвалиться своею родословной, помните, что господь, который возвышает смиренного, может также унижить гордого.

Со стесненным сердцем взглянул Джулиан на едва различимые башни родительского замка, облитые лунным светом и окутанные длинными тенями деревьев. Однако, хотя он с горестью признавал истину слов Бриджнорта, неуместное торжество последнего невольно его возмутило.

— Если б судьба была справедлива, — сказал он, — замок Мартиндейл и имя Певерилов не послужили бы к суетной похвальбе врага своего. Но те, кто стоит на вершине колеса Фортуны, должны покориться его вращению. По крайней мере дом моего отца возвышался с честью, и, если ему суждено пасть, он не падет неоплаканным. А посему, если вы истинный христианин, каким вы себя называете, то берегитесь радоваться несчастью ближнего и превозноситься своим благополучием. Если блеск нашего дома ныне померк, господь властен опять возжечь его, когда ему будет угодно...

Джулиан в изумлении умолк, ибо едва он произнес последние слова, как яркое пламя фамильного маяка Певерилов вновь блеснуло на сторожевой башне, освещая бледный луч луны своим красноватым заревом. Бриджнорт тоже с удивлением и даже с некоторым беспокойством смотрел на эту неожиданную иллюминацию.

— Молодой человек, — сказал он, — едва ли можно сомневаться, что небо назначило вас свершить великие

деяния, так неожиданно это предзнаменование подтверждает слова ваши.

Произнеся эту речь, он погнал свою лошадь и, по временам оглядываясь на замок, словно желая убедиться, что сигнальный огонь в самом деле разгорелся вновь, повел Джулиана по хорошо известным ему тропинкам и аллеям к своему дому в Моултрэсси. Хотя Джулиан и знал, что огонь мог загореться случайно, он невольно счел добрым знаком явление, столь тесно связанное с преданиями и обычаями его семьи.

Они спешили у дверей, которые торопливо отворила какая-то женщина, и, между тем как Бриджнорт громко приказывал конюху увести лошадей, Пeverил услышал столь знакомый ему голос Алисы, которая благодарила бога за благополучное возвращение отца.

Глава XXIV

Нежданны наши встречи . Так вот
в грезах
Скользят, вздыхая, тени мимо нас —
И манят, и кивают нам, неслышно
Шевелятся их губы, тихий стон
Звучит порой — но как понять, о чем он?
«Вождь»

В конце предыдущей главы мы рассказали, что в дверях Моултрэсси-Холла появилась женщина и слышался знакомый голос Алисы Бриджнорт; она радовалась благополучному возвращению отца из замка Мартиндейл, ибо не без оснований считала эту поездку весьма опасной

Поэтому, когда Джулиан с бьющимся сердцем вошел вслед за майором в освещенную прихожую, он не удивился, увидев ту, кого любил больше всего на свете, — она прильнула к отцу, обвив руками его шею. Освободившись из отцовских объятий, Алиса заметила нежданного гостя, который сопровождал майора. Мертвенная бледность сменила разлившуюся было по ее лицу яркую краску и снова уступила место лег-

кому румянцу, лучше всяких слов показав, что незапное появление Джулиана было далеко не безразлично для нее. Джулиан отвесил девушке низкий поклон, на что она ответила столь же церемонным образом, но подойти ближе он не осмелился, понимая всю щекотливость положения.

Майор Бриджнорт поочередно окинул обоих суровым, пристальным взором своих серых холодных глаз.

— Многие на моем месте постарались бы не допустить этого свидания, — внушительно сказал он, — но я доверяю вам, хотя вы оба еще очень молоды и подвержены соблазнам, присущим вашему возрасту. В доме есть люди, которым не следует знать, что вы встречались ранее. Поэтому будьте осторожны и держите себя так, будто вы незнакомы.

Как только майор повернулся к ним спиной и, взяв лампу, что стояла в прихожей, проследовал во внутренние покои, Джулиан и Алиса обменялись взглядами; во взоре Алисы сквозила печаль, смешанная со страхом, а взор Джулиана говорил о мучивших его сомнениях. Взгляд этот был мимолетным: Алиса догнала отца и, взяв у него лампу, пошла впереди, освещая путь в большую, обшитую дубом гостиную, где, как уже говорилось, Бриджнорт проводил в тоскливом одиночестве долгие часы после смерти своей супруги и других членов семьи. Сейчас гостиная была освещена как для парадного приема, и там уже сидело человек пять-шесть, одетых в черную, простую и грубую одежду — излюбленный костюм пуритан того времени, выказывавших таким образом свое презрение к роскоши и обычаям двора Карла II, где самое ошеломляющее щегольство, равно как и излишества всякого другого рода, считались последним словом моды.

Джулиан окинул быстрым взглядом мрачные и суровые лица тех, кто составлял это общество людей искренних, быть может, в своем стремлении к нравственному совершенству, но уж чересчур приверженных к показной простоте в одежде и обхождении, свойственной тем древним фарисеям, которые выставляли напоказ свои филактерии и хотели, чтобы все

видели, как они посягнутся и с какой суровой неукоснительностью соблюдают закон. Почти на всех были черные плащи, простые, узкие кафтаны прямого покроя, без кружев и шитья, черные фламандские панталоны, обтягивающие ногу чулки и тупоносые башмаки с большими бантами из саржевой ленты. Некоторые были обуты в огромные свободные сапоги из телячьей кожи, и почти у каждого на кожаном темно-коричневом или черном поясе висела длинная шпага. У двоих-троих старших по возрасту, чьи волосы уже поредели от времени, на голову до самых ушей была напялена ермолка из черного шелка или бархата, сидевшая так плотно, что наружу не выбивался ни единый волосок, уши же, как это можно заметить на старинных портретах, весьма некрасиво оттопыривались, за что пуритане и получили от своих современников презрительное прозвище «лопоухих круглоловых».

Эти достойные люди сидели на поставленных в один ряд вдоль стены старинных стульях с высокой спинкой; они не смотрели друг на друга и не разговаривали между собой, погружившись в собственные размышления или, подобно собранию квакеров, ожидая, когда на них снизойдет божественное вдохновение.

Майор Бриджнорт степенным шагом обошел это почтенное общество, держась с той же важностью, что и сами гости. Он останавливался поочередно перед каждым, излагая, по-видимому, события этого вечера и обстоятельства, вынудившие наследника замка Мартиндейл воспользоваться гостеприимством обитателей Моултрэсси-Холла. От вестей, принесенных майором, гости, каждый в свою очередь, заметно оживлялись, подобно статуям в сказочном дворце, приходящим одна за другой в движение от прикосновения волшебной палочки. Слушая хозяина дома, они бросали на Джулиана взгляды, в которых любопытство было смешано с высокомерным презрением и сознанием собственного духовного превосходства; впрочем, несколько раз в этих взорах довольно явно проглянуло сострадание. Певерилу было бы

гораздо труднее выдержать этот вызывающий взгляд, не будь он сам поглощен наблюдением за движениями Алисы; она прошла через комнату и, коротко ответив шепотом тем из присутствующих, которые к ней обратились, уселась подле закутанной по самую макушку старой дамы — единственной представительницы прекрасного пола среди гостей — и завела с ней серьезный разговор, это избавило ее от необходимости смотреть на остальных гостей и встречаться с ними взглядом.

Однако вскоре отец отвлек ее вопросом, на который нужно было тут же дать ответ.

— Где мисс Деббич? — спросил майор.

— Она ушла, как только стемнело, навестить старых знакомых здесь по соседству и еще не вернулась, — отвечала Алиса.

Майор Бриджнорт недовольно покачал головой и, не удовлетворившись этим, сказал, что решил более не держать в своем доме гувернантку Дебору.

— В моем доме останутся только те, — громко заявил он, ничуть не смущаясь присутствием гостей, — кто знает, как надлежит вести себя в скромной и рассудительной христианской семье. Тот, кто желает большей свободы, должен оставить нас, он нам чужой.

Выразительный гул, которым в те времена пуритане выражали одобрение мыслей, высказанных именитым священником с церковной кафедры или друзьями в частной беседе, поддержал суждение майора, и увольнение несчастной гувернантки было, по-видимому, неизбежно, поскольку ее уличили в нарушении семейных традиций. Даже Певерил, хотя в начале его знакомства с Алисой своекорыстие и болтливость гувернантки пришлись ему очень кстати, с удовлетворением услышал об ее отстранении от должности — настолько хотелось ему, чтобы в трудных обстоятельствах, которые вот-вот могли возникнуть, Алиса находилась под надзором и опекой особы, обладающей лучшими манерами и менее сомнительной неподкупностью, чем мисс Дебора Деббич.

Почти тотчас же вслед за этим разговором в дверях появилась длинная, изможденная и морщинистая

физиономия слуги, одетого в траур; голосом, более напоминающим заупокойный звон и едва ли подходящим для приглашения к пиршеству, он возвестил, что в соседней комнате накрыт стол. Бриджнорт занял место во главе процессии и, с дочерью по одну руку и старухой пуританкой, о коей мы упоминали выше, по другую, отправился в столовую, сопровождаемый гостями, которые без соблюдения какого-либо особого порядка и церемоний двинулись за ним туда, где их ожидал обильный ужин.

Таким образом, Певерила, имевшего в соответствии с обычным церемониалом право выступать впереди других — чему в то время придавали гораздо большее значение, нежели ныне, — оставили в арьергарде, и он мог бы оказаться замыкающим шествие, если бы один из посетителей, который почему-то замешкался в гостиной, не поклонился и не уступил ему очередь, незаконно перехваченную другими.

Этот учтивый поступок, естественно, побудил Джулиана пристально посмотреть на человека, оказавшего ему такую честь, и, окинув взглядом его лицо, от надвинутой на лоб мятой бархатной ермолки до завязок под подбородком, он узнал своего вчерашнего спутника, назвавшего себя Гэнлессом.

За столом, когда их всех усадили и когда, следовательно, у Джулиана была полная возможность внимательно наблюдать за интересующим его гостем, не нарушая при этом благопристойности своего поведения, он то и дело поглядывал на него. Сначала он сомневался, полагая, что память его обманывает, ибо другой костюм совершенно изменил внешность этого человека; да и в чертах его не было ничего выдающегося или примечательного — это было одно из тех заурядных лиц, на которые мы смотрим, почти их не замечая, и которые забываются сразу же, как только мы отводим глаза. Но воспоминание вернулось, стало более отчетливым и заставило Джулиана с особым вниманием следить за поведением человека, приковавшего к себе его взор.

Пока произносилась весьма длинная молитва, которую читал один из гостей, чья женевская лента и

саржевый камзол навели Джулиана на мысль, что этот человек — глава какой-то кальвинистской конгрегации, лицо гостя сохраняло серьезность и суровость, присущие лицам пуритан и выражавшие в превеличленно карикатурном виде благочестие, каковое само по себе, бесспорно, уместно в подобных случаях. Глаза его были обращены к небу, а огромная башнеобразная шляпа с высокой тульей и широкими полями, которую он обеими руками держал перед собой, поднималась и опускалась вместе с модуляциями голоса, читавшего молитву, подчеркивая таким образом каждую фразу. Но когда после молитвы началась небольшая суета — движение стульев и прочее, что бывает обычно, пока люди, готовясь начать трапезу, поудобнее устраиваются за столом, — Джулиан встретился глазами с незнакомцем и заметил в его взоре выражение насмешки и презрения, позволявшее думать, что в душе он смеется над собственным поведением.

Джулиан еще раз попытался поймать его взгляд, желая убедиться, что не ошибся, но гость уже не дал ему такой возможности. Можно было бы узнать его по голосу, но он говорил мало, и притом шепотом, как, впрочем, и все остальные присутствующие, которые вели себя за столом подобно плакальщикам на поминках.

Угощение было простое, хотя и обильное, и, по мнению Джулиана, должно было казаться невкусным такому человеку, как Гэнлесс, который лишь накануне заявил себя знатоком изысканных яств и так наслаждался роскошными блюдами, искусно выбранными его приятелем Смитом. Внимательно присмотревшись, Джулиан заметил, что незнакомец даже не притронулся к тому, что лежало у него на тарелке, и что весь ужин его состоял лишь из куска хлеба и стакана вина.

Присутствующие торопились поскорее окончить трапезу, как подобает людям, по мнению коих постыдно, если не грешно, превращать низменные животные наслаждения в средство провести время или в источник удовольствия; и когда после ужина все

принялись вытирать губы и усы, от Джулиана не укрылось, что человек, привлекавший его внимание, воспользовался для этой цели платком из тончайшего батиста; эта принадлежность туалета как-то не шла к его простоватому, даже грубоватому внешнему виду. В его поведении были и другие, менее заметные для глаза признаки утонченных манер, какие тогда можно было наблюдать лишь за столами у знатных господ; и Джулиану казалось, что в каждом движении этого человека проглядывает настоящий придворный, тщательно скрывающийся под наружностью деревенского простака.¹

Но если это был тот самый Гэнлесс, которого Джулиан встретил накануне вечером и который хвастался своим умением прикинуться любым человеком, какого ему захочется представить, то в чем же состояла цель его нынешнего маскарада? Он был, если его слова заслуживали доверия, довольно важной персоной, ибо осмеливался бросать вызов констеблям и осведомителям, перед которыми в те времена трепетали все сословия; кроме того, заключил Джулиан, без особой на то причины он не решился бы на подобный маскарад, несомненно обременительный для человека, который, судя по его речам, был любителем легкой жизни и сторонником свободы мнений. С добрыми или злыми намерениями явился он сюда? Что интересует его здесь: дом ли сэра Джеффри, или он сам, Джулиан, или семейство Бриджнортов? Известно ли, кто такой Гэнлесс, хозяину дома, непреклонному во всем, что касается нравственности и религии? И если нет, то не могут ли интриги столь хитроумного человека нанести ущерб спокойствию и счастью Алисы Бриджнорт?

На все эти вопросы Певерил не мог найти ответа. Взор его то и дело переходил с Алисы на незнакомца; новые страхи и смутные подозрения, касающиеся

---

¹ Одного шотландского дворянина, который, как тогда выражительно говорили, был «в бегах» вследствие своего участия в восстании или заговоре якобитов, узнали среди многих простолюдинов по тому признаку, что он пользовался зубочисткой. (Прим. автора.)

безопасности его прекрасной возлюбленной, присоединились к уже завладевшей им глубокой тревоге за судьбу отца и родного дома.

Пока он пребывал в таком смятении, окончилась благодарственная молитва, не менее длинная, чем та, что читалась до трапезы, и присутствующие, встав из-за стола, были тотчас приглашены на домашнее богослужение. Для участия в этом благочестивом обряде в столовую вошли и стали поодаль, у дверей, слуги, такие же серьезные и печальные, как и их хозяева. Большинство этих людей было вооружено длинными рапирами, в свое время распространенными в войске Кромвеля. У некоторых были и большие пистолеты, а когда перед началом богослужения они усаживались, раздался звон лат и кольчуг. Но службу совершал сейчас не тот человек, которого Джулиан принял за проповедника. Сам майор читал и толковал главу из библии со страстью и выразительностью, весьма напоминавшими фанатизм. Он выбрал девятнадцатую главу книги пророка Иеремии и именно то место в ней, где, говоря о разбитом глиняном кувшине, пророк предсказывает беды иудеев. Хотя оратор и не обладал даром красноречия, глубочайшее внутреннее убеждение в истинности того, что он говорит, придало его словам необыкновенную силу и пылкость, когда он сравнивал гнусность служения Ваалу с порчей, изъязвившей римскую церковь, — излюбленная тема пуритан того времени — и предавал анафеме католиков и тех, кто им сочувствует, предвещая им поношение и горе, какие пророк предсказал Иерусалиму. Слушатели воспринимали эти слова с еще большим волнением, чем вкладывал в них сам Бриджнорт, и бросали на Джулиана недружелюбные, надменные взгляды, означавшие, как он должен был понять, что эти страшные проклятия уже обрушились на дом его отца.

Проповедь окончилась, и Бриджнорт пригласил всех принять участие в общей молитве. Перед тем как опуститься на колени, люди слегка расступились, и в этот момент Джулиану удалось оказаться возле благородного и прекрасного создания, которое было пред-

метом его любви; преклонив колена, прелестная де-
вушка обратила свои помыслы к творцу. Несколько
минут было посвящено благоговейной сосредоточен-
ности, и в эти минуты Певерил слышал, как Алиса
шепчет мольбы об обещанном мире на земле и добро-
желательстве меж людьми.

Последовавшая затем молитва была совсем иного
свойства. Ее прочитал тот человек, который исполнял
обязанности капеллана за столом, и звучала она так,
как если бы ее произносил Воанергес, Сын Грома, об-
личитель преступлений, ярый поборник суровейших
кар, почти что пророк зла и разрушения. Не были за-
быты и господни заповеди и греховные деяния дня,
причем особое внимание было уделено таинственному
убийству сэра Эдмонсбери Годфри, и богу было воз-
дано благодарение за то, что в эту самую ночь, когда
они собрались, ни один протестант не пал жертвой
ярости мстительных и кровожадных католиков.

Никогда еще Джулиану не было так трудно сохра-
нять во время молитвы приличествующее в подобных
обстоятельствах спокойствие; а когда он услышал, как
оратор благодарит бога за падение и унижение его
рода, то едва сдержался, чтобы не вскочить на ноги и
не прервать молитву, обвинив проповедника в том, что
к престолу господя, который есть воплощение истины,
он приносит дань, запятнанную ложью и клеветой.
Однако дать волю этому порыву было бы чистейшим
безумием, и Джулиан был вознагражден за свое тер-
пение: когда длинная и скучная молитва была нако-
нец завершена и его прелестная соседка поднялась с
колен, он заметил, что из глаз ее струились слезы, и
взгляд, который она бросила на него, ясно сказал
Джулиану, что теперь, когда он разорен и положение
его столь плачевно, Алиса принимает в его судьбе бо-
лее дружеское участие, нежели в то время, когда его
состояние и звание ставили его значительно выше нее.

Вдохновенный и ободренный уверенностью, что
хоть одна душа в этом обществе, и как раз та, в кото-
рой он более всего на свете стремился пробудить ин-
терес к себе, искренне состраждет ему, он почувство-
вал в себе силу выдержать все, что может впредь вы-

пасть на его долю, и стойко переносил ядовитые усмешки и торжествующие взгляды, от которых не сочли нужным удерживаться, удаляясь в отведенные им покои, члены этого собрания, ибо считали его взятым в плен врагом.

Алиса тоже прошла мимо своего возлюбленного, но потупившись, и ответила на его низкий поклон, не поднимая глаз. В комнате остались теперь только Бриджнорт и его гость, или пленник, — Певерилу трудно было решить, кем себя считать. Майор взял со стола старинную бронзовую лампу и пошел вперед, говоря:

— Сейчас я буду вашим камергером, но, вероятно, не слишком любезным, ибо спальня, куда я вас провожу, должно быть, покажется вам не такой роскошной, как те, к которым вы привыкли.

Джулиан молча последовал за ним вверх по старинной винтовой лестнице, ведущей в башню. На самом верху была расположена маленькая каморка, всю обстановку которой составляли кровать с соломенным тюфяком, два стула и небольшой каменный столик.

— Ваша постель не такая уж мягкая, — заметил Бриджнорт, видимо желая продолжить начатый разговор, — но чистая совесть спит на соломе так же крепко, как на пуху.

— А горе не может заснуть ни на том, ни на другом, майор Бриджнорт, — ответил Джулиан. — Лучше скажите мне — ибо вы как будто ожидаете от меня этого вопроса, — какова будет судьба моих родителей и зачем вы разлучаете меня с ними?

Вместо ответа Бриджнорт указал на следы пороха, оставшиеся на его лице после выстрела Джулиана.

— Нет, — возразил Джулиан. — Не потому вы со мной так поступаете. Вас, солдата и достойного человека, не могло удивить или раздосадовать то, что я вступился за отца. Да и, помимо всего, вы не способны поверить, а впрочем, и не верите, что я мог бы поднять руку на вас, если бы имел время распознать, кто передо мной.

— Все это я допускаю, — ответил Бриджнорт, — но если я и в самом деле хорошего мнения о вас и согла-

сен простить вам покушение на мою жизнь, вам от этого ничуть не легче. Я арестовал вас как судья по обвинению в гнусном, кровавом и богопротивном заговоре, в намерении восстановить власть папы, убить короля и перерезать всех истинных протестантов.

— А на основании каких действительных или подозреваемых обстоятельств осмеливаются обвинять меня в подобных преступлениях? — спросил Джулиан. — Я знаю о заговоре только по слухам, из которых ничего толком и понять нельзя.

— Могу сказать вам одно, — ответил Бриджнорт, — да и того, пожалуй, не следовало бы говорить, а именно, что ваши козни раскрыты, что вас выследили как шпиона, который был курьером между папистской графиней Дерби и лондонскими католиками. Вы не сумели сохранить в тайне свои дела, они нам известны и легко могут быть доказаны. К этому обвинению, которое вы не в силах опровергнуть, Эверетт и Дейнджерфилд, узнав вас, готовы добавить еще и другие, и ваши преступления наверняка будут стоять вам жизни, когда вы предстанете перед протестантским судом.

— Низкие негодяи, — сказал Певерил, — те, кто так нагло лжет, представляя меня участником какого-то заговора против короля и народа или против утвердившейся у нас религии. Что же касается графини, то ее преданность королю слишком давно доказана и высоко оценена, чтобы оскорблять ее подобными клеветническими подозрениями.

— Деяния графини против верных поборников истинной религии достаточно ясно показали, на что она способна, — возразил Бриджнорт, и лицо его омрачилось. — Она засела в своем замке, как орел на вершине скалы после кровавого пира, и считает себя в безопасности. Но стрела охотника еще настигнет ее — стрела наточена, тетива натянута, — скоро все увидят, кто восторжествует: Амалек или Израиль. Что же касается тебя, Джулиан Певерил, — к чему скрывать? — я горюю и тревожусь о тебе, как мать о своем первенце. Я помогу тебе, хотя честь моя может пострадать от этого и на меня может пасть подозре-

ние, — кто в наше смутное время стоит выше подозрений? Да, я помогу тебе бежать, Джулиан, иначе тебе не спастись. Лестница этой башни ведет в сад, задняя калитка не заперта, справа находится конюшня — там стоит твоя лошадь; садись на нее и скачи в Ливерпуль. Я дам тебе письмо к моему другу, его зовут Саймон Саймонсон, и его преследуют прелаты. Он поможет тебе покинуть Англию.

— Майор Бриджнорт, — ответил Джулиан, — я не хочу вас обманывать. Если я приму от вас свободу, то сделаю это из более высоких побуждений, нежели стремление спасти собственную жизнь. Мой отец в опасности, мать — в печали; голос самого естества и голос веры призывают меня на помощь. Я единственный сын своих родителей, их единственная надежда; я спасу их или погибну вместе с ними!

— Твои слова безумны, — сказал Бриджнорт. — Спасти их ты не в силах, ты можешь только погибнуть вместе с ними и даже ускорить их гибель: ведь когда станет известно, что твой отец замышлял вооружить объединенную армию католиков и консерваторов англиканской церкви в Чешире и Дербишире, а сам ты в это время был тайным агентом графини Дерби, помогал ей в борьбе против протестантов — уполномоченных парламента, и был послан ею установить тайные сношения с приверженцами папы в Лондоне, обвинения против него станут еще тяжелее.

— Вы уже дважды назвали меня шпионом, — сказал Певерил, не желая, чтобы его молчание было принято за признание вины, хотя и понимая, что в этом обвинении есть значительная доля правды. — Какие у вас основания для подобного утверждения?

— Чтобы доказать, как хорошо я знаю твою тайну, — ответил Бриджнорт, — я повторяю последние слова графини, сказанные ею, когда ты уезжал из замка этой амалекитянки. Она сказала: «Я одинокая вдова, и горе сделало меня эгоисткой!»

Певерил вздрогнул, ибо именно эти слова были произнесены графиней. Но он тотчас же овладел собой и ответил:

— Каковы бы ни были ваши сведения, я отрицаю и буду отрицать все возведенные на меня обвинения. Нет на свете человека, более чуждого недостойных мыслей или предательских намерений, чем я. И то, что я говорю о себе, я могу сказать и буду утверждать о благородной графине, которой обязан своим воспитанием.

— Погибай же, упрямец! — вскричал Бриджнорт и, резко отвернувшись от него, быстрыми шагами вышел из комнаты; Джулиан слышал, как он сбежал по узкой лестнице, словно боясь передумать.

С тяжестью на сердце, но все же надеясь на всемогущее провидение, которое всегда благосклонно к честным и смелым людям, Певерил бросился на свое жесткое ложе.

Глава XXV

Течение наших дней непостоянно —
Как облака, как волны океана,
Как пляска листьев, сорванных

с дерев
Осенним ветром то, расвирепев,
Он их закрутит вдруг, то пообреет,
То ввысь взметнет, то по земле
развеет .

На то же силы рока обрекли
И нас — недолгих жителей земли

Неизвестный автор

В то время как измученный усталостью и тревогой Джулиан задремал в доме своего кровного врага, чьим пленником он стал, судьба, своими внезапными причудами часто нарушающая все ожидания и расчеты людей, готовила ему освобождение; и поскольку она обычно избирает для этой цели самое неожиданное орудие, то и на сей раз выбор ее пал не на кого иного, как на самое мисс Дебору Деббич.

Побуждаемая, без сомнения, воспоминаниями о давно минувших временах, эта благоразумная и внимательная к людям особа, едва прибыв в те места, где она провела свою молодость, тотчас собралась на-

вестить бывшую экономку замка Мартиндейл, почтенную Элзмир, которая давно оставила свою должность и жила в домике, стоявшем в густой чаще западного леса, вместе с племянником своим, лесничим Лансом Утремом, содержа себя на средства, сбереженные в лучшие годы, и на небольшой пенсией, пожалованный ей сэром Джеффри за долгую и верную службу.

По столь поспешному визиту можно было бы предположить, что Элзмир и мисс Дебора раньше очень дружили; но ничуть не бывало. Просто годы научили Дебору забывать и прощать, а быть может, посещение Элзмир служило Деборе только предлогом для того, чтобы посмотреть, что сделало время с ее старым обожателем лесничим. Оба обитателя домика были у себя, когда, проводив своего господина в путь — он отправился в замок, — мисс Дебора, одетая в лучшее платье, которое она старательно придерживала, перебираясь через канавы и изгороди, по стежкам и тропинкам добралась до дверей этого лесного жилища и, услышав в ответ на свой стук гостеприимное приглашение войти, подняла щеколду.

Зрение Элзмир так ослабело, что и с помощью очков она не смогла узнать в полной немолодой женщине, сейчас вошедшей к ней в дом, ту некогда стройную девушку, которая, надеясь на свое миловидное личико и острый язычок, так часто сердила ее своим непослушанием. А прежний возлюбленный Деборы, грозный Ланс, не ведая о том, что чрезмерное употребление бренди округлило его собственный когда-то ладный и гибкий стан, а вино перевело румянец со щек на нос, также не смог обнаружить, что французский чепец из легкой флорентийской тафты и брюссельских кружев обрамляет черты того самого лица, на которое он частенько поглядывал во время молитвы, скашивая глаза на скамью, где сидели служанки, за что и получал нагоняй от доктора Даммерера.

Одним словом, гостя, краснея от смущения, вынуждена была сама назвать себя, после чего тетка

и племянник приняли ее с самой искренней сердечностью.

На столе появилось пиво домашнего приготовления, а вместо обычной грубой пищи на сковороде зашипели куски оленины, из чего можно было предположить, что Ланс Утрем, по должности лесничего поставляя дичь в замок, не забывал и себя. Глоточек превосходного дербиширского эля и отлично приправленное жаркое вновь сблизили Дебору с ее старинными знакомыми.

После множества вопросов о том, как поживают соседи и те из друзей, которые все еще обитали здесь, на что были даны исчерпывающие ответы, разговор начал было истощаться, но Дебора сумела придать ему новую занимательность, намеком сообщив своим друзьям, что им вскоре предстоит услышать печальные новости, ибо ее нынешнему господину, майору Бриджнорту, какие-то важные господа из Лондона велели арестовать ее прежнего господина, сэра Джеффри, и все слуги майора Бриджнорта и еще несколько человек сторонников и единомышленников этих господ из Лондона составили отряд, которому предстоит овладеть замком, а поскольку сэр Джеффри теперь стар и к тому же страдает подагрой, то никак нельзя ожидать, что он сможет защищаться, как в прежние времена; но все знают, какой он отчаянный храбрец, значит, нечего и думать, что он сдастся без боя. А если его убьют, что весьма возможно, так как эти люди и всегда терпеть его не могли, а теперь он окажется в их власти, — ну что ж, тогда, думается, можно считать и леди Певерил почти что мертвой; и, уж конечно, в этой округе, где у них так много родни, все будут носить траур, а значит, вздорожают шелка, потому что честерфилдский купец, мистер Люстрин, не преминет набить свой кошелек. Что же касается ее самой, мисс Деборы, то пусть события идут своим чередом, и если молодой Джулиан Певерил сделается хозяином в Мартиндейле, то она твердо знает, кто станет там хозяйкой.

Содержание этого монолога, или, вернее сказать, сообщение, что Бриджнорт с отрядом отправился

нападать на сэра Джеффри в его собственном замке Мартиндейл, так потрясло старых слуг Певерила Пика, что они не в состоянии были ни следить за логическими заключениями госпожи Деборы, ни поддерживать поток ее красноречия. И когда наконец она остановилась, чтобы перевести дух, бедная Элзмир была в силах вымолвить лишь следующее:

— Бриджнорт бросает вызов Певерилу Пикку? Эта женщина сошла с ума!

— Потихе, потихе, сударыня, — сказала Дебора. — Я же не честила вас женщиной, и вам не следует этого делать. Не затем я много лет сижу хозяйкой во главе стола, чтобы вы обзывали меня женщиной. Что же касается новостей, то они так же справедливы, как то, что вы сидите сейчас здесь передо мной в белом чепце, который скоро смените на черный.

— Ланс Утрем, — сказала старуха, — если ты мужчина, иди-ка и узнай, не происходит ли что-либо в замке.

— Если там что-нибудь происходит, то мне надо поспешить, а то будет поздно, — ответил Утрем и, схватив свой лук и несколько стрел, опрометью бросился из дома.

— Беда, да и только! — молвила госпожа Дебора. — Видите, как моя новость напугала даже Ланса Утрема, которого, говорят, ничем не проймешь. Но успокойтесь, сударыня, ибо, осмелюсь заметить, если замок и земли перейдут в руки моего нового господина, майора Бриджнорта — а похоже, что именно так и случится, потому что, я слышала, Певерилы ему много должны, — я замолвлю за вас словечко, и поверьте мне, человек он неплохой. Правда, строговат насчет молитв и проповедей, да и насчет одежды тоже, а уж это, конечно, не пристало порядочному мужчине — любая женщина лучше знает, что ей больше идет. Что же касается вас, сударыня, то ведь вы носите молитвенник у пояса рядом со связкой ключей и никогда не меняете фасон своего белого чепца, и потому, ручаюсь, он не откажет вам в той малости,

что вам требуется на прожитье, поскольку вы уже не можете прокормиться своим трудом

— Вон отсюда, подлая тварь! — воскликнула Элмир, дрожа не то от страха, не то от гнева. — Замолчи сию же минуту, или я отыщу людей, которые сделают с тебя шкуру арапниками. Неужели ты ела хлеб своего благородного господина только для того, чтобы обмануть его доверие и бежать со службы, а теперь еще, явившись сюда и каркая, как ворона, радоваться его падению?

— Нет, сударыня, — ответила Дебора, на которую ярость старухи произвела некоторое впечатление. — Не я это говорю, это предписание парламента.

— Я думала, мы покончили с его предписаниями после благословенного дня двадцать девятого мая, — сказала старая экономка Мартиндейла. — Но вот что скажу я тебе, моя милая: я видела своими глазами, как такие предписания накалывали на кончик шпаги и впихивали в глотку тем, кто их приносил. И теперь так будет, если в замке остался хоть один порядочный человек

В эту минуту вернулся Ланс Утрем.

— Тетушка, — сказал он смущенно, — боюсь, она говорит правду. Сигнальная башня черна, как мой пояс. Полярной звезды Певерилов не видно. Что это может означать?

— Смерть, разорение и неволю! — воскликнула старая Элмир. — Беги в замок, мошенник. Пробейся туда, ты ведь вон какой здоровяк. Сражайся за дом, который вскормил и вспоил тебя. И если тебе суждено погибнуть под его развалинами, ты умрешь как настоящий мужчина.

— Не бойтесь, тетушка, я не дрогну, — ответил Утрем. — Но вот сюда идут люди, они, наверное, сумеют рассказать нам побольше.

Несколько слуганок, убежавших из замка во время суматохи, рассказывали о событиях каждая по-своему, но все в один голос утверждали, что замком овладел отряд вооруженных людей и что майор Бриджнорт увез молодого Джулиана в Моултрэсси-Холл как пленника — посадил его верхом на лошадь

и связал ноги; постыдное зрелище — ведь юноша такой знатный и так хорош собой.

Ланс Утром озабоченно скреб затылок: он прекрасно понимал, как следует поступить в этом случае преданному слуге, да и крики тетки всячески наподминали ему об этом; и все же он, казалось, никак не мог решить, что ему делать.

— Как было бы хорошо, тетушка, — сказал он наконец, — если бы сейчас был жив старый Уитекер, чьи длинные рассказы о Марстон-Муре и Эджхилле заставляли нас зевать так, что выворачивало челюсти, несмотря на куски жареной грудинки да двойное пиво. Говорят, человека оплакивают только тогда, когда его уже нет. Будь он здесь, он бы живо уладил это дело, не то что я, лесничий, — ничего-то я в этом не смыслю. Но черт меня побери, если старый сэр Джеффри безропотно стерпит все это и не попытается дать им отпор! Послушай, Нел, — обратился он к одной из убежавших из замка служанок, — хотя нет, я и забыл, что у тебя заячья душа и ты боишься даже собственной тени в лунную ночь. Сис, ты смелая плутовка и умеешь отличить оленя от снегиря. Слушай внимательно, словно тебе делают предложение: беги назад в замок, — ты знаешь, как пробраться внутрь, ведь ты, бывало, убегала через потайную дверь поплясать и повеселиться на пирушке... Беги назад в замок так быстро, словно тебя там ждет жених, найди миледи... в этом тебе никто не помешает.. и она что-нибудь придумает — у нее голова не чета нашим. Если я должен собрать отряд — зажги огонь на башне, да смотри не жалея смолы. Тебе ничего не стоит это сделать. Ручаюсь, круглоголовые сейчас заняты пьянством и грабежом. И скажи миледи, что я пошел к рудокопам в Бонадвенчер. Они уже вчера бунтовали, чтобы им платили побольше, и сегодня готовы на что угодно. Пусть миледи передаст мне свои приказания, или лучше вернись-ка сама, у тебя ноги длинные.

— Длинные или нет, господин Ланс, вам об этом ничего не известно, только нынче они готовы выпол-

нить ваше поручение из любви к старому господину и миледи.

Итак, Сисли Селлок, дербиширская Камилла, которая выиграла рубашку в состязаниях по бегу в Эшборне, пустилась бежать к замку с такой быстротой, что немногие могли бы ее догнать.

— Вот смелая девчонка! — воскликнул Ланс. — А теперь, тетушка, дайте-ка мне мой старый палаш — он висит над изголовьем — и мой охотничий нож. Больше ничего не нужно.

— А что будет со мной? — проблеяла несчастная Дебора Деббич.

— Вы должны оставаться здесь, с тетушкой, мисс Дебора. И ради старого знакомства она о вас позаботится. Но смотрите же не вздумайте глупить.

С этими словами отважный лесничий вышел на залитую лунным светом просеку, обдумывая свои планы и едва ли слыша те многократные благословения и советы быть осторожней, которыми напутствовала его Элзмир. Однако мысли его отнюдь не были воинственными. «Какие крепкие ноги у этой женщины! Она скачет, как олень по летней росе. Ну, вот и хижины рудокопов. Примемся за дело!»

— Эй, заснули вы, что ли, забойщики, проходчики и коногоны? Вылезайте вы, кроты! Ваш господин, сэр Джеффри, мертв, а вы и в ус себе не дуετε! Разве вы не видите, что на башне темно? А вы сидите здесь, как стадо ослов!

— Что еще там такое? — отозвался один из рудокопов, появившихся на порогах своих хижин. —

Тот, кто уже на небе,
Не думает о хлебе.

— И вам его тоже не есть, — сказал Ланс, — потому что работа на руднике прекратится и вас всех выгонят взашей.

— Ну и что же? Лучше уж даром сидеть сложа руки, чем даром работать. Вот уже четыре недели, как мы не видели ни одной монетки от сэра Джеффри. А ты еще хочешь, чтобы мы беспокоились, жив он или

помер. Тебе-то хорошо: ты разъезжаешь верхом и называешь работой то, что все люди считают удовольствием, а вот попробуй-ка отказаться от белого света да копаться целый день под землей, как крот в своей норе, — это совсем другое дело, и делать его задаром никому неохота. Если сэр Джеффри помер, пусть мучится на том свете, а если жив, мы потащим его в Бармутский суд.

— Послушай-ка, старик, — сказал Ланс, — и вы все, приятели (к этому времени его окружала уже порядочная толпа рудокопов, с интересом прислушивавшихся к разговору). — Как вы думаете, положил ли сэр Джеффри хоть копейку от этого Бонадвенчерского рудника в свой карман?

— Наверно, нет, — ответил старый Дитчли, который только что спорил с Лансом.

— Отвечай по совести, хоть она у тебя и не очень-то чиста. Разве ты не знаешь, что он потерял большие деньги?

— Может быть, — ответил Дитчли. — Ну и что же? Сегодня потеряет, завтра наживет, а рудокопу все равно есть надо.

— Верно. Но что ты будешь есть, когда майор Бриджнорт захватит поместье и не захочет, чтобы на его земле копали руду? Или ты думаешь, он будет держать вас на работе себе в убыток? — спросил верный Ланс.

— Бриджнорт? Тот самый Бриджнорт из Моултрэсси-Холла, что закрыл рудник «Удача», куда его отец, говорят, вложил десять тысяч фунтов, не получив ни гроша прибыли? А какое ему дело до владений сэра Джеффри здесь, в Бонадвенчере? Этот рудник никогда ему не принадлежал.

— Откуда мне знать? — возразил Ланс, видя, какое впечатление произвели его слова. — Сэр Джеффри ему много должен, и по закону он получит половину Дербишира, если только вы не выручите своего старого хозяина.

— Но коли сэр Джеффри уже мертв, — предусмотрительно вставил Дитчли, — какой ему толк от нашей помощи?

— Не то чтобы он был совсем мертв, но от этого ему не легче. Он в руках круглоголовых, пленник в собственном замке, — ответил Ланс, — и ему отрубят голову, как доброму графу Дерби в Боултон-ле-Муре.

— Тогда, друзья, — сказал старый Дитчли, — коли все так, как говорит господин Ланс, я думаю, нам нужно вступить за смелого сэра Джеффри и защитить его от подлого простолюдина Бриджнорта, который закрыл рудник, стоивший не одну тысячу, не получив от него ни гроша прибыли. Итак, да здравствует сэр Джеффри! Долой Охвостье! Но подождите! — И жестом руки он остановил начавшийся было одобрительный гул. — Послушай, господин Ланс, все, наверно, уже кончено, потому что на башне тьма — хоть глаз выколи, а ты сам знаешь, что это означает смерть хозяина.

— Сигнал сейчас снова загорится, — ответил Ланс, добавив про себя: «Господи, пусть будет так!» — Он сейчас снова загорится. Наверно, не хватило смолы, ведь в замке суматоха.

— Может быть, может быть. Но я не тронусь с места, пока не увижу сигнал на башне.

— А вот и он! — воскликнул Ланс. — Спасибо, Сис, спасибо тебе, моя славная девочка. Смотрите собственными глазами, друзья, если не верите моим. А теперь — ура Певерилу Пику, королю и его друзьям, и долой Охвостье и круглоголовых!

Внезапно вспыхнувший огонь оказал нужное Лансу действие на его грубых и невежественных слушателей, которые суеверно сопрягали свет Полярной звезды Певерилов с судьбой этого семейства. Их надо было только расшевелить, зато потом они сразу же распалились — как это вообще присуще национальному характеру их соотечественников. И Ланс оказался во главе более трех десятков дюжих удалцов, вооруженных кирками и готовых выполнить любое его приказание.

Надеясь пробраться в замок потайным ходом, которым он сам и другие слуги не раз пользовались в

случае необходимости, Ланс старался вести отряд в полной тишине и постому настойчиво просил своих товарищей повременить с криками и возгласами до атаки. Не успели они пройти и полпути, как навстречу им попалась Сисли Селлок. Бедная девушка так запыхалась, что ей пришлось упасть в объятия Ланса Утрема.

— Встань, моя храбрая девочка, — сказал он, украдкой целуя ее, — и поведай нам, что происходит в замке.

— Миледи просит вас, ради нашего господина и самого господа бога, не ходить в замок, потому что это только вызовет кровопролитие. Она говорит, что сэр Джеффри арестован по закону и должен надеяться на благоприятный исход. Он невиновен в том, в чем его обвиняют, и будет защищаться перед королем и Государственным советом, а она поедет вместе с ним. Кроме того, эти круглоголовые негодяи нашли наш потайной ход, ибо двое из них заметили, как я проскользнула в дверь, и погнались было за мной, но я удрала — только они меня и видели.

— Ты исчезла, как утренняя роса с травы, — сказал Ланс. — Но что нам теперь делать? Ведь если они обнаружили потайной ход, черт меня побери, коли я знаю, как мы попадем в замок.

— В замке все заперто на засовы и крюки и охраняется ружьями и пистолетами, — продолжала Сис, — и круглоголовые глядят так зорко, что, как я уже сказала, чуть не поймали меня, когда я шла к вам с поручением миледи. Но миледи говорит, если бы вы сумели освободить ее сына, молодого Джулиана, из рук Бриджнорта, вы бы оказали ей большую услугу.

— Что? — вскричал Ланс. — Молодой господин в замке? Я знал его еще малышом и первым научил его стрелять из лука. Но как туда проникнуть?

— Он находился в замке в самую суматоху, и старый Бриджнорт увез его в Холл, — ответила Сисли. — От этого пуританина нельзя ждать ни верности, ни учтивости, у него и в доме-то испокон веков не было ни флейты, ни барабана.

— И он закрыл хороший рудник, — добавил Дитчли, — чтобы сэкономить несколько тысяч фунтов, когда мог бы разбогатеть, как лорд Четсуорт, и, кстати, кормить сотню славных парней.

— Коли так, — сказал Ланс, — и вы все согласны, пойдем-ка выкуривать из норы старого барсука. А я могу вас заверить, что Холл совсем не походит на замки настоящих господ, где стены толстые, как каменная плотина. Тут они сложены из кирпича, и ваши кирки войдут в них, как в масло. Еще раз, да здравствует Певерил Пик! Долой Бриджнорта и всех выскочек, круглоголовых рогносцев!

Снова предоставив своим молодцам приятную возможность надорвать себе глотки громогласным ура, Ланс велел им замолчать и повел их в Моултрэсси-Холл, выбирая такие тропинки, где было меньше всего опасности попасться на глаза врагу. По дороге к ним присоединилось несколько храбрых крестьян, преданных Певерилам или англиканской церкви и роялистам; большинство этих людей, встревоженных слухами, которые начали распространяться в округе, были вооружены шпагами или пистолетами.

Ланс Утрем остановил свой отряд на расстоянии, как он говорил, выстрела от дома, а сам осторожно отправился на разведку, приказав Дитчли и остальным рудокопам со всех ног бежать к нему на помощь, как только он свистнет. Он бесшумно пробрался вперед и вскоре обнаружил, что те, кого он надеялся застать врасплох, верные строгому порядку, который и дал им такое огромное превосходство во время гражданской войны, выставили часового, и тот, благочестиво напевая библейский псалом, расхаживал по двору, поддерживая скрещенными на груди руками устрашающей длины ружье.

«Настоящий солдат, — сказал себе Ланс Утрем, — без лишнего шума сразу же прекратил бы этот жалобный вой, пустив тебе в грудь славную стрелу. Но у меня, будь я проклят, недостает солдатского духу. Я не могу драться, пока меня порядком не рассердят. А подстрелить его из-за угла так же жестоко,

как подкрасться тайком к оленю. Нет, лучше я встречу с ним лицом к лицу и посмотрю, что можно сделать».

Приняв столь смелое решение, он, уже не скрываясь более, вошел во двор и решительно направился к парадной двери. Но часовой — старый солдат кромвелевской армии — хорошо знал свои обязанности.

— Кто идет? Стой, приятель, стой, не то я уложу тебя на месте!

Вопрос и приказание последовали одно за другим очень быстро, а последнее было подкреплено тем, что часовой поднял и направил на Ланса свое длинноствольное ружье.

— Вот так штука! — ответил Ланс. — Что это ты надумал стрелять среди ночи? Сейчас, кроме как на летучих мышей, охотиться вроде бы не на кого.

— Послушай, приятель, — сказал бывалый часовой, — я не из тех, кто пренебрегает своим долгом. Меня не убаюкаешь сладкими речами, как ни старайся. Если ты не скажешь мне, кто ты и зачем пришел, я выстрелю, уж будь уверен.

— Кто я? — ответил Ланс. — Да кто же, как не Робин Раунд? Честный Робин из Радхема. А зачем я явился, если уж тебе непременно нужно знать, то пришел я по поручению одного господина из парламента, вон оттуда, из замка. Я принес письма для почтенного майора Бриджнорта из Моултрэсси-Холла. Кажется, это здесь? Только я никак не пойму, чего это ты расхаживаешь тут взад и вперед со своим старым ружьем.

— Давай сюда письма, приятель, — сказал часовой, которому объяснения Ланса показались вполне естественными и правдоподобными. — Уж я позабочусь, чтобы они попали прямо в руки господина майора.

Шаря в карманах, словно в поисках писем, Ланс подошел к часовому поближе и, прежде чем тот успел сообразить, в чем дело, схватил его за шиворот, пронзительно свистнул и, действуя с ловкостью искусного борца, каковым он слыл в юности, пова-

лил часового на спину. Однако во время этой борьбы ружье выстрелило.

На свист Ланса во двор ворвались рудокопы. Убедившись, что теперь уже незачем действовать скрытно, лесничий приказал двоим охранять пленного часового, а всем остальным с громкими криками кинуться на дверь дома. В то же мгновение двор огласился криком: «Да здравствует Певерил Пик!», и с ругательствами, которыми роялисты осыпали круглоголовых в долгие годы войны, одни с помощью ломов и кирок принялись ломать двери, а другие начали сокрушать стену в том месте, где к фасаду здания примыкало нечто вроде крыльца. Работа последних шла удачнее и была не так опасна: их защищали выступ стены и балкон, нависавший над крыльцом, да и, кроме того, разбивать кирпичи было много проще, чем ломать дубовые двери, густо усаженные гвоздями.

Шум во дворе вскоре поднял на ноги всех обитателей дома. В окнах стал вспыхивать свет, и слышались голоса, спрашивающие, что происходит. В ответ раздались еще более буйные крики тех, кто находился во дворе. Наконец отворилось окно над лестницей, и сам Бриджнорт властным тоном потребовал объяснить ему, что означает весь этот шум, и приказал мятежникам тотчас прекратить бесчинство, если они не хотят расстаться с жизнью.

— Нам нужен наш молодой господин, ты, старый ханжа и вор, — ответили ему. — И если ты сейчас же не отдашь его нам, от твоего дома не останется камня на камне.

— Это мы еще увидим! — сказал Бриджнорт. — Только стукните еще разок по стене моего мирного дома, и я разряжу карабин; и пусть тогда кровь ваша падет на ваши собственные головы. Два десятка моих друзей, вооруженных мушкетами и пистолетами, не побоятся с помощью божьей не только защитить мой дом, но и наказать вас за буйство и насилие.

— Мистер Бриджнорт, — ответил Ланс, который хотя и не был солдатом, но, как охотник, хорошо по-

нимал выгодность положения тех, кто может стрелять из укрытия в безоружную толпу, находящуюся на открытом месте. — Мистер Бриджнорт, давайте-ка поговорим с вами по-хорошему. Мы не умышляем против вас никакого зла, но должны выручить нашего молодого господина. Хватит с вас и старого лорда с миледи. Стыдно охотнику убивать и оленя, и олениху, и олененка. А коли вам еще непонятно, то мы быстро расголкуем, в чем дело.

Эти слова сопровождались треском стекол в окнах нижнего этажа — нападающие предприняли новую атаку.

— Я бы принял условия этого честного малого и отпустил молодого Певерила, — сказал один из сторонников Бриджнорта, подходя к окну и зевая с равнодушным видом.

— Да ты с ума сошел! — воскликнул Бриджнорт. — Что ж ты думаешь, я трус и откажусь от власти над Певерилами, испугавшись этой кучки невежд? Ведь одного выстрела довольно, чтобы рассеять их, как ветер разносит мякину!

— Не в том дело, — ответил его собеседник, тот самый человек, который, как казалось Джулиану, был очень похож на его попутчика, именовавшего себя Гэнлессом — Я и сам жажду мщения, но мы заплатим за него слишком дорого, если эти негодяи подожгут дом, а они как будто намерены это сделать, пока ты тут разглагольствуешь из окна. Они забросали прихожую факелами и горящими головнями, и наши друзья только и могут сейчас, что спастись от пламени старую и сухую деревянную обшивку ваших комнат.

— Покарай тебя господь за такую беспечность, — ответил Бриджнорт. — Можно подумать, что зло — твоя стихия и тебе все равно, пострадают ли друзья или враги.

С этими словами он поспешно сбежал вниз, в прихожую, куда сквозь разбитые стекла окон, защищенных железными решетками, осаждающие набросали столько горячей соломы, что дым и пламя привели защитников дома в полное замешательство.

Несколько поспешных выстрелов из окон почти не причинили вреда нападающим, и те, разгорячившись, ответили на пальбу громкими криками «Да здравствует Певерил!» и уже пробили порядочную брешь в кирпичной стене здания, через которую Ланс, Дитчли и еще несколько самых отчаянных проникли в прихожую.

Однако до полного захвата дома было еще очень далеко. Осажденные были людьми, соединявшими в себе большое хладнокровие и опыт с тем возвышенным и пылким энтузиазмом, который ни во что не ставит жизнь по сравнению с исполнением долга, истинного или воображаемого. Из-за полуоткрытых дверей они продолжали стрелять в прихожую, и выстрелы их начали наносить урон нападавшим. Один рудокоп был убит, трое или четверо ранены, и Ланс не знал, на что решиться: то ли отступить, предоставив пожару завершить начатое, то ли предпринять еще одну отчаянную попытку захватить все ключевые посты и полностью овладеть зданием. Но в этот миг его размышления были прерваны неожиданным событием, причину которого необходимо тщательно проследить.

Джулиан Певерил, как и прочие обитатели Моултрэсси-Холла, был разбужен в эту знаменательную ночь выстрелом часового и криками друзей и сторонников его отца. Он понял, что нападение на дом Бриджнорта предпринято с целью освободить его самого. Сильно сомневаясь в успехе этой затеи, все еще борясь со сном, от которого его так внезапно пробудили, и сбитый с толку столь быстрой сменой событий, свидетелем которых ему пришлось быть за последнее время, он поспешно оделся и подбежал к окну своей комнаты. Но он не увидел ничего, что могло бы рассеять его тревогу, — окно выходило на сторону, противоположную той, откуда слышался шум. Он бросился к дверям — они были заперты снаружи. Его смущение и беспокойство достигли предела, как вдруг дверь распахнулась и в комнату вбежала Алиса Бриджнорт; одежда ее была в беспор-

рядке — в пылу поспешности и тревоги она накинула на себя что попало, — волосы разметались по плечам, а взор обнаруживал одновременно и страх и решимость. Она схватила Джулиана за руку и умоляюще воскликнула: «Джулиан, спасите моего отца!»

Алиса держала в руке свечу, и при ее мерцающем свете черты, которые вряд ли кто мог видеть без волнения, обрели в глазах влюбленного юноши невыразимую прелесть.

— Что это все значит, Алиса? — спросил он. — Что грозит вашему отцу? Где он?

— Не теряйте времени на расспросы, — отвечала она — Если хотите спасти его, следуйте за мной.

И она побежала вниз по винтовой лестнице, которая вела в комнату майора, но на полпути свернула в боковую дверь и прошла вдоль длинного коридора к более широкой лестнице. У ее подножия стоял Бриджнорт в окружении четырех-пяти друзей, но их едва можно было различить в дыму от пожара, охватившего всю прихожую, и от выстрелов их собственных ружей.

Джулиан сразу понял, что если он собирается вмешаться, то это надо делать мгновенно. Он прорвался сквозь группу своих врагов, прежде чем его успели заметить, и бросился в гущу рудокопов, заполнивших прихожую, уверяя их, что он в полной безопасности, и уговаривая удалиться.

— Нам нужно еще немного поубавить это Охвостье, — отвечал Ланс. — Я очень рад, что вы живы и здоровы, но вот лежит Джо Раймгеп, убитый наповал, как олень в удачную охоту, да и еще кое-кому из наших не поздоровилось. Мы должны отомстить и поджарить этих пуритан, как зайцев!

— Тогда вам придется поджарить и меня вместе с ними, — сказал Джулиан, — потому что, клянусь богом, я не покину этой комнаты, ибо дал майору Бриджнорту слово не искать свободы насильственными средствами.

— Ну и черт с тобой, будь ты хоть десять раз Певерил! — крикнул Дитчли. — Добрые люди из-за

него на смерть лезут, а он еще против них! Разводи-ка огонь посильнее, спалим их всех вместе!

— Нет, нет, друзья, прислушайтесь к голосу рас-судка и покончим дело миром, — сказал Джулиан. — Мы все здесь в тяжком положении, и вы его только ухудшите своим неповиновением. Лучше помогите потушить пожар, не то он всем нам дорого обойдется. Опустите оружие. Предоставьте нам с майором ула-дить дело, и, я надеюсь, мы сможем удовлетворить обе стороны. Ну, а коли это не удастся, я буду драться вместе с вами. Но что бы ни случилось, я никогда не забуду вашей услуги в эту ночь.

Он отвел Дитчли и Ланса Утрема в сторону, пока все остальные ждали, чем окончатся переговоры, и, от души поблагодарив их за все, что они для него сделали, попросил в знак дружбы к нему и к его отцу разрешить ему самому договориться об усло-виях его освобождения из плена; с этими словами он вложил в руку Дитчли пять или шесть золотых, чтобы храбрые рудокопы Бонадвенчера могли вы-пить за его здоровье. Лансу же он сказал, что очень ценит его усердие, но оно может пойти на пользу роду Певерилов, только если ему предоставят дейс-товать по его усмотрению.

— Что ж, — ответил Ланс, — по мне, пусть так, мистер Джулиан, ибо это не моего ума дело. Мне только и нужно, чтобы вы выбрались целым и не-вредимым из Моултрэсси-Холла, а не то мне будет хороший нагоняй от тетушки Элзмир, когда я вернусь домой. По правде говоря, и затевать-то все это не очень хотелось, но, когда рядом со мной убили бед-нягу Джо, я подумал, что надо бы расквитаться. Впрочем, предоставляю все вашей милости.

Во время этой беседы обе стороны дружно ту-шили огонь, который мог бы оказаться для них ги-бельным. Общие усилия наконец увенчались успе-хом, ибо все действовали единодушно; и казалось, что вода, которую подносили из колодца в кожаных вед-рах и лили в огонь, вместе с пожаром гасила их обо-юдную вражду.

Глава XXVI

Необходимость — лучший миротворец
И мать изобретательности, — ты
Одна поможешь нам прийти к согласью!

Неизвестный автор

Пока продолжался пожар, обе стороны, как мы уже сказали, действовали дружно, подобно враждующим сектам иудеев во время осады Иерусалима, когда они вынуждены были объединиться против общего врага. Но едва последнее ведро воды было вылито на тлеющие уголья, как вражда, подавленная в сердцах чувством страха перед общей опасностью, снова вспыхнула ярким пламенем. Обе стороны, смешавшиеся было в одну толпу, занятую общим делом, тотчас отпрянули друг от друга и разместились в противоположных углах прихожей, угрожающе бряцая оружием и словно ожидая знака начать новое сражение.

Бриджнорт остановил эти грозные приготовления.

— Джулиан Певерил, — сказал он, — ты свободен! Иди куда хочешь, ибо ты отказываешься от моего пути, хотя он безопаснее и почетнее твоего. Однако мой тебе совет — как можно скорее очутиться подальше от Англии

— Ралф Бриджнорт! — воскликнул один из его сообщников. — Ты совершаешь дурной и трусливый поступок. Неужели мы намерены без сопротивления возвратить этим исчадиям Велиала пленника, захваченного тобою в честном бою? Нас здесь довольно, чтобы победить, ибо правда на нашей стороне, и мы не должны освобождать это змеиное отродье, не издавая оружием воли божьей.

Шум одобрения сопровождал эти слова, и не вмешайся снова Гэнлесс, сражение, вероятно, разгорелось бы с новой силой. Но он отвел воинственного пуританина к окну и, по-видимому, представил ему настолько убедительные доказательства его неправоты, что тот, возвратясь к остальным, сказал:

— Наш друг разъяснил мне мое заблуждение, и я, видя, что его мнение совпадает с мнением досто-

почтенного майора Бриджнорта, полагаю, что мы можем возвратить свободу этому молодому человеку.

Поскольку возражений не последовало, Джулиану оставалось только поблагодарить и наградить тех, кто так усердно ему помогал. Прежде всего он заручился словом майора не взыскивать с рудокопов за учиненный ими бунт; затем обратился к ним несколько добрых слов, выражая признательность за службу, и сунул в руку Ланса Утрема горсть золотых, дабы они могли весело провести следующий день. Они хотели было остаться охранять своего молодого господина, но, опасаясь новых беспорядков и полагаясь на обещание майора, Джулиан отпустил их, попросив одного Ланса задержаться до его отъезда из Моултрэсси-Холла. Перед самым своим отъездом, однако, он не мог преодолеть желание поговорить наедине с Бриджнортом и, подойдя к нему, сказал об этом.

Выразив свое согласие кивком головы, Бриджнорт повел Джулиана на небольшую террасу, примыкавшую к дому; там он остановился и с обыкновенной своей невозмутимостью и важностью молча ожидал, что скажет ему Певерил.

Джулиан был смущен таким холодным обращением и не знал, как ему с достоинством и тактом начать говорить о том, что у него было на сердце.

— Майор Бриджнорт, — произнес он наконец, — вы сами были любящим сыном и можете понять мое беспокойство... Мой отец! Что ждет его?

— Что повелит закон, — ответил Бриджнорт. — Если бы он следовал моим советам, то жил бы сейчас спокойно в доме своих предков. Теперь судьба его не в моей власти и еще менее — в вашей. Она зависит от решения парламента.

— А что будет с моей матерью?

— Она, как и всегда, выполнит свой долг и в том найдет себе отраду, — ответил Бриджнорт. — Верьте мне, я совсем не питаю злых умыслов в отношении вашего семейства, хотя так может показаться сквозь дымку враждебности, окутавшую ваш дом. Я могу торжествовать как человек, но как человек я должен также помнить в час своего торжества, что

и враги мои тоже когда-то торжествовали. Не хотите ли вы еще что-нибудь сказать мне? — продолжал он после минутного молчания. — Вы уже не раз отвергали мою помощь. О чем еще говорить нам с вами?

Эти холодные слова, казалось, прекращали дальнейшие объяснения. Но хотя теперь всякие расспросы были, по-видимому, неуместны, Джулиан не мог сдержать вопроса, давно его беспокоившего. Он уже шагнул было к двери и вдруг воротился.

— Ваша дочь... — сказал он с сильным волнением. — Майор Бриджнорт, мне бы следовало просить у вас... Прошу прощения за то, что упоминаю ее имя... Смею ли я спросить о ней?.. И пожелать ей всяческого счастья.

— Я польщен интересом, который вы к ней проявляете, — ответил Бриджнорт, — но вы уже избрали свой путь и должны быть в дальнейшем чужды друг другу. Возможно, я желал, чтобы это было не так, но прошло то время, когда вы могли бы соединиться, если бы последовали моему совету. Что касается ее счастья, если это слово прилично нашему земному странствию, то уж я постараюсь позаботиться о нем. Она сегодня же в сопровождении верного друга покидает Моултрэсси-Холл.

— Друга? Уж не...? — с жаром вскричал Джулиан и вдруг замолчал, чувствуя, что не имеет права назвать имя, трепетавшее у него на губах.

— Продолжайте, почему вы остановились? — спросил Бриджнорт. — Внезапная мысль часто бывает мудрой и почти всегда благородной. Что же за человек внушает вам такую тревогу при одной мысли, что ему будет поручено сопровождать мою дочь?

— Еще раз прошу великодушно простить меня, — ответил Джулиан, — ибо знаю, что не имею никакого права вмешиваться в ваши дела. Но я видел здесь человека, лицо которого мне немного знакомо; он называет себя Гэнлессом. Не ему ли хотите вы доверить дочь свою?

— Именно ему, человеку, называющему себя Гэнлессом, — ответил Бриджнорт без всяких признаков гнева или удивления.

— Но хорошо ли вы знаете того господина, коему вверяете существо, столь драгоценное для вас и для всех, кто знает ее? — спросил Джулиан.

— А знаете ли его вы, задающий мне подобный вопрос?

— Признаюсь, не знаю, — ответил Джулиан. — Но я видел его совершенно другим человеком, нежели тот, каким он представляет себя здесь, и считаю своим долгом предупредить вас об этом. Человек, который надевает на себя, смотря по обстоятельствам, то маску развратника, то лицемера, недостойн того, чтобы вы доверили ему свою дочь.

Бриджнорт презрительно улыбнулся.

— Я мог бы оскорбиться излишним усердием молодого человека, пытающегося учить старика, — сказал он. — Но я только прошу вас, любезный Джулиан, великодушно поверить мне, что, имея столь долгий жизненный опыт, я, уж верно, знаю того, кому вверяю единственное мое сокровище. Тот, о ком вы говорите, имеет только один облик, хорошо известный его друзьям, хотя всему остальному миру он может казаться другим человеком, ибо в свете честное лицо нередко приходится скрывать карикатурной маской, как в греховных забавах, называемых балами и маскарадами, где человек умный, коли он хочет принять в них участие, должен поневоле надевать личину глупца.

— Умоляю вас только об одном, — ответил Джулиан, — берегитесь человека, который, умея надевать маски для других, может и от вас скрыть свои истинные черты.

— Вы что-то уж чересчур подозрительны, молодой человек, — возразил Бриджнорт более резко, чем говорил прежде. — Послушайтесь моего совета: займитесь своими делами, ибо они, поверьте мне, требуют очень серьезного внимания, и предоставьте другим вершить их собственные.

Намек был слишком ясен. Джулиан молча, без дальнейших объяснений, простился с майором и уехал из Моултрэсси-Холла. Читатель может догадаться, как часто оборачивался он, пытаясь угадать, какой

из многочисленных огней, мелькавших в окнах дома, светится в комнате Алисы. Когда дорога повернула в сторону, Джулиан погрузился в глубокую задумчивость, из которой его вывел голос Ланса: лесничий спрашивал, где они проведут остальную часть ночи. Джулиан не знал, что ответить, но верный слуга сам все решил, предложив ему воспользоваться запасной кроватью у него в доме, на что тот охотно согласился. Когда они приехали, все уже спали; бодрствовала только Элмир: уведомленная гонцом о приезде гостя, она приготовилась принять наилучшим образом сына своих старых господ. Джулиан тотчас удалился в отведенную ему комнату, где, несмотря на множество забот и душевную тревогу, скоро заснул и проснулся, когда солнце стояло уже высоко.

Его разбудил Ланс, который, встав рано поутру, уже успел сделать много дел. Он сообщил Джулиану, что Бриджнорт с одним из слуг прислал из замка его лошадь, оружие и маленький дорожный сундучок. Этот же слуга доставил письмо, извещавшее несчастную Дебору Деббич о том, что она уволена, и запрещающее ей впредь показываться в Моултрэсси-Холле. Чиновник палаты общин увез рано утром из замка Мартиндейл под усиленной охраной сэра Джефри в его собственном экипаже; леди Певерил было разрешено следовать за мужем. Мистер Победоносный, стряпчий из Честерфилда, добавил Ланс, вместе с другими судебными чиновниками от имени майора Бриджнорта занял замок Мартиндейл.

Сообщив эти печальные новости, Ланс помолчал, а потом, после минутного колебания, заявил, что он решил покинуть дом и ехать со своим молодым господином в Лондон. Джулиан сначала воспротивился этому предложению, уговаривая его остаться с теткой, чтобы при случае защитить ее от новых хозяев замка.

— Найдет защитника лучше меня, — ответил Ланс, — ибо у нее есть чем заплатить за покровительство. Что же касается меня самого, то я решил, куда жив, не оставлять вас, мистер Джулиан.

Певерил сердечно поблагодарил его за такую преданность.

— Сказать правду, — добавил Ланс, — я не из одной преданности еду с вами, хотя привязан к вам не меньше других; отчасти тут дело в том, что я побаиваюсь, как бы меня не призвали к ответу за вчерашний пожар. Рудокопам-то все сойдет с рук: от них ведь ничего другого и ожидать нельзя.

— Если ты боишься, — сказал Джулиан, — я напишу майору Бриджнорту; он обязан защитить тебя.

— Да нет, я ведь еду не из одного лишь страха, хотя и не из одной преданности, — уклончиво ответил лесничий. — Тут и страха и преданности хватает, но есть еще причина, коли говорить правду. Мисс Дебора и тетушка Элзмир решили поселиться вместе и забыть про все свои ссоры. А из всех привидений на свете самое страшное — это давнишняя любовь до гроба, вновь принимающаяся за бедного малого вроде меня. Мисс Дебора, несмотря на свое горе из-за потери места, уже заговорила разговор о разрубленном пополам шестипенсовике или о чем-то еще в этом роде, как будто мужчина может столько лет помнить такие пустяки, даже если бы она сама тем временем не улетала за море, как вальдшнеп.

Джулиан едва удерживался от смеха.

— А я-то считал тебя настоящим мужчиной, Ланс, и не думал, что ты побоишься женщины, решившей насильно женить тебя на себе.

— Однако это случалось со многими честными людьми, — возразил Ланс, — а когда эта женщина живет в одном доме с тобой, сам черт ей помогает. К тому же здесь-то будут двое против одного, ибо тетка, хоть и говорит красиво, когда речь идет о господах, но уж своего не упустит, а мисс Дебора, видать, богата, как еврей-ростовщик.

— А тебя, я вижу, не прельщает женитьба ради пирогов и пудингов?

— Нет, мистер Джулиан, — отвечал Ланс, — особенно если я не знаю, на каком тесте они замешены. Откуда, черт побери, мне знать, как эта шельма добыла свои денежки? Да и потом, уж коли болташь про памятки да про всякие там нежности, надо бы по-прежнему быть той ладной девчонкой, с которой

я разломал шестипенсовик, — тогда бы и я с ней был прежним. Но мне еще никогда не доводилось слышать о любви до гроба, которая продолжалась бы десять лет. А ее любви, коли она вообще существует, вот-вот исполнится двадцать.

— Что ж, Ланс, — сказал Джулиан, — раз уж ты решился, поедем в Лондон. А там, если обстоятельства не позволят мне оставить тебя своим слугой и если дела моего отца не поправятся, я постараюсь найти тебе другое место.

— Да нет, — возразил Ланс, — я надеюсь вскоре возвратиться в мой милый Мартиндейл и по-прежнему объезжать леса. Ведь когда у них не будет общей мишени, то есть меня, тетка и мисс Дебора быстро натянут луки друг против друга... А вот и тетушка Элмир несет вам завтрак. Я только пойду дам кое-какие наставления касательно оленей моему помощнику Ралфу Забияке, а потом оседлаю моего пони и лошадь вашей милости — уж не сказать, что очень она хороша, — и все будет готово к отъезду.

Джулиан был рад, что приобрел такого сметливого, преданного и храброго товарища, каким показал себя Ланс накануне вечером. Он постарался поэтому уговорить тетку ненадолго расстаться с племянником. Старуха по безграничной привязанности своей к дому Пeverилов легко согласилась на это и только горестно вздохнула при мысли о том, что рухнули ее воздушные замки, построенные на туго набитом кошельке Деборы. «Впрочем, — думала тетушка Элмир, — оно и к лучшему, что он сбежит от этой чересчур прыткой, длинноногой замарашки Сис Селлок». Для бедной же Деборы отъезд Ланса, на которого она смотрела, как мореплаватель на тихую гавань, где можно укрыться от непогоды, был вторым ударом после того, как ее прогнали с весьма доходной службы у майора.

Джулиан навестил эту безутешную девицу, надеясь узнать от нее хоть что-нибудь о намерениях Бриджнорта насчет его дочери, о характере Гэнлесса и прочих подробностях, которые могли быть ей известны по ее положению в семье, но Дебора пребывала

в таком смятении, что не способна была ничего толком рассказать. Имени Гэнлесса она даже не помнила, при упоминании об Алисе с ней делалась истерика, а при имени майора она приходила в бешенство. Она только перечисляла многочисленные услуги, оказанные ею отцу и дочери, предсказывала, что у них и белье будет дурно постирано, и птица отощает, и припасов будет недоставать, и дом никогда не будет прибран, и что Алиса захворает и скоро умрет, и что все эти беды не стряслись ранее только потому, что она охраняла от них семейство своими попечениями, вниманием и неусыпной заботой. Потом снова заговаривала о бегстве Ланса, то плача, то принужденно смеясь, выражала свое полное презрение к этому бесчестному человеку, и Джулиан понял, что эта тема никак не послужит к ее успокоению и что если он не пожелает отложить свой отъезд на срок более длительный, чем позволяет положение его дел, то, видимо, не дождется, пока Дебора будет в состоянии дать ему сколько-нибудь разумные и полезные сведения

Ланс, который по доброте душевной обвинял только себя в нервических припадках мисс Деббич, или, иначе, в том, что «на нее находит», как принято было говорить в округе применительно к подобным приступам *passio hysterica*,¹ решил ее пожалеть и не показываться больше на глаза бедной жертве собственной чувствительности и его бессердечия. Поэтому он велел своему помощнику Ралфу шепнуть Джулиану, что оседланные лошади стоят у крыльца и все готово к отъезду.

Джулиан не заставил себя дожидаться, и вскоре они, усевшись на лошадей, рысью направились в Лондон, свернув, впрочем, с главной дороги. Джулиан рассчитывал, что карета, в которой ехал его отец, будет двигаться медленно, а потому он успеет добраться до Лондона первым, чтобы посоветоваться с друзьями их семьи о том, какие меры следует принять для защиты сэра Джеффри.

---

¹ Истерического настроения (лат.).

Они ехали целый день и уже поздно вечером остановились у небольшого постоялого двора. На их стук никто не вышел, хотя дом был освещен и из кухни доносилась чья-то быстрая речь; так сыпать словами мог только повар-француз в самый разгар своего священнодействия. А поскольку в то время эти заморские искусники встречались еще редко, то Джулиан тотчас заподозрил, не орудует ли там мосье Шобер, чьи plats¹ он недавно оценил, ужиная со Смитом и Гэнлессом.

Возможно, один из них, а может быть, и оба находятся в этой маленькой гостинице; а если так, то Джулиан мог попытаться узнать, кто они на самом деле и каковы их намерения. Он еще не представлял себе, как ему это удастся; но случай неожиданно пришел ему на помощь.

— Вряд ли я смогу принять вас, господа, — сказал хозяин, наконец появившийся в дверях. — У меня сегодня остановились знатные господа, и им нужен весь дом, да и того, боюсь, будет мало.

— Мы люди простые, почтенный хозяин, — ответил Джулиан, — и едем на рынок в Моузли. Нынче уж поздно двигаться дальше, а нам хватит и маленького уголка.

— Ну, коли так, — сказал хозяин, — я помещу одного из вас в кладовой, за перегородкой, хоть господа и желали быть одни; другой же хочет не хочет, а должен помочь мне у бочонка.

— Меня к бочонку! — вскричал Ланс, не дожидаясь решения своего господина. — Рядом с ним я готов жить и умереть.

— Ну, значит, я иду в кладовую, — сказал Джулиан и, обернувшись к Лансу, шепотом попросил его, чтобы избежать возможности быть узнанным, обменявшись с ним плащами.

Пока хозяин ходил за лампой, они быстро переоделись, и хозяин провел Джулиана в дом, предупредив его, чтобы он не шевелился в своем убежище, а если кто-нибудь его увидит, чтобы назвался одним

---

¹ Блюда (франц.)

из обитателей дома и предоставил ему самому все уладить.

— Тебе будет слышно все, что говорят господа, — добавил он, — но я думаю, ты ничего не поймешь: они или лопочут по-французски, или болтают всякую чепуху про королевский двор, которую понять не легче.

Кладовая, куда был помещен на этих условиях наш герой, по-видимому, служила по отношению к общей зале чем-то вроде крепости, откуда можно было наблюдать за мятежной столицей и обуздывать ее. Здесь сидел хозяин в субботние вечера и, не видимый своими гостями, имел возможность следить за их желаниями и поведением, а также слышать их разговоры. К подобной деятельности он питал изрядное пристрастие, ибо принадлежал к многочисленному разряду тех филантропов, для которых чужие дела важны ничуть не менее, если не более, собственных.

Там-то он и поместил нового гостя, еще раз напомнив, что тот ни словом, ни движением не должен выдать свое присутствие, и пообещав немедленно принести ему кусок холодной говядины и кружку отличного эля. С этими словами он покинул Джулиана, забрав с собою лампу, и его гостю пришлось довольствоваться тем светом, который проникал в кладовую из ярко освещенной залы через щель, обычно позволявшую хозяину видеть все, что там происходит.

Положение Джулиана, само по себе неудобное, оказалось, однако, таким, какого он только мог бы пожелать. Завернувшись в плащ Ланса Утрема, такой поношенный и полинялый, что о его первоначальном зеленом цвете можно было теперь лишь догадываться, и приняв все необходимые меры предосторожности, он начал наблюдать за двумя людьми, которые завладели залой, обычно открытой для всех приезжих. Они сидели за столом, уставленным самыми отборными яствами, какие мог придумать и изготовить такой искусный повар, как мосье Шобер, и охотно воздавали им должное.

Джулиан без труда узнал в одном из них, как и предполагал, хозяина вышеупомянутого Шобера;

Гэнлесс называл его Смитом. Другого же, сидевшего к нему лицом, он видел впервые. Этот человек был одет как самый заправский щеголь. Его парик, поскольку ему приходилось путешествовать верхом на лошади, был не намного больше парика современного адвоката, но запах духов, который исходил от него при каждом движении, заполнял всю залу, где обычно пахло только дешевым табаком — этой утешой простонародья. Его плащ был обшит галуном по последней и самой изысканной моде, а шитью на его жилете и покрою рейтуз, которые застегивались над коленом, позволяя любоваться красивой формой ноги, позавидовал бы сам Граммон. Нога эта сейчас покоилась на табурете, и ее владелец время от времени поглядывал на нее с явным удовольствием.

Разговор этих достойных особ был столь занимателен, что мы намерены посвятить ему следующую главу.

Глава XXVII

Да, это существо сродни стихиям:
То, словно чайка, кружится над морем
Бушующим, и слышен в реве шторма
Щемящий крик, то, оседлав волну,
На гребне пены дремлет безмятежно
И бури не страшится. Но ведь это
Всего лишь чайка, странница морей.

«Вождь»

— Твое здоровье, любезный Том, — сказал модный щеголь, которого мы только что описали. — Пью за твое возвращение из земли остолопов. Ты гостил у них так долго, что и сам выглядишь неотесанным деревенщиной. Засаленную куртку ты носишь так, словно это твой праздничный, воскресный камзол, а шнуры на ней можно принять за шнуровку корсета, купленную для твоей милой Марджори. Удивительно, что ты еще способен чревоугодничать, наслаждаясь вкусом рагу: для живота, затянутого этаким камзолом, яичница с ветчиной — более подходящая пища!

— Смейтесь сколько угодно, милорд, — отвечал его товарищ, — ваш заряд все равно скоро кончится. Лучше поведайте-ка мне придворные новости, коли уж нам довелось повстречаться.

— Тебе бы еще час назад следовало порасспросить меня об этом, — сказал лорд, — да ты никак не мог оторваться от блюд Шобера. Ты, видно, сообразил, что королевские дела не простынут, а кушанья надобно есть горячими.

— Вовсе нет, милорд! Я нарочно говорил о предметах посторонних, покуда этот негодяй хозяин был здесь и подслушивал. Теперь мы одни, и я умоляю вас поскорее поведать мне, что нового при дворе.

— Дело о заговоре прекращено, — ответил кавалер. — Сэр Джордж Уэйкмен оправдан — свидетели обвинения были отведены присяжными. Скрогз сначала подпевал одним, теперь подпевает другим.

— К черту заговор, Уэйкмена, свидетелей, папистов и протестантов! Неужели вы думаете, меня интересует подобная чепуха? До тех пор, пока заговор не проникнет во дворец и не завладеет воображением старого Раули, мне решительно все равно, кто во что верит. Я держусь за того, кто меня вывезет.

— Тогда вот тебе другая новость, — сказал милорд, — Рочестер в немилости.

— В немилости? Как и за что? В то утро, когда я уезжал, он стоял не менее прочно, чем остальные

— Все кончено. Он сломал себе шею на той самой эпитафии и теперь может сочинить другую — своей придворной карьере; она мертва и похоронена.¹

---

¹ Речь идет о знаменитой эпиграмме на Карла II, написанной Рочестером. Она была сочинена по просьбе короля, который тем не менее был возмущен ее язвительностью. Ее строки хорошо известны:

Под эти своды прибыл из дворца
Король, чье слово было хрупко.
За ним не числится ни глупого словца,
Ни умного поступка

(Перевод С. Маршака)

(Прим автора)

— Эпитафия? — воскликнул Том. — Он сочинил ее при мне, и тот, для кого она написана, восхищался ею как самой остроумной шуткой.

— И мы так думали, — отвечал его собеседник. — Но она разнеслась повсюду, да еще с невероятной быстротой. Ее читали вслух в каждой кофейне, напечатали чуть не в половине всех журналов. Граммон перевел ее на французский. А ведь мудроно смеяться над язвительной шуткой, когда ее без конца повторяют со всех сторон. Потому-то сочинитель и впал в немилость. И не будь его светлости герцога Бакингема, двор стал бы так же скучен, как парик лорда-канцлера.

— Или как голова, которая его носит. Что же, милорд, чем меньше при дворе людей, тем больше там свободного места для других. Однако две главные струны на скрипке Шафтсбери лопнули: заговору папистов не верят, а Рочестер в немилости. Времена смутные — выпьем за человека, который наведет порядок.

— Я тебя понимаю, — ответил кавалер, — и желаю успеха. Поверь мне, милорд тебя любит и жаждет видеть. Ну вот, я выпил под твой тост; теперь моя очередь: с твоего позволения, за здоровье его светлости герцога Бака,¹ который отнюдь не ломака!

— За самого веселого пэра, какой когда-либо умел превращать ночь в день, — подхватил Смит. — Нет, нет, наливайте до краев и пейте одним духом. И я выпью *super pasulum*.² А за кого стоит наша первая дама?³

— Она решительно против всяких перемен, — ответил милорд. — Маленький Энтони ничего не может с ней сделать.⁴

---

¹ То есть Бакингема.

² Сверх меры (*лат.*).

³ Герцогиня Портсмутская, любовница Карла II. Во время заговора папистов, как французенка и католичка, она была очень непопулярна. (*Прим. автора.*)

⁴ Энтони Эшли Купер, граф Шафтсбери, политик и интриган того времени. (*Прим. автора.*)

— Тогда он должен свести на нет ее влияние. Дайте-ка я шепну вам на ухо. Вы знаете...

Тут он стал говорить так тихо, что Джулиан ничего не расслышал.

— Знаю ли я его? — вскричал милорд. — Знаю ли я Неда с острова Мэн? Разумеется, знаю.

— Он-то и свяжет обе лопнувшие струны. Запомните, что я вам сказал. А потому пью за его здоровье.

— Поэтому и я пью, — подхватил молодой кавалер, — а если бы не это, ни под каким видом не стал бы пить: я знаю, что Нед — негодяй.

— Согласен, милорд, согласен. Он отъявленный подлец, но способный, милорд, способный и нужный. А в нашем деле — просто незаменимый. Что за черт? Это шампанское с каждой минутой становится все крепче!

— Послушай, любезный Том, — сказал придворный, — расскажи-ка мне подробнее об этой тайне. Уверен, что ты все знаешь, — кому же еще доверять, как не надежному Чиффинчу?

— Вы слишком милостивы, милорд, — отвечал с пьяной важностью Смит (теперь мы станем называть этого человека его настоящим именем Чиффинч), у которого многократные возлияния в тот вечер развязали язык. — Немного людей, милорд, знают так много и говорят так мало, как я. Мой девиз — *conticuege omnes*¹ — так нас учили по-латыни, а значит это «держи язык за зубами».

— Но не с друзьями, любезный Том, только не с друзьями. Неужели ты будешь таким упрямым, что не скажешь другу ни словечка? Знаешь, ты становишься уж слишком благоразумен и важен для своей должности. Шнуры твоей крестьянской куртки того и гляди лопнут от распирающих тебя секретов. Ну-ка, расстегни хоть одну пуговицу, Том, для твоего же блага советую. Распусти пояс, дай твоему верному другу узнать, что там замышляют. Ты же знаешь, я не меньше тебя предан маленькому Энтони, если он только сможет взять верх.

---

¹ Умолкли все (лат.).

— Если? Ах ты, Фома неверный! — вскричал Чиффинч. — Это ты мне говоришь «если»? В нашем деле не должно быть никаких «если» и никаких «только». Первую даму надо столкнуть на ступенечку вниз, а заговор подтянуть на две-три вверх. Ты знаешь Неда? Честный Нед должен отомстить за смерть брата!

— Я слышал об этом, — отвечал придворный, — и думаю, что его упорный отказ забыть обиду — одна из немногих в нем отвратительных добродетелей.

— И вот, — продолжал Чиффинч, — стараясь любым способом осуществить свое мщение и думая об этом день и ночь, Нед отыскал сокровище.

— Что? На острове Мэн? — удивился собеседник Чиффинча.

— Именно. Такая красавица, что стоит ей только показаться, и все фаворитки, начиная с герцогинь Портсмутской и Кливлендской и кончая трехгрошовой госпожой Нелли, полетят ко всем чертям.

— Клянусь честью, Чиффинч, подкрепление отыскано по всем правилам твоей тактики. Только смотри, Том, для победы мало румяных щечек да блестящих глазок: тут надобен ум, мой любезный, ум, правильная повадка да хоть немного здравого смысла, чтобы сохранить влияние, когда она его добьется.

— Полноте! Вам ли учить меня этой науке? — сказал Чиффинч. — Выпьем за ее здоровье полный бокал! Нет, вы будете пить, стоя на коленях! Никогда не доводилось мне видеть столь совершенную красоту. Нарочно ходил для этого в церковь, а ведь я там не был десять лет... Нет, я лгу, не в церковь, а в часовню.

— В часовню! — вскричал придворный. — Черт побери, так она пуританка?

— Разумеется. Неужели вы думаете, я бы стал помогать папистке войти в милость в такое время, когда достопочтенный милорд публично заявил в палате, что около короля не должно быть слуг и служанок

из католиков, дабы его слух не оскорбляли ни лай, ни мяуканье? ¹

— Но подумай, Чиффинч: а вдруг она ему не понравится? Может ли старый Раули с его игривым умом и любовью ко всякой игре ума, с его необузданностью и любовью ко всему необузданному вступить в связь с глупой пуританкой, начиненной ханжеской добродетелью? Нет, будь она хоть самой Венерой!

— Ты в этом деле ничего не смыслишь, — отвечал Чиффинч. — Уверяю тебя, что внезапное превращение святой в грешницу особенно подстегнет интерес старика. Кому же его и знать, как не мне? За ее здоровье, милорд, и на колени, ежели хочешь когда-нибудь попасть в камергеры!

— Выпью охотно, — ответил его товарищ. — Но ты еще не сказал мне, как и где они познакомятся. Ведь не можешь же ты привезти ее в Уайтхолл?

— Ага, милорд, вы хотите все у меня выведать? Нет, этого я не могу позволить. Я могу разрешить приятелю одним глазком взглянуть на мою цель, но никто не должен знать, какими средствами я стану ее добиваться.

И, совсем захмелев, он хитро и многозначительно покачал головой.

Злодейский умысел, жертвою которого, как подсказывало ему сердце, должна была стать Алиса, так взволновал Джулиана, что он невольно шевельнулся и схватился за эфес шпаги.

— Тсс! — услышав шорох, сказал Чиффинч. — Мне чудится какой-то шум! Черт возьми!.. Я думал, что говорю с тобой наедине.

— Я прикончу любого, кто подслушал хоть одно слово из нашего разговора, — заявил кавалер.

Взяв в руки свечу, он поспешно осмотрел все углы комнаты, но, удостоверившись, что никого нет, поставил свечу на стол и продолжал: — Предположим, прекрасная Луиза де Керуайль ² слетит со сво-

---

¹ Так цветисто выражался в своих речах Шафтсбери. (*Прим. автора.*)

² Любовница Карла II, которой он пожаловал титул герцогини Портсмутской. (*Прим. автора.*)

его пьедестала, но как поднимете вы ниспровергнутый заговор? А ведь без этого заговора, что бы ты о нем ни думал, ничто не переменится: станет ли любовницей короля протестантка вместо папистки, маленькому Энтони без заговора легче не будет. Честно говоря, мне кажется, он сам его и породил на свет.¹

— Кто бы ни породил, — сказал Чиффинч, — он его усыновил и взлелеял. Ну ладно; хоть меня это и не касается, я еще раз сыграю роль святого Петра и вторым ключом отопру вторую тайну.

— Вот это по-приятельски. А я собственными руками откупорю новую бутылку, и мы выпьем за успех твоего плана.

— Ты, наверное, знаешь, — продолжал разговорчивый Чиффинч, — что они уже давно точат зубы на старую графиню Дерби. Послали наконец Неда — у него с ней давнишние счеты, тебе и это известно — с секретным предписанием, если удастся, захватить остров, прибегнув к помощи его старых друзей. А Нед все это время держал при ней шпионов и теперь без памяти рад, что час расплаты наконец настал. Только ничего у него не вышло, а старуха насторожилась и вскоре заставила Неда поплатиться за это. Ему пришлось убраться с острова ни с чем; и вдруг, черт его знает как, но он узнал, что ее величество старая королева Мэна отправила в Лондон нарочного собрать верных людей. Нед и пристроился к этому посланному — малый молодой, неопытный, сын старого неудачника, родовитого кавалера из Дербишира — и ему удалось так окрутить простачка, что он привез его прямо туда, где я, сгорая от нетерпения, ожидал ту самую красотку, о которой только что тебе говорил. Клянусь святым Антонием — а ведь это, знаешь, какая клятва — я только глаза вытаращил, увидев этого огромного деревенского детину, хотя, в общем-то, нельзя сказать, что он какой-нибудь

---

¹ Как говорят, Шафтсбери заявил, что не знает, кто выдумал этот заговор, но раскрытие его считает целиком своей заслугой. (Прим. автора.)

там урод, — я только глаза вытаращил, как... как... ну, помоги же мне придумать сравнение!

— Как свинья святого Антония, — отозвался молодой лорд, — если такое сравнение тебя устраивает. Кстати, твои глаза, Чиффи, и похожи на свиньи глазки. Но какое отношение имеет все это к заговору? Нет, хватит, я уже достаточно выпил.

— Не мешай мне, — сказал Чиффинч, и в наступившей тишине послышался звон стекла, будто вино наливалось в стакан его товарища очень нетвердой рукой. — Эй, что за черт? Что это значит? У меня рука никогда не дрожала, никогда.

— Ну, и что же этот незнакомец?

— Сожрал мою дичь и рагу, как обыкновенную говядину или баранину. В жизни не видел такого изголодавшегося юнца. Он и сам не знал, что глотает, а я мог только проклинать его, видя, как исчезают в невежественной пасти этого дикаря шедевры Шобера. Впрочем, мы позволили себе приправить его вино, а потом освободили его от пакета писем, и на другое утро этот олух отправился в путь с пакетом серой бумаги. Нед хотел было удержать его при себе, чтобы потом сделать свидетелем, но парень оказался не из такого теста.

— А как же вы докажете подлинность этих писем?

— Вы попали прямо в точку, милорд, — ответил Чиффинч. — Хоть на вас и расшитое плажье, сейчас видно, что вы принадлежите к роду Фернивал и только смерть брата сделала вас придворным. Как доказать подлинность этих писем? Что ж, нужно только пустить птичку лететь с привязанной к ноге веревочкой, чтобы вернуть ее, как только понадобится.

— Ты стал настоящим Макиавелли, Чиффинч! — сказал его приятель. — Но что, если юнец окажется несговорчивым? Я слышал, что у этих Пиков головы горячие, а руки сильные.

— Не беспокойтесь, милорд, — ответил Чиффинч. — Об этом мы позаботились. Его пистолеты могут лаять, но не кусаться.

— О, мудрый Чиффинч, ты сделался не только гулякой, но и разбойником. Умеешь и ограбить человека и похитить его самого.

— Я гуляка и разбойник? Что это значит? — спросил Чиффинч. — За такие слова можно и ответить. Хотите рассердить меня так, чтобы дело дошло до ссоры? Называть меня грабителем и похитителем!

— Ты путаешь глагол с существительным, — ответил почтенный лорд. — Я сказал «ограбить» и «похитить» — а это можно сделать, и не занимаясь таким ремеслом постоянно.

— Но не без того, чтобы выпустить из дурака немного благородной крови или что там у него течет в жилах, — вставая со стула, заявил Чиффинч.

— Да нет, — возразила сиятельная особа, — все это может произойти без таких ужасных последствий, в чем ты и убедишься завтра, когда вернешься в Англию. Ибо сейчас ты в Шампани, Чиффи, и, чтобы ты оставался там на всю ночь, я предлагаю последний тост за твоё здоровье.

— Не отказываюсь, — ответил Чиффинч, — но пью с обидой и враждой! Это чаша гнева и залог битвы. Завтра на рассвете я проткну тебя шпагой, даже если ты последний из рода Сэвилов. Кой черт, не думаешь ли ты, что я тебя боюсь, потому что ты лорд?

— Совсем нет, Чиффинч, — сказал его товарищ. — Я знаю, что ты боишься только бобов со свиным салом, когда выпьешь после них пива. Прощай, любезный Чиффинч, ложись спать. Ложись, Чиффинч, ложись!

С этими словами он взял свечу и вышел из комнаты. А Чиффинч, которого последний стакан совсем доконал, едва мог двинуться с места и заковылял прочь, шатаясь и бормоча себе под нос:

— Нет, я ему не спущу... На рассвете? Черт побери, уже рассвет!.. Вон уж и солнце восходит... Нет, прах меня возьми, это огонь играет на проклятой красной решетке. Я, кажется, изрядно пьян... Вот всегда так на постоялых дворах... В этой мерзкой комнате пахнет коньяком... Это не может быть вино...

Что же, старый Раули больше не даст мне поручений в деревню. Спокойно, спокойно...

С этими словами он убрался из комнаты, оставив Певерила размышлять об услышанном им удивительном разговоре.

Имя Чиффинча, известного пособника королевских забав, как нельзя лучше подходило для роли, отведенной им себе в предстоящей интриге; но то, что Кристиан, которого Джулиан всегда считал строгим пуританином, вполне под стать его зятю Бриджнорту, вошел в столь гнусный заговор с Чиффинчем, казалось молодому человеку противоестественным и чудовищным. Близкое родство могло ослепить майора и заставить его с легким сердцем доверить дочь такому человеку; но каков должен быть человек, так хладнокровно замышляющий неслыханное предательство! Усомнившись на минуту в истине всего им слышанного, Джулиан поспешно осмотрел пакет с письмами и нашел в тюленьей коже, которой он был обернут, только чистую бумагу. Выстрел из пистолета, даже не ранивший Бриджнорта, а только опаливший ему лицо, подтверждал, что его оружие кто-то трогал. Он осмотрел пистолет, оставшийся заряженным, и обнаружил, что пуля из него вынута.

«Пусть я погибну, опутанный их проклятыми кознями, — подумал Певерил, — но пистолет все-таки нужно зарядить как следует. Содержание писем может погубить мою благодетельницу, а то, что их нашли у меня, — повредить моему отцу, да и мне самому в эти страшные дни может стоить жизни, хотя это меня мало заботит. Ужаснее всего этот адский умысел, угрожающий чести и счастью создания, столь невинного, что о нем и думать грешно, находясь под одной крышей с этими презренными злодеями!.. Во что бы то ни стало надо раздобыть мои письма; но как? Об этом нужно подумать. Ланс — человек смелый и преданный мне... И потом, стоит только решиться на отважное дело, как всегда найдутся средства его выполнить».

В эту минуту, прося извинения за долгое отсутствие, вошел хозяин; он принес Джулиану еду и пред-

ложил ему переместиться в дальний сарай с сеном, где он сможет переночевать вместе со своим товарищем. Он признался, что оказывает им подобное гостеприимство только из преклонения перед необыкновенным талантом Ланса Утрема, который помогал ему разливать вино. По-видимому, Ланс и восхищенный им хозяин ухитрились выпить вдвоем за вечер почти столько же, сколько налили всем гостям.

Но Утрем был закаленный боец, никакое вино не действовало на него долго, и когда Певерил разбудил его на рассвете, то нашел верного слугу своего достаточно трезвым и бодрым, чтобы не только понять его план возвращения украденных писем, но также и выразить готовность участвовать в нем.

Внимательно выслушав все, что ему сообщил Джулиан, Ланс ухмыльнулся, пожал плечами, почесал в затылке и наконец смело объявил свое решение в таких словах:

— Тетка права, повторяя старинную поговорку:

Кто честно служит Певерилу, тот
Ни в буре, ни в беде не подведет.

Она еще всегда добавляет, что где Певерилу лезть в огонь, там Утрем в самое пекло полезет; так что я тоже себя не уроню и буду служить вам, как мои предки служили вашим в продолжение четырех поколений, а может, и того больше.

— Славно сказано, любезный Утрем, — согласился Джулиан. — Только бы нам суметь освободиться от этого фатоватого лорда и его свиты, мы с тобой легко бы управились с тремя остальными.

— С двумя лондонцами и одним французом? — спросил Ланс. — Да я один с ними справлюсь. Что же касается лорда Сэвила, как они называют его, то я вчера вечером слышал, что он со всеми своими челядинцами — этими позолоченными имбирными пряниками, что смотрят на такого честного малого, как я, словно они — руда, а я — всего лишь шлак, — отправляется нынче поутру на скачки или на какой-то там еще пикник возле Татбери. Он нарочно для того и

приехал сюда, а тут случайно встретился с этим хорьком.

И правда, не успел Ланс произнести эти слова, как они услышали во дворе топот лошадей и из служебного окошка сарая увидели, что слуги лорда Сэвила собрались и готовы пуститься в путь, как только появится их хозяин.

— Ну как, мистер Джереми, — обратился один из слуг к другому, который, по-видимому, был главным и только что вышел из дома, — видать, крепкое было вино, что милорд все спит без просыпу, хотя ночь уже давно миновала.

— Нет, — отвечал Джереми, — он встал на заре и писал письма в Лондон; а в наказание за твои дерзкие речи, ты, Джонатан, и повезешь их туда.

— И я не попаду на скачки? — с досадой спросил Джонатан. — Спасибо за услугу, мистер Джереми. Я ее никогда не забуду.

Тут спор был прерван приходом молодого лорда; он вышел из гостиницы и сказал Джереми:

— Вот письма; пусть один из людей сломя голову скачет с ними в Лондон и доставит куда указано. Все остальные на коней и за мной!

Джереми со злорадной улыбкой подал пакет Джонатану, и тот с мрачным и разочарованным видом поворотил свою лошадь в сторону Лондона, а лорд Сэвил в сопровождении своей свиты рысью помчался в противоположную сторону, напутствуемый благословениями хозяина и его семейства, которые не переставая кланялись и приседали, в благодарность, как видно, за щедрую плату.

Прошло не менее трех часов после их отъезда, когда Чиффинч в расшитом халате и бархатном зеленом колпаке, отделанном лучшими брюссельскими кружевами, явился в залу, где накануне ужинал со своим товарищем. Полусонный, он томным голосом потребовал кружку холодного пива. Его внешность и манеры свидетельствовали о том, что он накануне вечером жестоко сражался с Бахусом и еще не совсем пришел в себя от битвы с богом веселья. Ланс, которому было приказано следить за каждым дви-

жением Чиффинча, вызвался подать ему пива, попросив у хозяина позволения посмотреть на лондонца в халате и колпаке.

Опохмелившись, Чиффинч тотчас поинтересовался, где лорд Сэвил.

— Их светлость уехали на заре, — ответил Ланс.

— Что за черт! — воскликнул Чиффинч. — Это невежливо. На скачки? Со всей свитой?

— Со всеми, кроме одного, которого их светлость отправили в Лондон с письмами, — ответил Ланс.

— В Лондон с письмами? — переспросил Чиффинч. — Да ведь он знал, что я еду туда; почему же он не отдал их мне? Постой... постой... Я припоминаю... Дьявол меня побери! Неужели я проговорился? Да, да! Точно... Я вспомнил теперь: я все выболтал... И кому же? Придворной пиявке, которой только и дела, что высасывать чужие тайны!.. Проклятое вино! Всегда вечер расстраивает мои утренние замыслы. Вот ведь непременно мне нужно казаться веселым собутыльником и добрым малым, когда я в подпитии, исповедоваться да затевать ссоры, придумывать себе друзей и врагов — чума меня разрази! — словно кто-нибудь может тебе помочь или навредить больше, чем ты сам! Его посланец не должен доехать до Лондона: надо помешать ему... Эй, слуга! Позови ко мне моего конюха Тома Бикона.

Ланс позвал Тома и стал у дверей, не выходя из комнаты, чтобы услышать их разговор.

— Послушай, Том, — сказал Чиффинч, — вот тебе пять золотых.

— Что прикажете делать? — спросил Том, не потрудившись даже поблагодарить своего господина, ибо знал, что тому требуется благодарность совсем иного рода.

— Садись на лошадь, Том, и скачи без оглядки по дороге в Лондон. Ты должен во что бы то ни стало догнать слугу лорда Сэвила, которого он отправил нынче поутру, покалечить его лошадь... переломать ему самому руки и ноги... напоить его допьяна, одним словом, любым способом остановить его. Что же ты, дубина, ничего мне не отвечаешь? Ты что, не понял меня?

— Я-то слушаю вас, мистер Чиффинч, но вот этому малому, думаю, нет надобности слушать наши разговоры, — сказал Том, указав на Ланса Утрема.

— Нынче утром меня околдовали, — рассуждал про себя Чиффинч, — или шампанское все еще кружит мне голову. Мой мозг стал похож на голландскую низменность — четверть пинты производит в нем целое наводнение... Подойди сюда, приятель, — добавил он, обращаясь к Лансу, — послушай, что я тебе скажу. Мы с лордом Сэвилем поспорили, чье письмо прежде придет в Лондон. Вот возьми, выпей за мое здоровье и пожелай мне успеха, но никому ни слова. Помоги Тому оседлать лошадь... Том, прежде, чем отправиться, зайди ко мне за письмом к герцогу Бакингеми; ты отдашь его в доказательство того, что первым приехал в столицу.

Том Бикон поклонился и вышел. Ланс же, для вида повозившись с минуту возле его лошади, поспешил к своему господину, чтобы сообщить ему радостное известие — число сторонников Чиффинча сократилось, и теперь их тоже двое.

Певерил велел немедленно приготовить лошадей и с удовольствием наблюдал, как по лондонской дороге помчался вскачь Том Бикон, а за ним и Чиффинч со своим любимцем Шобером; правда, эти скакали не так быстро. Джулиан позволил им удалиться на некоторое расстояние, дабы не вызвать никаких подозрений, а затем, расплатившись с хозяином, сел на лошадь и осторожно поехал вслед за ними, не догоняя, но и не упуская их из виду до тех пор, пока все они не доедут до места, удобного для выполнения его намерения.

А намерение это заключалось в том, чтобы, добравшись по дороге до какой-нибудь пустынной местности, постепенно прибавить шагу и догнать Шобера; тогда Ланс Утрем должен будет отстать и расправиться с поваром, в то время как он сам, пришпорив коня, вступит в схватку с Чиффинчем. Но этот план годился только в том случае, если господин, как обычно, будет ехать на несколько ярдов впереди слуги. А Чиффинч и повар-француз, поглощенные

предметом своей беседы, так заговорились, что забыли о правилах этикета и ехали рядом, дружески обсуждая всевозможные таинства стола; древний Комус или современный гурман с удовольствием послушали бы их разговор. Поэтому приходилось идти на риск и нападать на обоих одновременно.

Когда Джулиан и Ланс увидели, что начинается такой участок дороги, где нет ни жилья, ни людей, ни зверей, они стали понемногу догонять Чиффинча, стараясь не вызвать у него никакого подозрения. Уменьшив разделявшее их расстояние ярдов до двадцати и опасаясь, как бы Чиффинч, узнав его, не обратился в бегство, Певерил дал Лансу знак к нападению.

Топот скачущих лошадей заставил Чиффинча обернуться, но в ту же минуту Ланс пустил своего пони, который был резвее лошади Джулиана, в галоп и бросился между придворным и поваром; не успел Шобер даже вскрикнуть, как уже лежал на земле вместе с конем среди орудий своего ремесла, — все они в причудливом беспорядке рассыпались вокруг, вывалившись из котомки, которая висела у него за спиною. Ланс соскочил с лошади и под страхом смерти велел своему противнику, вопившему «Mog-bleu!»,¹ не шевелиться.

Не дав Чиффинчу опомниться и броситься на них в отместку за поражение своего верного слуги, Певерил схватил за узду его лошадь и, приставив пистолет к его груди, приказал остановиться.

Несмотря на свою изнеженность, Чиффинч не был трусом. Остановившись, как ему было приказано, он сказал недрогнувшим голосом:

— Ты захватил меня врасплох, негодяй. Если ты разбойник — вот мой кошелек. Нас же не тронь и убирайся подобра-поздорову.

— Господин Чиффинч, — ответил Певерил, — сейчас не время для пустых разговоров. Я не разбойник, а благородный человек. Отдайте мне бумаги, которые

---

¹ Проклятье! (франц.)

вы у меня украли той ночью, или, клянусь богом, я всажу вам пулю прямо в сердце и возьму бумаги сам.

— Какой той ночью? Какие бумаги? — спросил Чиффинч, весьма смутившись, но желая выиграть время, ибо надеялся, что кто-нибудь подъедет к нему на помощь или он сам сумеет усыпить бдительность Певерила. — Я не понимаю, о чем вы толкуете. Если вы человек благородный, то позвольте мне вынуть шпагу, и мы, как истинные джентльмены, восстановим справедливость.

— Ты не уйдешь от меня таким путем, подлец! — вскричал Джулиан. — Тебе удалось обокрасть меня, когда я был в твоей власти, но теперь пришел мой черед, и я не дурак, чтобы выпустить тебя. Давай сюда пакет, а потом, если уж ты так хочешь, я готов с тобой драться на равных условиях. Но сначала, — повторил он, — отдай пакет, не то я отправлю тебя туда, где тебе придется отвечать за твои мерзкие дела, и тут уж ничего хорошего не жди.

Грозный голос, сверкающие гневом глаза Джулиана и дуло заряженного пистолета у самого виска убедили Чиффинча, что ни договориться с юношей, ни обмануть его не удастся. С заметным огорчением сунул он руку в боковой карман своего плаща и вынул связку писем, вверенных Джулиану графиней Дерби.

— Их было пять, а ты отдаешь мне только четыре, — сказал Джулиан. — Помни, от этого зависит твоя жизнь.

— Одно случайно застряло в кармане, — ответил Чиффинч, подавая пятое письмо. — Вот оно. Теперь, сэр, вы получили все, чего требовали, — добавил он мрачно. — Можете еще ограбить и убить меня.

— Негодяй! — ответил Певерил, отводя пистолет, но продолжая внимательно следить за каждым движением Чиффинча. — Ты не стоишь того, чтобы честный человек дрался с тобой, но так и быть, вынимай шпагу: я готов помериться с тобой силами в равном бою.

— В равном бою? — с насмешкой повторил Чиффинч. — Прекрасное равенство! Сабля и пистолет против одной шпаги, да еще двое против одного —

Шобер не в счет. Нет, сэр, я подожду более благоприятного случая и более подходящего оружия.

— Яд или клевета, подлый сводник, — вот твои орудия мщения, — сказал Джулиан. — Но слушай внимательно: я знаю твои адские умыслы против молодой девушки, чье имя слишком благородно, чтобы произвести его при тебе, не оскорбив ее. Ты нанес мне обиду, и, видишь, я отомстил. Но если ты осмелишься далее плести свои гнусные козни против этой особы, то клянусь раздавить тебя как презренную ядовитую гадину. Мое слово не менее верно, чем слово Макнавелли, и я сдержу его, если ты попытаешься продолжать свое грязное дело. За мной, Ланс, и пусть этот мерзавец поразмыслит о моих словах.

В этой стычке на долю Ланса после первых минут выпала весьма нетрудная роль: ему пришлось лишь стоять над поверженным на землю поваром, устремив на него, словно дуло пистолета, рукоятку своего хлыста, так что тот мог оказать ничуть не большее сопротивление, чем боров, когда его собираются резать.

Освобожденный своим господином от обязанности охранять столь мирного пленника, Ланс вскочил на лошадь, и оба они пустились в путь, оставив неприятелей своих утешать друг друга, насколько это возможно в таком плачевном состоянии. Но утешиться было нечем: француз оплакивал утрату своих праностей и фляжек с соусами — волшебник, лишившийся магического жезла и талисманов, не мог бы печалиться сильнее. Чиффинч сокрушался о провале своих тайных происков и о том, что их так преждевременно раскрыли. «Уж этому-то малому я ничего не выболтал, — думал он. — Тут мне просто не повезло. Тайна наша каким-то дьявольским наущением раскрыта, и это может мне дорого стоить, но шампанское тут ни при чем. Если уцелела еще хоть одна бутылка, я выпью ее после обеда и попробую что-нибудь придумать, чтобы поправить дело и отомстить».

Приняв такое мужественное решение, он продолжал свой путь в Лондон.

Глава XXVIII

Он был тысячник! В его натуре
Слился весь род людской в миниатюре.
Во мненьях тверд — хотя всегда неправ;
Брался за все — бросал, едва начав.
Семь раз на дню наряд менял проворно:
То медик, то министр, то шут придворный,
А то вдруг — песни, женщины, вино...
Все прихотям пустым подчинено!

Драйден

Теперь мы перенесем нашего читателя в великолепный дворец на *** улице, где в ту пору обитал знаменитый Джордж Вильерс, герцог Бакингом, чье имя Драйден обрек на плачевное бессмертие несколькими строчками, предпосланными нами этой главе. Среди всех весельчаков и развратников, подвизавшихся при легкомысленном дворе Карла II, герцог почитался самым веселым и самым развратным. Проматывая несметное богатство, убивая крепкое здоровье и превосходные дарования в погоне за плотскими наслаждениями, он тем не менее втайне лелеял более глубокие и обширные планы и только потому не преуспевал в них, что не обладал постоянством цели и твердостью, столь необходимыми во всех важных начинаниях и особенно в политических.

Было далеко за полдень; время, когда герцог обычно вставал — если вообще можно говорить о чем-либо обычном в жизни совершенно беспорядочной, — давно прошло. Парадная зала была полна лакеев и слуг в богатых ливреях; во внутренних покоях толпились разодетые на манер знатных господ пажи и дворяне, равняясь пышностью своих нарядов с самим герцогом или даже превосходя его в этом отношении. Сборах в личной приемной герцога можно было бы сравнить со слетом хищных орлов, чующих добычу, если бы такое сравнение не было слишком лестным для этих презренных тварей, которые при помощи разных уловок, направленных на достижение одной и той же цели, кормятся за счет расточительной знати, утоляют ее жажду роскоши и подстегивают безумное мотовство, придумывая всевозможные новые

способы и средства прожигания жизни. Здесь был и прожектер, с таинственным видом обещающий не-
сметные богатства всякому, кто даст ему вперед
небольшую сумму для превращения яичной скорлупы
в великую агсапит.¹ Возле него стоял капитан Си-
гол, будущий основатель новой колонии, держа под
мышкой карты индийских или американских царств,
прекрасных, как сад Эдема в первые дни творения,
и ожидающих смельчаков переселенцев, коим недо-
ставало только щедрого покровителя, готового снаря-
дить для них две бригантины и шлюп. Толпились
тут и игроки разного вида и звания: один молодой,
резвый, с веселым лицом, этакий беззаботный люби-
тель развлечений, кажущийся скорее простачком, чем
мошенником, но, по существу, столь же хитрый, рас-
четливый и хладнокровный, как и стоящий подле него
старый профессор тех же наук, чьи глаза потускнели
оттого, что многие ночи напролет вглядывались в
игральные кости, и чьи искусные пальцы непрерывно
шевелились, помогая мысленным вычислениям вероя-
тий и возможных удач.

Изящные искусства — я с горечью должен в этом
признаться — также послали своих представителей в
это нечистое сообщество. Бедный поэт, стыдась, во-
преки привычке, той роли, которую ему предстоит
здесь играть, смущенный и низостью своих побужде-
ний и своим черным потертым костюмом, держится не-
заметно в сторонке, дожидаясь благоприятной минуты
для того, чтобы поднести герцогу пышное посвяще-
ние. Одетый много лучше архитектор, красуясь перед
присутствующими, кажет им свою великолепную пер-
сону с фасада и с боков и делится с ними планом
нового дворца, постройка которого может довести его
заказчика до долговой тюрьмы. Но главное место
среди всех занимает взысканный герцогскими мило-
стями музыкант или певец; он пришел получить звон-
кую монету за сладкие звуки, коими пленял гостей на
пиру минувшей ночью.

---

¹ Буквально: тайну (лат.).

Такого рода люди в большом числе собирались по утрам у герцога Бакингема: истинные пиявки, знавшие только одно — высасывать деньги.

Но пробуждения герцога дожидались и иного рода личности, столь же разнообразные, как его собственные склонности и мнения. Кроме множества молодых людей из высшей знати и богатого дворянства, для которых герцог был зеркалом, указывающим, какой наряд лучше всего избрать на этот день, и которые учились у него, как, неустанно совершенствуя изящество своего костюма, следовать путем разорения, тут присутствовали и люди посерьезнее: государственные деятели, впавшие в немилость, политические шпионы, ораторы оппозиции, услужливые орудия правительства; люди эти нигде больше не встречались друг с другом, но считали жилище герцога чем-то вроде нейтральной почвы и являлись сюда в уверенности, что он, не согласный с их мнениями сегодня, скорее всего согласится с ними завтра. Даже пуритане считали для себя позволительным не чуждаться такого человека, который, и не имея он высокого звания и огромного богатства, уже одними дарованиями своими был бы опасен. Несколько мрачных фигур в черном платье и коротких плащах с воротником строгого покроя стояли здесь так же, как ныне развешаны их портреты в картинной галерее, попеременно с модными щеголями, разодетыми в шелка и золотое шитье. Впрочем, никто не утверждал, что они относятся к числу близких друзей герцога; все были уверены, что они ходят к нему только по денежным делам. Никто не мог сказать наверно, примешивают ли эти важные и набожные люди из числа богатых горожан к заимодательству политический интерес; но давно было замечено, что евреи-ростовщики, которых обычно не занимает ничто, кроме денег, с некоторых пор стали весьма часто наведываться во дворец ко времени пробуждения герцога.

Толпа дожидалась в приемной уже целый час; наконец дворянин, состоящий при особе герцога, осмелился войти в его спальню, тщательно затем-

ненную для того, чтобы полдень превратить в полночь, и тихим голосом осведомился, не соизволит ли его светлость встать. Резкий голос отвечал отрывисто:

— Кто тут? Который час?

— Это я, Джернингем, ваша светлость, — ответил служащий. — Уже час дня, а вы назначили многим прийти к одиннадцати.

— Кто такие? Что им нужно?

— Нарочный из Уайтхолла, ваша светлость.

— Подождет. Те, кто заставляет ждать других, должны и сами уметь дожидаться. Уж если быть неучтивым, так лучше с королем, чем с нищим.

— Джентльмены из города, сэр.

— Они мне надоели. Наскучило их ханжество без веры, любовь к протестантскому учению без любви к ближнему. Вели им идти к Шафтсбери на Олдергейт-стрит: этот рынок — по их товару.

— Жокей из Ньюмаркета, милорд.

— Пусть едет к дьяволу: лошадь у него моя, а свои — только шпоры. Еще кто?

— Передняя переполнена, ваша светлость: рыцари, сквайры, лекари и игроки...

— Игроки, наверное, с «лекарями»¹ в карманах?

— Каперы, капитаны и капелланы...

— У тебя склонность к аллитерациям, Джернингем, — сказал герцог. — Приготовь мне письменные принадлежности.

Спустив ноги с постели, сунув одну руку в парчовый халат, подбитый соболями, и одну ногу в бархатную туфлю, тогда как другая, оставаясь в природной наготе, попирала превосходный ковер, герцог, и не помышляя об ожидающих его людях, набросал несколько строк сатирического стихотворения, но уже через минуту бросил перо в камин, воскликнув, что минута вдохновения прошла, и потребовал почту. Джернингем подал ему огромный пакет.

---

¹ «Лекарь» — лицемерно-иносказательное обозначение фальшивой игровой кости. (Прим. автора.)

— Черт побери, — сказал герцог, — ты думаешь, я стану все это читать? Я словно Кларенс, который попросил чашу вина и был утоплен в бочке хереса. Есть ли тут что-либо нужное?

— Это письмо, ваша светлость, — ответил Джернингем, — касается закладной на ваше имение в графстве Йоркшир.

— Разве я не приказал тебе отдать его старому Гэзеролу, моему управляющему?

— Я исполнил ваше приказание, милорд; но для Гэзерола тут возникли какие-то затруднения.

— Ну так пусть ростовщики заберут имение, тогда и затруднений не будет. Я и не замечу, что одно из ста поместий исчезнет. Подай мне шоколад.

— Нет, милорд, Гэзерол не говорит, что это невозможно; он говорит, что трудно.

— А какой мне от него толк, если он не умеет сделать трудное легким? Все вы созданы словно нарочно для того, чтобы досаждать мне, — ответил герцог.

— Если ваша светлость одобрит условия, изложенные в этом договоре, и сообразовался подписать его, то Гэзерол берется это устроить, — сказал Джернингем.

— И ты не мог сказать мне это с самого начала, болван? — вскричал герцог, подписывая бумагу, и даже не взглянув на нее. — Как! Еще письма? Ты же знаешь, я не люблю, когда мне докучают делами.

— Любовные записки, милорд, их пять или шесть. Вот эту отдала привратнику женщина в маске.

— Чепуха! — сказал герцог, бросая записку через плечо, в то время как Джернингем помогал ему одеваться. — Я уж давно забыл о ней.

— А эту отдала одному из ваших пажей камеристка леди...

— Ах, чтоб ее! Опять об измене и вероломстве — старая песня на новый лад! — сказал герцог, пробежав взглядом записку. — Так и есть: «Жестокий человек», «нарушенные клятвы», «справедливое мщение

неба». Эта женщина думает об убийстве, а не о любви. О таком старом и пошлом предмете надобно писать по крайней мере в новых выражениях... «Отчаявшаяся Араминта...» Прощай, отчаявшаяся красавица!.. А это от кого?

— Ее бросил в окно залы какой-то человек, в ту же минуту удравший со всех ног, — ответил Джернингем.

— Получше написана, — заметил герцог, — но все старо: трехнедельная давность! У маленькой графини ревнивый муж, и я не дал бы за нее и фартинга, если бы не этот ревнивый лорд. Чтоб ему пусто было, он уехал в деревню «нынче вечером... тихо и безопасно... написано пером из Купидонова крыла...» Ваша милость оставили ему достаточно перьев, чтобы он мог улететь. Лучше бы вам повыщипать их все, когда вы его поймали... И «так уверена в постоянстве моего Бакингема...» Терпеть не могу уверенности в молодой женщине... Ее следует проучить... Я не пойду.

— Ваша светлость, не будьте так жестоки! — воззвал Джернингем.

— Ты жалостлив, Джернингем, но самонадеянность должна быть наказана.

— А если вашей светлости опять захочется ее увидеть?

— В таком случае ты поклянешься, что записка была утеряна, — ответил герцог. — Постой! Мне пришлось в голову... Надобно, чтобы эта записка не просто потерялась, а с шумом. Послушай, этот стихотворец... Как бишь его?.. Он здесь?

— Я насчитал с полдюжины джентльменов, милорд, которые, судя по бумажным свиткам, торчащим из карманов, и по продранным локтям, все носят ливрею муз.

— Опять поэзия, Джернингем! Я говорю о том, который написал последнюю сатиру, — сказал герцог.

— И которому ваша светлость обещали пять золотых и палки? — спросил Джернингем.

— Деньги за сатиру, а палки за похвалы. Отыщи его, отдай ему пять золотых и любовное письмо гра-

фини. Постой! Возьми и письмо Араминты, сунь ему в портфель их все. Вот тогда в кофейне, где собираются поэты, все и откроется, и если сплетника не отколотят так, что он засияет всеми цветами радуги, то в женщинах уже нет злорадства, в дикой яблоне — крепости, в сердцевине дуба — силы. Ярости одной Араминты, вероятно, достаточно, чтобы плечи простого смертного согнулись!

— Но, милорд, — заметил слуга, — этот Сеттл¹ так непроходимо глуп, что не сможет написать ничего интересного.

— Тогда, раз уж мы дали ему металл для его стрел, — ответил герцог, — дадим ему для них и оперенье, а дерева, чтобы выточить их, у него и у самого достаточно. Поддай-ка мне мой незаконченный памфлет... Вот, отдашь ему вместе с письмами... Пусть смастерит что-нибудь.

— Прошу прощения, милорд, ваш слог узнают, и, хотя ваши красавицы не подписали своих имен, они непременно станут известны.

— Болван! Мне только того и надо! Столько времени служишь у меня и не знаешь, что в любовных делах шум и молва мне всего дороже.

— Но ведь это опасно, милорд! — воскликнул Джернингем. — У этих дам есть мужья, братья, друзья; в них может пробудиться жажда мщения.

— Ничего, она легко уснет снова, — надменно ответил Бакингом. — У меня есть Черный Уил с его палкою для дерзких простолудинов, а с людьми высшего сословия я могу справиться и сам. Последнее время я живу как-то скучно и мало двигаюсь.

— Однако, ваша светлость...

— Молчи, глупец! Твой скудный ум не в силах измерить величие моих мыслей. Говорю тебе, я хочу, чтобы жизнь моя текла бурным потоком. Мне наскучили легкие победы. Я хочу препятствий, хочу сокрушать их моей непреодолимой силой.

---

¹ Элкана Сеттл, недостойный писака, которого зависть Рочестера и других пыталась сделать во мнении общества соперником Драйдена, благодаря чему он возвысился до бессмертия, весьма, впрочем, незавидного. (*Прим. автора.*)

В эту минуту в спальне появился еще один дворянин из свиты.

— Покорнейше прошу прощения, ваша светлость, — сказал он, — господин Кристиан так настоятельно требует немедленного свидания с вами, что я вынужден доложить о нем.

— Скажи ему, чтобы пришел через три часа. Черт побери этого политического сумасброда! Хочет, чтобы весь свет плясал под его дудку.

— Благодарю за комплимент, милорд герцог, — сказал Кристиан, входя в комнату. Он был одет несколько более по-придворному, но сохранял тот же беззаботный вид, ту же непринужденную повадку и спокойное равнодушие, которые наблюдал в нем Джулиан Певерил во время своих встреч с ним по пути в Лондон. — Вы отгадали, милорд, — добавил он, — я явился сюда с дудкой для вас, и под ее мелодию вы, коли пожелаете, спляшете для собственной же пользы.

— По чести говоря, мистер Кристиан, — надменно заметил герцог, — ваше дело должно быть чрезвычайно важным, коль скоро вы решились на такую фамильярность со мной. Если оно касается нашего последнего разговора, то прошу отложить дальнейшее объяснение до более подходящего времени. Сейчас мне недосуг: я занят. — И, повернувшись спиной к Кристиану, он снова заговорил с Джернингемом: — Итак, найди известного тебе человека, отдай ему бумаги и деньги на дерево для стрел. Стальными наконечниками и опереньем он уже обеспечен.

— Все это очень хорошо, милорд, — спокойно сказал Кристиан, усаживаясь на стул, стоявший немного поодаль от алькова, — но легкомыслие вашей светлости не победит моего самообладания. Мне необходимо говорить с вами, и я буду дожидаться здесь, пока вы не освободитесь.

— Отлично, сэр, — раздраженно ответил герцог, — если зло неизбежно, то следует пройти через него как можно скорее; но я приму все меры, чтобы впредь ничего подобного не случилось. Итак, что вам угодно? Излагайте ваше дело, да поскорее.

— Я подожду, покуда ваша светлость оденется, — ответил Кристиан с присущим ему хладнокровием. — Мне нужно говорить с вами наедине.

— Оставь нас, Джернингем, и не входи, пока я тебя не позову. Положи камзол на диван... Что это? Опять серебряный? Я надевал его уже сто раз!

— С разрешения вашей светлости, только два раза, — почтительно ответил Джернингем.

— Два раза или двадцать — все равно. Возьми его себе или отдай лакею, если считаешь этот подарок для себя оскорбительным.

— И поважнее меня люди донашивали обноски вашей светлости, — смиренно ответил Джернингем.

— Ты находчив, Джернингем, — заметил герцог. — Донашивали и, пожалуй, еще будут донашивать. Поддай жемчужного цвета камзол; он хорош с лентой и Георгием. И убирайся. Ну, мистер Кристиан, теперь мы одни: что же вы хотите мне сказать?

— Милорд герцог, — начал Кристиан, — вы любите преодолевать трудности как в делах государственных, так и в любовных.

— Надеюсь, мистер Кристиан, вы не подслушивали у дверей? — спросил герцог. — Ибо это едва ли совместимо с должным уважением ко мне и к моему дому.

— Не понимаю, о чем вы говорите, милорд, — ответил Кристиан.

— Впрочем, пусть хоть весь свет узнает, о чем я беседовал сейчас с Джернингемом. Итак, к делу, — сказал Бакингом.

— Ваша светлость так заняты победами над красавицами и умниками, что, кажется, забыли свой интерес к небольшому острову Мэну.

— Совсем нет, господин Кристиан. Я прекрасно помню, что мой круглоголовый тесть Фэрфакс получил от парламента во владение этот остров и по глупости выпустил его из рук во время реставрации, когда, сожми он когти и вцепись в него, как подобает хищной птице, мог бы сохранить его для себя и своих наследников. Право, недурно было бы владеть

маленьким королевством, издавать свои законы, иметь своего канцлера с белым жезлом... Я бы в два счета выучил Джернингема ходить с таким умным и важным видом и так же глупо разглагольствовать, как Гарри Беннет.

— Вы могли бы сделать все это и многое другое, если бы только захотели, ваша светлость.

— Да, и если бы я захотел, ты, Нед Кристиан, стал бы палачом в моих владениях.

— Я — палачом, милорд? — спросил Кристиан более с удивлением, нежели с неудовольствием.

— Конечно. Разве не интригуешь ты постоянно против этой несчастной старухи? Отомстить ей собственной рукой было бы для тебя величайшим наслаждением.

— Я ищу только правосудия, милорд, — ответил Кристиан.

— Которое кончилось бы виселицею, — заметил герцог.

— Хотя бы и так. Графиня замешана в заговоре.

— Черт бы побрал этот заговор, который, я думаю, ты же и сочинил! — вскричал герцог Бакингам. — Вот уже несколько месяцев я только о нем и слышу. Уж если не миновать отправки в ад, то хотя бы по новой дороге и в порядочном обществе, а не с Оутсом, Бедлоу и прочими членами знаменитой шайки свидетелей.

— Итак, ваша светлость, вы отказываетесь от своей выгоды? Если род Дерби будет формально лишен прав владения, то определение парламента в пользу Фэрфакса, которого представляет теперь достопочтенная супруга ваша, вновь примет законную силу, и вы будете полновластным хозяином острова Мэн.

— Благодаря жене. Но и в самом деле, должна же моя дражайшая половина хоть чем-нибудь вознаградить меня за то, что после свадьбы я целый год прожил вместе с нею и ее старым родителем Черным Томом, угрюмым фанатиком пуританином. Ведь это

все равно что стать зятем самого дьявола и жить с ним по-родственному под одной крышей.¹

— Значит, вы все же намерены использовать свое влияние против рода Дерби? Так ли я вас понял, милорд?

— Поскольку они незаконно владеют королевством моей супруги, они, разумеется, не могут рассчитывать на мое снисхождение. Но ты знаешь, что в Уайтхолле есть особа посильнее меня.

— Единственно потому, ваша светлость, что вы сами это допускаете, — ответил Кристиан.

— Нет, нет, сто раз нет! — вскричал герцог, которого это воспоминание сразу же разозлило. — Говорю тебе, эта подлая шлюха, герцогиня Портсмутская, принялась нагло перечить мне; и Карл обошелся со мною очень холодно на глазах у всего двора. Желал бы я, чтобы он узнал или по крайней мере угадал причину моей ссоры с герцогиней! Но не будь я Вильерс, если не повыщипаю ей перья. Ничтожная французская потаскуха смеет тягаться со мной! Ты прав, Кристиан, нет страсти сильнее жажды мщения. Я поддерживаю эту историю с заговором только ей назло и сделаю так, чтобы король не смог помочь ей.

Говоря таким образом, герцог мало-помалу разгорячился. Он зашагал по комнате, размахивая руками с такой страстью, как будто единственной его целью в жизни было лишить герцогиню ее власти и милости короля. Кристиан мысленно улыбался, видя, что Бакингом уже приближается к такому состоянию духа, когда его будет очень легко подговорить на что угодно, и упорно молчал до тех пор, пока герцог, совсем уже в сердцах, не подошел к нему сам.

— Ну что же, сэр Оракул, прежде ты придумывал столько средств выжить эту галльскую волчицу! Где же теперь твое искусство? Где эта необыкновенная

---

¹ Дочь лорда Томаса Фэрфакса Мэри была женой герцога Бакингема, который благодаря своему непостоянству попеременно с успехом подольщался то к своему тестю, хотя последний был суровым пресвитерианином, то к Карлу II. (Прим. автора.)

красавица, которая должна прельстить короля с первого взгляда? Видел ли ее Чиффинч? И что он сказал о ней, этот превосходный знаток красоты и бланманже, женщин и вина?

— Он ее видел и одобрил, хотя и не говорил с ней; а речи ее соответствуют ее красоте. Мы приехали сюда вчера, и сегодня я намерен представить ей Чиффинча, как только он явится, а я жду его с минуты на минуту. Одного только боюсь — упрямой добродетели этой девушки, ибо она воспитана в правилах наших бабушек. Матери наши были уже умнее.

— Неужели? Так молода, прелестна, умна и неприступна? — вскричал герцог. — О, ты непременно представишь ей меня вместе с Чиффинчем.

— Чтобы ваша светлость излечили ее от непреодолимой скромности?

— Ну а как же, — ответил герцог, — ведь иначе она только повредит самой себе. Короли не охотники до роли страстных воздыхателей. Они любят, чтобы дичь была уже загнана.

— С позволения вашей светлости, — сказал Кристиан, — этому не бывать. *Non omnibus dormio.*¹ Вашей светлости известно сие латинское изречение. Если эта девушка станет любовницей короля, то высокий сан позолотит стыд и прикроет грех; поверьте, она никому не покорится, кроме августейшей особы.

— Какое глупое подозрение! Я просто пошутил, — возразил герцог. — Неужели ты думаешь, что я захочу испортить твой замысел, столь выгодный для меня?

Кристиан улыбнулся и покачал головой.

— Милорд, — ответил он, — я знаю вашу светлость не хуже, а быть может, и лучше, чем вы сами. Разрушить хорошо подготовленную интригу одним внезапным ударом доставит вам больше удовольствия, чем благополучно завершить ее по плану других. Но тут Шафтсбери и все мы, заинтересованные в этом деле, твердо решили, что не дадим провалиться

---

¹ Не со всеми сплю (лат.).

его. Поэтому мы полагаемся на вашу помощь, но, извините мою откровенность, не позволим, чтобы ваша ветреность и непостоянство помешали его успеху.

— Что? Я ветрен и непостоянен? — вскричал герцог. — Да разве я не полон той же решимости, что и вы, свергнуть любовницу короля и провести это дело с заговором? Я только ради того и живу. Стоит мне лишь захотеть — и не будет на свете более делового человека, чем я, никакой нотариус искуснее и точнее не разберет бумаг и писем и не разложит их по папкам.

— Вы получили письмо от Чиффинча? Он сказал мне, что написал вам о своем разговоре с молодым лордом Сэвилом.

— Да, да, — рассеянно ответил герцог, роаясь в бумагах. — Куда я его засунул? Право, совсем не помню, о чем он пишет. Я был очень занят, когда письмо прибыло... Но ничего, оно не пропадет.

— Вам следовало действовать соответственно этому письму, — сказал Кристиан. — Дурак проболтался и просит вас не допустить, чтобы посланный лордом Сэвилом нарочный доставил герцогине письмо, которое тот отправил ей из Дербишира; оно раскрывает нашу тайну.

Герцог встревожился и торопливо позвонил. Появился Джернингем.

— Где письмо от Чиффинча, полученное несколько часов назад?

— Если его нет среди писем, лежащих перед вашей светлостью, то я не знаю, где оно, — ответил Джернингем. — Других я не видел.

— Лжешь, негодяй! — вскричал Бакингом. — Как ты смеешь иметь память лучше моей?

— Позвольте напомнить вашей светлости, что за всю эту неделю вы не извоили распечатать ни одного письма, — заметил Джернингем.

— Видели ли вы когда-нибудь такого негодяя? — воскликнул герцог. — Он был бы отличным свидетелем по делу о заговоре. Совершенно подкосил мою славу точного человека своим проклятым лжесвидетельством.

— Но, уж во всяком случае, в талантах вашей светлости никто не может усомниться, — сказал Кристиан. — Надобно только употребить их на пользу вашу и преданных вам друзей. А сейчас осмелюсь посоветовать вам немедленно отправиться во дворец и заранее расположить короля так, чтобы его первое впечатление было благоприятным для нас. Если ваша светлость успеет каким-нибудь намеком, брошенным как бы мимоходом, опередить Сэвила, все пойдет хорошо. Главное завладеть вниманием короля, — а ведь кто в этом искуснее вас? Чиффинчу же предоставим заняться его сердцем. Теперь еще одно обстоятельство: есть один дурак, старый кавалер, который готов все перевернуть вверх дном в защиту графини Дерби. С него не спускают глаз, и по пятам за ним ходит целая толпа доносчиков и свидетелей.

— Тогда пусть Топэм его задержит.

— Топэм уже задержал его, милорд, — ответил Кристиан. — Но у этого рыцаря есть сын, молодой человек, воспитанный в доме графини Дерби; недавно она послала его в Лондон с письмами к главе иезуитов и другим лицам.

— Как зовут этих людей? — сухо спросил герцог.

— Сэр Джефри Певерил из замка Мартиндейл в Дербишире и его сын Джулиан.

— Что? — вскричал герцог. — Певерил Пик? Старый, доблестный кавалер, не в пример многим другим верный своей присяге, один из героев Вустера, попевавший везде, где шел жаркий бой? Я никогда не соглашусь погубить его, Кристиан. Твои мошенники напали на фальшивый след; гони их с этого следа палками — им все равно не избежать палок, когда страна очнется.

— Но пока для успеха нашего плана необходимо, — сказал Кристиан, — чтобы ваша светлость хоть на время преградили им дорогу к королю. Джулиан Певерил имеет влияние на эту девушку, и влияние это отнюдь не в нашу пользу; кроме того, ее отец о нем самого высокого мнения, на какое может рассчитывать у него человек, не являющийся таким же тугоголовым пуританином, как он сам.

— Ну, христианнейший Кристиан,¹ — ответил герцог, — я выслушал твои наставления. Постараюсь заткнуть все лазейки вокруг трона так, чтобы ни лорд, ни рыцарь, ни известный тебе сквайр проползти не смогли. Что же касается красавицы, то предоставляю вам с Чиффинчем, коли вы мне не доверяете, самим заняться возведением ее в тот высокий сан, который ей предуготован. Прощай, христианнейший Кристиан.

Герцог не спускал с него глаз, пока тот не затворил за собой дверь, а потом воскликнул:

— Гнусный, растленный негодяй! Ничто меня так не бесит, как хладнокровие этого бесстыдного злодея. Ваша светлость поступит так-то; ваша светлость удостоит сделать то-то!.. Хорош я буду, если стану играть вторую или даже третью роль в этой драме! Ну уж нет! Все они будут плясать по моей указке, или я им помешаю. Назло всем отыщу эту девчонку, и, если сам уверюсь, что их намерение может удался, она будет принадлежать мне — только мне, а уж потом королю. И я стану повелевать той, которой станет повиноваться Карл. Джернингем! — Джернингем явился. — Распорядись, чтобы до завтрашнего дня следили за каждым шагом Кристиана и узнали, где он увидится с молодой девушкой, недавно приехавшей в Лондон. Ты смеешься, мошенник?

— Предвижу, милорд, новую соперницу Араминте и маленькой графине, — ответил Джернингем.

— Займись своими делами, мошенник, — сказал герцог, — а мне предоставь мои. Покорить ту, что сегодня пуританка, а завтра, возможно, будет очередной фавориткой короля, настоящую красавицу запада, — это во-первых; во-вторых, наказать дерзость этого мэнского ублюдка, унижить гордость герцогини и поддержать или разоблачить — смотря по тому, что окажется выгодней для моей чести и славы, — важный политический замысел. Совсем недавно я жаждал деятельности, и вот теперь ее более чем достаточно. Но Бакингом сумеет провести свой корабль сквозь любой шторм и шквал!

---

¹ Игра слов: имя Кристиан означает также «христианин».

. Заметь, Бассанио:
В нужде и черт священный текст приводит.
*«Венецианский купец»*¹

Покинув пышный дворец герцога Бакингема, Кристиан, исполненный тайных и вероломных замыслов, поспешил в город, где направился в небольшую гостиницу, которую содержал один из его единомышленников и куда его неожиданно позвали для свидания с Ралфом Бриджнортом из Моултрэсси-Холла. Он пошел не зря: майор действительно приехал этим утром и с нетерпением ожидал его. Беспокойство придало еще больше мрачности и без того угрюмому лицу Бриджнорта, и даже когда Кристиан уверил его, что Алиса здорова и весела, искусно вставив похвалы ее уму и красоте, всегда приятные слуху отца, лицо майора ничуть не оживилось.

Но Кристиан был слишком хитер, чтобы рассыпаться в похвалах девушке, какое бы благоприятное действие это ни оказывало на ее отца. Он сказал ровно столько, сколько должен был сказать любящий родственник.

— Почтенная женщина, которой я вверил Алису, — добавил он, — в восторге от наружности и обхождения моей племянницы; она ручается за ее здоровье и благополучие. И, мне кажется, я ничем не заслужил твоего недоверия, — ибо что другое могло заставить тебя примчаться сюда сломя голову, вопреки нашему решению? Надеюсь, ты не считаешь свое присутствие здесь необходимым для ее безопасности?

— Брат мой Кристиан, — ответил Бриджнорт, — мне нужно видеть мою дочь и ту женщину, которой она вверена.

— Зачем? — спросил Кристиан. — Не сказано ли было тобою, и не раз, что излишнюю привязанность, которую ты испытываешь к дочери, ты считаешь

---

¹ Перевод Т. Щепкиной-Куперник.

камнем для души своей? Разве не был ты готов, и не раз, отказаться от великих замыслов, цель которых — заставить короля прислушаться к голосу справедливости, ради того только, чтобы удовлетворить ребяческую склонность твоей дочери к сыну старинного твоего гонителя, Джулиану Певерилу?

— Признаюсь, — ответил Бриджнорт, — я давно уж отдал бы все на свете, чтобы назвать сыном и прижать к своей груди этого молодого человека. Ум его матери блесит в глазах его, а горделивая поступь напоминает мне его отца, когда он ежедневно утешал меня в моих горестях словами: «Дочь твоя жива».

— Но в каком направлении двигаться, этот молодой человек решает для себя сам, — заметил Кристиан, — и по ошибке принимает блуждающий болотный огонек за Полярную звезду. Ралф Бриджнорт, я буду говорить с тобой откровенно, как друг. Нельзя в одно и то же время служить добру и Ваалу. Повинуйся, если хочешь, своему родительскому чувству: призови Джулиана Певерила и выдай за него свою дочь. Но подумай, как примет ее гордый старый рыцарь, столь же надменный, столь же неукротимый в цепях, как и в те дни, когда святой меч торжествовал при Вустере. Он с презрением оттолкнет распростертую у ног его твою дочь.

— Кристиан, — прервал его майор, — ты терзаешь мое сердце; но я знаю, брат, ты это делаешь из любви ко мне, и прощаю тебя. Не бывает тому, чтобы Алису оттолкнули с презрением. Но эта твоя приятельница... Эта женщина... Моя дочь — твоя племянница; после меня ты должен больше всех любить ее и заботиться о ней... И все же ты не отец... Тебе чужды родительские опасения. Уверен ли ты в репутации той женщины, которой вручил дочь мою?

— Как в своей собственной, как в том, что имя мое — Кристиан, а твое — Бриджнорт. Ужели ты думаешь, что я мог бы выказать беспечность в таком деле? Я живу здесь уже много лет и коротко знаю весь двор. Меня обмануть нельзя, а что я стал бы

обманывать тебя — этого, я надеюсь, ты не предполагаешь.

— Ты мой брат, — сказал Бриджнорт. — В тебе течет кровь праведницы, покойной матери Алисы, и я решаюсь довериться тебе в этом деле.

— Ты поступаешь правильно, — подтвердил Кристиан. — И кто знает, какую награду готовит тебе небо? Смотри на Алису, я предчувствую, что существо, столь превосходящее обыкновенных женщин, имеет в сем мире высокое назначение. Отважная Юдифь своим мужеством освободила Ветилу; а красота Эсфири была спасением ее народа в стране их плена, ибо она склонила Артаксеркса к милости.

— Да свершится над нею воля божия! — воскликнул Бриджнорт. — Скажи мне теперь, как идет наше великое дело?

— Народ утомлен несправедливостью двора, — ответил Кристиан, — и если король хочет царствовать и далее, то должен призвать к себе в советники людей совсем другого рода. Тревога, возбужденная адскими происками папистов, всколыхнула души людей и открыла им глаза на грозящую опасность. Да и сам Карл — ибо он отречется и от брата и от жены ради собственного спасения — не против резких перемен; и хотя двор не может сразу, как по мановению волшебного жезла, очиститься от скверны, тем не менее там найдется достаточно хорошего, чтобы сдерживать дурное; достаточно людей трезвых, которые и вынудят монарха провозгласить всеобщую терпимость, о коей мы так долго вздыхаем, словно невеста о своем возлюбленном. Время и благоприятные обстоятельства помогут нам постепенно произвести более решительную Реформацию, и то, что нашим друзьям не удалось поставить на прочную основу даже тогда, когда в их руках было победоносное оружие, будет совершено без единого удара меча.

— Да ниспошлет нам бог сию благодать, — сказал Бриджнорт, — ибо я почитаю за смертный грех подать повод к междоусобной войне и все надежды возлагаю на перемены мирные и законные.

— Разумеется, — продолжал Кристиан, — эти перемены повлекут за собою строгое и давно заслуженное наказание врагов наших. Сколько уже времени кровь брата нашего вызывает к отмщению! Жестокая француженка увидит наконец, что ни давность преступления, ни поддержка могущественных друзей, ни имя Стэнли, ни власть над островом Мэн не могут остановить шаг сурового мстителя. Имя ее будет вычеркнуто из списка знати, а владения достанутся другому.

— Брат Кристиан, — возразил майор, — не с излишним ли ожесточением преследуешь ты врагов своих? Ты христианин и должен прощать им.

— Прощать врагам моим, но не врагам божьим, не тем, кто пролил кровь праведников! — вскричал Кристиан, и глаза его загорелись неистовой злобой — единственным чувством, когда-либо одушевлявшим холодные черты его лица. — Нет, Бриджнорт, — продолжал он, — эту месть я считаю праведным делом, искуплением грехов моих. Я подвергался презрению гордецов, унижался, прислуживая им, но в душе моей всегда жила благородная мысль: все это я терплю ради мести за смерть брата!

— И, однако, брат мой, — сказал Бриджнорт, — хоть я и принимаю участие в осуществлении твоих намерений, хоть и помогаю тебе против этой моавитянки, все же я не перестаю думать, что мщение твое больше согласно с законом Моисеевым, нежели с евангельским учением о любви к ближнему.

— И это говоришь ты, Ралф Бриджнорт? — удивился Кристиан. — Ты, только что радовавшийся падению врага своего!

— Если ты имеешь в виду сэра Джеффри Певрила, — ответил майор, — то ошибаешься: я не радуюсь его падению. Хорошо, что он унижен. Я хочу смирить его гордость, но никогда не соглашусь на гибель его рода.

— Тебе самому лучше знать, какие цели ты преследуешь, брат Бриджнорт, — сказал Кристиан, — и мне известна чистота твоих побуждений; но с обычной, мирской точки зрения, в тебе, строгом судье и

непреклонном заимодавце, трудно разглядеть склонность к милосердию в отношении Пeverила.

— Брат Кристиан, — начал свой ответ Бриджнорт, и пока он говорил, лицо его все больше краснело. — Я не сомневаюсь в честности твоих намерений и отдаю справедливость той удивительной ловкости, с какою ты узнаешь все козни этой аммонитянки. Но я ясно вижу, что в своих сношениях с двором и в светской политике ты растерял дарованные тебе духовные сокровища, которыми некогда отличался среди наших собратьев.

— Не тревожься об этом, — ответил Кристиан своим обычным хладнокровием, которое начало было покидать его. — Давай по-прежнему действовать сообща. Надеюсь, что каждого из нас признают верным сподвижником истины, когда восторжествует правое дело, за которое мы обнажили наши мечи.

С этими словами он взял шляпу и попрощался с майором, обещая вернуться вечером.

— Прощай, — сказал Бриджнорт. — Ты всегда найдешь меня верным и преданным правому делу. Я последую твоему совету и не стану даже спрашивать, хотя это и очень тяжело отцовскому сердцу, где моя дочь и кому ты ее вверил. Я решился бы отрезать ради нашего дела свою правую руку и вырвать правый глаз, но если ты, Кристиан, поступишь неразумно и нечестно, то помни, что ответишь перед богом и перед людьми.

— Не беспокойся, — торопливо ответил Кристиан и вышел, встревоженный далеко не приятными мыслями.

«Следовало бы уговорить его уехать, — думал он, очутившись на улице. — Одно то, что он будет находиться тут поблизости, может испортить весь план, от которого зависит будущая судьба моя... да и его дочери. Неужели люди скажут, что я погубил Алису, когда я подниму ее до головокружительно высокого положения герцогини Портсмутской? И, быть может, ей суждено стать родоначальницей княжеской династии? Чиффинч обещал найти удобный случай; личное благополучие этого сластолюбца зависит от того,

угодит ли он переменчивому вкусу своего учителя по этой части. Она должна произвести глубокое впечатление; а если она станет его любовницей, я уверен, ее не скоро удастся сменить. Но что скажет ее отец? Смирится ли он, как подобает человеку благоразумному, с позолоченным позором? Или решит, что нужно всем показать свое нравственное возмущение и родительское отчаяние? Боюсь, что последнее более вероятно. Он всегда был слишком требователен и строг в подобных вещах, чтобы смотреть на них сквозь пальцы. Но к чему может привести его гнев? Я останусь в стороне, а те, кого он сочтет виноватым, даже не обратят внимания на обиду какого-то провинциала пуританина. И, в конце концов, я ведь стараюсь-то для него самого, для его дочери, ну и, разумеется, в первую очередь для себя, Эдуарда Кристиана».

Такими низкими и лицемерными оправданиями старался этот негодяй заглушить в себе угрызения совести, намереваясь опозорить семью своего друга и погубить вверенную его попечению племянницу. Подобные ему люди встречаются не слишком часто, и дошел он до такой бесчувственности и подлого эгоизма не совсем обычным путем.

Эдуард Кристиан, как читателю уже известно, был родным братом Уильяма Кристиана, главного исполнителя замысла подчинить остров Мэн республике, который и был за то казнен по повелению графини Дерби. Оба брата воспитывались в строго пуританском духе, но Уильям затем стал военным, и это несколько смягчило строгость его религиозных воззрений. Эдуард же, избравший образ жизни частного лица, казалось, не отступал ни на шаг от своих догм. Но это была одна видимость. Под личиною суровой набожности, доставлявшей ему большое уважение и влияние среди партии умеренных, как им нравилось себя именовать, скрывался развратник, и, предаваясь своим порокам тайно, он вдвойне ими наслаждался — запретный плод всегда сладок. Поэтому, пока мнимое благочестие увеличивало его мирскую славу, тайные наслаждения вознаграждали его за внешний аске-

тизм. Однако восшествие на престол Карла II и принятые графиней неистовые гонения против его брата положили конец и тому и другому. Эдуард бежал с родного острова, пылая жаждою мщения за смерть брата; это было единственное из всех ведомых ему чувств, которое не имело прямого отношения к его собственной особе; впрочем, оно тоже было, по крайней мере отчасти, эгоистичным, поскольку он стремился восстановить бывшее положение семьи.

Эдуард легко нашел доступ к Вильерсу, герцогу Бакингему, который имел притязания на графство Дерби, пожалованное некогда парламентом его знаменитому тестю, лорду Фэрфаксу. Герцог пользовался большим влиянием при дворе Карла, где удачная шутка часто значила и стоила больше, чем долгая и безупречная служба, и ему без особого труда удалось еще более унижить столь преданный королю и столь дурно за это награжденный род Дерби. Но не в характере Бакингема было, даже во имя собственных интересов, неуклонно проводить одну и ту же политику, подсказанную ему Кристианом, и, очевидно, его легкомыслие спасало остатки некогда огромных владений графа Дерби.

Однако Кристиан был слишком полезным сторонником, чтобы отказываться от его услуг. Он не скрывал своих безнравственных наклонностей от Бакингема и ему подобных, но умел весьма искусно прятать их от многочисленной и сильной партии, к которой принадлежал сам, неизменно сохраняя серьезный и достойный вид. Впрочем, двор в те времена был настолько далеким от города и чуждым ему, что один и тот же человек с успехом мог играть в этих двух различных сферах совершенно противоположные роли и не бояться, что его двойственность может быть разоблачена. Да и, кроме того, если человек талантливый выказывает себя полезным приверженцем какой-либо партии, она будет защищать его и дорожить им, как бы его поведение ни противоречило ее собственным правилам. В подобных случаях некоторые поступки отрицаются, другие истолковываются в благоприятном смысле, а преданность партии искупает

столько же пороков, сколько и широкая благотворительность.

Эдуард Кристиан часто нуждался в снисхождении своих друзей; но оно всегда ему оказывалось, ибо он был на редкость полезным человеком. Бакингом и другие ему подобные придворные, несмотря на распущенность нравов, стремились сохранить связь с диссидентами, или, как они именовали себя, пуританами, чтобы иметь лишний козырь в борьбе со своими противниками при дворе. Кристиан был незаменим в интригах такого рода, и одно время ему почти удалось установить полное взаимное понимание между сторонниками строжайшей нравственности и фанатичной религиозности и самыми развратными вольнодумцами при дворе.

Среди многих превратностей жизни, протекавшей в непрерывных интригах, Кристиану пришлось даже, во имя честолюбивых замыслов Бакингема и своих собственных, не раз пересекать Атлантический океан, но никогда, как хвастливо утверждал он сам, он не терял из виду главной своей цели: мщения графине Дерби. Эдуард ни на день не прекращал самую тесную связь с родным островом, чтобы всегда знать, что там происходит, и при каждом удобном случае разжигал в Бакингеме жажду овладеть этим маленьким королевством, внушая ему, что нынешний повелитель острова должен быть формально лишен своих суверенных прав. Для него не составляло большого труда постоянно подстрекать честолюбие своего патрона, ибо мысль сделаться в некотором роде государем, хоть и на небольшом островке, весьма будоражила необузданное воображение герцога. Подобно Катилине, он столь же завистливо смотрел на чужие владения, сколь легко и беззаботно проматывал свои.

Но замыслы Кристиана начали близиться к осуществлению только после «разоблачения» заговора папистов. К этому времени доверчивый народ английский до того возненавидел католиков, что нелепые доносы самых подлых представителей рода человеческого — осведомителей, тюремного отребья, подонков

от позорного столба — принимались с готовностью и верою.

Кристиан не преминул воспользоваться столь благоприятной для него минутой. Он свел тесную дружбу с Бриджнортом, с которым, впрочем, никогда не прерывал отношений, и нашел в нем верного сторонника всех своих замыслов, убедив шурина, что они основаны на чести и любви к отечеству. Но теща Бриджнорта надеждой на коренные преобразования в государстве — пресечение процветающего при дворе распутства и установление свободы вероисповедания для диссидентов, сейчас полных страха перед карательными законами, — словом, на исправление вопиющих несправедливостей того времени, — и обещая ему в будущем месть графине Дерби и унижение рода Певериллов, которые в свое время нанесли майору оскорбление, Кристиан не забывал и о себе — нужно было постараться извлечь личную выгоду из слепой доверчивости своего родственника.

Необыкновенная красота Алисы Бриджнорт и немалое состояние, нажитое майором за долгие годы умеренной и бережливой жизни, делали ее весьма выгодной невестой для какого-нибудь промотавшегося придворного. Кристиан надеялся совершить такую сделку с успехом и пользой для себя. Убедить майора доверить ему опеку над дочерью оказалось делом очень несложным. Засевшая в голову несчастного отца с самого рождения дочери сумасбродная мысль, что его любовь к ней непозволительно привязывает его к мирским благам, весьма помогла Кристиану. Ему нетрудно было внушить майору, что готовность последнего выдать Алису за Джулиана Певерила в том случае, если юноша согласится с его собственными политическими мнениями, — не что иное, как греховное отступление от неукоснительных предписаний его вероучения. За последнее время Бриджнорт убедился, что Дебора Деббич не оправдывает его доверия, что ее заботам не следует поручать столь драгоценное его сердцу существо, а потому охотно и с благодарностью принял предложение Кристиана, родного дяди Алисы с материнской стороны, увезти ее

в Лондон и поручить попечению одной знатной дамы; тем более что сам он готовился принять участие в бурных и кровавых схватках, ожидаемых им, как и всеми добрыми протестантами, в случае восстания папистов, которое казалось неминуемым, если благо-разумный народ Англии не предпримет вовремя решительные и действенные меры для его предотвращения. Бриджнорт признался даже, что боится, как бы отеческая забота о счастье дочери не ослабила его руки, поднятой на защиту отечества, и потому легко поддался убеждениям Кристиана забыть Алису на некоторое время.

Уверенный, что племянница останется на его попечении достаточно долго, чтобы он успел выполнить задуманное, Кристиан решил все же обсудить дело с Чиффинчем, чей опыт в придворной дипломатии позволял надеяться на него как на полезного советчика. Но сей достойный муж, будучи устроителем развлечений его величества и пользуясь за то его великой милостью, счел своим долгом предложить совсем иной проект, нежели тот, который сообщил ему Кристиан. Такая красивая девушка, как Алиса, сказал он, больше достойна стать возлюбленной веселого монарха, известного знатока и ценителя женских прелестей, чем женою какого-нибудь промотавшегося придворного. И, кроме того, хорошо зная собственный характер, он считал, что достоинство его ничуть не умалится, а состояние значительно возрастет, если Алиса Бриджнорт, побывав короткий срок в том же высоком положении, что Гвин, Дэвис, Робертс и другие, затем из фаворитки короля превратится просто в миссис Чиффинч.

Осторожно расспросив Кристиана и убедившись, что надежда получить большие выгоды заставила того спокойно выслушать столь постыдное предложение, Чиффинч подробно раскрыл ему свои планы, утаив, разумеется, предполагаемую развязку; он говорил, что интерес монарха к прекрасной Алисе должен носить характер не минутной склонности, а прочной привязанности, и вследствие этого она должна приобрести такое же могущество, каким располагает

нынешняя фаворитка короля, герцогиня Портсмутская, властолюбие и корыстолюбие которой начинают тяготить Карла, хотя привычка не позволяет ему избавиться от нее.

Измененный таким образом замысел превратился из низких происков придворного сводника, предавшего гибели невинную девушку, в государственную интригу, ибо он предусматривал смещение неугодной королевской фаворитки, а вместе с тем и изменение воззрений короля на многие важные предметы, так как сейчас герцогиня Портсмутская оказывала на него сильное влияние. В таком виде этот замысел был представлен герцогу Бакингеми, который, то ли из стремления поддержать свою славу безрассудного волокиты, то ли просто из минутной прихоти, когда-то дерзнул признаться в любви царствующей фаворитке и получил дерзкий отказ, чего до сих пор не мог ей простить.

Но для деятельного и предприимчивого герцога одного такого замысла было недостаточно. Было сочинено дополнение к истории о папистском заговоре, рассчитанное на то, чтобы скомпрометировать графиню Дерби, которую по ее характеру и верованиям легко было представить в общем мнении соучастницей подобного заговора. Кристиан и Бриджнорт взяли на себя опасное поручение напасть на графиню в ее собственном маленьком королевстве на острове Мэн и получили на то формальные полномочия, но предъявить их они могли только в том случае, если их план удастся.

Однако он не удался, как известно нашему читателю, благодаря оборонительным мерам, предпринятым бдительной графиней. Ни Кристиан, ни Бриджнорт, хотя они и действовали с ведома властей, не отважились напасть на нее открыто, зная решительный нрав этой женщины во всем, что касалось защиты ее феодальных прав. Они мудро рассудили, что даже всемогущество парламента, как тогда несколько преувеличенно выражались, не спасет их от беды в случае неудачи.

В Англии же им опасаться было нечего, а Кристиан так хорошо знал все, что происходит в графстве Дерби и даже в замке графини, что Певерил был бы схвачен тотчас по прибытии в Англию, если бы шторм не заставил судно, на котором он плыл, уйти в Ливерпуль. Тут-то Кристиан, скрываясь под именем Гэнлесса, неожиданно встретил его и спас от когтей храбрых свидетелей заговора, надеясь завладеть бумагами Джулиана, а в случае нужды — и им самим, так, чтобы тот оказался в полной его власти; игра эта была рискованной и опасной, но Кристиан на нее решился, не желая допустить, чтобы его подручные, которые всегда были готовы взбунтоваться против своих, могли похвалиться захватом бумаг графини Дерби. Кроме того, для Бакингема было важно, чтобы письма не попали в руки Топэма, ибо этот чиновник, при всем своем тупом самодовольстве, считался честным и правдивым человеком; переписку эту следовало предварительно просмотреть самим и если ничего не прибавить, то по крайней мере кое-что изъять. Одним словом, Кристиан, осуществляя свои личные происки при помощи так называемого великого заговора католиков, поступил как механик, который, исходя из законов движения, пытается посредством паровой машины или большого водяного колеса пустить в ход другой, еще более сложный механизм. Поэтому он был полон решимости как можно лучше использовать мнимые разоблачения, совершаемые его людьми, и в то же время не позволить никому помешать его собственным планам обогащения и мести

Чиффинч, желая своими глазами убедиться в столь высоко превозносимой красоте Алисы, ездил нарочно для того в графство Дерби и пришел в восхищение, со вниманием рассмотрев в Ливерпуле на протяжении двухчасовой службы в протестантской часовне, где ему совершенно нечего было делать, все достоинства прекрасной пуританки. Он пришел к заключению, что за всю свою жизнь не видел более очаровательной девушки. Убедившись, таким образом, в истине сказанного ему прежде, Чиффинч

поспешил в гостиницу, куда должен был прийти Кристиан с племянницей, и с такой полной уверенностью в будущем успехе, какой ему еще никогда не приходилось испытывать, нетерпеливо ожидал их, готовясь с почетом встретить и роскошно угостить, что, по его разумению, должно было произвести выгодное впечатление на деревенскую простушку. Поэтому он был несколько удивлен, встретив с Кристианом Джулиана Певерила вместо Алисы Бриджнорт, с которой он надеялся в тот вечер познакомиться. Поистине жестокое разочарование, ибо он согласился преодолеть свою лень и отправиться в столь далекое путешествие единственно ради того, чтобы подвергнуть суду своего изысканного вкуса красоту Алисы, которой рассыпался в похвалах ее дядя, и решить, достойна ли эта жертва участия, ей уготованной.

На коротком совещании достойных сообщников решено было просто украсть у Джулиана письма графини, ибо Чиффинч наотрез отказывался участвовать в его аресте, опасаясь, что такой поступок не будет одобрен его господином.

У Кристиана тоже были свои причины отказаться от столь решительного шага. Прежде всего это вряд ли понравилось бы Бриджнорту, а сердить его теперь было совсем некстати; затем, в этом не было особой необходимости, ибо письма графини были гораздо важнее личности Джулиана; и, наконец, это было излишним и потому, что Джулиан был на пути к замку своего отца, где его, конечно, все равно задержат вместе с другими подозрительными лицами, поименованными в выданном Топэму предписании и доносе его бесчестных приятелей. Поэтому, отказавшись от какого-либо насилия, Кристиан начал так дружески с Джулианом обходиться, что, казалось, предостерегал его от других, и тем отвел от себя всяческое подозрение в краже писем, а украдены они были очень просто — в вино Певерила подмешали сильнодействующее сонное снадобье, и под его влиянием Джулиан уснул так крепко, что сообщникам без труда удалось осуществить свою затею.

Происшествия последующих дней уже известны читателю. Чиффинч отправился с добычей в Лондон, чтобы как можно скорее доставить пакет герцогу Бакингеми, а Кристиан поехал в Моултрэсси-Холл за Алисой, чтобы увести ее в Лондон, где его сообщник с нетерпением ждал новой встречи с ней.

Прощаясь с Бриджнортом, Кристиан пустил в ход все свое красноречие, дабы убедить майора остаться в Моултрэсси-Холле. Он даже преступил пределы осторожности и своей настойчивостью возбудил у отца Алисы какие-то смутные подозрения, которые оказалось трудно усыпить. Эти подозрения заставили Бриджнорта последовать за своим шурином в Лондон, и читатель уже знает, с каким искусством уговорил Кристиан отца не вмешиваться в судьбу его дочери, а тем самым и в козни ее так неудачно выбранного опекуна. И все же, в глубокой задумчивости шагая по улицам, Кристиан видел все многочисленные опасности, подстерегавшие его на пути осуществления этого замысла; капли пота скатывались с его лба, когда он вспоминал о самонадеянном легкомыслии и непостоянстве Бакингема, о ветрености и неводержанности Чиффинча, о подозрительности умного, но мрачного и нетерпимого Бриджнорта.

«Если бы все мои орудия, — думал он, — могли действовать слаженно и ровно, как легко было бы преодолеть все препятствия! Но с помощниками столь слабыми и ненадежными я должен каждый день и каждый час со страхом ждать, что падение одной опоры разрушит все здание и я буду погребен под его развалинами. Впрочем... если бы у этих людей не было слабостей, на которые я сетую, как сумел бы я приобрести над ними такую власть, как сделал бы их послушным орудием в моих руках даже тогда, когда они как будто проявляют собственную волю? Наши фанатики правы, утверждая, что все на свете к лучшему».

Читателю может показаться странным, что среди всех размышлений Кристиану ни разу и в голову не пришло, что добродетель его племянницы окажется

той мелью, на которой потерпит крушение корабль его надежд. Но ведь он был отъявленный негодяй, закоренелый развратник, а потому не верил в добродетель прекрасного пола.

Глава XXX

Карл (пишет Драйден) обладал
  короной,
Но не был выдающейся персоной.
Зато не изменял друзьям своим
И на пирушках был незаменим!

Уолкот

Лондон, великое средоточие всевозможных интриг и козней, привлек теперь на свои темные и туманные улицы большую часть уже известных нам лиц.

Джулиан Певерил среди других *dramatis personæ*¹ тоже приехал туда и остановился в одной из маленьких гостиниц предместья. Он считал необходимым скрываться до тех пор, пока тайно не повидается с друзьями, которые более других могли бы помочь его родителям и графине в их неопределенном и опасном положении. Самым могущественным из этих друзей был герцог Ормонд, чья верная служба, высокое звание и всеми признанные достоинства и добродетели еще сохраняли ему некоторую силу при дворе, хотя считалось, что он у короля в немилости. Сам Карл так смущался и терялся в присутствии этого верного и благородного слуги своего отца, что Бакингом однажды дерзнул спросить: герцог ли Ормонд в немилости у короля или его величество потеряло расположение герцога? Но Джулиану не повезло: ему не удалось воспользоваться ни советом, ни помощью этого выдающегося человека. Его светлости герцога Ормонда в Лондоне в это время не было.

Кроме письма к герцогу Ормонду, графиня больше всего беспокоилась о письме к капитану Барстоу

¹ Действующих лиц (лат.).

(иезуиту, настоящее имя которого было Фенвик). Его можно было найти, или по крайней мере узнать о нем, в доме некоего Мартина Кристала в Савойе. Туда-то и отправился Джулиан, как только выяснилось, что герцога Ормонда нет в городе. Он понимал, какой опасности подвергается, служа посредником между иезуитом и подозреваемой католичкой. Но, добровольно приняв грозившее ему опасностью поручение графини, он сделал это искренне, с намерением исполнить все так, как ей бы хотелось. Однако смутное чувство страха невольно овладело им, когда он очутился в лабиринте галерей и коридоров, ведущих в разные мрачные углы старинного здания под названием Савойя.

Эта древняя и полуразвалившаяся громада занимала участок среди присутственных мест в Стрэнде, обычно называемых Сомерсет-хаус. Савойя была когда-то дворцом и получила свое название от имени графа Савойского, который ее построил. Сначала здесь жил Джон Гонт и другие знаменитые люди, потом Савойя превратилась в монастырь, потом в больницу и наконец, при Карле II, сделалась скоплением развалившихся строений-трущоб, населенных главным образом людьми, имеющими какое-либо касательство к Сомерсет-хаусу или зависящими от этого расположенного по соседству дворца, которому повезло больше, чем Савойе, ибо он еще сохранил название королевской резиденции и был местопребыванием части двора, а иногда и самого короля — у него были здесь свои апартаменты.

После многих расспросов и ошибок Джулиан нашел в дальнем углу длинного и темного коридора, где сгнившие от времени полы, казалось, готовы были провалиться под ногами, потрескавшуюся дверь, украшенную дощечкой с именем Мартина Кристала, маклера и оценщика. Он уже поднял руку, чтобы постучать, как вдруг кто-то дернул его за плащ; Джулиан обернулся и с изумлением, почти с испугом увидел глухонемую девушку, которая короткое время сопровождала его в дороге, после того как он покинул остров Мэн,

— Фенелла! — воскликнул он, забыв, что она не может ни услышать, ни ответить. — Тебя ли я вижу, Фенелла?

Фенелла, приняв предостерегающий и повелительный вид, какой она обычно принимала, заведя его, стала между ним и дверью, куда он намеревался постучать, и, качая головою, нахмурила брови и подняла руку, словно запрещала ему входить туда.

С минуту подумав, Джулиан вообразил, что причиною появления Фенеллы и такого ее поведения может быть только приезд в Лондон самой графини; что она, вероятно, послала свою глухонемую служанку с доверительным поручением уведомить его о перемене в своих намерениях и что теперь, быть может, не нужно и даже опасно вручать письмо Барстоу, или, по-настоящему, Фенвику. Он знаками спросил Фенеллу, графиня ли ее прислала. Та кивнула. Джулиан спросил, нет ли к нему письма. Глухонемая нетерпеливо покачала головой и, знаком приказав ему следовать за нею, быстро побежала по коридору. Джулиан пошел за Фенеллой, предполагая, что она ведет его к графине. Но его удивление еще больше возросло, когда он увидел, что глухонемая ведет его по темному лабиринту полуразвалившейся Савойи с таким проворством и легкостью, как некогда водила под мрачными сводами замка Рашии на острове Мэн.

Вспомнив, однако, что Фенелла долго жила с графиней в Лондоне, Джулиан сообразил, что она может хорошо знать старый дворец. В нем жили многие чужеземцы, находившиеся на службе у обеих королей — царствующей и вдовствующей. И даже многие католические священники, несмотря на строгие законы против папистов, находили убежище в Савойе, скрываясь под различными личинами. Весьма вероятно, что графиня Дерби, француженка и католичка, имела тайные связи с этими людьми, иногда используя для этой цели и Фенеллу.

Размышляя таким образом, Джулиан шел за своей провожатой; легким и быстрым шагом миновала она Стрэнд, потом Спринг-гарденс и наконец вывела его в парк.

Час был еще ранний, и в парке почти никого не было, если не считать нескольких гуляющих, которые пришли сюда, чтобы насладиться свежим утренним воздухом под сенью деревьев. Знатность, пышность и щегольство появлялись здесь не ранее полудня. Читатели наши, вероятно, знают, что место, где стоят теперь казармы конной гвардии, во времена Карла II составляло часть Сент-Джеймского парка, а старинное здание, называемое ныне Казначейством, принадлежало Уайтхоллу и непосредственно соединяло его с парком. Для осушения почвы по плану знаменитого Ленотра был выкопан канал и выведен в Темзу через пруд, наполненный самой редкостной плавающей птицей. Именно к этому пруду и направилась, не замедляя шага, Фенелла, и Джулиан увидел там группу из трех-четырех джентльменов, которые прогуливались вдоль берега. Вглядевшись в одного из них, который казался главным среди своих спутников, — Джулиан почувствовал, как отчаянно забилось его сердце, будто ощутив близость человека высочайшего сана.

Человек этот был уже немолод, смуглолиц; пышный парик из длинных черных локонов покрывал его голову. Одет он был в платье из простого черного бархата; на ленте, небрежно перекинутой через плечо, сверкала бриллиантовая звезда. Резкие, почти грубые черты его в то же время выражали достоинство и добродушие; он был хорошо сложен, крепок, держался прямо и свободно. Идя впереди своих спутников, он иногда оборачивался и ласково говорил с ними, вероятно даже шутил, судя по улыбкам и сдержанному смеху, возбуждаемому его остротами. Сопровождавшие его люди были одеты также в утренние туалеты; но их наружность и манеры свидетельствовали о том, что это были люди знатные, находящиеся в присутствии еще более высокой особы, которая удостоивала одинакового внимания и их и семь-восемь маленьких черных лохматых спаниелей. Собачки выказывали не меньшее усердие, чем их двуногие сотоварищи, стараясь не отстать от своего господина, и тот забавлялся их прыжками, то поддразнивая их, то унимая. Шествие замыкал лакей, или грум, с двумя корзи-

нами; человек, только что нами описанный, время от времени брал горсть зерна из корзины и бросал птицам, плавающим в пруду.

Все знали, что это любимая забава короля, а потому Джулиан Певерил, увидев лицо этого человека и поведение его спутников, убедился, что подошел ближе, чем позволяло приличие, к Карлу Стюарту, второму из английских государей носивших это несчастное имя.

Джулиан в замешательстве остановился, не зная, как объяснить своей глухонемой провожатой, что дальше идти он не хочет; но тут один из джентльменов, составлявших королевскую свиту, по знаку государя, который пожелал послушать понравившуюся ему мелодию из спектакля, виденного накануне вечером, вынул флейту и заиграл веселую, задорную песенку. И в то время как добродушный монарх дирижировал музыкой, отбивая при этом такт ногой, Фенелла продолжала приближаться к нему, словно очарованная звуками флейты.

Желая знать, чем все это кончится, и удивляясь тому, что глухонемая так верно изображает человека, услышавшего музыку, Певерил и сам подошел на несколько шагов ближе, держась, однако, на почтительном расстоянии.

Король благосклонно взглянул на обоих, вероятно объясняя их неучливое поведение страстью к музыке; но вскоре его взгляд приковала Фенелла, в чьем лице, более необыкновенном, нежели прекрасном, было нечто дикое, причудливое, отчего оно притягивало взор, пресыщенный видом обычной женской красоты. Фенелла, казалось, не замечала, что ее рассматривают. Как бы вдохновленная непреодолимой силой звуков, она выдернула шпильку, скалывавшую ее длинные косы, которые рассыпались по хрупким плечам, как покрывало, и начала танцевать под звуки флейты с необычайной грацией и искусством.

Певерил забыл даже о короле, видя, с какой удивительной грацией и искусством Фенелла чувствует ритм мелодии, хотя ей приходится угадывать ее только по движению пальцев музыканта. Он, правда,

слыхал об одной необыкновенной женщине, такой же несчастной, как Фенелла; эта женщина каким-то непостижимым и таинственным образом не только стала музыкантшей, но сумела даже управлять целым оркестром; слышал он и о глухонемых, танцующих достаточно ритмично, следуя движениям своего партнера. Но танец Фенеллы был еще более поразительным, ибо музыкант читает ноты, а танцующий с другими следует их движениям; Фенелла же не могла руководствоваться ничем иным, кроме движений пальцев играющего на флейте музыканта.

Что касается короля, то ведь ему неизвестна была причина, почему танец Фенеллы можно было назвать почти чудом, и он сначала ободрил ласковой улыбкой эту, как ему казалось, веселую девушку со столь необычной внешностью; потом, видя, что она с удивительным сочетанием грации и искусства так превосходно и самозабвенно исполняет на мотив его любимого напева совершенно новый для него танец, Карл от молчаливого удивления перешел к бурному выражению восторга: отбивал ногой такт, одновременно кивая головой, хлопал в ладоши и, казалось, был глубоко захвачен искусством маленькой танцовщицы.

После быстрых и чрезвычайно грациозных *entrechats*¹ Фенелла плавно закружилась и тем кончила танец. Сделав реверанс, она застыла пред королем, сложив руки на груди, склонив голову и потупив глаза, как восточная рабыня перед своим властелином. Сквозь длинные пряди окутывавших ее волос видно было, как исчезает румянец, заливший ее щеки во время танца, и уступает место природной смуглости лица.

— Клянусь честью, — вскричал король, — ее можно принять за фею, танцующую при лунном свете! В ней больше огня и воздуха, нежели земной плоти и крови! Хорошо, что бедняжка Нелли Гвин не видела ее, не то она бы умерла от зависти и досады. Ну, господа, кто из вас придумал такое приятное утреннее развлечение?

---

¹ Прыжков (франц.).

Придворные переглядывались, но никто не осмелился присвоить себе право на благодарность за такую услугу.

— Что ж, тогда придется спросить у быстроокой нимфы, — сказал король, глядя на Фенеллу. — Скажи нам, красавица, кому мы обязаны удовольствием видеть тебя? Я подозреваю герцога Бакингема. Это совершенно *tour de son métier*.¹

Фенелла, видя, что король говорит с нею, почтиительно поклонилась и покачала головой в знак того, что не понимает, о чем ее спрашивают.

— Так-так! А я и не догадался, — сказал король. — Она, разумеется, иностранка, это видно по цвету ее лица и живости движений. Родина этого гибкого тела, смуглых щек и пламенных очей — Франция или Италия.

И он спросил Фенеллу сначала по-французски, а потом по-итальянски, кто прислал ее в парк.

Фенелла, видя, что король продолжает говорить с нею, откинула назад волосы, словно желая показать грусть, запечатлевшуюся на ее челе, и вновь печально покачала головой, невнятно и жалостно пробормотав что-то и объяснив этим, что лишена способности говорить.

— Возможно ли, чтобы природа совершила такую страшную ошибку?! — вскричал Карл. — Лишить голоса столь удивительное существо и в то же время сотворить его столь чувствительным к гармонии звуков! Но что это значит? Кто этот молодой человек, что шел за тобой? А, он, вероятно, показывает редкую танцовщицу? Приятель, — обратился король к Певерилу, когда тот по знаку Фенеллы невольно приблизился и опустился на колено, — мы благодарны тебе за доставленное нам удовольствие. Маркиз, вы сплутовали, играя со мной в пикет вчера вечером; в наказание вы должны дать два золотых этому честному юноше и пять — девушке.

Когда маркиз вынул кошелёк и сделал шаг вперед, чтобы выполнить великодушное приказание короля,

---

¹ В его духе (*франц.*),

Джулиан пришел было в некоторое замешательство, но тотчас овладел собой и объяснил, что не имеет никакого права получить плату за танец этой девушки и что его величество ошибается в своем предположении.

— В таком случае, кто же ты, друг мой? — спросил Карл. — Но прежде скажи, кто эта плясунья-нимфа, которую ты ожидаешься здесь, словно приставленный к ней фавн?

— Эта молодая девушка находится в услужении у вдовствующей графини Дерби, ваше величество, — тихо ответил Джулиан, — а я...

— Постой, постой! — воскликнул король. — Это уже танец на другой мотив, и он не подходит для такого шумного места. Послушай, приятель, оба вы — и ты и эта девушка — следуйте за Эмпсоном. Эмпсон, проводи их в... Подожди, я скажу тебе на ухо.

— Позвольте доложить вашему величеству, — сказал Джулиан, — что я совсем не имел намерения помешать вам таким...

— Терпеть не могу недогадливых, — нетерпеливо прервал его король. — Неужели ты не понимаешь, что иной раз учтивость хуже грубости? Говорю тебе, следуй за Эмпсоном и побудь с полчаса в обществе этой феи, куда мы не позовем тебя.

Карл, говоря эти слова, с беспокойством оглядывался, как будто опасаясь, чтобы его не подслушали. Джулиану не оставалось ничего другого, как поклониться и идти за Эмпсоном: это оказался тот самый человек, который так хорошо играл на флейте.

Когда они отошли на такое расстояние, что король с придворными не могли их услышать, музыканту захотелось поговорить с новыми знакомыми, и он сначала обратился к Фенелле.

— Ей-богу, — сказал он, — вы танцуете с редким совершенством. Ни одна театральная танцовщица не сравнится с вами. Я готов играть для вас до тех пор, куда мое горло не будет так же сухо, как флейта. Ну, полноте, не дичитесь! Старый Раули до девяти часов не выйдет из парка. Я провожу вас обоих в Спринг-гарденс; там мы закусим, выпьем бутылку

рейнского и подружился... Что за черт? Не отвечает? Что это значит, братец? Твоя премиленькая девица, глуха она или нема? Неужели и то и другое? Да нет, не может быть, она так славно танцует под звуки флейты!

Чтобы избавиться от неприятных и даже затруднительных вопросов глупца, Джулиан решился солгать и ответил по-французски, что он иностранец и не знает английского языка.

— *Etranger*, то бишь иностранец, — бормотал вполголоса Эмпсон. — Опять скоты французы и их шлюхи едут сюда, чтобы слизывать английское масло с нашего хлеба; или какой-нибудь итальянец со своими марионетками... Если бы пуритане не были смертельными врагами каждого до, каждого ре и каждого ми, ей-богу, любой честный малый должен был бы присоединиться к ним. Но уж коли мне придется аккомпанировать ей на флейте у герцогини, черт меня возьми, если я не собою ее с ритма только для того, чтобы проучить за наглость: пусть не ездят в Англию, не зная ни слова по-английски.

Приняв такое истинно английское решение, музыкант быстрым шагом направился к большому особняку, стоящему в глубине Сент-Джеймс-стрит, и вошел во двор сквозь решетчатую калитку прямо из парка, в который выходили окна дома.

Певерил, увидя перед собой красивый, со створчатою дверью, портик, хотел было подняться по ступенькам, ведущим к главному входу, но музыкант схватил его за руку и воскликнул:

— Постойте же, мосье! Вы, видно, смельчак, но здесь, несмотря на ваш роскошный камзол, вам придется пройти черным ходом. Тут не так, как в сказке: стучите — и отворится; здесь: стучите — и вас самого стукнут!

Джулиан подчинился Эмпсону; миновав главный вход, они пошли дальше и остановились в углу двора, у двери не очень приметной. Музыкант тихонько постучался; слуга отпер дверь и впустил его вместе с обоими его спутниками. Пройдя несколько облицованных камнем коридоров, они вошли в прекрасную

летнюю гостиную, где сидела высокородная дама — или дама, прилагающая все усилия, чтобы казаться высокородной; одетая с чрезвычайной изысканностью, она пила шоколад, листая какую-то занимательную книжку. Чтобы верно описать ее, необходимо сравнить дары, которыми осыпала ее природа, с искусственным их искажением. Эта женщина была бы красива, если бы ее не портили румяна и *minauderie*; ¹ была бы любезна, если бы не принимала вида снисходительной благодетельницы; обладала бы приятным голосом, если бы говорила естественным тоном, и прекрасными глазами, если бы не злоупотребляла ими так отчаянно. Прелестная ножка только проигрывала от того, что ее обладательница слишком выставляла ее напоказ, а стану ее, хотя ей не было еще и тридцати, несколько вредила преждевременная *embonpoint*. ² Дама эта царственным жестом указала Эмпсону на стул и с томным видом спросила его, как прожил он ту вечность, что они не виделись, и кого это он привел с собой.

— Чужестранцев, сударыня, проклятых чужестранцев, — ответил Эмпсон, — голодных нищих, которых наш старый друг подобрал сегодня утром в парке. Девчонка танцует, а этот молодец, наверно, играет на рожке. Ей-богу, сударыня, мне становится стыдно за старика Раули; если он и впредь будет держать при себе такой народ, я с ним распрощаюсь.

— Полно, Эмпсон, — отвечала дама, — мы обязаны угождать его желаниям и развлекать его. Я всегда так поступаю. Но скажи, разве он нынче не придет сюда?

— Не успеете вы исполнить даже одно па менуэта, как он уже явится, — ответил Эмпсон.

— Боже мой! — вскричала дама в непритворной тревоге и, совершенно забыв об обычной своей томности и жеманстве, бросилась со всех ног, как простая молочница, в соседнюю комнату, откуда тотчас послышался короткий, но весьма оживленный спор.

---

¹ Жеманство (*франц.*).

² Полнота (*франц.*).

— Видно, кого-то надо спровадить, — заметил Эмпсон. — Мадам повезло, что я ее предупредил. Так и есть! Вот он идет, счастливый пастушок!

Джулиан, стоя напротив окна, куда смотрел Эмпсон, увидел, как из той же двери, в которую они вошли, выскользнул мужчина, укутанный в плащ с галунами, и, держа под мышкой шпагу, стал пробираться вдоль стены, стараясь, чтобы его не заметили.

В эту минуту дама возвратилась и, проследив за направлением взгляда Эмпсона, быстро сказала ему:

— Герцогиня Портсмутская присылала ко мне своего человека с запискою, на которую настойчиво просила тотчас же ответить, так что мне пришлось писать, даже не взяв своего алмазного пера. Ах, я запачкала чернилами пальцы! — добавила она, взглянув на свою хорошенькую ручку, и окунула пальцы в серебряную вазу, наполненную розовой водою. — Но точно ли, — продолжала она, указывая на Фенеллу, — это ваше заморское чудище не понимает по-английски? Отчего она покраснела? Она и в самом деле так хорошо танцует? Я хочу видеть ее искусство и послушать, как он играет на рожке.

— Танцует! — воскликнул Эмпсон. — Она танцевала превосходно, потому что на флейте играл я. Я кого угодно могу заставить танцевать. Я заставил танцевать старого советника Хромоножку во время приступа подагры, да так хорошо, как и в театре не танцуют. У меня и архиепископ Кентерберийский запляшет не хуже француза. Танцы — это пустяки. Все дело в музыке. Но Раули этого не понимает. Он видел танец этой девчонки и вообразил себе бог знает что, а ведь заслуга-то моя. Еще бы ей не заплясать, коли я играю! А Раули расхваливал ее и дал ей пять золотых, а мне за целое утро — только два.

— Все это так, господин Эмпсон, — сказала дама, — но вы — свой человек, хоть и низшего звания. Вы должны сами понимать...

— Я понимаю только одно, мадам, — ответил Эмпсон. — Я первый флейтист Англии, и если меня уволят, то меня будет так же трудно заменить, как наполнить Темзу водою из лужи.

— Не спорю, мистер Эмпсон, вы человек талантливый, — согласилась дама, — но все же следует помнить и о другом: сегодня вы пленяете слух, а завтра другой может превзойти и вас.

— Никогда, сударыня, этого не будет, пока ухо не утратит божественную способность отличать одну ноту от другой.

— Божественную способность? Так вы сказали, мистер Эмпсон? — спросила дама.

— Да, сударыня, божественную. Вспомните весьма изящные стихи, произнесенные на последнем празднике:

О раиской жизни только то известно,
Что там любовь и музыка — небесны.

Это написал мистер Уоллер, я знаю. Он заслуживает похвалы.

— Так же, как и вы, дорогой Эмпсон, — сказала хозяйка, зевнув, — хотя бы за то, что делаете честь своему ремеслу. Но спросите, пожалуйста, наших гостей, не хотят ли они чем-нибудь угоститься? Быть может, вы и сами откусаете? Этот шоколад привез в подарок королеве португальский посланник.

— Если шоколад настоящий, — сказал музыкант.

— Как, сэр? — вскричала прекрасная хозяйка, приподнявшись со своих подушек. — Разве у меня в доме бывает что-нибудь ненастоящее? Позвольте напомнить вам, господин Эмпсон, что, когда я увидела вас в первый раз, вы едва умели отличать шоколад от кофе.

— Ваша правда, сударыня, — ответил флейтист, — истинная правда. Но чем же еще, если не разборчивостью, мне доказать вам, что я извлек истинную пользу из отличных уроков вашей милости?

— Я прощаю вас, мистер Эмпсон, — сказала дама, вновь небрежно откидываясь на пуховые подушки. — Надеюсь, этот шоколад вам понравится, хоть он и не так хорош, как тот, что прислал испанский резидент Мендоса. Но надо попотчевать чем-нибудь и наших гостей. Спросите их, не хотят ли они шоколаду и кофе или холодной дичи, фруктов и вина? Уж если они

сюда попали, так надо показать им, где они находятся.

— Конечно, сударыня, — ответил Эмпсон, — но я, как на грех, сейчас забыл, как по-французски будет шоколад, поджаренный хлеб, кофе, дичь и всякие напитки.

— Странно, — заметила дама, — я сама сейчас тоже забыла и по-французски и по-итальянски. Да нужды нет; я велю подать им все — пусть сами вспомнят, что и как называется.

Эмпсон при этой шутке расхохотался, а когда подали холодную говядину, то сказал, что такой кусок мяса — он готов заложить душу дьяволу — может служить самым лучшим образцом ростбифа на свете. На столе появилось множество разных закусок, и Джулиан с Фенеллой отлично позавтракали.

Тем временем флейтист подсел поближе к хозяйке дома — рюмка ликера восстановила доброе согласие между ними, и они, став разговорчивее, с большей откровенностью начали перебирать по косточкам весь двор, от высшего и до низшего сословия, к которому, по-видимому, и сами принадлежали.

Правда, во время разговора дама несколько раз указывала Эмпсону на свое полное и совершенное превосходство над ним, и этот джентльмен-музыкант тотчас смиренно соглашался, как только ему это высказывали, то в виде явного противоречия, то насмешливого намека, то огкровенно высокомерного замечания, то еще каким-нибудь способом, обычным для утверждения и поддержания такого превосходства. Но очевидная страсть дамы к сплетням тотчас же заставляла ее спускаться с высоты, на которую она вдруг взлетала, и ставила ее снова в один ряд с музыкантом.

Этот пустой разговор о мелких придворных интригах, вдобавок совершенно ему неизвестных, ничуть не интересовал Джулиана. А поскольку их беседа длилась больше часа, он вскоре совсем перестал прислушиваться к потоку прозвищ, намеков и сплетен и предался размышлениям о своем собственном трудном положении и возможных последствиях предстоящего

свидания с королем, столь неожиданно предоставленного ему благодаря удивительному посредничеству Фенеллы. Часто взглядывал он на глухонемую: она казалась погруженной в глубокую задумчивость. Но раза три-четыре он заметил, что когда хозяйка дома и музыкант принимают особенно важный и напыщенный вид, Фенелла искоса бросает на них испепеляющий взгляд, которого так боялись жители острова Мэн, считая, что он обладает сверхъестественной силой. Во внешности Фенеллы, да и в неожиданном ее появлении в особняке, таилось нечто столь непонятное, а ее поведение в присутствии короля, хотя и весьма удачно задуманное — ибо оно дало ему возможность получить частную аудиенцию, которой при других обстоятельствах тщетно пришлось бы домогаться, — было столь удивительным, что Джулиан невольно подумал, хотя и сам внутренне посмеялся над своей мыслью, уж не помогают ли глухонемой в ее делах ее родственники — эльфы: ведь именно к ним, если верить суеверным жителям Мэна, восходит ее родословная.

Другая мысль, не менее странная и сейчас же отвергнутая, как и та, что причисляла Фенеллу к существам, отличным от простых смертных, уже не в первый раз мелькнула в голове Джулиана: действительно ли Фенелла обладает теми физическими недостатками, которые, как всегда казалось, отторгали ее от остальных людей? Если нет, то какие причины могли заставить молодую девушку много лет подвергаться такому тяжкому испытанию? И какую непреклонную силу воли надо было иметь, чтобы принести подобную жертву! Какой глубокой и желанной должна быть цель, ради которой это было предпринято!

В его уме мгновенно пронеслось все, что произошло, и он сразу отбросил прочь эту совершенно дикую и несусветную мысль. Стоило лишь вызвать в памяти различные уловки его друга, весельчака и проказника молодого графа Дерби: чтобы подразнить эту несчастную девушку, он заводил в ее присутствии насмешливый разговор о ее характере и внешности, и она оставалась совершенно безучастной, а ведь нрав

ее был всегда неукротим и вспыльчив. Разумеется, это не могло не убедить его, что девушка, столь несдержанная и своевольная, не смогла бы так долго и так настойчиво обманывать всех окружающих.

Поэтому Джулиан окончательно отбросил от себя эту мысль и принялся размышлять о собственных делах и о приближающемся свидании с королем. Мы оставим его предаваться этим размышлениям, а пока коротко расскажем о переменах, происшедших в жизни Алисы Бриджнорт.

Глава XXXI

Всего опасней черт, когда он прячет
Козлиное копыто под сутаной
Иль под плащом Кальвиновым.

Неизвестный автор

Не успел Джулиан Певерил отплыть в Уайтхейвен, как Алиса Бриджнорт вместе со своей гувернанткой по внезапному приказанию майора была тайно и поспешно помещена на борт шедшего в Ливерпуль судна. Кристиан сопровождал их в качестве друга, попечениям которого она была вверена на время разлуки с отцом, и учтивое, хотя и несколько холодное обращение и умные разговоры ее дяди заставили Алису в ее одиночестве благодарить судьбу за такого опекуна.

В Ливерпуле, как читатель уже знает, Кристиан сделал первый шаг к осуществлению своих гнусных умыслов против невинной девушки, выставив ее на показ в собрании, чтобы наглый взгляд Чиффинча оценил ее со всех сторон, и сообщник Кристиана мог убедиться, что ее необыкновенная красота достойна позорного возвышения, ей уготованного.

Весьма довольный ее наружностью, Чиффинч остался не менее доволен умом и обращением Алисы, когда встретил ее позднее в Лондоне в присутствии дяди. Безыскусственность и вместе с тем тонкость ее замечаний заставили Чиффинча смотреть на Алису

так, как его ученый прислужник-повар смотрел бы на новый соус, достаточно пикантный, чтобы возбудить пропавший аппетит пресыщенного эпикурейца. Он клялся, что она — надежный фундамент, на котором, благоразумно следуя его советам, несколько честных людей могут построить здание своего благополучия при дворе.

Для того чтобы представить Алису ко двору, достойные друзья решили отдать ее под надзор одной весьма опытной дамы, которую одни, считая ее супругой Чиффинча, именовали сударыней, а другие называли сударкой. Это была одна из тех особ, которые готовы на все услуги и исполняют все обязанности жены без обряда, сопряженного со всяческими неудобствами и нерасторжимостью уз.

Одним и, наверно, по своему значению далеко не второстепенным из наиболее пагубных следствий разврата, царившего в эти беспутные времена, было то, что границы между добродетелью и пороком стали настолько стерты и неразличимы, что и неверная жена и нежная подруга, не бывшая женой, отнюдь не утрачивали благоволения светского общества; напротив того, в высших кругах их обеих принимали наравне с женщинами, положение которых было вполне определенным, а репутация — незапятнанной.

Устойчивая *liaison*,¹ как, например, между Чиффинчем и его красоткой, не вызвала особых пересудов. И таково было его могущество как премьер-министра удовольствий своего господина, что, как выразился сам Карл, дама, представленная нашим читателям в предыдущей главе, уже заслужила все права замужней женщины. Отдавая справедливость этой благородной даме, мы должны сказать, что ни одна законная жена не могла бы лучше помогать своему господину во всех его начинаниях и более успешно проматывать его доходы.

Она занимала целый дом, называвшийся домом Чиффинча, и дом этот служил ареною бесчисленных интриг, как любовных, так и политических. Там не-

---

¹ Связь (франц.).

редко проводил вечера Карл, когда вздорный нрав его первой фаворитки, герцогини Портсмутской, заставлял его искать иного общества. Чиффинч же умел очень ловко пользоваться подобными случаями для укрепления своего влияния, и даже самые важные государственные особы, если только они не были совсем чужды придворной политике, не решались пренебрегать им.

Этой-то миссис Чиффинч и человеку, ссудившему ей свое имя, препоручил Эдуард Кристиан дочь своей родной сестры и доверчивого друга, хладнокровно основывая свои расчеты на ее гибели как деле предпринятом и обещающем принести состояние более солидное, чем то, которое до сих пор могла дать ему жизнь, проведенная в непрерывных интригах.

Ни о чем не подозревавшая Алиса не видела ничего предосудительного ни в окружавшей ее невиданной роскоши, ни в обращении хозяйки дома, услужливой и ласковой как от природы, так и по необходимости. И все же какое-то внутреннее чувство подсказывало ей, что тут что-то неладно, — это чувство у человека напоминает инстинкт самосохранения у животных, проявляющийся с приближением врага. Так птицы сжимаются в комочек, когда в воздухе парит ястреб, так трепещут звери, когда где-то неподалеку в пустыне рычит тигр. Алиса ощущала на сердце тяжесть, которую ничто не могло облегчить; и те несколько часов, которые она провела в доме Чиффинча, были подобны часам, проведенным в тюрьме, когда человек не знает, за что его схватили и что с ним будет дальше. Сцена, к которой мы теперь возвращаемся, произошла на третий день после приезда Алисы в Лондон.

Эмпсон дерзко и грубо, что прощалось ему ради его неподражаемого искусства игры на флейте, рассуждал о всех других музыкантах, а миссис Чиффинч с беспечным равнодушием внимала ему, когда вдруг в соседней комнате послышался чей-то громкий и оживленный голос.

— Тысяча чертей! — воскликнула хозяйка, позабыв о своем жеманном чванстве, прикрывавшем грубость ее натуры, и, вскочив с места, подбежала к

двери. — Неужели это он возвратился? Ведь если старый Раули...

Но тут ее прервал легкий стук в противоположную дверь, и она вдруг отдернула руку от двери, которую собиралась было открыть, так, будто обожгла пальцы, и проворно бросилась на диван.

— Кто здесь?

— Сам старый Раули, сударыня, — сказал король, входя в комнату со своим обычным непринужденным и веселым видом.

— Ах, боже мой! Ваше величество... Я думала...

— Что я вас не услышу, не так ли? — спросил король. — И потому вы говорили обо мне, как обыкновенно говорят об отсутствующих приятелях. Не извиняйтесь. Я слышал от дам, что разорванное кружево гораздо лучше заштопанного! Садитесь. Где Чиффинч?

— В Йорк-хаусе, ваше величество, — ответила хозяйка, стараясь оправиться от замешательства и принять достойный вид. — Не прикажете ли, ваше величество, послать за ним?

— Я подожду, пока он сам не вернется, — сказал король. — Позвольте отвесть вашего шоколада.

— Вам принесут свежего, — ответила дама и свистнула в серебряный свисток. Маленький негр-тенок — паж, пышно разодетый на восточный манер, с золотыми браслетами на обнаженных запястьях и с золотым ожерельем на шее — принес шоколад на подносе, уставленном превосходным фарфором.

Принявшись за свой любимый напиток, король окинул глазами комнату и, увидев Фенеллу, Певе-рила и музыканта, стоявших подле большой индийской ширмы, небрежно сказал, обращаясь к миссис Чиффинч:

— Я прислал вам сегодня утром скрипки, или, какжется, флейты Эмпсона и маленькую фею, которую встретил в парке. Она божественно танцует и познакомила нас с самой новой сарабандой, что пляшут при дворе королевы Мэб. Я прислал ее сюда, чтобы развлечь вас на досуге.

— Ваше величество оказывает мне слишком много чести, — ответила миссис Чиффинч притворно смиренным голосом и надлежащим образом потупив глаза.

— Нет, малютка Чиффинч, — ответил король тоном презрительной фамильярности, подобающей человеку высокородному, — не для тебя одной прислал я этих артистов, хотя и считаю тебя достойною их видеть. Я думал, что и Нелли здесь.

— Я сейчас пошлю за нею Баязета, ваше величество, — сказала дама.

— Нет, нет, я не хочу заставлять вашего маленького язычника ходить так далеко. Но мне помнится, Чиффинч говорил, что у вас гостит какая-то приезжая кузина или что-то в этом роде... Так ли это?

— Да, государь, молодая девушка, приехавшая из деревни, — ответила миссис Чиффинч, вновь стараясь скрыть свое замешательство, — но она не подготовлена к чести быть представленной вашему величеству и...

— Тем лучше, Чиффинч, мне только того и надо. Нет ничего прелестнее, как первый румянец молоденькой провинциалки, волнуемой радостью, страхом, изумлением и любопытством. Это пушок на персике: жаль, что он так скоро пропадает! Плод остается, но первоначального цвета и чудесного запаха уже нет. Полно надувать губки, Чиффинч, ведь это правда. Лучше покажи нам *la belle cousine*.¹

Миссис Чиффинч в еще большем замешательстве, чем прежде, вновь подошла к той самой двери, которую хотела было открыть перед приходом короля. Но как раз когда она громко кашлянула, возможно желая кого-то предупредить, снова послышались громкие голоса, потом дверь распахнулась, и в комнату вбежала Алиса Бриджнорт, преследуемая разгоряченным герцогом Бакингом, который окаменел от удивления, очутившись в пылу погони за красоткой перед самим королем.

Алиса Бриджнорт, вне себя от гнева, не обратила никакого внимания на тех, кто ее окружал,

---

¹ Прелестную кузину (франц.).

— Я не останусь здесь больше ни минуты, сударыня, — сказала она миссис Чиффинч твердым и решительным тоном. — Я немедленно покидаю дом, где вынуждена терпеть общество ненавистного мне человека и выслушивать гнусные предложения.

Миссис Чиффинч окончательно растерялась и только прерывистым шепотом умоляла ее замолчать, указывая на Карла, глаза которого были устремлены скорее на дерзкого придворного, нежели на добычу, им преследуемую, и повторяла:

— Король, король!..

— Если король здесь, — горячо воскликнула Алиса, и глаза ее сверкнули слезами негодования и оскорбленной стыдливости, — тем лучше! Его величество должен защитить меня, и я прошу его защиты.

Эти слова, сказанные громко и смело, тотчас привели в себя Джулиана, до сих пор стоявшего в полном замешательстве. Решительно подойдя к Алисе, он шепнул ей на ухо, что возле нее человек, готовый защищать ее ценой собственной жизни, и что он умоляет ее довериться ему не задумываясь.

Девушка с восторгом и благодарностью схватила его руку, и волнение, только что воодушевлявшее Алису, теперь нашло свое выражение в обильных слезах, ибо она увидела подле себя человека, которого более всех на свете хотела иметь своим защитником. Она позволила Пeverилу осторожно подвести ее к ширме, где он прежде стоял, и там, держась за его руку и вместе с тем пытаясь укрыться за его спиной, вместе с Джулианом ожидала развязки этой странной сцены.

Король сначала был, казалось, так удивлен неожиданным появлением герцога Бакингема, что почти или совсем не обратил внимания на Алису — виновницу того, что герцог предстал перед своим государем в такую неблагоприятную для себя минуту. Уже не в первый раз при дворе, столь богатом интригами, герцог отваживался стать соперником самого короля, что делало его нынешнюю дерзость еще более непостижимой. Слова Алисы изобличили причину его тайного пребывания в этом доме, и Карл, несмотря на

свой спокойный нрав и умение сдерживать свои страсти, рассердился за намерение обольстить девушку, предназначенную в любовницы ему самому, как разгневался бы восточный султан, если бы визирь вздумал перекупить предназначенную его повелителю прелестную невольницу. Смуглое лицо короля покраснело, все жилы на лбу вздулись, и голосом, прерывающимся от гнева, он сказал:

— Бакингом, равного себе ты не осмелился бы так обидеть. Но ты не побоялся оскорбить своего государя, ибо знал, что положение не позволит ему обнажить шпагу против тебя

Надменный герцог не оставил королевский упрек без ответа.

— Моя шпага, государь, — сказал он выразительно, — никогда не оставалась в ножнах, если ее нужно было обнажить, служа вашему величеству.

— Ваша светлость хочет сказать: когда она могла послужить своему хозяину, — возразил король, — ибо, только сражаясь за королевскую корону, вы могли приобрести герцогскую. Но довольно об этом, я обращался с вами как с другом, с товарищем, почти как с равным себе, а вы отплатили мне дерзостью и неблагодарностью.

— Государь, — возразил герцог твердо, но почтительно, — я очень сожалею, что разгневал вас. К счастью, слова ваши могут возвысить человека, но погубить или взять обратно оказанную честь не могут. Как больно, — добавил он, понизив голос так, чтобы только король мог его слышать, — как больно, что визг капризной девчонки может в одну минуту уничтожить многолетние заслуги.

— Еще больнее, — возразил король сдержанным тоном, каким они оба продолжали теперь говорить, — что хорошенькие глазки могут заставить дворянина забыть о щепетильности в отношении личных интересов короля.

— Осмелюсь спросить ваше величество, в чем состоит означенная щепетильность? — сказал Бакингом.

Карл закусил губу, чтобы не рассмеяться.

— Бакингом, — ответил он, — мы поступаем очень глупо. И не должны забывать — а мы об этом чуть не забыли, — что мы здесь не одни и обязаны соблюдать достоинство. Я заставлю вас понять вашу вину, когда мы останемся с глазу на глаз.

— Довольно и того, что ваше величество выказали неудовольствие и что, к несчастью, причиною тому был я, — почтительно сказал герцог, — хотя вся вина моя состоит в том, что я сказал несколько любезных слов девушке. Я покорнейше прошу ваше величество простить меня.

С этими словами он изящно опустился на колени.

— Я прощаю тебя, Джордж, — ответил добродушный король. — Я думаю, тебе скорее надоест оскорблять меня, нежели мне — тебя прощать.

— Да продлятся дни вашего величества, чтобы наносить обиды, подобные той, в которой вам угодно было только что обвинить ни в чем не повинного человека, — возразил герцог.

— Что вы этим хотите сказать, милорд? — спросил Карл, опять сердито нахмурившись.

— Государь, — отвечал герцог, — вы слишком благородны, чтобы отрицать, что и сами любите охотиться в чужих заповедниках с помощью стрел Купидона. У вас есть королевское право на свободную охоту в лесах любого вашего подданного. Зачем же так гневаться, если случайная стрела другого охотника просвистит возле ограды вашего заповедника?

— Довольно, — сказал король, — не будем больше говорить об этом; но куда же спряталась голубка?

— Покуда мы спорили, Елена нашла Париса.

— Скажи лучше — Орфея, — возразил король, — и, что еще хуже, Орфея, у которого уже есть Эвридика; она просто вцепилась в этого скрипача.

— Со страху, — объяснил Бакингом. — Как Рочестер, когда он залез в футляр от виолончели, чтобы спрятаться от сэра Дермота О'Кливера.

— Мы должны уговорить этих людей позабавить нас своими талантами, — сказал король, — а потом зажмем им рты деньгами и ласковым обращением, не то весь город узнает о нашей ссоре.

Король подошел к Джулиану и приказал ему взять музыкальный инструмент и сказать танцовщице, чтобы она протанцевала сарабанду.

— Я уже имел честь сообщить вашему величеству, — ответил Джулиан, — что я не музыкант и не могу доставить вам того удовольствия, какое вы желаете. Что же касается этой девушки, то она...

— В услужении у леди Поуис, — сказал король, который быстро забывал все, что не относилось к его забавам. — Бедная женщина! Она сейчас в большой тревоге за лордов, заключенных в Тауэре.

— Простите, государь, она находится в услужении у вдовствующей графини Дерби.

— Да, да, — согласился Карл, — у графини Дерби, положению которой не позавидуешь. Не знаешь ли ты, кто учил эту девушку танцевать? Некоторые ее движения напоминают Лежен из Парижа.

— Быть может, она училась в чужих краях, сэр, — ответил Джулиан. — Что же касается меня, то графиня Дерби поручила мне важное дело, и я желал бы довести его до сведения вашего величества.

— Ты можешь обратиться к нашему государственному секретарю, — сказал Карл, — а эта нимфа должна еще повеселить нас своим искусством. Эмпсон... Я и забыл... Ведь она плясала под твою флейту! Ну, начинай поскорее! Придай-ка ей немножко резвости.

Эмпсон начал наигрывать известную мелодию, но, верный своему намерению, нарочно брал фальшивые ноты. Король, обладавший прекрасным слухом, тотчас это заметил.

— Эй, сударь! — закричал он. — Неужели ты с утра успел выпить? Или ты смеешь подшучивать надо мной? Ты думаешь, что рожден только отбивать такт? Смотри, как бы я не отбил этот такт на тебе самом!

Одного намека было достаточно, чтобы Эмпсон постарался восстановить свою высокую и вполне заслуженную репутацию. Но музыка не производила ни малейшего впечатления на Фенеллу. Прислонясь к стене, бледная как смерть, она оставалась неподвижною; руки ее бессильно повисли, и только тяжелое

дыхание да слезы, текущие из полузакрытых глаз, свидетельствовали о том, что она жива.

— Что за дьявольщина! — вскричал король. — Какой злой дух околдовал здесь всех сегодня? Обе девицы ведут себя как одержимые. Полно, малютка, развеселись! Что, черт побери, превратило тебя в одну минуту из нимфы в Ниобею? Если ты и дальше будешь так стоять, то совсем прирастешь к мраморной стене. Эй, Джордж, скажи, пожалуйста, не пустил ли ты стрелы и в эту сторону?

Но не успел еще Бакингом ответить, как Джулиан бросился перед королем на колени, умоляя выслушать его и обещая за пять минут все объяснить.

— Эта девушка, — сказал он, — давно служит графине Дерби. Она глуха и нема.

— Что за враки! — закричал король. — И так хорошо танцует? Нет, даже весь Грешемский колледж не заставит меня этому поверить.

— Я и сам до сегодняшнего утра не предполагал, государь, что она умеет танцевать, — сказал Джулиан. — Однако позвольте мне, сэр, передать вам прошение графини Дерби.

— А кто ты сам, молодой человек? — спросил король. — Хотя все подданные королевства, носящие юбки и корсажи, имеют право говорить со мною и требовать ответа, я не думаю, чтобы они были вправе домогаться аудиенции не лично, а уполномочив на то чрезвычайного посланника.

— Я Джулиан Певерил из Дербишира, государь; сын Джеффри Певерила из замка Мартиндейл, который...

— Сын старого вустерского храбреца? — воскликнул король. — Черт побери, я хорошо его помню, но с ним что-то случилось. Он умер или по крайней мере очень болен?

— Ему очень плохо, ваше величество, но он не болен. Его заключили в тюрьму по ложному обвинению в участии в заговоре.

— Так и есть, я знал, что с ним что-то случилось, — сказал король. — Но, по правде говоря, не знаю, как помочь этому храброму кавалеру. Меня са-

мого готовы считать участником заговора, хотя и говорят, что главная цель его — лишить меня жизни. Если я хоть пальцем пошевелю для спасения кого-нибудь из заговорщиков, меня самого обвинят в измене. Бакингом, ты как-то связан с теми, кто придумал или только пустил в ход этот прекрасный государственный механизм; будь добр на этот раз, хоть тебе это и не по нутру, похлопочи за нашего старого вустерского приятеля, сэра Годфри. Ты не забыл его?

— Нет, государь, — ответил герцог, — потому что никогда не слышал такого имени.

— Его величество хотел сказать — «сэра Джефри», — заметил Джулиан.

— Даже если бы его величество изволил сказать «сэра Джефри», мистер Певерил, я все равно ничего не мог бы сделать для вашего отца, — холодно ответил герцог. — Он обвиняется в государственном преступлении; а в подобном случае британский подданный не может ждать покровительства ни от короля, ни от пэра; его осуждение или оправдание будет зависеть от бога и законов нашей страны.

— Да простит тебе небо такое лицемерие, Джордж! — вскричал король. — Лучше слушать черта, проповедующего веру, нежели тебя, когда ты проповедуешь любовь к отечеству. Тебе не хуже меня известно, что народ сходит с ума от страха перед бедными католиками, хотя их приходится по два на каждые пятьсот протестантов; и что общественное мнение так взволновано новыми рассказами о заговоре и каждодневных ужасах, что люди уже не отличают истину от лжи, как те, кто говорит во сне, не знают грани между бредом и разумной речью. Долго терпел я это безумие; видел кровь, проливаемую на эшафотах, и не смел противиться, страшась тем только усилить народную ярость; мне остается лишь молить бога не взыскать с меня или с моих потомков за гибель невинных жертв. Я не хочу далее плыть по течению, — честь и разум повелевают мне остановить его. Я буду впредь действовать как монарх и спасу народ от несправедливых дел даже вопреки его воле.

Карл возбужденно шагал по комнате и высказывал эти необыкновенные мысли с необыкновенным жаром и силою; после минутного молчания герцог с мрачным видом сказал ему:

— Государь, вы говорите как подобает истинному королю; но не так, простите меня, как подобает королю английскому.

В эту минуту Карл остановился у окна, выходявшего на Уайтхолл, и взор его невольно устремился к роковому окну Бэнкуетинг-хауса, откуда его несчастного отца повели на эшафот. Карл был от природы — или, вернее сказать, в существе своем — человеком храбрым; но, проведя всю жизнь в неге и забавах, привыкнув считаться больше с обстоятельствами, нежели со справедливостью, он уже не способен был сознательно избрать такую мученическую кончину, какою завершилось царствование и жизнь его отца. И потому одна эта мысль, как дождь, который гасит чуть мерцающий огонь маяка, сразу подавила возникшее было у него намерение. В другом человеке такое замешательство показалось бы нелепым, но Карл даже и в этом положении не лишился своего достоинства и величия, столь же естественных для него, как добродушие и спокойствие.

— Это дело должен решать совет, — сказал он, посмотрев на герцога. — А вы, молодой человек, — добавил Карл, обращаясь к Джулиану, — будьте уверены, что отец ваш найдет защитника в своем государе: я сделаю для него все, что позволят мне законы.

Джулиан хотел уже удалиться, когда Фенелла, бросив на него выразительный взгляд, сунула ему в руки листок бумаги, на котором было наскоро нацарапано: «Пакет! Отдайте ему пакет».

Джулиан заколебался, но, вспомнив, что глухонемая часто передавала ему приказания графини, решил подчиниться.

— Государь, — сказал он, — позвольте вручить вашему величеству вверенные мне письма графини Дерби. Они уже были у меня похищены однажды, и я не надеюсь доставить их по назначению. Поэтому я и

передаю их вам с уверенностью, что они докажут невиновность их автора.

Король взял письма с явной неохотой и покачал головою.

— Вы взяли на себя опасное поручение, молодой человек, — сказал он. — Подобных посланцев нередко лишали жизни, чтобы завладеть бумагами. Но я их беру. Миссис Чиффинч, дайте мне воск и свечу. — Он вложил письма графини в другой конверт. — Бакингом, — продолжал он, — ты свидетель, что я не читал этих писем до представления их в совет.

Герцог подошел к королю и хотел было помочь ему, но Карл отверг его помощь, сделал все сам и запечатал пакет своим перстнем-печаткой. Герцог с досады закусил губу и отошел в сторону.

— Ну, молодой человек, — сказал король, — ваше сегодняшнее поручение выполнено.

Певерил, справедливо сочтя эти слова за приказание удалиться, низко поклонился. Алиса Бриджнорт, все еще продолжавшая держать Джулиана за руку, сделала движение, по-видимому собираясь уйти вместе с ним. Король и Бакингом посмотрели друг на друга с удивлением и легкою усмешкою, — так странно показалось им то, что добыча, из-за которой они только что чуть не поссорились, легко ускользала от них, или, вернее, ее похищал третий, столь недостойный по своему положению их соперник.

— Миссис Чиффинч, — сказал король с некоторой нерешительностью, которую не мог скрыть, — надеюсь, эта милая девушка не собирается покинуть ваш дом?

— Конечно, нет, ваше величество, — ответила Чиффинч. — Алиса, милочка, — продолжала она, — вы ошиблись; вот дверь в вашу комнату.

— Извините, сударыня, — ответила Алиса, — я действительно ошиблась, но не сейчас, а когда пришла в ваш дом.

— Девица, сделавшая ошибку, — сказал Бакингом, взглянув на короля так выразительно, насколько позволял ему этикет, и затем переведя взгляд на Алису, которая все еще держала Джулиана за руку, — не

хочет сбиться с дороги вторично, а потому выбрала себе надежного проводника.

— Однако, — заметил король, — примеры доказывают, что такие проводники часто сбивают с пути молодых девушек.

Алиса густо покраснела, но тотчас обрела хладнокровие, как только увидела, что ее свобода зависит сейчас от твердости и решительности. Из чувства оскорбленной скромности она выпустила руку Джулиана, но продолжала держаться за полу его плаща.

— Я действительно ошиблась, — сказала она, по-прежнему обращаясь к миссис Чиффинч, — когда переступила порог вашего дома. Оскорбления, которым я подвергалась в нем, заставляют меня немедленно его покинуть.

— Я не позволю вам уйти, милая барышня, до тех пор, пока ваш дядя не освободит меня от заботы о вас, — ведь он поручил вас моему попечению.

— Я отвечу за свое поведение, сударыня, не только перед моим дядей, но и, что гораздо важнее, перед моим отцом, — ответила Алиса. — Вы обязаны отпустить меня: я рождена свободной, и вы не имеете права меня задерживать.

— Извините, милая барышня, — возразила миссис Чиффинч, — я имею это право и воспользуюсь им.

— А вот мы сейчас увидим! — смело воскликнула Алиса и, подойдя к королю, упала перед ним на колени. — Ваше величество, — сказала она, — если вы действительно король Карл, то вы отец своих подданных.

— Во всяком случае, многих из них, — вполголоса заметил герцог Бакингом.

— Я требую вашей защиты именем бога и той клятвы, которую вы дали, надевая на себя корону Англии.

— Я принимаю вас под свою защиту, — ответил король, несколько смутившись столь торжественной и неожиданной мольбой. — Оставайтесь спокойно у хозяйки этого дома, куда вас поместили родственники, и я ручаюсь вам, что ни Бакингом, ни кто другой вас не побеспокоит.

Неугомонный дух язвительного противоречия до такой степени владел Бакингом, что он никак не мог воздержаться от иронических замечаний, забывая все приличия и свою собственную выгоду.

— Его величество, — сказал он Алисе, — избавит вас от всех беспокойных посещений, кроме тех, которые никто не осмелится назвать беспокойными.

Алиса бросила проницательный взгляд на герцога, как будто желая прочесть тайный смысл его слов, и потом обратила свой взор на короля, чтобы удостовериться, правильно ли она поняла герцога. Виноватое выражение лица Карла укрепило ее решимость ни в коем случае здесь не оставаться.

— Ваше величество, — сказала она, — простите меня, но я не могу воспользоваться вашей защитой. Я решила покинуть этот дом. Удержать меня можно только силой, но я надеюсь, что к ней не осмелятся прибегнуть в присутствии вашего величества. Этот джентльмен — мой старый знакомый; он проводит меня к моим друзьям.

— Мы здесь вообще, кажется, лишние, — шепнул король на ухо Бакингу. — Надо ее отпустить; я не хочу и не смею препятствовать ее возвращению к отцу.

«Не коснуться мне больше вовеки белой женской ручки, как говаривал сэр Эндрю Смит, если только я это допущу», — подумал Бакингем и, отступив на несколько шагов, сказал что-то потихоньку Эмпсону, который тотчас вышел и вскоре возвратился.

Король, казалось, колебался, как поступить в таких странных обстоятельствах; неудача в любовной интриге могла сделать его посмешищем всего веселого двора; достичь успеха принуждением — значило применить насилие, а это было бы недостойно благородного человека.

— Право же, сударыня, — наконец сказал он выразительно, — вам нечего бояться в этом доме. И покинуть его так внезапно было бы неприлично, хотя бы ради вас самой. Если вы соблаговолите подождать хоть четверть часа, то экипаж миссис Чиффинч будет к вашим услугам. Избавьте себя от насмешек,

а меня — от неудовольствия видеть, что вы бежите из дома одного из моих слуг, как из тюрьмы.

Король говорил с добродушной искренностью, и Алиса на мгновение задумалась, не последовать ли его совету, но, сообразив, что ей все равно нужно будет теперь разыскать дядю либо отца или же, не найдя их, подготовить себе какое-нибудь убежище, заключила, что слуги миссис Чиффинч едва ли окажутся надежными проводниками или помощниками в подобном предприятии. Она почтительно, но твердо объявила, что решила удалиться немедленно. Ей не нужен другой провожатый, добавила она, кроме этого джентльмена, мистера Джулиана Певерила, который хорошо известен ее отцу. Мистер Певерил охотно проводит ее до дома отца.

— Ну, так с богом, красавица! — сказал король. — Жаль, что такой красоте присуща столь сварливая подозрительность. Что касается вас, мистер Певерил, то у вас, кажется, достаточно своих дел, чтобы еще заниматься капризами прекрасного пола. Обязанность наставлять на путь истинный всех сбившихся с него девиц в нашем городе весьма нелегка для такого молодого и неопытного человека, как вы.

Джулиан, стремясь увести Алису из этого, как он уже совершенно убедился, опасного места, ничего не ответил на колкую насмешку короля, почтительно поклонился ему и вышел вместе с Алисой из комнаты. Ее внезапное появление и последовавшая за тем сцена заставили Джулиана совершенно забыть на некоторое время и отца и графиню Дерби. И хотя Фенелла, пораженная всем виденным, оставалась в комнате, Певерил, озабоченный рискованным положением Алисы, ни разу и не вспомнил о присутствии несчастной глухонемой. Но как только он вышел из комнаты, даже не взглянув в ее сторону, Фенелла, словно очнувшись от столбняка, выпрямилась, оглядела все вокруг блуждающим взором, как человек, пробудившийся от сна, и удостоверилась, что Джулиан ушел, позабыв о ней. Она молитвенно сложила руки и подняла глаза к небу с выражением такой

сердечной скорби, что Карл тотчас понял — или ему показалось, что он понял, — как она страдает.

— Этот Певерил — совершенный образец вероломного покорителя женщин, — сказал он. — Ему не только удалось при первом же своем появлении похитить у нас царицу амазонок, но он еще оставил нам неутешную Ариадну! Не печалься, прелестная королева танцев! — добавил он, обращаясь к Фенелле. — Мы не можем позвать тебе на помощь Бахуса, но зато поручим тебя заботам Эмпсона, который может поспорить на тысячу фунтов с самим *Liber Pater*,¹ кто из них больше выпьет, и я держу за смертного.

Лишь только король произнес последние слова, как Фенелла скользнула мимо него привычной для нее быстрой и легкой поступью и, не заботясь о должной почтительности к монарху, сбежала по лестнице и вышла из дома, даже не потрудившись на прощание поклониться королю. Карл наблюдал ее поспешный уход более с удивлением, нежели с досадой; наконец, разразившись громким хохотом, он сказал Бакингему:

— Черт побери, Джордж, этот молодой щеголь мог бы научить самого опытного из нас, как покорять сердца красавиц. Я довольно опытен в этом отношении, но не похваюсь, что умею завоевывать или бросать их так бесцеремонно.

— Опытность, сэр, — ответил Бакингем, — приходит с годами.

— Правда, Джордж, — ответил король. — Ты хочешь сказать, что кавалер, приобретая опытность, теряет молодость? Я пренебрегаю твоим намеком. Ты не можешь перещеголять своего господина ни в любви, ни в политике, хоть и считаешь его стариком. Тебе неведомо искусство *plumer la poule sans la faire crier*;² доказательство тому — твое сегодняшнее похождение. Я дам тебе очко вперед во всех играх, даже в игре в мяч, если ты осмелишься принять мой вызов. Ну полно, Чиффинч, к чему так гримасничать и пор-

---

¹ Отцом Либером (*liber* — свободный) — то есть римским богом, отождествляемым с Бахусом (*лат.*).

² Ощипывать курицу так, чтобы она и не закудаhtала (*франц.*).

тить свое личико. Все равно вам слез из себя не выжать!

— Я боюсь, — захныкала миссис Чиффинч, — что ваше величество может подумать... что вы ожидали...

— Что я ожидал благодарности от придворных и верности от женщин? — прервал король, взяв рукою ее за подбородок и поднимая опущенную головку. — Не бойся, милая, я не так наивен.

— Ну вот, так и есть, — продолжала Чиффинч, всхлипывая еще громче, так как чувствовала, что не в силах выдавить из себя хоть одну слезу, — вижу теперь, что ваше величество хотите во всем обвинить меня, а я тут невинна, как младенец, извольте спросить хоть его светлость...

— Конечно, конечно, Чиффинч, — сказал король, — его светлость и ты — вы оба будете прекрасными судьями, если вам придется судить друг друга, и столь же неподкупными свидетелями — один в пользу другого. Но, чтобы расследовать это дело беспристрастно, следует выслушать каждого из вас в отдельности. Милорд, в полдень я жду вас в Мэл, если вашей светлости угодно принять мой вызов.

Его светлость герцог Бакингом поклонился и вышел.

Глава XXXII

Коль повстречаешь франта-забияку,
Что, шляпу заломив, полезет в драку, —
Не отступай, повесы убоясь,
Но сам его столкни с дороги в грязь
. И все же лучше с грязью примириться,
Чем в глупой ссоре с жизнью распрощаться.

Гей, «Тривия»

Джулиан Певерил, поддерживая едва стоявшую на ногах Алису Бриджнорт, дошел с нею уже почти до середины Сент-Джеймс-стрит, как вдруг ему пришла в голову мысль: а куда, собственно, они идут? Он спросил Алису, куда ее отвести, и с удивлением и замешательством услышал в ответ, что Алиса не только

не знает, где можно отыскать ее отца, но даже не уверена, в Лондоне ли он, и надеется лишь на то, что он уже приехал, — он ей это обещал, когда они расставались. Она назвала Джулиану адрес своего дяди Кристиана, но сделала это с приметным беспокойством и сомнением, ибо именно он поместил ее в дом Чиффинча. Когда же из разговора выяснилось, что Гэнлесс и Кристиан — одно и то же лицо, Алиса окончательно решила не возвращаться под его покровительство. Как же поступить далее?

— Алиса, — подумав, сказал Джулиан, — вам нужно обратиться к вашему самому старому и лучшему другу — к моей магери. Она примет вас не в замке, а в бедном жилище, которое находится так близко от тюрьмы, куда заключен мой отец, что оно кажется камерой той же тюрьмы. Я еще не виделся с ней, но эти подробности мне удалось узнать. Пойдемте к ней; каким бы ни было ее убежище, она охотно разделит его с вами, такой неопытной и беззащитной.

— Боже мой, — вскричала бедная девушка, — неужели меня покинули все мои друзья и я должна просить милости у той, кто одна на всем свете имеет право отвергнуть меня? Джулиан, и вы даете мне такой совет? Неужели никто другой не сможет приютить меня на несколько часов, пока я не узнаю, где мой отец? Мне просить покровительства леди Певерил, причину несчастий которой оказались мои... Нет, Джулиан, я не смею показаться ей на глаза. Она должна ненавидеть меня из-за моих родных и презирать меня за мою низость. После черной неблагодарности за все ее благодеяния просить о них еще раз... Нет! Я не могу идти с вами!

— Она никогда не переставала любить вас, Алиса, — сказал Джулиан. (Алиса невольно следовала за ним, хотя и объявила ему о своем решении не делать этого.) — Она всегда была добра к вам и к вашему отцу. И хотя он жестоко поступил с нами, моя мать оправдывала его тем, что он сам был обижен. Поверьте, она примет вас как родную дочь, и, может быть, таким образом нам удастся прекратить эти ссоры, столь мучительные для нас обоих.

— Дай-то бог! — ответила Алиса. — Но как мне взглянуть в глаза вашей матери? И как она сможет защитить меня от таких сильных людей, как мой дядя Кристиан? Увы, я должна считать его моим жесточайшим врагом.

— Она защитит вас, Алиса, силой одного лишь превосходства чести над подлостью и добродетели над пороком, — сказал Джулиан. — И никакая иная сила на земле, кроме воли вашего отца, не вырвет вас из ее объятий, если вы сами найдете в них себе убежище. Пойдемте со мной, Алиса, и...

Но тут кто-то резко дернул Джулиана за полу плаща, и он умолк. Схватившись за шпагу, он обернулся и увидел Фенеллу. Щеки глухонемой горели, глаза ее сверкали, а губы были сжаты, как будто она старалась сдерживать дикие крики, которые обычно выпускала, когда ее волновали бурные страсти, и которые в одну минуту собрали бы вокруг них толпу. Вид ее был так необычен, а волнение так очевидно, что люди, увидев ее, невольно останавливались и провожали ее глазами, удивляясь странной порывистости ее движений. Держась одною рукой за плащ Джулиана, Фенелла сделала другой рукой быстрый и повелительный знак, требуя, чтобы Джулиан оставил Алису и следовал за нею. Она дотронулась до пера на своей шапочке, напоминая ему о графе Дерби, указала на сердце, подразумевая графиню, и подняла сжатую в кулак руку, показывая, что передает ему их повеление, потом сложила обе руки, как бы умоляя его о том же от себя, и наконец, взглянув на Алису с досадою и презрением, несколько раз пренебрежительно махнула рукой, требуя, чтобы он бросил ее, как не стоящую его покровительства.

Алиса, невольно испуганная такими неистовыми жестами, крепче прижалась к руке Джулиана, чего раньше она не осмеливалась делать, и этот знак доверия к нему, казалось, еще более усилил ярость Фенеллы.

Джулиан пришел в ужасное замешательство; его положение и без того было затруднительно, а теперь бешеный нрав Фенеллы угрожал разрушить един-

ственный план, который он мог предложить. Он не знал, чего она хочет от него, не знал, до какой степени судьба графа и графини зависит от того, последует ли он за глухонемой; но как бы то ни было, он решился ничего не предпринимать до тех пор, пока не отведет Алису в безопасное место. Впрочем, нельзя было терять из виду и Фенеллу. И, не обращая внимания на то, что она несколько раз с пренебрежением и гневом отталкивала его руку, он наконец сумел ее немного успокоить; она схватила его правую руку и, словно потеряв надежду заставить его следовать за собой, казалось, согласилась идти за ним.

Ведя, таким образом, двух молодых девушек, из коих каждая обращала на себя особое внимание, хотя и по разным причинам, Джулиан стремился поскорее дойти до какого-нибудь канала, откуда они могли бы на лодке добраться до Блэкфрайерса — самой близкой пристани к Ньюгету, где, вероятно, сэр Джефри, обитавший в этом мрачном месте, и леди Пeverил, которая разделяла и облегчала, насколько позволяла доброта тюремщика, заключение своего мужа, уже знали от Ланса о приезде Джулиана в Лондон.

Смушение Джулиана, когда они проходили Черинг-кросс и Нортумберленд-хаус, было так велико, что на него обратились взоры всех окружающих, ибо юноша вынужден был сдерживать свой шаг, чтобы приноровить неровную, быструю походку Фенеллы к робкой и медленной походке Алисы. Шли они молча, так как обращаться к Фенелле было бесполезно — она все равно не поняла бы его, а с Алисой Джулиан не осмеливался заговорить, боясь превратить ревность или по крайней мере досаду Фенеллы в настоящее бешенство.

Одни прохожие смотрели на них с удивлением, другие — с улыбкою; но Джулиан заметил, что два человека все время шли за ними и громко смеялись над ним и его спутницами. Это были молодые бездельники, которых можно встретить и нынче, только иначе одетых. На них были пышные парики, а их рукава, панталоны и жилеты были украшены по тогдашней моде бесчисленными бантами. Излишество кружев и

шитья свидетельствовало о богатстве, но отнюдь не о вкусе. Одним словом, это были щеголи, одетые с кричащей роскошью, иногда обличающей отсутствие ума у молодых людей и желание прослыть первыми модниками, но чаще служащей личиной для тех, кто с помощью одежды — ибо у них нет другого средства отличиться — хочет показать свое превосходство.

Эти два франта, держась под руку, несколько раз обгоняли Певерила, затем останавливались, чтобы вынудить его опять пройти мимо них, смеялись и перешептывались, нагло разглядывая Джулиана и его спутниц, и, когда сталкивались с ними, не уступали им дорогу, как требовали того приличие и учтивость.

Певерил не сразу заметил их вызывающее поведение; но, когда они совсем уже перешли все границы дозволенного, в нем закипел гнев. Поэтому, вдобавок ко всему остальному, ему пришлось подавлять в себе сильное желание отколотить этих нахалов, решившихся, как видно, оскорбить его. Обстоятельства предписывали терпение и молчание, но вскоре случилось так, что следовать голосу благоразумия стало уже невозможно.

Когда Джулиан вынужден был в третий раз пройти мимо этих грубиянов, они пошли уже открыто следом за ним, нарочно разговаривая очень громко и всем своим видом показывая в то же время, что им совершенно безразлично, слышит он их или нет.

— Этот деревенщина — счастливчик, — сказал один из них — длинный верзила, намекая на простое, немодное платье Певерила, едва ли подходящее для лондонских улиц. — Две такие красотки под надзором у серого кафтана и дубовой палки!

— Это — пуританин, — заметил другой, — да еще закоренелый! Сразу видно по его походке и терпеливости!

— Ты попал в самую точку, Том, — подхватил первый, — видишь, как он согнулся — точно осел между двумя тюками.

— А как ты думаешь, — продолжал Том, — не освободить ли этого вислоухого осла от одной обузы? Черноглазая, кажется, не прочь от него отделаться.

— Так и есть, — сказал его товарищ, — а голубоглазая, видишь, нарочно отстает, чтобы упасть в мои объятия.

При этих словах Алиса еще крепче схватила Певерила за руку и ускорила шаг, желая убежать от повес, чьи речи приводили ее в ужас. Фенелла тоже пошла быстрее; внешность и поведение этих людей напугали ее, по-видимому, не меньше, чем Алису — их слова.

Опасаясь последствий уличной ссоры, которая неизбежно должна была разлучить его с обеими беззащитными девушками, Певерил вновь призвал на помощь благоразумие для укрощения своей досады, и, когда бездельники попытались еще раз обогнать их у Хангерфордской лестницы, он сказал как можно спокойнее:

— Джентльмены, я у вас в долгу за внимание, проявленное к приезжему! И если вы действительно хотите называться так, как я вас называл, прошу сказать мне, где я могу вас найти.

— А зачем вашему деревенскому благородию, или благородному деревенщине, это знать? — с усмешкой спросил высокий.

И с этими словами оба загородили Джулиану дорогу.

— Идите к лестнице, Алиса, — сказал он, — я сейчас вас догоню. — Затем, с трудом освободившись от своих спутниц, он быстро обернул плащом левую руку и сурово спросил своих противников: — Угодно вам, господа, назвать мне ваши имена или сойти с дороги?

— Нет, не угодно, пока мы не узнаем, кто ты такой и почему это надо уступать тебе дорогу, — ответил один из них.

— Я — человек, который обучит вас тому, чего вы не знаете: хорошим манерам, — сказал Джулиан и сделал шаг вперед, чтобы пройти между ними.

Они посторонились, но один из них подставил ему ногу. Благородная кровь предков давно уже кипела в сердце Джулиана; своей дубовой палкой он ударил по голове того, кто минуту назад с презрением о ней

отзывался, а потом, отбросив палку в сторону, выхватил шпагу. Оба противника его сделали то же самое и кинулись на него. Но Певерил принял удар одного в свой плащ и шпагой отбил выпад другого. В следующий миг, быть может, счастье изменило бы ему, но в толпе поднялся крик: «Стыдно, стыдно! Двое против одного!»

— Это люди из свиты герцога Бакингема, — сказал один из гребцов. — С ними связываться не стоит.

— Да хоть бы они были из свиты самого дьявола! — вскричал какой-то старый Тритон, потрясая веслом. — Игра должна быть честной, и да здравствует старая Англия! Если эти раззолоченные бездельники не будут драться с серым кафтаном по-честному, мы им покажем, где раки зимуют. Когда один свалится — пусть начинает второй!

Лондонская чернь всегда отличалась охотой до любых драк — на палках или на кулаках — и строжайшей справедливостью и беспристрастием к противникам. Благородное искусство фехтования было в те времена распространено столь широко, что и сражение на шпагах возбуждало такой же интерес и так же мало удивления, как в наше время кулачные бои. Уличная толпа — люди, повидавшие на своем веку немало таких драк, — тотчас окружила Джулиана и более высокого из его противников, к тому же и более дерзкого, и сражение началось. Второго оттеснили в сторону и не подпускали к дерущимся.

«Славно ткнул, высокий! Здорово, долговязый! Ура верзиле!» — такими восклицаниями сопровождалось начало сражения. Противник был не только искусным, сильным и проворным бойцом, но и обладал еще одним преимуществом: Джулиан беспрестанно с тревогой оглядывался на Алису Бриджнорт, забота о безопасности которой заставила его в начале поединка забыть о спасении собственной жизни. Легкая царапина была ему наказанием за рассеянность и вынудила образумиться; тогда, вложив в шпагу всю злость против наглого обидчика, он придумал совсем другой ход сражению. Тотчас раздались крики: «Браво, серый кафтан! Пощупай-ка его золотой жилет!

Славный удар! Лихо отбил! Ну-ка прибавь еще петлю на его шитый кафтан! Здорово ткнул, клянусь дьяволом!» Это последнее восклицание сопровождалось шумными рукоплесканиями в честь удачного выпада, которым Певерил проколол своего противника насквозь. Несколько секунд он смотрел на поверженного неприятеля, затем, опомнившись, громко спросил, где девушка, которая была с ним.

— Забудь о ней, коли ты умен, — ответил один из лодочников. — Того и гляди явится констебль. Я мигом перевезу тебя на другой берег. Речь идет о твоей голове, садись же скорее! Я возьму с тебя всего один золотой.

— Будь ты проклят, — вскричал другой перевозчик, — как был проклят и твой отец! За такую плату я доведу его милость до Эльзаса, куда ни пристав, ни констебль не осмелятся и носу показать.

— Где девушка? Скажите, негодяи, куда девалась девушка? — кричал Певерил.

— Я отвезу вашу милость туда, где будет вдоволь девушек, если вам это надобно, — сказал старый Тритон, и со всех сторон слышались, все усиливаясь, крики и приглашения лодочников, желавших воспользоваться затруднительным положением Певерила и заработать на нем.

— Ялик никогда не вызывает подозрений, ваша честь, — уверял один.

— Моя пара весел промчит вас по воде, как крылья дикой утки, — говорил другой.

— Да у тебя, братец, и прикрыться-то нечем, — возразил третий, — а я устрою джентльмена так уютно, как в корабельном трюме.

В этом шуме и гаме спорящих соперников, из которых каждый старался не упустить своей выгоды, Певерилу удалось наконец растолковать им, что он готов дать золотой не тому, чья лодка лучше, а тому, кто скажет, куда девалась его спутница.

— О которой вы спрашиваете? — спросил один остряк. — Их, кажется, было две?

— Две, две, — ответил Певерил, — но сначала про белокурую.

— Да, да, — подхватил лодочник, — это та, что кричала, когда приятель золотого жилета посадил ее в лодку номер двадцать.

— Кто?.. Что такое?.. — вскричал Певерил. — Кто посмел посадить ее в лодку?

— Хватит с тебя и этого, — ответил лодочник. — За остальное нужно платить.

— Возьми, бездельник, — сказал Певерил, бросая ему золотой. — Говори, а не то я проткну тебя насквозь.

— Ну, насчет этого, господин, — возразил лодочник, — и не пытайтесь, покуда у меня в руках цепь, но уговор есть уговор. И поэтому я скажу вашей милости за тот золотой, что вы мне дали, что товарищ убитого втолкнул одну из девиц вашей милости — ту, белокурую — в лодку Отчаянного Тома; и теперь они уже уплыли далеко вверх по Темзе, ведь им помогают и попутный ветер и прилив.

— Боже мой, а я стою здесь! — вскричал Джулиан.

— Это потому, что ваша честь до сих пор не взяла лодку.

— Твоя правда, приятель... Лодку! Лодку сейчас же!

— Следуйте за мной, сударь! Эй, Том, помоги! Джентльмен едет с нами.

Счастливец, заполучивший работу, и его разочарованные собраты обменялись залпом ругательств, после чего старый Тритон завопил громче всех, что джентльмен обманут, потому что плут Джек посмеялся над ним: двадцатый номер поплыл в Йорк-Билдингс.

— Добро бы обманут, скорее повешен, — подхватил другой, — потому что сюда идут люди, которые помешают его прогулке по Темзе и отведут прямо на эшафот.

В самом деле, констебль и несколько его помощников со старинными алебардами — в те времена их все еще употребляли для вооружения блюстителей порядка — лишили нашего героя возможности прыгнуть в лодку, ибо именем короля взяли его под стражу.

Соппротивление было бесполезно, так как Джулиана окружили со всех сторон. У него отобрали оружие и повели к ближайшему мировому судье для допроса и последующего препровождения в тюрьму.

Мудрый блюститель правосудия, к которому привели Певерила, был человек благонамеренный, весьма ограниченных способностей и довольно робкий по характеру. До разоблачения заговора папистов, встревожившего всю Англию и особенно Лондон, мистер Молстат्यूт с безмятежным удовольствием и гордостью отправлял обязанности мирового судьи, верша людскими судьбами и пользуясь всеми почетными прерогативами своей должности. Но убийство сэра Эдмондсбери Годфри произвело такое сильное или, лучше сказать, неизгладимое впечатление на его разум, что после этого достопамятного и горестного события он заседал в храме Фемиды со страхом и трепетом.

Придавая весьма большое значение себе как должностному лицу и имея довольно преувеличенное мнение о своей персоне, почтеннейший судья с тех пор видел перед собой и вокруг себя только веревки и кинжалы и, покидая свой дом, который он основательно обезопасил с помощью отряда из нескольких дюжих караульных и констеблей, был всегда уверен, что за ним неотступно следит какой-нибудь переодетый папист с обнаженной шпагой под плащом. Потихоньку даже болтали, что однажды в припадке страха почтенный мистер Молстат्यूт принял свою кухарку, которая держала в руках трутницу, за иезуита, вооруженного пистолетом; но если бы кто-нибудь отважился посмеяться над ошибкой судьи, то скорей всего ему потом пришлось бы в этом раскаяться, ибо он мог прослыть насмешником, не принимающим заговор всерьез, а ведь это считалось почти таким же преступлением, как участие в самом заговоре. Однако, как бы ни были смешны и нелепы страхи честного судьи, они были в то время настолько естественны — ибо лихорадка охватила всех добрых протестантов в стране, — что мистер Молстат्यूт казался одним из храбрейших людей и лучших чиновников, хотя в страхе перед

кинжалом, который ему постоянно рисовало воображение, он вершил суд и расправу в укромных уголках собственного дома и лишь изредка, если зала охранялась достаточным нарядом полиции, посещал съезды мировых судей. Таков был человек, в чью дверь, запертую на цепи и засовы, с важным видом постучался констебль, приведший Джулиана.

И все же, хотя стук этот был привычен и всем известен, дверь не отпирали до тех пор, пока писец, исполнявший обязанности главного охранника, как следует не рассмотрел вновь прибывших сквозь защищенное решеткою окно; ибо кто мог поручиться, что паписты не узнали условного стука констебля, не переоделись его помощниками и под предлогом доставки арестанта не ворвутся в дом, чтобы убить почтенного судью? В «Повествовании о заговоре» рассказывались ужасы и пострашнее.

Убедившись, что все в порядке, писец повернул ключ в замке, отодвинул засовы и снял цепь, позволив пройти констеблю, его помощникам и арестованному; затем дверь снова заперли прямо перед носом у свидетелей, которым, как людям менее надежным, было приказано — через окошко — дожидаться на дворе, покуда их не вызовут.

Джулиану было не до смеха, а иначе он, верно, не удержался бы от улыбки, взглянув на наряд писца: поверх черного холщового балахона на нем была широкая кожаная перевязь; с нее свисала огромная сабля, а сбоку были заткнуты два длинных пистолета. Вместо же существенно отличной от обывательских головных уборов плоской шляпы, которая обычно увенчивала наряд писца, на засаленные локоны его парика был напялен заржавевший стальной шишак, который, вероятно, участвовал в сражении при Марстон-муре; к нему, наподобие султана, было прикреплено гусиное перо, ибо форма шишака не позволяла засунуть, по тогдашнему обычаю, перо за ухо.

Эта смехотворная особа провела констебля, его помощников и задержанного в низкую залу, где отправлял правосудие достопочтеннейший мистер Мол-

статьют; этот последний выглядел еще смешнее, чем его писец.

Некоторые добрые протестанты, будучи весьма высокого о себе мнения и потому считая, что они достойны стать жертвами жестокости католиков, в подобных случаях рядились в боевые доспехи. Однако они вскоре убедились, что стальные латы с железными застежками не совсем удобны для человека, которой любит плотно поест, да и кольчуга тоже мешает пожить всласть. Были и другие возражения: грозный вид облаченных в броню и доспехи людей вызывал на бирже, где большей частью собирались купцы, тревогу и беспокойство, а также многочисленные жалобы на тех, кто не служил в регулярных войсках — ни в артиллерии, ни в пехоте — и поэтому не имел опыта в ношении доспехов.

Во избежание таких неудобств, а также ради того, чтобы все истинные протестанты уцелели от явных или тайных злоумышлений католиков, некий искусник, по-видимому связанный какими-то узами с почтенной купеческой компанией, издавна торговавшей шелками и бархатом, изобрел особого рода доспехи, от которых, к сожалению, ни в арсенале Тауэра, ни в Гвинепской готической зале, ни в бесценной коллекции старинного оружия доктора Мейрика не осталось и следа. Доспехи эти называли шелковыми латами, ибо они состояли из фуфайки и штанов, сделанных из шелка такого плотного и так толсто стеганного, что сквозь него не проходила ни пуля, ни острое шпаги. Шапка из того же материала и такой же работы, похожая на ночной колпак и закрывавшая даже уши, завершала доспехи, и носивший ее был совершенно неуязвим с головы до ног.

Мистер Молстатьют, вместе с другими достойными согражданами, одобрил и принял этот удивительный наряд, одновременно и мягкий, и теплый, и гибкий, и вместе с тем надежный. Он сидел в своем судейском кресле — маленький, кругленький человечек, — и казалось, будто он весь обложен подушками, — так выглядела на нем стеганая одежда. Нос, торчавший из-под шелкового шлема, и округлость

всей фигуры придавали его милости большое сходство с геральдическим вепрем, которое еще усиливалось бледно-оранжевым цветом костюма, весьма напоминавшим окраску полудиких кабанов, что водились в лесах Хэмпшира.

Уповая на свои непроницаемые одежды, его милость был вполне спокоен; впрочем, шпага, кинжал и пистолеты покоились на стуле неподалеку. А перед ним на столе, возле огромных фолиантов комментариев Кока к Литлтону, лежало особое оружие: оно представляло собой нечто вроде карманного цепа и состояло из двух частей: рукоятки крепкого ясеневое дерева, дюймов восемнадцати в длину, и свободно прикрепленной к ней дубинки из *lignum vitæ*,¹ которая была вдвое длиннее ручки, но удобно складывалась. Это оружие, носившее в то время странное название «протестантского цепа», легко было спрятать под платье. Но лучшей предосторожностью от всякого рода случайностей была толстая железная решетка, которая во всю ширину перегораживала залу перед самым судейским столом. В ней была решетчатая дверь, которую обычно держали на замке, так что судья был надежно отделен от подсудимого.

Судья Молстатют, уже описанный нами, пожелал прежде всего выслушать свидетелей, а уж потом Пeverила. Их короткие показания о ссоре произвели на судью сильное впечатление. Услышав, что после перебранки, которую свидетели не совсем поняли, задержанный молодой человек первым нанес удар своему противнику и первым обнажил шпагу, он выразительно покачал шелковым шлемом; еще сильнее потряс он головою, узнав о результате сражения, и содрогнулся всем телом, когда один из свидетелей заявил, что, насколько ему известно, пострадавший состоит в услужении у его светлости герцога Бакингема.

— Достопочтенный пэр, — изрек закованный в броню судья, — истинный протестант и друг народа. Смилуйся над нами, господа! До какой наглости до-

---

¹ Древа жизни (лат.).

шло это поколение! Мы хорошо видим, да и не могли бы не видеть, будь мы даже слепы, как кроты, из какого колчана пущена эта стрела!

Тут он надел очки и, приказав привести Джулиана, устремил на него грозный взгляд, сверкавший из-за стекол, осененных стеганым тюрбаном.

— Так молод и уже так ожесточен! — сказал мистер Молстатьяют. — Ручаюсь, что он папист.

У Певерила было достаточно времени обдумать, как необходима для него сейчас свобода, а потому он счел своим долгом вежливо отклонить то соображение, которое высказала его милость.

— Я не католик, — сказал он, — а смиренный сын англиканской церкви.

— Тогда, стало быть, протестант не особенно ревностный, — глубокомысленно заключил судья, — ибо многие из нас галопом скачут сейчас в Рим и уже проехали половину пути. Кхе-кхе!

Певерил заявил, что не принадлежит к числу таких людей.

— Так кто же ты? — спросил судья. — По правде говоря, приятель, мне твоя физиономия не нравится. Кхе-кхе!

Это короткое и выразительное покашливание каждый раз сопровождалось многозначительным кивком головы, который должен был свидетельствовать о том, что говоривший произносит весьма остроумное, мудрое и глубокомысленное замечание по существу дела.

Джулиан, раздраженный обстоятельствами, предшествовавшими этому допросу, ответил на вопрос судьи несколько высокомерно:

— Меня зовут Джулиан Певерил.

— Господи спаси и помилуй! — вскричал испуганный судья. — Сын этого негодяя паписта и предателя, сэра Джеффри Певерила, который сейчас в тюрьме и скоро будет предан суду!

— Как вы смеете, сударь! — закричал Джулиан, забыв о своем положении, и рванулся к разделявшей их решетке с такой силой, что ее засовы загремели.

Это движение до смерти перепугало судью, и он, схватив свой «протестантский цеп», нацелился нанести удар задержанному, дабы предотвратить преднамеренное нападение. Но то ли от излишней поспешности, то ли от неумения пользоваться столь необычным оружием, он не только промахнулся, но еще и так сильно хватил себя по голове подвижной частью этого хитроумного приспособления, что убедился в полной непригодности своего шлема. Ощущение было ошеломляющим, и судья без колебаний решил, что удар ему нанес Джулиан.

Его помощники, хотя и не подтвердили ничем не оправданного мнения судьи, тем не менее единодушно согласились, что без их деятельного и усердного вмешательства бог знает что еще наделал бы этот опасный преступник. Все были совершенно уверены, что он сделал попытку освободиться *par voie du fait*,¹ и Джулиан увидел, что защищаться бесполезно, тем более что стычка, в которой он участвовал, поскольку исход ее оказался весьма печальным, а быть может, и роковым для его противника, все равно должна была неизбежно повлечь за собой тюремное заключение. Поэтому Джулиан довольствовался вопросом, в какую тюрьму его намереваются отправить, и, услышав страшный ответ — в Ньюгет, обрадовался, ибо каким бы страшным и опасным ни было пребывание под этим кровом, ему предстояло по крайней мере находиться там рядом с отцом, и, быть может, подумал он, тем или иным путем им удастся встретиться. Грустное это будет свидание! Несчастья, казалось, грозили их семье со всех сторон.

Стараясь говорить как можно спокойнее (впрочем, мягкость его манер ничуть не примирила с ним напуганного судью), Джулиан сообщил мистеру Молстаттью адресу дома, где он остановился, и смиренно попросил, чтобы его слуге Лансу Утрему позволили принести ему деньги и седу, добавив, что все остальное свое имущество — пару пистолетов и вполне

---

¹ Насильственным путем (франц.).

невинные письма — он охотно предоставляет в распоряжение судьи. В эту минуту он с облегчением и радостью вспомнил, что важные бумаги графини Дерби уже находятся в руках короля.

Судья обещал не забыть о его просьбе и с большим достоинством не преминул указать, что для собственной пользы ему давно бы следовало принять этот почтительный и покорный тон, а не нарушать благочиние в суде поведением, которое под стать только ожесточенному, мятежному и кровожадному паписту, каким он себя поначалу и выказал. И поскольку он видит в нем, добавил судья, благообразного молодого человека, принадлежащего к почтенному роду, он не велит тащить его по улицам как преступника, а прикажет отвезти в карете.

Его милость мистер Молстатют произнес слова «в карете» с важностью человека, сознающего, как сказал позднее доктор Джонсон, всю значительность владельца собственного экипажа и собственных лошадей. Достопочтенный судья не счел нужным, однако, оказать Джулиану честь и распорядиться запрячь в свою огромную семейную карету пару старых одров, которые обычно волокли этот ковчег к молитвенному дому непорочного и всеми почитаемого господина Хаулегласа, где по четвергам вечером читалось писание, а по воскресным дням произносилась четырехчасовая проповедь. Нет, он приказал вызвать наемную карету, представлявшую тогда еще довольно большую редкость, ибо этот способ передвижения был введен только недавно; впрочем, такие кареты предоставляли уже почти все те же удобства, какими отличаются наши наемные экипажи, служащие средством для всех честных и бесчестных, законных и незаконных связей и сообщений между людьми. Наш друг Джулиан, которому привычнее было путешествовать в седле, вскоре очутился в наемной карете и в сопровождении вооруженных до зубов констебля и его двух помощников отправился к месту назначения, то есть, как мы уже знаем, в старинную крепость Ньюгет.

Глава XXXIII

Гляди — вот это наш тюремный пес;
Но будь настороже, держись подальше:
Он лает, только если раздражить.

«Черный ньюгетский пес»

Карета остановилась перед огромными воротами Ньюгета; ворота эти были подобием врат Тартара — с той лишь разницей, что из них возвращались к жизни несколько чаще и с большим почетом; хотя и ценою таких же трудов и подвигов, с какими Гераклу или другим полубогам удавалось выбраться из ада античной мифологии, а иногда, как утверждают, с помощью магической золотой ветви.

Джулиан вышел из экипажа, заботливо поддерживаемый своими провожатыми и несколькими надзирателями, прибежавшими на помощь при первом ударе большого колокола, висевшего у ворот. Такое внимание, как нетрудно догадаться, было внушено не учтивостью, а боязнью побега, о котором Джулиан и не помышлял.

Несколько подмастерьев и бездомных мальчишек с соседнего рынка — они извлекали немалую пользу от увеличения числа покупателей, затворников тюрьмы, в связи с многочисленными арестами папистов и потому были ревностными протестантами — приветствовали его шумными криками: «Эге-ге, папист! Ого-го, папист! Будь проклят папа и все его сообщники!»

При таких недобрых предзнаменованиях и вступил Джулиан под мрачные своды, где столько людей простились с честью и жизнью. Темный, мрачный коридор вывел его на широкий внутренний двор, где множество заключенных-должников забавлялось игрою в мяч, кости и другие игры, для которых строгие кредиторы предоставляли им полную свободу, хотя эти занятия лишали их возможности честным трудом уплатить долги и содержать умирающие с голоду и нищенствующие семьи.

Но Джулиана не оставили среди этих беззаботных и отчаявшихся людей. Его повели или, вернее, пота-

шили дальше, к низкой сводчатой двери. Заложенная чугунными засовами и запертая замками, она отворилась, чтобы пропустить его, и в ту же минуту захлопнулась. Его снова повели по мрачным переходам, в местах пересечения которых перед ними отворялись двери — либо железные решетчатые, либо из крепкого дуба, обитые железными полосами и утыканные железными гвоздями. Джулиану не позволяли останавливаться, пока он наконец не очутился в маленькой круглой комнате со сводчатым потолком, куда сходились несколько упомянутых коридоров и которая казалась (если представить себе весь лабиринт, часть коего ему довелось пройти) центром паутины, где сходятся все главные нити, сплетенные искусным пауком.

Сходство усиливалось еще и тем, что в этой маленькой сводчатой комнате, где стены были увешаны мушкетами, пистолетами, саблями и другим оружием, а также оковами и цепями самого различного устройства, расположенными в образцовом порядке и готовыми к употреблению, сидел человек, которого вполне можно было сравнить с огромным, отъевшимся, жирным пауком, помещенным туда, чтобы сторожить добычу, попавшую в его сети.

Этот человек, когда-то очень сильный, высокий и широкоплечий, теперь от излишества пищи и недостатка движения так растолстел, что столь же походил на самого себя в молодости, сколь раскормленный для убоя бык походит на дикого буйвола. Нет ничего отвратительнее, чем вид толстяка, на чьем лице лежит печать злобного и грубого нрава. Такой человек опровергает поговорку «Кто веселится, тот толстеет» и, видимо, весь наливается жиром под влиянием самых дурных побуждений. Весельчак может иногда вспылить, но сама природа не допускает, чтобы толстяк был мрачен и свиреп. Черты этого человека, его угрюмое, одутловатое, бледное лицо, непомерно распухшие конечности, огромное брюхо и вся его неуклюжая туша рождали мысль, что чудовище, раз попав в это надежное логово, принялось здесь откармливаться, подобно ласке из басни, причем пожирало такое количество пищи и так жадно и непотребно,

что вскоре уже было не в состоянии пройти назад через узкие коридоры, сходящиеся в этой точке, и поэтому ему пришлось сидеть здесь, как жабе под могильным камнем, жирея в смрадном воздухе окружавших его темниц, который давно убил бы всякого, кроме такого родственного ему по духу существа. Перед этим страшным представителем рода толстяков лежали толстые книги с железными застежками — списки обитателей царства бедствий, где он играл роль первого министра. И явись туда Певерил лишь в качестве гостя, он содрогнулся бы при мысли о том, какой сгусток человеческого горя заключается в этих роковых томах. Но сейчас он был слишком погружен в собственные заботы, чтобы размышлять об отвлеченных материях.

Констебль передал жирному тюремщику предписание о заключении Джулиана и о чем-то с ним пошептался. Впрочем, слово «пошептался» не совсем точно, ибо они обменивались не столько словами, сколько многозначительными взглядами и жестами, которыми в подобных случаях люди заменяют обычную речь, дабы таинственностью навести еще больший ужас на заключенного, и без того уже перепуганного до смерти. Джулиан услышал всего несколько слов, сказанных тюремщиком, или, как его называли, начальником тюрьмы:

— Еще одна птичка в клетку?

— Которая будет насвистывать «Милый папа римский» вместе с другими скворцами из собрания вашего благородия, — шутливо ответил констебль, не забывая, впрочем, о том, что находится в присутствии начальства.

При этих словах на зверском лице тюремщика изобразилось нечто похожее на улыбку, но уже в следующее мгновение он принял свой обычный сурово-мрачный вид и, устремив свирепый взгляд на нового узника, вполголоса, но весьма выразительно произнес лишь одно слово: «Смазку!»

Джулиан Певерил был наслышан о тюремных обычаях и решил подчиниться им, дабы получить возможность повидаться с отцом, что, как он догады-

вался, будет зависеть от того, сможет ли он удовлетворить корыстолюбие тюремщика.

— Я готов, — сказал он, принуждая себя казаться спокойным, — во всем повиноваться обычаям места, где мне, к сожалению, пришлось очутиться. Стоит вам приказать, и я тотчас все исполню.

С этими словами он вынул из кармана кошелек и мысленно поблагодарил судьбу за то, что сумел сохранить столь значительную сумму. С невольной улыбкой тюремщик взглядом измерил ширину, длину, глубину и степень наполненности кошелька, но эта улыбка, едва искривив его свисающую нижнюю губу и шевельнув жесткие сальные усы над верхней, тотчас исчезла: он вспомнил предписания, ограничивавшие его прожорливость и запрещавшие ему вцепиться, как коршуну, в свою добычу и разом сожрать ее.

Эта мысль охладила его пыл, и он угрюмо ответил:

— Цены бывают разные. Джентльмены вольны в своем выборе. Я требую только положенного. Но за любезность, — пробормотал он, — следует платить.

— Если ее можно купить, то я заплачу, — сказал Певерил, — назовите только цену, сэр.

В его голосе слышалось презрение, которого он и не пытался скрывать, видя, что даже в этой тюрьме кошелек позволит ему иметь хоть и косвенное, но могущественное влияние на тюремщика.

Начальник тюрьмы, казалось, тоже это понял: он невольно стянул с головы облезлую меховую шапку, но такая учтивость была настолько для него необычна, что пальцы его начали чесать заросший седыми волосами затылок, и он заворчал, как собака, которая перестает лаять, видя, что ее не боятся.

— Цены бывают разные. Есть дрянные камеры по сходной цене — одна крона, — но там темно и внизу проходит сточная труба; да и джентльменам бывает не по душе тамошнее общество — сплошь воры и мошенники. Есть и господское отделение: цена — один золотой: там сидят только те, кого обвиняют не менее чем в убийстве.

— Назовите самую высокую цену, сэр, и я заплачу, — коротко сказал Джулиан.

— Три золотых за баронетское отделение, — ответил правитель земного ада.

— Вот вам пять и поместите меня с сэром Джеффри, — сказал Певерил, бросая деньги на стол.

— С сэром Джеффри? Хм! Ах, с сэром Джеффри? — подхватил тюремщик, как будто размышляя, что ему делать. — Не вы первый платите за то, чтобы повидать сэра Джеффри, хоть вы и оказались всех щедрее. Правда, похоже, что вы последний его увидите. Ха-ха-ха!

Джулиан не совсем понял эти обрывки фраз, закончившихся хохотом, похожим на довольное рычание тигра, пожирающего добычу, и повторил свою просьбу поместить его в одну камеру с сэром Джеффри.

— Не бойтесь, сударь, — ответил тюремщик, — я сдержу свое слово, потому что вы, как мне кажется, понимаете свое и мое положение. Подождите, Джем Клинк притащит вам дарби...

— Дерби? — перебил его Джулиан. — Неужели граф или графиня...

— Граф или графиня! Ха-ха-ха! — снова захохотал или, скорее, зарычал тюремщик. — Чем у вас набита голова? Я вижу, вы птица высокого полета, но здесь все равны. Дарби — это кандалы, и весьма крепкие, дружок, залог хорошего поведения, мой мальчик. А если и этого окажется мало, я добавлю вам железный ночной колпак и дам еще душегреечку в придачу, чтобы вам было потеплее в холодные зимние ночи. Но не пугайтесь, до сих пор вы вели себя благородно, и я вас не трону. Что же касается дела, за которое вы попали сюда, то, бьюсь об заклад, это просто случайная драка, ну, на худой конец — убийство, только и всего. За это не повесят; разве только раздавят в тисках большой палец. Вот если вы замешаны в папистском заговоре — тут уж и я ни за что не ручаюсь... Уведи его милость, Клинк.

Один из надзирателей, которые привели Певерила в этому церберу, молча вывел его из комнаты, и они снова пошли длинными коридорами, по обе стороны которых виднелись двери камер, пока не достигли той, что была предназначена для Джулиана.

По дороге, проходя мимо этих обитателей горя, надзиратель восклицал:

— Джентльмен, должно быть, спятил: за полцены можно было получить самую лучшую одиночную камеру, а он платит вдвое, чтоб сидеть в одном хлеву с сэром Джеффри. Ха-ха! Уж не родня ли он вам, осмелюсь спросить?

— Я его сын, — сухо ответил Певерил, надеясь таким ответом закрыть рот наглцу, но надзиратель расхохотался еще громче.

— Его сын! Вот так история! Такой рослый парень, не меньше шести футов росту, — и сын сэра Джеффри! Ха-ха-ха!

— Умерь свою дерзость, — сказал Джулиан. — Мое положение не дает тебе права оскорблять меня.

— Я и не собирался, — ответил надзиратель, едва удерживаясь от смеха, — он, должно быть, вспомнил, что в кошельке заключенного еще остались деньги. — Я смеялся только тому, что вы назвались сыном сэра Джеффри. Впрочем, это не мое дело! Умное дитя всегда знает, кто его отец. Но вот и камера сэра Джеффри. Разбирайтесь в своих родственных делах.

С этими словами он отпер дверь и впустил Джулиана в небольшую, но довольно опрятную комнату, где стояли четыре стула, низкая кровать и еще какая-то мебель.

Джулиан нетерпеливо оглядывался, ища отца, но, к его удивлению, в комнате, казалось, никого не было. Он гневно повернулся к надзирателю и упрекнул его в обмане.

— Нет, нет, сударь, я не обманул вас. Ваш отец, если вы его так называете, притаился где-нибудь в углу. Ему ведь надо не много места, но я его быстро разыщу. Эй, сэр Джеффри, покажитесь! К вам пришел... ха-ха-ха!.. ваш сын или сын вашей жены, по тому что вы, я полагаю, ничуть не виноваты в его рождении, пришел навестить вас.

Певерил не знал, что подумать о такой дерзости. Волнение, охватившее его, и предчувствие какой-то нелепой ошибки подавили его гнев. Он снова стал оглядывать комнату и наконец увидел в одном углу

нечто похожее скорее на сверток малиновой ткани, нежели на живое существо. При криках надзирателя этот предмет ожил, задвигался, словно развернулся, и наконец выпрямился, с ног до головы укутанный в свое малиновое одеяние. С первого взгляда Джулиану показалось, что перед ним пятилетний ребенок, но, услышав пронзительный и своеобразный голос обитателя камеры, он понял, что ошибся.

— Надзиратель, — произнес странный голос, — что значит этот шум? Кто смеет меня беспокоить? Новые оскорбления на голову того, кто всю жизнь был предметом насмешек злой судьбы? Но у меня хватит духу устоять против всех несчастий. Душа моя не меньше ваших тел.

— Сэр Джефри, — сказал надзиратель, — разве так полагается принимать родного сына? Конечно, вы, люди знатные, сами знаете, как вам поступать.

— Родного сына? — воскликнул карлик. — Какая наглость!

— Тут, должно быть, ошибка! — вскричал Певерил. — Я ищу сэра Джефри...

— Он перед вами, молодой человек, — с достоинством сказал маленький обитатель камеры, сбрасывая на пол свою малиновую накидку и являясь перед ними во всем величии трехфутowego роста. — Я был любимцем трех королей Англии, а теперь — житель этой темницы, забава жестоких тюремщиков. Я — сэр Джефри Хадсон.

Джулиан, хотя ему никогда прежде не доводилось видеть эту важную особу, тотчас узнал в нем, по рассказам, знаменитого карлика Генриетты Марии, который, пережив все опасности гражданской войны и семейных ссор, убийство своего августейшего господина — короля Карла I и изгнание его вдовы, стал жертвой злых языков и смутного времени и очутился в тюрьме по обвинению в участии в заговоре папистов. Юноша поклонился несчастному старику и поспешил объяснить ему и надзирателю, что он желал разделить заключение с сэром Джефри Певерилом из замка Мартиндейл в Дербишире.

— Вам следовало объяснить это, прежде чем расставаться с золотом, сударь, — заметил надзиратель, — потому что другого сэра Джеффри, седого высокого человека, еще вчера вечером отправили в Тауэр. А теперь начальник будет считать, что сдержал слово, потому что поместил вас с сэром Джеффри Хадсоном — а ведь этот еще лучше того.

— Прошу тебя, — сказал Певерил, — сходи к своему начальнику, объясни ему ошибку и скажи, что я умоляю отправить меня в Тауэр.

— В Тауэр? — вскричал надзиратель. — Ха-ха-ха! Тауэр — для лордов и баронетов, а не для простых сквайров. Туда сажают только за государственную измену, а не за уличную драку со шпагой и кинжалом. Чтобы отправить тебя туда, требуется предписание государственного секретаря.

— По крайней мере я не хочу быть в тягость этому джентльмену, — сказал Джулиан. — Мы незнакомы, и нам незачем оставаться вместе. Поди и скажи начальнику, что я ошибся.

— Я бы сходил, — усмехаясь, ответил Клинк, — если бы не был уверен, что он знает это не хуже вас. Вы заплатили за то, чтобы вас поместили вместе с сэром Джеффри, — ну вот, вас с ним и поместили. Мой начальник записал в книгу, что вы в этой камере, и ни для кого на свете этого уже не переменит. Ну, не упрямитесь же, и я надену на вас самые легкие и приятные кандалы — больше я для вас ничего не могу сделать.

Увещания или сопротивление были бесполезны, и Певерил позволил надеть себе на ноги легкие кандалы, которые, впрочем, не мешали ему двигаться по камере.

Во время этой операции он сообразил, что Клинк был прав: начальник тюрьмы воспользовался сходством имен и умышленно обманул его, ибо он отлично знал из предписания на арест, что Джулиан — сын сэра Джеффри Певерила. Поэтому вновь говорить об этом деле с таким человеком было бы бесполезно и унижительно. Джулиан решил покориться судьбе.

Даже надзиратель был до некоторой степени тронут молодостью и добродушием нового узника, а также покорностью, с которою он после первого горького разочарования подчинился своей участи

— Вы как будто храбрый молодой человек, — сказал он, — и достойны по крайней мере хорошего обеда и лучшей постели, какие только есть в Ньюгете. А вы, сэр Джефри, должны обращаться с ним уважительно, хоть я знаю, что вы не любите высоких юнцов. Потому что мистер Певерил, могу вам сообщить, проткнул насквозь длинного Джека Дженкинса — того, что был самым искусным фехтовальщиком и самым высоким человеком в Лондоне, кроме, конечно, мистера Эванса, королевского привратника, который, как всем известно, носил вас в кармане.

— Убирайся, негодяй! — крикнул карлик — Я презираю тебя!

Надзиратель осклабился и вышел, заперев за собою дверь.

Глава XXXIV

Он не Тидей, — был эллин ростом мал,
Зато в нем дух могучий обитал

«Илиада»

Оставленный если не в одиночестве, то хоть по крайней мере в покое первый раз за этот столь обильный приключениями день, Джулиан опустил на старую дубовую скамью возле очага, где еще догорали угли, и предался грустным размышлениям о своем бедственном положении. Со всех сторон грозили ему опасности и несчастья; и о чем бы он ни думал — о любви, о родителях, о друзьях, — все вызывало у него такое же чувство безнадежности, какое испытывает моряк, который видит с палубы потерявшего управление корабля одни лишь бурные волны.

Пока Певерил предавался отчаянию, его товарищ по несчастью уселся на стул с противоположной стороны очага и принялся разглядывать его так при-

стально и серьезно, что Джулиан наконец невольно обратил внимание на необыкновенное существо, поглощенное созерцанием его персоны.

Джефри Хадсон (мы не всегда будем величать его сэром, потому что король возвел его в рыцарское достоинство ради шутки и это звание могло бы внести некоторую путаницу в нашу историю), хоть и был самым крошечным карликом, обладал наружностью не такой уж уродливой, и конечности его не были искривлены. Правда, непомерной величины голова, руки и ноги никак не соответствовали его росту, а туловище само по себе было гораздо толще, чем требовали пропорции, но оно казалось скорее смешным, нежели безобразным. Черты его лица, будь он чуть повыше, в юности считались бы красивыми, а теперь, в старости, оставались живыми и выразительными; и только несоразмерность между головой и туловищем придавала ему странный и нелепый вид, чему немало способствовали усы, которые ему вздумалось отрастить такими длинными, что они торчали в стороны и едва не достигали его седеющих волос.

Одежда этого странного человечка свидетельствовала о том, что ее владелец не чужд страсти, которая бывает присуща людям уродливым и которая, выделяя их из толпы, в то же время придает им смешной вид: он любил кричащие цвета и самый невероятный покррой платья. Но кружева, шитье и прочие украшения костюма бедного Джефри Хадсона были изношены и запачканы, ибо он пробыл в тюрьме уже довольно долгое время по злостному и недоказанному обвинению в том, что принимал не то прямое, не то косвенное участие во всеобщем и всепоглощающем водовороте заговора папистов, а такого обвинения, хотя бы и возведенного самым злобным и грязным клеветником, было достаточно, чтобы запятнать самую чистую репутацию. Мы вскоре убедимся, что и образ мыслей этого страдальца и тон его речей в чем-то перекликались с его нелепым нарядом, ибо дорогие ткани и ценные украшения из-за фантастического покроя выглядели на нем только смешными, и так же смехотворны были проблески

здорового смысла и благородные чувства, которые он нередко проявлял, вследствие непрерывного стремления казаться более значительным и из опасения вызвать презрение своей необычной внешностью.

Некоторое время товарищи по несчастью смотрели друг на друга молча; наконец карлик, по праву считая себя старожилом камеры, счел нужным приветствовать пришельца.

— Сэр, — начал он, стараясь по возможности смягчить свой то хриплый, то пискливый голос, — вы, по-видимому, сын моего почтенного тезки и старого знакомого, отважного сэра Джеффри Певерила Пика. Уверяю вас, я видел вашего отца там, где людям доставалось больше ударов, чем золотых монет, и несмотря на его высокий рост и тяжеловесность, которая лишает солдата проворства и ловкости, присутствующих более субтильным кавалерам, как полагаем мы, опытные воины, ваш отец выполнял свой долг безупречно. Я счастлив встретить его сына и весьма рад, что случай свел нас под этим неудобным кровом.

Джулиан поклонился и поблагодарил за любезность. Но Джеффри Хадсон, сломав лед молчания, продолжал уже расспрашивать без околичностей:

— Вы, молодой человек, по-видимому, не придворный?

— Нет, — ответил Джулиан.

— Я так и думал, — продолжал карлик. — Хоть я теперь и не состою на службе при дворе, где провел свою молодость и когда-то занимал немаловажное положение, все же я время от времени навещал государя по долгу прежней службы, пока был на свободе. В силу привычки я имею обыкновение приглядываться к придворным кавалерам, этим избранникам, среди которых и я когда-то был. Без лести скажу вам, мистер Певерил: у вас необыкновенная наружность, хоть вы слишком высоки, как и отец ваш. Думаю, что, встретив вас прежде, я бы вас не забыл.

Певерил подумал, что мог бы, не кривя душой, ответить на этот комплимент тем же, но удержался и ответил лишь, что почти не бывал при дворе.

— Жаль, — заметил Хадсон. — Без этого молодому человеку трудно стать настоящим кавалером. Но, быть может, вы прошли другую, менее утонченную школу? Вы, конечно, служили?

— Моему создателю, — вы это хотите сказать? — переспросил Джулиан.

— Да нет, вы меня не поняли, — сказал Хадсон. — Я хотел спросить *à la Française*:¹ служили ли вы в армии?

— Нет, я еще не удостоился этой чести, — ответил Джулиан.

— Как? Ни придворный, ни воин? — с важностью вопрошал человек. — В этом виноват ваш отец, мистер Певерил. Клянусь честью, это его вина. Да где же молодому человеку сделаться известным, отличиться, как не на службе? Говорю вам, сэр, что при Ньюбери, где я и мой отряд сражались бок о бок с принцем Рупертом и где нас обоих, как вы, наверно, слышали, разгромили отряды ополчения жалкой лондонской черни, мы дрались как настоящие мужчины. И после того, как все наши джентльмены были отеснены, мы с его высочеством еще минуты три-четыре одни продолжали скрещивать наши шпаги с их длинными пиками. И, наверно, прорвались бы через них, если бы моя лошадь не была такой длинноногой, а моя шпага такой короткой — словом, нам в конце концов пришлось сделать поворот кругом, а негодяи, должен сказать, были так рады избавиться от нас, что завопили во всю глотку: «Ишь, как улепетывают аист и малиновка!» Да, каждый из этих негодяев отлично меня знал. Но те дни миновали. А где же вы воспитывались, молодой человек?

— В доме графини Дерби, — ответил Певерил.

— Достоинейшая женщина, честное слово джентльмена, — заметил Хадсон. — Я знал благородную графиню, когда еще служил при моей августейшей повелительнице, Генриетте Марии. Графиня слыла образцом благородства, верности и красоты. Она была одной из пятнадцати придворных красавиц, которым я

---

¹ На французский лад (*франц.*).

позволял называть себя *Piccoluomini*.¹ Глупая шутка над моим несколько миниатюрным ростом, коим я всегда, даже и в молодости, отличался от людей обыкновенных; теперь я согнулся и стал еще меньше. Женщины любили шутить надо мною. Быть может, молодой человек, я и получал за это компенсацию от некоторых из них, то тут, то там — я не говорю ни да, ни нет; меньше всего я собираюсь оскорбить благородную графиню. Она была дочерью герцога де ла Тремуиль, или, вернее, де Туар. Но ведь служить дамам и исполнять их причуды, даже если они иногда слишком своевольны, — истинное призвание человека благородного.

Как ни был огорчен Певерил, он едва мог удержаться от улыбки, глядя на пигмея, который с безграничным самодовольством рассказывал эти истории, выставляя себя образцом доблести и галантности, хотя любовь и оружие менее всего вязались с его сморщенным, обветренным личиком и жалкой фигуркой. Однако Джулиан, стараясь не огорчать своего товарища, а желая, напротив, польстить ему, учтиво ответил, что, без сомнения, человеку, воспитанному, как Джеффри Хадсон, при дворах и на полях сражений, отлично известно, какие вольности можно допустить, а какие нет.

В знак возрастающей дружбы маленький джентльмен с необыкновенной живостью, хотя и с некоторыми затруднениями, потащил свой стул с того места, где он стоял, на прогивоположную сторону очага, поближе к Певерилу.

— Вы правы, мистер Певерил, — сказал он, справившись наконец с этим делом, — и я не раз доказывал это своим терпением и терпимостью. Да сэр, моя августейшая повелительница Генриетта Мария всегда находила во мне усердного исполнителя своей воли. Я был ее верным слугой на войне и на пиршестве, на поле битвы и на балу. По особой просьбе ее величества я даже один раз согласился (вы знаете, сударь,

---

¹ Малютка (итал.).

какие только фантазии не приходят в голову дамам!) просидеть некоторое время в пироге.

— В пироге? — воскликнул Джулиан с изумлением.

Сэр Джефри насторожился.

— Да, сэр, в пироге. Я надеюсь, вы не находите ничего смешного в моей услужливости?

— Конечно, нет, сэр, — ответил Певерил. — Мне сейчас совсем не до смеха.

— Мне тоже было не до смеха, когда я очутился в пироге, хоть и столь огромном, что мог в нем растянуться во всю длину. Меня окружали, словно в гробнице, стены из жесткой корки, а надо мной разместилась огромная лепешка из крема — это был настоящий саркофаг, на крышке которого хватило бы места написать эпитафию какому-нибудь генералу или архиепископу. И хотя были приняты меры, чтобы я не задохнулся, но, по чести, сэр, я чувствовал себя так, словно меня заживо похоронили.

— Я вас понимаю, сэр, — заметил Джулиан.

— Более того, сэр, — продолжал карлик, — многие не знали секрета, который был придуман для развлечения королевы, а для нее я согласился бы влезть в ореховую скорлупу, если б только мог в ней уместиться. Немногие были посвящены в эту тайну, как я уже сказал; судите сами, каким опасностям я подвергался. Сидя в своем темном убежище, я боялся, что какой-нибудь неловкий слуга может уронить меня, как не раз случалось с паштетом из оленины, или что проголодавшийся гость, не дожидаясь моего воскрешения из мертвых, проткнет меня ножом. И хотя мое оружие было со мною — на случай опасности я никогда не расставался с ним, молодой человек, — тем не менее, если такой неосторожный гость вздумал бы раньше времени полюбопытствовать, чем начинен пирог, шпага и кинжал едва ли помогли бы мне отомстить дерзкому и уж никак не могли бы предупредить подобного рода несчастный случай.

— Я вас очень хорошо понимаю, — повторил Джулиан, начинавший бояться, что общество болтливого

Хадсона, вместо того чтобы облегчить его участь в тюрьме, делает ее скорее еще более тягостной.

— Это еще не все, — продолжал карлик, возвращаясь к своему рассказу. — У меня были и другие основания для беспокойства. Лорду Бакингему, отцу теперешнего герцога, вздумалось весьма некстати (а он был в большой милости при дворе), что горячий пирог будет вкуснее холодного, и он велел разогреть его в печке.

— И это не поколебало вашего хладнокровия, сэр?

— Мой юный друг, — отвечал Джеффри Хадсон, — этого я не могу утверждать. У природы есть свои права, и самому храброму и достойному из нас иногда приходится признавать их. Я вспомнил пещь огненную Навуходоносора и весь похолодел от страха. Но, слава богу, я вспомнил также и королеву, свой рыцарский долг и сумел устоять против соблазна преждевременно обнаружить себя в пироге. Герцог сам пошел на кухню (если он это сделал по злобе, то да простит ему небо!) и приказал главному повару посадить пирог в печь хотя бы на пять минут. Но главный повар, посвященный в совершенно противоположные намерения моей августейшей повелительницы, мужественно отказался выполнить приказание, и меня вновь отнесли здоровым и невредимым на королевский стол.

— И, конечно, вовремя освободили из заточения? — спросил Певерил.

— Да, сэр, — ответил карлик. — Наконец наступила славная минута моего счастливого освобождения: верхнюю корку срезали, и я восстал из пирога под звуки труб и фанфар, подобно душе воина, призванной на Страшный суд, или, пожалуй (если подобное сравнение не будет слишком дерзким), подобно сказочному герою, пробудившемуся от заколдованного сна. И вот, со щитом в одной руке и сверным мечом в другой, я начал воинственную пляску, в которой считался непревзойденным мастером, представляя все виды нападения и защиты с таким неподражаемым искусством, что чуть не оглох от рукоплесканий и чуть не захлебнулся от благовоний, которыми опрыскивали

меня придворные дамы из своих флакончиков. Мне удалось также огомстить лорду Бакингему. Когда я в танце кружил по столу, размахивая мечом, я сделал двойной выпад прямо к его носу; прием этот состоит в том, что кажется, будто вот-вот ударишь по цели, но на самом деле ее даже не касаешься. Такое движение делает иногда бритвой цирюльник. Позвольте уверить вас, его светлость отпрянул назад не менее чем на пол-ярда. Ему тогда угодно было презрительно пообещать разmozжить мне голову куриной костью, но король сказал: «Ничего, Джордж, теперь вы квиты». И я продолжал свой танец, выказывая полное пренебрежение к его гневу, что немногие осмелились бы сделать в то время, хотя бы их, как меня, поощряли улыбки мужчин и нежные взоры красавиц. Но, увы, сэр, молодость, ее затеи, ее забавы, ее безумства, весь ее шум и блеск так же мгновенны и преходящи, как треск тернового хвороста под котлом.

«Лучше сказать — как цветок, брошенный в печку, — подумал Певерил. — Боже мой, и этот человек хотел бы помолодеть, чтобы снова служить начинкою для пирога!»

А его собеседник, язык которого так же долго был в строгом заточении, как и его владелец, казалось, решил вознаградить себя за длительное молчание и теперь изливал свое красноречие на собеседника, а посему торжественным тоном продолжал извлекать нравственный урок из рассказа о своих похождениях.

— Молодые люди, конечно, должны завидовать тому, кто был столь одарен, что стал любимцем всего двора, — сказал он (Джулиан никак не мог возвести на себя такое обвинение). — И все же лучше меньше выделяться и тем избежать клеветы, злословия и ненависти — вечных спутников благосклонности двора. Люди, у которых не было иных причин для насмешек, издевались надо мной только из-за того, что рост мой несколько отличался от обычного, а те, от кого я зависел, отпускали шутки на мой счет, быть может, не задумываясь о том, что и орла и синицу создала одна рука и что крохотный алмаз в десять тысяч раз

дороже глыбы неотесанного гранита. Тем не менее они продолжали шутить в том же духе, и, поскольку чувство долга и благодарности заставляли меня сносить насмешки знати и принцев, я был вынужден подумывать о мщении за свою поруганную честь хотя бы тем слугам и придворным, чье превосходство надо мною состояло лишь в высоком росте, но уже никак не в принадлежности к более высокому рангу. И случилось так, что этот самый праздник, о котором я рассказываю и который по справедливости считаю самым славным событием в моей жизни, за исключением, пожалуй, той значительной роли в бою при Раундуэй-Дауне, оказался причиной трагического происшествия, почитаемого мною величайшим моим несчастьем и как бы уроком гордыне моей и всех прочих.

Тут карлик на минуту умолк и тяжело вздохнул; в этом вздохе были и печаль и гордость человека, ставшего героем трагического события, — а затем продолжал.

— По простоте душевной вы, молодой человек, наверно, подумали, что я рассказал вам об этом празднике только для того, чтобы похвастаться своим участием в прелестно задуманной и не менее превосходно выполненной шалости? Но, к сожалению, злоба придворных, которые постоянно клеветали на меня и завидовали мне, заставила их напрячь весь свой ум и исчерпать всю свою хитрость, изошряясь в самых лживых и нелепых наветах на меня. Со всех сторон слышалось столько глупых шуток и намеков на пироги, слоеное тесто, печки и тому подобное, что я был вынужден потребовать прекращения этого неуместного веселья, заявив, что могу серьезно рассердиться. Но случилось так, что при дворе в то время находился один приятный молодой человек, сын баронета, всеми уважаемый и близкий мне приятель; от него я менее всего ожидал оскорбительной шутки. И вот, однажды вечером у распорядителя игр и увеселений мистер Крофтс — так звали этого юношу, — выпив лишнего, вновь затронул эту избитую тему и упомянул о пироге с гусятиной, что я, естественно, принял на свой счет. Но я с полнейшим хладнокровием попросил его

переменить разговор и предупредил, что мои гнев мгновенно может вспыхнуть. Он же стал говорить еще более оскорбительно, сказал что-то о малыше и привел другие неуместные и весьма обидные для меня сравнения. Я был вынужден послать ему вызов, и мы встретились. Любя молодого человека и желая только одной-двумя царапинами исправить его, я хотел, чтобы он избрал своим оружием шпагу, но он выбрал пистолеты. Сидя верхом на лошади, мой противник вместо оружия вынул такую маленькую штучку... ну, которой дети разбрызгивают воду... Я забыл, как она называется.

— Наверно, спринцовка, — подсказал Певерил. Он начал припоминать, что прежде где-то слышал эту историю.

— Точно так, сударь, — подтвердил карлик. — Вы правильно назвали эту штучку, — я видел ее, проходя мимо верфей Уэстминстера. Итак, сэр, подобное презрение заставило меня заговорить с ним таким языком, что он вскоре взялся за настоящее оружие. Мы сели на лошадей, разъехались в стороны; затем по сигналу начали сближаться, и так как я никогда не даю промаха, то имел несчастье первым же выстрелом убить мистера Крофтса. Лютому врагу своему не пожелаю испытать ту боль, какую я почувствовал, когда этот несчастный зашатался в седле и упал на землю. А когда я увидел, как хлынула его кровь, клянусь небом, я отдал бы жизнь, чтобы воскресить его! Так молодость, храбрость и надежды пали жертвою глупой и беспечной шутки. Но увы, чем я виноват? Честь необходима для жизни, как воздух, которым мы дышим, и тот не живет, кто носит на себе хоть малейшее пятно бесчестия.

Искреннее чувство, с которым крошечный герой закончил свой рассказ, изменило к лучшему мнение Джулиана о сердце и даже уме человека, который гордился тем, что во время большого праздника служил начинкой для пирога. Но теперь он понял, что подобные подвиги соблазняли карлика потому, что он, в его положении, не мог быть чужд тщеславия и лести, которой его осыпали те, кто забавлялся подобными

шутками. Однако печальная судьба мистера Крофтса, как и другие подвиги этого карлика во время гражданской войны — он тогда доблестно командовал отрядом конницы, — заставили придворных воздержаться от открытого подшучивания над ним. Впрочем, по правде говоря, в этом не было особой нужды, ибо, когда его оставляли в покое, он сам, по собственной воле показывал себя в самом смехотворном виде.

В час дня надзиратель, верный своему обещанию, принес обоим заключенным весьма приличный обед и бутылку доброго, хоть и легкого вина. Но старик Джеффри, своего рода *bon vivant*,¹ с грустью заметил, что бутылка почти так же мала, как и он сам.

Так прошел день, а за ним и вечер, в течение которого Джеффри Хадсон продолжал болтать без умолку. Правда, теперь его рассказы были менее веселыми, ибо, когда бутылку опорожнили, он прочел полатыни длинную молитву, чем придал разговору более серьезный оборот, нежели раньше, когда говорил о войне, женской любви и придворном блеске.

Маленький джентльмен сначала разглагольствовал о спорных вопросах веры, но потом свернул с этой тернистой тропинки на соседнюю сумрачную тропинку мистицизма. Он говорил о тайных предзнаменованиях, о предсказаниях скорбящих пророков, о явлениях вещих духов, о розенкрейцерах и тайнах кабалы и обо всем этом судил с такой уверенностью, с таким знанием дела, что его можно было счесть за члена братства гномов или эльфов, которых он так напоминал своим ростом.

Битый час продолжался этот поток бессмысленной болтовни, и Певерил решил во что бы то ни стало попытаться получить отдельную камеру. Повторив перед сном молитву полатыни (старик был католиком и только за это попал под подозрение), он, раздеваясь, начал новую историю и продолжал ее до тех пор, пока окончательно не уснул и себя самого и своего соседа.

---

¹ Кутила (франц.).

Глава XXXV

И неземные голоса шептали
Людские имена,

«Комус»

Джулиан заснул, размышляя более о своих несчастьях, нежели о мистических рассказах маленького джентльмена; но грезилось ему то, что он слышал, а не то, о чем думал.

Ему снилось, что вокруг него скользят духи, о чем-то невнятно шепчутся призраки, что окровавленные руки, едва различимые в тусклом свете, манят его, как странствующего рыцаря, на новый печальный подвиг. Не раз он вздрагивал и просыпался — так живо было впечатление от этих сновидений, и каждый раз, очнувшись, был уверен, что кто-то стоит у его изголовья. Холод в ногах и лязг цепей, когда он поворачивался в постели, напоминали ему, где он находится и как здесь очутился, а мысль об опасности, грозящей всем, кто ему дорог, леденили ему сердце еще больше, чем кандалы — его ноги. И только прочтя мысленно молитву и испросив защиты у неба, он засыпал. Но когда те же туманные видения встревожили его в третий раз, то в волнении ума и чувств он невольно в отчаянии воскликнул:

— Господи спаси и помилуй нас!

— Аминь, — ответил голос, тихий и мелодичный, как серебряный колокольчик. Он звучал, казалось, у самой его постели.

Первой мыслью Джулиана было, что это произнес Джеффри Хадсон, отозвавшись на молитву, столь естественную в их положении. Но голос этот ничуть не напоминал хриплые и резкие звуки, издаваемые карликом, и Певерил тотчас понял, что слово это исходило не от его соседа. Невольный ужас объял его, и он с большим трудом спросил:

— Сэр Джеффри, вы что-то сказали?

Ответа не было. Джулиан повторил вопрос громче, и тот же мелодичный голос, что произнес «Аминь», сказал:

— Он не проснется, пока я здесь.

— Но кто вы? Что вам надобно? Как вы сюда попали? — нетерпеливо спросил Певерил.

— Я несчастное существо, всей душою преданное тебе. Я здесь для твоего же блага. Остальное тебя не касается.

Тут Джулиан вспомнил об удивительной способности некоторых людей говорить так, что кажется, будто голос их раздается откуда-то с противоположной стороны. И решив, что наконец разгадал тайну, он сказал:

— Шутка ваша, сэр Джеффри, неуместна. Прошу вас, говорите своим обычным голосом. Подобные проделки в Ньюгетской тюрьме, да еще в полночь, просто нелепы.

— Существо, которое говорит с тобой, — ответил тот же голос, — нужен самый темный час и самое мрачное место.

Желая разрешить эту загадку, Джулиан вскочил с постели, надеясь схватить того, кто, судя по голосу, был совсем рядом, но попытка оказалась тщетной: его руки схватили только воздух.

Певерил наудачу сделал несколько шагов по комнате, еле волоча ноги и вытянув вперед руки. Наконец он вспомнил, что каждое его движение сопровождалось звоном кандалов и что, держась на некотором расстоянии, легко было избежать его рук. Джулиан решил снова лечь, но впотьмах наткнулся на постель своего товарища. Маленький пленник спал, судя по его дыханию, глубоким, тяжелым сном, и Джулиан, постояв возле него с минуту, убедился, что либо карлик — искуснейший из чревовещателей и притворщиков, либо действительно здесь есть какое-то третье существо, само присутствие которого в этом месте свидетельствовало о том, что оно не принадлежит к миру простых смертных.

Хотя Джулиан не слишком верил в сверхъестественные явления, в те времена не так категорически отрицали существование призраков, как нынче, и его нельзя осуждать за то, что он разделял предрассудки современников: волосы его поднялись дыбом, и по

лбу катились капли холодного пота, когда он закричал своего товарища проснуться.

Наконец карлик пробормотал во сне:

— Уже светает? Ну и черт с ним! Скажите главному конюшему, что я не поеду на охоту, если он не даст мне вороной кобылки.

— Сэр Джеффри, — сказал Джулиан, — здесь кто-то чужой. Нет ли у вас трутницы — зажечь огонь?

— Ну пусть это будет совсем небольшая лошадка, — отвечал карлик, продолжая грезить, вероятно, о зеленых лесах Уиндзора и королевской охоте на оленей. — Я не тяжеловес. Я не поеду на огромном голштинском жеребце, на которого мне надо влезать по лестнице, — я буду выглядеть на нем, как подушечка для булавок на спине у слона.

Джулиан встряхнул его за плечо и разбудил. Карлик, фыкая и зевая со сна, раздраженно спросил, какого дьявола ему надобно.

— Дьявол сам, насколько я понимаю, сейчас у нас в комнате, — ответил Певерил.

Услышав подобную новость, карлик вскочил, перекрестился и начал проворно высекать огонь с помощью стали и кремня; наконец он зажег огарок свечи, посвященной, по его утверждению, святой Бригитте и потому обладавшей той же силой, что и трава под названием *fuga daemonum*¹ или печень рыбы, которую сжег Товит в доме Рагуила, а именно — изгонять всех домовых и злых духов, если, конечно, как заметил осторожный карлик, они существуют где-нибудь, кроме воображения Певерила.

Когда лучи священного огарка осветили камеру, Джулиан действительно усомнился, не обманул ли его слух, ибо в комнате не только не было никого, кроме него самого и сэра Джеффри Хадсона, но и дверь была заперта на все запоры, и отворить ее, а затем снова закрыть без шума было невозможно, шум же этот он, будучи на ногах и занятый поисками, непременно услышал бы от существа земного, которое покидало бы их камеру.

---

¹ Изгнание демонов (лат.).

Джулиан в полном недоумении и растерянности еще раз пристально взглянул на запертую дверь, потом на зарешеченное окно и решил, что воображение подшутило над ним. Коротко ответив на расспросы Хадсона, он лег в постель и молча выслушал длинную речь о достоинствах святой Бригитты, речь, которая содержала большую часть повествующей о ней запутанной легенды и заключалась в уверении, что по всем имеющимся сведениям эта святая была ростом меньше всех женщин, за исключением карлиц.

Когда сэр Джефри наконец замолчал, Джулиану снова захотелось спать; он еще раз окинул взором комнату, тускло озаренную угасающим огнем священной свечи, веки его сомкнулись, он забылся сном, и никто его больше не тревожил.

В Ньюгете зря занимается так же, как и на самой открытой горе, на какую когда-либо поднимался уэльсец или дикий козел, но с той разницей, что даже драгоценные лучи солнца, проникая в самые дальние уголки тюрьмы, кажутся попавшими в неволю. Тем не менее дневной свет окончательно разуверил Певерила в реальности его ночных видений и заставил даже посмеяться над самим собою. Он подумал, что это следствие сказок, которых он наслушался на острове Мэн, и историй, рассказанных столь необычным человеком, как сэр Джефри, да еще в мрачном уединении темницы.

Когда Джулиан проснулся, карлик был уже на ногах; он собственноручно развел огонь в очаге и уселся рядом, ожидая, когда закипит содержимое горшочка, а также заглядывая в огромный фолиант, что лежал на столе перед ним и был почти такого же размера, как и он сам. Он был укутан в малиновую мантию, о которой мы уже говорили и которая служила ему и утренним халатом и защитой от холода; на голове красовалась большая охотничья шапка. Своеобразие черт его лица и вооруженных очками глаз, устремленных то в книгу, то на котелок над огнем, соблазнило бы даже Рембрандта запечатлеть его на полотне в образе алхимика или колдуна, занятого

каким-нибудь таинственным опытом при помощи огромного фолианта, содержащего наставления по теории оккультных наук.

Внимание карлика было поглощено, однако, более прозаическим предметом: он варил на завтрак вкусный бульон, отведать который пригласил и Джулиана.

— Я старый солдат, — сказал он, — и, должен добавить, давнишний узник, а потому могу позаботиться сам о себе лучше, чем вы, молодой человек. Черт побери этого негодяя Клинка: он поставил высоко коробку с пряностями. Потрудитесь подать ее мне; она стоит на камине. Я научу вас, как говорят французы, *faire la cuisine*,¹ а потом, если вам угодно, мы разделим по-братски плоды нашего подневольного труда.

Джулиан охотно принял дружеское приглашение карлика и даже не упомянул о своем намерении перейти в другую камеру. Хотя он и склонен был поверить, что голос, который говорил с ним ночью, был порождением его собственной фантазии, тем не менее любопытство побуждало его проверить, как пройдет здесь следующая ночь. Да и воспоминание о голосе невидимого пришельца, так напугавшем его в полночь, теперь вызвало лишь приятное волнение, а вместе с ним легкий страх и любопытство.

Тюремная жизнь однообразна. В течение дня, последовавшего за описанной нами ночью, не произошло ничего достойного внимания. Карлик предложил своему товарищу такой же том, какой читал он сам, — это был один из модных в то время при французском и английском дворах романов давно забытой ныне мадемуазель де Скюдери; Джеффри Хадсон был большим поклонником этой писательницы, хотя романы ее содержали в своих необъятных томах все небылицы и нелепости старинных рыцарских романов без свойственной последним фантазии, а также все метафизические бредни, которыми Каули и другие поэты того времени совершенно задушили чувство любви — так

---

¹ Стряпать (франц.).

бывает, когда в чуть тлеющий огонь накидают слишком много мелкого угля и он совсем гаснет, вместо того чтобы разгореться

Но у Джулиана не было другого занятия, кроме как размышлять о горестях Артамена и Манданы или о собственной печальной участи. В этих не слишком приятных развлечениях и тянулось утро.

В полдень и вечером их посетил суровый надзиратель. Бесшумно и угрюмо выполнил он свои обязанности: накормил узников и перекинулся с ними несколькими словами, какие мог бы себе позволить в подобном случае и представитель испанской инквизиции. С тем же мрачным молчанием, весьма отличным от его веселого настроения накануне, он постучал маленьким молотком по их оковам, дабы узнать по звуку, не подпилены ли они. Затем влез на стол, чтобы точно так же проверить, в порядке ли оконная решетка.

Сердце Джулиана забилося: а не была ли действительно подпилена решетка, чтобы дать возможность ночному посетителю проникнуть в камеру? Но чистый и ясный звук, которым отозвался металл на стук опытного Клинка, убедил его в том, что сомнения напрасны.

— Мудрено влезть сюда через эту решетку, — пошутил Джулиан, давая выход своим тайным мыслям.

— Немногие пожелали бы это проделать, — ответил угрюмый страж, неверно истолковывая слова Пeverила, — и позвольте мне сказать вам, сударь, не менее мудрено вылезти через нее обратно.

И он оставил их одних.

Наступил вечер, но карлик, хоть он и провел весь день в беспрестанных хлопотах, не уgomонился: он слонялся по комнате, с шумом и стуком гасил огонь в очаге и расставлял по местам все вещи, которыми узники пользовались в течение дня, с важным видом рассуждая сам с собою на тему о том, с какой сноровкой умеет старый солдат делать все, за что ни возьмется, а ведь чем только не приходится иногда заниматься придворному такого высокого ранга. Затем последовала обычная молитва, после чего, во-

преки своим склонностям, он не завел, как в прошлый раз, длинного разговора. Громкий храп вскоре уведомил Джулиана, еще и не думавшего засыпать, что сэр Джеффри Хадсон поκειται в объятиях Морфея.

Долго лежал Джулиан в глубоком мраке, царившем в камере, и с трепетом и нетерпением ждал, что вновь раздастся таинственный голос того, кто говорил с ним накануне ночью, но до его слуха доносился лишь бой часов на колокольне соседней церкви Гроба господня, отбивавших час за часом. Наконец он задремал, но не проспал он, как ему казалось, и часу, когда его разбудил голос, который он так долго и так тщетно жаждал услышать.

— Как можешь ты спать? Как смеешь ты спать? Почему ты спишь? — донеслись до его слуха вопросы, произнесенные вчерашним тихим, но ясным и мелодичным голосом.

— Кто говорит со мной? — спросил, в свою очередь, Джулиан. — Будь ты добрый или злой дух, я отвечаю: я ни в чем не виновен, а невинный может и смеет спать спокойно.

— Не задавай мне вопросов, — продолжал голос, — и не пытайся узнать, кто я. Знай, что только глупость может спать, когда рядом вероломство и опасность

— А можешь ли ты, уведомляя меня об опасностях, дать мне совет, как бороться с ними или избегать их? — спросил Джулиан.

— Власть моя ограничена, — ответил голос, — но я могу, подобно светляку, указать на близость пропасти. Однако ты должен довериться мне

— Доверие должно быть взаимным, — сказал Джулиан — Я не могу довериться, не зная, кому или чему.

— Говори тише, — сказал голос почти беззвучно.

— Вчера ты сказал, что мой товарищ не проснется, — возразил Джулиан.

— А сегодня я за это не ручаюсь, — ответил голос.

И в эту самую минуту послышался хриплый и резкий голос карлика, который недовольным тоном

спросил Джулиана, почему он говорит во сне, не дышает сам и другим мешает, и поинтересовался, не вчерашнее ли видение вновь его тревожит.

— Скажи «да», — шепнул голос так тихо, но вместе с тем так отчетливо, что Джулиан усомнился, не эхо ли это его собственных мыслей, — скажи «да», и я покину тебя навеки.

В критическом положении человек прибегает к странным и необычным средствам; поэтому, хотя это удивительное знакомство как будто ничего не сулило Джулиану, он не хотел так сразу его лишиться и ответил, что ему привиделся страшный сон.

— Я понял это по вашему голосу, — сказал Хадсон. — Странно, что вам, людям чрезмерного роста, не присуща та душевная твердость, какой природа наделила нас, людей, коим присуща более сжатая форма. Мой голос, например, сохраняет мужественность в любом случае. Доктор Кокрел считал, что природа наделяет людей одинаковым количеством нервов и сухожилий независимо от их размера и что природа растягивает свою ткань больше или меньше, в зависимости от размеров поверхности, которую она должна покрыть. Потому часто бывает так: чем существо меньше, тем оно сильнее. Поместите жука под высокий подсвечник, и насекомое, пытаясь выбраться, сдвинет его с места, а это с точки зрения относительной силы все равно, что для одного из нас пошатнуть стены Ньюгетской королевской тюрьмы. Кошки и ласки тоже более выносливы, чем собаки или овцы. А вообще-то вы могли заметить, что люди маленького роста и танцуют лучше и устают меньше тех, кто томится под бременем собственного веса. Я уважаю вас, мистер Певерил, за то, что вы, как мне сказали, убили одного из этих здоровенных молодцов, которые только потому, что у них нос на локоть или два ближе к небу, чем у нас, хвастливо разгуливают по белу свету с таким видом, будто и душа у них выше нашей. Однако не вздумайте и вы уж очень переоценивать себя. Мне бы хотелось, чтобы вы твердо усвоили следующее: в истории всех веков ловкий, крепкий, энергичный маленький человек всегда брал верх над своим грузным

противником. За примерами можно обратиться к священному писанию и вспомнить всем известное поражение Голиафа и другого, у которого было больше пальцев на руке и больше дюймов в высоту, чем позволительно иметь честному человеку, и которого убил племянник доброго царя Давида, и множество других, что сразу и не приходят в голову. Все это были филистимляне гигантского роста. В сочинениях античных писателей вы встретите Тидея и прочих ловких, сильных героев, чьи миниатюрные тела служили вместительным огромного разума. И вправду, как в священной, так и светской истории вы можете прочесть, что эти самые великаны всегда бывают еретиками и богохульниками, грабителями и притеснителями, насильниками и насмешниками. Таковы были, например, Гог и Магог, — они, как свидетельствуют достоверные летописи, пали под Плимутом от руки славного маленького рыцаря Коринея, именем которого назван Корнуэлл. Аскапарте также был побежден Бевисом, а Колбранд — Гаем, чему свидетели Саутгемптон и Уорик. Подобно им погиб в Бретани от руки короля Артура великан Хоуэл. И если Райенса, короля Северного Уэльса, который был убит этим же достойным поборником христианства, и нельзя по-настоящему назвать великаном, — все равно, он был немногим лучше, поскольку он потребовал отделать свою мантию бородами двадцати четырех королей; бороды тогда носили широкие и длинные — значит, его рост, считая, что каждая борода была длиною в восемнадцать дюймов (королевская борода никак не могла быть меньше) и что он отделал ими, как нынче отделявают горностаем, только перед мантии, а спину — вместо кошачьего и беличьего меха — бородами графов, герцогов и прочих менее знатных особ, то может быть... Я подсчитаю это завтра.

Ничто не действует так усыпляюще на людей (за исключением философов и банкиров), как арифметические выкладки, а когда лежишь в постели, то их воздействие просто неотразимо. Сэр Джеффри уснул, пытаясь высчитать рост короля Райенса по приблизительной длине его мантии. И не наткнись он на этот

сложнейший предмет для подсчета, невозможно догадаться, сколько бы еще он рассуждал о преимуществах людей маленького роста — теме настолько им любимой, что он собрал из истории и литературы почти все примеры их побед над великанами.

Едва Джулиан удостоверился, что карлик крепко спит, как снова с нетерпением начал прислушиваться, не заговорит ли с ним таинственный голос, который был одновременно и притягательным и жутким. Даже слушая Хадсона, он, вместо того чтобы внимать панегирику людям малого роста, напрягал слух, силясь уловить малейший звук в комнате. Казалось, от него не ускользнул бы и полет мухи. Если его невидимый наставник был существом земным — а здравый смысл Джулиана отказывался верить, что это было не так, — значит, он не покинул камеру, и Певерил с нетерпением ожидал возобновления разговора. Ему пришлось разочароваться: ни один звук более не донесся до него. Ночной посетитель, если он еще находился в комнате, по-видимому, решил хранить молчание.

Напрасно Певерил покашливал, покряхтывал и всячески давал понять, что не спит. Наконец нетерпение его возросло до такой степени, что он решился сам возобновить прерванный разговор.

— Кто бы ты ни был, — сказал он достаточно громко для бодрствующего, но так, чтобы не разбудить своего спящего соседа, — кто бы ты ни был, но если ты принимаешь участие в человеке отверженном, каким является Джулиан Певерил, заговори со мною еще раз, заклинаю тебя. И скажешь ли ты хорошее или дурное, — поверь мне, я готов выслушать любые слова твои.

На эту мольбу не последовало никакого ответа, и ни один звук не выдавал присутствия существа, к которому оно было обращено.

— Напрасно говорю я, — продолжал Джулиан, — быть может, существо, к которому я обращаю мою речь, лишено человеческих чувств или злобно радуется человеческим страданиям.

Тихий, прерывистый вздох, слышавшийся в углу, казался укоризненным ответом на несправедливое обвинение Джулиана.

Певерил, бесстрашный по натуре и уже освоившийся со своим необычным положением, поднялся в постели и протянул руку, намереваясь повторить свою мольбу, но голос, словно встревоженный этим резким движением, торопливо прошептал:

— Молчи! Не двигайся, иль я умолкну.

«Значит, это человек, — подумал Джулиан. — Он боится, чтобы его не узнали; стало быть, я имею над ним некоторую власть и могу ею воспользоваться, но делать это нужно осторожно».

— Если твои намерения дружелюбны, — вслух продолжал Джулиан, — то никогда еще друг не был мне так нужен, никогда не был бы я так благодарен за доброту. Положение всех дорогих моему сердцу людей очень серьезно, и я готов жизнью заплатить за весть о том, что они живы.

— Повторяю, — ответил голос, — что власть моя ограничена. Тебя, быть может, я сумею спасти, судьба же твоих друзей от меня не зависит.

— Но открой мне их участь, какова бы она ни была, — сказал Джулиан, — и я не побоюсь разделить ее с ними.

— О ком ты беспокоишься? — спросил голос. По-прежнему мягкий и мелодичный, он говорил с какой-то тревогой и как будто даже неохотно.

— О моих родителях, — ответил Джулиан после минутного колебания. — Что с ними? Какая участь ожидает их?

— Сейчас они подобны крепости, под которую враг произвел подкоп. На это, может быть, потребовались годы, тяжела была работа подрывателей, но время на своих крыльях приносит благоприятные возможности.

— Что же будет в конце концов? — спросил Певерил.

— Могу ли я предсказывать будущее, — ответил голос, — иначе, как путем сравнения с прошлым? Кто не погиб от преследований и обвинений гнусных

доносчиков? Разве знатное происхождение, почтенная старость, всеми признанная щедрость спасли несчастного лорда Стаффорда? Помогли ли Коулмену его ученость, изворотливый ум, милость при дворе и доверие предполагаемого наследника английской короны? А разве мудрость, гениальность и все усилия многочисленных последователей сохранили жизнь Фенвику, Уитбреду или кому-нибудь другому из обвиненных служителей церкви? Спасло ли низкое происхождение несчастных страдальцев Гроувза, Пикеринга и других? Ни положение в свете, ни талант, ни убеждения не избавляют человека от обвинения, и это делает людей равными, сводит на нет хорошую репутацию, превращает добродетель в порок; они считаются тем более опасными, чем больше возросла их влияние, завоеванная самым честным путем и используемая в лучших целях. Назови человека пособником заговора, приведи свидетельские показания Оутса или Дагдейла, и даже самый недалёковидный безошибочно предскажет решение суда.

— Зловещий пророк! — воскликнул Джулиан. — У моего отца есть неуязвимый щит, который спасет его: он невиновен.

— Он докажет свою невиновность на суде божьем, — ответил голос. — Но там, где председательствует Скрозз, она ему не поможет.

— И все же я не боюсь, — возразил Певерил с уверенностью, которой на самом деле не испытывал. — Дело моего отца будут разбирать двенадцать присяжных.

— Двенадцать диких зверей были бы лучше этих присяжных, предубежденных, пристрастных, охваченных страхом перед мнимой опасностью. Чем больше людей предстает перед судом, тем охотнее эти присяжные признают их виновными.

— Слова твои зловещи, — сказал Джулиан, — они подобны гулу полночного набата или крику совы. Однако продолжай. Скажи мне, если можешь... — (Он хотел спросить об Алисе Бриджнорт, но язык его не мог произнести ее имя) — Скажи мне, — повторил он, — что с благородным родом Дерби?

— Пусть они сидят на своей скале, как чайки во время бури; быть может, эта скала окажется надежным убежищем, — ответил голос. — Но их горностаевая мантия обагрена кровью, и мщение давно ходит за ними по пятам, как ищейка, которая отстала во время утренней охоты, но еще может схватить свою добычу до захода солнца. Впрочем, сейчас они в безопасности. Говорить ли мне теперь о твоих делах? Ведь дело идет о твоей чести и жизни. Или есть еще кто-нибудь, кем ты дорожишь больше, чем самим собой?

— Есть одна особа, — ответил Джулиан, — которую вчера насильно разлучили со мной. Если бы я был уверен в ее безопасности, я бы не стал беспокоиться о себе.

— Одна? — отозвался голос. — Только одна, с которой тебя разлучили вчера?

— Разлука с нею, — ответил Джулиан, — лишила меня земного счастья.

— Ты говоришь об Алисе Бриджнорт, — с горечью произнес голос. — Тебе не суждено увидеть ее вновь. Ты должен забыть ее; от этого зависит жизнь вас обоих.

— Я не могу купить себе жизнь такой ценой.

— Тогда умри, упрямец, — сказал голос, и никакие мольбы и просьбы Джулиана не помогли ему продолжить беседу в эту памятную ночь.

Глава XXXVI

Он ростом мал, но полон благородства.

Аллен Рэмзи

Джулиан Певерил был так разгорячен этим разговором, что после внезапного исчезновения своего таинственного посетителя долго не мог заснуть. Он поклялся себе, что непременно найдет и призовет к ответу ночного демона, который, лишая его сна, казалось, задался целью подлить желчи к его горечи и

растравить и без того наболевшие раны. Каких только угроз незнакомцу не придумывал Джулиан в своей ярости! Он решил более тщательно, до мельчайших подробностей осмотреть камеру и во что бы то ни стало выяснить, каким способом проникал сюда его мучитель, даже если бы способ этот был так же незаметен, как отверстие, проткнутое шилом. А если его усердие ни к чему не приведет, он решился открыть это происшествие тюремщикам, которым небезразлично будет узнать, что в их тюрьму имеется доступ извне. Он надеялся по их лицам догадаться, известны ли им были ранее подобные посещения, и если да, то сообщить об этом ни более, ни менее, как судьям, чиновникам и, наконец, палате общин — вот что внушала ему досада. В самый разгар этих планов расследования и месги его сморил сон, а проснувшись утром, он, как это часто бывает, стал рассуждать гораздо спокойнее.

«У меня нет достаточных причин, — думал Джулиан, — обвинять моего посетителя в злом умысле; хоть он и не пробудил во мне надежды помочь тем, кто мне дороже всего, но по отношению ко мне самому он выразил участие и сочувствие. А если мне удастся с его помощью получить свободу, то разве я не смогу быть полезен и тем, чье благополучие для меня дороже собственного? Я вел себя как глупец. Мне следовало задержать здесь это удивительное существо, узнать причины его появления и воспользоваться его помощью, если, конечно, она не будет предложена на условиях, противных моей чести. В этом случае я всегда успею от нее отказаться».

Рассуждая так, он старался придумать, как вести себя более благоразумно, если таинственный голос вновь заговорит с ним, но вскоре размышления его прервал сэр Джеффри Хадсон, который предложил Джулиану заняться в этот день уборкой комнаты и всеми хлопотами, какими он сам занимался накануне.

Певерил не мог отклонить такое справедливое требование; он встал и принялся за работу, в то время как сэр Хадсон, взгромоздившись на стул, откуда ноги его не доставали до полу почти наполовину, уселся

там в изящно-томной позе и принялся бренчать на старой, разбитой гитаре и напевать испанские и мавританские песни, а также песни на *Lingua Franca*,¹ всякий раз отвратительно фальшивя. После каждой песенки он переводил Джулиану ее содержание или делал замечание о характере перевода. Он даже пропел балладу, в которой описывалось его собственное приключение, когда он был взят в плен мавританскими пиратами и увезен в Марокко.

Эти годы своей жизни Хадсон обычно делал темой рассказов о многочисленных и самых удивительных приключениях, и, по его словам, — если только ему можно было верить, — он тогда произвел целый переполох среди любимых жен в гареме султана. И хотя доказать абсурдность его рассказов о любовных интригах и тайных связях никто не мог, тем не менее среди офицеров Танжерского гарнизона ходили слухи о том, что жестокие мавры могли заставить столь малосильного раба исполнять только одну работу — лежать в постели и высиживать индюшачьи яйца. Однако малейший намек на этот слух доводил Хадсона до бешенства, а роковой исход его ссоры с молодым Крофтсом, которая началась шуткой и закончилась кровопролитием, заставил людей более осторожно, чем прежде, выбирать вспылчивого маленького героя предметом своих насмешек.

Пока Певерил возился с уборкой, карлик развлекался музыкой, но как только он увидел, что Джулиан собирается готовить завтрак, то, едва не сломав свою гитару, а заодно и шею, прыгнул со стула, на котором с важностью восседал, и торжественно объявил, что скорее согласится стряпать отныне и до скончания века, нежели доверит эту важную обязанность такому неопытному повару, как его товарищ по заключению.

Молодой человек охотно уступил ему эту честь и с улыбкою слушал ворчание желчного маленького джентльмена, который с досадой заявил, что хотя Джулиан и не так высок, однако не менее бестолков,

---

¹ Франкском языке (*игал.*).

чем великан. Хадсон принялся стряпать, а Певерил — осматривать комнату в надежде отыскать какую-нибудь потайную дверь, через которую мог проникнуть его ночной посетитель и которой он сам мог бы воспользоваться для побега. Оглядев стены, он стал изучать пол, и тут его поиски оказались более успешными.

Возле самой его постели лежал запечатанный листок бумаги — Джулиан наверняка заметил бы его раньше, если бы не поспешил на нетерпеливый зов карлика. На нем были написаны буквы «Д. П.», указывавшие, что листок адресован ему. Пользуясь тем, что внимание карлика было поглощено приготовлением супа, — а он, как и многие более здравомыслящие и высокие люди, считал это одним из основных занятий в жизни и потому в тот момент его ничто иное не интересовало, — Джулиан развернул письмо и прочитал следующее:

«Хоть вы опрометчивы и безрассудны, но есть некто, готовый пожертвовать многим для вашего спасения. Завтра вас переведут в Тауэр, где нельзя ни на один день поручиться за вашу жизнь, ибо за несколько часов пребывания в Лондоне вы успели нажить себе непримиримого врага. Существует лишь одно средство к спасению: откажитесь от А. Б., забудьте ее. Если это невозможно, то хотя бы никогда не пытайтесь ее увидеть. Если вы сумеете отказаться от чувства, которому вам никогда не следовало предаваться и которое было бы безумием лелеять дальше, то в знак вашего согласия на это условие прикрепите к шляпе белую ленту, белое перо или еще что-нибудь белое, что вам удастся отыскать. Тогда с лодкой, которая повезет вас в Тауэр, столкнется как бы нечаянно другая лодка. Среди общего смятения прыгайте в воду и плывите к Саутуорку, на противоположный берег Темзы. Там вас будут ожидать друзья, и они помогут вам скрыться; там же вы найдете человека, который готов пожертвовать своей репутацией и жизнью, чтобы не дать и волоску упасть с вашей головы. Но если вы решитесь пренебречь этим преду-

преждением, он сочтет вас за безумца, погибшего от собственного безрассудства. Да внушит вам небо благоразумный путь к избавлению! Вот молитва того, кто станет вашим искренним другом, если вы того пожелаете.

Неизвестный».

Тауэр! Страшное слово, страшнее названий всех гражданских тюрем, ибо у этого мрачного здания слишком много дверей, ведущих к смерти. И кто знает, чего больше видели его стены в предыдущие царствования: жестоких казней или тайных убийств? Но Певерил ни минуты не колебался в своем решении.

«Я разделю участь моего отца, — сказал он про себя. — Я думал только о нем, когда меня доставили сюда, я буду думать только о нем, когда меня повезут в это еще более ужасное место заточения. Сын должен быть там, где его отец. А ты, Алиса Бриджнорт, ты будешь вправе назвать меня трусом и предателем в тот день, когда я откажусь от тебя! Прочь от меня, ложный друг! Раздели судьбу обольстителей и проповедников ереси!»

Бросая письмо в огонь, он произнес последние слова вслух и так горячо, что карлик вздрогнул от удивления.

— Что? — вскричал он. — Вы хотите сжечь еретиков, молодой человек? Клянусь честью, ваше усердие еще ревностнее моего, если вы не боитесь говорить на эту тему сейчас, когда еретики особенно сильны. Скорее я достигну шести футов, чем еретики пощадят вас. Берегитесь таких слов.

— Поздно, коли они уже сказаны и услышаны, — раздался голос надзирателя, который, бесшумно отперев дверь, неожиданно вошел во время этого разговора в комнату. — Однако мистер Певерил вел себя как джентльмен, и я не доносчик — при условии, однако, что он не забудет моих услуг.

У Джулиана не было другого выбора, как понять намек надзирателя и дать ему денег. Тогда Клинк, восхищенный его щедростью, воскликнул:

— Как тяжело мне прощаться с таким великодушным господином! Я бы с радостью держал его у себя под замком хоть двадцать лет. Но и лучшие друзья расстаются!

— Значит, меня переводят?

— Да, сударь. Получено предписание совета.

— Перевести меня в Тауэр?

— Как! — вскричал слуга закона. — Кто, черт возьми, шепнул вам это? Ну, коли вы все равно знаете, так нечего таить. Готовьтесь отправиться немедленно. Но сначала вытяните ноги, я сниму с вас кандалы.

— Разве это так делается? — спросил Певерил, пока Клинок возился с замками.

— А как же, сударь? Ведь эти оковы принадлежат моему начальнику, а он не собирается посылать их коменданту Тауэра. Тюремщики должны принести свое собственное имущество, у нас они ничего не получают. Впрочем, если вашей милости угодно пойти в кандалах, чтобы вызвать жалость...

— Я совсем не хочу, чтобы меня жалели, — возразил Джулиан, и в голове его мелькнула мысль, что его неизвестный друг отлично знал его самого, поскольку предложенный план побега мог осуществить только хороший пловец, а также был знаком и с тюремными порядками, ибо предвидел, что перед отправлением в Тауэр с него снимут кандалы. Впрочем, следующие слова надзирателя еще более изумили Певерила.

— Для такого приятного гостя я все готов сделать, — сказал Клинок. — Я мог бы стащить у жены ленту, если ваша милость пожелает водрузить на шляпе белый флаг.

— А для чего? — коротко спросил Джулиан, увидевший прямую связь этих любезных слов с советом, данным ему в письме, и знаком, указанным там.

— Да просто так, — ответил надзиратель. — Говорят, что белый цвет означает невиновность, а казаться невинным хочется всякому, даже виноватому. Впрочем, все это вздор. Слова «виновен» и «невиновен» важны только в приговоре.

«Странно, — подумал Певерил, хотя надзиратель, казалось, говорил вполне естественно и недвусмысленно, — странно, что все это явно придумано и устроено для моего побега, если только я дам свое согласие. Быть может, мне и в самом деле согласиться? Тот, кто столько делает для меня, по-видимому, желает мне добра, а доброжелатель никогда не будет ставить условием моего освобождения несправедливые требования».

Но колебания его длились всего минуту. Джулиан тотчас вспомнил, что тот, кто решился помочь ему бежать, сам подвергается большой опасности и имеет право поставить условие, ради которого готов идти на этот риск. Он подумал и о том, что лгать подло, независимо от того, выражена ли эта ложь словами или знаком, и что он совершит обман, если воспользуется сигналом, означающим отказ от Алисы Бриджнорт, поскольку он не собирается от нее отказываться.

— Если уж ты хочешь услужить мне, — сказал он надзирателю, — то достань мне для той же цели лоскут черного крепа.

— Черного крепа? — удивился Клинк. — Что это значит? Хорошенькие девушки, что будут смотреть на вас по дороге, примут вас за трубочиста, приукрасившегося ради майского праздника.

— Пусть это будет знаком моей печали и непоколебимой решимости.

— Как угодно, сэр, — ответил надзиратель. — Постараюсь найти для вас какой-нибудь черный лоскут. А теперь собирайтесь, пора.

Джулиан сказал, что готов следовать за ним, и подошел к доблестному Джеффри Хадсону, чтобы проститься. Прощание их не было холодным. Особенно горевал несчастный карлик — он успел привязаться к своему товарищу, которого сейчас должен был лишиться.

— Прощайте, юный друг мой! — сказал он, поднимая обе руки вверх, чтобы достать до руки Джулиана, чем весьма напоминал матроса, который выбирает снизу трос. — Многие на моем месте сочли бы себя

обиженными тем, что солдат и королевский камердир должен видеть, как вас переводят в более почетную тюрьму, а он остается все там же. Но я, слава богу, не завидую вам и не желаю быть ни в Тауэре, ни на скалах Силли, ни даже в замке Кэрисбрук, хоть он и удостоился пребывания благословенного мученика, моего господина. Ступайте куда хотите: я желаю вам попасть в почетную тюрьму, а также благополучного и скорого освобождения, когда того пожелает господь. Что же касается меня, то смерть моя близка, и погибаю я мучеником пламенного моего сердца. Мы недолго были вместе, и я не успел открыть вам одного важного обстоятельства, мой добрый Джулиан Певерил, а теперь не время говорить об этом. Идите, друг мой, и засвидетельствуйте на этом и на том свете, что Джеффри Хадсон презирает насмешки и оскорбления злой судьбы так же, как он презирал глупые проказы верзилы школьника.

С этими словами карлик отвернулся и закрыл лицо своим маленьким платочком. Джулиан испытывал в эту минуту то трагикомическое чувство, которое заставляет нас жалеть вызвавшее его существо и в то же время смеяться над ним. Надзиратель подал знак трогаться в путь, и Певерил повиновался, оставив карлика в горестном одиночестве.

Когда Джулиан шел за надзирателем по бесчисленным переходам тюремного лабиринта, тот мимоходом заметил:

— Маленький сэр Джеффри — чудной старикашка, а в любовных делах — настоящий бентамский петух, даром что стар. Я знал одну веселую девицу, которая поймала было его на удочку; но что она могла с ним делать — ума не приложу. Разве только отвезти в Смитфилд и показывать за деньги в кукольном театре.

Поскольку надзиратель заговорил сам, Джулиан спросил, не знает ли он, почему его переводят в Тауэр.

— Чтобы не повадно вам было разыгрывать из себя королевского фельдъегеря, не имея на то полномочий, — ответил Клинк.

Он замолчал, так как в эту минуту они достигли того центра грозной цитадели, где, развалясь в своем кожаном кресле, подобно огромному удаву, стерегущему, по преданию, подземные сокровища индийских раджей, сидел жирный комендант крепости. Этот раздобревший чиновник бросил на Джулиана пристальный, мрачный взгляд — так смотрит скупой на гинею, с которой ему предстоит расстаться, или голодный пес на кость, что несут в соседнюю конуру. Он перевернул несколько страниц своего зловещего реестра, чтобы сделать необходимую запись о перемещении узника, ворча сквозь зубы:

— В Тауэр, да, в Тауэр! Все отправляются в Тауэр... Видно, такая нынче мода... Свободных британцев — в военную тюрьму!.. Как будто у нас нет своих запоров и цепей... Хоть бы парламент занялся этим Тауэром, вот тогда ему крышка. Одно утешение: этому малому лучше там не будет.

Окончив официальное исключение Джулиана из списков и одновременно свой монолог, он дал знак подчиненным увести узника, и они повели его по тем же темным переходам, по которым он шел, когда его привезли в Ньюгет. У ворот стояла карета, и в ней Джулиана в сопровождении двух приставов привезли на берег Темзы.

Здесь его ожидала лодка с четырьмя стражниками из Тауэра; провожатые Джулиана сдали его с рук на руки новым тюремщикам. Но Клинк, надзиратель, который был теперь уже как бы личным знакомым Певерила, на прощание сунул ему лоскут черного крепа. Джулиан приколол его на шляпу.

— Джентльмен торопится надеть траур, — прошептал один из новых стражников другому. — Не лучше ли подождать, пока это действительно понадобится?

— Может, кому-нибудь придется носить траур по нем, а не ему по другим, — заметил второй.

И все же, несмотря на зловещий смысл их речей, новые стражи обходились с ним почтительнее ньюгетских, с какой-то мрачной учтивостью. В обычных тюрьмах стражники всегда бывают очень грубы, ибо

по большей части имеют дело с ворами и разбойниками; в Тауэр же заключали только государственных преступников, а эти люди по своему происхождению и состоянию имели право на вежливое обращение и могли заплатить за него.

Джулиан не заметил этой перемены, равно как и картины, полной оживления и деятельности, какую представляла широкая и величественная река, по которой они плыли. Сотни лодок с гуляющими или торопящимися по делам людьми мелькали мимо них. Джулиан смотрел на них лишь в надежде, что тот, кто пытался предложить ему свободу ценою измены, увидит по цвету лоскута на его шляпе, что он твердо решил устоять перед искушением.

Когда начался прилив, впереди показался большой ялик на веслах и под парусами; он несся прямо на лодку, в которой везли Джулиана, как бы с намерением ее опрокинуть.

— Приготовить карабины! — крикнул старший из провожатых Джулиана. — Какого черта надо этим негодяям?

Но экипаж ялика, казалось, заметил свою ошибку; он внезапно изменил свой курс и поплыл посередине Темзы. С обеих лодок раздался поток ругательств.

«Неизвестный сдержал свое слово, — подумал Джулиан. — Что ж, я тоже сдержал свое».

Ему даже показалось, что, когда лодки сблизилась, он слышал как бы подавленный крик или стон. Когда минутная суматоха улеглась, Джулиан спросил одного из своих стражников, что это были за люди.

— Матросы с какого-нибудь военного корабля озорничают, — ответил тот. — Кроме них, никто бы не осмелился шутить с королевской лодкой, а я ручаюсь, что они хотели нас опрокинуть. Впрочем, вам, сэр, может быть, об этом известно больше, чем мне.

После такого недвусмысленного намека Джулиан перестал задавать вопросы и хранил молчание, пока перед ними не возникли грозные бастиионы Тауэра. На приливе они подошли к низкой мрачной арке и остановились у известных ворот Изменника, сделанных в

виде калитки из толстых пересекающихся бревен, сквозь которую видны были солдаты и часовые на посту и крутой подъем, ведущий от реки во внутренний двор крепости. Через эти ворота — а название свое они получили именно благодаря этому обстоятельству — вводили в Тауэр государственных преступников. Темза давала возможность тайно и без шума доставлять в крепость тех, чья горестная участь могла вызвать соболезнование или чья популярность могла возбудить всеобщее сочувствие. И даже в том случае, если в сохранении тайны никакой особой необходимости не было, спокойствие города старались не потревожить шумом, обычно сопровождающим арестанта и его стражей на самых оживленных улицах.

Тем не менее этот обычай, вызванный требованиями государственной политики, часто леденил сердце преступника, когда он, вырванный из общества, прибывал к месту своего заключения, не встретив на пути и взгляда участия. А когда, пройдя под мрачной аркой, он начинал подниматься по истертым ногами таких же несчастных, как он, каменным ступеням, о которые то и дело разбивались волны прилива, и видел прямо перед собой на вершине холма готическую башню государственной тюрьмы, а позади — узкую полосу реки, не скрытую низкими сводами арки, он чувствовал, что оставляет за собою свет, надежду, а может быть, и жизнь.

Пока стражи перекликались между собой, Певе-рил попытался узнать у своих провожатых, куда его поместят.

— Куда прикажет начальник, — был короткий ответ.

— Нельзя ли поместить меня вместе с моим отцом, сэром Джеффри Певерилом?

(На этот раз Джулиан не забыл прибавить фамилию)

Надзиратель, пожилой человек почтенной наружности, посмотрел на него с недоумением, словно удивляясь такой странной просьбе.

— Нет, — ответил он

— По крайней мере укажите мне место его заточения, чтобы я мог взглянуть на стены, что разделяют нас.

— Мне жаль вас, молодой человек, — заметил главный надзиратель, качая седой головой. — Но вопросы ваши ни к чему не приведут. Здесь нет ни отцов, ни сыновей.

Случай, однако, через несколько минут доставил Певерилу утешение, в котором отказала ему суровость стражей. Когда его вели по крутому спуску в подвал Уэйкфилдской башни, внезапно послышался женский голос, выражающий одновременно и скорбь и радость:

— Сын мой! Дорогой мой сын!

Крик этот был полон такого чувства, что даже стражники, казалось, смягчились. Они пошли медленнее и даже почти остановились, чтобы Джулиан успел взглянуть на окошко, откуда послышался голос материнского страдания. Но отверстие было так узко и покрыто такой частой решеткой, что нельзя было разглядеть ничего, кроме белой женской руки, которая ухватилась изнутри за ржавую решетку, словно для того, чтобы не упасть. Другая рука взмахнула платком и уронила его. А потом все сразу исчезло.

— Дайте мне его, — сказал Джулиан стражнику, поднявшему платок. — Быть может, это последний дар матери.

Старик поднял платок, развернул его и принялся рассматривать с величайшей тщательностью: он привык отыскивать тайную переписку в вещах, с виду совершенно невинных.

— Не написано ли тут чего-нибудь невидимыми чернилами? — спросил другой стражник.

— Он влажный, но, я думаю, от слез, — ответил старик. — Я не могу отказать бедному молодому человеку.

— Ах, мистер Коулби, — сказал его товарищ тоном кроткого упрека, — если бы вы не были так добры, то носили бы нынче другое платье, а не такую простую одежду.

— Я честно и верно служу моему королю, а что я чувствую, исполняя свой долг, или какое платье защищает мое старое тело от непогоды — никого не касается.

Певерил тем временем спрятал на груди подаренный ему случаем залог материнской нежности, и когда он остался один в тесной камере, предназначенной быть ему жилищем на все время заточения в Тауэре, то оросил его слезами, видя в нем благоприятное предзнаменование того, что провидение не совсем отвернулось от его несчастного семейства.

Однако читатель, без сомнения, уже утомлен описанием однообразного тюремного житья, и пора перенести действие в другое, более оживленное место,

Глава XXXVII

Я должен жить — фортуна так велит:
Ведь Бакингом ко мне благоволит.

Пол

Обширное жилище герцога Бакингема вместе с принадлежащими ему владениями называлось Йоркхаус и занимало большой участок земли, примыкающий к Савоие.

Построенное с необычайной пышностью его отцом, любимцем Карла I, оно могло спорить в величии даже с Уайтхоллом. А поскольку тогда общество все более предавалось страсти прокладывать новые улицы и возводить чуть ли не новый город для соединения Лондона с Уэстминстером, этот участок приобрел особенно большую ценность. Нынешний герцог Бакингом, который любил давать волю своей фантазии и часто нуждался в деньгах, одобрил проект некоего предприимчивого архитектора превратить лежащие вокруг дворца обширные земли в улицы, переулки и подворья, носящие и теперь имя и титулы герцога. Впрочем, люди, обитающие на Бакингом-стрит, на Дьюк-стрит или на Вильерс-стрит, едва ли вспоми-

нают теперь остроумного, эксцентричного и распутного Джорджа Вильерса, герцога Бакингема, в честь которого названы места, где они живут.

Герцог занялся осуществлением нового проекта с тем жаром, с каким он вообще относился ко всяким новшествам. Сады уничтожили, беседки разрушили, роскошные конюшни снесли — все великолепие его загородного поместья исчезло, превратилось в развалины, было вскопано для закладки фундамента новых зданий и выравнивалось в местах, где пройдут новые улицы. Но это предприятие, как потом оказалось — доходное и удачное, вначале встретило на своем пути многочисленные препятствия, частично вызванные отсутствием необходимых средств, а частично — нетерпеливым и непостоянным нравом герцога, который очень скоро увлек его к другим начинаниям. Поэтому разрушили много, а построили мало, и ни одна работа не была завершена. Правда, главная часть герцогского дома осталась нетронутой, но само поместье весьма напоминало непостоянный нрав своего благородного владельца. Среди кучи мусора и зияющих сточных канав красовалась группа экзотических деревьев и кустов — остатки великолепного сада. В одном месте старинная башня грозила похоронить под своими обломками всякого, кто приблизится к ней, а в другом можно было легко провалиться в весьма современный подвал. В этом начинании чувствовалось величие мысли, но почти повсюду оно было испорчено отсутствием средств к его осуществлению или небрежностью. Словом, вся эта картина была подлинным воспроизведением израсходованных попусту способностей и таланта, и поместье герцога представляло собою теперь скорее опасность, нежели выгоду для общества, из-за расточительности его владельца и недостатка у него твердых принципов.

Впрочем, некоторые говорили, что герцог преследовал другие цели, окружая свои владения недостроенными современными и полуразрушенными старинными зданиями. Они утверждали, что, участвуя в многочисленных любовных и политических авантюрах и пользуясь репутацией самого дерзкого и опасного

интригана своего времени, его светлость счел удобным окружить свой дом развалинами, чтобы затруднить доступ к нему служители правосудия; и, кроме того, развалины эти могли бы служить надежным укрытием для тех, кто помогал герцогу в осуществлении его отчаянных предприятий, и предоставляли возможность проникнуть к нему незамеченными тем, кого у герцога были особые причины принимать тайно.

Оставив Певерила в Тауэре, мы еще раз перенесем нашего читателя в приемную герцога, который в то утро, когда Джулиана перевели в крепость, обратился к своему первому министру и главному слуге со следующими словами:

— Я доволен тобою, Джернингем, ты мастерски окончил дело, и если бы сейчас появился сам сатана и предложил мне за тебя лучшего своего беса, я не поменялся бы с ним.

— Целый легион бесов, — ответил Джернингем, кланясь, — не мог бы сравниться со мною в усердии служить вашей светлости. Но, осмелюсь доложить, ваш замысел чуть не сорвался из-за того, что вы вернулись домой лишь вчера вечером, или, правильнее сказать, сегодня утром.

— А почему, разрешите спросить, мудрый мистер Джернингем, — сказал герцог, — должен я возвращаться раньше, нежели мне заблагорассудится?

— Не знаю, милорд, — ответил слуга, — но когда вы передали нам через Эмпсона в доме Чиффинча приказание во что бы то ни стало задержать девушку, вы сказали, что придете тотчас, как только сумеете избавиться от короля.

— Избавиться от короля, негодяй? Да как ты смеешь так говорить? — вскричал герцог.

— Эмпсон сказал, что передает слова вашей светлости, милорд.

— Я могу говорить все, что мне вздумается, но ни ты, ни Эмпсон недостойны это повторять, — надменно возразил герцог. Впрочем, будучи в смене настроений столь же непостоянным, как и в своих затеях, он сразу же заговорил фамильярным тоном: — Однако мне известно, чего ты хочешь: во-первых, тебе интересно

знать, где я был и что я делал с тех пор, как ты получил мои приказания в доме Чиффинча, а во-вторых, тебе хочется услышать похвалы твоей доблести; но вовсе не следует трубить в фанфары, коли ты сбежал и оставил своего товарища в руках филистимлян.

— Прошу вашу светлость припомнить, что я вынужден был отступить, дабы сохранить драгоценный груз.

— Как? Ты еще смеешь острить? — закричал герцог. — Ты у меня узнаешь, что и заурядного приходского дурака следовало бы выпороть, если бы он попытался выдать такую остроту за настоящую шутку даже среди носильщиков и рассыльных.

— Я сам слышал, как ваша светлость забавлялись *jeu de mots*,¹ — ответил слуга.

— Любезный Джернингем, — сказал герцог, — отбрось свою память или держи ее под замком, не то она помешает твоей карьере. Ты, может быть, видел, как я по-простонародному играл в мяч, обнимал горничных, пил эль и ел сыр? Так мне было угодно, но ты не смеешь ничего помнить. Ну, хватит об этом. Лучше расскажи мне, как случилось, что этот длинноногий увалень Дженкинс, столь искусный фехтовальщик, дал проколоть себя насквозь такому деревенщине, как этот самый Певерил?

— Поверьте, ваша светлость, сей Коридон — не такой уж новичок в фехтовании. Я видел его атаку и осмелюсь сказать, что знаю только одну руку, которая владеет шпагой с подобною ловкостью, искусством и проворством.

— Вот как? — спросил герцог, взяв в руки собственную шпагу в ножнах. — Этого я не мог предвидеть. Пора бы и мне поупражняться, а то я что-то совсем засиделся. Певерил — имя благородное, с ним можно прогуляться в Барнз Элмз или за Монтегюхаус не хуже, чем с кем-нибудь другим. К тому же отец его, говорят, замешан в заговоре, и мой поступок расценят как усердие ревностного протестанта, а мне необходимо поддержать свою добрую славу в городе

---

¹ Игрой слов (франц.).

и получить прощение за то, что я пропускаю молитвенные собрания и проповеди. Но твой Лаэрт прочно заперт в тюрьме Флит, а его тупоголовый противник, я надеюсь, умер или по крайней мере умирает?

— Наоборот, милорд, он выздоравливает, — возразил Джернингем. — К счастью, его раны оказались не смертельными.

— Черт бы побрал его раны! — сказал герцог. — Передай ему, чтобы не спешил выздоравливать, а не то я всерьез отправлю его на тот свет.

— Я скажу это лекарю, — заметил Джернингем, — дело будет вернее.

— Скажи и прибавь, что пусть лучше сам ляжет на смертное ложе, чем вылечит своего пациента, прежде чем я позволю. Я не хочу, чтобы этого молодого человека освободили.

— Не беспокойтесь, — ответил Джернингем. — Я слышал, что он, по словам свидетелей, замешан в каких-то делах на севере. За это, а также за письма графини Дерби его, говорят, велено перевести в Тауэр.

— Пусть отправляется в Тауэр и попробует выбраться оттуда, если сможет, — сказал герцог. — А когда ты услышишь, что он уже там, передай фехтовальщику, что ему позволено выздоравливать. Пускай тогда они вдвоем с лекарем делают все, что могут.

Герцог умолк и задумчиво зашагал по комнате. Джернингем терпеливо наблюдал за ним; он знал, что его господин никогда не предастся продолжительным размышлениям и что долго ждать ему не придется.

В самом деле, минут через семь-восемь герцог подошел к своему туалетному столу и взял с него большой шелковый кошелек, наполненный золотом.

— Джернингем, — сказал он, — ты верный слуга, и грешно было бы не наградить тебя. Я обыграл короля в шары. С меня хватит, а выигрыш я, мой милый, дарю тебе.

Джернингем с поклоном взял кошелек и положил его в карман.

— Я знаю, — продолжал герцог, — ты осуждаешь меня за непостоянство. Ты так красноречиво об этом говоришь, что я почти согласен с тобой и иной раз по несколько часов подряд сержусь на себя за то, что не стремлюсь постоянно к одной цели; впрочем, все изменится, когда от возраста этот флюгер (тут он коснулся рукой своего лба) станет слишком ржавым, чтобы вертеться по ветру. Но сейчас, пока у меня еще хватает духу и пыла, пусть вертится на верхушке мачты, указывая лоцману, куда держать курс. Я же следую за своей судьбой и не намерен ей мешать.

— Из всего, вами сказанного, ваша светлость, я понял только, что вы намерены изменить некоторые планы, прежде вами одобренные, и полагаете, что это будет к лучшему.

— Вот посуди сам, Джернингем, — ответил герцог. — Я виделся с герцогиней Портсмутской. Чему ты удивляешься? Это правда, клянусь небом. Я виделся с нею, и из злейших врагов мы сделались закадычными друзьями. В договоре между столь высокими и могущественными сторонами есть весьма важные пункты. Кроме того, мне пришлось иметь дело с французской посредницей. Теперь ты поймешь, что несколько часов отсутствия были мне нужны для приведения в порядок наших дипломатических дел.

— Ваша светлость меня изумляет, — сказал Джернингем. — Значит, намерение Кристиана сместить эту важную даму совершенно отпало? А я-то думал, что вы приказали доставить сюда ее прекрасную заместительницу для того, чтобы самому руководить осуществлением этого плана.

— Я, право, забыл, каковы были в то время мои намерения, — ответил герцог. — Мне только не хотелось, чтобы она провела меня так, как проводит нашего доброго короля. Но коли уж ты напомнил мне о прелестнице, я остаюсь верным своему намерению. На площадке для игры в шары я вдруг получаю от герцогини записку, полную раскаяния. Отправляюсь к ней и вижу совершенную Ниобею. Ей-богу, Джернингем, есть женщины, которые и с красными глазами, распухшим носом и растрепанными волосами, как го-

ворят поэты, все же прелестны. Она рассказала мне все и с таким смирением, с таким раскаянием молила о сострадании (а ведь это самая гордая душа при дворе), что и стальное сердце смягчилось бы. Короче, Чиффинч во хмелю проболтался молодому Сэвилу о нашей затее. Сэвил решил сыграть шутку и с нарочным уведомил обо всем герцогиню; правда, нарочный, к счастью, немного опоздал. Герцогиня узнала также — она мгновенно все узнает — про мою стычку с королем из-за новой Филлиды и рассудила, что из нас двоих мне, вероятно, скорее удастся поймать птичку — стоит лишь взглянуть на нас обоих. Должно быть, Эмпсон успел напеть все это на ушко ее светлости. В общем, она решила, что нам следует действовать заодно, а потому упростила меня расстроить планы Кристиана и скрыть девушку от глаз короля, особенно если она действительно такой лакомый кусочек, как говорят.

— И ваша светлость обещали поддерживать ее влияние, которое так часто грозились уничтожить? — спросил Джернингем.

— Да, Джернингем! Разве я не достигаю цели, если эта женщина в моей власти, если она молит меня о снисхождении? Мне все равно, по какой лестнице я войду в королевский кабинет. Лестница герцогини стоит прочно — зачем же пытаться ставить новую? Не люблю лишних хлопот.

— А Кристиан? — спросил Джернингем.

— Пусть убирается к черту, самонадеянный осел! Нынешняя перемена в планах нравится мне хотя бы тем, что я могу отомстить этому мерзавцу! Он ведь так заважничал, что, клянусь небом, даже вломился ко мне в спальню и стал читать нотации, словно я какой-нибудь школьник. Да пропади он пропадом, этот пресмыкающийся лицемер! Если он только разинет рот, я велю отрезать ему нос, как сэру Джону Ковентри...¹ Послушай, а полковник здесь?

---

¹ Грубое обращение некоторых лейб-гвардейцев с сэром Джоном Ковентри, которому мстили за то, что он упоминал в парламенте о любовной связи короля с актрисой, вызвало принятие так называемого акта Ковентри, запрещающего истязать людей. (Прим. автора.)

— Я ожидаю его с минуты на минуту, милорд.

— Пришли его сюда, как только придет, — сказал герцог. — Ну, что ты на меня смотришь? Чего ты ждешь?

— Ваших приказаний насчет молодой леди, — ответил Джернингем.

— Ах, боже мой, я совершенно забыл про нее! — воскликнул герцог. — Что она, плачет? В отчаянии?

— Она не так убивается, как другие, которых мне случалось видеть, — ответил Джернингем, — но поистине, милорд, никто еще не был так возмущен, как она.

— Дадим ей время успокоиться. Я не в силах видеть слезы и отчаяние двух красавиц разом. Мне надоели всхлипывания, заплаканные глаза и опухшие щеки; я должен бережно расходовать свои средства утешения. Ступай и пришли ко мне полковника.

— Не позволите ли, ваша светлость, задать вам еще один вопрос? — сказал слуга.

— Спрашивай скорее и ступай.

— Ваша светлость решили отказаться от Кристиана, — заметил Джернингем. — А что станется с королевством Мэн?

— Клянусь богом, забыл начисто, как будто никогда и не думал о нем! — воскликнул герцог. — Черт побери; надо сплести воедино разорванные нити этого королевского замысла. Впрочем, жалкая скала не стоит тех сил и хлопот, которые я на нее трачу. «Королевство» — это, конечно, звучит сильно. Но, ей-богу, можно украсить шляпу и петушиным пером, а назвать его султаном. Кроме того, если вдуматься, то, право, нечестно отнимать у Дерби это крошечное королевство. Я выиграл у молодого графа тысячу золотых, когда он был здесь в последний раз, и потому терпел его рядом с собой при дворе. По-моему, весь доход от его королевства не более чем вдвое превышает эту сумму. Будь Дерби здесь, мне было бы легче выиграть у него этот остров, нежели способствовать низким проискам Кристиана.

— Если вы позволите мне высказать свое мнение, милорд, — заметил Джернингем, — то я скажу, что,

как бы часто вы ни меняли свои намерения, во всей Англии нет человека, у которого каждый раз нашлись бы такие веские причины для оправдания своих поступков.

— Я и сам так думаю, Джернингем, — сказал герцог. — Быть может, оттого я и меняю их. Человек любит оправдывать свои поступки и находить для них веские причины. А сейчас иди. Или нет, постой. Мне понадобится золото. Оставь здесь кошелек, что я тебе подарил, а я дам тебе взамен вексель на ту же сумму с процентами на два года на имя старого Джейкоба Даблфи.

— Как угодно вашей светлости, — ответил Джернингем, у которого едва хватило почтительности скрыть досаду, когда ему пришлось отдать блестящее содержимое кошелька, уже лежавшего у него в кармане, за долгосрочный вексель — в последнее время они не всегда оплачивались в срок. Он тайно, но торжественно поклялся, что двухгодичным процентом герцог не отделается за то, что отнял у него кошелек.

Когда недовольный слуга вышел из комнаты, он встретил на площадке великолепной лестницы самого Кристиана, который с непринужденностью старого друга шел в гардеробную герцога без доклада. Джернингем, сообразив, что такое посещение будет весьма не вовремя и некстати, попытался остановить гостя, сказав ему, что герцог нездоров и находится в спальне. Он умышленно говорил громко, чтобы Бакингом, услышав его, успел, если пожелает, уйти в спальню, как в последнее убежище, и запереться там.

Но герцог сейчас не пожелал прибегнуть к этой уловке, хотя прежде весьма часто к ней прибегал, когда хотел избежать визитов, даже если сам приглашал людей на определенный час и по важному делу, и закричал из гардеробной, приказывая своему камергеру тотчас ввести к нему его доброго друга господина Кристиана и укоряя его за то, что он не сделал этого сразу же.

«Знай Кристиан герцога так, как я, — подумал Джернингем, — он скорее согласился бы, чтобы на

него прыгнул лев, как это делает лондонский дрессировщик, чем войти к моему господину сейчас, когда он так же опасен, как лев».

Он впустил Кристиана в гардеробную, а сам остался у двери, чтобы быть наготове, когда его позвут.

Глава XXXVIII

«Когда погибель ходит по пятам,
Чего уж там вздыхать по пустякам!» —
Так капитан журил слезливых дам,
Заахавших над пойманным дельфином.
«Весь мир законом держится единым:
Сейчас мы их едим, но — виноват!» —
Коль мы потонем, нас они съедят!
Убийцу укокошить можно смело,
А вора обобрать — святое дело!»

«Морское путешествие»

Кристиан хорошо знал свет, причем с самой скверной его стороны, но прием, оказанный ему герцогом, не вызвал у него даже смутного подозрения, что появление дьявола было бы сейчас приятнее хозяину дома, нежели посещение его «старого друга». Пожалуй, только чрезмерная учтивость Бакингема к столь давнему знакомому могла показаться несколько необычной.

С трудом выбравшись из области банальных любезностей, которые столько же относятся к делу, сколько, по словам Мильтона, *Limbo Patrum*¹ — к осязаемой и материальной земле, Кристиан с присущей ему грубой бесцеремонностью, обычно маскировавшей его лицемерие и изворотливость, спросил герцога, давно ли он виделся с Чиффинчем или с его подругой.

— Давно не видел их обоих, — ответил Бакингем. — А разве вы у них не были? Я полагал, что вы будете больше беспокоиться о выполнении вашего великого плана.

---

¹ Обитать отцов (*итал., лат.*).

— Я два раза ездил туда, — ответил Кристиан, — но мне не удалось повидать эту важную чету. Боюсь, не хитрят ли они со мною.

— За что, клянусь небом и звездами, вы не преминете им отомстить, мистер Кристиан. Я хорошо знаю ваши пуританские правила, — сказал герцог. — Мщение, должно быть, сладко, если столь многие почтенные и благоразумные мужи предпочитают его всем другим наслаждениям, доступным бедным грешникам мира сего; единственное, что может с ним соперничать, — это взыскание денег по заемному письму с должника, получившего наследство.

— Вы шутите, милорд, а...

— А вы все же собираетесь мстить Чиффинчу и его милой приятельнице. Но сделать это нелегко. Чиффинч умеет так разнообразно угождать своему господину, а его маленькая подруга умеет так удачно служить ширмой и так умело сама устраивает свои дела, что, по совести, на вашем месте я бы не становился на их пути. Что из того, что их дверь оказалась закрытой для вас? Мы все поступаем иногда точно так же и с нашими лучшими друзьями, и с назойливыми кредиторами, и со скучными гостями.

— Если ваша светлость настроены шутить, — заметил Кристиан, — то вы знаете мое терпение. Я подожду, пока вам не вздумается говорить более серьезно.

— Серьезно? — переспросил герцог. — Почему же нет? Я только и жду, когда вы заговорите о серьезном деле, ради которого пришли ко мне.

— Очень коротко, милорд; отказ Чиффинча видеть меня и несколько напрасных посещений вашего дома убеждают меня в том, что либо наш план потерпел неудачу, либо вы намерены осуществить его без меня.

Эти слова Кристиан произнес особенно выразительно.

— Без вас? Лишить добычи вдохновителя всего дела было бы глупостью, да и предательством. Слушайте,

Кристиан, мне очень жаль, что приходится неожиданно сообщать вам дурные вести, но, если вы хотите знать худшее и не стыдитесь подозревать в предательстве своих лучших друзей, я вынужден говорить. Ваша племянница вчера утром покинула дом Чиффинча.

Кристиан пошатнулся, как от сильного удара. Лицо его так побагровело, что герцог подумал, не хватил ли его апоплексический удар. Но, призвав на помощь свое редкостное самообладание, не оставлявшее его в самых тяжелых обстоятельствах, Кристиан сказал ровным голосом, неестественно противоречившим выражению его лица:

— Должен ли я понять, что, отвергнув покровителей, назначенных ей мною, молодая девушка нашла убежище в доме вашей светлости?

— Сэр, — серьезно возразил Бакингом, — вы приписываете мне честь, которой я не заслужил.

— Милорд, — сказал Кристиан, — я не из тех, на кого производят впечатление подобные притворные фразы. Мне известны способности вашей светлости, и я знаю, что для удовлетворения минутной прихоти вы не задумаетесь испортить дело, над которым сами же усердно трудились. Но, положим, вы преуспели в своем намерении и смеетесь над моими попытками соблюсти интересы как вашей светлости, так и других. Скажите мне лучше, как далеко зашла эта шалость, и мы поищем средства все исправить.

— Клянусь честью, Кристиан, — сказал герцог со смехом, — вы самый обязательный из всех дядюшек и опекунов. Пусть племянница ваша переживет столько приключений, сколько невеста короля дель Гарбо у Боккаччо — вам все равно. Чистая или опозоренная, она будет лишь ступенькой к вашей карьере.

Индийская пословица гласит: «Стрела презрения пробивает даже панцирь черепахи», и это особенно верно, когда совесть говорит объекту насмешки, что насмешка справедлива. Кристиан, уязвленный упреком Бакингема, тотчас принял надменный и угрожающий вид, никак не соответствующий тому долготерпению, в котором он не уступал самому Шейлоку.

— Вы сквернослов и недостойны своего звания, — вскричал он, — и таким я представлю вас всему свету, если вы не загладите нанесенную мне обиду!

— А каким же представить мне *вас*, — заметил герцог Бакингом, — если козявка, подобная вам, недостойна даже быть замеченной такими людьми, как я? Как назвать последнюю вашу затею, которая звала столь неожиданное недоразумение?

Кристиан не промолвил ни слова — то ли от бешенства, то ли от внутреннего убеждения в своей правоте.

— Полно, полно, Кристиан, — продолжал герцог, улыбаясь. — Мы слишком многое знаем друг о друге, нам ссориться опасно. Мы можем ненавидеть друг друга, обманывать друг друга — так водится при дворах, — но изобличать друг друга... какое недостойное слово!

— Я не произносил его, пока ваша светлость не вывели меня из терпения, — сказал Кристиан. — Вы знаете, милорд, я дрался и в Англии и за границей, и вы должны помнить, что я не потерплю оскорбления, которое можно смыть кровью.

— Напротив, — возразил герцог с той же язвительной учтивостью, — я совершенно уверен, что жизнь двадцати друзей ваших покажется вам пустяком, если они затронут — нет, не честь вашу, для вас это понятие не имеет большого значения — а вашу выгоду. Образумьтесь, милейший, мы с вами слишком давно знакомы. Я знаю, вы не трус, и с удовольствием вижу, что могу извлечь искру огня из вашей холодной души. Теперь, если хотите, я расскажу вам про молодую особу, в которой, поверьте, принимаю самое искреннее участие.

— Я слушаю вас, милорд, — сказал Кристиан. — Но не думайте, что я не заметил насмешливого выражения вашего лица. Вашей светлости известна французская пословица: «Хорошо смеется тот, кто смеется последним», но все же я слушаю вас.

— Слава богу, — ответил Бакингом, — ибо дело не терпит и смеяться тут нечему, уверяю вас. Итак, вот как развивались события, за истину которых я

могу ручаться жизнью, состоянием и честью, если не довольно моего слова. Позавчера утром я от нечего делать и чтобы узнать, как идут наши дела, зашел к Чиффинчу, неожиданно встретил там короля и стал свидетелем удивительной сцены. Ваша племянница напугала хозяйку, оказала открытое неповиновение королю и гордо удалилась под защитой молодого человека, ничем не примечательного, если не считать его сносной наружности и неслыханной дерзости. Ей-богу, я едва удерживаюсь от смеха, вспоминая, как мы с королем оба остались несолоно хлебавши. Не буду отрицать, я тоже хотел было поухаживать немного за этой прекрасной Индамирой, но, ей-богу, молодой человек выхватил ее у нас из-под носа, как мой Дрокенсер, лишивший пира двух королей Брентфорда. Он ушел с большим достоинством, этот молодец. Нужно попытаться обучить этому Муна¹ — очень пригодится для его роли.

— Все это мне непонятно, милорд, — возразил Кристиан на этот раз с обычным своим хладнокровием, — и я просто не могу поверить подобной сказке. Кто осмелится увести мою племянницу таким способом, да еще в присутствии столь августейшей персоны? И она, такая благоразумная, такая осторожная — я-то ее знаю, — согласилась уйти с незнакомым ей человеком? Милорд, я не могу этому поверить.

— Любой из ваших священников, мой благочестивый Кристиан, — сказал герцог, — ответил бы: «Умри, нечестивец, в своем неверии». Но я всего лишь бедный грешник, поглощенный земными интересами, и в объяснение сказанного мною добавлю лишь, что этого молодчика зовут, как мне сказали, Джулианом, он сын сэра Джеффри Певерила из рода Пиков.

— Певерил из рода сатаны и сам сущий дьявол! — с жаром вскричал Кристиан. — Я его знаю, он храбрец и способен на любой отчаянный поступок. Но как он попал к королю? Сатанинские силы, должно быть, помогли ему, или бог занимается людскими де-

---

¹ Известный в то время актер. (Прим. автора)

лами больше, нежели я думал. Если это так, господи помилуй нас, грешных, ибо мы думали, что ты совсем о нас не заботишься.

— Аминь, христианнейший Кристиан! — сказал герцог. — Я рад убедиться, что в вас еще сохранилась капля благодати, если вы способны так говорить. Но ведь Эмпсон, малютка Чиффинч и с полдюжины слуг были свидетелями прихода и ухода этого наглеца. Допросите их хорошенько, если у вас довольно времени и вы не думаете, что лучше погнаться за беглецами. Упомянутый молодчик попал к королю, кажется, с какой-то труппой актеров или танцовщиков, а ты знаешь, как милостив Раули к тем, кто его забавляет. Итак, сей неистовый кавалер проник к Чиффинчу и, как Самсон среди филистимлян, обрушил наш хитроумный замысел на наши собственные головы.

— Теперь я верю вам, милорд, — сказал Кристиан. — Я не могу не верить и прощаю нанесенную мне обиду, зная, что вы любите подшутить над неудачей и несчастьем. Но куда же они отправились?

— В Дербишир, наверно, на поиски ее отца, — ответил герцог. — Она сказала, что хочет прибегнуть к помощи отца вместо вашей опеки, мистер Кристиан. Видно, в доме Чиффинча что-то произошло и она заподозрила, что вы опекаете дочь не так, как хотелось бы отцу.

— Слава богу, — сказал Кристиан, — что она не знает о приезде в Лондон ее отца. Они, должно быть, отправились в замок Мартиндейл или в Моултрэсси-Холл; в обоих случаях им от меня не уйти. Я последую за ними и тотчас вернусь в Дербишир. Если она увидится с отцом до того, как эти ошибки будут исправлены, — все пропало. До свидания, милорд. Боюсь, вы помешали осуществлению нашего плана. Но я вас прощаю; теперь не время для взаимных упреков.

— Ваша правда, мистер Кристиан, — ответил герцог. — Желаю успеха. Не могу ли я помочь вам людьми, лошадьми или деньгами?

— Весьма благодарен, ваша светлость, — сказал Кристиан и поспешно вышел.

Когда затих звук его шагов на лестнице, герцог обернулся к вошедшему Джернингему:

— *Victoria! Victoria! Magna est veritas, et prævalēbit!*¹ Если бы я сказал этому негодяю хоть одно слово лжи, он, так хорошо с ней знакомый (ведь вся его жизнь — сплошной обман!), тотчас бы обо всем догадался. Но я сказал правду, и это было единственным средством обмануть его. *Victoria!* Любезный Джернингем, я больше горжусь тем, что обманул Кристиана, чем если бы мне удалось перехитрить государственного министра.

— Вы слишком высокого мнения о его уме, — заметил Джернингем.

— Во всяком случае, о его хитрости, а ведь она в дворцовых интригах часто торжествует над умом — так рыболовная лодка в Ярмуте может обойти фрегат. Я постараюсь, чтобы он ни в коем случае не вернулся в Лондон до окончания всех этих дел.

Но тут герцогу доложили, что полковник, о котором он спрашивал несколько раз, явился.

— Не встретился он с Кристианом? — торопливо спросил Бакингом.

— Нет, милорд, — ответил слуга, — полковник поднялся по лестнице из старого сада.

— Я так и думал. Сова не любит показываться днем, когда есть чаща, где она может спрятаться, — заметил герцог. — Вон он крадется по узкой и мрачной тропинке, такой же зловещий, как птица, которую так напоминает.

Полковник — его всегда называли только по чину — вошел в комнату. Это был высокий человек, крепкого сложения, уже немолодой; лицо его можно было бы назвать красивым, если бы его не портило мрачное выражение. Когда герцог говорил с ним, он не то из скромности, не то по другой причине не поднимал своих больших серьезных глаз; но,

---

¹ Победа! Победа! Велика истина, и она восторжествует! (лат.)

отвечая, он бросал на собеседника пронизательный взгляд. Костюм его был очень прост и походил более на костюм пуританина, нежели кавалера. Черная шляпа с большими полями, напоминавшая испанское сомбреро, широкий черный плащ и длинная шпага делали его похожим на кастильского идадьго. Сходство еще более усиливалось его серьезностью и чопорностью манер.

— А, полковник! — сказал герцог. — Давненько мы не виделись с вами. Как поживаете?

— Как все деятельные люди во времена спокойствия, — ответил полковник. — Я похож на пиратское судно, которое село на мель в заливе и у которого разохлась и покоребилась вся обшивка.

— Что же, полковник, — сказал герцог, — я не раз пользовался вашей доблестью и, может быть, вновь воспользуюсь ею. Поэтому я позабочусь, чтобы корабль скорее починили и просмолили как следует.

— Вашей светлости угодно предпринять путешествие? — спросил полковник.

— Нет, но надо прервать другое путешествие, — ответил герцог.

— Это только вариация того же мотива. Слушаю вас, милорд, — сказал полковник.

— Да нет, дело-то пустяковое. Вы знаете Неда Кристиана? — спросил герцог.

— Знаю, милорд, — ответил полковник, — мы давно знакомы.

— Он отправляется в Дербишир отыскивать племянницу, которую едва ли там найдет. Его возвращению в Лондон нужно помешать, и в этом я надеюсь на вашу испытанную преданность мне. Поезжайте с ним или ему навстречу, будьте с ним ласковы или нападите на него, словом, делайте с ним что хотите, но не пускайте его в Лондон по крайней мере недели две, а там уж мне будет все равно, когда он появится.

— За это время, — сказал полковник, — девицу может разыскать любой, кто захочет взять на себя этот труд.

— Вы сами, пожалуй, захотите взять этот труд на себя, полковник, — ответил герцог. — Уверяю вас, что у нее не одна тысяча приданого. Такая жена избавила бы вас от необходимости жить на общественный счет.

— Я продаю мою жизнь и шпагу, милорд, но не торгую честью, — сурово возразил полковник. — Если я женюсь, свадебная постель моя может быть бедна, но она будет честна.

— Стало быть, ваша жена будет у вас единственным честным приобретением, полковник, по крайней мере с тех пор, как я вас знаю, — сказал герцог.

— Ваша светлость можете говорить все, что вам угодно. Последнее время я занимался главным образом вашими поручениями, и если они были менее честны, чем мне хотелось бы, то заказчик виноват в этом столько же, сколько исполнитель. Но жениться на отставной любовнице... Нет в мире человека (за исключением вашей светлости, ибо я у вас состою на службе), который осмелился бы предложить мне это.

Герцог громко расхохотался.

— Что ж, это совсем в духе старины Пистоля:

Что ж я, Пандар троянский, что ли?

Я меч ношу, возьми вас Люцифер ¹

— Я получил слишком простое воспитание, чтобы разбираться в театральных виршах, милорд, — мрачно заметил полковник. — Не угодно ли вашей светлости приказать мне что-нибудь еще?

— Нет. Мне рассказали, что вы опубликовали какое-то «Повествование о заговоре»?

— А почему бы и нет, милорд? — спросил полковник. — Надеюсь, я свидетель не менее надежный, чем другие.

— Совершенно справедливо, — ответил герцог — Было бы даже странно, если бы столь ревностный протестант, как вы, упустил случай половить рыбку в такой мутной воде.

---

¹ Перевод М Кузмина.

— Я пришел за вашими приказами, милорд, а не за тем, чтобы служить предметом острословия вашей светлости, — заметил полковник.

— Хорошо сказано, решительнейший и безупречнейший полковник! Итак, вы у меня на службе на целый месяц, поэтому прошу взять этот кошелек на непредвиденные расходы и снаряжение. Время от времени вы будете получать мои приказания.

— Они будут выполнены в точности, милорд, — сказал полковник. — Я знаю обязанности подчиненного офицера. Мое почтение вашей светлости.

С этими словами он взял кошелек, положил его в карман без показного смущения, но и без благодарности — просто как заслуженную плату, и вышел из комнаты с тем же чопорно-важным видом, с каким вошел.

— Вот этот негодяй мне по душе, — заметил герцог. — Разбойник с самой колыбели, убийца с тех пор, как научился держать в руке нож, законченный лицемер в своем отношении к религии и еще более в вопросах чести, он готов продать душу дьяволу, лишь бы совершить какое-нибудь злодеяние, и перерезать глотку родному брату, если бы тот осмелился уличить его в подлости. Чему вы так удивляетесь, милейший Джернингем? И почему вы смотрите на меня как на какое-нибудь индийское чудовище, за обозрение которого заплатили целый шиллинг, и теперь тарашите круглые, как очки, глаза, стараясь за свои деньги наглядеться вволю. Моргните хоть раз, поберегите глаза и поведайте мне тайну ваших дум.

— Сказать по чести, милорд, — ответил Джернингем, — раз уж вы заставляете меня говорить, — чем дольше я служу вашей светлости, тем меньше вас понимаю. Обычно люди действуют либо ради выгоды, либо для удовольствия; вы же, милорд, кажется, находите забавным противодействовать своим собственным затеям, причем именно тогда, когда они начинают претворяться в жизнь. Извините меня, но вы поступаете как дитя, что разбивает любимую игрушку, или как человек, который поджигает дом, еще им не достроенный.

— А почему не сделать этого, если хочется погреть руки у огня?

— Конечно, милорд, но как бы не обжечь пальцев! — возразил служащий. — Ваша светлость, одно из превосходнейших свойств ваших состоит в том, что вы иногда выслушиваете правду и не обижаетесь. Но, даже если бы это было иначе, я не смог бы сейчас молчать и сказал бы вам кое-что любой ценой.

— Говори, — ответил герцог, опускаясь в кресло и с беззаботным и невозмутимым видом ковыряя зубочисткой в зубах, — я слушаю тебя. Мне хотелось бы знать, что подобные тебе глиняные черепки думают о нас, драгоценнейшем фарфоре земли.

— Ради самого неба, позвольте мне тогда спросить вас, милорд, — сказал Джернингем, — какую честь или какую выгоду рассчитываете вы извлечь из того, что сами разрушите все ваши планы и запутаете все ваши дела до той же степени, как запутаны события в поэме старого слепца из круглоголовых, которая так нравится вашей светлости? Начнем с короля. Несмотря на свое добродушие, он в конце концов придет в ярость из-за вашего постоянного соперничества с ним.

— Его величество сам бросил мне вызов.

— Поссорившись с Кристианом, вы разрушили все свои надежды на остров Мэн.

— Он меня больше не интересуется, — ответил герцог.

— В лице Кристиана, которого вы оскорбили и семью которого намерены обесчестить, вы потеряли мудрого, искусного и хладнокровного слугу и приверженца, — продолжал Джернингем.

— Бедный Джернингем, — сказал герцог. — Кристиан, наверное, сказал бы то же самое о тебе, выгони я тебя завтра. Вы все впадаете в обычную ошибку людей вашего толка, думая, что без вас невозможно обойтись. Что же касается его семьи, то она никогда и не была в почете и ее никак нельзя обесчестить связью с моим домом,

— Я уж не говорю о Чиффинче, — сказал Джернингем. — Он тоже будет глубоко оскорблен, когда узнает, кто и зачем разрушил его план и похитил девицу. Тут уж, понятно, не до Чиффинча с его женой.

— И не надо говорить о них, — ответил герцог. — Если б даже они стоили какого-то внимания, говорить мне о них было бы бесполезно, так как их позор — одно из условий нашего договора с герцогиней Портсмутской.

— Затем эта ищейка полковник, как он себя величает. Вместо того чтобы просто отправить его с поручением, вы так унижаете его, что он этого никогда не забудет и при первом же удобном случае вцепится вам в горло.

— Постараюсь, чтобы такой случай ему не представился, — сказал герцог. — Все твои опасения ничтожны. Бей собаку нещадно, если хочешь, чтобы она тебя слушалась. Всегда давай своим подчиненным понять, что ты их видишь насквозь, и награждай их соответственно. Обойдись с мерзавцем как с честным человеком — и он тотчас забудет, где его место. А теперь — хватит твоих советов и назиданий, Джернингем. Мы на все смотрим по-разному. Будь мы с тобой механиками, ты бы проводил время, наблюдая за прялкой какой-нибудь старухи, что прядет по ниточкам лен, а я бы жил среди самых разнообразных и сложных машин, налаживал бы их, исправлял помехи, уравнивал тяжести, натягивал пружины и устанавливал колеса, управляя сотнями двигателей.

— Но ваше состояние, милорд? — сказал Джернингем. — Простите меня за этот последний намек.

— Мое состояние, — ответил герцог, — слишком велико, чтобы его расстроить грошовым ущербом. Кроме того, как тебе известно, у меня есть тысяча способов залечивать царапины и шрамы, которые оно получает иногда, налаживая мои механизмы.

— Ваше высочество говорит о философском камне доктора Уайлдерхеда?

— Тьфу! Это шарлатан, фигляр и попрошайка.

— Или о предложении стряпчего Драундленда осушить болота?

— Он мошенник — *videlicet*,¹ стряпчий.

— Или о покупке Хайлендских лесов у Лэкпелфского лэрда?

— Он шотландец, — сказал герцог, — *videlicet*, жулик и попрошайка.

— О постройке новых улиц на вашей земле? — спросил Джернингем.

— Архитектор — дурак, а проект его — мыльные пузыри. Меня тошнит от вида этих развалин, и я вскоре превращу все эти беседки, аллеи и клумбы в итальянский сад и построю новый дворец.

— То есть разоритесь, вместо того чтобы улучшить свои дела? — спросил слуга.

— Олух ты и болван! Ты забыл один из самых многообещающих планов: рыбные промыслы на Южном море. Их акции сейчас поднялись на пятьдесят пунктов. Иди к старику Мэнессесу и скажи ему, чтобы он купил их для меня еще на двадцать тысяч фунтов. Прости меня, Плутос, я забыл возложить жертву на твой алтарь и ждал от тебя милости. Беги, Джернингем, беги со всех ног, лети!²

Воздев руки к небу и устремив туда же взор, Джернингем вышел из комнаты, а герцог, не помышляя более ни о старых, ни о новых интригах, ни о друзьях, которых он завел, ни о врагах, которых он нажил, ни о красавице, которую он похитил у ее покровителей и у возлюбленного, ни о короле, которого он восстановил против себя своим соперничеством, принялся было с усердием Демуавра подсчитывать свои возможности, но уже через полчаса утомился и, не пустив к себе даже старательного агента, что работал на него в городе, начал с увлечением сочинять новый памфлет.

---

¹ Следовательно (*лат.*).

² Занятие, называемое биржевой игрой, то есть продажа и покупка ценных бумаг, выпускаемых всякого рода монополиями, компаниями, обладающими королевской привилегией, и акционерными обществами, было по крайней мере так же распространено в царствование Карла II, как и в наше время; и поскольку этого рода деятельность, при достаточной ловкости, сулила богатство, не требуя приложения трудов, ей охотно предавались распутные придворные (*Прим автора*)

Глава XXXIX

Как ум коварен, как неверно сердце!

«Все больше недовольных»

Ни одно событие не выглядит столь ordinary в повествованиях подобного рода, как похищение женщины, чья судьба, по-видимому, должна вызвать интерес, но похищение Алисы Бриджнорт было не совсем обычным, ибо герцог Бакингом похитил ее скорее из духа противоречия, нежели из нежных чувств. И ухаживал он за ней в доме Чиффинча только из дерзкого желания перейти дорогу королю, а совсем не потому, что ее красота произвела на него впечатление. И план похитить ее с помощью слуг пришел ему в голову вовсе не оттого, что ему непременно хотелось видеть ее у себя в доме, а просто потому, что уж очень приятно было подразнить Кристиана, короля, Чиффинча и всех прочих, причастных к этому делу. Девушка, в сущности, так мало интересовала герцога, что его светлость более удивился, нежели обрадовался, узнав, что приказание его выполнено и она находится в его доме, хотя он, вероятно, пришел бы в ярость, если бы задуманное не удалось.

Прошли уже сутки с тех пор, как он вернулся домой, но хотя Джернингом несколько раз напоминал ему о прелестной пленнице, Бакингом не спешил ее увидеть. Наконец он решился удостоить красавицу своим посещением, да и то с внутренним неудовольствием человека, скуку которого может разогнать только что-нибудь еще никогда не испытанное.

«Не понимаю, — думал он, — для чего я навязал себе на шею эту сельскую Филлиду? Теперь мне придется выслушивать все ее истерические измышления! Зачем мне нужна эта девица, чья голова забита добродетельными наставлениями ее бабушки и библейскими изречениями, когда стоит мне только захотеть — и первые красавицы города бросятся в мои объятия? Жаль, что нельзя взойти на колесницу победителя, не одержав победы, которой можно было

бы хвастать, хотя именно так, клянусь честью, поступает большинство нынешних кавалеров! Но подобный поступок недостойн Бакингема. Что ж, придется навестить ее, — решил он, — хотя бы для того, чтобы от нее отделаться. Герцогиня Портсмутская будет очень недовольна, если я выпущу девицу на свободу так близко от Карла: она боится, что новая красотка соблазнит старого грешника, и он забудет свою постоянную любовь. Что же мне делать с этой девицей? Держать ее здесь я совсем не намерен, а отправить в Клифден в качестве экономки — нет, для этого она слишком богата. Да, придется подумать».

Он приказал подать себе платье, которое особенно оттеняло его выразительную внешность: это он считал своим долгом, но, за вычетом сего обстоятельства, он отправился засвидетельствовать прекрасной пленнице свое почтение с полнейшим равнодушием, как дуэлянт, которого вовсе не интересует предстоящее сражение и которому нужно всего лишь поддержать свою репутацию человека чести.

Комнаты, отведенные для тех фавориток герцога, что время от времени оставались в его доме, по должны были жить там в полном уединении, как в монастыре, были отделены от всех остальных апартаментов его дворца. В тот век любовными интригами оправдывали самые жестокие, коварные и вероломные поступки, доказательством чему может служить трагическая история одной актрисы, чья красота имела несчастье привлечь внимание последнего де Вира, графа Оксфордского. Он ничем не мог победить ее добродетели и прибегнул к ложному браку; несчастная умерла, узнав об обмане, а злодей был награжден единодушным восхищением остряков и светских волокит, заполнявших приемную Карла.

Для такого рода развлечений Бакингом отведен в глубине своего дворца особое помещение, и комнаты, куда он сейчас отправился, попеременно использовались то как тюрьма для сопротивляющихся, то как уютное гнездышко для покорных.

На этот раз помещение вновь служило для первой из названных целей. В передней, отделявшей эти апартаменты (их обычно называли женским монастырем) от остальной части дома, сидела, читая душеспасительную книгу, пожилая дама в очках и чепце. Она подала герцогу ключ. Эта многоопытная вдова играла в подобных случаях роль церемониймейстера и свято хранила тайну большого числа интриг, чем целая дюжина представительниц ее ремесла.

— Самая милая конопляночка из всех, что когда-либо певали в клетке, — заметила она, отворяя дверь.

— Я боялся, Даулес, что она там не поет, а плачет, — сказал герцог.

— До вчерашнего дня или, скорее, до нынешнего вечера, ваша светлость, она и вправду беспрестанно рыдала; но теперь, слава богу, успокоилась, — отвечала Даулес. — Воздух в доме вашей светлости очень полезен для певчих птичек.

— Слишком скорая перемена, — заметил герцог. — Странно, что она примирилась с судьбой еще до свидания со мною.

— Ах, ваша светлость обладает таким магическим очарованием, что его излучают даже стены вашего дворца. Как говорится в священном писании, Исход, глава первая, стих седьмой: «Оно липнет к стенам и к косякам дверей».

— Вы слишком пристрастны, миссис Даулес, — сказал герцог Бакингом.

— Это чистая правда, — возразила старуха. — Пусть меня назовут паршивой овцой в стаде, если эта барышня не изменилась даже в наружности с тех пор, как переступила порог вашего дома. Мне кажется, она стала легче, воздушней, тоньше, — я не могу хорошенько объяснить, но перемена есть. Впрочем, вашей светлости известно, что я так же стара, как предана вам, и становлюсь слаба глазами.

— Особенно, когда промываете их из чаши с канарским, миссис Даулес, — пошутил герцог; ему было хорошо известно, что трезвенность не входит в число добродетелей старой дамы.

— Канарским? Неужели ваша светлость действительно полагает, что я промываю глаза канарским? — спросила оскорбленная матрона. — А я-то думала, что милорд знает меня лучше.

— Прошу прощения, — сказал герцог, с досадой освобождаясь от пальцев миссис Даулес, которая в порыве оскорбленной невинности вцепилась в его рукав. — Прошу прощения. Вы подошли ближе, и теперь я вижу, что ошибся: мне следовало бы сказать нантским коньяком, а не канарским.

С этими словами Бакингом вошел во внутренние комнаты, убранные с неслыханной роскошью.

«Впрочем, старуха права, — думал гордый владелец великолепных покоев. — Сельская Филлида легко может смириться с такой клеткой, даже если нет птицелова, который приманивал бы ее дудочкой. Но где же наша нимфа? Неужели она, как отчаявшийся комендант крепости, сразу отступила в свою цитадель, то есть в спальню, не сделав даже попытки оборонять внешние укрепления?»

Герцог прошел переднюю и маленькую столовую, обставленную мебелью редкостной выделки и увешанную превосходными картинами художников венецианской школы. За ними находилась комната для приемов, отделанная еще более изысканно. Окна были затемнены цветными витражами таких густых и богатых тонов, что проникавшие в комнату полуденные лучи солнца казались отблеском вечерней зари и, по прославленному выражению поэта, «учили свет прикидываться тьмой».

Страсти и вожделения Бакингема так часто, так охотно и с такой готовностью удовлетворялись, что он уже не находил радости даже в тех удовольствиях, стремиться к которым было делом его жизни. Потасканный сластолюбец подобен пресыщенному эпикурейцу — ничто уже не возбуждает его желаний, и это само по себе становится наказанием за неумеренность. Однако новшество всегда несет в себе очарование, а неопределенность — и того больше.

Герцог не знал, как примет его пленница, не знал, отчего произошла в ней внезапная перемена; кроме

того, такая девушка, как Алиса Бриджнорт — насколько можно было судить по описаниям, — вероятно, будет вести себя в подобном положении иначе, нежели другие, и все это весьма занимало Бакингема. Сам он не испытывал при этом ни малейшего волнения, какое охватывает даже самого грубого человека, когда он идет на свидание с женщиной, которой хочет понравиться, и, разумеется, никакого возвышенного чувства любви, желания и благоговейного трепета, обуревающих влюбленного с более тонкой душой. Он, как говорят французы, был слишком *blasé*¹ в молодости, чтобы сейчас испытывать страстное нетерпение первого, а тем более нежные восторги второго. Это чувство пресыщения и недовольства тем сильнее, что сластолюбец не может отказаться от погони за наслаждениями, которыми он уже сыт по горло, и должен вести прежний образ жизни хотя бы ради поддержания репутации, или просто по привычке, забыв покой, усталость, пренебрегая опасностью и ничуть не интересуясь конечным результатом своих усилий.

Поэтому Бакингом, желая поддержать свою репутацию героя любовных интриг, счел необходимым с притворным пылом ухаживать за Алисой Бриджнорт. Отворяя дверь во внутренние покои, он на секунду остановился, чтобы решить, что более подходит к случаю: язык страсти или только светской галантности? И тут он услышал мелодию, искусно исполняемую на лютне, и еще более чарующие звуки женского голоса, который в импровизированной песне словно соперничал с серебристым звучанием инструмента.

«Девушка, получившая такое воспитание, — подумал герцог, — и неглупая, как говорят, хотя и выросла в деревне, будет смеяться над напыщенными речами Орундейта. Тебе, Бакингом, больше подойдет роль Доримонта; она принесет победу, да она и легче».

---

¹ Пресыщен (франц.).

Рассуждая таким образом, он вошел в комнату с легкостью и изяществом, присущим веселым придворным, среди которых он блистал, и приблизился к прелестной пленнице. Она сидела у стола, заваленного книгами и нотами, неподалеку от большого полуотворенного окна с цветным витражом; неяркий свет разливался по комнате, украшенной превосходными гобеленами, тончайшим фарфором и огромными зеркалами. Королевский будуар для новобрачной не мог быть обставлен с бóльшим великолепием.

Роскошный костюм пленницы соответствовал убранству комнаты. В нем приметен был восточный вкус, который ввела тогда в моду восхитительная Роксалана. Из-под широких шаровар богато расшитого голубого атласа виднелась лишь грациозная ножка. Все остальное было окутано длинным покрывалом из серебристого газа, который, подобно легкому туману, заволакивающему прелестный ландшафт, заставляет вас угадывать его скрытую красоту и воображать, быть может, больше, чем таится под ним. Сквозь покрывало едва виднелись другие части ее наряда: яркий тюрбан и роскошный кафтан, также в восточном вкусе. Весь ее костюм свидетельствовал о некотором кокетстве красавицы, которая ожидает знатного посетителя, и Бакингом улыбнулся про себя, вспоминая, как Кристиан уверял его в невинности и простодушии своей племянницы.

Он подошел к даме *en cavalier*,¹ вполне уверенный, что ему достаточно будет признать свою вину, чтобы получить прощение.

— Прекрасная мисс Алиса, — сказал он, — я знаю, что должен просить у вас прощения за неуместное усердие моих слуг: видя вас одну, беззащитную во время уличной драки, они взяли на себя смелость привести вас в дом человека, который скорее отдаст жизнь, чем доставит вам хоть минуту тревоги. Но виновен ли я в том, что мои люди сочли необходимым вмешаться ради вашей безопасности и, зная, что я не

---

¹ Дерзко, развязно (франц.).

могу не принять в вас участие, задержать вас до моего возвращения, чтобы я самолично мог исполнить ваши приказания?

— Вы не слишком торопились, милорд, — ответила дама. — Я уже два дня здесь, в плену, забыта и оставлена под надзором слуг.

— Что вы говорите? Забыта? — воскликнул герцог. — Клянусь небом, если кто-нибудь из моих лучших слуг забыл о своих обязанностях, я тотчас выгоню его.

— Я не жалею на недостаток учтивости со стороны ваших слуг, милорд, — ответила дама, — но, мне кажется, сам герцог должен был бы сразу же объяснить, почему он осмелился задержать меня, как государственную преступницу?

— Может ли божественная Алиса сомневаться, — сказал Бакингом, — что, если бы не время и расстояние, эти злейшие враги любви и страсти, то в ту минуту, когда вы переступили порог дома вашего почорного слуги, он лежал бы у ваших ног, ибо с тех пор, как он увидел вас у Чиффинча в то роковое утро, он не способен был думать ни о ком другом, кроме вас?

— Значит, милорд, — сказала дама, — мне следует полагать, что вы были в отсутствии и что со мною так поступили без вашего согласия?

— Я уезжал по приказанию короля, — без запинки ответил Бакингом. — А что я мог сделать? В ту самую минуту, когда вы ушли от Чиффинча, его величество так поспешно приказал мне сесть в седло, что я не успел даже сменить своих атласных туфель на сапоги.¹ Если мое отсутствие причинило вам хоть малейшие неудобства, вините в том необдуманное рвение людей, которые, видя, что я уезжаю из Лондона,

---

¹ Подобный случай действительно имел место. По настоянию охваченного подозрениями и страхом Долгого парламента один из королевских агентов вынужден был отправиться во Францию столь незамедлительно, что у него не было даже времени сменить свой придворный туалет, а именно — белые туфли и черные шелковые панталоны, на более подходящий в дорожных условиях костюм. (Прим. автора.).

обезумевший от разлуки с вами, поспешили, и с самыми лучшими намерениями, приложить все усилия, чтобы, доставив ко мне в дом прекрасную Алису, избавить своего господина от отчаяния. И кому им было доверить вас? Выбранный вами покровитель — в тюрьме или бежал, отца вашего нет в Лондоне, дядя уехал на север. К дому Чиффинча вы выразили вполне понятное отвращение. Чье жилище могло быть для вас приличнее дома вашего преданного раба, где вы можете навсегда остаться королевой?

— Запертой на замок? — заметила дама. — Такая корона мне не по вкусу.

— Вы не хотите понять меня! — ответил герцог, опускаясь перед нею на колено. — Может ли жаловаться на короткое заточение дама, обрекающая на вечный плен столько сердец? Сжальтесь же и откиньте это ревнивое покрывало: только жестокие божества вещают свои пророчества во мраке. Позвольте хотя бы моей руке...

— Я избавлю вас от недостойного труда, ваша светлость, — надменно сказала пленница и, встав, откинула вуаль. — Посмотрите на меня, милорд герцог, и подумайте, разве эти черты произвели на вас столь глубокое впечатление?

Бакингам взглянул и был так поражен, что вскочил на ноги и словно окаменел. Перед ним стояла женщина, не похожая на Алису Бриджнорт ни ростом, ни сложением: маленькая, почти ребенок, и стройная, как статуэтка, она была одета в несколько коротких жилеток из вышитого атласа, надетых одна на другую. Жилетки эти были разных цветов или, скорее, разных оттенков одного и того же цвета, во избежание яркого контраста. Они были открыты спереди, являя взору шею, прикрытую превосходными кружевами. Поверх всего была наброшена накидка из пышного меха. Из-под маленького, но величественного тюрбана, небрежно надетого, рассыпались по плечам угольно-черные локоны, которым могла бы позавидовать сама Клеопатра. Изысканность и великолепие этого восточного наряда соответствовали смуглому

лицу незнакомки, которую можно было принять за уроженку Индии.

На ее лице, неправильность черт которого искупалась живостью и одушевлением, горящие, как бриллианты, глаза, и белые, как жемчуг, зубы сразу привлекли внимание герцога Бакингема, отличного знатока женских прелестей. Одним словом, у странного и необыкновенного существа, так внезапно появившегося перед ним, было лицо, которое не может не произвести впечатления, которое невозможно забыть и которое заставляет нас на досуге придумывать сотни историй, способных представить нашему воображению эти черты во власти самых различных чувств. Каждый, вероятно, помнит такие лица: своей захватывающей оригинальностью и выразительностью они запоминаются гораздо лучше и дают воображению значительно бо́льшую пищу, чем правильность и красота черт

— Милорд герцог, — сказала незнакомка, — мое лицо, кажется, произвело обыкновенное действие на вашу светлость. О, несчастная пленная принцесса, рабом которой вы готовы были стать! Боюсь, что вы хотите выгнать ее вон, подобно Золушке, и отправить искать счастья среди лакеев и слуг?

— Не могу опомниться! — вскричал герцог. — Этот бездельник Джернингем. . Я с ним разделаюсь!

— Не гневайтесь на Джернингема, — возразила дама, — вините в том свое долгое отсутствие. Пока вы, милорд, по приказу короля скакали на север в своих белых атласных туфлях, законная принцесса проливала слезы, сидя здесь в трауре, безутешная и одинокая. Целых два дня она предавалась отчаянию. На третий день явилась африканская волшебница, чтобы увести отсюда вашу пленницу и заменить ее другой. Думаю, милорд, что это происшествие принесет вам дурную славу, когда какой-нибудь верный оруженосец будет пересказывать любовные приключения второго герцога Бакингема.

— Разбит в пух и прах! — вскричал герцог. — Но клянусь, у этой обезьянки есть склонность к юмору.

Скажи мне, прелестная принцесса, как ты осмелилась сыграть со мной такую шутку?

— Осмелилась, милорд? — спросила незнакомка. — Спрашивайте об этом других, а не меня, я ничего не боюсь!

— Клянусь честью, я верю, ибо чело твое смугло от природы. Но скажи мне, кто ты и как тебя зовут?

— Кто я, вы уже знаете: я волшебница из Мавритании. Имя мое Зара.

— Но мне кажется, это лицо, эти глаза, эта фигура.. Скажи мне, — продолжал герцог, — не та ли ты танцовщица... не тебя ли я видел несколько дней тому назад?

— Может быть, вы видели мою сестру, мы с ней близнецы, но не меня, милорд, — ответила Зара.

— Да, но твоя сестрица, если только это была не ты, столь же нема, сколь ты разговорчива. Нет, я все же думаю, что это была ты и что сатана, который так хорошо умеет властвовать над женщинами, заставил тебя в прошлый раз притвориться немой.

— Думайте как вам угодно, милорд, — сказала Зара. — Истина от этого не изменится. А теперь позвольте мне проститься с вами. Не угодно ли вам передать какие-нибудь приказания в Мавританию?

— Погоди немного, принцесса, — сказал герцог. — Вспомни, что ты добровольно заняла место моей пленницы и что теперь от меня зависит казнить тебя или миловать. Еще никто безнаказанно не бросал вызова Бакингему.

— Я не слишком тороплюсь и могу выслушать любое приказание вашей светлости.

— Значит, ты не боишься, прелестная Зара, ни моего гнева, ни моей любви?

— Нет, — ответила Зара. — Гнев, обращенный на такое беспомощное существо, как я, для вас унизителен, а любовь ваша... о, боже!

— Почему же моя любовь заслуживает такого презрительного тона? — спросил герцог, невольно уязвленный ее словами. — Не думаешь ли ты, что Бакингом не может любить и быть любимым?

— Он мог считать себя любимым, но кем? — ответила девушка. — Ничтожными женщинами, которым можно вскружить голову пошлыми тирадами из глупой комедии, атласными туфлями, красными каблуками и для которых неотразим блеск золота и бриллиантов.

— А разве в твоём отечестве нет легкомысленных красавиц, надменная принцесса?

— Есть, — ответила Зара, — но их, наравне с попуаями и обезьянами, считают существами без разума и без сердца. В нашей стране солнце ближе, оно очищает и углубляет наши страсти. Скорее ледышками вашей холодной страны можно будет, как молотками, выковывать из раскаленных железных брусьев лемехи для плугов, нежели фатовство и безрассудство вашей притворной любезности смогут произвести хоть мгновенное впечатление на душу, подобную моей.

— Ты говоришь так, будто знаешь, что такое любовь, — заметил герцог. — Садись, прекрасное создание, и не огорчайся, что я удерживаю тебя. Как можно расстаться с таким мелодичным голосом, с таким пламенно красноречивым взором! Итак, ты знаешь любовь?

— Знаю — по опыту или с чужих слов, но знаю, что любить так, как любила бы я, — значит, забыть все: деньги, выгоду, честолюбие, положение в свете, отказаться от всего ради верности сердца и взаимной привязанности.

— А много ли найдется женщин, способных на такое всепоглощающее и бескорыстное чувство?

— В тысячу раз более, чем мужчин, его достойных! — воскликнула Зара. — Как часто можно видеть женщину — измученную, жалкую и несчастную, терпеливо и верно следующую за своим тираном. Она переносит все его несправедливые укоры с выносливостью верной собаки, живущей в пренебрежении, но благодарной своему хозяину за один его взгляд больше, чем за все радости, какие может ей дать мир, хотя хозяин этот, может быть, самый отъявленный негодяй на свете. Вообразите же, как могла бы

такая женщина любить человека достойного и преданного ей.

— Быть может, и наоборот, — сказал герцог. — Сравнение же твое неверно. Мои собаки никогда мне не изменяют, но мои любовницы... Признаться, мне приходится чертовски спешить, чтобы ухитриться сманить их раньше, чем они бросят меня.

— Что ж, они поступают с вами так, как вы заслуживаете, милорд, — заметила Зара. — Не хмурьтесь, надо же вам хоть раз услышать правду. Природа сделала свое дело — дала вам привлекательную наружность, а придворное воспитание довершило остальное. Вы благородны — по происхождению; хороши собой — по капризу природы; щедры — потому что легче давать, чем отказывать; хорошо одеваетесь — по милости вашего искусного портного; добродушны — потому что еще молоды и здоровы; храбры — потому что боитесь прослыть трусом; остроумны — потому что иным вы быть не можете.

Герцог бросил взгляд в одно из огромных зеркал.

— Благороден, хорош собою, любезен, щедр, хорошо одет, добродушен, храбр и остроумен! Сударыня, вы приписываете мне больше достоинств, нежели я имею, но и этого, кажется, довольно для снискания женской благосклонности.

— Вы забыли голову и сердце, — спокойно продолжала Зара. — Не краснейте, милорд, и не смотрите такими глазами, как будто хотите наброситься на меня. Я не отрицаю, что природа наградила вас и головой и сердцем. Однако легкомыслие вскружило вам голову, а эгоизм испортил сердце. Человек тогда достоин называться человеком, когда его мысли и поступки направлены на благо других, когда он избрал себе высокую цель, основанную на справедливых принципах, и не отказывается от этой цели, пока небо и земля дают ему средства к ее осуществлению. Он не будет думать о побочной выгоде и не пойдет окольными путями во имя достижения благородной цели. Ради такого человека может трепетать сердце женщины, пока он жив, а с его смертью разобьется и оно.

Она говорила с таким жаром, что в глазах ее заблистали слезы, а щеки запылали от бурного потока чувств.

— Ты говоришь так, — сказал герцог, — будто собственное твое сердце может воздать полной мерой достоинствам, которые ты с таким жаром описываешь.

— Конечно, — ответила Зара, положив руку на грудь, — это сердце оправдает слова мои и в этом мире и за гробом.

— Если бы я мог, — продолжал герцог, который заинтересовался своей гостьей гораздо больше, нежели он сначала предполагал, — если бы я мог заслужить столь верную любовь, я сумел бы достойно вознаградить ее.

— Ваши богатства, титулы, ваша репутация кавалера — все это слишком ничтожная награда за искреннюю привязанность.

— Послушай, красавица, — сказал герцог, самолюбие которого было весьма задето, — к чему такое пренебрежение? Ты думаешь, что твоя любовь так же чиста, как чеканное золото; и все же бедняк, подобный мне, мог бы предложить тебе взамен вдвое больше серебра. Тогда размеры моей страсти возместят его качество.

— Я не продаю моей склонности, милорд, и мне не нужны ваши презренные деньги.

— А откуда мне это знать, моя прелесть? Здесь царство Пафосской богини. Ты вторглась в ее владения с неизвестными мне намерениями; но, вероятно, не для того, чтобы выказывать мне свою жестокость. Полно, твои ясные глазки могут так же загораться от наслаждения, как и от презрения или гнева. Ты забрела в поместье Купидона, и ради этого божества я должен поймать тебя.

— Не вздумайте коснуться меня, милорд, — сказала Зара. — Не приближайтесь, если хотите узнать, зачем я здесь. Ваша светлость может, если угодно, мнить себя Соломоном, но я не странствующая принцесса из далекой страны, которая явилась сюда тешить вашу гордость или восхищаться вашей славой.

— Да это вызов, клянусь Юпитером! — вскричал герцог

— Вы ошибаетесь, милорд, — возразила незнакомка. — Я пришла сюда, позаботившись об отступлении.

— Смело сказано, — ответил герцог, — но крепость именно тогда хвастает своей неприступностью, когда гарнизон ее колеблется. Поэтому я иду на приступ

До сих пор их разделял длинный узкий стол, который стоял в нише большого окна, нами уже упомянутого. Этот стол представлял своего рода барьер, отделявший Зару от дерзкого кавалера. Герцог бросился к столу, намереваясь его отодвинуть, но в то же мгновение незнакомка, зорко следившая за всеми его движениями, выпрыгнула в полуотворенное окно

Бакингом вскрикнул от испуга и удивления, не сомневаясь, что она упала с высоты четырнадцати футов. Но, кинувшись к окну, он с изумлением увидел, что Зара ловко и благополучно спустилась на землю

Стены величественного дворца были украшены резьбой в смешанном готическо-греческом стиле, очень модном во времена Елизаветы и ее преемника. И хотя прыжок Зары казался геройским подвигом, на самом деле выступы этих украшений предоставляли достаточную опору столь подвижному и легкому созданию, даже при таком стремительном спуске

Полон досады и любопытства, Бакингом сначала чуть не бросился за нею по той же опасной дороге, и даже вскочил было на подоконник, но, пока он размышлял, как сделать следующий шаг, из кустов, куда скрылась незнакомка, послышалась популярная тогда насмешливая песенка о несчастном влюбленном, который хотел броситься в пропасть:

— Но, к краю приблизясь,

Увидел влюбленный,

Что склоны отвесны,

Что пропасть бездонна .

И так рассудил он

Хоть Ей уж не мил он, —

Сердечная боль
Понемногу остынет,
А сломанной шею
Хирург не починит!

Герцог невольно рассмеялся, ибо стихи эти уж очень подходили к его нелепому положению, и спустился с подоконника, отказавшись от смехотворного и опасного намерения. Он позвал слуг, а сам стал вглядываться в густой кустарник. Ему все еще не верилось, чтобы женщина, которая встала на его пути, могла сыграть с ним такую обидную шутку.

Загадка разрешилась тотчас же. Женская фигура, закутанная в плащ, в шляпе с опущенными полями и темным пером, вышла из кустов и мгновенно исчезла в развалинах старинных и современных зданий, которыми, как мы уже сказали, было загромождено все поместье, прежде называвшееся Йоркхаусом.

Служители герцога, повинаясь его нетерпеливым приказаниям, рассыпались по всем окрестностям в поисках соблазнительной сирены. Тем временем их господин, всегда горячий и неистовый в своих желаниях, особенно когда было задето его тщеславие, поощрял их рвение угрозами и обещаниями награды. Но все было напрасно. Нашли только тюбан и газовое покрывало мавританской принцессы, как эта себя величала. Она оставила их в кустарнике вместе с атласными туфельками, сменив, без сомнения, эти предметы на одежду менее примечательную.

Убедившись, что все поиски бесполезны, герцог Бакингом, по примеру всех избалованных детей на свете, дал выход своему яростному гневу: он клялся, что отомстит незнакомке, и отпускал по ее адресу отборнейшие бранные слова, среди которых изысканное слово «дрянь» повторялось чаще других.

Даже Джернингом, прекрасно изучивший нрав своего господина и почти всегда умевший успокаивать его в припадках гнева, счел за благо на сей раз не попадаться ему на глаза. Он уединился в отдаленной комнате со старой набожной экономкой и за бутылкой

наливки объявил ей, что если его светлость не научится быть более сдержанным, то цепи, тьма, солома и Бедлам станут последним уделом столь одаренного и всеми любимого герцога Бакингема.

Глава XL

Жестокие, смертельные раздоры
Не вспыхивают попусту.

«Альбион»

Ссоры между мужем и женой вошли в пословицу, но да не подумают почтенные супруги, что связи, не освященные законом, избавлены от подобных неприятностей. Шалость герцога Бакингема и последовавший за нею побег Алисы Бриджнорт вызвали яростный раздор в доме Чиффинча, когда по возвращении в город он узнал эти поразительные новости.

— Говорю тебе, — кричал он своей услужливой подруге, которая, впрочем, весьма спокойно относилась к его словам, — что твоя проклятая беспечность погубила труд многих лет.

— Ты мне уже двадцатый раз это твердишь, — отвечала она, — а я и так знаю, что всякий пустяк может разрушить любой из твоих планов, как бы долго ты его ни обдумывал.

— Как, черт побери, тебе пришло в голову принять герцога, когда ты ждала короля? — с раздражением кричал Чиффинч.

— Ах, боже мой, Чиффинч, спроси об этом швейцара, а не меня, — ответила почтенная дама. — Я в то время надевала чепец к приходу его величества.

— С изяществом сороки, — сказал Чиффинч, — а тем временем оставила кошку сторожить сливки!

— Ах, Чиффинч, твои поездки в деревню сделали тебя несносным грубияном! Взгляни, какие на тебе сапоги! А запачканные муслиновые манжеты придают твоим кулакам какой то неотесанный, деревенский вид, иначе и не назовешь.

— Взять бы да этими сапогами и кулаками выбить из тебя всю дурь, — проворчал сквозь зубы Чиффинч, а затем продолжал вслух тоном человека, который готов прервать спор, но лишь добившись у противника признания своей правоты: — Ведь ты же сама понимаешь, Кэт, что все наше благополучие зависит от того, сумеем ли мы доставить удовольствие его величеству.

— Предоставь это мне, — сказала она. — Я лучше тебя знаю, как угодить его величеству. Не думаешь ли ты, что король будет плакать, как мальчишка, у которого улетел воробей? Нет, у его величества не такой дурной вкус. Мне даже непонятно, Чиффинч, — продолжала она, переходя в наступление, — как это ты, считавшийся знатоком женских прелестей, поднял такой шум из-за этой деревенской девчонки! Да в ней нет даже пухлости домашней курочки! Она скорее похожа на костлявого жаворонка, которого и хватит-то всего на один глоток. Есть о чем заботиться: откуда пришла? куда ушла? Найдутся и получше ее, более стоящие внимания короля, даже если герцогиня Портсмутская и будет негодовать.

— Ты имеешь в виду свою соседку миссис Нелли? — спросил ее достойный сожитель. — Ее песенка спета, Кэт. Она умна, но пусть ее ум послужит ей не в такой знатной компании.¹ В королевских покоях не говорят на жаргоне бродячих комедиантов.

— Неважно, кого или что я имею в виду, — ответила миссис Чиффинч. — Говорю тебе, Том Чиффинч, твой господин легко утешится, потеряв чопорную пуританку, которую ты непременно хотел навязать ему. Как будто они мало досаждают ему в парламенте! Нет, надо еще затащить их к нему в спальню!

---

¹ В «Дневниках» Эвелина есть любопытные строки, посвященные упомянутой здесь Нелл Гвин: «Я шел с ним (с королем Карлом II) по Сент-Джеймскому парку, и мне довелось стать свидетелем весьма дружеской беседы между... (королем) и миссис Нелли, как тогда называли эту фаворитку из актрис; она сидела в саду, устроенном на плоской кровле ее дома, крыша которого была на уровне стены парка, а король стоял внизу, в аллее. Я был очень огорчен тем, что мне случилось увидеть». — «Дневники» Эвелина, том I, стр. 413. (Прим. автора.)

— Ладно, Кэт, — сказал Чиффинч, — семь мудрецов не переспорят одну женщину, поэтому я лучше помолчу. Дай только бог, чтобы король был не в худшем расположении духа, чем ты думаешь. Мне велено сегодня сопровождать его величество по Темзе в Тауэр, где он собирается осматривать оружие и боевые припасы. Хорошо, что есть умные люди, которые мешают Раули заниматься делами, ибо, клянусь честью, у него есть к тому склонность.

— Уверяю тебя, — сказала миссис Чиффинч, обращаясь скорее к собственному отражению в зеркале, чем к своему хитрому супругу, — уверяю тебя, мы найдем средство занять его величество так, что у него не останется ни одной свободной минуты.

— Клянусь честью, — ответил Чиффинч, — я заметил, что ты очень изменилась и, сказать правду, стала чрезмерно самоуверенной. Я был бы счастлив, если бы у тебя были достаточные причины для этого.

Госпожа Чиффинч высокомерно улыбнулась и сказала только:

— Мне понадобится лодка. Я поеду сегодня вместе с королем.

— Берегись, Кэт, Этого никто не смеет делать, кроме придворных дам первого ранга. Герцогиня Боултонская, герцогиня Бакингамская, герцогиня...

— К чему мне этот перечень? Ты думаешь, я не смогу выглядеть такой же важной, как они? Я не хуже твоих герцогинь.

— Знаю, ты не уступишь ни одной придворной даме, — ответил Чиффинч. — Что же, поступай, как хочешь. Пусть только Шобер не забудет приготовить легкую закуску и *souper au petit couvert*¹ — на случай, если это понадобится нынче вечером.

— Ну вот, этим начинается и оканчивается все твоё хваленое знание двора! Чиффинч, Шобер и компания! Стоит разогнать эту компанию — и Тому Чиффинчу как придворному конец.

— Аминь, Кэт, — отозвался Чиффинч, — и позволь мне сказать тебе, что столь же надежно полагаться

---

¹ Ужин на несколько персон (франц.).

на искусные руки другого, сколько и на собственную голову. Но мне нужно распорядиться насчет лодок. Если ты поедешь на баркасе, то можешь взять из часовни парчовые подушки и покрыть ими скамейки. Они там никому не нужны, поэтому делай с ними что хочешь.

Итак, баркас миссис Чиффинч появился на Темзе в составе флотилии, сопровождавшей короля на пути в Тауэр. Здесь была и королева в окружении первых дам ее двора. Маленькая пухлая Клеопатра, разряженная в пух и прах, восседала на шитых золотом подушках, как Венера в своей раковине; она пустила в ход все бесстыдство и кокетство, на какие была способна, чтобы привлечь к себе взоры короля, но Карл был не в настроении и не обращал на нее ни малейшего внимания до тех пор, пока ее баркас не подошел к яхте королевы ближе положенного этикетом расстояния, после чего гребцам строго приказали повернуть назад и ехать прочь. Миссис Чиффинч залилась слезами с досады и вопреки Соломонову предостережению в душе прокляла короля. Но делать было нечего, — пришлось возвратиться в Уэстминстер и приняться вместе с Шобером за приготовление к вечеру

Между тем королевская яхта пристала к Тауэру. Король вышел, сопровождаемый шумною толпою придворных, и тюремное эхо повторило веселые возгласы и смех, столь необычные в этом мрачном месте. Поднимаясь с пристани в самую крепость, где над внешними сооружениями возвышается построенная Вильгельмом Завоевателем старинная Белая башня, придворные насочиняли бог знает сколько глупых и умных острот, сравнивая государственную тюрьму его величества с храмом Купидона, а крепостные пушки — с глазами красавиц. Дамы, разумеется, благосклонно принимали такие комплименты, высказанные смело и красиво, — такова была светская болтовня того времени.

Веселый рой придворных, однако, не следовал по пятам за королем, хотя они и составляли его свиту на Темзе. Карл, часто принимавший мудрые и

достойные решения, несмотря на то, что его слишком легко было отвлечь от дел праздностью и весельем, на сей раз захотел ознакомиться с состоянием боевых припасов и оружия, хранилищем которых Тауэр был тогда, как, впрочем, и теперь. И хотя он вез с собою свою обычную свиту, лишь трое или четверо придворных сопровождали его при осмотре. В то время как все остальные забавлялись, как могли, в других частях Тауэра, король в сопровождении герцогов Бакингема, Ормонда и еще двоих придворных прошел через знаменитую залу, где и сейчас хранится лучшее в мире оружие и которая даже в те времена, хотя и была весьма далека от нынешнего великолепия, тем не менее уже была арсеналом, достойным великой нации, которой принадлежала.

Герцога Ормонда, известного своими заслугами во время великой гражданской войны, теперь принимали при дворе, как мы уже упоминали, довольно холодно, несмотря на то, что король нередко советовался с ним по важным делам. Теперь Карл тоже попросил его совета, ибо боялся, как бы парламент в религиозном рвении не вздумал захватить в свое распоряжение боевые припасы и оружие. И пока Карл с горечью говорил об этом возможном результате всеобщего недоверия и подозрительности и обсуждал с Ормондом средства воспрепятствовать этому, Бакингом, отстав на несколько шагов, забавлялся старомодным видом и робостью сопровождавшего их старика смотрителя, который оказался тем самым, что отвел Джулиана Певерила к месту его заключения. Герцог с еще большей охотой предался своей склонности к насмешкам, заметив, что старик старается сдерживаться в присутствии короля, но по природе вспыльчив и способен на резкость. Старинное оружие, которым были увешаны стены, дало Бакингу повод к остротам: он требовал, чтобы старик рассказал ему историю различных видов оружия — ибо он достаточно стар, чтобы помнить это, — со времен короля Артура и до нынешних дней и подробности сражений, где оно использовалось. Старик с явным неудовольствием принужден был отвечать на

бесконечные вопросы герцога и рассказывать легенды (иногда нелепые), с которыми обычно связывали те или иные реликвии. Он делал это нехотя и говорил таким равнодушным голосом, что совсем не был похож на воинственных чичероне; уж те-то в подобном случае не преминули бы пустить в ход все свое красноречие.

— Знаешь, любезный, — сказал ему наконец герцог, — я начинаю менять свое мнение о тебе. Я думал, что ты был дворцовым стражем еще со времен добродушного короля Генриха, и хотел было расспросить тебя о «Поле Золотого Сукна» да надеялся узнать, какого цвета был бант на груди Анны Болейн, который стоил папе трех королевств. Но я вижу, что ты понятия не имеешь об этих рыцарских и любовных похождениях. Не попал ли ты на теперешнее место из какой-нибудь лавчонки в окрестностях Тауэра и не превратил ли ты свой аршин в эту славную алебарду? Я уверен, ты даже не знаешь, кому принадлежали эти старинные доспехи.

Герцог наугад ткнул в одну кирасу, висевшую среди других, но вычищенную с особенным старанием.

— Кому, как не мне, это знать, — ответил надзиратель резко, и голос его дрогнул, — ибо я знал человека, который носил ее и который в свое время не стерпел бы и половины дерзостей, выслушанных мною сегодня.

Слова и голос старика привлекли внимание короля и герцога Ормонда, стоявших от него в двух шагах. Они оба обернулись к нему, и Карл спросил:

— Что это значит? Разве так отвечают? О ком ты говоришь?

— Я говорил о человеке, который, кем бы он ни был прежде, теперь превратился в ничто, — ответил старик.

— Он, верно, говорит о себе, — подхватил герцог Ормонд, вглядываясь в лицо надзирателя, хотя тот упорно старался отвернуться. — Уверен, что его лицо мне знакомо. Не вас ли я вижу, мой старый друг, майор Коулби?..

— Я желал бы, чтобы ваша светлость обладали худшей памятью, — сказал старик, густо краснея и опуская глаза.

Король был потрясен.

— Боже мой! — воскликнул он. — Отважный майор Коулби, который присоединился к нам в Уоррингтоне с четырьмя сыновьями и ста пятьюдесятью воинами! И это все, что мы сделали для нашего старого вустерского друга?

На глазах старика выступили слезы, и он сказал прерывающимся голосом:

— Не беспокойтесь, государь. Здесь мое место — старый солдат ржавеет среди старого оружия. Найдутся десятки старых кавалеров, которые более меня достойны сожаления. Мне очень жаль, что ваше величество узнали об этом и это вас огорчило.

Пока старик говорил, Карл, доброе сердце которого искупало все его недостатки, взял из его рук алебарду и, передавая ее Бакингему, сказал:

— То, к чему прикасался Коулби, не обесчестит ни вашей, ни моей руки. Вы перед ним виноваты. Было время, когда и за меньшее оскорбление вам бы не сносить головы.

Герцог низко поклонился, но покраснел с досады и не преминул воспользоваться первым же случаем, чтобы освободиться от алебарды, бросив ее в кучу оружия. Королю, вероятно, не понравилось бы такое пренебрежение, но он ничего не заметил, ибо все его внимание было поглощено почтенным ветераном. Он заставил его опереться на свою руку и сам довел старика до скамьи, не позволяя никому другому помочь ему.

— Отдохни здесь, мой храбрый старый друг. И если ты останешься в этом платье хоть час, то Карл Стюарт, должно быть, очень беден. Ты побледнел, любезный Коулби, а ведь еще минуту назад лицо твое горело. Забудь слова Бакингема; на его безумные выходки никто не обращает внимания. Ты все больше бледнеешь. Успокойся, ты слишком взволнован нашей встречей. Сиди.. Не вставай.. Не благо-

дари меня. Я приказываю тебе сидеть, пока я обойду эти помещения.

В знак покорности своему государю старик склонил голову и уже не поднял ее. Необычное оживление и волнение слишком потрясли его дух, так долго угнетаемый, и расстроенное здоровье. Возвратясь обратно через полчаса со своими провожатыми, король нашел мертвое, уже остывшее тело Коулби; казалось, он спал глубоким сном. Король был потрясен. Прерывающимся голосом он приказал с честью похоронить ветерана в часовне Тауэра¹ и хранил молчание до самого выхода из арсенала, где собралась вся его свита, к которой, привлеченные любопытством, присоединились еще несколько особ почтенной наружности.

— Это ужасно, — сказал наконец король. — Мы должны найти средство избавить от нужды и наградить верных наших слуг, иначе потомство нас проклянет.

— Об этом вы, ваше величество, несколько раз уже говорили в совете, — заметил Бакингом.

— Правда, Джордж, — ответил король. — Я смело могу сказать, что ни в чем не повинен, ибо уже много лет думаю об этом.

— Этот предмет достоин глубокого раздумья, — сказал Бакингом, — но, правда, с каждым годом задача становится все легче.

— Конечно, — заметил герцог Ормонд, — потому что число обездоленных уменьшается. Вот и бедный Коулби уже не будет бременем для короны.

— Вы слишком строги, милорд, — сказал король, — и должны уважать наши чувства. Не можете же вы предположить, что мы оставили бы этого несчастного в таком положении, если бы знали об этом?

— В таком случае, государь, — сказал герцог Ормонд, — ради бога, обратите взоры ваши, устремлен-

---

¹ Подобного рода историю можно найти среди легенд Тауэра. Трогательные обстоятельства ее изложены, как я полагаю, в одном из тех маленьких путеводителей, что выдаются посетителям, но в более поздних изданиях они отсутствуют. (Прим. автора)

ные теперь с сожалением на мертвое тело старого друга, на других страждущих. В этой тюрьме томится доблестный старый воин, сэр Джеффри Певерил Пик, который неустанно сражался всю войну и, кажется, последним во всей Англии сложил оружие. С ним томится и сын его; как говорят, он тоже одарен мужеством, умом и талантом. Вспомните также несчастный род Дерби... Ради бога, вмешайтесь в судьбу этих жертв, которых готова задушить гидра заговора; отгоните дьяволов, жаждущих лишить их жизни, и лишите всех надежд этих гарпий, что зарятся на их владения. Ровно через неделю отец и сын Певерилы должны предстать перед судом за преступления, в которых они виновны столько же — я говорю это смело, — сколько любой из окружающих вас здесь людей. Ради бога, государь, позвольте нам надеяться, что, если предубежденные судьи вынесут им приговор, как было уже не раз, вы вступитесь наконец и защитите этих несчастных от кровожадности ненасытных палачей.

Король, казалось, и в самом деле был чрезвычайно смущен. Но между Бакингом и Ормондом существовала постоянная и непримиримая вражда, и Джордж Вильерс тотчас поспешил отвратить от этого предмета благосклонное внимание короля.

— Всегда найдется тот, кому ваше величество сумеет оказать благодеяние, — сказал он, — пока при вас есть герцог Ормонд. Рукава его платья — старинного покроя; они так широки, что из них можно вытряхивать, когда захочется, разорившихся кавалеров — старых костлявых долговязых молодцов с красными от вина носами, плешивыми головами, — а также страшные рассказы о битвах при Эджхилле и Нейзби.

— Мои рукава, признаюсь, старинного покроя, — ответил Ормонд, глядя прямо в лицо Бакингу, — но я не прячу в них ни наемных убийц, ни разбойников, милорд, которые, я вижу, цепляются за полы модных камзолов.

— В нашем присутствии, милорд, это уж слишком, — заметил король.

— Нет, если я смогу доказать свою правоту, — сказал Ормонд. — Милорд, — продолжал он, обращаясь к Бакингему, — не угодно ли вам назвать человека, с которым вы говорили перед тем, как сойти на берег?

— Я ни с кем не говорил, — быстро ответил герцог. — Впрочем, я ошибся. Кто-то шепнул мне на ухо, что человек, которого я считал уехавшим из Лондона, все еще тут, в городе. С этим человеком у меня были дела.

— Не это ли был ваш посланец? — спросил Ормонд, указывая на стоявшего в толпе смуглого высокого человека, завернувшегося в плащ, в шляпе с широкими полями и с длинной шпагой на испанский манер, словом — на того самого полковника, которого Бакингем отправил задержать Кристиана.

Глаза Бакингема последовали за пальцем Ормонда, и он так густо покраснел, что король это заметил.

— Что это за новые проказы, Джордж? — спросил он. — Джентльмены, приведите этого человека. Клянусь честью, у него дрянной свирепый вид. Послушай, приятель, кто ты такой? Если ты честный человек, то природа забыла написать это на твоём лице. Да знает ли его кто-нибудь из вас?

В нем все кричит о подлости врожденной
Коль *честен* он — так, значит, плут прожженный!

— Его знают многие, государь, — ответил Ормонд, — и если он до сих пор не повешен и даже не закован в цепи, то это одно из многих доказательств, что мы живем под властью самого милосердного монарха в Европе.

— Черт побери! — вскричал король. — Кто этот человек, милорд? Ваша светлость говорит загадками, Бакингем краснеет, а этот негодяй молчит.

— Этот честный джентльмен, если угодно вашему величеству, — ответил герцог Ормонд, — чья скромность заставляет его молчать, хоть и не может заставить его покраснеть, есть не кто иной, как знаменитый

полковник Блад, как он себя называет; совсем недавно в этом самом лондонском Тауэре он покушался похитить корону вашего величества.

— Такой подвиг не скоро забудешь, — сказал король. — Но то, что этот человек еще жив, служит столько же доказательством снисходительности вашей светлости, сколько моей.

— Должен признаться, государь, что я был в его руках, — ответил Ормонд, — и он бы убил меня, если бы решил прикончить на месте, а не повесить на Тайберне — спасибо ему за такую честь. Я бы давно уже был на том свете, сочти он меня достойным пули, ножа или еще чего-нибудь, кроме петли. Посмотрите на него, государь! Если бы негодяй посмел, он бы в эту минуту сказал, как Калибан в пьесе: «Жаль, что я этого не сделал».

— Черт побери, — заметил король. — Его злодейская усмешка именно это, кажется, и выражает. Но он прощен мною, и вы, ваша светлость, тоже простили его.

— Строгость показалась мне неуместною, — ответил герцог Ормонд, — когда речь шла о моей собственной ничтожной жизни, после того как вашему величеству угодно было простить ему его более преступное и дерзкое покушение на вашу корону. Не могу понять только неслыханной наглости этого кровавого разбойника, кто бы его сейчас ни поддерживал: как он осмелился показаться в Тауэре — месте, где было совершено одно из его злодейств, — и еще передо мною, чуть не ставшим жертвой другого его злодеяния?

— Впредь этого не случится, — сказал король. — Запомни, Блад, если ты осмелишься еще когда-нибудь появиться перед нами, как сейчас, я прикажу палачу отрезать тебе уши.

Блад поклонился и с бесстыдным спокойствием, делавшим честь его хладнокровию, ответил, что зашел в Тауэр случайно, поговорить с приятелем по важному делу.

— Его светлость герцог Бакингем, — добавил он, — знает, что у меня не было других намерений.

— Убирайся прочь, негодяй! — вскричал Бакин-
гем, которому притязание полковника на знакомство
с ним было так же неприятно, как городскому повесе,
уличенному на людях и средь бела дня в тайных свя-
зях с подлецами и мерзавцами, участниками его ноч-
ных походов. — Если ты осмелишься еще раз про-
изнести мое имя, я велю бросить тебя в Темзу.

Получив такой отпор, полковник с бессовестною
наглостью повернулся и спокойно пошел прочь. Все
смотрели с изумлением на этого гнусного злодея, хо-
рошо известного своими преступлениями и отчаян-
ной храбростью. Некоторые даже пошли за ним сле-
дом, желая получше рассмотреть пресловутого полков-
ника Блада, — так собираются птицы вокруг совы,
если она вдруг появится при солнечном свете. Но по-
добно тому, как эти неразумные существа держатся
на безопасном расстоянии от когтей и клюва птицы
богини Минервы, так никто из тех, кто последовал за
полковником, чтобы разглядеть его, как нечто злове-
щее, не решился обменяться с ним взглядом или хотя
бы выдержать один из тех грозных, убийственных
взоров, которыми он время от времени окидывал
осмелившихся подойти поближе. Как испуганный, но
угрюмый волк, что боится остановиться, но не хо-
чет и удрать, дошел он до ворот Изменника, сел
в ожидавшую его маленькую лодку и скрылся из
глаз.

— Будет стыдно, — заметил Карл, желая изгла-
дить всякое воспоминание о нем, — если такой отъяв-
ленный негодяй станет причиной раздора между
двумя знатнейшими вельможами. — И он посоветовал
Бакингему и Ормонду подать друг другу руки и за-
быть недоразумение по поводу столь недостойного
предмета.

Бакингем беспечно ответил, что седины герцога
Ормонда являются достаточным для него извине-
нием, и поэтому он первым делает шаг к примирению.
С этими словами он протянул Ормонду руку, но тот
только поклонился в ответ и сказал, что у короля
нет причин ожидать, что он будет беспокоить двор
своими личными обидами, поскольку ему не сбросить

с плеч двадцати лет и не вернуть из могилы своего доблестного сына Оссори. Что же касается наглеца, появившегося здесь, то он ему весьма обязан, ибо, видя, что король милосерден даже к самым закоренелым преступникам, он смеет надеяться, что его величество обратит милость свою и на невинных друзей его, томящихся ныне в тюрьме по ложному доносу об участии в заговоре папистов.

Но король, не ответив ни слова, приказал всем садиться на яхту для возвращения в Уайтхолл. Он простился с офицерами Тауэра, которые сопровождали его, и умело, как никто другой, поблагодарил их за выполнение долга, одновременно строго приказав защищать и оборонять вверенную им крепость и все, что в ней находится.

По прибытии в Уайтхолл Карл обернулся к Ормонду и сказал с видом человека, принявшего твердое решение:

— Не беспокойтесь, милорд герцог, дело наших друзей не будет забыто.

В тот же вечер прокурор и Норт, лорд верховный судья по гражданским делам, получили повеление тайно явиться по особо важному делу к его величеству в дом Чиффинча, который был центром всех интриг, и государственных и любовных.

Глава XLI

Чтоб в памяти потомства не истлеть,
Себе воздвигнись памятником, Медь,
Как Моисеев Медный змий в пустыне, —
И радостно народ вздохнет отныне.

«Авессалом и Ахитофель»

Утро, проведенное Карлом в Тауэре, совсем иначе провели те несчастные, которых злая судьба и удивительный дух того времени сделали невинными обитателями государственной тюрьмы и которых официально уведомили, что на седьмой день, считая от нынешнего, их дело будет рассмотрено в суде Коро-

левской скамьи в Уэстминстере. Храбрый старый кавалер сначала принялся было бранить офицера за то, что своим известием тот помешал ему завтракать, но, узнав, что и Джулиан предстанет перед судом по тому же делу, серьезно взволновался.

Мы лишь коротко расскажем об их процессе, который, в общем, ничем не отличался от других процессов во времена главного заговора папистов. Два-три бесчестных лжесвидетеля — профессия доносчиков стала в то время весьма доходной — утверждали под присягой, что обвиняемые сами подтвердили свой интерес к великому заговору католиков. Другие же ссылались на действительные или подозреваемые обстоятельства, бросающие тень на репутацию обвиняемых как честных протестантов и верноподданных. Из «прямых улик», основанных лишь на догадках и показаниях, обычно черпался материал, достаточный для того, чтобы продажные судьи и клятвопреступники присяжные могли вынести роковой обвинительный приговор.

Народный гнев, истощенный собственным неистовством, к тому времени начал ослабевать. Англичане отличаются от всех других, даже от родственных им наций, тем, что быстро пресыщаются наказаниями, даже если считают их заслуженными. Другие нации подобны прирученному тигру — если хоть раз была удовлетворена их природная жажда крови, они уже не могут остановиться на пути слепого, стихийного разрушения и опустошения. Англичанин же всегда напоминает гончую, которая неотступно, яростно мчится по горячему следу, но, увидя на дороге брызги крови, мгновенно теряет пыл.

Горячие головы стали остывать, люди начали приглядываться к нравственным качествам свидетелей, убеждаясь в несообразности их показаний, и появилась трезвая подозрительность в отношении тех, кто никогда не говорил всего, что им удалось узнать, а утаивал часть улик, чтобы предъявить их на другом судебном заседании.

Сам король, который оставался бездейственным во время первой вспышки народного гнева, казалось,

пробудился от своей апатии, что произвело заметное впечатление на королевских обвинителей и даже на судей. Сэр Джордж Уэйкмен был оправдан, несмотря на донос Оутса, и публика с нетерпением ожидала следующего процесса; волею случая им оказалось дело отца и сына Певерилов, вместе с которыми, по какой-то непонятной связи, перед судом Королевской скамьи предстал и карлик Джеффри Хадсон.

Свидание отца с сыном, так давно разлученных и встретившихся при столь грустных обстоятельствах, оказалось душераздирающим зрелищем. Трудно было удержаться от слез, когда величественный старик, хотя и согбенный под бременем лет, прижал к груди сына, радуясь встрече и одновременно с трепетом ожидая предстоящего суда. На мгновение всех присутствующих в зале суда охватило чувство, пересилившее религиозные разногласия и предубеждения противоположных партий. Многие зрители прослезились; слышались даже подавленные рыдания.

Внимательный же наблюдатель мог заметить, что несчастный маленький Джеффри Хадсон, предоставленный сам себе, ибо все зрители принимали живое участие в судьбе его товарищей по несчастью, испытывал горькое чувство обиды. Он утешал себя мыслью о том, что его поведение в суде потом долго не забудут, и поэтому при входе поклонился многочисленным зрителям и судьям, как ему показалось, изящно и изысканно, как человек благородный по происхождению и хладнокровно ожидающий своей участи. Но при встрече отца с сыном, которых привезли из Тауэра в разных лодках и одновременно ввели в зал суда, публика даже не заметила маленького человечка и не проявила ни участия к его горю, ни восхищения его достойным поведением.

Скорее всего карлик заслужил бы всеобщее внимание, если бы оставался спокойным, ибо его столь примечательная внешность не могла не привлечь к нему любопытные взоры, которых он так настойчиво домогался. Но когда же тщеславие слушает советы благоразумия? Наш нетерпеливый друг не без труда взгромоздился на свою скамью и, «принудив себя

подняться на цыпочки», как сделал это доблестный сэр Шантеклер у Чосера, старался привлечь внимание публики, кланяясь и улыбаясь своему тезке, сэру Джеффри Певерилу, которому, несмотря на то, что стоял на скамье, едва доставал головой до плеча.

Однако сэр Джеффри Певерил в эту минуту был занят совсем другими мыслями; он не заметил всех этих любезностей со стороны карлика и сел на свое место с твердым намерением скорее умереть, чем проявить малейшую слабость перед круглоголовыми и пресвитерианами — этими уничижительными эпитетами он, будучи человеком слишком старомодным, все еще награждал людей, повинных в его горестном положении, не желая пользоваться более современными выражениями

Когда сэр Джеффри-большой сел на свое место, его лицо пришлось на уровне лица сэра Джеффри-маленького, который воспользовался случаем и дернул его за рукав. Певерил из замка Мартиндейл, скорее невольно, чем сознательно, оглянулся и увидел покрытое морщинами лицо; желая одновременно выразить важность и быть замеченным, оно гримасничало на расстоянии ярда от него. Но ни странность этой физиономии, ни приветственные кивки и улыбки, ни карикатурный рост не вызывали у старого баронета никаких воспоминаний. Посмотрев с секунду на бедного карлика, он отвернулся и больше не обращал на него внимания.

Но Джулиан Певерил, не так давно познакомившийся с Хадсоном, и в горестном своем положении сохранил живое участие к этому крошечному человечку, своему товарищу по несчастью. Едва он узнал его, хоть и не мог понять, почему случилось, что они вместе предстали перед судом, как тотчас дружески пожал ему руку. Карлик принял это с напускной важностью и искренней благодарностью.

— Достойный юноша, — сказал он, — твое присутствие в эту решительную минуту подобно целительному напитку Гомера. Жаль, что душа твоего отца не обладает такой живостью, какой обладают наши души, заключенные в меньшую оболочку. Он забыл

старого товарища и собрата по оружию, который, вероятно, участвует теперь вместе с ним в последней кампании.

Джулиан коротко ответил, что отец его слишком занят другими мыслями. Но тщеславный человечек, которого, надо отдать ему должное, опасность и смерть беспокоили (по его собственному выражению) не больше, чем блошиный укус, не пожелал так легко отказаться от своего тайного намерения обратить на себя внимание почтенного и высокого сэра Джеффри Певерила, ибо, будучи по крайней мере дюйма на три выше своего сына, этот достойный кавалер обладал несомненным превосходством над ним, а бедный карлик в глубине души ничего так не ценил, как высокий рост, хотя и не упускал случая вслух над ним поиздеваться.

— Старый товарищ и тезка, — сказал он, вновь протягивая руку, чтобы дернуть за рукав Певерила-большого, — я прощаю вашу забывчивость, — ведь прошло много времени с тех пор, как мы встретились при Нейзби, где вы сражались так, словно у вас столько же рук, сколько у мифического Бриарея.

Владелец замка Мартиндейл опять обернулся к карлику и прислушался к его словам, словно пытаясь что-то припомнить, а потом нетерпеливо прервал его. «Ну?»

— Ну? — повторил сэр Джеффри-маленький. — Слово «ну» на всех языках выражает неуважение, даже презрение. И будь мы в другом месте...

Но к этому времени судьи уже заняли свои места, глашатаи потребовали тишины, и суровый голос лорда верховного судьи, пресловутого Скрогза, сделал выговор констеблям за то, что они позволили подсудимым разговаривать между собою в суде.

Следует заметить, что сия прославленная личность сама не знала, как вести себя в этом деле. Спокойствие, достоинство и хладнокровие были чужды ему как судье, — он всегда кричал и рычал на ту или другую сторону. А в последнее время никак не мог решить, чью сторону принять, ибо был начисто лишен беспристрастности. На первых процессах обвиняемых

в заговоре, когда народ был явно настроен против них, Скрогз кричал громче всех. Любую попытку взять под сомнение показания Оутса, Бедлоу или других главных свидетелей он считал большим преступлением, нежели поношение евангелия, на котором они присягали. Он называл это попыткой замять дело или дискредитировать королевских свидетелей, иными словами — преступлением, почти ничем не отличающимся от государственной измены.

Но с некоторого времени новый свет озарил разум сего толкователя законов. Проницательный и дальновидный, он по верным признакам понял, что ветер начинает менять направление и что недалеко то время, когда и двор и, возможно, общественное мнение обратятся против доносчиков и вступятся за обвиняемых.

До сих пор Скрогз считал, что Шафтсбери, сочинитель заговора, в большом почете у короля, но однажды его собрат Норт шепнул ему: «Его милость так же силен при дворе, как ваш лакей».

Это известие, полученное из верных рук как раз в то самое утро, привело судью в большое смягчение, ибо он ничуть не заботился о последовательности своих действий, но весьма настойчиво желал сохранить благопристойную форму. Он отлично помнил, с каким неистовством ранее преследовал подсудимых, и понимал, что, хотя доверие к доносчикам более здравомыслящих людей пошатнулось, их показания все еще сильно действуют на чернь, а потому ему предстоит играть очень трудную роль. На протяжении всего суда он походил на корабль, который намерен лечь на другой галс, причем паруса его, не успев еще повернуться в нужную сторону, трепещут на ветру. Словом, он до такой степени не знал, чью сторону ему выгодней принять, что, можно сказать, в эту минуту приблизился к состоянию полной беспристрастности больше, чем когда-либо в прошлом или в будущем. Как огромный пес, которому надоело лежать спокойно и не лаять, но который не знает, на кого ему броситься прежде, Скрогз обрушивался то на обвиняемых, то на свидетелей.

Стали читать обвинительный акт. Сэр Джеффри Певерил довольно спокойно выслушал первую часть, где говорилось о том, что он отдал своего сына в дом графини Дерби, закоренелой папистки, с целью содействия ужасному, кроважадному папистскому заговору; в том, что он скрывал в своем замке оружие и амуницию; в том, что он действовал по поручению лорда Стаффорда, казненного за участие в заговоре. Но когда начали читать о его связях для этой цели с Джеффри Хадсоном, некогда именовавшимся сэром Джеффри Хадсоном, бывшим теперь или прежде в услужении у вдовствующей королевы, он взглянул на своего соседа, как будто только теперь вспомнил его, и вскричал с досадой:

— Эта наглая ложь не стоит и минуты внимания! Я мог встречаться и беседовать, совершенно, впрочем, лояльно и невинно, с моим покойным родственником, благороднейшим лордом Стаффордом — я буду и впредь именовать его так, несмотря на его несчастья, — и с родственницей моей жены, достопочтенной графиней Дерби. Но можно ли поверить, чтобы я стакнулся с дряхлым шутком, которого я знаю только потому, что на одном пасхальном пиру играл на волынке мелодию, под которую он плясал на потеху гостям на особом маленьком столике?

Бедный карлик едва не заплакал от ярости, но сказал с принужденной улыбкою, что вместо этих юношеских шалостей сэр Джеффри Певерил мог бы его вспомнить как товарища по оружию при Уигганлейне.

— Клянусь честью, — ответил сэр Джеффри, как бы припоминая что-то, — должен отдать вам справедливость, мистер Хадсон, вы как будто и вправду были там и, кажется, отличились. Но согласитесь, что вы могли быть совсем рядом, а я вас все-таки мог не заметить.

Простодушие сэра Джеффри-большого вызвало в зале смешки, которые карлик пытался остановить, приподнявшись на цыпочки и окидывая присутствующих грозным взглядом, словно предостерегая насмешников, что их веселье грозит им гибелью. Но

заметив, что это только вызывает еще больший смех, он сделал вид, что ему все равно, и сказал с презрительной улыбкою, что никто не боится закованного в цепи льва. Это великолепное сравнение скорее увеличило, нежели уменьшило веселье тех, кто его услышал.

Джулиан Певерил обвинялся в том, что он был посредником между графиней Дерби и другими папистами и священниками, принимавшими участие во всеобщем изменническом заговоре католиков; что он атаковал Моултрэсси-Холл; учинил насилие над Чиффинчем; напал с оружием в руках на Джона Дженкинса, слугу герцога Бакингема. Все это трактовалось как акты явной государственной измены. Джулиан в ответ сказал только, что не признает себя виновным.

Его маленький товарищ не удовлетворился столь простым заявлением. Когда он услышал, что его обвиняют в том, будто он получил через одного из агентов заговора широкие полномочия и был назначен командиром гренадерского полка, то с гневом и презрением возразил, что, если бы сам Голиаф из Гефа пришел к нему с таким предложением и пригласил его командовать всем племенем енакиотов, ему бы никогда больше не пришлось искушать никого другого.

— Я бы прикончил его на месте, — сказал в заключение доблестный карлик.

Королевский прокурор вновь повторил обвинительный акт, и тут на сцену выступил пресловутый доктор Оутс. Он был в полном церковном облачении из шелка, ибо в те времена особенно тщательно занимался своей внешностью и манерами.

Этот удивительный человек, возвысившийся благодаря темным проискам самих католиков и случайному убийству Эдмондсбери Годфри, сумел заставить публику проглотить уйму нелепостей, из коих состояли его свидетельские показания, не имея иных способностей вводить людей в обман, кроме наглости, заменявшей ему убеждения и чувство стыда. Будь на

его месте человек более рассудительный и попытайся он придать этой истории с заговором видимость достоверности, его вероятнее всего постигла бы неудача, как это часто происходит с мудрецами, когда они обращаются к толпе, ибо они не осмеливаются рассчитывать на ее безграничную доверчивость, особенно если их фантазии содержат элементы страха и ужаса

Оутс был от природы человеком желчным, а влияние, которое он приобрел, сделало его наглым и самодовольным. Сама наружность его была зловещей: белый парик, как овечья шерсть, окаймлял его грубое длинное лицо. Рот, употребление которого сделало его столь знаменитым, помещался в середине лица, и поэтому перед изумленным зрителем предстал подбородок такой же длины, как нос и лоб вместе взятые. Он говорил напыщенно, как-то нараспев, выделяя некоторые звуки и растягивая гласные.

Эта печально знаменитая личность теперь выступила на процессе со своими несусветными показаниями о существующем якобы заговоре католиков, направленном на ниспровержение правительства и убийство короля. Суть заговора Оутс охарактеризовал в самых общих чертах, то есть примерно так же, как она излагается в любой истории Англии. Но, поскольку у доктора всегда имелись в запасе особые улики против тех, кто обвинялся в каждом новом случае, то на сей раз он принялся с жаром изобличать графиню Дерби. Он видел эту почтенную даму, — сказал он, — в колледже иезуитов в Сент-Омере. Она послала за ним в гостиницу — в auberge, как там говорят, — под названием «Золотой ягненок» и приказала ему завтракать с ней. А потом сказала, что, зная, как доверяют ему отцы ордена, она решила поделиться с ним своими тайнами. Вынув из-за пазухи широкий острый нож, похожий на тот, какими мясники режут овец, она спросила его, годится ли, по его мнению, этот нож для известной цели. И когда он, свидетель, спросил, для какой цели, она, ударив его по руке веером

и назвав недогадливым, сказала, что нож этот предназначается для убийства короля.

Тут сэр Джефри Певерил не мог больше сдерживать своего изумления и гнева.

— Господи боже! — вскричал он. — Кто слышал когда-нибудь, чтобы знатные дамы носили на груди нож мясника и доверяли первому встречному негодю свое намерение убить этим ножом короля? Господа присяжные, неужели вы способны в это поверить? Хотя, если бы негодяй сумел доказать с помощью честных свидетелей, что леди Дерби когда-либо позволила такому подонку, как он, говорить с ней, я бы поверил всем его словам.

— Сэр Джефри, — сказал судья, — успокойтесь. Вы не должны сердиться. Вспыльчивость здесь не поможет. Придется выслушать доктора до конца.

Доктор Оутс прибавил, что графиня жаловалась на несправедливость со стороны короля к роду Дерби, на гонения против ее вероисповедания, хвасталась замыслами иезуитов и семинарского духовенства и утверждала, что их будут поддерживать ее благородные родственники из дома Стэнли. Затем доктор заявил, что графиня и отцы чужеземной семинарии возлагали большие надежды на дарования и храбрость сэра Джефри Певерила и его сына, который принадлежал к ее семейству. Что же касается Хадсона, то Оутс будто бы слышал, как один из духовных отцов говорил, что «хоть он и пигмей телом, но великан духом в защите дела церкви».

Когда свидетель закончил свою речь, последовало минутное молчание, а затем судья вдруг, как будто эта мысль только что пришла ему в голову, спросил доктора Оутса, упоминал ли он имя графини Дерби в прежних своих показаниях по данному делу, изложенных перед Тайным советом или в другом месте.

Оутс, казалось, несколько удивился этому вопросу, покраснел с досады и, по обыкновению своему растягивая гласные, ответил:

— Не-ет, ми-и-ло-орд.

— Позвольте же спросить вас, доктор, как могло случиться, что вы, человек, открывший за последнее

время такое множество тайн, не сказали ни слова о столь важном обстоятельстве, как участие в заговоре этого родовитого семейства?

— Ми-ило-орд, — возразил Оутс с неслыханным бесстыдством, — я не за тем сюда пришел, чтобы мои показания относительно за-а-говора подвергались сомнению.

— Я не подвергаю сомнению ваши показания, доктор, — сказал Скрогз, еще не смея говорить с ним грубо, — и не сомневаюсь в существовании за-а-говора, ибо вы дали в том присягу. Я хочу только, чтобы вы, ради собственного благополучия и ради убоготворения всех добрых протестантов, объяснили, почему вы до сих пор скрывали от короля и народа такие важные сведения?

— Ми-ило-орд, — сказал Оутс, — я расскажу вам славную ба-асню.

— Надеюсь, — заметил судья, — что это будет первая и последняя басня, рассказанная вами здесь.

— Ми-ило-орд, — продолжал Оутс, — однажды лиса, которой нужно было перенести через замерзшую реку ку-урицу, а она боялась, что ле-од не выдержит ее и ее добы-ычу, решила перенести сначала камень, милорд, чтобы убедиться, насколько прочен ле-од.

— Значит, ваши предыдущие показания были всего лишь камнем, а сейчас вы впервые принесли нам курицу? — спросил сэр Уильям Скрогз. — Сказать нам такое, доктор, значит предполагать, что у судей и присяжных куриные мозги.

— Я желал бы, чтобы вы меня правильно поняли, ваша ми-илость, — ответил Оутс, чувствуя, что ветер переменился, и пытаюсь защищаться наглостью. — Все знают, милорд, чего мне стоит давать мои показания, которые всегда были орудием бо-ожьим, чтобы открыть глаза несчастному народу нашему на бедственное его положение. Многие знают, что мне пришлось соорудить укрепление вокруг моего дома в Уайтхолле, дабы защититься от кровавых папистов. Нельзя было и ожидать, что я вдруг открою все обстоятельства дела. Я ду-

маю, вы са-ами не посове-етовали бы мне поступить ина-аче.¹

— Не мое дело давать вам советы, доктор, — сказал судья. — Присяжные определяют, можно вам верить или нет. Они слышали ваш ответ на мой вопрос. Мое же дело быть равно справедливым к обвиняемому и к обвинителю.

Доктор Оутс покинул скамью свидетелей красный, как индюк; он не привык к тому, чтобы его показания перед судом подвергались хоть малейшему сомнению. И, быть может, в первый раз среди адвокатов, стряпчих и других законников, а также студентов-юристов, присутствовавших в суде, послышался отчетливый ропот неодобрения по адресу великого создателя заговора папистов.

Затем для поддержания обвинения поочередно были вызваны уже знакомые читателю Эверетт и Дейнджерфилд. Осведомители более низкого разряда, они умели только ходить по тропинке, проложенной Оутсом, преклоняясь перед его талантом и изобретательностью и сообразуясь, как могли, с его показаниями. И поскольку они никогда не пользовались таким доверием публики, каким пользовался бесстыдный Оутс, то упали в общем мнении еще быстрее, чем их образец, — так сначала падают башенки плохо выстроенного здания.

Напрасно Эверетт с точностью лицемера и Дейнджерфилд с наглостью забияки рассказывали, выдумывая различные подозрительные обстоятельства и поступки, о своей встрече с Джулианом Певерилом сначала в Ливерпуле, а потом в замке Мартиндейл; напрасно описывали они оружие и снаряжение, найденные ими у сэра Джеффри, и представляли в страшном виде побег Джулиана из Моултрэсси-Холла с помощью вооруженного отряда. Присяжные слушали

---

¹ Именно на таких условиях доктору Оутсу благоугодно было сохранить за собою свою исключительную роль поставщика лживых сведений правосудию. Смысл басни о лисе, курице и камне в его толковании состоит в том, что сначала надо удостовериться в степени доверчивости своих соотечественников, а уж потом досыта накормить их ложью. (Прим автора.)

их рассказы холодно, и было видно, что доносы не производят на них никакого впечатления, тем более что судья, всегда твердивший о том, что он верит в существование заговора, и не раз провозглашавший себя ревностным сторонником протестантской религии, то и дело напоминал им, что предположения и догадки — это еще не доказательства, что слухи не всегда достоверны, что человек, избравший доносы своим ремеслом, может кое-что и выдумать и что, не сомневаясь в виновности подсудимых, он был бы рад выслушать и показания иного характера.

— Нам тут рассказывают о мятеже и побеге молодого Певерила из дома влиятельного и почтенного мирового судьи, которого большинство из нас знает. Почему же, мистер прокурор, вы не пригласили сюда для подтверждения этого факта самого майора Бриджнорта и, если нужно, всех его домочадцев? Вооруженный мятеж — не такое дело, о каком можно было бы судить по рассказам этих двух свидетелей, хотя боже меня сохрани сомневаться в их словах. Они свидетельствуют в пользу короля и, что не менее дорого для нас, в пользу протестантской религии против самого жестокого, самого варварского заговора. С другой стороны, перед нами почтенный старый рыцарь — я обязан считать его таким, ибо он не раз проливал кровь за короля, и я изменю свое мнение о нем, только если нам представят доказательства обратного. А вот его сын — подающий надежды молодой человек. Мы должны позаботиться о том, чтобы их дело было рассмотрено со всей справедливостью, мистер прокурор.

— Вы правы, милорд! — ответил прокурор. — Сохрани нас бог поступить иначе! Но мы более подробно рассмотрим показания против этих несчастных джентльменов, если вы позволите продолжить допрос свидетелей.

— Продолжайте, мистер прокурор, — сказал судья, усаживаясь поудобнее в своем кресле. — Я ни в коей мере не собираюсь мешать обвинению и хочу только напомнить то, что вы знаете и без меня:

de non apparentibus et non existentibus eadem est ratio.¹

— Тогда мы вызовем майора Бриджнорта, как вы сами посоветовали, ваша милость. Он должен быть здесь.

— Нет! — ответил из толпы, как всем показалось, женский голос. — Он слишком умен и честен, чтобы быть здесь.

Голос слышался отчетливо, как когда-то голос леди Фэрфакс, выступившей с подобным заявлением во время суда над Карлом Первым, но женщину, которая произнесла эти слова, найти не смогли.

После небольшой заминки, вызванной этим обстоятельством, прокурор, посоветовавшись со своими советниками, сказал:

— У того, кто сообщил нам это известие, милорд, по-видимому, были для этого веские основания, ибо майор Бриджнорт, как мне сказали, внезапно исчез нынче утром.

— Вот видите, мистер прокурор, — заметил судья, — что получается, когда не подумаешь о том, чтобы собрать королевских свидетелей и держать их наготове. Теперь я не отвечаю за последствия.

— И я не могу отвечать за них, милорд, — с обидой возразил прокурор. — С помощью почтенного мирового судьи Бриджнорта мне удалось бы доказать, что между сэром Джеффри Певерилом и графиней Дерби, о деяниях и намерениях которой нам достаточно поведал доктор Оутс, существует старинная дружба. Я бы доказал, что Певерил укрыл графиню у себя в замке и оказал вооруженное сопротивление вышеупомянутому судье Бриджнорту, когда тот хотел на законном основании взять графиню под стражу. Более того — я мог бы доказать справедливость всех обвинений против молодого Певерила.

Тут судья засунул большие пальцы обеих рук за пояс, что было излюбленной его привычкой в подобных случаях, и вскричал:

---

¹ Отношение к неявившимся и к несуществующим одинаково (лат.).

— Мистер прокурор, не говорите мне о том, что вы доказали бы или могли бы доказать! Докажите нам все, что вам угодно, но только при помощи законных свидетелей. Жизнь человеческая не должна зависеть от умения законника красноречиво излагать свои мысли.

— Но и факт существования бесчестного заговора не должен быть замят из-за вашей поспешности, — ответил прокурор. — Я не могу вызвать сюда и мистера Чиффинча, ибо сейчас получил достоверное известие из Уайтхолла, что он занят особым поручением короля.

— Тогда, мистер прокурор, предъявите письма, в доставке которых обвиняется этот молодой человек, — сказал судья.

— Они представлены Тайному совету, милорд.

— Так почему же вы здесь основываете на них свои обвинения? — спросил судья. — Мне кажется, вы смеетесь над судом.

— Раз вам угодно так думать, ваша милость, — ответил прокурор, с раздражением усаживаясь на свое место, — можете вести дело как вам заблагорассудится.

— Если у вас нет более свидетелей, то будьте добры изложить ваши доказательства присяжным, — сказал судья.

— Сделать это не стоит труда, — ответил королевский обвинитель. — Я хорошо вижу, к чему вы клоните.

— Подумайте как следует, — посоветовал Скрогз. — Рассудите сами, ваше обвинение против обоих Певерилов почти не доказано, а обвинение против маленького человечка совершенно не обосновано, за исключением того, что доктор Оутс заявил, будто он в одном случае оказался великаном. Такого чуда и сам папа не сотворит!

Этот выпад, рассмешивший все собрание, глубоко возмутил прокурора.

— Мистер прокурор, — сказал Оутс, всегда вмешивавшийся в дела такого рода, — это означает ясный

и полный отказ от обвинения и, должен сказать, просто удушение заговора.

— Тогда пусть дьявол, который его породил, и хлопочет о нем! — закричал прокурор и, бросив на пол свою папку с бумагами, вышел из залы суда, словно рассердившись на всех, кто имел отношение к этому процессу.

Судья восстановил тишину — когда прокурор швырнул на пол дело, в зале поднялся громкий ропот — и начал наставлять присяжных, стараясь, как и прежде, казаться беспристрастным к обеим сторонам. Он клялся спасением своей души, что не сомневается в существовании страшного и заслуживающего самого жестокого осуждения заговора папистов, как не сомневается в предательстве Иуды Искарота, и что считает доктора Оутса орудием провидения для спасения Англии от всех несчастий — от убийства его величества и от второй Варфоломеевской ночи на улицах Лондона. Но затем он добавил, что беспристрастность английских законов требует: чем серьезнее преступление, тем неоспоримее должны быть доказательства. Сейчас они рассматривают дело лишь соучастников, ибо возглавляющему их лицу — так он назвал графиню Дерби — еще не предъявлено обвинение и оно находится на свободе. А что касается показаний доктора Оутса о личных делах этой благородной дамы, то ее слова — если она употребила таковые в порыве гнева — о помощи, которой она ожидала в своем изменническом деле от этих Певерилов и от своих родственников или родственников ее сына, из рода Стэнли, могли быть лишь вспышкой женского гнева — *dulcis Amaryllidis ira*,¹ как говорит поэт. Кто знает, не ошибся ли доктор Оутс — будучи джентльменом, обладающим приятной внешностью и веселым нравом, — приняв удар веером по руке за упрек в недостатке мужества в деле католиков, когда, весьма возможно, речь шла о мужестве иного порядка, ибо папистки, говорят, очень жестоко испытывают новообращенных и юных кандидатов в орден.

---

¹ Сладок гнев Амариллиды (лат.).

— Разумеется, я говорю это в шутку, — добавил судья, — не желая запятнать репутацию ни достопочтенной графини, ни преподобного доктора. Просте я думаю, что разговор между ними, возможно, не имел никакого отношения к государственной измене. Что же касается доводов прокурора относительно побега молодого Певерила и вооруженной силы, им примененной, то я уверен, что, когда такие вещи происходят в цивилизованной стране, их легко доказать и что мы с вами, джентльмены, не должны принимать на веру ничего, что не доказано. В отношении же третьего обвиняемого, этого *Galfridus minimus*,¹ — продолжал он, — я не могу найти даже тени подозрения против него. Смешно думать, что это недоразвитое существо очертя голову бросилось бы в гущу политических интриг, а тем более — военных хитростей. Стоит лишь взглянуть на него, как станет ясна вся абсурдность подобных предположений, ибо существо это по своему возрасту больше подходит для могилы, чем для заговора, а по росту и внешности — скорее для кукольного театра, чем для тайных козней.

При этих словах карлик пронзительно завизжал, уверяя судью, что он, каков он там ни есть, принимал участие в семи заговорах во времена Кромвеля, вместе, гордо добавил он, с самыми высокими людьми Англии. Бесподобный вид, с которым сэр Джеффри Хадсон сделал это хвастливое заявление, вызвал хохот во всей зале и придал еще более смешной оборот делу, так что единогласное решение присяжных, признавших подсудимых невиновными, было оглашено перед смеявшейся до слез толпой.

Обвиняемые были освобождены. С живейшим сочувствием смотрели многие, как сын бросился в объятия отца и как потом оба дружески подали руки бедному товарищу по несчастью, который, подобно маленькой собачонке, очутился наконец между ними и своим хныканьем вымолил себе свою долю участия и радости.

---

¹ Маленького Галфрида (лат.).

Таково было необычное окончание этого процесса. Карл думал было похвалиться этим перед герцогом Ормондом, ибо он сам способствовал спасению обвиняемых от строгости законов, но с изумлением и досадой вынужден был услышать холодный ответ его светлости, что он рад освобождению несчастных, но предпочел бы, чтобы король помиловал их сам, а не через судью, который прибегал к уловкам, словно жонглер, манипулирующий чашками и шарами.

Глава XLII

...Я свалил бы
В бою таких с полсотни.

*«Кориолан»*¹

Без сомнения, многие из зрителей, присутствовавших на описанном нами судебном процессе, с удивлением следили за ходом дела и заключили, что ссора между судьей и прокурором была подстроена нарочно, с целью провалить обвинение. Однако, хотя судебных чиновников и заподозрили в тайном сговоре, посетители суда, в большинстве своем люди умные и образованные, давно подозревавшие, что дело о заговоре папистов — всего лишь раздутый мыльный пузырь, обрадовались, увидев, что обвинения, основанные на доносах, из-за которых было пролито столько крови, теперь, во всяком случае, можно опровергнуть. Но совсем по-иному смотрела на это чернь, заполнившая и двор прошений и залу и даже толпившаяся на улице: она считала, что судья и прокурор сговорились помочь обвиняемым ускользнуть от наказания.

Оутс, который и по меньшему поводу мог довести себя до исступления, ринулся в толпу, надсадно крича:

---

¹ Перевод Ю. Корнеева.

— Они подде ерживают за-аговор! Они хотят скры-ть за-аговор! Судья и прокурор сговори-ились спасти загово-орщиков и папи-истов!

— Это все штучки папистской блудницы, герцогини Портсмутской, — раздался чей-то голос в толпе.

— Или самого Раули, — подхватил другой.

— Если уж ему так хочется погубить самого себя, то пускай идет ко всем чертям! — вскричал третий.

— Судить его! — завопил четвертый. — Судить за участие в заговоре против самого себя! Судить и повесить in terrorem!¹

Между тем сэр Джефри, его сын и маленький их товарищ покинули залу суда и направились на Флит-стрит, где жила теперь леди Певерил. В последнее время ей сильно облегчила тяготы жизни одна юная особа — не просто истинный друг, но сущий ангел, как выразился сэр Джефри, успевший пока только это сообщить Джулиану, и теперь она, конечно, с нетерпением ожидала мужа и сына. Жалость и мысль о том, что он, сам того не желая, обидел бедного карлика, заставили честного кавалера пригласить с собою и Хадсона.

— Я знаю, — сказал он, — что леди Певерил живет очень стесненно; но, верно, у нее найдется какой-нибудь шкаф, где можно будет устроить этого маленького джентльмена.

Карлик отметил про себя и эти слова, хотя они были вызваны самыми лучшими побуждениями, и решил, так же как и по поводу неуместного напоминания о пляске на столе, при первом же удобном случае серьезно объясниться с сэром Джефри.

В тот момент, когда они появились у выхода, все взоры устремились на них — прежде всего из-за самих событий, героями которых они были, но также и вследствие того, что, по выражению одного шутника из юридической корпорации, они напоминали три степени сравнения: большой, меньше, самый маленький. Не успели они сделать и двух десятков шагов, как Джулиан заметил, что толпа следует за

---

¹ Для устрашения (лат.).

ними по пятам не из одного только любопытства и что ее волнует буря низменных страстей.

— Вот эти головорезы паписты! — закричал один. — Ишь как бегут! В Рим торопятся.

— То есть в Уайтхолл, хочешь ты сказать, — подхватил другой.

— Мерзкие кровопийцы! — вопила какая-то женщина. — Позор, если они останутся в живых после злодейского убийства несчастного сэра Эдмондсбери.

— Повесить этих лицемеров присяжных! Выпустили папистских собак на наш мирный город! — ревел четвертый.

Шум и волнение усилились, и некоторые, самые неистовые, уже кричали:

— Улэмить их, братцы, улэмить!

Это выражение, бывшее в то время в большом употреблении, происходило от имени доктора Лэма, астролога и шарлатана, убитого чернью при Карле Первом.

Джулиана не на шутку встревожили эти опасные симптомы, и он пожалел, что они не спустились в Сити по Темзе. Но отступать было уже поздно, и он шепотом попросил отца идти поскорее в направлении к Черинг-кросу, не обращая внимания на оскорбления, ибо только решительный вид и твердая поступь могли удержать чернь от крайностей. Однако едва успели они миновать дворец, как выполнению этого благоразумного намерения помешали горячий нрав сэра Джеффри и вспыльчивость маленького Хадсона, душа которого с презрением отвергала доводы о превосходстве сил противника как по числу, так и по размеру.

— Чума бы побрала этих мошенников с их криками и гиканьем, — сказал сэр Джеффри Певерил. — Клянусь богом, будь у меня под рукой оружие, я бы научил их уму-разуму.

— И я тоже! — вскричал карлик; он изо всех сил старался поспеть за своими спутниками и уже задыхался от усталости. — Уж я бы показал этим плебеем, где раки зимуют!

В обступившей их толпе, всячески издевавшейся над ними и готовой в любую минуту на них броситься, был один злой мальчишка — подмастерье сапожника; услышав хвастливые слова доблестного карлика, он не долго думая отомстил ему, ударив его по голове сапогом, который как раз нес своему заказчику, отчего шляпа маленького джентльмена съехала ему на глаза. Не видя, кто его ударил, карлик, естественно, кинулся на самого высокого мужчину в толпе, но тот дал ему такого пинка в живот, что бедняга, как мячик, отлетел назад к своим товарищам. Тут на них набросились со всех сторон, но судьба, благоприветствовавшая желаниям Певерила-старшего, устроила так, что схватка эта произошла возле оружейной лавки, где товары были разложены для обозрения. Сэр Джеффри схватил палаш и начал размахивать им с грозным видом человека, которому не раз приходилось держать это оружие в руках. Джулиан стал звать на помощь констебля, одновременно пытаясь вразумить нападавших и объяснить им, что перед ними безобидные путники, но, видя тщетность своих усилий, счел за лучшее последовать примеру отца и тоже вооружился столь удачно оказавшейся поблизости шпагой.

Несмотря на столь решительно проявленное желание защищаться, толпа кинулась на них и смяла бедного карлика, которого, несомненно, растоптали бы в схватке, не будь рядом с ним его храброго тезки: отгоняя толпу взмахами палаша, он подхватил Хадсона сильной рукою и, поставив его на плоскую деревянную крышу лавки оружейника, избавил от опасности (теперь разве только кто-нибудь мог метнуть в него камень). В куче лежавшего на крыше ржавого хлама карлик проворно отыскал старый щит и рапиру и, укрывшись щитом, принялся размахивать рапирою перед самым носом нападавших. Преимущество его положения так ему понравилось, что он громогласно призвал своих товарищей стать под его защиту. Но отец и сын отнюдь не нуждались в его помощи; напротив, сражаясь с чернью на более равных условиях, они легко могли бы пробиться сквозь

толпу, если бы пожелали бросить своего маленького спутника, который в эту минуту со своим щитом и рапирой был похож на искусно сделанную крохотную куклу, служащую вывеской на доме учителя фехтования.

Наконец в воздухе замелькали дубинки и полетели камни; толпа, невзирая на отчаянные усилия Певерилов выбраться, никому не причинив вреда, решилась бы, наверно, довести дело до конца, если бы несколько присутствовавших на суде джентльменов, видя, что людям, которых только что оправдали, теперь угрожает опасность погибнуть от рук разъяренной толпы, не обнажили шпаг и не вступились за невинных. В это же время подоспел отряд королевской гвардии; узнав о происходящем, гвардейцы поспешили навести порядок. С появлением этого неожиданного подкрепления Джефри Певерил возрадовался душой, услышав крики, знакомые ему еще со дней его молодости. «Где эти рогоносцы круглоголовые?» — кричали одни. «Долой мошенников!» — кричали другие. «Да здравствует король и его друзья! Всех прочих к черту!» — кричали третьи, сопровождая эти крики такими проклятиями и бранью, какую не в силах выдержать бумага нашего более разборчивого века.

Старый кавалер, наостривший уши, как старая охотничья лошадь при лае гончих, теперь с радостью прошелся бы по Стрэнду с благой целью как следует проучить оскорбившую его толпу наглецов, но Джулиан удержал его. Он и сам был весьма раздражен злобным нападением черни, но со свойственным ему благоразумием рассудил, что в их положении надо думать о безопасности, а не о мщении. Он уговаривал и даже умолял отца укрыться куда-нибудь на время и переждать там, пока не утихнет ярость толпы, а не то будет поздно. Офицер, командовавший отрядом гвардии, также убеждал старого Певерила последовать совету сына, и если Джулиан заклинал отца именем матери, то командир гвардейцев прибегал для той же цели к имени короля. Старый рыцарь взглянул на свой палаш, на котором алела кровь

самых рьяных зачинщиков, и, казалось, остался недоволен собою.

— Эх, надо было хоть одного проткнуть насквозь; но, уж не знаю почему, когда я вижу их широкие, круглые английские рожи, рука у меня сама опускается и дальше царапин дело не идет.

— Его величеству угодно, чтобы это событие не имело дальнейших последствий, — напомнил офицер.

— Матушка умрет от страха, — сказал Джулиан, — если узнает об этой схватке до нашего прихода.

— Да, да, — ответил сэр Джеффри, — его величество и моя дорогая жена... Нечего делать, их желания надо исполнять, королям и женщинам следует повиноваться. Но куда же мы отступим, если уж так необходимо отступить?

Джулиан не знал, что ответить, ибо все заперли свои лавки и заложили двери засовами, как только заметили, что стычка принимает угрожающие размеры. К счастью, оружейник, товаром которого они так свободно распорядились, предложил им убежище от имени хозяина дома, где он нанимал лавку, учтиво намекнув, что смеет надеяться на великодушие джентльменов, пользовавшихся его оружием.

Джулиан лихорадочно обдумывал, принять ли это предложение, зная по опыту, какие ловушки расставляют друг другу соперничающие партии, ибо каждая из них слишком закоснела в своей ненависти к противнику, чтобы проявлять щепетильность в выборе средств борьбы, как вдруг раздался пронзительный крик карлика: все еще стоя на крыше, он изо всей мочи кричал — его надтреснутый голос напоминал вопли обессилевшего глашатая, — что необходимо принять приглашение почтенного хозяина дома. Его посетило, — заявил он, успокаиваясь после славной победы, в которой была и его доля, — прекрасное видение, слишком прекрасное, чтобы он, простой смертный, мог описать его, и оно приказало ему голосом, от которого его сердце затрепетало, как от звука воинской трубы, укрыться в доме этого достой-

ного человека и уговорить своих друзей сделать то же самое.

— Видение! — воскликнул Джефри Певерил. — Звук трубы! Малыш помешался.

Но оружейник довольно туманно объяснил им, что карлик говорит о какой-то девице, которая разговаривала с ним из окна и ручалась за их безопасность, если они укроются в этом доме. Заметив, что шум и крики в отдалении усиливаются, он сказал, что толпа еще не разошлась и вскоре снова нападет на них в еще большем числе и с еще большим ожесточением.

Оба Певерила торопливо поблагодарили офицера, солдат и других джентльменов, пришедших им на помощь, сняли маленького Джефри Хадсона с его высокой цитадели, где он так храбро действовал во время схватки, и последовали за оружейником, который для большей безопасности повел их черным ходом через тупик и дворы. Поднявшись по лестнице, покрытой соломенными циновками, предохраняющими от сырости, они вошли в довольно большую залу, обитую грубой зеленой саржей с каймой из позолоченной кожи, какую небогатые или скупые горожане употребляли вместо гобеленов или панелей.

Здесь Джулиан так щедро вознаграждал оружейника за его рапиры, что тот великодушно передал их в полную собственность джентльменов — с тем большим удовольствием, сказал торговец, что оно попадет в руки людей храбрых и умеющих им владеть — в этом он убедился.

Карлик учтиво улыбнулся ему и, поклонившись, сунул руку в карман, но тотчас с небрежным видом вынул ее, вероятно обнаружив, что там нет ничего, чем он мог бы отблагодарить оружейника.

Оружейник, уже откланявшись и собираясь уходить, продолжал разговор: он знает, что вскоре в Англии опять настанут горячие деньки и что клинки Бильбоа будут цениться не меньше, чем в былые времена.

— Я помню, джентльмены, — сказал он, — хотя был тогда еще мальчишкой, как велик был спрос на оружие в сорок первом и сорок втором годах.

Палашей покупали больше, чем зубочисток, и Старый Железнобокий, мой хозяин, брал за дрянные рапиры не меньше, чем я осмеливаюсь просить теперь за толедский клинок. По правде сказать, тогда жизнь человека зависела от его оружия. Кавалеры и круглоголовые каждый божий день дрались перед воротами Уайтхолла; верно, и теперь, следуя вашему благородному примеру, они снова возьмутся за прежнее; тогда я смогу оставить эту жалкую лавку и открыть другую, гораздо лучше. Надеюсь, джентльмены, вы замолвите за меня слово перед своими друзьями. У меня всегда полно товару, на который спокойно может положиться любой джентльмен.

— Спасибо, любезный, — ответил Джулиан, — но теперь ступай. Будем надеяться, что в ближайшее время нам не понадобится твой товар.

Оружейник вышел, а карлик поспешил за ним к дверям, крича ему вслед, что вскоре зайдет выбрать клинок подлиннее и более удобный в бою. Правда, сказал он, его маленькая шпага вполне годится ему на каждый день или когда приходится драться с такими канальями, с какими им только что довелось схватиться.

Услышав эти слова, оружейник воротился и сказал, что с удовольствием предоставит карлику оружие под стать его воинственной натуре. А затем, словно осененный новой мыслью, добавил:

— Но, джентльмены, если вы пойдете по Стрэнду с обнаженными саблями, толпа снова на вас набросится. Прикажите, и, пока вы изволите здесь отдыхать, я подберу на них ножны.

Это предложение выглядело вполне разумно, и оба Певерила отдали свое оружие торговцу; после минутного колебания карлик последовал их примеру, величественно добавив, что без опасения расстается с верной подругой, которую судьба даровала ему всего минуту назад. Оружейник вышел, держа под мышкой оружие, и, затворив за собой дверь, запер ее на ключ.

— Ты слышал? — спросил сэра Джеффри сына. — И мы безоружны!

Вместо ответа Джулиан осмотрел крепко запертую дверь, а затем взглянул на защищенные решетками окна, которые находились на высоте второго этажа.

— Не думаю, — сказал он после минутного размышления, — что этот человек готовит нам западню. Во всяком случае, не трудно выломать дверь или уйти каким-нибудь иным путем. Подождем, пока разойдется толпа, и дадим время оружейнику выполнить свое обещание. Если же он не вернется, попытаемся прибегнуть к самым крайним мерам; думаю, что нам удастся выбраться отсюда без больших затруднений.

Едва он произнес последние слова, как отодвинулась занавесь, скрывавшая маленькую потайную дверь, и в комнату вошел майор Бриджнорт.

Глава XLIII

Меж ними он явился, словно дух,
Чтобы напомнить о суде грядущем
И о небесной каре.

«Реформатор»

Удивление Джулиана при неожиданном появлении Бриджнорта тотчас сменилось тревогой: он знал вспыльчивый нрав своего отца и боялся, что тот затеет ссору с их бывшим соседом, которого Джулиан уважал как за его собственные достоинства, так и потому, что он был отцом Алисы. Однако внешний вид Бриджнорта никак не мог бы возбудить негодования. Лицо его выражало спокойствие, походка была медленная и размеренная; в глазах не было ни гнева, ни торжества, хотя где-то глубоко в них таилось беспокойство.

— Приветствую вас, сэр Джефри Певерил, под гостеприимным кровом этого дома, — сказал он. — Я рад вам не меньше, чем прежде, когда мы были соседями и друзьями.

— Черт поberi, — ответил старый кавалер. — Если бы я знал, что это твой дом, то лучше умер бы, чем переступил его порог даже в поисках спасения.

— Я прощаю вам эту неучтивость, — сказал Бриджнорт. — Ваши слова — следствие предрассудков.

— Побереги прощение для себя, — возразил кавалер. — Я поклялся святым Георгием, что, если только мне удастся уйти из этой проклятой тюрьмы, куда я попал по твоей милости, мистер Бриджнорт, я заставлю тебя заплатить мне за все сполна. Я никогда не трону человека в его собственном доме, но если ты прикажешь этому торговцу возвратить мне оружие и пожелаешь пройти со мною в один из закоулков двора, я покажу тебе, может ли изменник устоять против верноподданного его величества, а кровожадный пуританин — против Певерила из рода Пиков.

Бриджнорт спокойно улыбнулся.

— Когда я был моложе, кровь моя была горячей, — ответил он, — но и тогда я отверг бы ваш вызов, сэр Джефри. Не приму я его и сейчас, когда нам обоим остался лишь шаг до могилы. А крови моей я не жалел и не пожалею для отчизны.

— То есть когда тебе представится новая возможность изменить королю, — возразил сэр Джефри.

— Отец, — вмешался Джулиан, — выслушаем мистера Бриджнорта. Мы нашли убежище в его доме; кроме того, как видишь, он в Лондоне, но не явился в суд свидетельствовать против нас, хотя, быть может, его показания оказались бы для нас роковыми.

— Вы правы, молодой человек, — сказал Бриджнорт, — пусть залогом моей искренней доброжелательности послужит то, что я не пошел в Уэстминстер, хотя стоило мне сказать лишь несколько слов — и гибель древнего рода Пиков была бы неизбежна. Всего десять минут потребовалось бы мне, чтобы дойти до зала суда, и вы были бы осуждены. Но могли я на это решиться, зная, что тебе, Джулиан Певерил, я обязан спасением моей дочери, моей дорогой Алисы — единственного близкого существа, оставше-

гося мне в память о ее покойной матери, — из сетей, которыми ад и распутство опутали ее?

— Надеюсь, она в безопасности? — нетерпеливо воскликнул Джулиан, почти забыв о присутствии отца. — Надеюсь, она в безопасности и под вашей защитой?

— Нет, — с горечью ответил майор, — но она вверена попечению той, чье покровительство после покровительства божьего всех надежнее.

— Вы уверены... вы совершенно уверены в безопасности Алисы? — нетерпеливо повторил Джулиан. — Ведь я нашел ее у женщины, которой она тоже была доверена, но которая...

— Которая оказалась самой подлой из всех женщин, — ответил Бриджнорт. — Тот, кто поручил ей Алису, ошибся в ней.

— Скажите лучше, что вы ошиблись в нем. Вспомните, когда мы расставались в Моултрэсси, я предупреждал вас, что этот Гэнлесс...

— Помню, — прервал его Бриджнорт. — Вы говорили, что он — человек, искушенный в житейских делах, и это правда. Но он искупил свою вину тем, что освободил Алису от опасностей, грозивших ей, когда ее разлучили с вами. Кроме того, я и не думаю снова доверить ему мое единственное сокровище.

— Благодарение богу, хоть на это ваши глаза открылись, — заметил Джулиан.

— Сегодня они или широко откроются, или закроются навсегда, — ответил Бриджнорт.

Оба они говорили так, словно были наедине друг с другом. Сэр Джеффри слушал их с удивлением и любопытством, пытаясь догадаться, о чем идет речь. Но ему так и не удалось ничего понять, и он прервал их, вскричав:

— Гром и молния! Джулиан, что все это значит? О чем ты болтаешь? Что у тебя общего с этим человеком? Не разговаривать с ним надо, а дать ему палок, если только стоит тратить силы на такого старого негодяя!

— Дорогой отец, — ответил Джулиан, — ты плохо знаешь этого джентльмена и судишь о нем неспра-

ведливо. Я многим ему обязан, и, конечно, когда ты узнаешь...

— Лучше мне умереть, прежде чем такая минута наступит! — вскричал сэр Джеффри и продолжал, все больше раздражаясь: — Молю бога, чтобы я очутился в могиле, прежде чем узнаю, что мой сын, мой единственный сын, последняя надежда нашего древнего рода, последний отпрыск Певевериллов, принимал одолжения от человека, ненавистного мне как никто на свете и еще более мною презираемого. Жалкий щенок! — воскликнул он яростно. — Краснеешь и молчишь? Говори, признавайся, что это ложь, или, клянись богом моих отцов..

Но тут к нему подскочил карлик.

— Замолчите! — повелительно крикнул он столь пронзительным голосом, что, казалось, голос этот не мог исходить из груди человека. — Чадо греха и гордыни, замолчи! Не призывай святое имя во свидетельство столь греховной ненависти.

Эти слова, сказанные смело и решительно, и твердая уверенность в своей правоте на мгновение дали презренному карлику власть над неукротимым духом его огромного тезки. Секунду сэр Джеффри Певеверил смотрел на него с робостью, словно перед ним появилось нечто сверхъестественное, а затем пробормотал:

— Что знаешь ты о причине моего гнева?

— Ничего, — ответил карлик, — но все равно: ничто не может оправдать клятву, которую вы собирались произнести. Неблагодарный! Удивительным стечением обстоятельств вы спасены сегодня от губительной клеветы злых людей. Возможно ли в такой день предаваться гневу и злобе?

— Я заслуживаю этот упрек, — ответил сэр Джеффри, — хотя и получил его от необычного человека — кузнечик, как говорится в молитвеннике, стал для меня тяжким бременем. Джулиан, мы поговорим с тобой об этих делах потом. Что же касается вас, мистер Бриджнорт, то с вами я не желаю иметь никаких отношений: ни дружеских, ни враждебных. Время не ждет, и мне бы хотелось вернуться к жене. Прикажете отдать нам оружие и отпереть двери.

Расстанемся без дальнейших препирательств: они могут лишь растревожить и ожесточить обоих нас.

— Сэр Джефри Певерил, — сказал Бриджнорт, — я не хочу вводить в гнев ни вас, ни себя, но я не могу так быстро вас отпустить. Это идет вразрез с моими намерениями.

— Как, сэр? Вы хотите сказать, что намерены задержать нас здесь против нашей воли? — вскричал карлик. — Да если бы мне не велело оставаться здесь то существо, коему принадлежит высшая власть надо мной, бедным маленьким человечком, я бы показал вам, что все ваши замки и щеколды ровно ничего для меня не значат.

— Правда, — заметил сэр Джефри, — в случае нужды, мне кажется, он пролезет и сквозь замочную скважину.

По лицу майора скользнуло нечто вроде улыбки, когда он услышал хвастливую речь маленького храбреца и презрительное замечание сэра Джефри Певерила; но лицо его мгновенно приняло прежнее выражение.

— Джентльмены, — сказал он, — всем вам лучше остаться здесь добровольно. Поверьте, вам не желают зла; напротив, оставшись здесь, вы будете в полной безопасности, в противном же случае навлечете на себя беду. Не вредите себе сами, и я не дам и волосу упасть с вашей головы. Но помните, что сила на моей стороне, и если вы попытаетесь вырваться отсюда самовольно и с вами что-нибудь случится, то пенять вам придется только на самих себя. Вы мне не верите? Пусть тогда мистер Джулиан Певерил пойдет со мной и убедится, что у меня есть все средства подавить ваше сопротивление.

— Измена, измена! — вскричал старый кавалер. — Измена богу и королю! О, если бы у меня хоть на полчаса оказался в руках палаш, с которым я так беспечно расстался!

— Умоляю тебя, отец, успокойся, — сказал Джулиан. — Я пойду с мистером Бриджнортом, раз он об этом просит, и сам увижу, какая опасность нам угрожает. Быть может, мне удастся уговорить его

воздержаться от крайних мер, если он сгоряча решился на них. Во всяком случае, положишься на своего сына: он знает, как вести себя.

— Поступай как знаешь, Джулиан, — ответил отец. — Я полагаюсь на тебя. Но если ты окажешься недостойным моего доверия — знай: на твою голову падет проклятие отца.

Бриджнорт жестом пригласил Джулиана следовать за ним, и они вышли через ту потайную дверь, в которую он вошел.

Коридор вывел их в переднюю, куда сходились еще несколько дверей и коридоров. Бриджнорт повел Джулиана дальше, знаком попросив его не шуметь и не говорить ни слова. Вскоре он услышал чей-то голос, что-то настойчиво и выразительно говоривший. Ступая легко и беззвучно, Бриджнорт провел его через дверь в конце коридора, и они очутились в небольшой галерее, разгороженной занавесью, из-за которой ясно и отчетливо слышался голос, по-видимому, проповедника.

Джулиан теперь не сомневался, что попал на одно из тех тайных и противозаконных собраний, которые все еще постоянно происходили в разных районах Лондона и его окрестностях. Правительство из осторожности или нерешительности смотрело сквозь пальцы на те из них, что состояли из людей, придерживавшихся умеренных политических воззрений, хотя и отвергавших догматы англиканской церкви. Но оно выслеживало, запрещало и преследовало сборища всех тех, кто принадлежал к непримиримым и яростным сектам индипендентов, анабаптистов, сторонников Пятой монархии и другим, чей суровый фанатизм сыграл такую роковую роль в судьбе Карла Первого.

Джулиан вскоре убедился, что собрание, куда его провели с такими предосторожностями, принадлежит к разряду последних и что оно, судя по гневной речи проповедника, состоит из самых отчаянных фанатиков. Он еще более в том убедился, когда по знаку Бриджнорта осторожно отодвинул уголок занавеси,

висевшей над входом в галерею, и, скрытый ею, увидел всех слушателей и оратора.

В зале, уставленной скамьями и, по-видимому, предназначенной для богослужения, находилось около двух сотен человек. Это были одни мужчины, вооруженные пиками, мушкетами, саблями и пистолетами. Большинство из них, судя по внешнему виду, составляли бывшие солдаты, уже немолодые, но еще полные сил, что вполне заменяет юношескую ловкость. Они стояли и сидели, облокотясь на свои пики и мушкеты, и сурово внимали словам проповедника: все взоры были устремлены на него, а он, заканчивая свою страстную речь, развернул знамя с изображением льва и надписью: «*Vicit Leo ex tribu Judæ*».¹

Поток мистического, но пламенного красноречия проповедника, седовласого старика, фанатизм которого возмещал ему недостаток голоса и сил, утраченных с годами, вполне удовлетворял вкусам присутствующих, но мы отказываемся повторить эти возмутительные и непристойные речи на страницах нашей книги. Оратор угрожал правителям Англии всеми проклятиями, павшими на головы правителей Ассирии и Моава; взывал к святым угодникам, моля их пустить в ход свою силу, и обещал чудеса, подобные тем, что помогли некогда Исае и его преемникам, доблестным судьям израилевым, против амореев, мадианитян и филистимлян. Он предрекал, что раздается трубный глас, будут сломаны печати и изольют влагу сосуды, и предсказывал грядущее правосудие под всеми таинственными знаками апокалипсиса. Был также провозглашен конец света со всеми предшествующими ему ужасами.

Охваченный глубокой тревогой, Джулиан вскоре понял, что это сборище может окончиться открытым бунтом, таким же, как мятеж членов секты Пятой монархии под предводительством Веннера, который произошел в первые годы правления Карла; кроме того, он подумал, что Бриджнорт, быть может, также причастен к этому преступному и отчаянному

---

¹ Победил лев из племени Иуды (лат.).

предприятию. Когда же проповедник призвал своих слушателей оставить надежду, будто слепое повиновение законам упрочит безопасность страны и ее народа, все сомнения Джулиана окончательно рассеялись. «Идя этим путем, — сказал проповедник, — вы в лучшем случае гонитесь за плотской, мирской потребой — вы возвращаетесь в Египет, ища милости гонителей ваших, не помышляя о том, что божественный ваш предводитель с негодованием отвергает сие, как постыдное бегство в чужой стан и забвение тех знамен, что осеняют нас ныне». Здесь он торжественно потряс над головами слушателей знаменем с изображением льва, как единственным символом, под сенью которого они обретут жизнь и свободу. И затем стал доказывать, что прибегать к обычному правосудию бесполезно и грешно.

— События в Уэстминстере, — сказал он, — должны убедить вас, что тот, кто сейчас обитает в Уайтхолле, ничем не отличается от своего отца. — И он закончил длинную тираду против греховного двора уверением в том, что «и нынешнему королю уготован Тофет; там ему и место».

Затем оратор осмелился предсказать, что вскоре грядет торжество теократии, и начал было ее подробно описывать, но тут Бриджнорт, который, казалось, забыл о Джулиане и с напряженным вниманием слушал речь проповедника, вдруг опомнился и, схватив юношу за руку, вывел из галереи в соседнюю комнату, тщательно затворив за собою дверь.

Когда они вошли туда, майор, предупреждая расспросы Джулиана, сам спросил его суровым и торжественным тоном, понимает ли он, что люди, которых он только что видел, не остановятся ни перед чем и что пытаться вырваться из дому, все выходы из которого охраняются такими защитниками, людьми, воинственными с молодых лет, не только опасно, но и просто губительно.

— Ради бога, скажите мне, — заговорил Джулиан, не отвечая на вопрос Бриджнорта, — для какой безумной цели собрали вы здесь этих безумцев? Я знаю, что у вас свое, особое воззрение на религию,

но бойтесь обмануться! Никакая религия не может одобрить мятеж и убийство, а таковы неизбежные последствия тех поучений, которые мы сейчас слышали и которым с такой жадностью внимали эти иступленные фанатики.

— Сын мой, — спокойно ответил Бриджнорт, — в молодости и я так думал. Мне казалось достаточным отдавать исправно десятину тмина и мяты, — такой жалкой, ничтожной данью ограничивал я для себя исполнение стародавнего нравственного закона и полагал, что накапливаю драгоценные зерна, когда на самом деле они не более как гнилая мякина, которую не станут есть даже свиньи. Но да будет благословенно имя господне, ибо пелена спала с глаз моих и после сорока лет блужданий в пустыне Синайской я наконец обрел землю обетованную. Я очистился от мирской скверны, отряхнул прах с ног моих и могу теперь с чистой совестью возложить руку на плуг, не боясь, что во мне еще остались какие-то слабости. Борозды, — добавил он, нахмурившись, и мрачный огонь загорелся в его больших глазах, — должны быть длинны и глубоки, и кровь сильных мира сего орошит их!

Резкая перемена в тоне и манере Бриджнорта, когда он произносил эти необычные слова, не оставляла сомнений, что его разум, столько лет метавшийся между природным благоразумием и фанатизмом века, наконец поддался последнему. И хотя Джулиан понимал, какой опасности подвергаются сам этот несчастный человек, невинная и прекрасная Алиса и его собственный отец, не говоря уже о неизбежных при любом мятеже общественных бедствиях, он в то же время чувствовал, что никакие убеждения не заставят свернуть со страшного пути человека, у которого доводы религии сильнее доводов разума. Оставалось лишь воззвать к его сердцу. И Джулиан принялся умолять Бриджнорта подумать о том, что, следуя своим отчаянным стремлениям, он ставит на карту также честь и жизнь своей дочери.

— Если вы погибнете, — говорил он, — она падет в руки своего дяди, который, как вы сами

признаете, совершил огромную ошибку в выборе покровительницы, а ведь это, поверьте мне, не ошибка: я имею все основания утверждать, что выбирал он не вслепую.

— Молодой человек, — ответил Бриджнорт, — ты поступаешь со мной, как злой мальчишка: привязав нитку к крылу бедной птицы, он тянет ее к земле всякий раз, когда она пытается взлететь. Но, раз уж ты затеял такую жестокую игру — возвращать меня с небес на землю, знай, что та, у кого я поместил Алису и кто в дальнейшем будет руководить ее действиями и решать ее судьбу, вопреки Кристиану и другим, это... Нет, я не назову тебе ее имени. Довольно... Никто не смеет... а менее всех ты — сомневаться в том, что дочь моя в безопасности.

В это мгновение отворилась боковая дверь, и в комнату вошел сам Кристиан. Он вздрогнул и покраснел, увидев Джулиана, но, обернувшись к Бриджнорту, спросил его с притворным равнодушием:

— Саул среди пророков? Певерил в числе избранных?

— Нет, брат мой, — ответил Бриджнорт, — его час еще не наступил, равно как и твой. Тобой владеют честолюбивые помыслы зрелого возраста, он слишком увлечен страстями юности, чтобы услышать тихий, спокойный зов. Но, надеюсь, вы услышите его со временем, и я прошу о том бога в моих молитвах.

— Мистер Гэнлесс, или Кристиан, или как вам угодно называть себя, — сказал Джулиан, — какими бы доводами вы ни руководствовались, участвуя в этом опасном деле, уж вы-то, во всяком случае, не воспламенены мыслью, что, восстав с оружием против отечества, исполняете волю божью. Прошу вас, забудьте сейчас о несогласиях между нами и помогите мне, как человек дальновидный и благоразумный, уговорить мистера Бриджнорта отказаться от задуманного им губительного предприятия.

— Молодой человек, — ответил Кристиан весьма хладнокровно, — когда мы впервые встретились на

западе, я готов был стать вашим другом, но вы меня отвергли. Тем не менее вы достаточно меня знаете и можете представить себе, что я не стану участвовать в безнадежной затее. Что же касается того дела, о котором мы сейчас говорим, — мой брат Бриджнорт вносит в него чистосердечие, хотя и далекое от безобидности голубки, а я — мудрость змеи. Он предводительствует святыми, вдохновленными свыше, а я к их стараниям прибавляю мощный отряд, который вдохновляют земные страсти, дьявол и плоть.

— И вы согласны на такой недостойный союз? — спросил Джулиан Бриджнорта.

— Здесь нет союза, — ответил Бриджнорт, — но я не чувствую себя вправе отвергнуть помощь, посылаемую провидением его слугам. Число наше невелико, однако мы полны решимости. И всякий, кто придет на жатву с серпом в руке, будет принят с радостью. Когда жнецы свершат свое дело, они либо обратятся в нашу веру, либо расточатся. Был ли ты в Йорк-хаусе, брат, и видел ли ты этого нерешительного эпикурейца? В течение часа нам нужно знать его окончательное решение.

Кристиан взглянул на Джулиана, давая понять Бриджнорту, что присутствие юноши мешает ему ответить. Бриджнорт поднялся и, взяв молодого человека под руку, препроводил его обратно в ту комнату, где его ожидали отец и Хадсон. По дороге майор повторил, что все выходы из дома охраняются сильной и бдительной стражей и что Джулиану необходимо убедить отца задержаться на несколько часов в добровольном плену.

Джулиан ничего не ответил, и Бриджнорт вышел, оставив его наедине с отцом и Хадсоном. На их расспросы он коротко сказал, что, по-видимому, их на самом деле заманили в западню, ибо они находятся в доме, где расположились по меньшей мере две сотни фанатиков, вооруженных до зубов и готовящихся к какому-то отчаянному предприятию. У них же нет оружия, и это делает открытое сопротивление невозможным; и как ни неприятно оставаться здесь, трудно предположить, что при таких запорах на дверях

и окна их бегство, если они на него решатся, останется незамеченным.

Доблестный карлик один не терял присутствия духа и старался, хотя и безуспешно, ободрить своих товарищей по несчастью.

— Прекрасное существо с глазами, горящими подобно звездам Леды, — сказал маленький человечек, который был большим поклонником высокого стиля, — не могло пригласить меня, самого преданного и, быть может, не самого последнего из его слуг, в такую гавань, где меня ожидало бы крушение. — И он великодушно уверял своих товарищей, что, поскольку он в безопасности, им тоже ничто не грозит.

Сэр Джефри, не слишком прельщаясь такой надеждой, сокрушался, что не может добраться до Уайтхолла, где он, конечно, нашел бы немало храбрых кавалеров, готовых помочь ему уничтожить этот осиный рой в самом гнезде его. А Джулиан думал, что лучшая услуга, какую он мог бы оказать Бриджнорту, — это открыть правительству существование заговора и, если возможно, заблаговременно предупредить об этом майора, чтобы тот успел спастись.

Оставим их на досуге обдумывать свои планы, ни один из которых, по-видимому, не мог быть осуществлен, поскольку прежде всего необходимо было обрести свободу.

Глава XLIV

Порой одним отчаянным прыжком
Спасают жизнь — иль жертвуют собою;
Иной прыжок приносит власть и славу, —
Я прыгаю от радости.

«Сон»

Переговорив с Бриджнортом наедине, Кристиан поспешил во дворец герцога Бакингема, выбирая путь, который позволил бы ему не встретить знакомых. Его провели в комнаты герцога, которого он застал за приятным занятием: герцог щелкал орехи и ел их,

а на столе перед ним стояла бутылка с превосходным белым вином.

— Послушай, Кристиан, вот потеха! — сказал его светлость. — Я побился об заклад с сэром Чарлзом Сэдли и выиграл у него целую тысячу, клянусь всеми святыми.

— Рад, что вам сопутствует удача, — ответил Кристиан. — Но я пришел к вам по серьезному делу.

— Серьезному? Вряд ли я когда-нибудь буду серьезным, ха-ха-ха! Что же касается удачи, то тут она ни при чем. Остроумие да изобретательность — вот и все. И если бы я не боялся оскорбить Фортуну, подобно одному древнему полководцу, то сказал бы ей прямо в лицо: твоей доли в этом деле нет. Знаешь ли ты, Нед Кристиан, что умерла старая Кресуэл?

— Да, говорят, дьявол уже прибрал ее, — ответил Кристиан.

— Ты неблагодарен, — сказал герцог. — Насколько мне известно, ты ей обязан не меньше других. Право же, старушка была благожелательна и во многом полезна. И чтобы ей не пришлось остаться без напутствия, как какой-нибудь еретичке, я побился об заклад — слышишь? — с Сэдли, что напишу к ее похоронам надгробную проповедь, что каждое слово там будет ей в похвалу, что при этом о ней будет сказана чистая правда, что епископ, однако, не сможет запретить Куодлингу, моему маленькому священнику, прочитать эту проповедь с кафедры.

— Я вполне могу оценить трудности этой задачи, милорд, — ответил Кристиан, который отлично знал, что не добьется внимания ветреного вельможи до тех пор, пока тот не выскажет всего, что в эту минуту занимает его ум, и потому в собственных же его, Кристиана, интересах дать герцогу поскорее выговориться.

— Ну вот, — продолжал герцог, — я заставил Куодлинга сказать примерно следующее: «Что бы ни говорили дурного о жизни этой достойной женщины, чьи останки мы предали сегодня земле, само злословие не сможет отрицать, что она хорошо родилась, хорошо вышла замуж, хорошо жила и хорошо умерла,

ибо она родилась в Шедуэле, вышла замуж за Кресуэла, жила в Кэмберуэле и умерла в Брайдуэле...»¹ На этом кончилась речь, а с нею и честолюбивые мечты Седли, который намерен был перехитрить Бакингема. Ха-ха-ха! Итак, мистер Кристиан, что вам нынче угодно мне приказать?

— Во-первых, я должен поблагодарить вашу светлость за внимание: вы приставили к вашему бедному другу и слуге грозного полковника Блада. Черт побери, он так горячо принял к сердцу необходимость спровадить меня подальше от Лондона, что хотел добиться этого при помощи шпаги, а потому мне пришлось сделать этому наглецу небольшое кровопускание. Вашим фехтовальщикам, милорд, что-то не везет последнее время, и это странно — ведь вы всегда выбираете самых лучших и самых неразборчивых в средствах.

— Ну, ну, Кристиан, — сказал герцог, — не рано ли ты возликовал? Великий человек, если я могу назвать себя так, велик даже в неудачах. Я сыграл с тобой эту невинную шутку, Кристиан, чтобы показать тебе, как я интересуюсь твоими намерениями. Но я вижу, негодяй осмелился напасть на тебя с оружием? Этого я никогда ему не прошу! Как! Подвергать опасности жизнь моего старинного друга Кристиана!..

— А почему бы и нет, милорд, — хладнокровно сказал Кристиан, — коли этот старинный друг заупрямился и не хочет, как послушный мальчик, покинуть Лондон, когда вашей светлости угодно в его отсутствие развлекать у себя в доме его племянницу!

— Как так? Мне было угодно развлекать твою племянницу, Кристиан? — воскликнул герцог. — Но эта молодая особа отнюдь не нуждается в моих заботах — если не ошибаюсь, она должна была стать предметом благосклонного внимания короля.

---

¹ В подлиннике игра слов *well* по-английски значит «хорошо» и «источник»; в последнем значении входит в состав упоминаемых здесь географических названий.

— Однако ей пришлось пробыть в вашем монастыре чуть не двое суток. К счастью, милорд, отец настоятель как раз отсутствовал, а так как с некоторого времени монастыри у нас не в моде, то, когда он вернулся, птичка уже улетела.

— Кристиан, ты старый плут! Я вижу, тебя не перехитришь. Значит, это ты похитил мою хорошенькую пленницу, оставив ей заместительницу, на мой взгляд — гораздо более интересную. Ах, если бы она сама не отрастила себе крыльев и не упорхнула на них, я посадил бы ее в клетку из чистого золота! Впрочем, не бойся, Кристиан, я прощаю тебя, прощаю!

— Ваша светлость сегодня на редкость великодушны, особенно принимая во внимание то, что обижен я, а не вы. Мудрецы говорят, что обидчик труднее прощает, нежели обиженный.

— Что верно, то верно, Кристиан, — сказал герцог, — и, как ты правильно заметил, это нечто совершенно новое во мне: мое великодушие действительно выглядит удивительным. Ну, я отпустил тебе твой грех; когда же я снова увижу мою мавританскую принцессу?

— Когда я буду совершенно уверен, что каламбуры, пари и надгробные речи не вытеснят ее из памяти вашей светлости.

— Все остроумие Саута, или Этериджа, или даже мое собственное, — быстро сказал Бакингом, — не заставят меня позабыть мой долг перед прелестной мавританкой.

— Оставим хоть на минуту эту прекрасную даму, — сказал Кристиан. — Клянусь, в свое время ваша светлость ее увидит и убедится, что она — самая необыкновенная женщина нашего века. Но пока забудем ее, милорд. Давно ли вы получали известия о здоровье вашей супруги?

— О здоровье герцогини? — удивился герцог. — Нет... гм... Она была больна... но...

— Но теперь уже не больна, — заключил Кристиан. — Двое суток назад она скончалась в Йоркшире.

— Ты в дружбе с самим чертом! — вскричал герцог

— Для человека с моим именем это было бы неприлично, — ответил Кристиан. — Но за то короткое время, пока новость, известная вашей светлости, еще не стала всеобщим достоянием, вы успели, кажется, просить у короля руки леди Анны, второй дочери герцога Йоркского, и получили отказ.

— Гром и молния! — вскричал герцог, вскакивая и хватая Кристиана за ворот. — Откуда ты знаешь об этом, негодяй?

— Уберите руки, милорд, и я, быть может, отвечу вам, — сказал Кристиан. — Я человек простой, старого пуританского склада и не люблю рукоприкладства. Отпустите мой ворот, говорю вам, не то я найду средство заставить вас сделать это.

Герцог держал Кристиана за ворот левой рукой, а правую не спускал с рукояти кинжала, но при последних словах Кристиана отпустил его, правда очень медленно и нехотя, с видом человека, который только откладывает исполнение своего намерения, а не отказывается от него. Кристиан с величайшим спокойствием поправил платье и продолжал:

— Вот теперь мы можем говорить на равных правах. Я пришел не оскорблять вашу светлость, а предложить вам средство отомстить за оскорбление.

— Отомстить? — воскликнул герцог. — В нынешнем моем состоянии духа для меня нет ничего сладостнее этого слова. Я жажду мести, я стремлюсь к мести, я готов умереть, чтобы отомстить. Черт бы меня побрал! — продолжал он почти в исступлении, безостановочно шагая взад и вперед по комнате. — Я старался изгнать из моей памяти этот отказ тысячью разных глупостей — думал, что никто о нем не знает. Но он известен, причем именно тебе, самому заядлому распространителю придворных сплетен. Кристиан, честь Вильерса в твоих руках! Говори, исчадь елжи и обмана, кому обещаешь ты отомстить? Говори! И если твои слова совпадут с моими желаниями, я охотно заключу с тобой договор, так же как и с самим сатаной, твоим господином.

— В своих условиях, — сказал Кристиан, — я не буду столь неразумен, как этот старый богоотступник. Я пообещаю вашей светлости, как сделал бы это он, процветание в земной юдоли и отмщение — его излюбленный способ совращать верующих, — но предоставлю вам самим изыскивать возможность спасения вашей души.

Герцог устремил на него задумчивый и печальный взгляд.

— Хотел бы я, Кристиан, — сказал он, — по одному лишь выражению твоего лица понять, какое дьявольское мщение ты мне предлагаешь!

— Попробуйте догадаться, ваша светлость, — ответил Кристиан, спокойно улыбаясь.

— Нет, — возразил герцог после минутного молчания, во время которого он пытливо вглядывался в лицо своего собеседника. — Ты такой лицемер, что твои подлые черты и ясные серые глаза могут одинаково скрывать и государственную измену и мелкое воровство, более для тебя подходящее.

— Государственную измену, милорд? — повторил Кристиан. — Вы ближе к догадке, чем можете предположить. Я восхищен проницательностью вашей светлости.

— Государственная измена! — отозвался герцог. — Кто осмеливается предлагать мне участвовать в таком преступлении?

— Если это слово пугает вас, милорд, можете заменить его мщением — мщением клике министров, которые расстроили ваши планы, несмотря на ваш ум и доверие короля. Мщение Арлингтону, Ормонду, самому Карлу!

— Нет, клянусь богом, нет! — вскричал герцог, снова принимаясь беспокойно шагать по комнате. — Мщение этим крысам из Тайного совета — еще куда ни шло. Но королю — ни за что, никогда! Я и так раздражал его сотни раз, а он лишь однажды взбесил меня. Я мешал ему в государственных делах, соперничал с ним в любви, брал над ним верх и в том и в другом, а он, черт побери, все мне прощал. Нет, если бы даже эта измена помогла мне взойти на его

трон, и тогда мне не было бы оправдания. Это хуже, чем гнусная неблагодарность!

— Благородно сказано, милорд, — заметил Кристиан. — Ваши слова достойны милостей, полученных вашей светлостью от Карла Стюарта, и того, как вы их цените. Впрочем, все равно: если вашей светлости не угодно стать во главе нашего дела, у нас есть Шафтсбери, Монмут...

— Негодяй! — воскликнул герцог в полной ярости. — Ты думаешь, что сумеешь осуществить с другими то, от чего отказался я? Нет, клянусь всеми языческими и христианскими богами! Я прикажу сейчас же арестовать тебя, и в Уайтхолле, клянусь богом или чертом, ты выдашь все свои замыслы.

— И первые же мои слова, — невозмутимо ответил Кристиан, — откроют Тайному совету место, где можно найти некоторые письма, которыми ваша светлость удостаивали вашего бедного вассала и которые его величество прочтет скорее с удивлением, нежели с удовольствием.

— Будь ты проклят, негодяй! — вскричал герцог, снова хватаясь за кинжал. — Ты опять перехитрил меня! Не знаю, что удерживает меня от того, чтобы заколоть тебя на месте.

— Я могу умереть, милорд, — ответил Кристиан, слегка покраснев и сунув правую руку за пазуху, — но я не умру, не отомстив: я предвидел опасность и принял меры для защиты. Я могу умереть, но — увы! — письма вашей светлости находятся в верных руках, и руки эти не преминут передать их королю и Тайному совету. Что вы скажете о мавританской принцессе, милорд? Что, если я завещал ей исполнить мою волю и объяснил, что нужно делать, коли я не вернусь невредимым из Йорк-хауса? Нет, милорд; хоть голова моя в волчьей пасти, я сунул ее туда, только удостоверившись, что десятки карабинов выстрелят в волка, когда он решится захлопнуть свою пасть. Стыдитесь, милорд, вы имеете дело с человеком бесстрашным и неглупым, а обращаетесь с ним как с трусом или ребенком.

Герцог бросился в кресло, опустил глаза и, не поднимая их, сказал:

— Я сейчас позову Джернингема, но не бойся: я спрошу стакан вина. То, что стоит на столе, хорошо, чтобы запивать орехи, но непригодно для разговоров с тобой. Принеси мне шампанского, — сказал он слуге, вошедшему на его зов.

Джернингем возвратился с бутылкой шампанского и двумя большими серебряными чашами. Одну из них он наполнил для Бакингема, которому, против всех правил этикета, у него в доме всегда подавали первому, а другую предложил Кристиану, но тот отказался.

Герцог осушил огромный бокал и провел рукой по лбу; но тут же, отведя ее, сказал:

— Кристиан, скажи прямо, что тебе от меня нужно. Мы знаем друг друга. Если моя честь в твоих руках, то, как тебе хорошо известно, твоя жизнь — в моих. Садись, — добавил он, вынимая из-за пазухи пистолет и кладя его на стол. — Садись и изложи мне свой план.

— Милорд, — сказал Кристиан, улыбаясь, — я не собираюсь предъявлять вам подобный ультиматум, хотя в случае нужды я мог бы это сделать не хуже вас. Моя защита — в самих обстоятельствах дела и в спокойном — я в этом не сомневаюсь — рассмотрении их вашим величеством.

— Величеством! — воскликнул герцог. — Милейший Кристиан, ты так долго дружил с пуританами, что запутался в придворных титулах.

— Не знаю, как мне извиняться, милорд, — ответил Кристиан, — разве что сослаться на то, что мне явилось пророческое видение.

— Такое же, какое дьявол явил Макбету, — сказал герцог. Он встал, прошелся по комнате и снова сел. — Ну, Кристиан, говори смелее! Что ты задумал?

— Я? — спросил Кристиан. — Что я могу? Я ничего не значу в таком деле, но я считаю своим долгом сообщить вашей светлости, что благочестивые

жители Лондона (слово «благочестивые» он произнес с насмешкою) не хотят долее оставаться в бездействии. Мой брат Бриджнорт стоит во главе Уэйверовской секты, ибо, да будет вам известно, после долгих сомнений и колебаний, он, пройдя все должные испытания, стал приверженцем Пятой монархии. В его распоряжении двести отлично вооруженных молодцов, и они готовы выступить хоть сию минуту. Если люди вашей светлости чуть-чуть им помогут, они легко завладеют Уайтхоллом и захватят в плен всех его обитателей.

— Наглец! — сказал герцог. — И ты смеешь предлагать это мне, пэру Англии?

— Нет, что вы! — ответил Кристиан. — Было бы величайшей глупостью, если бы ваша светлость появились там до окончания дела. Но позвольте мне от вашего имени сказать несколько слов Бладу и его товарищам. Среди них есть четверо немцев — они настоящие книппердолинги, анабаптисты, и могут быть особенно полезны. Вы умны, милорд, и знаете, сколь ценен может быть свой личный отряд гладиаторов, как знали это Октавий, Лепид и Антоний, когда с помощью такой же силы разделили между собою весь мир.

— Постой, постой, — сказал герцог. — Предположим, я позволю моим псам соединиться с вами — разумеется, если буду совершенно уверен в безопасности короля, — какими средствами вы надеетесь овладеть дворцом?

— Храбрый Том Армстронг,¹ милорд, обещал использовать свое влияние на гвардию. Затем на нашей стороне молодцы лорда Шафтсбери. Тридцать тысяч человек готовы восстать, стоит только ему пошевелить пальцем.

— Пусть шевелит хоть обеими руками, и если на каждый палец найдется по сотне людей, это будет

---

¹ Томас, или сэръ Томас, Армстронг еще в юности прославился своими дуэлями и пьяными похождениями. Он был частично связан с герцогом Монмутом и, как рассказывают, замешан в Амбарном заговоре, за что и был казнен 20 июня 1684 года. (Прим. автора)

больше, чем можно рассчитывать, — заметил герцог. — Вы еще не говорили с ним?

— Конечно, нет, милорд, пока мне не известно решение вашей светлости. Если вы рассудите не прибегать к его помощи, то у нас есть голландцы — паства Ганса Снорхаута на Стрэнде, французские протестанты с Пикадилли, все Леви с Льюкенор-лейн и магглтонианцы с Темз-стрит.

— Убирайся ты прочь с таким сбродом! Воображаю, какая поднимется вонь от сыра и табака. В ней сразу потонут все ароматы Уайтхолла. Избавь меня от подробностей, любезный Нед, и скажи коротко, сколько у тебя этих весьма пахучих молодых?

— Полторы тысячи человек, притом хорошо вооруженных, милорд, — ответил Кристиан, — не считая черни, которая наверняка восстанет. Толпа уже чуть не разорвала на куски тех людей, что были сегодня оправданы судом по делу о заговоре.

— Понятно. А теперь выслушай меня, христианнейший Кристиан, — сказал герцог, поворачиваясь вместе со стулом прямо к стулу своего собеседника. — Ты сообщил мне сегодня множество разных новостей. Отплатить ли тебе тем же? Доказать ли, что и мои сведения так же точны, как твои? Сказать ли тебе, для чего ты решился двинуть всю эту орду, начиная с пуритан и кончая свободомыслящими, на Уайтхолл, не дав мне, пэру королевства, ни минуты, чтобы обдумать и приготовиться к такому отчаянному шагу? Сказать ли тебе, для чего ты хочешь уговорами, обольщением или принуждением заставить меня участвовать в твоей затее?

— Если вам угодно, милорд, сообщить мне ваши мысли — я откровенно отвечу, отгадали ли вы.

— Сегодня в Лондон приехала графиня Дерби, и вечером она будет при дворе, надеясь на благосклонный прием. В суматохе ее не трудно будет захватить. Не прав ли я, господин Кристиан? Предлагая мне насладиться мщением, ты и сам жаждешь вкусить этого изысканного лакомства?

— Я не осмелюсь, — ответил Кристиан, слегка улыбаясь, — подать вашей светлости кушанье, не отведав его предварительно сам.

— Сказано от души, — заметил герцог. — Что ж, иди, друг. Отдай это кольцо Бладу. Он знает его и станет бесприкословно повиноваться тому, в чьих руках оно окажется. Пусть соберет моих гладиаторов, как ты остроумно называешь моих *соре-яггетс*.¹ Можно также пустить в ход наш давний козырь — немецкую музыку; я уверен, что инструменты у тебя настроены. Но помни, мне ничего не известно, и Раули должен быть в полной безопасности. Я перевешаю и сожгу на кострах всех подряд, если с его черного парика² упадет хоть один волос. А что потом? Лорд-протектор королевства? Нет, погоди, Кромвель сделал этот титул несколько непопулярным. Лорд-наместник? Патриоты, взявшие на себя задачу отомстить за оскорбление нации и во имя справедливости удалить от короля злонамеренных его советников — так, я полагаю, будет объявлено, — не могут ошибиться в выборе.

— Никак не могут, милорд, — подтвердил Кристиан, — поскольку во всех трех королевствах есть только один человек, на которого может пасть выбор.

— Благодарю, Кристиан, — сказал герцог. — Я во всем полагаюсь на тебя. Ступай, подготовь все как следует — и можешь быть спокоен: я не забуду твоих заслуг. Мы приблизим тебя к нашей особе.

— Вы привязываете меня к себе двойными узами, милорд, — сказал Кристиан. — Но помните, что, избавляясь от неприятностей, которые могут произойти при схватках с войсками противника, вы должны быть готовы в любую минуту встать во главе ваших дру-

---

¹ Головорезов (*франц.*).

² Карл, у которого было смуглое лицо, всегда носил черный парик. Он постоянно возмущался тем, что актеры, желая представить на сцене злодея, «вечно, черт побери, напяливают на него черный парик, в то время как величайший во всей Англии плут (Карл имел в виду, очевидно, доктора Оутса) носит белый». — См. «Оправдание» Сиббера. (*Прим. автора.*)

зей и союзников и явиться во дворец, где вы будете приняты победителями как командир, а побежденными — как спаситель.

— Понимаю... Понимаю тебя и буду готов, — ответил герцог.

— И, ради бога, милорд, — продолжал Кристиан, — пусть любовные забавы, эти настоящие Далилы вашего воображения, не станут вам сегодня поперек дороги, пусть они не смогут помешать выполнению нашего великолепного плана.

— Ты считаешь меня идиотом, Кристиан! — с горячностью воскликнул герцог. — Это ты тратишь время попусту, когда пора отдавать последние приказания перед смелым ударом. Иди. Нет, постой, Нед, скажи мне, когда я вновь увижу это существо, сотканное из воздуха и огня, эту восточную пери, умеющую проникать в комнату сквозь замочную скважину и исчезать через окно, эту черноглазую гурию из мусульманского рая? Когда я вновь увижу ее?

— Когда у вашей светлости в руках будет жезл лорда-наместника королевства, — ответил Кристиан и вышел из комнаты.

Некоторое время Бакингом был погружен в глубокое раздумье.

«Правильно ли я поступил? — рассуждал он сам с собой. — И мог ли я поступить иначе? Не поспешить ли мне во дворец и не предупредить ли Карла об измене? Клянусь богом, я это сделаю! Джернингом, карету! Брошусь к его ногам, признаюсь ему во всех глупостях, о которых размышлял вместе с этим Кристианом. И тогда он посмеется надо мною и прогонит меня? Нет, я уже был у его ног сегодня и услышал отказ. Снести два оскорбления в один день — слишком много для Бакингема».

После таких размышлений герцог сел за стол и принялся наскоро писать имена молодых дворян и лордов, а также связанных с ними всевозможных проходивцев, которые, как он надеялся, признают его своим вождем в случае мятежа. Едва он покончил

с этим занятием, как Джернингом принес ему шпагу, шляпу и плащ и доложил, что карета подана.

— Вели отложить, — сказал герцог, — но пусть кучер будет наготове. Пошли ко всем, чьи имена написаны здесь; вели сказать, что мне нездоровится и я прошу их к себе на легкий ужин. Отправь посыльных немедленно и не жалея денег. Почти все они сейчас в клубе на Фуллерс Рентс¹.

Поспешные приготовления к неожиданному празднику были вскоре окончены, и во дворец начали съезжаться званные гости, большую часть которых составляли люди, всегда готовые повеселиться, хотя и не столь охотно огкликавшиеся на зов долга. Тут были юноши из знатных фамилий; были также, как это часто водится в свете, и такие, кто родовитостью похвалиться не мог, кому талант, наглость, живость ума и страсть к игре открывали путь к сердцам высокопоставленных прожигателей жизни. Герцог Бакингом покровительствовал людям такого разбора, и число их на сей раз было весьма значительно.

Вино, музыка и азартные игры сопровождали, по обыкновению, празднество во дворце герцога. Разговоры отличались таким острословием и пересыпались такими пряными шуточками, каких наше поколение не позволяет себе, не испытывая к ним вкуса.

Герцог в тот вечер в совершенстве доказал свое умение владеть собою: он шутил, острил и смеялся со своими друзьями, но внимательное ухо его чутко прислушивалось к самым отдаленным звукам, которые могли бы означать начало осуществления мятежных замыслов Кристиана. Время от времени ему ка-

---

¹ Место встречи членов клуба «Зеленая лента». «Их место встречи, — говорит Роджер Норт, — находилось возле перекрестка на Чансери-лейн, в деловом и оживленном центре, наиболее подходящем для подобного рода записок и драчунов. С фасада дом, как можно видеть и поныне, имел два яруса балконов, чтобы члены клуба могли, когда им заблагорассудится, побыть на свежем воздухе, в шляпах, но без париков, с трубкой в зубах, повеселиться, надрывая глотку потешательством над толпой внизу». (Прим. автора)

залось, что он слышит такие звуки, но ~~они~~ вскоре стихали без всяких последствий.

Наконец, уже поздно вечером, Джернингем доложил о приезде Чиффинча из дворца. Этот достойный господин тотчас вошел в залу.

— Произошли странные вещи, милорд, — сказал он. — Его величество требует, чтобы вы немедленно явились во дворец.

— Ты меня пугаешь, — ответил Бакингом, вставая. — Надеюсь, однако, ничего не случилось... Его величество здоров?

— Совершенно здоров, — ответил Чиффинч, — и желает сейчас же видеть вашу светлость.

— Это приказание неожиданно для меня, — сказал герцог. — Ты видишь, Чиффинч, мы тут изрядно повеселились, и я не могу в таком виде явиться во дворец.

— О, вы отлично выглядите, ваша светлость, — заметил Чиффинч, — и потом вы же знаете снисходительность его величества!

— Ваша правда, — сказал герцог, весьма встревоженный таким неожиданным приказом. — Верно, его величество удивительно милостив. Я велю подать карету.

— Моя ждет внизу, — ответил посланец короля, — мы сбережем время, если ваша светлость сообразовалит воспользоваться ею.

Не имея больше предлогов для отказа, Бакингом взял со стола бокал вина и попросил всех друзей своих оставаться у него, сколько им захочется. Он надеется, сказал герцог, тотчас вернуться; если же нет, то прощается с ними, провозглашая свой обычный тост: «Пусть каждый из нас, коли не будет повешен, явится сюда в первый понедельник будущего месяца!»

Этот постоянный тост герцога касался многих его гостей, но теперь, произнося его, Бакингом со страхом подумал, что будет с ним самим, если Кристиан выдал его. Он наскоро переоделся и вместе с Чиффинчем в его карете отправился в Уайтхолл.

Шел пир горой; гремело в сводах эхо
Застольных криков, слитое со звоном
Поющих струн; там золото игрок
Швырял судьбе в веселье бесшабашном —
И, проигравшись, так же хохотал:
Придворный воздух выдержке научит
Верней, чем наставленья мудрецов.

«Что же вы не при дворе?»

Вторую половину этого полного событиями дня Карл проводил в покоях королевы, двери которых в определенные часы открывались для приглашенных лиц более низкого состояния и куда беспрепятственно допускались пользовавшиеся привилегией *entrée*¹ знатные дворяне и придворные чины — одни по праву рождения, другие по должности.

Карл отменил большую часть строгих правил, которые ограничивали доступ ко двору при других королях, что снискало ему популярность среди подданных и отдалило падение его рода до следующего царствования. Он знал добродушное изящество своих манер и полагался на него, часто не зря, желая сгладить дурное впечатление, производимое другими его поступками, которых не могла оправдать ни его внешняя, ни внутренняя политика.

Днем король часто прогуливался по городу один или в сопровождении кого-нибудь из придворных. Известен его ответ брату, считавшему, что так открыто показываться на людях значит подвергать себя опасности: «Поверь мне, Джеймс, — сказал он, — никто не убьет меня, чтобы сделать королем тебя».

И Карл свои вечера, если не посвящал их тайным забавам, часто проводил среди людей, имеющих хоть какое-нибудь право на доступ в придворные круги. Так проводил он и вечер того дня, о котором мы ведем рассказ.

Королева Екатерина, примирившись со своей участью или покорившись ей, давно уже не выказывала

---

¹ Свободного доступа (франц.).

каких-либо признаков ревности; по-видимому, она стала настолько чужда подобной страсти, что без неприязни и даже благосклонно принимала у себя герцогиню Портсмутскую, герцогиню Кливлендскую и других дам, также притязавших, хоть и не столь откровенно, на честь принадлежать, по крайней мере в прошлом, к числу фавориток короля. Весьма большая непринужденность царила в этом своеобразном обществе, которое украшали своим присутствием если не самые умные, то по крайней мере самые остроумные придворные, какими когда-либо был окружен монарх; многие из них были товарищами Карла по изгнанию и делили с ним нужду, превратности судьбы и веселые забавы, — поэтому они приобрели своего рода право на некоторую вольность в обращении с ним, и добродушный король, вернув себе престол, не сумел, да и не мог, даже если бы захотел, запретить им это. Впрочем, Карл был далек от таких намерений; его обращение с людьми ограждало его от всякой навязчивости, и для внушения должного уважения к себе он никогда не пользовался иными средствами, кроме быстрых остроумных реплик, на которые был мастер.

В этот раз он был особенно расположен веселиться. Погребальный звон по майору Коулби, умершему столь странным образом в его присутствии, все еще стоял в ушах Карла, укоряя его в пренебрежении к старому слуге, который всем пожертвовал для своего государя, — и огорченный король глубоко скорбел о покойном. Но в душе он считал свою вину заглаженной освобождением Певекилов и был очень доволен своим поступком не только потому, что совершил доброе дело, но и потому, что ему удалось это сделать весьма искусным образом, вполне извинительным, принимая во внимание все стоявшие на пути трудности, — как бы сурово ни осуждал его за это Ормонд. Король почувствовал удовлетворение, когда услышал о волнениях в городе и о том, что некоторые наиболее иступленные фанатики по чьему-то призыву собрались в своих молитвенных домах, чтобы дознаться, как выражались их проповедники, до причин гнева

господня и осудить вероотступничество двора, судей и присяжных, которые покрывают и оберегают от заслуженного наказания вероломных и кровожадных покровителей папистского заговора.

Король, мы повторяем, внимал этим сообщениям с видимым удовольствием; напрасно ему напоминали об опасном, обидчивом характере тех, от кого исходили подобные подозрения.

— Кто может теперь обвинять меня, — самодовольно говорил он, — в равнодушии к интересам моих друзей? Разве я не подвергаю опасности себя самого и даже общественное спокойствие ради спасения человека, которого за двадцать лет видел всего один раз, да и то в кожаном кафтане и с патронташем, в числе других ополченцев, поздравивших меня с восшествием на престол? Говорят, у королей щедрая рука. Какую же щедрую память надобно иметь королю, чтобы не забыть и наградить каждого, кто кричал: «Боже, храни короля!»

— Эти дураки еще более наивны, — ответил Седли, — они все считают себя вправе требовать, чтобы ваше величество покровительствовали им независимо от того, кричали они «Боже, храни короля» или нет.

Карл улыбнулся и перешел на другую сторону роскошной залы, где, сообразно со вкусом века, было собрано все, что могло обещать приятное времяпрепровождение.

В одном углу кучка молодых людей и придворных дам слушала уже знакомого нам Эмпсона, который с беспремерным искусством аккомпанировал на флейте молодой сирене, чье сердце трепетало от гордости и страха, ибо в присутствии всего двора и августейших особ она пела очаровательный романс, начинавшийся словами:

Я молода, но, как ни грустно,

В делах любовных неискусна . и т. д.

Манера ее исполнения так подходила к строфам поэта-любителя и к изнеженной мелодии, сложенной знаменитым Перселом, что мужчины, вне себя от восторга, окружили певицу тесным кольцом, а женщины

либо притворялись, будто их не трогает содержание романа, либо старались неприметно отойти подальше. После пения играли отличнейшие музыканты, выбранные самим королем, который был одарен безукоризненным вкусом.

За другими столами пожилые придворные испытывали фортуна, играя в модные тогда игры: ломбер, кадриль, чет-нечет и другие. Кучи золота, лежавшие перед игроками, росли и убывали в зависимости от благосклонности к ним карт или костей. И не раз перевес в очках или козырях решал судьбу годового дохода от родового имения, который лучше было бы употребить на восстановление стен заброшенного фамильного гнезда, изрешеченных ядрами пушек Кромвеля, или укрепление разрушенного хозяйства и доброго гостеприимства, столь подорванных в прошедшую эпоху многочисленными штрафами и конфискациями, а в это время уже совсем пришедших в упадок от беспечности и мотовства. Веселые кавалеры, делая вид, что следят за игрой или слушают музыку, весьма вольно, как это было присуще тому легкомысленному веку, любезничали с прелестницами, а за ними подсматривали уроды и старики, которые, не имея возможности заводить любовные шашни, утешались по крайней мере тем, что наблюдали за другими, а потом распускали сплетни.

Веселый монарх переходил от одного стола к другому: он то переглядывался с какой-нибудь придворной красавицей, то шутил с придворным остряком, иногда останавливался и, слушая музыку, отбивал ногой такт, иногда проигрывал или выигрывал несколько золотых, присоединяясь к игрокам за тем столом, у которого случайно оказывался. Это был самый очаровательный из сластолюбцев, самый веселый и добродушный из собеседников; словом, если бы жизнь была сплошным праздником и цель ее состояла в наслаждении быстролетным часом и умении провести его как можно приятнее, он был бы совершеннейшим из людей.

Но короли отнюдь не являются исключением и разделяют участь всех людей, и среди монархов

Сегед Эфиопский не единственный пример того, что тщетно было бы рассчитывать на день или даже на час полнейшего спокойствия. В залу вошел камергер и доложил, что некая дама, называющая себя вдовой пэра Англии, просит аудиенции у их величеств.

— Нет, это невозможно, — поспешно возразила королева. — Даже вдова пэра Англии не имеет на это права, не сообщив прежде своего имени.

— Готов поклясться, — сказал один из придворных, — что это шутки герцогини Ньюкаслской.

— Мне тоже кажется, что это герцогиня, — сказал камергер. — Необычность просьбы и неправильное произношение дамы обличают в ней иностранку.

— Пусть это безумие, но позволим ей войти! — вскричал король. — Ее светлость — целый ярмарочный балаган, универсальный маскарад или даже своего рода Бедлам в одном лице, ибо голова ее набита вздорными идеями, как больница — пациентами, помешавшимися на любви и литературе, каждый из которых воображает себя Минервой, или Венерой, или одной из девяти муз.

— Желание вашего величества всегда будет для меня законом, — ответила королева, — но, надеюсь, вы не станете настаивать, чтобы я приняла эту странную женщину. Ты еще не возвратилась тогда из нашего любимого Лиссабона, Изабелла, — продолжала она, обращаясь к одной из своих португальских фрейлин, — когда герцогиня в последний раз была при дворе. Ее светлость почему-то вообразила, что может являться ко мне со своим пажом. А когда ей этого не разрешили, как ты думаешь, что она сделала? Сшила себе платье с таким шлейфом, что добрых три ярда шитого серебром атласа, поддерживаемые четырьмя девушками, оставались в прихожей, тогда как сама герцогиня представлялась мне в противоположном конце залы. Целых тридцать ярдов прекрасного шелка ушло на такую безумную выходку!

— А какие прелестные девушки несли этот феноменальный шлейф, который можно сравнить только с

хвостом кометы шестьдесят шестого года! — воскликнул король. — Седли и Этеридж потом рассказывали об этих красавицах премиленькие истории. Вот вам и преимущество моды, введенной герцогиней: дама не может видеть, как ведет себя ее хвост и его носительницы в другой комнате.

— Угодно ли будет вашему величеству принять незнакомку? — спросил камергер.

— Разумеется, — ответил король, — то есть, если она действительно имеет право на эту честь. Неплохо было бы все-таки узнать ее имя. На свете много разных сумасбродок, кроме герцогини Ньюкаслской. Я сам выйду в приемную, и там вы сообщите мне ее ответ.

Но не успел еще король дойти до половины залы, как камергер удивил собравшихся, произнеся имя, которого не слышали при дворе уже много лет: «Графиня Дерби!»

Величественная и высокая, старая, но не согнувшаяся под бременем лет, графиня направилась к государю такой поступью, какой шла бы навстречу равному себе. В ней не видно было ни надменности, ни дерзости, неприличной в присутствии монарха; но сознание оскорблений, испытанных ею за время правления Карла, и превосходство обиженного над теми, кем или во имя кого была нанесена обида, придавали особенное достоинство ее виду и твердость ее поступи. Графиня была одета во вдовый траур, сшитый по моде того далекого времени, когда взошел на эшафот ее супруг, моде, которой за все тридцать лет, прошедших со дня его казни, она ни разу ни в чем не изменила.

Ее неожиданное появление не доставило никакого удовольствия королю, но, проклиная себя в душе за то, что он опрометчиво позволил впустить эту особу в залу веселого пиршества, он в то же время понимал, что ему необходимо принять графиню, не роняя своей репутации и в соответствии с ее положением при английском дворе. Он двинулся ей навстречу и с изящным радушием, столь ему свойственным, начал по-французски:

— Chère Comtesse de Derby, puissante Reine de Man, notre très auguste soeur! ¹

— Говорите по-английски, государь, если я могу позволить себе просить о такой милости, — сказала графиня. — Я вдова — увы! — пэра Англии и мать английского графа. В Англии провела я короткое время моего счастья и долголетнее печальное вдовство. Франция и ее язык — лишь сны моего туманного детства, и я не знаю другого языка, кроме языка моего покойного супруга и моего сына. Позвольте мне, вдове и матери графов Дерби, выразить сим способом достойное почтение королю Англии.

Она хотела было опуститься на колени, но король не допустил этого и, поцеловав ее в щеку по тогдашнему обычаю, сам представил королеве.

— Ваше величество, — сказал он, — графиня наложила запрет на французский язык, язык галантности и любезности. Надеюсь, ваше величество, что хотя вы, как и графиня, по рождению иностранка, но сумеете уверить нашу гостью на добром английском языке, что мы с большим удовольствием видим ее при дворе после столь долгого отсутствия.

— По крайней мере я постараюсь это сделать, — ответила королева, ибо графиня произвела на нее гораздо более благоприятное впечатление, чем те многочисленные чужеземцы, которых по просьбе короля она должна была принимать особенно любезно.

— Любой другой даме, — снова заговорил Карл, — я задал бы вопрос: почему она так долго не появлялась при дворе? Боюсь, что графиню Дерби я могу только спросить, какой счастливый случай доставил нам удовольствие ее видеть?

— Причину моего приезда, государь, хотя и весьма вескую и настоящую, нельзя назвать счастливой.

Это начало не предвещало ничего доброго. По правде говоря, с момента появления графини король

---

¹ Дорогая графиня Дерби, могущественная правительница Мэна, наша августейшая сестра! (франц.).

предвидел неприятные объяснения и поспешил предупредить их, выразив на лице участие и интерес.

— Если эта причина, — сказал он, — такого рода, что мы можем быть вам полезны, то я не стану вас расспрашивать о ней теперь. Петиция, адресованная нашему секретарю или, если угодно, прямо нам, будет рассмотрена немедленно — и, надеюсь, мне не нужно этого добавлять — самым благосклонным образом.

— Мое дело действительно очень важно, государь, — с достоинством поклонившись, ответила графиня, — но оно коротко и отвлечет вас от более приятных занятий всего лишь на несколько минут. Однако оно не терпит промедления, и я боюсь отложить его даже на секунду.

— Конечно, это несколько против правил, — сказал Карл, — но графиня Дерби — такой редкий гость, что может располагать моим временем. Угодно вам говорить со мною наедине?

— Что касается меня, — ответила графиня, — то я могу объясниться в присутствии всего двора; но, быть может, ваше величество предпочтет выслушать меня в присутствии двух-трех ваших советников?

— Ормонд, — позвал король, оглянувшись, — пойдите с нами, и вы, Арлингтон, тоже.

Карл последовал в соседний кабинет и, усевшись сам, пригласил сесть свою гостью.

— Не нужно, государь, — ответила графиня. Она помолчала с минуту, словно собираясь с духом, а затем заговорила решительно: — Ваше величество справедливо заметили, что только важная причина могла вызвать меня из моего уединенного обиталища. Я не явилась сюда, когда владения моего сына, владения, доставшиеся ему по наследству от отца, который погиб за вас, государь, были отняты у него под предлогом восстановления справедливости, а на самом деле для того, чтобы удовлетворить алчность бунтовщика Фэрфакса и возместить расточительность его зятя Бакингема.

— Выражения ваши слишком суровы, миледи, — сказал король. — Насколько мы помним, вы были

подвергнуты законному наказанию за совершение насильственного акта по определению нашего суда и законов, хотя я сам согласился бы назвать ваш поступок благородным мщением. Но то, что оправдывается законами чести, часто может иметь весьма неприятные последствия по законам писаного права.

— Государь, я пришла сюда не для того, чтобы оспаривать отнятые у моего сына, разоренные владения, — возразила графиня. — Я только прошу вас отдать должное терпению, с каким я снесла этот удар. Я пришла сюда, чтобы вступить за честь рода Дерби, которая дороже мне всех наших сокровищ и земель.

— Но кто осмелился задеть честь рода Дерби? — спросил король. — Даю слово, вы первая сообщаете мне эту новость.

— Было ли напечатано хоть одно «Повествование», как называются здесь дикие выдумки о заговоре папистов — мнимом заговоре, говорю я, — где не была бы затронута и запятнана честь нашего рода? И разве не подвергается опасности жизнь двух благородных джентльменов, отца и сына, свойственников рода Стэнли, по делу, в коем нам первым предъявлено обвинение в государственном преступлении?

Карл обернулся к Ормонду и Арлингтону и сказал с улыбкой:

— Смелость графини посрамляет нас, которым не хватило отваги. Чьи уста дерзнули бы назвать мнимым очевидный заговор папистов или именовать дикими выдумками показания свидетелей, избавивших нас от кинжалов убийц? Однако, миледи, — добавил он, — отдавая дань восхищения вашему великодушному вмешательству в дело Певерилов, должен сказать вам, что теперь в нем нет нужды: сегодня поутру они оправданы.

— Слава богу! — воскликнула графиня, благоговейно сложив руки. — Я лишилась сна с тех пор, как узнала, в чем их обвиняют, и приняла решение искать

справедливости у вашего величества или предать себя в жертву народным предрассудкам, надеясь этим спасти жизнь моих благородных и великодушных друзей, на которых подозрение пало только потому — или главным образом потому, — что они связаны дружбой с нами. Значит, они оправданы?

— Даю вам слово, — ответил король. — Удивляюсь, что вы этого не знаете.

— Я приехала только вчера вечером и никуда не выходила, — сказала графиня, — боясь, что мое пребывание в Лондоне станет известно, прежде чем я увижусь с вашим величеством.

— А теперь, когда мы уже увиделись, — сказал король, ласково беря ее за руку, — и встреча наша доставила мне большое удовольствие, я искренне советую вам возвратиться на остров Мэн так же незаметно, как вы прибыли сюда. С тех пор как мы были молоды, свет переменился, любезная графиня. Во время гражданской войны мы сражались саблями и мушкетами, нынче же дерутся с помощью обвинительных актов, присяг и тому подобного оружия крючкотворов-законников. В этой войне вы ничего не понимаете. Вы сумеете защитить осажденную крепость, но сомневаюсь, хватит ли у вас ловкости отбить нападение доносчиков. Этот заговор налетел на нас, как буря; в такую непогоду нельзя вести корабль в открытом море: надо укрыться в ближайшей гавани, и дай нам бог добраться до нее вовремя!

— Это малодушие, государь! — воскликнула графиня. — Извините меня за резкое слово, оно вырвалось у женщины. Соберите вокруг себя верных друзей и окажите доблестное сопротивление, как ваш покойный отец. Есть только один путь — честный и прямой путь вперед; все другие — кривы, извилисты и недостойны благородного человека.

— Ваши слова, почтенный друг мой, — сказал Ормонд, который понял, что пора оберечь достоинство монарха от смелой откровенности графини, которая более привыкла принимать знаки уважения, нежели

их выказывать, — ваши слова вески и решительны, но не соответствуют нынешним временам. Снова возникла бы гражданская война со всеми ее бедствиями, а никак не те события, которых вы с такой надеждой ожидаете.

— Вы слишком спешите, миледи, — сказал Арлингтон, — и не только сами подвергаетесь опасности, но и пытаетесь вовлечь в нее его величество. Позвольте сказать вам откровенно: в эти тяжелые времена вы напрасно оставили замок Рашин; там вы были в безопасности, а здесь вашим жилищем легко может оказаться Тауэр.

— Если бы даже мне грозило сложить там голову на плахе, как мой супруг в Боултон-ле-Муре, я без колебаний пошла бы на это, но не оставила бы в беде друга, которого к тому же сама ввергла в опасность, как молодого Певерила.

— Но разве я не уверил вас, что оба Певерила, и старый и молодой, находятся на свободе? — спросил король. — Любезная графиня, что еще заставляет вас устремляться навстречу опасности, надеясь при этом, конечно, что мое вмешательство все же спасет вас от нее? Ведь не станет же такая благоразумная дама, как вы, бросаться в реку только для того, чтобы друзья потрудились ее вытащить.

Графиня повторила, что желает справедливого суда. На это королевские советники снова рекомендовали ей как можно скорее покинуть Лондон и безвыездно оставаться в своем вассальном королевстве, хотя ей и будет вменена в вину попытка укрыться от правосудия.

Король, видя, что спору не предвидится конца, сказал, что не смеет долее удерживать графиню, боясь возбудить ревность ее величества, и предложил ей руку, чтобы отвести ее к гостям. Графине волею-неволей пришлось подчиниться, и они возвратились в шумную залу, где в ту же минуту произошло событие, о котором нам надо рассказать уже в следующей главе.

Все знают — в тюрьмах и в хоромах:
Я мал, но малый я не промах.
Кто в этой речи усомнится,
Со мною насмерть будет биться!

*«Песенка Маленького
Джона де Сэнтре»*

Перед тем как расстаться с графиней Дерби, Карл проводил ее в залу для приемов и еще раз шепотом посоветовал внять добрым советам и позаботиться о собственной безопасности; затем он беспечно отвернулся от нее и занялся другими гостями.

В это самое время в залу вошли пять-шесть музыкантов. Один из них, которому покровительствовал герцог Бакингом и который особенно славился игрою на виолончели, несколько задержался в прихожей, потому что его инструмент еще не принесли. Но вот виолончель появилась и была поставлена рядом с ее владельцем.

Слуга, который нес деревянный футляр с инструментом, видно, был рад отделаться от своей ноши; он остановился в дверях, любопытствуя, что это за инструмент и почему он оказался таким тяжелым. Любопытство его было удовлетворено, причем самым невероятным образом. Пока музыкант искал в карманах ключ, футляр, который прислонили к стене, открылся сам собою, и из него вышел карлик Джеффри Хадсон; при его неожиданном появлении дамы с криком бросились бежать в другой конец залы, джентльмены вздрогнули, а бедный немец от страха не мог устоять на ногах, предположив, наверное, что его виолончель превратилась в этого странного урода. Однако он вскоре пришел в себя и в сопровождении большинства своих товарищей выбежал вон из залы.

— Хадсон! — воскликнул король. — Я очень рад, что вижу тебя, мой старый дружок, хотя Бакингом — я думаю, это его выдумка — угощает нас неоригинальными шутками.

— Не удостоит ли меня ваше величество минутой внимания? — спросил Хадсон.

— Конечно, мой добрый друг, — ответил король. — Сегодня у нас собрался целый букет старых знакомых, и мы готовы слушать их с удовольствием... Какая глупая мысль пришла в голову Бакингему, — шепнул он Ормонду, — прислать сюда беднягу в тот самый день, когда его судили за участие в заговоре! Во всяком случае, он явился не в поисках защиты, поскольку ему на редкость повезло — он был оправдан. Вероятно, он хочет получить какое-нибудь вознаграждение или пенсию.

Хадсон хорошо знал придворные обычаи — и тем не менее горел желанием поскорее объясниться с королем; он стоял посреди залы, нетерпеливо пританцовывая, как отважный шотландский пони, рвущийся в сражение, и вертел в руках шляпу с общипанным пером, поклонами напоминая о данном ему обещании.

— Говори, мой друг, говори, — сказал Карл. — Если ты приготовил стихи, читай их поскорее; я думаю, тебе пора дать отдых своим маленьким рукам и ногам, которые все время в движении.

— Я не приготовил стихов, ваше величество, — ответил карлик, — нет, самой простой и самой верноподданнической прозой я перед всеми присутствующими обвиняю герцога Бакингема в государственной измене!

— Хорошо и мужественно сказано. Продолжай, — приказал король, думая, что это было вступлением к какой-нибудь забавной или остроумной шутке, и совершенно не представляя себе, что карлик говорит вполне серьезно.

В зале раздался громкий смех. Немногие услышали, что сказал карлик, но все хохотали. Одни смеялись над странными его движениями и той особой выразительностью, с какой он произнес свое обвинение, другие, не зная толком, в чем дело, смеялись не менее громко, только чтобы не отстать от остальных.

— Что значит этот смех? — с возмущением вскричал карлик. — Чему тут смеяться, когда я, Джеффри Хадсон, рыцарь, в присутствии короля и дворян об-

винияю Джорджа Вильерса, герцога Бакингема в государственной измене?

— Конечно, смеяться тут совершенно нечему, — подтвердил король, стараясь принять серьезный вид, — но есть чему удивиться. Подожди, перестань вертеться, подскакивать и гримасничать. Если это шутка — объясни ее; если же нет — то пройди в буфетную, выпей стакан вина и освежись после своего заточения в футляре.

— Повторяю, государь, — возразил Хадсон с нетерпением, но так тихо, что никто не мог его слышать, кроме короля, — если вы еще долго будете шутить, то на горьком опыте убедитесь в измене Бакингема. Говорю вам, торжественно заявляю вашему величеству, что через час две сотни вооруженных изуверов явятся сюда и застанут врасплох ваших гвардейцев.

— Прошу дам отойти, — сказал король, — иначе вам предстоит услышать нечто неприятное. Шутки Бакингема не всегда предназначены для женских ушей. Кроме того, нам нужно переговорить наедине с нашим маленьким приятелем. Герцог Ормонд, Арлингтон и вы, господа (он назвал еще двух придворных), можете остаться с нами.

Веселая толпа придворных отхлынула и рассеялась по зале. Мужчины толковали о том, чем кончится это представление или, говоря словами Сэдли, какую еще диковину родит виолончель, а дамы с восхищением рассматривали и обсуждали старинный наряд и богатое шитье брыжей и капора графини Дерби, которую королева удостоила особого внимания.

— Теперь во имя бога, — сказал король карлику, — объясни нам в кругу друзей, что все это значит?

— Измена, государь! Измена его величеству королю английскому! Когда я сидел в этом футляре, милорд, немцы потащили меня в какую-то часовню, желая удостовериться, как они сами говорили, все ли готово. Государь, я был там, где никогда не бывала виолончель: в молельне людей Пятой монархии. Когда меня оттуда уносили, прпovedник заканчивал свою проповедь словами: «А теперь за дело!»,

призывая свою паству захватить ваше величество в вашем собственном дворце. Я хорошо слышал это через дырочки в футляре, ибо тот, кто нес меня, в это время положил футляр на пол, чтобы не упустить ни слова из этой драгоценной проповеди.

— Странно, — заметил лорд Арлингтон, — но в этом шутовстве может быть доля правды, ибо нам известно, что эти фанатики сегодня собирались, а в пяти молельнях был объявлен строгий однодневный пост.

— А если так, — подхватил король, — то они, несомненно, решились на какое-нибудь злодеяние.

— Осмелюсь посоветовать вам, государь, — сказал герцог Ормонд, — тотчас вызвать сюда герцога Бакингема. Его связи с фанатиками хорошо известны, хоть он и пытается это скрыть.

— Неужели вы, милорд, считаете его светлость виновным в таком преступлении? — спросил король. — Впрочем, — добавил он после минутного размышления, — Бакингом так непостоянен, что легко поддается любому искушению. Я не удивлюсь, если он снова предался честолюбивым надеждам, в чем мы недавно убедились. Послушай, Чиффинч, сию минуту поезжай к герцогу и под любым предлогом привези его сюда. Я не хочу, как говорят законники, поймать его с поличным. Двор умрет со скуки без Бакингема.

— Не прикажете ли, ваше величество, конной гвардии выступить? — спросил молодой Селби, офицер этого корпуса.

— Нет, Селби, — ответил король, — я не люблю конного парада. Но пусть она будет наготове. И пусть начальник охраны соберет своих стражников и прикажет шерифам вызвать своих людей, начиная с копьеметателей и кончая палачами, и держать их в строю на случай, если начнутся волнения. Удвоить караул у ворот дворца и не впускать никого из посторонних.

— И не выпускать, — добавил герцог Ормонд. — Где эти иностранцы, что принесли карлика?

Их принялись искать, но не нашли. Они бежали, оставив свои инструменты. Это обстоятельство на-

влекло новое подозрение на их покровителя, герцога Бакингема.

Были спешно приняты необходимые меры, чтобы отразить нападение со стороны предполагаемых заговорщиков. Тем временем король удалился вместе с Арлингтоном, Ормондом и другими советниками в кабинет, где он давал аудиенцию графине Дерби, и продолжил допрос карлика. Заявление маленького человечка, хоть и несколько необычное, отличалось тем не менее связностью и последовательностью, а некоторая романтичность изложения объяснялась своеобразием его характера и часто заставляла людей смеяться в тех случаях, когда его могли бы пожалеть или даже проникнуться к нему уважением.

Сначала карлик принялся витиевато описывать страдания, перенесенные им из-за заговора. Нетерпеливый Ормонд давно прервал бы его, если бы король не напомнил его светлости, что волчок скорее перестанет вертеться, если его не будут подхлестывать кнутиком.

Таким образом, Джеффри Хадсон мог в полное удовольствие рассказывать о своем пребывании в тюрьме, где, как он сообщил королю, был свой луч света — красавица, земной ангел, чьи глаза столь же прекрасны, сколь легка ее походка. Она не раз посещала его темницу со словами утешения и надежды.

— Клянусь честью, — сказал Карл, — в Ньюгете живется лучше, нежели я полагал. Кто бы мог подумать, что этот маленький джентльмен наслаждался там женским обществом?

— Прошу, ваше величество, не понять меня превратно, — торжественно возразил карлик. — Чувство, которое я испытывал к этому прекрасному существу, похоже на чувство, что испытываем мы, бедные католики, к нашим святым, а не на что-либо более низменное. Она казалась мне скорее сильфидой, о которых говорят розенкрейцеры, нежели существом из плоти, ибо она была меньше ростом, более хрупкой и более легкой, чем земные женщины, в которых есть нечто грубое, унаследованное, несомненно, от грешной и великанской расы допотопных людей.

— А скажи, приятель, — спросил король, — не убедился ли ты потом, что эта сильфида — всего лишь простая смертная?

— Кто? Я, государь? Что вы!

— Не нужно так возмущаться, — сказал король. — Поверь, что я не подозреваю в тебе дерзкого волонтеру.

— Время уходит, — нетерпеливо заметил герцог Ормонд, взглянув на часы. — Вот уже десять минут, как ушел Чиффинч. Через десять минут он должен вернуться.

— Вы правы, — уже серьезно сказал король. — Ближе к делу, Хадсон, скажи нам, какое отношение имеет эта женщина к твоему столь необычному появлению здесь?

— Самое прямое, милорд, — ответил маленький Хадсон. — Я видел ее два раза во время моего пребывания в Ньюгете и поистине считаю ее своим ангелом-хранителем. Кроме того, после моего оправдания, когда я шел по городу вместе с двумя высокими джентльменами, которых судили вместе со мной, на нас напала чернь. Едва мне удалось занять удобный пост, давший мне преимущество над превосходящими силами противника, как вдруг я услышал божественный голос, который раздавался из окна позади меня: он убеждал меня укрыться в этом доме, что я и исполнил, уговорив также и храбрых моих товарищей, Певерилов, всегда внимавших моим советам.

— Это доказывает их ум и скромность, — заметил король. — Что же случилось потом? Говори короче, под стать своему росту.

— Некоторое время, государь, — продолжал карлик, — казалось, что не я был главным предметом внимания. Сначала какой-то человек почтенного вида, но похожий на пуританина, в сапогах из буйволово́й кожи и со шпагой без темляка, увел молодого Певерила. Возвратившись, мистер Джулиан сообщил нам, что мы находимся во власти вооруженных фанатиков, которые, как говорит поэт, созрели для мятежа. Отец и сын предались такому отчаянию, ваше

величество, что уже не внимали моим утешениям. Напрасно уверял я их, что чтимое мною светило в назначенный час воссияет и тем подаст нам знак к спасению. На все мои увещания отец лишь фыркал — «чушь!», а сын — «фу!», что свидетельствует о том, как бедствия действуют на благоразумие человека и заставляют его забывать приличия. Тем не менее оба Певерила, твердо решив освободиться хотя бы для того, чтобы уведомить ваше величество об угрожающей вам опасности, начали ломать дверь; я помогал им изо всех сил, дарованных мне богом и еще оставшихся после шести десятков прожитых лет. Но мы не могли, в чем, к несчастью, удостоверились на опыте, выполнить свое намерение так тихо, чтобы наши стражи не услышали. Они вошли толпою и разлучили нас, принудив моих товарищей, под угрозой пики и кинжала, уйти в какую-то другую, дальнюю комнату, а меня оставили и заперли одного. Признаюсь, это меня огорчило. Но, как в песне поется, чем страшнее тревога, тем ближе подмога, ибо дверь надежды внезапно отворилась...

— Ради бога, государь! — вскричал герцог Ормонд. — Прикажите какому-нибудь придворному сочинителю романов перевести бред этого несчастного на человеческий язык, чтобы мы могли его понять.

Джефри Хадсон гневно взглянул на нетерпеливого вельможу-ирландца и с достоинством заявил:

— Для бедного джентльмена довольно хлопот и с одним герцогом, но если бы я не был занят теперь герцогом Бакингом, то не спустил бы такой обиды герцогу Ормонду.

— Умерь свою храбрость и свой гнев по нашей просьбе, могущественнейший сэр Джефри Хадсон, — сказал король, — и ради нас прости герцога Ормонда. Но более всего прошу тебя продолжить свой рассказ.

Джефри Хадсон прижал руку к груди и гордо поклонился королю, показывая, что готов повиноваться, не унижая, однако, своего достоинства. Затем он обернулся к Ормонду, снисходительно махнул ему рукою в знак прощения и скорчил ужасающую

гримасу, что должно было означать улыбку прощения и примирения.

— С разрешения герцога, — продолжал карлик, — хочу пояснить, что под словами «дверь надежды внезапно отворилась» я разумел дверь, завешенную голубеном, через которую внезапно явилось светлое видение — нет, скорее не светлое, а звездно-темное, как чудесная южная ночь, когда лазурное безоблачное небо окутывает нас пеленой, еще более прекрасной, чем дневной свет. Но я вижу нетерпение вашего величества, — довольно об этом. Я последовал за моей сверкающей красотой проводницей в другую комнату, где лежало вперемешку оружие и музыкальные инструменты. Среди них я увидел и мое недавнее убежище — футляр виолончели. К моему удивлению, она перевернула футляр, нажала какую-то пружину, и я убедился, что он набит пистолетами, кинжалами и патронташами. «Это оружие, — сказала мне она, — предназначено для нападения нынче ночью на дворец неосторожного Карла. — Ваше величество простит мне, что я повторил ее слова. — Но если ты не боишься влезть сюда, то сможешь спасти короля и королевство. Если боишься, — молчи; я сама сделаю это». — «Боже сохрани! — вскричал я. — Джеффри Хадсон не так малодушен, чтобы позволить тебе рисковать. Ты не знаешь, не можешь знать, как следует действовать в засадах и убежищах, а я к ним привык: я ютился в кармане великана и даже был начинкой в пироге». — «Тогда влезай сюда, — сказала она, — и не теряй времени». Признаюсь, повинуюсь ей, я чувствовал, что мой пыл несколько охладел, и даже сказал, что предпочел бы дойти до дворца на своих ногах. Но она ничего не хотела слушать, торопливо отвечая, что меня задержат, не допустят к вашему величеству, что я должен воспользоваться этим способом проникнуть во дворец и рассказать обо всем королю, — пусть он будет настороже, и больше ничего не нужно, ибо если секрет раскрыт, то весь план уже рухнул. Я мужественно распростился с дневным светом — к тому времени он начал уже угасать. Она вынула из футляра оружие, положила его в камин

и заставила меня влезть в футляр. Пока она запирала меня, я молил ее предупредить людей, которым она меня доверит, быть осторожнее и держать футляр вертикально. Но не успел я договорить, как остался один в полной тьме. Вскоре пришли какие-то люди. Из их разговора я узнал, что они немцы — я немного понимаю по-немецки — и состоят на службе у герцога Бакингема. Старший из них объяснил остальным, как вести себя, когда они вооружатся спряганным оружием, и — я не хочу причинить вред герцогу — приказал и пальцем не тронуть не только особу короля, но и его придворных, и защищать всех присутствующих от фанатиков. В остальном же им было приказано разоружить стражу и овладеть дворцом.

Король казался смущенным и задумчивым. Он попросил лорда Арлингтона проследить, чтобы Селби потихоньку проверил содержание других футляров с музыкальными инструментами, и затем дал знак карлику продолжать рассказ, время от времени озабоченно спрашивая его, совершенно ли он уверен, что слышал имя герцога как предводителя или покровителя этого заговора. Карлик отвечал утвердительно.

— Эта шутка зашла слишком далеко, — заметил наконец король.

Карлик далее рассказал, как его отнесли в часовню, где он слышал конец разглагольствований проповедника, о содержании которых он уже упоминал. Слова, сказал он, не могут выразить весь ужас, охвативший его, когда ему показалось, что, ставя в угол инструмент, его хотят перевернуть. Тут слабость человеческая легко могла бы восторжествовать над его преданностью, верностью и любовью к его величеству и даже над страхом смерти, неизбежной, если бы его обнаружили. Он сильно сомневается, заключил он, что мог бы простоять долго вверх ногами и не закричать.

— Я не стал бы винить тебя, — сказал король. — Если бы я попал в такое положение, когда сидел в дупле королевского дуба, я бы тоже закричал. Это все, что тебе известно об этом странном заговоре? — Сэр Джеффри Хадсон ответил утвердительно, и король

продолжал: — Теперь иди, мой маленький друг, твои услуги не будут забыты. Раз уж ты залез внутрь скрипки, чтобы сослужить нам службу, мы обязаны по долгу совести доставить тебе на будущее более просторное жилище.

— Это была виолончель, с позволения вашего величества, а не простая скрипка, — возразил маленький человечек, ревниво оберегая свое достоинство, — хотя ради вашего величества я мог бы залезть и в футляр от самой малюсенькой скрипочки.

— Уж кто-кто, а ты, конечно, действовал в наших интересах — в этом мы не сомневаемся. Но теперь оставь нас на время, но смотри же, никому ни слова. Пусть твое появление — слышишь? — считается шуткою герцога Бакингема, а о заговоре — ни звука.

— Не взять ли его под стражу, государь? — спросил герцог Ормонд, когда Хадсон вышел из кабинета.

— Не нужно, — ответил король, — я давно знаю этого несчастного. Судьба, посмеявшись над его внешностью, одарила его благороднейшей душой. Он владеет мечом и держит слово, как настоящий Дон-Кихот, только уменьшенный в десять раз. О нем следует позаботиться. Но, черт побери, милорд, не показывает ли эта подлая затея Бакингема, что он мерзкий и неблагодарный человек?

— Он бы на это не решился, ваше величество, — ответил герцог Ормонд, — если бы вы не были к нему часто слишком снисходительны.

— Милорд, милорд! — поспешно возразил король. — Вы известный враг Бакингема, и мы выберем советника более беспристрастного. Что вы думаете обо всем этом, Арлингтон?

— С вашего разрешения, государь, — ответил Арлингтон, — мне все это кажется совершенно невозможным, если только между вами и герцогом не было какой-либо ссоры, нам неизвестной. Конечно, его светлость — человек легкомысленный, но это — просто безумие.

— Честно говоря, — сказал король, — сегодня утром мы немного поссорились. Герцогиня, кажется,

умерла, и Бакингом, не теряя времени, пытался возместить потерю и имел дерзость просить у нас руки нашей племянницы, леди Анны.

— И ваше величество, конечно, ему отказали? — спросил Арлингтон.

— Да, и сделал ему выговор за дерзость, — ответил король.

— Был ли кто-нибудь свидетелем вашего отказа, государь? — спросил герцог Ормонд.

— Нет, — ответил король, — кроме, пожалуй, Чиффинча, а он, вы знаете, пустое место.

— *Hinc illæ lachrymæ*,¹ — возразил Ормонд. — Я хорошо знаю его светлость. Если бы вы упрекнули его за дерзкое честолюбие наедине, он не обратил бы на это никакого внимания, но раз это случилось в присутствии такого человека, который разболтает об этом всему двору, — герцог должен отомстить.

При этих словах быстро вошел Селби и доложил, что герцог Бакингом только что появился в приемной.

Король встал.

— Приготовить лодку, — сказал он, — и отряд стражи. Может возникнуть необходимость арестовать его за измену и отправить в Тауэр.

— Не подготовить ли предписание государственного секретаря? — спросил Ормонд.

— Нет, милорд, — резко ответил король. — Надеюсь все же, что этого можно будет избежать.

Глава XLVII

Стал боязлив надменный Бакингом.

«Ричард III»²

Прежде чем рассказать о встрече Бакингема с оскорбленным государем, мы должны упомянуть два обстоятельства, имевшие место в период кратковре-

---

¹ Вот причина слез (лат.).

² Перевод А. Радловой.

мённого переезда его светлости и Чиффинча из Йорк-хауса в Уайтхолл.

Сев в карету, герцог попытался узнать у Чиффинча истинную причину столь поспешного его вызова во дворец. Но придворный был осторожен и ответил, что речь, верно, идет о каком-нибудь новом развлечении, которое король желает разделить с герцогом.

Такой ответ не удовлетворил Бакингема, ибо, помня о своем дерзком замысле, он невольно страшился, не открылась ли его измена.

— Чиффинч, — помолчав минуту, отрывисто сказал он, — не говорил ли ты кому-нибудь о том, что ответил мне сегодня утром король насчет леди Анны?

— Милорд, — ответил Чиффинч, запинаясь. — Моя преданность королю... Мое уважение к вашей светлости...

— Так ты никому этого не говорил? — сурово переспросил герцог.

— Никому, — ответил Чиффинч неуверенно, ибо испугался возрастающей суровости герцога.

— Лжешь, негодяй! — вскричал герцог. — Ты рассказал Кристиану.

— Ваша светлость, — начал Чиффинч, — ваша светлость, извольте вспомнить, что я открыл вам тайну Кристиана о приезде графини Дерби.

— И ты думаешь, что одно предательство окупается другим? Нет. Мне нужно иное возмещение. Если ты сию минуту не откроешь мне истинную причину моего вызова во дворец, я разможу тебе голову прямо здесь, в карете.

Пока Чиффинч раздумывал, что ему ответить, какой-то человек, который по свету факелов, всегда горевших на каретах, по лакеям, стоявшим на запятках, и слугам, гарцевавшим по бокам экипажа, легко мог узнать, чей это выезд, поравнялся с ними и мощным басом исполнил припев к старинной французской песне о битве при Мариньяно, сочинители которой нарочито подражали смешанному немецко-французскому наречию побежденных швейцарцев:

Tout est verlore
La tintelore!
Tout est verlore
Bei Got!¹

— Меня предали, — сказал герцог, тотчас заметив, что припев, смысл которого заключался в словах «все пропало», был пропет одним из преданных ему людей как намек, что заговор открыт.

Он пытался было выскочить из кареты, однако Чиффинч вежливо, но решительно удержал его.

— Не губите себя, милорд, — почтительно сказал он ему. — Мы окружены солдатами и констеблями; им велено доставить вашу светлость в Уайтхолл и помешать вашему бегству. Таким поступком вы лишь признаете себя виновным, и я настоятельно советую вам отказаться от этого намерения. Король — ваш друг, не будьте врагом себе сами.

— Ты прав, — после минутного размышления мрачно подтвердил герцог. — Для чего мне бежать, когда вся вина моя состоит в том, что я отправил во дворец увеселительный фейерверк вместо музыкального оркестра.

— И карлика, который неожиданно вылез из виолончели...

— И это моя выдумка, Чиффинч, — ответил герцог, хотя слышал об этом впервые. — Послушай, Чиффинч, ты навсегда обяжешь меня, если позволишь хоть минуту поговорить с Кристианом.

— С Кристианом, милорд? Да где вы его найдете? Притом мы должны ехать прямо во дворец.

— Разумеется, — ответил герцог, — но я думаю, что сумею разыскать его. А ты, Чиффинч, не чиновник, и у тебя нет предписания задержать меня или помешать мне говорить, с кем я захочу.

— Вы так изобретательны, милорд, — ответил Чиффинч, — и столько раз уже выпутывались из трудных

---

¹ Все пропало,
Тру-ля-ля!
Все пропало,
Боже мой!

положений, что я никогда не пожелаю по доброй воле причинить вам неприятность.

— Значит, жизнь еще не кончена, — сказал герцог и свистнул.

Из-за оружейной лавки, с которой читатель уже знаком, внезапно появился Кристиан и в одно мгновение очутился возле кареты.

— *Ganz ist verloren!*¹ — сказал герцог.

— Знаю, — ответил Кристиан, — и все наши святоши разбежались, услышав эту новость. К счастью, полковник и эти негодяи немцы вовремя нас уведомили. Все в порядке. Поезжайте во дворец. Я тотчас последую за вами.

— Ты, Кристиан? Это будет по-дружески, но неблагоприятно.

— Почему? Против меня нет никаких улик, — ответил Кристиан. — Я невинен как новорожденный младенец. И вы тоже, ваша светлость, Против нас есть только одна свидетельница, но я заставлю ее говорить в нашу пользу. Кроме того, если я не приду сам, то за мной тотчас пошлют.

— Наверное, это та самая приятельница, о которой мы с тобой уже говорили?

— И еще поговорим.

— Понимаю, — сказал герцог, — и не хочу более задерживать мистера Чиффинча, ибо это мой провожатый. Итак, Чиффинч, вели трогать. *Vogue la galère!*² — воскликнул он, когда карета тронулась. — Мне случалось видеть и более опасные бури.

— Не мне судить, — заметил Чиффинч. — Ваша светлость — смелый капитан, а Кристиан — лоцман, искусный как сам дьявол, но... Тем не менее я остаюсь другом вашей светлости и буду сердечно рад, если вы выпутаетесь из неприятностей.

— Докажи мне свою дружбу, — сказал герцог. — Открой мне, что ты знаешь об этой приятельнице Кристиана, как он ее называет.

---

¹ Все пропало! (нем.).

² Галера, в путь! (франц.). Выражение, означающее примерно: «Будь что будет!»

— Я думаю, что это та самая танцовщица, которая была у меня с Эмпсоном в то утро, когда от нас ускользнула мисс Алиса. Но ведь вы ее видели, милорд.

— Я? — спросил герцог. — Когда же?

— С ее помощью Кристиан освободил свою пленницу, когда ему пришлось удовлетворить требования фанатика-шурина и возвратить ему дочь. Кроме того, ему, наверно, захотелось подшутить над вами.

— Я это и подозревал. Я отплачу ему, — сказал герцог. — Дай только разделаться с этой историей. Так, значит, эта маленькая нумидийская колдунья — его приятельница, и они оба решили посмеяться надо мной? Но вот и Уайтхолл. Смотри же, Чиффинч, помни свое слово. А ты, Бакингом, держись!

Но, прежде чем мы последуем за Бакингом во дворец, где ему предстояло разыграть нелегкую роль, посмотрим, пожалуй, что делает Кристиан после короткого разговора с герцогом. Окольным путем по дальнему переулку и через несколько дворов он снова вошел в дом и поспешил в устланную циновками комнату, где в одиночестве сидел Бриджнорт и невозмутимо читал библию при свете маленькой бронзовой лампы.

— Ты отпустил Певериллов? — торопливо спросил Кристиан.

— Да, — ответил майор.

— Чем же они поручились тебе, что не пойдут прямо в Уайтхолл с доносом?

— Они сами дали мне обещание, когда узнали, что наши вооруженные друзья разошлись. Завтра, я думаю, они сообщат обо всем королю.

— Почему же не сегодня вечером? — спросил Кристиан.

— Они дают нам время спастись бегством.

— Так что же ты не воспользовался им? Почему ты здесь? — вскричал Кристиан.

— А ты сам, чего ты ждешь? — спросил Бриджнорт. — Ты замешан в этом деле не меньше меня.

— Брат Бриджнорт, я старая лисица и сумею обмануть гончих; ты же олень, все твое спасение в проворстве. Поэтому не теряй времени, уезжай куда-нибудь в глушь, а еще лучше — ступай на пристань, там стоит корабль Зедикайи Фиша «Добрая Надежда», что утром идет в Массачузетс. Он может с приливом уйти в Грейвсенд.

— И оставить тебе, Кристиан, мое состояние и мою дочь? Нет, шурин. Для этого мне нужно снова обрести к тебе прежнее доверие.

— Тогда делай что хочешь, сомневающийся глупец! — вскричал Кристиан, с трудом удерживаясь от более оскорбительных выражений. — Пожалуйста, оставайся здесь и жди, когда тебя повесят.

— Всем людям предназначено один раз умереть, — сказал Бриджнорт. — Моя жизнь была не лучше смерти. Топор лесника обрубил мои лучшие ветви, а ту, которая уцелела, чтобы ей расцвести, нужно привить в другом месте, вдали от моего старого ствола. Поэтому чем скорее топор коснется корня, тем лучше. Я был бы рад, конечно, если бы мне удалось очистить наш двор от скверны разврата и облегчить иго народа-страдальца. И еще этот молодой человек, сын благороднейшей женщины, которой я обязан всем, что еще связывает мой усталый дух с человечеством... О, если бы мне было дано рука об руку с ним нести труды во имя нашего благородного дела! Но надежда эта, как и все прочие, исчезла навсегда. Я недостоин быть орудием исполнения столь великого замысла, а потому и не желаю более скитаться в этой долине скорби.

— Так прощай же, отчаявшийся глупец, — сказал Кристиан, который при всем своем хладнокровии не мог больше скрывать презрения к смирившемуся и упавшему духом фаталисту. — Надо же было судьбе связать меня с такими союзниками! — пробормотал он, выходя из комнаты. — Этого безумного фанатика уже не исправишь. Нужно найти Зару. Она одна может спасти нас. Если бы мне удалось переломить ее упрямство и подстрекнуть ее тщеславие, тогда ее ловкость, пристрастие короля к герцогу, неслыханная

дерзость Бакингема и кормило, управляемое моей рукой, — все это еще помогло бы выдержать бурю, что вот-вот разразится над нами. Но надо действовать без промедления.

В соседней комнате он нашел ту, кого искал, особу, которая посетила гарем герцога Бакингема и, освободив Алису из плена, сама заняла ее место, как мы уже рассказывали или, скорее, только намекнули. Она была теперь гораздо проще одета, чем в тот день, когда дразнила герцога, но костюм ее по-прежнему был в восточном стиле, который так подходил к ее смуглому лицу и жгучему взору. Когда вошел Кристиан, она сидела, закрыв лицо платком, но быстро отняла его и, бросив на вошедшего взгляд, полный презрения и негодования, спросила, зачем он явился туда, где его не ждали и не желают видеть.

— Весьма уместный для невольницы вопрос к своему господину! — усмехнулся Кристиан.

— Скажи лучше — уместный вопрос, самый уместный из всех, что может задать хозяйка своему рабу! Разве ты не знаешь, что с того часа, когда ты обнаружил предо мною свою невыразимую подлость, я стала хозяйкой твоей судьбы? Пока ты казался лишь демоном мщения, ты внушал ужас — и с большим успехом, но с минуты, когда ты показал себя бесчестным злодеем, бессовестным и гнусным плутом, подлым, пресмыкающимся негодяем, ты способен возбудить во мне только чувство презрения.

— Красноречиво и выразительно сказано, — заметил Кристиан.

— Да, я умею говорить, умею также быть немой, — ответила Зара, — и никто не знает этого лучше тебя.

— Ты избалованное дитя, Зара, и пользуешься моей снисходительностью к твоим капризам, — ответил Кристиан. — Разум твой помутился в Англии, и все от любви к человеку, который думает о тебе не больше, чем об уличных бродягах, среди которых он тебя бросил, чтобы вступить за ту, кого любит.

— Все равно, — возразила Зара, тщетно стараясь скрыть свое отчаяние. — Пусть он предпочитает мне

другую; никто в мире не любит, не может любить его так, как я.

— Мне жаль тебя, Зара! — сказал Кристиан.

— Я заслуживаю сожаления, — ответила она, — но твою жалость отвергаю с презрением. Кому, как не тебе, я обязана всеми моими несчастьями? Ты воспитал во мне жажду мести, прежде чем я узнала, что такое добро и зло. Чтобы заслужить твое одобрение и удовлетворить тщеславие, которое ты во мне возбудил, я в течение многих лет подвергала себя такому испытанию, на какое не решилась бы ни одна из тысячи женщин.

— Из тысячи? — переспросил Кристиан. — Из сотни тысяч, из миллиона. Нет в мире другого существа, принадлежащего к слабой половине рода человеческого, которое было бы способно не только на такую самоотверженность, но и на во сто раз меньшую.

— Вероятно, — ответила Зара, горделиво выпрямляясь. — Вероятно, это так. Я прошла через испытание, на которое отважились бы немногие. Я отказалась от бесед с дорогими мне людьми, заставила себя пересказывать только то, что мне удавалось подслушать как низкой шпионке. Я делала это долгие, долгие годы, и все ради того, чтобы заслужить твое одобрение и отомстить женщине, которая если и виновна в гибели моего отца, то была сурово наказана, пригрев на своей груди ядовитую змею.

— Ладно, ладно, — сказал Кристиан. — И разве не находила ты награду в моем одобрении и в сознании своего непревзойденного искусства, позволившего тебе вынести то, чего никогда на всем протяжении истории не вынесла ни одна женщина — дерзость без внимания, восхищение без отклика, насмешку без ответа?

— Без ответа? — горячо вскричала Зара. — Разве не одарила меня природа чувствами, более выразительными, чем слова? И разве не трепетали от моих криков те, кого не тронули бы мои жалобы и мольбы? Разве гордая женщина, приправлявшая свою благо-

творительность насмешками, которых, как она думала, я не слышу, не была по справедливости наказана тем, что самые сокровенные ее тайны узнавал ее смертельный враг? И тщеславный граф, хотя он стоит не больше, чем перо на его шляпе, и женщины и девушки, оскорблявшие меня насмешками, были — или легко могут быть — наказаны мною. Но есть человек, — добавила она, подняв глаза к небу, — который никогда не насмехался надо мною, благородный человек, который смотрел на бедную немую как на сестру и который, говоря о ней, всегда извинял и защищал ее. И ты мне говоришь, что я не должна любить его, что любовь к нему — безумие! Что ж, тогда я буду безумной, потому что буду любить его до последнего моего вздоха.

— Задумайся хоть на секунду, безрассудная девочка — безрассудная только в одном отношении, во всех других нет женщины совершеннее тебя, — задумайся о той блестящей карьере, которую я предлагаю тебе, если ты победишь свою безнадежную любовь. Пойми, что стоит тебе лишь пожелать — и ты станешь женою, законною женою герцога Бакингема. При моих способностях, при твоём уме и красоте — герцога неотразимо влекут к себе эти качества — ты очень скоро станешь одной из первых дам Англии. Последуй моему совету — он сейчас в смертельной опасности, ему не обойтись без помощи, чтобы восстановить свое бывшее могущество, и больше всего ему необходима наша помощь. Положись на меня, и сама судьба не в силах будет помешать тебе надеть корону герцогини.

— Корону из пуха одуванчика, обвитую его же листьями! — воскликнула Зара. — Я не знаю человека более легкомысленного, чем твой Бакингем. По твоей просьбе я встретила с ним, и он мог бы показать себя человеком благородным и великодушным; по твоему желанию я выдержала испытание, ибо не боюсь опасностей, от которых отшатываются в страхе малодушные существа моего пола. И что же я нашла в нем? Низкого, жалкого развратника, чья страсть, подобно горящему жнивью, лишь тлеет и

дымит, но не может ни согреть, ни сжечь своим огнем. Кристиан, если бы его корона лежала сейчас у моих ног, то я скорее подняла бы позолоченный имбирный пряник, нежели ее.

— Ты безумна, Зара, совершенно безумна, несмотря на твои способности и тонкое умение разбираться в вещах. Но оставим Бакингема. Разве ты ничем не обязана мне — мне, который избавил тебя от твоего жестокого хозяина-акробата, дал тебе свободу и богатство?

— Да, Кристиан, — ответила она, — я многим обязана тебе. И если бы я не помнила твоих благодеяний, то давно бы предала тебя суровой графине, и, признаюсь, это не раз приходило мне в голову. Она повесила бы тебя на одной из башен своего замка, предоставив твоим наследникам мстить хищным орлам, которые свили бы гнездо из твоих волос и вскормили своих птенцов твоим мясом.

— От души благодарю тебя за такую снисходительность, — сказал Кристиан.

— Да, я всегда искренне хотела быть к тебе снисходительной, — продолжала Зара, — но не за твои благодеяния, ибо они были вызваны только себялюбивыми расчетами. Я тысячу раз отплатила за них моей преданностью и покорностью твоей воле, несмотря на все грозившие мне опасности. Еще недавно я уважала силу твоего духа, твою власть над своими страстями, твой ум, благодаря которому ты мог управлять волею других, начиная с фанатика Бриджнорта и кончая развратником Бакингом. Вот почему я признавала тебя своим господином.

— Эти качества, — ответил Кристиан, — остались прежними, и с твоей помощью я докажу, что самые крепкие сети, которые сплели законы гражданского общества, чтобы ограничить природное достоинство человека, можно разорвать, как паутину.

— Пока тобою двигали благородные побуждения, — помолчав, продолжала Зара, — да, я считаю их благородными, хотя и необычными, ибо я создана,

чтобы бесстрашно смотреть на солнце, лучей которого боятся бледные дочери Европы, я могла служить тебе; я следовала за тобой, пока ты был руководим жаждой мести или честолюбием. Но страсть к богатству, и еще добытому такими средствами! Как могу я сочувствовать таким целям? Разве ты не готов был служить сводником королю и принести для этого в жертву честь сироты-племянницы? Ты улыбаешься? Улыбнись еще раз, когда я спрошу: не с подобными ли намерениями ты приказал мне остаться в доме этого жалкого Бакингема? Улыбнись в ответ на мой вопрос, и, клянусь небом, кинжал мой пронзит твое сердце.

С этими словами она схватилась за рукоятку небольшого кинжала, спрятанного у нее на груди.

— Я улыбаюсь от презрения к такому гнусному обвинению, — ответил Кристиан. — Я не скажу тебе причины, но знай, что твоя честь и безопасность для меня дороже всего на свете. Правда, я хотел сделать тебя женой Бакингема, и нет сомнения: с твоим умом и красотой этого брака легко можно было бы добиться.

— Тщеславный льстец! — сказала Зара, смягчаясь, казалось, от лести, которую сама же презирала. — Ты будешь уверять меня, что ожидал, будто герцог предложит мне стать его женой. Но как ты смеешь так грубо обманывать меня, когда время, место и обстоятельства изобличают твою ложь? Как ты осмеливаешься снова говорить об этом, когда прекрасно знаешь, что в то время герцогиня была еще жива?

— Жива, но уже на смертном ложе, — ответил Кристиан. — Что же касается времени, места и обстоятельств, то если бы твои добродетели, моя Зара, зависели от них, ты не была бы тем, что ты есть. Я знал, что ты сумеешь за себя постоять, ибо ни за что не согласился бы подвергнуть тебя опасности ради того, чтобы завоевать симпатии герцога Бакингема или даже все английское королевство. Ты даже не представляешь себе, как ты мне дорога.

Итак, согласна ли ты следовать моим советам и идти со мною?

Зара, или Фенелла, ибо наши читатели, верно, давно уже убедились, что это одно и то же лицо, опустила глаза и долго молчала.

— Кристиан, — сказала она наконец торжественным голосом, — если мои понятия о добре и зле дики и непоследовательны, то оправданием мне служит, во-первых, то, что я дика и порывиста от природы, ибо все существо мое постоянно охвачено жаром, который влило мне в кровь солнце моей родины; во-вторых, мое детство, проведенное в обществе фигляров, фокусников и шарлатанов; и, в третьих, моя юность, полная лжи и обмана, ибо я выполняла твой приказ только слушать, не сообщая никому своих мыслей. И в последней причине моих нелепых заблуждений, если они действительно нелепы, виноват только ты, Кристиан, ибо ради осуществления своих замыслов ты отдал меня графине и внушил мне, что первый долг мой на земле — отомстить за смерть отца, что сама природа повелевает мне ненавидеть и причинять боль той, которая кормит и ласкает меня, хотя точно так же она ласкала бы собаку или другую бессловесную тварь. Мне кажется также — я буду с тобой откровенна, — что тебе было бы не так легко узнать свою племянницу в ребенке, удивительная ловкость которого приносила богатство жестокому шарлатану, и не очень просто удалось бы заставить его расстаться со своей рабыней, если бы ты сам не отдал меня ему во имя своих собственных целей, оставив за собой право забрать меня, когда тебе это понадобится. Ведь, поручив мое воспитание этому человеку, ты поступил так потому, что никто больше не мог бы научить меня притворяться немой, а тебе очень хотелось уготовить мне эту роль на всю жизнь.

— Ты несправедлива ко мне, Зара, — сказал Кристиан. — Я видел, что ты, как никто другой, способна выполнить задачу, необходимую для мести за смерть твоего отца. Я посвятил тебя, равно как и собственную жизнь, этой цели и связал с нею все свои на-

дежды. Ты свято выполняла свой долг, пока безумная страсть к человеку, который любит твою двоюродную сестру...

— Который... любит... мою двоюродную сестру! — медленно повторила Зара (мы будем называть ее теперь ее настоящим именем), как будто слова сами срывались с ее губ. — Хорошо, пусть будет так! Еще раз я исполню твою волю, коварный человек, еще один только раз. Но берегись, не раздражай меня насмешками над тем, что я лелею в своих тайных мыслях — я говорю о моей безнадежной любви к Джулиану Певерилу, — не зови меня на помощь, когда задумаешь поймать его в западню. Ты и твой герцог будете горько проклинать тот час, когда доведете меня до крайности. Ты, наверно, думаешь, что я в твоей власти? Помни, что змеи моей знойной родины страшнее всего тогда, когда их хватаешь руками.

— Какое мне дело до Певериллов? — сказал Кристиан. — Их судьба меня интересует лишь постольку, поскольку она связана с судьбой обреченной женщины, руки которой обгажены кровью твоего отца. Их не постигнет ее участь, поверь мне. Я объясню тебе, как я это сделаю. Что же касается герцога, то жители Лондона считают его остроумным, солдаты — храбрым, придворные — учтивым и галантным. Почему же при его высоком положении и огромном богатстве ты отказываешься от возможности, которую я берусь тебе предоставить...

— Не говори об этом, — вскричала Зара, — если хочешь, чтобы перемирие наше — помни, это не мир, а только перемирие — не было нарушено сию же минуту!

— И это говорит, — воскликнул Кристиан, пытаясь в последний раз разжечь тщеславие этого удивительного существа, — та, которая выказывала такое превосходство над страстями человеческими, что могла равнодушно и безучастно проходить по залам богачей и тюремным камерам, никого не видя и никому не видимая, не испытывая зависти к счастью одних, не сочувствуя бедствиям других; та, что уве-

ренным шагом, молча, несмотря ни на что, шла к своей цели!

— К своей цели? — переспросила Зара. — К твоей цели, Кристиан. Тебе нужно было вывести у заключенных средства, с помощью которых было бы легче осудить их; тебе нужно было, по сговору с людьми более могущественными, чем ты сам, проникнуть в чужие тайны, чтобы основать на них новые обвинения и поддержать великое заблуждение народа.

— Действительно, тебе был открыт доступ в тюрьму, как моему доверенному лицу, — сказал Кристиан, — и ради свершения великого переворота. А как ты использовала эту возможность? Только для того, чтобы тешить свою безумную страсть!

— Безумную? — переспросила Зара. — Будь так же безумен тот, кого я люблю, мы бы уже давно были далеко от ловушек, которые ты нам расставил. Все было готово, и теперь мы бы уже навсегда простились с берегами Англии.

— А бедный карлик? — спросил Кристиан. — Достойно ли было вводить в заблуждение это жалкое создание сладкими видениями и убаюкивать его дурманом? Разве я этого требовал?

— Я хотела сделать его моим орудием, — надменно ответила Зара. — Я слишком хорошо помнила твои уроки. Впрочем, не презирай его. Этого ничтожного карлика, игрушку моей прихоти, жалкого уродя я предпочла бы твоему Бакингему. Этот тщеславный и слабоумный пигмей обладает горячим сердцем и благородными чувствами, которыми мог бы гордиться каждый.

— Ради бога, делай что хочешь, — сказал Кристиан. — И да не дерзнет никто, по моему примеру, связывать язык женщине, ибо за это приходится расплачиваться исполнением всех ее прихотей. Кто бы мог предвидеть это? Но конь закусил удила, и я вынужден мчаться, куда ему вздумается, ибо не в силах им управлять.

А теперь мы возвращаемся в Уайтхолл, во дворец короля Карла.

О, что скажу тебе, лорд Скуп,
жестокый,
Неблагодарный, дикий человек?
Ты обладал ключами тайн моих;
Ты ведал недра сердца моего;
Ты мог бы, если бы пришло
желанье,
Меня перечекинуть на червонцы...
«Генрих V»¹

Никогда еще за всю свою жизнь, даже среди грозных опасностей, Карл не терял своей природной веселости в такой степени, как теперь, ожидая возвращения Чиффинча и герцога Бакингема. Разум его отвергал мысль о том, что человек, пользовавшийся его особой благосклонностью, товарищ его досуга и развлечений, мог оказаться участником заговора, цель которого, по-видимому, состояла в том, чтобы лишить короля свободы и жизни. Он вновь и вновь допрашивал карлика, но не узнал ничего нового, кроме уже слышанного им. Женщину, посещавшую его в Ньюгетской тюрьме, карлик описывал такими романтическими и поэтическими красками, что король невольно решил, что бедняга рехнулся, а так как в турецком барабане и других инструментах, принесенных музыкантами герцога, ничего не нашли, то он тешил себя мыслью, что либо весь этот заговор просто шутка, либо карлик ошибся.

Люди, посланные следить за действиями прихожан Уэйвера, донесли, что они спокойно разошлись. Правда, они были вооружены, но это еще не доказывало враждебности их намерений, ибо в те времена все добрые протестанты могли постоянно ожидать беспощадной резни, а отцы города то и дело созывали отряды ополченцев, пугая жителей Лондона слухами о том, что вот-вот начнется бунт католиков; одним словом, пользуясь крылатым выражением одного олдермена, все были убеждены, что в одно прекрасное утро проснутся с перерезанной глоткой. Установить,

---

¹ Перевод Е. Бируковой.

от кого именно следовало ожидать таких ужасных дел, было труднее, тем не менее все признавали подобную возможность, поскольку один мировой судья уже был убит. Поэтому не было ничего удивительного в том, что в такие смутные времена участники собрания протестантов, *par excellence*¹ из бывших военных, явились в молельню с оружием в руках, и в одном этом еще нельзя было усмотреть мятежные замыслы против государства.

Иступленные речи священнослужителя, если бы даже их достоверность и была доказана, тоже не содержали явного призыва к насилию. В излюбленных проповедниками иносказаниях, метафорах и аллегориях во все времена часто встречались слова воинственные. Сильная и красивая метафора, встречающаяся в священном писании — взять царствие небесное приступом, — в их проповедях уснащалась специальными терминами, относящимися к искусству осады и обороны укрепленных позиций. Словом, опасность, какова бы она, в сущности, ни была, исчезла мгновенно, точно пузырек на поверхности воды, что лопается от одного случайного прикосновения, не оставив никаких следов, и самое ее существование стало подвергаться серьезному сомнению.

Пока королю доносили обо всем происходящем вне его дворца и покуда он обсуждал события с теми вельможами и государственными деятелями, с которыми считал нужным посоветоваться по этому поводу, какое-то уныние и беспокойство постепенно сменило веселье, господствовавшее в начале вечера. Все почувствовали, что происходит нечто особенное. То обстоятельство, что король держался поодаль от своих гостей, — явление небывалое, и скука, воцарившаяся в зале приемов, ясно показывали, что Карла обуревают необычные мысли.

Игра была забыта, музыки не было слышно, или никто ее не слушал, кавалеры перестали говорить комплименты, а дамы их ожидать, и тревожное любопытство овладело гостями. Все спрашивали друг

---

¹ Преимущественно (франц.).

друга, почему они так невеселы, а ответить на этот вопрос люди способны были не более, чем стадо, которое испытывает безотчетное беспокойство, когда надвигается гроза.

И тут, умножая общие опасения, начал распространяться слух, что некоторых из придворных, пожелавших уехать, не выпустили из дворца, предупредив, что до назначенного часа общего разъезда никого выпускать не велено. Когда же они возвратились и шепотом поведали остальным, что караулы у ворот удвоены, а во дворе стоит наготове отряд конной гвардии, столь необычный порядок возбудил еще большую тревогу.

Таково было состояние двора, когда раздался стук колес и суматоха в сенях дала знать о прибытии важной особы.

— Вот и Чиффинч с добычей в когтях, — сказал король.

И действительно, это был герцог Бакингом, который с волнением приближался к королю. При въезде в ворота отсветы от факелов, горевших по углам кареты, засверкали на алых мундирах, нарядных киверах и обнаженных палашах конной гвардии — зрелище необычное и рассчитанное на то, чтобы вселить ужас в любого, а особенно — в тех, чья совесть не слишком чиста.

Выходя из экипажа, герцог сказал караульному офицеру:

— Вы сегодня что-то долго задержались на службе, капитан Карлтон.

— Таков приказ, сэр, — ответил Карлтон с военной краткостью и приказал четверым пешим караульным, стоявшим у нижних ворот, пропустить герцога Бакингема. Едва его светлость вошел, как тот же офицер скомандовал: — Часовым сомкнуться. Ближе к воротам, никого не пропускать! — Слова эти, казалось, отняли у герцога всякую надежду на спасение.

Поднимаясь по парадной лестнице, Бакингом приметил и другие предосторожности. Дворцовая стража была усилена и вместо алебард вооружена штуцерами. Служилые дворяне, вооруженные протазанами,

также присутствовали в большем количестве против обыкновенного; словом, все средства обороны, имеющиеся в распоряжении короля, были, казалось, собраны и все люди поставлены под ружье.

Бакингом пытливо оглядывал все эти новшества, всходя по королевской лестнице твердым и медленным шагом, как будто пересчитывал все ступеньки. «Кто, — спрашивал он себя, — поручится за верность Кристиана? Если он устоит — мы спасены... В противном случае...»

С этими мыслями он вошел в приемную.

Король стоял посреди залы, окруженный своими советниками. Гости держались поодаль, сбившись в кучки, и с любопытством смотрели на короля. При появлении Бакингема воцарилась тишина; все ожидали, что он объяснит тайную причину общего беспокойства. Этикет не позволял придворным подойти поближе, и поэтому все наклонились вперед, надеясь услышать хоть что-нибудь из разговора его величества с этим злокозненным государственным мужем. Советники расступились, чтобы герцог мог представиться королю по всем правилам придворного этикета. Бакингом выполнил эту церемонию с присущим ему изяществом, но король принял его с необычной серьезностью.

— Вы заставили себя ждать, милорд. Чиффинч очень давно был послан просить вас сюда. Я вижу, вы тщательно оделись, но в данном случае это лишнее.

— Лишнее, ибо не прибавит ничего к блеску двора вашего величества, — ответил герцог, — но не лишнее для меня самого. Сегодня в Йорк-хаусе черный понедельник, и весь мой клуб *Pendables*¹ собрался в полном составе, когда я получил повеление явиться к вашему величеству. Я был в обществе Оугла, Мэнидака, Доусона и других, а потому не мог явиться сюда, не переодевшись и не совершив омовения.

— Надеюсь, что очищение будет полным, — сказал король, сохраняя мрачное, суровое и даже же-

---

¹ Висельников (франц.).

стокое выражение, всегда ему свойственное, если его не смягчала улыбка. — Мы желаем узнать у вашей светлости, что означает весь этот музыкальный маскарад, которым вы намеревались нас угостить и который, как нам стало известно, не удался?

— Я вижу, он совершенно не удался, — ответил герцог, — поскольку ваше величество изволите говорить о нем с такой серьезностью. Я смел надеяться, что шутка моя, явление из виолончели, доставит вам удовольствие, как не раз случалось прежде; но вижу противное. Боюсь, не причинил ли какого-нибудь вреда мой фейерверк.

— Он нанес меньше вреда, чем вы предполагали, — мрачно заметил король. — Видите, милорд, мы все живы и не обожглись.

— Да сохранится здоровье вашего величества на долгие годы, — сказал герцог. — Тем не менее я вижу, что мое намерение как-то неправильно истолковывают. Вина моя непростительна, хоть и неумышленна, ибо она разгневала снисходительного монарха.

— Слишком снисходительного, Бакингом, — сказал король. — Моя снисходительность превратила верноподданных в изменников.

— С позволения вашего величества, мне непонятны эти слова, — возразил герцог.

— Следуйте за нами, милорд, — сказал Карл. — Мы постараемся объяснить вам их.

В сопровождении тех же советников, что его окружали, и герцога Бакингема, на которого были устремлены все взоры, Карл направился в тот кабинет, где в течение этого вечера уже происходило много совещаний. Там, опершись скрещенными руками на спинку кресла, Карл начал допрашивать герцога:

— Будем говорить откровенно. Признавайтесь, Бакингом, какое угощение приготовили вы нам сегодня вечером?

— Небольшой маскарад, государь. Маленькая танцовщица должна была псывиться из виолончели и станцевать по желанию вашего величества. Предполагая, что эта забава будет происходить в мраморном зале, я приказал положить в футляр несколько

палочек китайского фейерверка, думая, что он произведет безвредное и приятное действие и скроет появление на сцене маленькой волшебницы. Надеюсь по крайней мере, что нет ни опаленных париков, ни испуганных дам, ни погибших надежд на продолжение благородного рода от моей столь неудачной шутки?

— Нам не довелось видеть фейерверк, милорд. А ваша танцовщица, о которой мы слышим впервые, предстала перед нами в образе нашего старого знакомого Джеффри Хадсона, а для него, как вам известно, время плясок уже давно прошло.

— Я потрясен, ваше величество! Я умоляю вас послать за Кристианом, Эдуардом Кристианом; его можно найти в большом старом доме на Стрэнде, возле лавки оружейника Шарпера. Клянусь честью, государь, я поручил ему устроить это увеселение, тем более что танцовщица принадлежит ему. Если он сделал что-нибудь, чтобы опозорить мой концерт или обесчестить меня, то он умрет под палкой.

— Я давно заметил нечто странное, — сказал король. — Все почему-то сваливают вину за свои гнусные преступления на этого Кристиана. Он играет ту роль, которая в знатных семействах обычно отводится лицу по имени «Никто». Если Чиффинч дал промах, виноват Кристиан; если Шеффилд написал памфлет, я уверен, что услышу: его поправлял, переписывал или распространял Кристиан. Он — *ame damnée*¹ всех и каждого при моем дворе, козел отпущения, который должен отвечать за все их пороки. Ему придется унести с собой в пустыню тяжкую ношу. Что же касается грехов Бакингема, то Кристиан постоянный и усердный за них ответчик. Я уверен, его светлость думает, что Кристиан понесет все заслуженные им наказания и на этом и на том свете.

— Извините, государь, — возразил герцог с глубочайшим почтением, — я не надеюсь быть повешенным или осужденным по доверенности. Но мне ясно, что кто-то вмешался и испортил мою затею. Если

---

¹ Злой гений (буквально «проклятая душа»; *франц.*),

меня в чем-то обвиняют, то позвольте мне по крайней мере выслушать обвинение и видеть обвинителя.

— Это справедливо, — ответил Карл. — Выведите из-за каминной решетки нашего маленького друга. — Когда карлик предстал перед ним, он продолжал, обращаясь к нему: — Вот стоит герцог Бакин-гем. Повтори в его присутствии историю, которую ты рассказывал нам. Пусть он послушает, что было в виолончели, прежде чем ты залез туда. Не бойся никого и смело говори правду.

— С дозволения вашего величества, — сказал Хадсон, — страх мне неизвестен.

— Тело его слишком мало, чтобы в нем поместилось такое чувство или чтобы за него можно было бояться, — подтвердил Бакин-гем. — Но пусть говорит.

Не успел еще Хадсон закончить свой рассказ, как Бакин-гем перебил его, воскликнув:

— Неужели ваше величество могли усомниться во мне на основании слов этого жалкого выроodka из породы павианов?

— Негодяй! Я вызываю тебя на смертный бой! — вскричал маленький человечек вне себя от гнева.

— Молчи ты там! — воскликнул герцог. — Этот зверек совершенно обезумел, ваше величество, и вызывает на поединок человека, которому достаточно штопора, чтобы проткнуть его насквозь, и который может одним пинком переправить его из Дувра в Кале без помощи яхты или ялика. Что можно услышать от дурака, который помешался на танцовщице, выделявавшей антраша на канате в Генте, во Фландрии? Вероятно, он хочет соединить ее таланты со своими и открыть балаган на Варфоломеевской ярмарке. Даже предположив, что это жалкое создание не наговаривает на меня просто по злобе, всегда свойственной карликам, которых мучит зависть к людям обычного роста, даже в этом случае, говорю я, разве не ясно, к чему все это сводится? Он принял шутихи и китайские хлопушки за оружие! Ведь он не утверждает, что держал их в руках. Он только видел их. И вот я спрашиваю: способен ли этот убогий старикашка, когда в башке у него засядет какая-нибудь

вздорная навязчивая идея, отличить мушкетон от кровавой колбасы?

Карлик стонал и скрежетал зубами от бешенства, слыша, как умаляют его военные познания. Торопливость, с которою он бормотал о своих воинских подвигах, и уродливые гримасы, которыми он сопровождал свои рассказы, вызвали смех не только Карла, но и всех присутствовавших там государственных деятелей, и придали совсем уже нелепое обличье и без того смехотворной сцене. Наконец король прекратил спор, приказав карлику удалиться.

Теперь началось более спокойное обсуждение его показаний, и герцог Ормонд первым заметил, что дело это гораздо важнее, нежели они предполагают, поскольку карлик упомянул о странном и явно изменническом разговоре между доверенными людьми герцога, которые принесли футляр во дворец.

— Я был уверен, что герцог Ормонд не упустит случая замолвить слово в мою пользу, — с презрением заметил Бакингом, — но я не боюсь ни его, ни других моих врагов, ибо мне не трудно доказать, что этот так называемый заговор, если здесь есть вообще хоть тень чего-то в этом роде, представляет собой не что иное, как злостную выдумку, цель которой — обратить на протестантов справедливое негодование против папистов. Поэтому и сей карлик, только сегодня спасенный от заслуженной им петли, является сюда, чтобы опозорить пэра-протестанта; и на чем же основан его донос? На беседе четверых немцев-музыкантов, подслушанной им через дырочки футляра для виолончели, причем футляр был заперт и его несли на плечах! Да и по-немецки этот урод знает не больше моей лошади. И даже если он хорошо слышал, хорошо понял и верно пересказал этот разговор, то можно ли положиться на болтовню такого рода? Я говорил с этими людьми не больше, чем обычно говорят подобные мне с простонародьем! Подозревать меня в сообщничестве с ними?! Извините, государь, но я осмелюсь сказать, что мудрые государственные деятели, которые пытались при помощи мнимого заговора «бочки с мукой» скрыть заговор папистов,

ошибаются, если думают, что басни о скрипках и концертах принесут им больше лавров.

Советники посмотрели друг на друга, а Карл повернулся на каблуках и начал большими шагами ходить по кабинету.

В эту минуту королю доложили о прибытии отца и сына Певериллов, и Карл приказал позвать их.

Певерилы получили приказ короля явиться во дворец весьма неожиданно. Когда старый Бриджнорт освободил их из заключения на условиях, известных нашим читателям из разговора его с Кристианом, они направились к дому, где остановилась леди Певерил, которая ожидала их с радостью, смешанной со страхом и тревогой. Через верного Ланса Утрема она знала, что муж и сын ее оправданы, но длительное их отсутствие и слухи о беспорядках на Флит-стрит и Стрэнде не могли не встревожить ее.

Когда утихли первые восторги радостного свидания, леди Певерил многозначительно посмотрела на своего сына, как будто предупреждая его, чтобы он был осторожен, и сказала, что намерена представить ему дочь их старинного друга, которую он *никогда* (это слово было особенно выделено) не видел.

— Это единственная дочь полковника Митфорда из Северного Уэльса, — продолжала она. — Отец вверил ее на время моим попечениям, не имея возможности заняться ее образованием.

— Да, да, — сказал сэр Джефри, — Дик Митфорд, должно быть, уже стар. Ему, наверное, далеко за семьдесят. Он и тогда уже был боевой петух, а не цыпленок, когда присоединился к маркизу Хертфорду при Нэмтуиче с двумястами необузданных уэльсцев. Клянусь святым Георгием, Джулиан, я люблю эту девушку как родную. Без нее леди Певерил не вынесла бы своего горя; а Дик Митфорд прислал мне, весьма кстати, тысячу золотых, потому что в карманах у нас не сыскать было ни гроша, хоть выверни их наизнанку, — все деньги ушли на стряпчих. Впрочем, я тратил их, не жалея, потому что в Мартиндейле приготовлен лес на сруб, и Дик Митфорд знает, что я сделал бы то же самое для него. Странно, однако,

что из всех моих друзей он один догадался, как мне могут понадобиться деньги.

Продолжая свои рассуждения, сэръ Джеффри почти не заметил, как Джулиан здоровался с Алисой Бриджнорт, и только бросил мимоходом:

— Поцелуй ее, Джулиан, поцелуй. Что за черт! Неужели на острове Мэн тебя научили здороваться с девушкой так, будто губы ее — раскаленная подкова? Не прогневайтесь, моя прелесть, Джулиан от природы застенчив и воспитан в доме старой женщины; но со временем вы сами увидите, принцесса, он будет таким же галантным кавалером, как и я. Ну, леди Певерил, теперь обедать. Старой лисе все же надо набить себе брюхо, хотя гончие гоняли ее целый день.

Затем Ланс Утрем радостно поздравил их с благополучным возвращением, но благоразумно ограничился несколькими словами и, проворно накрыв стол, подал простой, но сытный обед, взятый им из соседней харчевни. Джулиан, как зачарованный, сидел между матерью и своей возлюбленной. Он сразу догадался, что леди Певерил и была тем надежным другом, которому Бриджнорт поручил свою дочь, и его беспокоила только мысль, как примет это отец, когда узнает настоящее имя Алисы. Однако он счел за лучшее пока молчать об этом и не нарушать общей радости, позволяя себе только многозначительно переглядываться со своей милой, в чем им не мешали ни взгляды леди Певерил, ни бурное веселье старого баронета, который говорил за двоих, ел за четверых и пил за шестерых. Неизвестно, как далеко завело бы его это занятие, если бы пиршество не было прервано прибытием незнакомого джентльмена с приказанием от короля отцу и сыну Певерил немедленно прибыть в Уайтхолл.

Леди Певерил встревожилась, а Алиса побледнела от страха. Но старый рыцарь, который все принимал за чистую монету, счел такой приказ искренним желанием короля поздравить его со счастливым окончанием дела. Такое участие со стороны его величества он находил вполне естественным, ибо и сам желал представиться королю. Он был тем более приятно

удивлен, что вспомнил о совете, данном ему после оправдания, — следовать благоразумию и отправляться в Мартиндейл, не являясь ко двору: теперь ему подумалось, что это противоречило желаниям Карла так же, как и его собственным.

Пока он советовался с Лансом Утремом, как поскорее почистить португую и эфес шпаги, леди Певе-рил рассказала Джулиану, что Алиса вверена ее попечениям самим майором и что он согласен на их брак, если это будет возможно. Она прибавила, что намерена просить посредничества графини Дерби для устранения препятствий, которые могут возникнуть со стороны сэра Джеффри.

Глава XLIX

Повелеваю именем монарха
Немедля бросить шпаги и кинжалы!

«Критик»

Когда отец с сыном вошли в кабинет, легко было заметить, что сэр Джеффри откликнулся на зов короля с такой же готовностью, с какой вскочил бы на коня при первом звуке боевой трубы. Его растрепанные седые волосы и беспорядок в одежде свидетельствовали о рвении и поспешности, выказанных им сейчас так же, как и в прежние времена, когда Карл Первый призвал его на военный совет, но теперь, в мирное время, такой его вид казался не совсем уместным в приемной дворца. Старик остановился было в дверях, но как только король приказал ему подойти, сэр Джеффри, на которого нахлынули, тесня друг друга, волнующие воспоминания юности и зрелых лет, опустился перед королем на колени, схватил его руку и, не сказав ни слова, громко зарыдал. Карл, всегда очень чувствительный, когда то, что производило на него впечатление, находилось перед его глазами, позволил старику излить свои чувства, а потом сказал:

— Мой добрый сэр Джефри! Я вижу, тебе пришлось нелегко, мы обязаны вознаградить тебя и не преминем заплатить свой долг.

— Я нисколько не пострадал, государь, — ответил старик, — и вы мне ничем не обязаны. Меня не беспокоит то, что говорили обо мне эти негодяи. Я знал, что они не найдут и дюжины честных людей, которые поверили бы их вздорной клевете. Признаюсь, я слишком долго не мог отплатить им, когда они вздумали обвинять меня в измене вашему величеству; но столь скоро предоставленная мне возможность воздать почтение моему государю вознаграждает меня за все. Эти подлецы убеждали меня, что я не должен являться ко двору...

Герцог Ормонд заметил, что король покраснел, ибо это по его собственному приказанию сэру Джефри намекнули, чтобы он ехал домой, не появляясь в Уайтхолле. Более того — он заметил, что веселый старый кавалер не упустил случая за обедом промочить горло после всех волнений этого богатого событиями дня.

— Старый друг, — шепнул он, — вы забыли, что надо представить его величеству вашего сына. Позвольте мне взять на себя эту честь.

— Смиренно прошу вашу светлость извинить меня, — ответил сэр Джефри, — но этой чести я никому не уступлю, полагая, что отдать юношу на службу государю и внушить ему беспрекословное повиновение — святая обязанность отца, которую никто не может выполнить лучше него. Подойди, Джулиан, опустишься на колени. Вот он, с позволения вашего величества, Джулиан Певерил, молодая поросль старого дуба; он не так высок, но силой не уступит мне, каков я был в дни юности. Примите его под свое покровительство, государь! Он будет вам верным слугой, *à vendre et à prendre*,¹ как говорят французы. Если же когда-нибудь, будучи на службе вашего величества, он испугается огня или стали, топора или виселицы, я отрекусь от него, он мне не сын, и он может

---

¹ Преданным душой и телом (франц.).

отправляться на остров Мэн или хоть к самому дьяволу — мне все равно.

Карл подмигнул Ормонду и с присущей ему любезностью выразил уверенность, что Джулиан будет следовать примеру доблестных своих предков, а всего более — своего отца, и добавил, что его светлость герцог Ормонд, вероятно, намерен поговорить с сэром Джеффри подробнее о делах службы. Старый кавалер, поняв намек, щелкнул каблуками и отошел к герцогу, который начал его расспрашивать о происшествиях дня. Между тем король, удостоверившись, что сын не находится в столь веселом расположении духа, как отец, попросил его рассказать о том, что случилось с ними после суда.

Джулиан ясно и точно, как того требовали важность событий и присутствие государя, рассказал все происшествия вплоть до появления на сцене майора Бриджнорта. Его величество был очень доволен и, обернувшись к Арлингтону, поздравил его, сказав, что наконец-то они сумели толком узнать об этих темных и таинственных событиях от человека здравомыслящего. Когда же Джулиан должен был говорить о Бриджнорте, он не назвал его имени и, хотя упомянул о часовне, полной вооруженных людей, и о зажигательных речах проповедника, добавил, что толпа мирно разошлась еще до того, как их обоих освободили.

— И вы спокойно пошли обедать на Флит-стрит, молодой человек, — сурово сказал король, — не известив мирового судью о таком злонамеренном собрании людей, не скрывавших своих опасных замыслов, совсем рядом с нашим дворцом?

Джулиан покраснел и не ответил ни слова. Король нахмурился и отошел в сторону с Ормондом, который сказал, что отец, кажется, ничего об этом не знает.

— Досадно, — сказал король, — что сын не так откровенен, как я надеялся. У нас весьма разнообразные свидетели по этому странному делу: полоумный карлик, подвыпивший отец и чересчур скрытный сын. Молодой человек, — продолжал он, обращаясь к Джулиану, — я не ожидал такой скрытности от сына

Джеффри Певерила. Я должен знать имя человека, с которым вы беседовали. Оно, наверное, известно вам?

Джулиан признался, что знает его, и, преклонив колено перед королем, умолял его величество простить его за то, что не может назвать этого имени, ибо, сказал он, только с этим условием он получил свободу.

— Из вашего рассказа видно, — возразил король, — что обещание было дано под принуждением, и я никак не могу позволить вам сдержать его. Ваш долг — открыть истину. Если вы опасаетесь Бакингема, он уйдет.

— У меня нет причины бояться герцога Бакингема, — ответил Джулиан. — В моей дуэли с человеком из его дома виновен этот человек, а не я.

— Черт побери! — вскричал король. — Дело начинает проясняться. То-то ваше лицо показалось мне знакомым! Не вас ли я видел у Чиффинча в то утро? Я совсем забыл об этой встрече, но теперь вспомнил, что вы называли себя сыном этого веселого баронета.

— Да, — подтвердил Джулиан, — я действительно встретил ваше величество у мистера Чиффинча и боюсь, что заслужил ваше неудовольствие, но...

— Довольно, молодой человек, не будем говорить об этом. Но я помню, с вами была эта прекрасная танцовщица... Бакингом, держу пари, что это она должна была спрятаться в футляр от виолончели?

— Догадка вашего величества верна, — ответил герцог, — и я подозреваю, что она подшутила надо мной, посадив на свое место карлика, ибо Кристиан думает...

— Черт бы побрал этого Кристиана! — вскричал король. — Поскорее привели бы сюда этого всеобщего третейского судью.

Едва король произнес эти слова, как ему доложили о прибытии Кристиана.

— Пусть войдет, — сказал король. — Но послушайте — мне пришло в голову — послушайте, мистер Певерил: эта танцовщица, что познакомила нас с вами при помощи необыкновенного своего искусства,

не жила ли она, по вашим словам, в доме графини Дерби?

— Много лет, — ответил Джулиан.

— Тогда позовем сюда и графиню, — сказал король. — Пора наконец выяснить, кто такая эта маленькая фея, и если она действительно принадлежит Бакингему и этому его Кристиану, то ее светлость должна обо всем узнать, поскольку я сомневаюсь, пожелает ли она в этом случае взять ее обратно. Кроме того, — заметил он в сторону, — этот Джулиан, который молчит так упорно, что его молчание становится подозрительным, тоже жил в доме графини. Разберемся в этом деле до конца и воздадим каждому по справедливости.

Графиню Дерби тотчас же пригласили в кабинет. Она вошла в одни двери, а в других в это же время появились Кристиан и Зара, или Фенелла. Владелец замка Мартиндейл, увидев графиню, загорелся желанием поздороваться со своим старинным другом и родственницею. Только ее знаки да Ормонд, который взял его дружески, но твердо под руку, удержали его от этого проявления чувств.

Графиня присела перед королем в почтительном реверансе, менее церемонно приветствовала окружавших его придворных, улыбнулась Джулиану Певерилу и с изумлением посмотрела на неожиданно появившуюся Фенеллу. Бакингем кусал с досады губы, понимая, что присутствие леди Дерби может испортить и запутать всю его с таким трудом приготовленную защиту. Он бросил взгляд на Кристиана, взор которого, устремленный на графиню, горел смертельной злобой ядовитой гадюки, а лицо просто почернело от бешенства.

— Не узнаете ли вы здесь кого-нибудь, миледи, — ласково спросил король, — кроме ваших старинных друзей Ормонда и Арлингтона?

— Я вижу, государь, — ответила графиня, — так же двух достойных друзей семьи моего мужа: сэра Джеффри Певерила и его сына; последний долго находился при моем сыне.

— Быть может, еще кого-нибудь? — спросил король.

— Я знаю эту несчастную девушку; она исчезла с острова Мэн в день отъезда Джулиана Певерила по важному делу. Полагали, что она упала со скалы в море и утонула.

— Есть ли у вас, миледи, какие-либо основания... извините за такой вопрос, — сказал король, — подозревать близкие отношения между молодым Певерилом и этой девушкой?

— Государь, — ответила графиня, покраснев от возмущения, — мой дом пользуется доброй славой.

— Не сердитесь, миледи, — сказал король, — я только спросил... Это случается и в самых лучших домах.

— Но не в моем, государь, — ответила графиня. — Кроме того, Джулиан Певерил настолько горд и чист, что не мог завести интрижку с несчастной девушкой, ужасный недостаток которой почти лишил ее права называться человеком.

Зара взглянула на графиню и сжала губы, словно стараясь удержать слова, которые рвались с них.

— Не знаю, что и подумать, — продолжал король. — Доводы ваши, быть может, и справедливы, но у людей бывают странные вкусы. Эта молодая девушка исчезает с Мэна в день отъезда молодого человека и появляется в Сент-Джеймском парке, танцуя словно фея из сказки, как только он приезжает в Лондон.

— Это невозможно! — воскликнула графиня. — Она не умеет танцевать.

— Мне кажется, — сказал король, — она умеет делать многое, чего вы не знаете и, узнав, не одобрите.

Графиня гордо выпрямилась и ничего не ответила.

— Едва Певерил, — продолжал король, — попадает в Ньюгет, как, по словам почтенного маленького джентльмена, эта проказница появляется и там. Не пытаюсь узнать, как она могла туда проникнуть, я все же склонен думать, что у нее неплохой вкус и приходила она не ради карлика. Ага, кажется в мистере Джулиане заговорила совесть.

Действительно, при этих словах короля Джулиан вздрогнул, ибо он вспомнил ночного посетителя в своей камере.

Пристально взглянув на него, король продолжал:

— Итак, джентльмены, Певерил доставлен в суд, и, едва только он получает свободу, мы находим его в доме, где герцог Бакингом готовится, как он говорит, к музыкальному маскараду. Ей-богу, я уверен, что эта же девушка сыграла шутку с его светлостью и посадила в футляр от виолончели бедного карлика, чтобы провести время получше, а именно — в обществе мистера Джулиана Певерила. А что скажет по этому поводу Кристиан, всеобщий третейский судья? Основательна ли моя догадка?

Кристиан украдкой взглянул на Зару и прочел в ее глазах нечто такое, что привело его в замешательство.

— Не знаю, — ответил он. — Правда, я приказал этой превосходной танцовщице участвовать в маскараде. Она должна была явиться в блеске сверкающих огней, искусно приготовленных с разными благоуханиями, чтобы заглушить запах пороха; но я не знаю, для чего — быть может, просто из упрямства или каприза, ибо эти качества присущи ей, как и всем гениям, — ей вздумалось все испортить, посадив на свое место уродливого карлика.

— Мне хотелось бы, — сказал король, — чтобы эта девушка подошла к нам поближе и объяснила, как может, все это таинственное происшествие. Нет ли здесь кого-нибудь, кто бы ее понимал?

Кристиан ответил, что научился немного понимать ее с тех пор, как познакомился с нею в Лондоне. Графиня молчала. Тогда король обратился к ней, и она довольно сухо ответила, что, столько лет имея при себе эту девушку, без сомнения, должна была научиться как-нибудь с нею объясняться.

— Из всего слышанного я должен заключить, — сказал Карл, — что мистер Джулиан Певерил понимает ее лучше других.

Он взглянул сначала на Певерила, который покраснел, как девица, а потом на мнимую немую, на

щеках которой также был приметен уже исчезающий слабый румянец. Спустя секунду, по знаку графини, Фенелла, или Зара, подошла к ней, опустилась на колени, поцеловала ее руку, потом встала и, сложив руки на груди, смиренно ожидала приказаний. Она столько же походила на посетительницу гарема герцога Бакингема, сколько Магдалина — на Юдифь. Но это было самым малым доказательством ее способности к перевоплощению, ибо она с таким совершенством играла роль глухонемой, что даже проницательный Бакингем не мог решить, действительно ли девушка, стоящая теперь перед ним, та самая, которая в другом наряде произвела на него столь неотразимое впечатление, или это в самом деле существо, страдающее ужасным природным недостатком. Все признаки, отличающие глухонемых, были, казалось, отчетливо видны в ее лице. Ни один звук не колебал неподвижных ее уст, и она была совершенно безучастна к разговору окружающих. При этом она быстрым внимательным взором следила за движениями губ, как бы стремясь таким образом понять говорящих.

Отвечая на вопросы, она по-своему подтвердила все, сказанное Кристианом, только отказалась объяснить, для чего нарушила весь замысел маскарада, посадив на свое место карлика. Графиня не стала требовать от нее дальнейших объяснений.

— Все это снимает с герцога Бакингема столь нелепое обвинение, — сказал Карл. — Показания карлика слишком фантастичны, показания обоих Певе-рилов ни в чем его не обвиняют, а немая полностью оправдывает его. Мне кажется, господа, мы должны объявить Бакингема свободным от всякого подозрения, и смешно было бы начинать более серьезное следствие, чем мы произвели нынче.

Арлингтон поклонился в знак согласия, но Ормонд не преминул заметить:

— Государь, я потерял бы уважение герцога Бакингема, чьи блистательные таланты нам всем хорошо известны, если бы сказал, что удовлетворен этими объяснениями. Но я уступаю духу времени и чувст-

вую, как было бы опасно на основании обвинений, которые нам удалось собрать, бросить тень на доброе имя столь ревностного протестанта, как его светлость... Конечно, будь он католиком — и при таких подозрительных обстоятельствах Тауэр был бы для него слишком почетной тюрьмой.

Бакингом поклонился герцогу Ормонду, бросив на него взгляд, в котором радость торжества не могла смягчить ненависть. «*Tu me la pagherai*»,¹ — пробормотал он в ярости, но мужественный старый ирландец, уже много раз бесстрашно навлекавший на себя его гнев, не обратил на него ни малейшего внимания.

Король, дав знак, чтобы все присутствующие перешли в общую залу, остановил Бакингема, который хотел было уйти вместе с другими, и, когда они остались одни, спросил тихо, но так многозначительно, что герцог залился краской:

— С каких это пор, Джордж, твой приятель полковник Блад стал музыкантом? Молчишь? — сказал он. — Не оправдывайся, ибо кто хоть раз видел этого негодяя, тот запомнит его навсегда. На колени, Джордж, на колени; признайся, что ты употребил мою снисходительность во зло. Не ищи оправданий — ничто тебе не поможет. Я сам видел его в числе твоих немцев, как ты их называешь, и ты отлично знаешь, что мне остается думать при подобных обстоятельствах.

— Считайте, что я виноват, очень виноват, мой король и повелитель! — вскричал охваченный раскаянием герцог, бросаясь к ногам Карла. — Считайте, что я был введен в заблуждение, что я потерял голову... Считайте, что вам угодно, но не думайте, что я способен причинить вам вред или попустительствовать злоумышлению против вашей особы.

— В этом я тебя и не подозреваю, — ответил король. — Я еще вижу в тебе Вильерса — товарища, разделившего мои невзгоды и изгнание, и не только верю тебе, но думаю, что ты признаешь больше, чем собирался сделать.

---

¹ Ты мне за это заплатишь (*итал.*).

— Клянусь всем святым, — сказал герцог, все еще стоя на коленях, — что если бы моя жизнь и сосуществование не зависели от этого негодяя Кристиана...

— Если ты опять выводешь на сцену Кристиана, — ответил, улыбаясь, король, — то мне пора удалиться. Встань, Вильерс, я тебя прощаю, но налагаю на тебя епитимью: женись и отправляйся в свое имение; собаку, которая укусит хозяина, приходится прогнать.

Герцог встал и в замешательстве последовал за королем в залу, куда король вошел, опираясь на руку своего раскаявшегося пэра, и где говорил с ним так ласково, что даже самые проникательные наблюдатели усомнились в достоверности слухов о том, что герцог в немилости.

Между тем графиня Дерби успела переговорить с герцогом Ормондом, с обоими Певерилами и с прочими своими друзьями и хотя и с трудом, но убедилась, как они единодушно утверждали, что ее появление при дворе было достаточным для поддержания чести ее рода и что теперь благоразумнее всего возвратиться на свой остров, не раздражая более своих сильных противников. Она попрощалась с королем, как полагалось по этикету, и попросила у него позволения увезти с собою несчастную девушку, которая, так неожиданно ускользнув из-под ее опеки, очутилась в мире, где ее злосчастный недостаток подвергает ее разным опасностям.

— Извините меня, графиня, — ответил Карл, — но я долго изучал женщин и не ошибусь, если скажу, что эта девушка так же способна заботиться о себе, как любой из нас.

— Не может быть, — возразила графиня.

— Не только может быть, но и есть на самом деле, — шепотом ответил король. — Я сейчас докажу вам это, но столь деликатному испытанию можете ее подвергнуть только вы. Вот она стоит, глухая и неподвижная, как мраморная колонна, к которой она прислонилась. Вы станьте возле нее и положите руку ей на сердце или на плечо, чтобы чувствовать, как бежит кровь, когда учащается пульс. А вы, герцог Ор-

монд, уведите Джулиана Певерила, и я докажу вам, что она различает звуки.

Удивленная графиня, хотя и опасалась, не намерен ли король смутить ее какой-либо нескромной шуткой, не могла преодолеть любопытства; она подошла к Фенелле, начала разговаривать с ней знаками и пашла предлог положить руку на ее запястье.

В эту самую минуту король, проходя мимо них, воскликнул:

— Какое ужасное злодейство! Негодяй Кристиан заколол молодого Певерила!

Немой обличитель, пульс несчастной Зары, забившийся, словно от близкого пушечного выстрела, сопровождался таким испуганным криком, который привел добродушного короля в трепет.

— Это всего лишь шутка, милая девушка, — сказал он с искренним раскаянием. — Джулиан невредим. Я только воспользовался волшебным жезлом слепого божества Купидона, чтобы заставить глухонемую его жрицу выдать себя.

— Меня обманули! — воскликнула Зара, опуская глаза. — Меня обманули! Всю жизнь обманывала я других — и наконец сама попалась в ловушку. Но где же мой наставник в вероломстве? Где Кристиан, который заставил меня несколько лет шпионить за этой доверчивой дамой, которую я едва не предала в его обгаренные кровью руки?

— Это, — сказал король, — требует более тщательного расследования. Господа, прошу всех, кого лично не касается это дело, на время нас оставить. Сию минуту привести ко мне Кристиана. Несчастный! — вскричал король, когда Кристиана привели. — Открой мне все твои хитрости, все бесчестные средства, которыми ты пользовался в своих злодейских замыслах.

— Значит, она предала меня? — сказал Кристиан. — Обрекла на заточение и казнь во имя своей глупой, безнадежной любви? Но знай, Зара, — продолжал он, сурово глядя на нее, — в ту минуту, когда ты предала меня, дочь убила своего отца.

Несчастливая девушка смотрела на него в изумлении.

— Ты говорил, — наконец, заикаясь, вымолвила она, — что я дочь твоего убитого брата?

— Для того, чтобы примирить тебя с ролью, которую ты должна была играть в мстительном замысле моем, и для того, чтобы скрыть позор твоего происхождения. Но ты моя дочь. От Востока, где родилась твоя мать, передалась тебе пылкая страсть; ею я пытался воспользоваться в своих целях, и во имя нее ты погубила своего отца. Меня, конечно, отправят в Тауэр?

Он говорил с величайшим спокойствием, не обращая внимания на отчаяние дочери, которая с рыданиями упала к его ногам.

— Нет, этого не будет, — сказал король, тронутый видом такого глубокого отчаяния. — Кристиан, если ты согласен оставить отечество, то на Темзе стоит корабль, готовый отплыть в Новую Англию. Ступай, отправляйся в другую часть света плести свои козни.

— Я мог бы не согласиться с этим приговором, — вызываяще ответил Кристиан, — и если соглашаюсь, то только потому, что и сам этого хочу. Получаса было бы мне достаточно, чтобы расквитаться с этой гордой женщиной, но фортуна от меня отвернулась. Встань, Зара, ты уже не Фенелла. Скажи леди Дерби, что дочь Эдуарда Кристиана, племянница убитого ею человека, служила ей только ради мести, теперь уже невозможной... невозможной! Видишь, как опрометчиво ты поступила. Ты готова была идти за этим неблагодарным юношей, готова была забыть обо всем ради одного его взгляда, и вот — ты ничтожество, над тобой смеются, тебя оскорбляют те, кого ты могла бы попирать ногами, будь ты благоразумнее. Пойдем, ты все же дочь моя. Есть на свете и другие небеса, кроме тех, что сияют над Британией.

— Остановите его, — сказал король. — Пусть он объяснит нам, каким образом эта девушка проникала в тюрьму.

— Спросите об этом ретивого протестанта тюремщика и таких же ретивых протестантов пэров, которые, с целью проникнуть получше в глубины заговора папистов, нашли средство тайно посещать их и днем

и ночью Его светлость герцог Бакингом сумеет помочь вашему величеству, если вы решитесь произвести расследование.¹

— Кристиан, — сказал герцог, — ты самый бесстыдный негодяй из всех, когда-либо живших на свете!

— Из простолюдинов — может быть, — ответил Кристиан и ушел, уводя с собою дочь.

— Ступай за ним, Селби, — сказал король, — и не теряй его из виду, пока корабль не поднимет паруса. Если он осмелится вернуться в Англию, он сделает это только ценою жизни. Дай бог, чтобы мы могли так же избавиться от других людей, не менее опасных. Я желал бы, — добавил он после минутного молчания, — чтобы все наши политические интриги и прочие распри окончились столь же тихо и спокойно, как это дело. Вот заговор, который не вызвал никакого кровопролития, и вот все необходимые составные части романа, у которого нет окончания. Странствующая принцесса-островитянка — извините, графиня, мою шутку, — карлик, мавританская волшебница, нераскаявшийся злодей, кающийся вельможа, а в заключение — ни казни, ни свадьбы.

— Это не совсем так, — сказала графиня, уже успевшая поговорить с Джулианом Певерилом. — Поскольку ваше величество отказываетесь от дальнейших расследований по этому делу, некий майор Бриджнорт решил, как нам стало известно, навсегда покинуть Англию. Этот Бриджнорт законным путем завладел большей частью родовых поместий Певерилов и соглашается возвратить их прежним владельцам, присоединив к ним и свою значительную собственность, с условием, чтобы молодой Певерил взял их в приданое за его единственной дочерью и наследницей.

— Клянусь, — сказал король, — дочь его, должно быть, пользуется дурной славой, если Джулиана нужно уговаривать взять ее в жены на таких условиях.

---

¹ Чтобы вынудить признания у людей, обвиняемых по заговору папистов, применялись, как рассказывают, самые бесчестные средства, а некоторые из обвиняемых были даже подвергнуты пыткам. (Прим. автора.)

— Они любят друг друга, как умели любить только в прошлые времена, — ответила графиня, — но старый кавалер не хочет и слышать о союзе с круглоголовым.

— Мы постараемся это уладить, — сказал король. — Сэру Джеффри Певерилу не так уж плохо было у нас на службе, чтобы он отказал нам в нашей просьбе, тем более что таким образом он будет вознагражден за все потери.

Можно догадаться, что король, говоря так, понимал, что имеет неограниченное влияние на старого кавалера, ибо ровно через месяц колокола церкви в Мартиндейл-Моултрэсси звонили в честь союза обоих семейств, имена владений которых носила эта деревушка, и пылающий огонь на башне замка, освещая холмы и долины, призывал на веселый пир всех жителей округи.

КОММЕНТАРИИ

«ПЕВЕРИЛ ПИК»

Говоря о познавательном значении исторического романа, Вальтер Скотт как-то сравнил произведение романиста-историка со сказочной палочкой, которая указывает на то место, где, скрытая глубоко в земле, проходит жила драгоценного металла. Подобным же образом «исторические намеки» романиста раскрывают перед читателем недра прошлого. Заинтересовавшись приключениями, которые якобы выпали на долю того или иного исторического или вымышленного лица в определенный исторический период, читатель захочет узнать, что же происходило на самом деле и насколько верно автор изобразил эти события. Даже если читатель удовольствуется тем, что предложил ему романист, то и в этом случае он вынесет из чтения книги известное представление об изображенной эпохе. Романист достигает этого, сливая историческую правду с художественным вымыслом. Он может даже, в иных случаях, отклониться от документальной точности, — однако с тем условием, чтобы эти отклонения не исказили общей картины. Тогда отдельные фактические неточности и анахронизмы могут даже помочь автору отбросить некоторый элемент случайного, свойственный реальной жизни, и тем рельефнее показать основное направление событий и общее настроение умов данной исторической эпохи.

Эти мысли о характере и значении исторического романа Вальтер Скотт высказал, в частности, в связи с романом «Певерил Пик», который вышел из печати в январе 1823 года. К этому времени у Скотта уже сложилось представление о романе как источнике познания действительности — представление, к которому,

он пришел, вчитываясь в произведения Шекспира, Гёте, романистов-просветителей XVIII века (особенно Филдинга и Смоллетта) и других писателей, а главное — в результате собственных творческих исканий. К 1823 году «автор Уэверли» мог опереться не только на литературную традицию, но и на собственный опыт. Его задачи по отношению к читателю также были ему ясны. «На крыльях романа», по выражению Теккерея, он переносил своих современников из Шотландии в Англию, из одной исторической эпохи в другую. Неожидаанные переплетения личных судеб и политических событий, нравы различных слоев общества, взаимоотношения наций, столкновение и взаимодействие культур, вспышки народных движений, и среди всего этого — человек, стремящийся к счастью и правде, страдающий, борющийся с обстоятельствами и собственными страстями и заблуждениями, — все это чрезвычайно расширяло умственный горизонт читателей Скотта и помогало им понять окружавшую их действительность. Изучая исторические документы, Скотт увидел, что в прошлом пробивались тенденции настоящего, а современность всегда была результатом некоего прошлого. Может быть, поэтому он охотно обращался к периодам, которые так или иначе подводили к проблемам его века.

Один из таких периодов изображен в романе «Певерил Пик».

События, о которых рассказывает здесь Вальтер Скотт, разворачиваются в Англии и отчасти на острове Мэн в эпоху реставрации Стюартов, начиная с момента вступления на престол Карла II весной 1660 года и кончая так называемым папистским (то есть католическим) заговором почти двадцать лет спустя. Именно этот заговор оказался главным эпизодом романа. В нем соединяются в конце концов все нити повествования; он втягивает в свой зловещий круг всех действующих лиц, определяя в той или иной мере судьбу каждого из них.

Скотт не случайно сосредоточил внимание на этом эпизоде. Со времен Реформации взаимоотношения католиков и протестантов были в Англии и в Шотландии одним из самых острых, болезненных и трудно разрешимых вопросов. На протяжении столетий католицизм служил символом феодального прошлого, оплотом абсолютизма и реакционных сил. Отношение к католицизму в Англии всегда носило социальный и политический характер. В период, изображенный в романе «Певерил Пик», католицизм вызывал ненависть не только у буржуазии, но и у всего народа. «Папизм да деревянные башмаки» — это выражение упо-

требляли всякий раз, говоря о Франции, где католицизм сочелся с политическим абсолютизмом и низким уровнем жизни. В этом отношении к католицизму сказывались отголоски незадолго до того завершившейся в Англии буржуазной революции, которая также проходила под знаком борьбы религиозных течений и результаты которой реставрация Стюартов могла лишь временно приглушить, но не уничтожить. Страх перед католицизмом усиливался также из-за некоторых обстоятельств: брат и наследник короля герцог Йоркский (будущий Иаков II), а также королева Екатерина, жена Карла, были открытыми католиками, а сам Карл II относился к английским католикам весьма сочувственно (никто не знал еще тогда, что во время французской эмиграции он тайно принял католичество, надеясь получить поддержку Людовика XIV и с его военной помощью восстановить в Англии абсолютизм).

Папистский заговор был, как известно, вымыслом. Начало этой фикции положил англиканский священник, авантюрист Тайтус Оутс, который в августе 1678 года донес о будто бы готовящемся грандиозном заговоре католиков в Англии. До этого Оутс некоторое время жил во Франции и общался там с иезуитами, от которых он якобы и раздобыл такие сведения. По его словам, двести тысяч английских католиков ждали только сигнала из Рима, чтобы убить Карла II и посадить герцога Йоркского на английский престол. Среди заговорщиков упоминалось имя королевы Екатерины. Несмотря на невероятность указанной Оутсом цифры и отсутствие доказательств, широкие общественные круги поверили в реальность папистского заговора. Карл в замешательстве молчал — он, видимо, боялся, что попытка опровергнуть эти слухи может направить возбужденное внимание общества на его тайные переговоры с французским королем. Оппозиция в парламенте если и не верила в папистский заговор, то, во всяком случае, приняла его как факт, стремясь использовать показания Оутса для ограничения королевской власти и изгнания герцога Йоркского из Англии.

Паника, вызванная угрозой папистского переворота, пошла на убыль, когда был оправдан за недостаточностью улик один из обвиняемых — врач королевы. Мало-помалу тревога утихла, те из арестованных, которых не успели казнить, были освобождены, и от грандиозного заговора остались лишь осиротевшие родственники убитых да мрачные воспоминания.

В романе живо воссоздана эта тревожная пора. Однако Скотт не сообщает читателю о сговоре Карла II с Францией. По-видимому, в данном случае Скотта интересовала не столько проблема взаимоотношений монарха и народа, сколько судьба самого народа, раздираемого политическими и религиозными противоречиями. Основной акцент падает на взаимоотношения различных социальных групп. Персонажи приобретают значение с того момента, когда они начинают участвовать в политических событиях: они как бы вступают из сумрака незаметного существования в ярко освещенный круг. Вальтер Скотт сам раскрывает этот творческий принцип, характеризуя сэра Джеффри. Джеффри Перверил, говорит он, сошел бы в могилу, «не оставив по себе иной памяти, кроме медной таблички в алтаре, если бы время, в которое он жил, не побуждало к действию самые ленивые умы». Наряду с главными персонажами большую роль поэтому играют те, которых можно было бы назвать второстепенными, если бы они — каждый в отдельности и особенно все вместе — не представляли собой пестрое, многообразное и вместе с тем единое общество английской реставрации. В этой многоликой, живой картине отчетливо проступают характерные отношения эпохи. Это отношения борьбы, политических и религиозных распри, которые зародились где-то в прошлом, которые усиливаются и обостряются, пока не приводят к катастрофе. Папистский заговор, при том, что на нем строится весь роман, представляет собой лишь результат развития определенных отношений. Вот почему этому эпизоду предшествует довольно длинная, на первый взгляд даже несколько растянутая экспозиция. Скотту необходимо показать, откуда все это началось, в противном случае эпизод заговора, как он ни драматичен сам по себе, потерял бы для него настоящий смысл.

Как обычно у Скотта, история конфликта, который разыгрывается в мире вымышленных персонажей, насыщена реальным историческим содержанием. Известно, что возвращению Стюартов в Англию предшествовала Бредская декларация (1660), в которой Карл II торжественно обещал Англии религиозную свободу, амнистию участникам гражданской войны и сохранение прав на приобретенные во время революции земли. Эти обещания были очень скоро нарушены. Не прошло и двух лет, как началось притеснение диссентеров, то есть всех, кто не исповедовал учения англиканской церкви. Акт о единообразии 1662 года требовал от всех пуританских священников признания англиканской церк-

ви. В результате этого акта около двух тысяч священников должны были покинуть свои приходы и фактически лишились средств к существованию. Акт о незаконных сборищах, изданный два года спустя, запрещал всякие молитвенные собрания, если они не совершались в рамках официального богослужения. Политическая амнистия не распространялась на «цареубийц», осудивших на казнь Карла I, и фактически исключала большинство активных республиканцев.

Эти акты и события лежат в основе эпизода изгнания пуританского священника Солсгрейса и образуют ту среду, в которой развивается конфликт между сэром Джеффри и Бриджнортом. О них говорят в тавернах и на больших дорогах Англии. В этой конкретно-исторической атмосфере живут и молодые герои романа — сын Джеффри Певерила Джулиан и дочь Ралфа Бриджнорта Алиса. Благодаря стараниям Маргарет Певерил они воспитываются как брат и сестра под кровлей старого замка; однако вражда отцов надолго разлучает детей. Несколько лет спустя политические события случайно сводят молодых людей вместе. Теперь они связаны дружбой и любовью; но религиозные и политические раздоры, которые определили отношения и судьбу их семей, становятся причиной новой разлуки. В конце концов Джулиан и Алиса находят друг друга, и свет на башне Певерилоз возвещает об их свадьбе. До этого, однако, Джулиан попадает в Тауэр, куда брошен и сэр Певерил: их обвиняют в причастности к папистскому заговору. Тем временем Алиса едва не становится жертвой политических и личных интриг Эдуарда Кристиана. Ее спасает Фенелла, которая сама была орудием в его руках, но полностью освободилась от его власти, движимая любовью к молодому Певерилу.

Фенелла — образ почти фантастический, созданный Скоттом под впечатлением Гётевой Миньоны. Тем не менее судьба Фенеллы, как и судьбы других персонажей, определяется по воле автора если не прямо, то косвенно историческими событиями. Эдуард Кристиан, лицо, как подчеркивает Скотт, вымышленное, воплощает многие характерные особенности человека эпохи реставрации. То же — герцог Бакингам с его происками и кознями, с его внешней утонченностью и внутренним цинизмом; изящный и духовно опустошенный аристократ — молодой Дерби, и некоторые другие персонажи, наделенные иногда одной-двумя чертами, но составляющие необходимые штрихи в общей картине нравов.

«Певерил Пик» отличается многими чертами, которые характеризуют творчество Скотта в целом. В нем схвачено то, что современники называли «духом века». В описаниях обстановки, среди которой происходит действие, ощущается связь отдельной семьи, отдельной личности с общим ходом событий. Читавший этот роман едва ли скоро забудет остров Мэн и уединенную крепость графини Дерби, образ которой неотделим от неприступных серых скал и непокорной пустынности моря.

Вместе с тем этот роман, повествующий об одной из мрачных и жестоких эпох в истории Англии, пронизан светом глубокой человечности и благородных мыслей. В изображении социальных и политических распри слышится стремление к взаимному пониманию людей, к объединению лучших сил народа. Вернее, это впечатление незаметно возникает при чтении романа, так как Скотт, как всегда, глубоко эпичен и сдержан. Лишь в последнее описание сияющего луча на башне замка Певерилов, приглашающего всех, кто хочет, порадоваться объединению двух долго враждовавших семей, как бы врывается лирический голос автора: но это всего несколько строк, и роман обрывается на этой ноте надежды. В этом смысле особенно значителен образ Маргарет Певерил. «Праздник мира», который она пытается устроить в полуразрушенном во времена революции замке Певерилов, наряду с контрастом двух процессий, пуритан и кавалеров, направляющихся на этот праздник, драматично сочетает в себе веру гуманиста и сознание наивности этой веры, характерное для писателя-историка начала XIX столетия.

Н. ЕГУНОВА

Стр. 7. ...*Фальстаф мечтал быть выпотрошенным, что обещал ему после битвы при Шрусбери... принц Уэльский.* — Слова из хроники «Генрих IV» (ч I, акт V, сц. 4). При Шрусбери (1403 г.) происходило решающее сражение между мятежными силами, возглавленными графом Перси (Хотспером), и королевскими войсками, которыми командовал наследник престола принц Уэльский, будущий король Англии Генрих V (1413—1422).

Стр. 9. *Уильям Кристиан* (1608—1663) — политический деятель острова Мэн, принадлежавшего роду графов Дерби; в 1651 г. граф Дерби присоединился к высадившемуся в Англии сыну казнённого короля Карла I (будущий король Карл II) и губернатором острова оставил Кристиана. После казни графа Дерби Кристиан сдал остров Мэн парламентским силам и продолжал управ-

лечь им до 1658 г. Во время реставрации Стюартов, в 1660 г., был в Лондоне арестован, но вскоре освобожден по Акту об амнистии и возвратился на остров Мэн, где и был казнен. Эта расправа вызвала гнев Карла II и его советников, рассматривавших действия властителей острова как нарушение королевских законов. Судьи острова были наказаны, графы Дерби попали в немилость, а семья Кристиана получила денежную компенсацию. История эта отражена в балладе острова Мэн, использованной Вальтером Скоттом в настоящем романе.

«*Desiderata Curiosa*» — «Собрание нелепостей» — книга Фрэнсиса Пэка (1692—1743).

Демпстер — или думпстер — прежнее название офицера высшего суда в Шотландии, оглашавшего подсудимому приговор. На острове Мэн и поныне двое судей именуются демпстерами.

Граф Дерби Джеймс Стэнли (1607—1651) — властитель острова Мэн; во время гражданских войн — ярый сторонник короля. После поражения Карла I граф Дерби удалился на остров Мэн и превратил его в убежище для роялистов. Когда Карл II высадился в Англии (1650), Дерби примкнул к нему и после поражения при Вустере был взят в плен и казнен (1651) в городе Боултон-ле-Муре (Ланкашир).

Круглоголовые — прозвище, данное роялистами сторонникам парламента в годы гражданских войн в Англии за то, что они стригли волосы, в отличие от кавалеров, носивших парики.

После реставрации монархии графиня, носившая титул вдовствующей королевы острова Мэн... — Реставрация — период правления вернувшихся в Англию после революции Стюартов (1660—1688); королевой острова Мэн графиня Дерби именовалась потому, что английский король Генрих IV, захватив остров Мэн у шотландцев (владевших им с XIII в.), в 1406 г. передал его роду Стэнли (графам Дерби).

.. графини Дерби, прославившейся в годы гражданских войн доблестной защитой Лейтем-хауса... — Шарлотта де ла Тремуиль (1599—1664) в 1626 г. вышла замуж за Джеймса Стэнли, графа Дерби, и вместе с мужем участвовала в гражданских войнах на стороне короля; руководила обороной Лейтем-хауса.

Карл II Стюарт — английский король с 1660 по 1685 гг.

Стр. 10. Кавалеры — так в годы революции, в отличие от круглоголовых (см. прим. к стр. 9), называли сторонников короля.

Томас Блад (ок. 1618—1680) — полковник, в годы революции сражавшийся на стороне парламента. В период реставрации

принимал участие в ряде заговоров и мятежей. После неудавшейся попытки захватить Дублинский замок бежал в Голландию. То обстоятельство, что Томас Блад всегда счастливо избегал опасности, заставляло подозревать, что он вел двойную игру и был связан с правительством. В 1671 г. с двумя сообщниками пытался похитить из Тауэра королевские регалии (корону, державу, скипетр), был схвачен, но помилован королем. В 1680 г. умер во время следствия по обвинению в покушении на герцога Бакингема.

Стр. 11. *Эдуард Кристиан* — лицо, вымышленное автором, так как существовавший брат Уильяма Кристиана (см. прим. к стр. 9) Эдуард умер в тюрьме в 1650 г.

Бакингем — Джордж Вильерс, герцог Бакингем (1628—1687) — политический деятель, писатель и фаворит короля Карла II. Был вдохновителем придворной группировки, которая сменила министерство Кларендона и получила название «министерства Кабал», по начальным буквам фамилий, входивших в нее лиц (Клиффорд, Арлингтон, Бакингем, Эшли (Ашли), Лаудердейл). Являлся автором ряда пьес, к персонажам которых не раз обращается в своих романах Вальтер Скотт.

Шарлотта де ла Тремуиль — графиня Дерби (см. прим. к стр. 9).

...словами Луцио: *«Просто я болтал так, в шутку»*. — Цитата из пьесы Шекспира «Мера за меру» (акт V, сц. 1).

...во время папистского заговора. — Так называемый папистский, или католический, заговор вызвал волнения в Англии в 1678—1679 гг. Ложные доносы провокаторов о том, что католики якобы готовятся убить короля и начать гражданскую войну, легли в основу дела о заговоре, который, несмотря на противоречивость и фантастичность «свидетельств», был в политических целях использован оппозицией. Началось преследование католиков, многие были казнены или погибли от ярости фанатичной толпы. В 1678 г. парламент принял решение о мерах против католиков с целью удалить их из Лондона. Однако к лету 1679 г. обстановка изменилась, что показало оправдание Уэйкмена (врача королевы), обвиненного в посягательстве на жизнь Карла II.

...Вергилия... обвинять его в клевете на Дидону. — Вергилий Публий Марон, римский поэт (70—19 до н. э.); Дидона — мифическая основательница Карфагена, покончившая самоубийством, чтобы спасти страну от бедствий войны. Вергилий иначе объясняет причины гибели Дидоны. В своей поэме «Энеида» он рас-

сказывает, что Дидона покончила с собой после того, как ее возлюбленный Эней покинул Карфаген.

Миньона — героиня романа Гёте «Годы учения Вильгельма Мейстера» (1795—1796).

Стр. 15. *Батлер* Сэмюел (1612—1680) — английский поэт периода реставрации Стюартов; наибольшей известностью пользовалась его антипуританская сатирическая поэма «Гудибрас», откуда и взят эпиграф.

Вильгельм, завоеватель Англии (1027—1087) — герцог Нормандии (с 1035 г.). В 1066 г. высадился в Англии и 14 октября того же года разбил в битве при Гастингсе короля Гарольда, завоевал страну и стал королем Англии под именем Вильгельма I.

Гвильельм Бастард — то есть Вильгельм Незаконнорожденный: по преданию, Вильгельм Завоеватель был побочным сыном нормандского герцога Роберта II.

Стр. 16. *В бурные времена короля Иоанна...* — то есть короля Англии Иоанна Безземельного (1199—1216), чья деспотическая политика вызвала сопротивление феодального дворянства, рыцарей, горожан, духовенства. В 1215 г. король вынужден был согласиться на так называемую «Великую хартию вольностей», ограничивавшую королевскую власть.

Пресвитериане — приверженцы религиозно-политической партии, выражавшей в годы революции XVII в. интересы крупной английской буржуазии; признавали выборность церковного старейшины — пресвитера.

Высокая церковь — одно из течений англиканской церкви, к которой принадлежали священники, отстаивавшие догматы, близкие к католическим.

Стр. 17. *Пойнтс* Сайденгем (1607 — после 1663) — генерал, участник Тридцатилетней войны; в 1645 г. вернулся в Англию и стал на сторону пресвитериан. Участвовал в битве при Нейзби (14 июня 1645 г.). После провозглашения республики эмигрировал. В 1650 г. в Вест-Индии сражался против республики.

Кромвель Оливер (1599—1658) — виднейший деятель английской буржуазной революции XVII в., с 1649 г. руководитель республики, а с 1653 г. — лорд-протектор Англии, обладавший диктаторской властью.

Стр. 18. *Уигган-лейн* — небольшой городок в Ланкашире, вблизи которого произошло сражение между роялистами и республиканцами (25 августа 1651 г.).

Вустер. — 3 сентября 1651 г. при Вустере Кромвель разбил войска роялистов, которыми командовал будущий король Англии Карл II.

Иаков I Стюарт — король Англии с 1603 по 1625 г.

Стр. 19 *Принц Руперт*, герцог Баварский и Камберлендский (1619—1682) — племянник английского короля Карла I, командовавший во время гражданской войны королевской кавалерией. За грабежи и бесчинства своей конницы был прозван «принцем-разбойником».

Стр. 20. *Комитет по секвестрации* — комитет из членов палаты общин и палаты лордов, учрежденный после принятого в 1643 г. декрета о конфискации имущества врагов революции. Наблюдал за правильным выполнением этого декрета

Стр. 21. *...суд и расправа над королем... его потрясли* — Карл I был предан суду особого трибунала, приговорен к смерти и казнен 30 января 1649 г.

..возведение на престол наследника королевской фамилии.. — то есть Карла II, вернувшегося в Англию в 1660 г.

Долгий парламент — парламент в период английской революции, просуществовавший с ноября 1640 до апреля 1653 г.

Стр. 22. *...неудачное восстание Пенраддока и Гроувза...* — Джон Пенраддок (1619—1655) — роялист, сражавшийся во время гражданской войны против парламента; в марте 1655 г. в Девоншире поднял восстание против республики, потерпел поражение и 16 мая был казнен вместе со своим сподвижником Хью Гроувзом.

..последние годы господства Кромвеля и последовавшего затем междуцарствия... — Кромвель с 1653 г. стал лордом-протектором государства с диктаторской властью и правом назначить себе преемника. После смерти Кромвеля (1658) и краткого правления его сына Ричарда Кромвеля в стране установилось господство нескольких враждовавших между собой генералов, которые начали переговоры с роялистами о восстановлении монархии, завершившиеся в 1660 г. возвращением Карла II Стюарта.

Стр. 25. *Эксетер* — город в Девоншире, во время гражданской войны (с 1642 г.) был на стороне парламента; в 1643 г. был взят роялистами, которые удерживали его до 13 апреля 1646 г.

Стр. 27. *Монк выступил.. против этого вонючего Охвостья* — Генерал Джордж Монк (1608—1670) активно содействовал восстановлению монархии Стюартов в 1660 г. Охвостьем называли

членов Долгого парламента, оставшихся от пресвитериан после его чистки в 1648 г. и разогнанных в 1653 г. Кромвелем. После его смерти вновь создано в 1659 г. и разогнано Монком в 1660 г.

Фэрфакс Томас (1612—1671) — деятель английской революции, умеренный пресвитерианин; с января 1645 г. главнокомандующий парламентской армией.

Стр. 28. *...распри между приверженцами Уэстминстер-Холла и Уоллингфорд-хауса...* — то есть между приверженцами парламента и короля. Уэстминстер-Холл — зал, в котором заседали парламент и высший суд, в том числе над королем Карлом I. Уоллингфорд-хаус — замок в Беркшире, одна из последних крепостей, удерживавшихся королем Карлом I во время гражданской войны.

Стр. 29. Эпиграф к этой главе принадлежит В. Скотту. В дальнейшем к эпиграфам, автором которых является Вальтер Скотт, примечаний не дается. Скотту также принадлежат все эпиграфы, подписанные «Старинная пьеса».

Стр. 32. *Леди Баунтифул* — героиня комедии ирландского драматурга Джорджа Фаркера (1678—1707) «Хитрость щеголя» (1707), женщина, чье имя вошло в поговорку как образец милосердия и щедрости.

Стр. 34. Цитата из трагедии Шекспира «Ричард III» (акт III, сц. 2).

Бродячий актер из Уорикшира — то есть Шекспир, который родился в городе Стрэтфорде-на-Эйвоне (Уорикшир).

Стр. 35. *Давид явил смирение в скорби.* — Давид — древнеизраильский царь (XI — начало X в. до н. э.), герой многих легенд. Существует библейский рассказ о том, как Давид во время болезни сына, надеясь умиловить бога, молился и постился, но после смерти ребенка «умылся, и помазался, и переменял одежды свои, и... потребовал, чтобы ему дали хлеб, и он ел».

Стр. 42. *...квакерской откровенностью...* — Речь идет о секте, основанной в середине XVII в. Джорджем Фоксом (1624—1691). Членов этой секты прозвали квакерами — трясунками, из-за телодвижений, которыми они сопровождали свои экстатические богослужения. Квакеры отрицали внешние формы религиозности, обряды, выступали против войны, военной службы.

Стр. 43. *...лорда — хранителя печати Уайтлока, когда на обеде у оберкамергера Швеции он решительно отказался пить за здоровье королевы Христины...* — Уайтлок Балстрод (1605—1675) — один из лидеров индепендентов. Во время гражданской

войны вел переговоры с королем Карлом I. При республике лорд — хранитель печати. В конце 1653 г. был послан в Швецию для переговоров с королевой Христиной Августой (1632—1654) о заключении торгового и политического договора, который был подписан в апреле 1654 г.

Стр. 44. *...жены ханаанской...* — Ханаан — древнейшее название Палестины.

...торжество в капище нечестивых не чем иным, как весельем в доме Арсы. — Здесь несколько искажен библейский рассказ о заговоре, который составил некто Замврий против царя древней Иудеи Ила, правившего в городе Фирце (Тирза). Когда Ил пировал в доме Арсы и опьянел, Замврий убил его и захватил трон.

Стр. 45. *...подобно губернатору Тилбери, смягчился..* — Имеется в виду реплика в комедии Шеридана (1751—1816) «Критик, или Репетиция одной трагедии» губернатора крепости Тилбери, который, обращаясь к провинившейся дочери, говорит, что как отец он смягчился, как губернатор — нет (акт II, сц. 2).

Стр. 46. *«По шатрам, о Израиль!»* — цитата из библии (3-я Книга Царств, XII, 16); призыв к неповиновению царю Давиду.

Монтекки и Капулетти — в трагедии Шекспира «Ромео и Джульетта» две знатные враждующие семьи.

Стр. 47. *Джон Уайт* (1590—1645) — пуританский деятель, член парламента, подвергавшийся до революции преследованию.

Стр. 49. *Семей* — враг израильского царя Давида; изображен в библии упрямым и кровожадным.

Стр. 54. *Франклин* — то есть свободный владелец земли.

Стр. 55. *...гирлянда из дубовых листьев и лилий; первые означали спасение короля в дупле Королевского Дуба, вторые — его счастливое восстановление на престоле.* — Разбитый Кромвелем при Вустере, Карл II, до того как ему удалось бежать во Францию (15 октября 1651 г.), скитался по Шотландии. Однажды ему пришлось укрыться от преследователей в дупле большого дуба (близ Боскобея), который с тех пор назывался Королевским Дубом; лилии были в гербе Стюартов.

Стр. 56. *...«жены Амаликовой»* — то есть принадлежавшей к племени амалекитян, враждовавших с древними евреями; их название в библии стало синонимом зла.

Стр. 59. *Фруассар* Жан (1338—1410) — французский историк, автор «Хроники Франции, Англии, Шотландии и Испании с 1325 по 1400 г.».

...«возвыситься духом...» — цитата из элегии Джона Мильтона «Лисидас» (1638).

Стр. 61. *Стинго* — сорт крепкого пива.

Стр. 62. *Уильям С. Роуз* (1775—1843) — английский поэт, друг Вальтера Скотта.

Стр. 63. ...*бои и турниры между гранадскими сарацинами и испанцами под командованием короля Фердинанда и королевы Изабеллы во время... осады, закончившейся ниспровержением последних остатков империи мавров в Испании.* — В средневековой Европе сарацинами называли арабов, а затем вообще мусульман. Арагонский король Фердинанд Католик (1452—1516) и кастильская королева Изабелла (1474—1504) объединили (в 1479 г.) свои владения, превратив Испанию в одно из сильнейших государств тогдашней Европы. В 1481 г. была начата война против последнего владения мавров на Пиренейском полуострове — Гранадского эмирата, завершившаяся в 1492 г. взятием Гранады. Это был конец борьбы испанцев за освобождение от мавританского владычества (реконкисты).

...*достойной самого Абенсерага из Гранады.* — Абенсераг — представитель знатной мавританской семьи, известной своей враждой с родом Зеგრивов.

Стр. 69. ...*командовал мясник Гаррисон.* — Томас Гаррисон (1606—1660) — генерал парламентской армии, деятель английской революции, был сыном мясника из города Ньюкасла; принадлежал к левому крылу индепендентов, был членом суда над королем, позднее выступал против диктатуры Кромвеля. После реставрации Стюартов, как «цареубийца», был исключен из списка лиц, подлежащих амнистии, и казнен 13 октября 1660 г.

Стр. 71. *Не возлагайте надежд своих на властителей.* — Несколько измененная цитата из 145-го псалма Давида.

Стр. 72. ...*Блейк и Лоусон со своими плавучими крепостями...* — Блейк Роберт (1599—1657) — адмирал парламентского флота. Лоусон Джон (ум. 1665 г.) — адмирал; во время революции сражался на стороне парламента; отнесся враждебно к диктатуре Кромвеля и позднее примкнул к Карлу II.

Стр. 75. *Друиды* — жрецы древних кельтов, населявших Британию до англосаксонского завоевания (V в.); *скальды* — древние скандинавские певцы и слагатели песен о подвигах героев.

Стр. 77. ...*подобно грешной жене Ахава...* — По библейской легенде, Ахав, под влиянием своей жены Иезавели, стал идолопоклонником и воздвиг языческие алтари. Иудейский царь Инуи

приказал выбросить Иезавель из окна, и кони всадников растоптали ее.

Стр. 78. *«Да прольется кровь того, кто пролил кровь ближнего»* — цитата из Библии (Книга Бытия, 9).

Акт об амнистии. — 4 апреля 1660 г. Карл II перед своим возвращением опубликовал так называемую Бредскую декларацию, которая гарантировала амнистию участникам гражданской войны в Англии, свободу вероисповедания и т. д. После возвращения Стюартов эта декларация стала нарушаться.

Стр. 80. В эпиграфе цитата из пьесы Джона Флетчера (1579—1625) «Капитан», написанной в 1613 г. в сотрудничестве с другими авторами.

Стр. 81. *...старого Нола...* — то есть Оливера Кромвеля.

Стр. 85. *Тайный совет* возник в конце XII — начале XIII вв. и стал личным советом короля: занимался делами, которые решались без участия парламента, способствуя усилению абсолютистской власти. Особенно заметным его значение было при королеве Елизавете I. В 1649 г. он был упразднен. При реставрации Стюартов восстановлен, но с ограниченными полномочиями.

Ормонд Джеймс Батлер, герцог (1610—1688) — роялист; после казни Карла I примкнул к его сыну Карлу II; во время реставрации был заметной фигурой при дворе.

Канцлер — Энтони Эшли Купер, граф Шафтсбери (1621—1683), английский государственный деятель. При Карле II — канцлер казначейства (1661—1672), участник правящей камарильи, получившей название «министерство Кабал» (см. прим. к стр. 11). Во время папистского заговора Шафтсбери был одним из вдохновителей нападок на католиков; являлся сторонником прав на престол незаконного сына Карла II, герцога Монмута, и противником брата короля, герцога Йоркского (будущего короля Иакова II); в 1682 г. вынужден был бежать в Голландию; где и умер.

Гарри (Генри) Беннет, лорд Арлингтон (1618—1685) — политический деятель; во время революции сторонник короля; при реставрации Стюартов с 1661 г. занимал различные посты в министерствах и принадлежал к правящей группе «Кабал».

Стр. 86. *...принесли в переднике голову злодея, подобно Юдифи из святых апокрифов...* — Библейская героиня Юдифь отрубила голову вражескому полководцу Олоферну и тем самым спасла свой народ от гибели. Апокрифы — сочинения, изъятые

церковью из обрядов богослужения (к апокрифам относится и Книга Юдифи).

Стр. 87. *Уайтхолл* — королевский дворец в Лондоне, построенный в 1619—1621 гг. архитектором Иниго Джонсом в стиле итальянского ренессанса на месте прежней резиденции архиепископа Йоркского.

Герцог Ормонд. — См. прим. к стр. 85.

Сэр Мармадюк Лэнгдейл (1598?—1661) — военачальник, командовавший во время гражданской войны кавалерийскими отрядами короля.

Масгрейв Филип (1607—1678) — роялист, в гражданской войне сражался на стороне короля. После казни Карла I эмигрировал. Летом 1650 г. сопровождал Карла II в Шотландию и вместе с Лэнгдейлом помогал графу Дерби оборонять остров Мэн от войск парламента. Вернулся в Англию при протекторате и участвовал в нескольких роялистских заговорах.

Стр. 90. *...пыль из женевских плащей...* — Женева, где в течение многих лет Жан Кальвин был фактическим диктатором, стала центром кальвинизма.

...отнюдь не индипендент. — Индипенденты — политическая партия радикально настроенной английской буржуазии и нового дворянства, на которых опирался Кромвель в годы революции XVII в. Господство индипендентов установилось с возникновением республики в 1649 г.

Стр. 91. *«Смерть Артура»* — название романа Томаса Мэлори (ум. в 1470 г.), созданного на основе легенд так называемого Артуровского цикла. Издан типографом Кэкстоном в 1485 г.

Стр. 95. В эпиграфе цитата из исторической хроники Шекспира «Генрих IV» (ч. II, акт II, сц. 1).

Стр. 104. *Кларендон* Эдуард (1609—1674) — реакционный политический деятель, а также историк; с 1660 по 1667 г. — первый министр Карла II. Автор враждебной революции «Истории мятежа и гражданских войн в Англии», которая вышла в 1702—1704 гг. после смерти Кларендона.

Стр. 105. В эпиграфе цитата из поэмы Байрона «Чайльд Гарольд», песнь первая.

Стр. 107. *Эбигейл* — разбитная девушка-служанка (персонаж из пьесы Бомонта и Флетчера «Насмешливая леди»).

Стр. 109. *...торжеством князя тьмы, каковой приступает к возрождению базара суеты житейской...* — выражение из аллегорического произведения Джона Беньяна (1628—1688) «Путь палом-

ника». Позднее взято Теккереем как название романа «Ярмарка тщеславия».

...последователей Лода и Уильяма, изгнанных прежним парламентом... — Лод Уильям (1573—1645) — архиепископ Кентерберийский с 1633 г., преследовавший пуритан, сторонник абсолютизма Стюартов. Одним из первых актов Долгого парламента явился арест Лода, который был казнен в январе 1645 г. Уильямс Джон (1582—1650) — архиепископ Йоркский с 1641 г. В декабре 1641 г. был арестован по обвинению в государственной измене и в мае 1642 г. освобожден с обязательством не выезжать в Йоркшир, где находился король. Уильямс все же присоединился к королю, но затем перешел на сторону парламента.

Акт о единообразии. — Нарушая данные в Бредской декларации обязательства обеспечить свободу вероисповедания, правительство Карла II издало постановления, ограничивающие не только религиозную, но и политическую свободу лиц, не принадлежащих к государственной англиканской церкви. Важнейшим из этих постановлений был изданный в 1662 г. Акт о единообразии (или единоверии), требовавший от священников признания основ англиканской церкви и заявления, что они не будут выступать против короля. После этого около 2000 пресвитерианских священников покинули свои приходы.

Стр. 110. *...филины и бесы пустыни.* — Измененная цитата из библии (Книга пророка Исайи).

Стр. 114. *Диссиденты* — буквально — несогласные, сторонники учений, отступавших от догматов господствовавшей в Англии англиканской церкви.

Йомены — зажиточные крестьяне, составлявшие костяк парламентской армии.

Битва при Босуорте произошла 22 августа 1485 г. между армиями, возглавляемыми, с одной стороны, Ричардом III, с другой — графом Генрихом Ричмондом (из рода Тюдоров); Ричард III был убит, а победитель стал первым королем династии Тюдоров — Генрихом VII. Эта победа завершила феодальную войну Алой и Белой розы (1455—1485).

Стр. 117. *...без подписания англиканской церкви...* — Англиканская церковь возникла в результате Реформации, проведенной в Англии королем Генрихом VIII, когда церковь вышла из подчинения папе и главой ее стал король.

Стр. 119. *Майский шест.* — В средневековой Англии и при Тюдорах в праздник весны (1 мая) устраивались веселые про-

цессии с цветами и ветвями. Главным украшением праздника было дерево (обыкновенно береза), увешанное венками и лентами. В Лондоне и больших городах на площадях дерево устанавливалось на длительное время. В 1644 г. обряд был запрещен как идолопоклонство, но снова восстановлен в 1661 г.

Стр. 120. В эпиграфе цитата из пьесы «Король и не король», написанной в 1611 г. (напечатана в 1619 г.) Фрэнсисом Бомонтом (1584—1616) и Джоном Флетчером (1579—1625).

Стр. 122. *...остатки винограда Ефрема будут полезнее всего урожая Авиезера.* — По библейской легенде, военачальник израильтян Гедеон, возглавив племя Авиезера, разбил мадианитян. Преследовать побежденных врагов он поручил другому племени — ефремлянам, которые убили вождей мадианитян. Однако ефремляне были недовольны тем, что их призвали сражаться позднее, чем племя Авиезера. Гедеон на это ответил: «Не счастливее ли Ефрем, добывая виноград, нежели Авиезер, обирая?», то есть не больший ли успех был у преследовавших врага ефремлян, чем у тех, кто разбил его в сражении.

Дагон — по библии, главный бог филистимлян, противников древних евреев.

Ваал — один из главных богов древней Финикии, Сирии и Палестины, которому приносились человеческие жертвы.

Стр. 123. *...жить в шатрах нечестивых.* — В 83-м псалме Давида: «лучше быть у порога в доме божьем, нежели жить в шатрах нечестия».

.. когда господь повелел вранам кормить Илию, скрывавшегося у потока Хорафа... — Согласно библейской легенде, израильский пророк Илия предсказал засуху и голод, которые будут посланы в наказание за то, что Ахав под влиянием Иезавели (см. прим. к стр. 77) стал служить языческим богам. От преследования Ахава Илия скрывался у потока Хорафа, где по повелению бога вороны носили ему по утрам и вечерам хлеб и мясо.

Стр. 127. *Сердце же нечестивых жестоко* — цитата из библии (Книга притчей Соломоновых, XII, 10).

Стр. 130. *...подобно Анании и Сапфире, тайно лелеять какое-нибудь милое нам пристрастие...* — По легенде, рассказанной в «Деянии апостолов», Анания и его жена Сапфира, продав свое имущество для помощи апостолам, утаили часть вырученных денег; их обличил апостол Петр, и обманщики были поражены внезапной смертью.

Стр. 132. В эпиграфе цитата из «Антония и Клеопатры» Шекспира (акт I, сц. 5).

Стр. 133. *Новая Англия* — английская колония в Северной Америке (ныне штаты Массачусетс, Коннектикут, Род-Айленд, Мэн, Нью-Гемпшир и Вермонт), в которой сильны были протестантские эмигранты; там быстро развивались капиталистические отношения.

Стр. 138. *...вывел меня из земли египетской* — то есть освободил из подневольного состояния — по аналогии с библейским сказанием об исходе древних евреев из Египта, где они находились в рабстве.

Вейн Генри (1613—1662) — английский государственный деятель, участник революции, соратник Кромвеля; голосовал за казнь короля Карла I. Во время реставрации Стюартов был исключен из акта об амнистии и казнен.

...в жертву римскому Молоху... — Молох — бог солнца древней Финикии, Карфагена и Иудеи, которому приносились человеческие жертвы; имя Молоха стало синонимом жестокости.

Стр. 139. *Наследник английской короны* — известный *папист...* — Брат короля Карла II герцог Йоркский (впоследствии король Иаков II) был католиком.

Галлион Люций Анней (ум. в 65 г.) — римский проконсул в Ахайе (Греция), имя которого было у пуритан нарицательным для беспечного, равнодушного человека.

Стр. 140. *...грамоту комитета...* — то есть комитета по секвестрации (см. прим. к стр. 20).

Стр. 141. *Пасхальный агнец*. — Так Иоанн Креститель назвал в евангелии Христа — «вот агнец мира, который берет на себя грех мира» (от Иоанна, I, 29).

...жертвы, принесенные на гумне Орны, остановили чуму. — По библейской легенде, житель Иерусалима Орна Иевусянин во время чумы предложил царю Давиду свое гумно как место для жертвоприношения. Царь купил у Орны его владение, поставил там жертвенник и принес жертвы, после чего эпидемия прекратилась.

Стр. 145. *Заговор Веннера*. — Бочар Томас Веннер (ум. в 1661 г.) был одним из крайних сектантов и принадлежал к так называемым людям Пятой монархии (милленариям), которые считали, что после монархий ассирийской, персидской, греческой и римской наступит пятое царство Христа и его святых на ты-

саячу лет. Под религиозной оболочкой этих взглядов скрывались радикальные социальные идеи мелкобуржуазных масс. В 1661 г. Веннер и его единомышленники подняли восстание против Карла II, но были разбиты. Веннер и другие главаря заговора были казнены, а секта уничтожена.

Стр. 147. В эпиграфе цитата из английского поэта Уильяма Коллинза (1721—1759).

Стр. 148. *...эпитет, которым Гомер характеризует Агамемнона.* — В поэмах Гомера «Илиада» и «Одиссея» микенский царь Агамемнон, предводитель греков в Троянской войне, характеризуется как величавый, царственный муж, властитель мужей. В оригинале игра слов, так как «властитель мужей» и «властитель Мэна» по-английски звучат почти одинаково.

Стр. 149. *Семирамида* — легендарная царица Ассирии, историческим прототипом которой была ассирийская царица Шаммурамат (809—792 до н. э.). Образ Семирамиды стал синонимом могущественной властительницы.

Стр. 150. *Заведение Людовика...* — то есть созданный в 1680 г. Людовиком XIV театр, получивший название Французской Комедии.

Сэдли Чарлз (1639? — 1701) — поэт и острослов времен реставрации; известен своей распутной и скандальной жизнью.

Этеридж Джордж (1635?—1691) — драматург, автор комедий, шедших в театре герцога Бакингема; известен скандальными похождениями во время реставрации.

Гарри Джермин, граф Сент-Олбен (1600—1684) — политический деятель, приближенный королевы Генриетты Марии, супруги короля Карла I.

Монмут Джеймс Скотт, герцог (1649—1685) — незаконный сын Карла II от Люси Уолтер.

Гамильтон Элизабет, графиня де Граммон (1641—1708) — придворная дама при дворе Карла II, жена графа Филибера де Граммона, французского аристократа, жившего в Англии; славилась красотой (ее прозвали «Прекрасная Гамильтон») и умом; оставила интересные мемуары.

Герцогиня Ричмонд Фрэнсис Тереза Стюарт Леннокс (1647—1702) — фаворитка Карла II, была прозвана «Прекрасная Стюарт».

Роксалана — жена Александра Македонского в трагедии Натаниеля Ли (1653?—1692), «Царицы-соперницы, или Смерть Александра Великого».

Нелли Гвин (1650—1687) — английская актриса, фаворитка Карла II.

Леди Синтия — персонаж комедии Уильяма Конгрива (1670—1729) «Двоедушный» (1693).

Стр. 151. *Исаак Уолтон* (1593—1683) — автор книги «Искусный рыболов» (1653), написанной в форме беседы между рыбаком, охотником и птицеловом; в книге советы рыболову перемежаются стихами и песнями.

Стр. 158. В эпиграфе цитата из «Сна в летнюю ночь» Шекспира (акт I, сц. I).

Стр. 162. *Иродиада* — внучка Ирода Великого; с именем Иродиады связана легенда о смерти Иоанна Крестителя. Восхищенный танцем Саломеи (дочери Иродиады), царь дал обещание исполнить любое ее желание. Саломея по наущению матери потребовала голову Иоанна Крестителя, который ранее обличил Иродиаду в измене мужу.

Стр. 171. *Отвэй Томас* (1652—1685) — английский драматург.

Стр. 181. *Маданитянка* — представительница враждебного древним евреям племени, считавшегося потомками Мадяна, сына пророка Авраама.

...эдикт, данный в черный день святого Варфоломея... — Имеется в виду изданный при Карле II Акт о единообразии (см. прим. к стр. 109), на основе которого 24 августа 1662 г., в день святого Варфоломея, началось массовое изгнание из приходов пресвитерианских священников.

Стр. 188. *Нантский эдикт* был принят в 1598 г., при Генрихе IV; по нему католицизм признавался господствующей религией, но французским протестантам (гугенотам) предоставлялись свобода вероисповедания и широкие политические права (они могли занимать государственные должности, имели свои войска и т. д.). С укреплением абсолютизма права гугенотов постепенно урезывались, а в 1685 г. Нантский эдикт был отменен, и гугеноты подверглись суровым преследованиям, что привело к массовой их эмиграции из Франции.

...большого протестантского восстания, которое в то время возглавлял знаменитый Текели. — Текели Эмерик (Тёкён Имре, 1656—1705) — венгерский политический деятель; с 1678 г. возглавлял начавшееся в 1672 г. антиавстрийское восстание венгров и словаков. Оно может быть названо протестантским, поскольку было направлено против католической Австрии и в нем принимали участие протестантские круги. Повстанцы, пользуясь

поддержкой турецкого султана и короля Людовика XIV, заинтересованных в ослаблении габсбургской монархии, заняли часть Венгрии, и Текели провозгласил себя князем освобожденной территории. Австрийский император вынужден был пойти на уступки, и турки, воспользовавшись этим, продвинулись в глубь Австрии и в 1683 г. (вместе с Текели) осадили Вену, но были разбиты. Отступление турок отдало Венгрию на произвол Австрии, восстание было подавлено, и среди многих погибших был Текели.

Стр. 191. *...превратить в римлян тех, которые... остались бы сибаритами.* — Сибариты — жители греческой колонии на юге Италии — Сибариса (VII—VI вв. до н. э.), проводившие время в праздности и роскоши; иносказательно сибарит — изнеженный человек.

Мильтон Джон (1608—1674) — великий английский поэт и политический деятель времен революции; автор эпических поэм «Потерянный рай» и «Возвращенный рай», библейские образы которых воссоздают пафос революционной эпохи.

Стр. 192. *Филип* (индейское имя Метаномет, ок. 1639—1676) — вождь племени уампаног. В 1671 г. власти Плимутской колонии предложили этому племени сдать оружие. Филип пытался избежать войны, но когда в 1674 г. колонизаторы убили несколько сот индейцев, начал восстание, которое было жестоко подавлено, и 12 августа 1676 г. Филип был казнен, а его голова в течение двадцати пяти лет была выставлена в Плимуте на шесте.

Стр. 195. *...подобна песне... пророчицы, обитавшей под пальмой на пути между Рамою и Вефилем.* — Библейская пророчица и «судья Израиля» Девора «жила под пальмой Девориной, между Рамою и Вефилем». Легенда рассказывает, что Девора вдохновила израильского военачальника Варака, войско которого разбило врагов. После победы Девора прославляла песней подвиги сражавшихся за родной народ воинов.

Стр. 196. *Ричард Уолли.* — По-видимому, ошибка: членом трибунала, судившего короля, был Эдуард Уолли (ум. в 1675 г.), деятель английской революции, родственник Кромвеля.

Стр. 199. *Патриарх Иаков заплатил за свою возлюбленную Рахиль четырнадцатью годами тяжелого служения у ее отца Лавана...* — Согласно легенде, Иаков прослужил семь лет у Лавана, чтобы получить в жены его дочь Рахиль. Однако, когда срок службы закончился, Лаван отдал в жены Иакову не Рахиль, а свою старшую дочь Ревекку, и, чтобы получить Рахиль, Иакову пришлось поработать у Лавана еще семь лет.

Стр. 200. В эпиграфе цитата из поэмы Мильтона «Потерянный рай» (песнь II).

Стр. 201. ...*древняя была посвящена святому Патрику... новая — святому Жермену...* — Патрик (ок. 389—465) — основатель ирландской католической церкви и ее первый епископ; Жермен (Германус, ок. 378—448) — франкский епископ, дважды посетивший Британские острова с целью распространения христианства.

Рунические памятники — древнейшие германские письмены (от III до IX в.), вырезавшиеся на дереве, на металле или высеченные на камне.

Викинги — древние скандинавские морские разбойники, сочетавшие разбой с торговлей.

Гебридские племена — жители архипелага в Атлантическом океане, к северо-западу от Англии.

Норвежские воины — норвежцы и датчане (норманны), с конца VI в. совершали набеги на Англию; с 1017 по 1035 г. Англия входила в государство короля Канута, объединившего Англию, Норвегию и Данию.

Стр. 202. *Граф Уорик* Невил Ричард (1428—1471) — герцог Уорик и Солсбери; играл видную роль в феодальной войне Алой и Белой розы, был прозван «делателем королей».

...*Элеонора, надменная супруга доброго герцога Глостера.* — Имеется в виду Элеонора де Бохан (ум. в 1399 г.), последняя представительница феодального рода, владевшего Эссексом.

Стр. 203. *Тинвальд* — законодательное собрание острова Мэн.

...*подобно... доктрине Берджеса...* — По-видимому, имеется в виду пуританский священник Энтони Берджес, опубликовавший в 1646 г. сборник проповедей, а в 1648 г. — богословское сочинение «Истинная доктрина справедливости, защищенная и восстановленная».

Сент-Эвремон Шарль де (1613—1703) — видный французский писатель, автор философских антирелигиозных сочинений; славился остроумием в высших кругах французского общества XVII в.

Гамильтон Энтони (1646?—1740) — брат Элизабет Гамильтон (см. прим. к стр. 150), автор стихов, сатирических «Сказок», «Мемуаров графа Граммона».

Драйден Джон (1631—1700) — английский драматург.

Ли Натаниель (1653—1692) — английский драматург.

Стр. 204. ...*творений этой сумасшедшей старухи, герцогини Ньюкасл.* — Имеется в виду Маргарет Кэвендиш, герцогиня Нью-

касл (1624—1674), роялистка, писательница. Сборники ее пьес вышли в 1662 г. Сэмюел Пепис (1633—1703), английский мемуарист, назвал Маргарет Ньюкасл сумасшедшей и самовлюбленной женщиной.

Уоллер Эдмунд (1606—1687) — английский поэт; вначале роялист и противник парламента, затем автор панегирика Кромвелю и сторонник реставрации Стюартов.

Денэм Джон (1615—1669) — английский поэт, роялист; ему приписываются две сатиры, связанные с англо-голландской войной.

Стр. 205. *Лакрима кристи* (букв. «слезы Христа») — сорт итальянского вина; получил название по монастырю, где он вырабатывался, расположенному у подножия Везувия.

Стр. 208. *Пальмерин* — герой испанских рыцарских романов Пальмерин де Олива.

Стр. 209. ...заговора папистов... прочитал об этом листовку, составленную неким Оутсом... — См. прим. к стр. 11. Оутс (1649—1705) — англиканский священник, проживший некоторое время во Франции и Испании; там он сблизился с католическими кругами. Оутс послал Карлу II донос о якобы готовящемся грандиозном папистском заговоре. После неудачной попытки убедить непосредственно короля Оутс написал формальный донос о заговоре судье Эдмондсбери Годфри и принес ложную присягу. Противоречивые и фантастические показания Оутса положили начало преследованию католиков. По доносам Оутса было казнено 35 человек, а он, как «спаситель отечества», получил значительную пенсию. Однако вскоре после того, как в 1679 г. врач королевы Джордж Уэйкмен был оправдан судом, хотя против него свидетельствовал Оутс, положение последнего пошатнулось. Позднее у Оутса отняли данные ему звания и пенсию. В 1685 г. Оутс был обвинен в лжесвидетельстве и приговорен к бессрочному тюремному заключению, из которого его освободили во время государственного переворота 1688 г., свергнувшего династию Стюартов.

Стр. 210. ...буйство, как в тысяча шестьсот сорок втором году. — Речь идет о начавшейся в августе 1642 г. гражданской войне между королем и парламентом.

Стр. 216. ...господами Сноу, Шелли... — Речь идет о каллиграфах; Джордж Шелли (1666?—1736?) — автор ряда работ об искусстве письма.

Стр. 230. ...патриарх обрек сына своего на смерть... — По библейской легенде, бог повелел патриарху Аврааму принести в

жертву своего сына Исаака. Когда Авраам уже занес над сыном нож, бог остановил его. Жертвоприношение Авраама — символ беспрекословного повиновения воле провидения.

...крылатая может перенести речь твою... — несколько измененная цитата из библии (Екклезиаств, X).

Стр. 236. *...одарившее потомством незаконную связь короля, поразило бесплодием его супружеское ложе.* — Карл II был женат (с 1662 г.) на Екатерине Браганца, от которой у него не было потомства, но у короля было несколько внебрачных детей от его фавориток — актрис и придворных дам.

...его фанатического преемника — то есть герцога Йоркского, ревностного католика.

Стр. 238. *...которое избавит нас от сети ловца.* — Слова из псалма Давида (90, 3).

...предрассудки владеют твоим разумом, подобно стерегущему дом, которого упоминает писание. — Имеется в виду библейское пророчество о грядущих мрачных днях (Екклесиаств): «В тот день, когда задрожат стерегущие дом и согнутся мужи силы...»

Стр. 240. В эпиграфе цитата из баллады, опубликованной в «Памятниках древней английской поэзии» (1765), собранных Томасом Перси (1729—1811). В балладе рассказывается, как король Эстмир убил испанского мавра и тем избавил насильно помолвленную с ним девушку от необходимости выйти замуж за язычника.

Стр. 241. *...подобно нечестивым, бежали, когда никто за нами не гнался.* — Измененная библейская цитата из Книги притчей Соломоновых (28).

Стр. 246. *Заговор пятого ноября* — или пороховой заговор, готовился в 1605 г. католической оппозицией с целью убить короля Иакова I и членов парламента. Участники заговора Гай Фокс (1570—1606), Роберт Кэтсби, Томас Перси, Томас Уинтер, Джон Райт и другие заложили в подвалах здания парламента бочки с порохом. Заговор был раскрыт 5 ноября 1605 г.

Стр. 260. *Царствованье Иакова I* — то есть с 1603 по 1625 г.

Стр. 266. *Бен Джонсон* (1573—1637) — выдающийся английский драматург.

Стр. 271—272. *...церемониймейстера Черного Жезла.* — Звание это давал парламент лицам, отправляемым с каким-либо специальным поручением; их отличительным знаком был черный жезл, увенчанный золотой лентой.

Стр. 273. *Дейнджерфилд* Томас (1650?—1685) — авантюрист, один из лжесвидетелей по делу о католическом заговоре.

Пистоль — персонаж из произведений Шекспира «Виндзорские насмешницы», «Генрих IV» (часть II), «Генрих V»; хвастливый и наглый приятель Фальстафа.

Стр. 274. *Фестус* (Фест Порций) — римский прокуратор Иудеи, который, по евангельскому преданию, проявил беспристрастие, когда судил апостола Павла.

Стр. 280. *Чосер* Джеффри (1340—1400) — великий английский поэт, один из создателей английского литературного языка.

...лучше знаете *Каули* и *Уоллера*, нежели «источник чистоты английского языка» — *Каули* Абрахам (1618—1667) и *Уоллер* Эдмунд (1606—1687) — известные английские поэты периода реставрации Стюартов. Далее — намек на *Чосера*.

Арсит — фиванский рыцарь, упоминающийся в «Кентерберийских рассказах» Чосера. Это же имя встречается и в его произведении «Анелида и Арсит», у Джона Драйдена («Паламон и Арсит») и других писателей.

Стр. 281. *Кайюс* — персонаж из комедии Шекспира «Виндзорские насмешницы», врач-француз.

Стр. 289. *Панталоне* — персонаж народной итальянской комедии, обычно старик, постоянно попадающий впросак.

Эджхилл (в Уорикшире) — место первого сражения в гражданской войне (23 октября 1642 г.) между роялистами и парламентскими войсками под командованием лорда Эссекса.

Стр. 292. *Бедлоу* Уильям (1650—1680) — авантюрист и профессиональный лжесвидетель в католическом заговоре.

Стр. 295. ...*костра в Смитфилде*... — *Смитфилд* — район в Лондоне, когда-то место торговли скотом и гуляний; при королеве Марии Тюдор Кровавой (1553—1558) там на кострах сжигали еретиков.

...*убийства сэра Эдмондсбери Годфри*... — *Годфри Эдмондсбери* (1621—1678) — судья Уэстминстерского округа, которому Оутс и другие лжесвидетели адресовали свой донос о католическом заговоре. После этого Годфри опасался покушения на свою жизнь со стороны католиков. 12 октября 1678 г. он был убит при весьма таинственных обстоятельствах (заколот своей же шпагой и не ограблен). Пристрастно проведенное следствие позволило приписать убийство судьи католическим священникам, что привело к новому взрыву антикатолических преследований.

Стр. 298. ...ты ошибся так же, как бедняга Слендер: прозевал Анну Пейдж и привез к нам... верзилу почтальона. — Речь идет о персонажах из комедии Шекспира «Виндзорские насмешницы»: Слендер — провинциальный джентльмен и глупец, влюбленный в Анну Пейдж. Имеется в виду сцена из V акта.

Стр. 299. Беттертон Томас (1635—1710) — английский трагический актер и драматург.

...подобна голове брата Бейкона — время есть, время было, времени скоро не будет. — Слова из комедии Роберта Грина (1560?—1592) «Монах Бейкон и монах Бонгей». Бонгей сделал из меди голову, которая произносила приведенные слова.

Стр. 300. Рубака Мак-Куллок — вождь шотландского клана в Гэллоуэе, флотилия которого опустошила северные берега острова Мэн в ответ на набег одного из лордов Дерби (эпизод из феодальных распрей XVI в.).

Стр. 304. ...письмами Коулмена к духовнику французского короля. — Эдуард Коулмен (ок. 1650—1678) — приближенный герцога и герцогини Йоркских, от имени которых он вел переписку с папским нунцием в Брюсселе и с Францией, в частности — с духовником Людовика XIV Ла-Шезом. По доносу Оутса был обвинен в участии в католическом заговоре, осужден и казнен 3 декабря 1678 г.

Стр. 305. Тайберн — до 1783 г. место казней в Лондоне.

Стр. 320. Дон-Жуан Австрийский (1547—1578) — испанский генерал, незаконный сын императора Карла V Габсбурга и Барбары Бломберг; командовал соединенным испано-венецианским флотом, который разбил турок при Лепанто (у берегов Греции) 7 октября 1571 г. Таким образом, нелепым выглядит обвинение в доставке оружия для католического заговора по приказу человека, умершего за сто лет до этих событий.

Нейзби. — При Нейзби произошло решающее сражение гражданской войны, в котором королевские войска были разбиты (14 июня 1645 г.).

Сборник антифонов — то есть песен для антифонии — для двух хоров или — в евангелической церкви — для пастора и хора.

Повесть об Уленшпигеле. — Уленшпигель (Ойленшпигель) — герой немецких народных легенд. Текст первой повести о его похождениях появился в 1515 г. в Страсбурге. Повесть была переведена на ряд языков, в том числе на английский (в 1548—1560 гг.).

Стр. 325. *Язык... мал, но он навлекает большие беды.* — Слегка измененная фраза из псалма Давида.

Стр. 329. *Фарисеи* — приверженцы религиозного течения в Иудее (II—I вв. до н. э. и I—II вв. н. э.), боровшегося с христианством и потому получившего в евангелии резко отрицательную оценку. Отсюда, в переносном смысле, — ханжа, лицемер.

Филактерии — молитвенные ремни у евреев, соединенные с кожаными ящичками, в которых защиты библейские тексты.

Стр. 334. *Якобиты* — сторонники свергнутого в 1688 г. английского короля Иакова II Стюарта.

Стр. 335. *...он сравнивал гнусность служения Ваалу с порчей, изъязвившей римскую церковь* — то есть язычество приравнивал к католицизму.

Стр. 336. *Воанергес, Сын Грома, обличитель преступлений...* — Так в евангелии называли (за ревностную защиту христианства) Иакова и Иоанна, сыновей Зеведеевых.

Стр. 338. *Амалек* (Амалик) — внук Исава, родоначальник легендарного племени амалекитян, враждовавших с древними евреями.

Стр. 344. *...дня двадцать девятого мая...* — В этот день в 1660 г. состоялся торжественный въезд в Лондон возвратившегося из эмиграции Карла II и начался период реставрации Стюартов.

Стр. 345. *Марстон-Мур* расположен в Йоркшире; место сражения во время гражданской войны (2 июля 1644 г.), в котором парламентские войска под командованием Фэрфакса и Кромвеля разбили королевские войска принца Руперта.

Эджхилл — см. прим. к стр. 289.

Стр. 346. *Дербиширская Камилла.* — В поэме Вергилия «Энеида» Камилла — дочь царя вольсков, смелая охотница и воительница, которая погибла, сражаясь с героем Троянской войны Энеем.

Стр. 347. *Бармутский суд* — учрежденный при Эдуарде I (1272—1309) суд для разбора спорных дел в горной промышленности северного Дербишира.

Стр. 350. *...разбогатеть, как лорд Четсуорт...* — Уильям Кэвендиш, герцог Девонширский (ум. в 1626 г.), владелец дворца Четсуорт, где были собраны ценнейшие произведения искусства.

Стр. 357. *...действовали дружно, подобно враждующим сектам иудеев во время осады Иерусалима...* — Римляне (в 69—71 гг.)

осаждали Иерусалим. Перед лицом опасности враждовавшие секты объединились для борьбы с общим врагом.

Исчадия Велиала... — то есть нечестивые, от библейского наименования силы зла, нечестия; Велиал — синоним сатаны.

Стр. 367. *Граммон* Филибер (1621—1707) — представитель знатной французской фамилии, высланный в 1662 г. в Англию. В Лондоне женился на Элизабет Гамильтон (см. прим. к стр. 150); был одним из придворных Карла II; мемуары Граммона, рисующие быт эпохи, были записаны его шурином Энтони Гамильтоном (см. прим. к стр. 203).

Стр. 368. *Джордж Уэйкмен* (ум. в 1685 г.) — врач королевы Екатерины (жены Карла II), ревностный католик; был арестован (в 1678 г.) по делу о католическом заговоре (обвинялся в намерении отравить короля). В 1679 г. был оправдан.

Скрогз Уильям (1623?—1683) — судья, председательствовавший в процессах по делу о католическом заговоре и вынесший много обвинительных приговоров; почувствовав изменение обстановки, оправдал Уэйкмена (см. предыдущее прим.).

Старый Раули. — Так называли Карла II.

Рочестер Джон Уилмот (1647—1680) — английский поэт.

Стр. 369. *Герцогиня Портсмутская* — Луиза-Рене де Керуайль, герцогиня Портсмутская и Обиньи (1649—1734), представительница знатного бретонского рода, фаворитка Карла II (с 1671 г.). Во время католического заговора, как иностранка и католичка, была предметом всеобщих нападок. После смерти Карла II вернулась во Францию.

Стр. 370. *Чиффинч* Уильям (1602?—1688) — приближенный короля Карла II, участник ряда придворных интриг; был женат на Барбаре Нанн.

Стр. 373. *...роль святого Петра и вторым ключом отпущу...* — Один из учеников Христа, апостол Петр, изображается в виде старца с двумя ключами, якобы врученными ему Христом.

Стр. 374. *...роду Фернивал...* — Фернивалы — баронский род, наследница которого Мод Невил в 1404 г. вышла замуж за Джона Толбота Шрусбери (1388—1453), соединив титулы этих фамилий.

Стр. 381. *Комус* (Комос) — в греческой мифологии бог пиршеств.

Стр. 384. В эпитафии цитата из поэмы Джона Драйдена (1631—1700) «Авессалом и Ахитофель», написанной в защиту Стюартов и направленной против лидера оппозиции Шафтсбери,

который изображен под библейским именем Ахитофеля — коварного советника мятежного Авессалома (герцога Монмута).

Стр. 388. *...Кларенс... попросил чашу вина и был утоплен в бочке хереса.* — Герцог Кларенс (1449—1478) — английский принц, брат королей Эдуарда IV и Ричарда III; заподозренный в заговоре, был заключен в Тауэр, приговорен к смерти и, согласно легенде, утоплен в бочке с мальвазией. Этот сюжетный мотив использован Шекспиром в трагедии «Ричард III».

Стр. 389. *Араминта* — героиня комедии Уильяма Конгрива (1670—1729) «Старый холостяк».

Стр. 390. *Элкана Сеттл* (1648—1724) — английский поэт и драматург, автор ряда памфлетов, направленных, в частности, против Джона Драйдена.

Стр. 392. *...тесть Фэрфакс получил... остров и по глупости выпустил его из рук во время реставрации...* — Томас Фэрфакс (см. прим. к стр. 27) после взятия парламентскими войсками острова Мэн был сделан правителем острова, но во время реставрации граф Дерби (сын казненного наследственного владельца острова) получил его обратно. Дочь Фэрфакса Мэри с 1657 г. была замужем за герцогом Бакингомем.

Стр. 393. *Гарри Бенет* — см. прим. к стр. 85.

...Оутсом, Бедлоу и прочими членами... шайки свидетелей. — См. прим. к стр. 209 и 292.

Черным Томом — то есть Томасом Фэрфаксом (см. прим. к стр. 27).

Стр. 394. *Галльская волчица.* — Намек на французское происхождение фаворитки Карла II — герцогини Портсмутской.

Стр. 399. В эпиграфе цитата из «Венецианского купца» Шекспира (акт II, сц. 2).

Стр. 401. *...Юдифь... освободила Ветилуя; а красота Эсфири была спасением ее народа... ибо она склонила Артаксеркса к милости.* — Ветилуя — город, который осадил полководец Навуходоносора Олоферн, убитый впоследствии Юдифью (см. прим. к стр. 86); Эсфирь была женою царя Артаксеркса, в стране которого находился в плену еврейский народ. Царедворец Аман добился у царя приказа повесить родственника Эсфири Мордехая и истребить всех евреев. Однако Эсфирь умилила царя и спасла свой народ.

...более решительную Реформацию... — Пуритане считали Реформацию, проведенную Генрихом VIII, недостаточной и требовали дальнейших радикальных реформ.

Стр. 402. *Моавитянка* — представительница жившего в Палестине народа, враждовавшего с древними евреями.

Стр. 406. *Катилина* Луций (106—62 до н. э.) — политический деятель периода кризиса аристократической римской республики, организатор заговора, привлечший на свою сторону часть римского плебса. Заговор потерпел неудачу, и Катилина был убит. Известна отрицательная характеристика Катилины, данная его противником Цицероном.

Стр. 408. *Гвин, Дэвис, Робертс* — фаворитки Карла II: Нелли Гвин — см. прим. к стр. 150; Маргарет Дэвис — актриса; Джейн Робертс — дочь священника.

Стр. 413. В эпиграфе цитата из Джона Уолкота — английского поэта (1738—1819), автора сатир на Георга III; он писал под псевдонимом Питер Пиндар.

Стр. 414. ...*Барстоу (иезуиту, настоящее имя которого было Фенвик)*. — Джон Фенвик (1628—1679) — иезуит, арестованный по доносу во время папистского заговора. В 1679 г. вместе с четырьмя другими членами ордена иезуитов предстал перед судьей Скрогзом, который признал их (на основе лжесвидетельских показаний) виновными «в государственной измене, в организации покушения на жизнь короля, в намерении свергнуть правительство и уничтожить протестантскую религию» и приговорил всех к смерти. Они были казнены 20 июня 1679 г.

Джон Гонт, герцог Ланкастерский (1340—1399) — английский государственный деятель, четвертый сын короля Эдуарда III. Его жестокость дважды вызывала возмущение жителей Лондона, которые в 1377 г. атаковали дворец Савойю (тогда резиденция герцогов Ланкастерских); во время восстания Уота Тейлера в 1381 г. дворец Савойя был сожжен.

Стр. 416. *Ленотр* Андре (1613—1700) — французский архитектор и выдающийся планировщик парков. Во Франции участвовал в создании парков Версаля, Сен-Клу и других, в Англии (с 1662 г.) — Сент-Джеймского, Кенсингтонского и Гринвичского парков.

Стр. 424. *Уоллер* — см. прим. к стр. 204.

Стр. 430. *Сарабанда* — старинный испанский танец, в XVII в. ставший популярным во всей Европе.

Королева Мэб — в английском фольклоре королева фей. Образ королевы Мэб, как повелительницы снов, встречается у Шекспира в рассказе Меркуцио («Ромео и Джульетта», акт I, сц. 4),

Стр. 435. *Леди Поуис* Элизабет Сомерсет — с 1661 г. жена Уильяма Герберта, герцога Поуиса (1617—1696), который был арестован по делу о папистском заговоре. Позднее в Тауэр была отправлена и его жена, ревностная католичка. Ее освободили в 1680 г., а герцога Поуиса — только в 1684 г.

Стр. 436. *Грэшемский колледж* был построен на средства, завещанные английским купцом Томасом Грэшемом (1520—1579) и открыт в 1596 г. В колледже (с 1597 по 1768 г.) семь профессоров читали лекции по астрономии, геометрии, физике, праву, богословию, риторике и музыке. С 1660 г. в помещении колледжа заседало Королевское общество

Стр. 438. ...*окну... откуда его... отца повели на эшафот.* — Карл I 30 января 1649 г. прошел на эшафот непосредственно из окна дворца Уайтхолл.

Стр. 443. ...*похитить у нас царицу амазонок... оставил нам неутешную Ариадну.* — Герой греческой мифологии Тесей похитил царицу женщин-воительниц амазонок Антиопу. С помощью дочери критского царя Миноса Ариадны он убил чудовище Минотавра (получеловека-полубыка). Тесей увез Ариадну, но покинул ее, спящую, на острове Наксосе.

Стр. 444. В эпитафии цитата из поэмы «Тривия, или Искусство прогуливаться по лондонским улицам» (1716) английского поэта Джона Гея (1685—1732).

Стр. 447. *Ньюгет* — тюрьма, просуществовавшая до 1902 г.

Стр. 451. *Эльзас* (Альсатия) — район Лондона (между Темзой и Флит-стрит), обладавший с XIII в. привилегией предоставления убежища. Стал местом, где укрывались самые различные люди, и предметом постоянного беспокойства для властей. Привилегия Эльзаса была ликвидирована в 1697 г.

Стр. 454. «*Повествование о заговоре*». — Многие из лжесвидетелей (Оутс и другие) выпустили отдельными изданиями свои показания.

Стр. 455. ...*коллекции старинного оружия доктора Мейрика...* — Сэмюэл Мейрик (1783—1848), историк, собрал коллекцию оружия и, чтобы разместить ее, построил специальный особняк. В 1871 г. наследники Мейрика продали коллекцию государству.

Стр. 456. *Комментарии Кока к Литлону.* — Томас Литлтон (1407 или, по другим данным, 1422—1481) — английский юрист, автор известной работы о праве собственности («О владении»). Эту работу, написанную по-французски, перевел и снабдил комментариями английский юрист и политический деятель Эдуард

Кок (1552—1634). Этот труд, обычно называвшийся «Кок против Литлтона», долгое время считался авторитетом в области английского права собственности.

Стр. 459. *Джонсон* Сэмюел (1709—1784) — английский писатель, критик, журналист, лингвист.

Стр. 460. *Геракл*. — Герой греческого мифа Геракл связал свирепого стража царства мертвых трехголового пса Цербера и принес его царю Эврисфею.

Стр. 466. *Джефри Хадсон* (1619—1682) — английский карлик, был пажом королевы Генриетты Марии; во время гражданской войны — капитан королевских войск. Был арестован по делу папистского заговора и заключен в Ньюгет. Позднее — освобожден.

Генриетта Мария (1609—1666) — дочь французского короля Генриха IV, с 1625 г. — жена английского короля Карла I. Как католичка и француженка, вызывала подозрительность пуритан. В 1644 г. эмигрировала во Францию и возвратилась во время реставрации. В 1665 г. снова уехала во Францию, где и умерла.

Стр. 468. *Эванс* Уильям (ум. в 1632 г.) — английский великан (восьми футов роста), служивший привратником во дворце Карла I.

В эпиграфе цитата из «Илиады» Гомера, переведенной в 1715—1720 гг. английским поэтом Александром Попом; Тидей — греческий герой, участник войны против Фив, отличавшийся храбростью и необычайной свирепостью.

Стр. 471. ...*при Ньюбери, где... с принцем Рупертом... разгромили отряды... лондонской черни...* — У Ньюбери (южная Англия) во время гражданской войны произошли два столкновения между роялистами и войсками парламента — 20 сентября 1643 г. и 27 октября 1644 г. Имеется в виду первое сражение, когда лондонская милиция отразила натиск королевской кавалерии, которой командовал принц Руперт (см. прим. к стр. 19).

Стр. 472. *Piccolomini* — имя генерала времен Тридцатилетней войны Октавио Пикколомини, герцога Амальфи (1599—1656).

Стр. 474. ...*Бакингему, отцу теперешнего герцога...* — Джордж Вильерс, герцог Бакингом (1592—1628) — английский политический деятель и фаворит королей Иакова I и Карла I.

...*печь огненную Навуходоносора...* — По библейской легенде, вавилонский царь Навуходоносор приказал бросить в пылающую печь трех иудейских юношей за то, что они отказались поклониться языческому идолу; чудо спасло юношей, и они вышли из печи невредимыми.

Стр. 475. *...треск тернового хвороста под котлом.* — Слегка видоизмененная цитата из библии (Екклезиаст, VIII, 6).

Стр. 476. *...в бою при Раундуэй-Дауне* (Уайлтшир) во время гражданской войны (13 июля 1643 г.) роялисты разбили парламентскую армию генерала Уильяма Уоллера.

Стр. 478. *Розенкрейцеры* — члены тайного мистического общества, возникшего в XVII—XVIII в. в Германии, Нидерландах и других странах.

Кабала — средневековое мистическое учение, утверждавшее, что мироздание состоит из четырех стихий, которым соответствуют различные сверхъестественные существа — воздуха (силфы), земли (гномы), огня (саламандры) и воды (наяды).

Стр. 479. *«Комус»* — пьеса-маска Джона Мильтона (1608—1674).

Стр. 481. *Уиндзор* — город в Англии, близ Лондона; с XI в. там был королевский охотничий заповедник, с XIII в. стал строиться дворец-замок, летняя резиденция английских королей.

Святая Бригитта (ок. 1303—1373) — шведская монахиня, основавшая в 1370 г. монашеский орден. Канонизирована в 1391 г. папой Бонифацием I.

...печень рыбы, которую сжег Товит в доме Рагуила... — В библейской Книге Товита рассказывается о предстоящей женитьбе Товия, сына Товита, на дочери их друга Рагуила — Сарре. Семь женихов Сарры были умерщвлены влюбленным в нее демоном. Чтобы избежать этой участи, Товий, как научил его ангел Рафаил, внес в брачную комнату курильницу с печенью пойманной им рыбы. Этот запах изгнал демона. Скотт ошибочно называет имя Товита, а не его сына Товия.

Стр. 483. *Мадемуазель де Скюдери* Мадлен (1607—1701) — французская писательница, автор многотомных романов «Артамен, или Великий Кир» (10 т.). «Клелия, или Римская история» (10 т.) и др.

Каули — см. прим. к стр. 280.

Стр. 484. *...о горестях Артамена и Манданы...* — Имеются в виду герои романа Скюдери «Артамен, или Великий Кир»; Мандана — мать основателя древнеперсидского царства Кира (559—530 до н. э.).

Стр. 487. *...Гог и Магог... пали... от руки славного маленького рыцаря Коринея...* — Гог и Магог — два гиганта из легендарной британской истории, которые якобы являлись последними потом-

ками дочерей императора Диоклетиана, убивших своих мужей. Их победил и сбросил в море Кориней, спутник легендарного основателя Британии Брута. Об этом рассказано в хронике Джеффри Монмута (ок. 1100—1152) — «История королей Британии» (там Кориней — брат Гога и Магога), и в романе Спенсера «Королева фей». Гогом и Магогом назывались также гигантские статуи, стоявшие у дворца Гилдхолл в Лондоне, сгоревшие во время пожара 1666 г. и восстановленные в 1708 г.

Аскапарте (Аскапарт) — великан тридцати футов ростом, герой поэмы, а затем (XV—XVI вв.) рыцарского романа, которого победил храбрый рыцарь Бевис Гемптон (или Саутгемптон); Аскапарте и Бевис — герои тридцатитомной поэмы Драйтона (1563—1631) «Полиальбион» (1613—1622) — географически-мифологического описания «благословенного острова Британии».

Колбранд — легендарный гигант, побежденный Гаем, о чем рассказывает поэма XIV в. «Гай Уорик»; легенда повторена тем же Драйтоном в «Полиальбионе».

Великан Хоуэл. — В артуровском цикле легенд Хоуэл — герцог Британии и кузен короля Артура.

Райенс — герой артуровского цикла легенд и произведения Мэлори (см. прим. к стр. 91) «Смерть Артура». Райенс — король Северного Уэльса, Ирландии и многих островов — у одиннадцати побежденных им рыцарей и королей срезал бороды и украсил ими свой плащ. Он потребовал, чтобы король Артур также прислал ему бороду, угрожая в случае отказа силой овладеть ею. Однако когда Райенс появился во владениях короля Артура, он был схвачен рыцарями Бэлином и Беленом и приведен во дворец. Этот же сюжет встречается в одной из баллад, собранных Перси (см. прим. к стр. 240).

Стр. 490. *Разве... старость... щедрость спасли... лорда Стаффорда?* — Уильям Стаффорд (1614—1680) — один из пяти арестованных по доносу Оутса лордов. Был осужден по обвинению в государственной измене и обезглавлен 29 декабря 1680 г.

Помогли ли Коулмену его ученость... доверие предполагаемого наследника английской короны? — См. прим. к стр. 304.

...усилия... последователей сохранили жизнь Фенвику, Уитбреду... — Католические священники, иезуиты Фенвик (см. прим. к стр. 414) и Уитбред Томас, известный как Томас Харкурт (1618—1679), были по ложному доносу привлечены к суду по делу о папистском заговоре и казнены вместе с еще тремя иезуитами (Уорингом, Тэрнером и Гэвеном) 20 июня 1679 г.

Спасло ли низкое происхождение... Гроувза, Пикеринга... — Речь идет о жертвах ложных доносов во время папистского заговора, казненных 3 февраля 1679 г.

Стр. 491. *Аллен Рэмзи* (1686—1758) — шотландский поэт и собиратель фольклора, составитель сборника баллад и автор ряда стихотворений, написанных в подражание старинным балладам.

Стр. 498. *Скалы Силли* — группа небольших скалистых островов (около ста сорока) в Атлантическом океане, у берегов Корнуэлла.

Замок Кэрисбрук — старинный замок на острове Уайт; в течение четырнадцати месяцев служил тюрьмой для короля Карла I после его поражения в гражданской войне.

Смитфилд. — См. прим. к стр. 295.

Стр. 506. *Коридон* — имя пастуха в «Идиллиях» Феокрита и «Эклогах» Вергилия, ставшее обычным именем пастушка в пасторальной поэзии.

Стр. 507. *...твой Лаэрт... в тюрьме Флит...* — Лаэрт — отец Одиссея. Тюрьма Флит в Лондоне просуществовала преимущественно как долговая около восьмисот лет (до 1846 г.).

Стр. 509. *Филлида* — в греческой мифологии фракийская царица, невеста афинского царя Демофонта; когда ее жених не возвратился к назначенному сроку, покончила с собой; боги превратили ее в миндальное дерево, которое расцвело, когда вернувшийся Демофонт обнял его ствол.

...отрезать... нос, как сэру Джону Ковентри. — Джон Ковентри (ум. в 1682 г.) — роялист, который, выступая в парламенте, коснулся связей короля с актрисами Нелл Гвин и Маргарет Дэвис; группа гвардейцев во главе с Томасом Сэндисом изувечила Ковентри, после чего был принят акт, упомянутый в примечании автора.

Стр. 514. *...столько приключений, сколько невеста короля дель Гарбо у Боккаччо...* — В «Декамероне» Боккаччо (1313—1375) повествуется о дочери вавилонского короля Алатиели, обещанной в жены королю дель Гарбо. Корабль, на котором плыла невеста, погиб, и, прежде чем попасть к своему жениху, она пережила многочисленные любовные приключения, переходя от одного возлюбленного к другому.

Стр. 516. *Индамира* — пленная индийская царица, героиня трагедии Драйдена (1631—1700) «Ауренгзеб, или Великий Могол».

Дрокенсер — персонаж сатирической пьесы герцога Бакингема «Репетиция», забияка и хвастун; пародировался рыцарь Альмансор, герой трагедии Драйдена «Альмансор и Альмахил, или Завоевание Гранады» (1670).

Стр. 517. ...*как Самсон среди филистимлян, обрушил наш... замысел...* — Библейский богатырь Самсон, обращенный филистимлянами в раба, был прикован во время празднества к колоннам храма; когда филистимляне потребовали, чтобы Самсон забавлял их, он обрел снова свою титаническую силу и обрушил храм на головы врагов.

Стр. 520. Цитата из комедии Шекспира «Виндзорские насмешницы» (акт I, сц. 4); Пандар троянский — сводник, дядя Крессиды, персонаж пьесы Шекспира «Троил и Крессида».

«Повествование о заговоре» — см. прим. к стр. 454.

Стр. 522. ...*в поэме старого слепца из круглоголовых...* — то есть в поэме Мильтона, который ослеп в 1652 г.

Стр. 524. *Демуавр* Абрахам (1667—1754) — английский математик, бежавший из Франции после отмены Нантского эдикта в 1685 г.; друг Ньютона.

Стр. 526. ...*актрисы, чья красота имела несчастье привлечь внимание... графа Оксфордского.* — Обри де Вир, граф Оксфордский (1626—1703) — деятель времен реставрации Стюартов; он инсценировал бракосочетание со своей возлюбленной, актрисой (возможно, Элизабет Дэвенпорт), и имел от нее сына. Этот эпизод приводится как иллюстрация придворных нравов в мемуарах Граммона (см. прим. к стр. 203).

Стр. 529. *Доримонт* — персонаж из комедии английского драматурга Джорджа Этериджа (ок. 1635—1691) «Поклонник моды, или Сэр Фоплинг Флаттер» (1676); полагают, что прототипом героя был граф Рочестер.

Стр. 530. *Роксалана* — см. прим. к стр. 150.

Стр. 537. *Пафосская богиня* — Афродита (Венера); в городе Пафосе на острове Кипре существовал храм Афродиты.

Стр. 543. ...*вопреки Соломонову предостережению в душе прокляла короля.* — Цитата из библейской Книги премудрости Соломона: «хранитесь от бесполезного ропота и берегитесь от злобного языка, ибо и тайное слово не пройдет даром, а клеветующие уста убивают душу».

Стр. 544. *Король Артур* — легендарный король древней Британии, с именем которого связан цикл сказаний и рыцарских романов.

Стр. 545. ...*короля Генриха* ...«*Поле Золотого Сукна*»... — Английский король Генрих VIII (1509—1547) встретился на севере Франции с королем Франциском I (июнь 1520 г.); место свидания было названо «Поле Золотого Сукна» из-за роскоши, с какой оно было обставлено.

Анна Болейн (1507—1536) — вторая жена английского короля Генриха VIII, ради которой он развелся с Екатериной Арагонской. Это послужило поводом для разрыва с папством и начала английской Реформации, в результате которой три королевства — Англия, Шотландия и Уэльс — отпали от католицизма.

Стр. 546. *Уоррингтон* — город в Ланкашире, во время гражданской войны был на стороне роялистов и являлся одно время главной квартирой графа Дерби.

Стр. 549—550. *Знаменитый полковник Блад*. — См. прим. к стр. 11.

Стр. 550. ...*сказал, как Калибан в пьесе: «Жаль, что я этого не сделал»*. — Калибан — действующее лицо пьесы Шекспира «Буря» — получеловек-полузверь; цитата из акта I, сц. 2.

Стр. 551. ...*птицы богини Минервы*... — Священная птица богини мудрости Минервы (Афины) — сова; изображалась обычно сидящей у ног богини.

Стр. 552. *Оссори* Томас (1634—1680) — старший сын герцога Ормонда (см. прим. к стр. 85), политический деятель времен реставрации Стюартов.

Норт Фрэнсис, барон Гилфорт (1637—1685) — английский государственный деятель, главный судья по гражданским делам (с 1675 г.), лорд — хранитель большой печати (с 1682 г.).

В эпиграфе цитата из первой части поэмы Драйдена «Авесалом и Ахитофель».

Стр. 555. *Шантеклер* — петух, счастливо живший в курятнике со своими семью женами, герой трагикомической истории в «Кентерберийских рассказах» Чосера.

Стр. 556. *Бриарей* — в греческой мифологии сторукий великан.

Стр. 559. *Енакиты* — упоминающийся в Библии народ исполинов (потомков Енака).

Стр. 565. ...*голос леди Фэрфакс*... *во время суда над королем Карлом I*... — Анна Фэрфакс — жена Томаса Фэрфакса (см. прим. к стр. 27), который 6 января 1649 г. был утвержден одним из членов Верховного судебного трибунала, созданного для суда над королем. Многие пресвитериане уклонились от своих обязанностей, среди них был и Фэрфакс. Во время первого открытого заседания

суда, когда председатель назвал имя Фэрфакса, его жена, сидевшая, по обычаю того времени, в полумаске на галерее среди знатной публики, крикнула: «Он слишком умен, чтобы явиться сюда!»

Стр. 567. *Варфоломеевская ночь* — избиение гугенотов, организованное в Париже католиками в ночь на 24 августа 1572 г. (праздник святого Варфоломея).

Амариллида — имя пастушки, часто упоминающееся у Вергилия в «Буколиках» и «Георгиках».

Стр. 569. В эпиграфе цитата из «Кориолана» Шекспира (акт III, сц. 1).

Стр. 571. *Лэм Джон* (ум. в 1628 г.) — астролог, несколько раз привлекавшийся к суду по обвинению в занятиях магией. С 1623 г. связан с герцогом Бакингом (см. прим. к стр. 474). 18 июня 1628 г. Лэм стал жертвой самосуда лондонской толпы.

Стр. 575. *Клинка Бильбоа*. — Бильбоа (точнее Бильбао) — город в Испании, славившийся производством холодного оружия. ...*сорок первом и сорок втором*... — то есть в 1641 и 1642 гг.

Стр. 576. *Старый Железнобокий*. — Во время гражданской войны железнобокими за стойкость в бою были прозваны солдаты кавалерийского полка, созданного Кромвелем; прозвище затем распространилось на всю парламентскую армию.

Стр. 582. *Сторонники Пятой монархии* — см. прим. к стр. 145. У Скотта неточность: люди Пятой монархии появились уже после казни короля и потому не могли играть роль в его судьбе.

Стр. 583. ...*на головы правителей Ассирии и Моава*. — У пользовавшихся библейским лексиконом сектантов эти названия были бранными, поскольку с моавитянами евреи вели упорные войны, а Ассирия в 722 г. до н. э. уничтожила государство Израиль и создала угрозу соседней Иудее.

Веннер. — См. прим. к стр. 145.

Стр. 584. *Тофет* — долина близ Иерусалима, где некогда стояла статуя Молоха, которому приносились человеческие жертвы. Впоследствии там устроили свалку, куда бросали и тела тех, кто считался недостойным погребения.

Стр. 585. ...*отдавать... десятину тмина и мяты*... — В древней Иудее фарисеи (см. прим. к стр. 329) платили десятину (десятую часть урожая на содержание духовенства) с мяты, аниса и тмина, то есть незначительную часть своих доходов.

...*после сорока лет блужданий в пустыне Синайской*... — По библейской легенде, древние евреи, выйдя из Египта, где они

находились в рабстве, достигли обещанной земли — Палестины — после сорокалетнего блуждания по пустыне.

Стр. 586. *Саул среди пророков...* — По библейской легенде, пророк Самуил предсказал будущему царю израильского царства Саулу, что, возвращаясь в родной город, он встретит толпу пророков, смешавшись с которыми сам обретет дар пророчества; когда это исполнилось, изумленные соплеменники воскликнули: «Неужели и Саул среди пророков!»

Стр. 589. *Чарлз Сэдли* — см. прим. к стр. 150.

Стр. 591. *Саут* Роберт (1634—1716) — капеллан герцога Йоркского и придворный проповедник, профессор Оксфордского университета.

Этеридж — см. прим. к стр. 150.

Стр. 592. *...Анны, второй дочери герцога Йоркского...* — Имеется в виду будущая королева Англии Анна, правившая с 1702 по 1714 г.

Стр. 595. *...какое дьявол явил Макбету...* — Речь идет о видениях Макбета (акт V, сц. 1).

Стр. 596. *Книппердолинг* Бернгард (ок. 1490—1536) — видный анабаптист, один из руководителей Мюнстерской коммуны (1534—1535 гг.) — крупнейшего восстания плебейских масс Германии в XVI в. После изгнания сеньора-епископа и захвата власти анабаптистами стал бургомистром Мюнстера и ближайшим сподвижником руководителей коммуны Яна Матиса и Иоанна Лейденского. После падения города был казнен.

Октавиан, Лепид и Антоний... разделили... мир. — После гибели Цезаря члены так называемого второго триумvirата (43 до н. э.) получили в управление различные части Римской республики.

Амбарный заговор, или заговор Рай-Хаус, назван так по месту, где собирались произвести покушение на короля Карла II и его брата, герцога Йоркского. Раскрытие заговора дало повод для расправы с оппозицией и установления реакционного режима.

Стр. 597. *Магглтонианцы* — последователи Магглтона (1609—1698), английского портного, члена религиозной секты, объявившего себя провозвестником бога.

Стр. 604. *Персел* Генри (1658—1695) — известный английский музыкант и композитор.

Стр. 606. *Сегед Эфиопский.* — «Сегед, царь Эфиопский, и его стремление к счастью» — восточная философская повесть Сэмюэла Джонсона.

Стр. 607. *...хвостом кометы шестьдесят шестого года.* — У Скотта, очевидно, ошибка: большая комета появилась в апреле 1665 г., хвост ее был виден невооруженным глазом.

Стр. 623. В эпиграфе цитата из «Ричарда III» Шекспира (акт IV, сц. 2).

Стр. 624. *...о битве при Мариньяно...* — 13 сентября 1515 г. при Мариньяно (близ Милана) французские войска короля Франциска I разбили швейцарцев. В связи с этим возникло много пародийных песен, в которых побежденные швейцарцы изображались в комическом виде.

Стр. 637. В эпиграфе цитата из «Генриха V» Шекспира (акт II, сц. 2).

Стр. 640. *...в обществе Оугла, Мэнидака, Доусона...* — Речь идет об игроках, представителях «золотой молодежи».

Стр. 644. *...заговора «бочки с мукой»...* — Этот заговор назван так по месту, где якобы хранились компрометирующие протестантов документы.

Стр. 647. В эпиграфе цитата из комедии Шеридана «Критик, или Репетиция одной трагедии», которая приводится в несколько измененном виде (в пьесе Шеридана — «Именем королевы»).

М. РАБИНОВИЧ

ОГЛАВЛЕНИЕ

ПЕВЕРИД ЦИК

Введение	7
Глава I	15
Глава II	29
Глава III	35
Глава IV	41
Глава V	62
Глава VI	80
Глава VII	95
Глава VIII	105
Глава IX	120
Глава X	132
Глава XI	147
Глава XII	158
Глава XIII	171
Глава XIV	185
Глава XV	200
Глава XVI	215
Глава XVII	222
Глава XVIII	240
Глава XIX	256
Глава XX	266
Глава XXI	276
Глава XXII	296
Глава XXIII	306
Глава XXIV	328
Глава XXV	340
Глава XXVI	357
Глава XXVII	367
Глава XXVIII	384
Глава XXIX	399

Глава XXX	413
Глава XXXI	427
Глава XXXII	444
Глава XXXIII	460
Глава XXXIV	468
Глава XXXV	479
Глава XXXVI	491
Глава XXXVII	503
Глава XXXVIII	512
Глава XXXIX	525
Глава XL	540
Глава XLI	552
Глава XLII	569
Глава XLIII	577
Глава XLIV	588
Глава XLV	602
Глава XLVI	613
Глава XLVII	623
Глава XLVIII	637
Глава XLIX	647
Комментарии	661

М. И. Беккер переведены «Введение» и главы I—XXIII,
Н. Л. Емельяниковой — главы XXIV—XLIX.

ВАЛЬТЕР СКОТТ
Собрание сочинений, т. 14

Редактор Н. Толстая

Художник Б. Воронецкий   Художественный редактор Л. Чалова
Технический редактор Э. Марковская   Корректор В. Урес

Сдано в набор 18/III 1964 г. Подписано к печати 25/VI 1964 г. Бумага
84×108¹/₃₂. 22 печ. л.=36,08 усл. печ. л. Уч.-изд. л. 34,608. Тираж 300 000 экз.
Заказ № 868. Цена 1 р. 15 к.

Издательство «Художественная литература», Ленинградское отделение
Ленинград, Невский пр., 28

Ленинградская типография № 1 «Печатный Двор» имени А. М. Горького
«Главполиграфпрома» Государственного комитета Совета Министров СССР
по печати, Гатчинская, 26